

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Пасынки Вселенной

История будущего. Книга 2

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

•
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1

•
Не боюсь зла

•
Расширенная Вселенная

•
Пасынки Вселенной. История будущего. Книга 2

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Пасынки
Вселенной**

История будущего. Книга 2

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
THE FUTURE HISTORY, VOLUME 2
Copyright © 2010 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust.
ORPHANS OF THE SKY
Copyright © 1963 by the Robert A. and Virginia Heinlein Library Foundation
All rights reserved

Перевод с английского
И. Можейко, С. В. Голд, А. Тюрина, В. Ковалевского и Н. Штуцер,
К. Плешкова, Е. Беляевой и А. Митюшкина

Серийное оформление и оформление обложки
С. Шикина

Иллюстрация на обложке С. Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

© И. В. Можейко (наследник), перевод, 1967
© С. В. Голд, перевод, 2020
© А. В. Тюрин, перевод, 1993
© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники),
перевод, 1993
© К. П. Плешков, перевод, 2020
© Е. Н. Беляева, А. П. Митюшкин, перевод, 2003
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16880-0

Мои рассказы никогда не претендовали ни на проработанную историю будущего (относительно которого мне известно не больше, чем вам), ни на эпизоды длинного сериала (каждый из них полностью независим от остальных). Это всего лишь истории, которые должны развлекать, и написаны они ради того, чтобы в доме были всегда продукты.

Р. Э. Хайнлайн

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ДАТЫ	ИСТОРИИ	ПЕРСОНАЖИ	ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ
н. э. () — не рассказанные истории			
	<p>Линия жизни В скрюченном домишке «Да будет свет!»</p>	<p>Пинеро</p> <p>Мартин</p>	
	(Слово ребром)	<p>Дуглас</p> <p>Гейнс</p> <p>Блэкинсон</p>	
1975	<p>Дороги должны катиться Взрыв всегда возможен</p> <p>Человек, который продал Луну</p> <p>Далила и космический монтажник</p> <p>Космический извозчик</p> <p>Реквием</p> <p>Долгая вахта</p> <p>«Присаживайтесь, джентльмены!»</p> <p>Темные ямы Луны</p> <p>«Как здорово вернуться!»</p> <p>«...А еще мы выгуливаем собак»</p>	<p>Харпер</p> <p>Эрикссон</p> <p>Кинг</p> <p>Ленц</p> <p>Гарриман</p> <p>Макинтайр</p> <p>Каммингс</p>	<p>Солнечные панели Дугласа—Мартин</p> <p>Механизированные дороги</p> <p>Коммерческие ракетные рейсы</p>
2000	<p>Испытание космосом</p> <p>Зеленые холмы Земли (Ниче прицел!)</p> <p>Логика империи (Шелест его крыльев)</p> <p>(Затмение)</p>	<p>Уингейт</p> <p>Сэн Джонс</p> <p>«Кошелек»</p> <p>Райслинг</p> <p>Неения Скаддер</p>	<p>Солнечные панели Дугласа—Мартин</p> <p>Механизированные дороги</p> <p>Вертолеты</p> <p>Межпланетные перелеты</p>
2025	(Каменная подушка)		
2060	<p>«Если это будет продолжаться...»</p>	<p>Новак</p> <p>Джон Лайл</p> <p>Зеб Джонс</p> <p>Мастер Питер</p> <p>Магдалина</p> <p>Маккиннон</p> <p>Линалей Рэнделл</p> <p>Персефона</p> <p>«Доктор»</p> <p>Либби</p> <p>Маккой</p> <p>Родс</p> <p>Дойл</p> <p>Лазарус Лонг</p>	<p>Возобновление космических полетов (Преобразование полетов)</p> <p>Развитие психометрии и психодинамики</p> <p>Ограниченное использование телепатии</p> <p>Развитие субмолекулярной механики</p> <p>Уран-235, искусственные радиоактивные элементы</p> <p>Парагнатика</p>
2075	Ковентри		
2100	<p>Неудачник</p> <p>Вселенная (только пролог)</p>		
2125	Дети Мафусаила		
2600	<p>Вселенная</p> <p>Здравый смысл (Да Саро)</p>		

Для этой «окончательно пересмотренной версии» диаграммы к «Истории будущего» Хайнлайн сохранил лишь некоторые скорректированные даты, убрав все (кроме самых приближительных) отметки событий и пропустив при этом важные вехи на шкале времени. При этом он сгруппировал произведения так, чтобы по

Вторая версия «Истории будущего» (1967). Опубликовано на форзаце издания «The Past Through Tomorrow» (G. P. Putman's Sons, 1967)

ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ	СОЦИОЛОГИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
	БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ	Значительный технический прогресс в этот период сопровождается постепенным упадком нравов, целей и общественных институтов, завершаясь массовым психозом шестого десятилетия и междувластием
— Трансатлантические ракетные перелеты	Забастовка 1976 года «ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ» 1960–1970 Первая ракета на Луну 1978	За междувластием последовал период реконструкции. Финансовые предложения Вурхиса привели к временной экономической стабильности и возможности переориентации. Это закончилось открытием новых рубежей и возвращением к экономике XIX века
Ракетный транспорт между Северным и Южным полушариями	Основание Луна-Сити Акт о космической предосторожности Лунные корпорации Гарримана ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ 1970–2020 Революция в Литтл-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-австралийский аншлюс	
— Бактериофаг	Рост религиозного фанатизма «Новый крестовый поход» Восстание и независимость венецианских колонистов Религиозная диктатура в США	Краткий период межпланетного империализма завершился тремя революциями: в Антарктике, США и на Венере. Космические путешествия прекратились к 2072 году
Транспортные и боевые модули		
Коммерческая стереоптика		Период малого технического прогресса и ограничения исследований. Крайний пуританизм. Класс священников разрабатывает определенные моменты психодинамики и психометрии, психологии масс и контроля над обществом.
— Бустерные орудия		
Синтетическая пища	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	Восстановление гражданских свобод. Возрождение научных исследований. Возобновление космических полетов. Повторная закладка Луна-Сити. Наука социальных отношений, основанная на отрицании базовых утверждений семантики. Застой в эпистемологии. Ковенант.
Управление погодой		
Волновая механика		
Барьер		
Управление атомами Элементы 93–416 Парастатическая техника		Начало консолидации Солнечной системы.
Стабилизация коллоидов Исследования симбиоза Долголетие		Первая попытка межзвездных исследований Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и начало первой зрелой культуры.

возможности избежать их точной хронологии. Хайнлайн больше не пытался сохранить свою историю будущего как жизнеспособную ветвь от древа нашей общей реальности; теперь она позиционировалась как самодостаточная вымышленная концепция.

«ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...»

1

На посту было холодно. Я захлопал в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов — эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимание.

Был я тогда молод и не очень умен — свежееиспеченный ле-гат из Вест-Пойнта, один из гвардейцев Ангелов Господа, личной охраны Воплощенного Пророка. При рождении мать посвятила меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсом, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест-Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, традиционно ворчал на военную службу, но, уж если говорить честно, мне нравилась монашеская жизнь — в пять подъем, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологией толпы, обоснованием чудес¹. После обеда мы практиковались в стрельбе из вихревых пушек и бластеров, учились водить танки и укрепляли тело упражнениями.

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать Ангелом Господа, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за благочестие и неплохие по практическим

¹ В оригинале «basic miracles» — имеются в виду «основные чудеса»; в христианских текстах таким термином обозначают явление Христа, смерть, Воскресение, т. е. речь о канонических евангельских событиях.

дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в пресвятейший полк воинства Пророка — полк, в котором даже рядовые были в ранге офицеров и которым командовал Разящий Меч Пророка, маршал всех войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные Ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в ту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то что щит мой блестел как всегда, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест-Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политикой. Священники, диаконы, государственные министры, дворцовые функционеры — все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз «Non sibi, sed Dei» приобрел кислотаватый привкус.

Я и сам был не без греха. Хотя я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделием на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту — ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой, в семинарии, прежде чем попасть в Вест-Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и приходским отрядом Херувимов, в котором я командовал патрулем и усердно зарабатывал нагрудные значки всех видов — от ориентирования в лесу до чтения наизусть цитат из Писания. Если бы существовал знак отличия за успехи по части девушек... но такого знака, конечно же, не существовало.

В военном училище я попросту не видел женщин и мне не часто приходилось исповедоваться в дурных мыслях. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушение дьявола. Но Новый Иерусалим — не Вест-Пойнт, и Ангелам не запрещалось жениться, равно как не запрещалось вступать в смиренные и благопристойные отношения с женщинами. Правда, большинство моих товарищей не стремились вступать в брак, ибо женитьба вела к переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными священниками — но брак для нас не был под запретом.

Не запрещалось выходить замуж и мирским диакониссам, которые работали во Дворце и в Храме. Но чаще всего они были древними убогими созданиями, напоминавшими мне моих тетюшек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. Я перекидывался с ними парой слов, сталкиваясь в коридорах Дворца, — это было совершенно безопасно. Не увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Тогда, месяц назад, я стоял на посту на этом же самом месте. Я впервые дежурил возле апартаментов Пророка и, когда объявили назначение, очень волновался, но здесь, на посту, я был почти спокоен и бдительно дожидался обхода дежурного офицера.

Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звук шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, служительницы Пророка... Коротче, меня это не касается. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, заступающие на суточное дежурство, тянули жребий — кому выпадет честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, подошла к парапету, остановилась там и стала смотреть на звезды. Я мгновенно выхватил бластер, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это диаконисса.

Сначала я решил, что она — мирская диаконисса; могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной диакониссой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собралась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, *младший брат*».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

— Простите, старшая сестра, — сказал я. — Я не увидел в темноте.

— Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал, что нам не следовало говорить наедине: ее смертное тело было

посвящено Пророку, так же как душа — Господу, но я был молод и одинок, а она — молода и очень хороша собой.

— Вы прислуживаете его святейшему этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой:

— Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня.

— Должно быть, это великая честь — лично служить Пророку...

— Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не осчастливил меня.

Она добавила с горячностью:

— И я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.

Несмотря на то что диаконисса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

— Я уверен, что вы проявите себя с честью.

— Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробыла в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Олбани. В свою очередь я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от Стены Истины, где был воплощен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере, и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, как вдруг услышал, что мой хроно прозвенел четверть первого.

— Боже мой! — воскликнула сестра Юдифь. — Мне давно пора быть в келье. — Она бросилась бежать, но остановилась...

— Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

— Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства. И был чуть менее бдителен, чем обычно, когда дежурный офицер появлялся со своими обходами.

Пустяк, из-за которого обычно люди голову не теряют. Но трезвеннику хватит и одной рюмки. Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять-шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскалатор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить с ней. Другие встречи

были так же мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!» — и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не осмелился к ней подойти, но, по-моему, она меня заметила.

В «Храмовом вестнике» публиковалось расписание дежурств всех служб. Включая, разумеется, легатов и девственников. Я выходил на дежурство каждую пятую ночь, девственницы тянули жребий раз в неделю. Отсюда следует, что наши дежурства совпали снова через месяц с небольшим. Когда я увидел ее имя в списке, я поклонился себе, что заслужу честь охранять личные апартаменты Пророка. У меня не было никаких оснований думать, что Юдифь будет в ту ночь искать меня, но мое сердце подсказывало, что я ее увижу. Даже в Вест-Пойнте я не тратил столько ваксы и мела. В мою пряжку можно было глядеться, как в зеркало.

Пробило половину одиннадцатого, но Юдифь не появлялась, хотя я слышал, как ровно в десять девственницы строились в коридоре. Единственное, чего я добился, — сомнительной привилегии стоять на часах в самом холодном месте Дворца.

Не исключено, мрачно размышляя я, что она выходит пофлиртовать с часовым каждый раз, когда дежурит. Я с горечью вспомнил о том, что все женщины — сосуды греха и так было всегда с момента грехопадения. И кто я такой, в конце концов, чтобы именно меня она избрала своим другом? И вообще ночь слишком холодна, чтобы Юдифь выглянула из теплого Дворца.

Я услышал шаги, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Но оказалось, что это дежурный офицер, обходящий караулы. Я поднял пистолет и спросил, кто идет. В ответ послышался его голос:

— А какой сегодня пароль?

— Мир на Земле, — ответил я автоматически. И добавил: — Жуткая холодина, старший брат.

— Осень наступает, — согласился офицер. — Даже в Храме холод.

Он прошел близко от меня. Его пистолет и перевязь с парализующими бомбами позвякивали на ходу о его кирасу. Он был милый старикан и обычно всегда останавливался поболтать, но сейчас он, видно, торопился нырнуть в теплоту дежурки. Я же возвратился к своим грустным мыслям.

— Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

— Добрый вечер, сестра Юдифь.

— Ш-ш-ш! — прижала она палец к губам. — Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл. Это наконец произошло. На меня пал жребий!

Я сказал:

— А! — И потом добавил растерянно: — Поздравляю вас, старшая сестра, пусть волею Господа лицо Его воссияет от вашего святого служения.

— Да-да, спасибо, — ответила она быстро. — Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться. Мне нужно бежать.

— Вы лучше поспешите, — согласился я. Я был разочарован оттого, что она не может побыть со мной, но счастлив, что она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

— Да пребудет с вами Господь, — добавил я.

— Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали, — вымолвила она. Ее глаза блестели, и я решил, что это — радость. Но ее следующие слова поразили меня:

— Я боюсь, Джон Лайл.

— Что? Бойтесь? — Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом. — Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

— О, я надеюсь! Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я молился за нее и пытался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри Дворца Пророка не больше, чем корова знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифи.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри Дворца. Тут же слышался топот и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на кучку женщин, столпившихся у портала апартаментов Пророка. В этот момент двое или трое вынесли кого-то из портала. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

— В чем дело? — спросил я и вытащил из ножен меч.
Пожилая сестра повернулась ко мне:
— Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.
— Я слышал крик.
— Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда его святость потребовал ее служения.

— Кто она?
— Да вы, я посмотрю, любопытны, младший брат. — Пожилая сестра пожала плечами. — Если это вас так интересует — сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

— Позвольте мне помочь ей!

Я шагнул вперед. Она заступила мне дорогу:

— Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор Ангелы приводят в себя нервных девиц?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и нехотя вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифи. В свободные часы я обшаривал те части Дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна; может быть, ей запрещено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате, Зебадия Джонс, заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб был на три курса старше меня, и в Вест-Пойнте я был его «подопечным». Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

— Джонни, старина, ты на покойника стал похож. Что с тобой?

— А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

— Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустяках, пока мы не вышли на широкую террасу, окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Убедившись, что поблизости никого нет, он сказал:

— Давай выкладывай все.

— Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

— Почему бы и нет? Мы же друзья.

— Ты не поверишь. Ну... ты будешь в шоке, если я расскажу.

— Сомневаюсь. Последний раз такое со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о моем интересе к святой диакониссе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифи, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб небрежно кивнул головой и сказал:

— Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди ни в чем таком не повинился?

— Нет, — смущенно признался я.

— Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби — человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невинен... Если ты, конечно, невинен — но ты таков и есть, ты и сам это знаешь. Каждому порой приходят в голову греховные мысли. Но инквизитор же обязан отыскать грех, и, если его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, мой желудок ухнул куда-то вниз. Я старался не показать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

— Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и невинностью, но я им не завидую. Порой избыток набожности — скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

— Но... — начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь.

Я переменял тему разговора:

— Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

— А я откуда знаю? — Он взглянул на меня и отвернулся.

— Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во Дворце.

— Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

— Значит, ты все-таки *знаешь*?

— Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо:

— Зеб, все, что ты *знаешь*... или можешь догадываться... Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

— Спокойней! Ты только что боялся шокировать меня своим признанием. Возможно, сейчас я не хочу шокировать тебя.

— Что ты имеешь в виду? Говори!

— Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин снова тушеная говядина.

Все еще не уняв волнения, я двинулся дальше. Он продолжил, понизив голос:

— Джон, Господь Бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты ведь пока не изучал внутренних мистерий?

— Ты же *знаешь*, что нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю почему.

— Надо было дать тебе почитать пару глав оттуда, когда я их зубрил. Хотя я не мог этого сделать — ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... и все тщательно обосновывают с точки зрения диалектики религиозной теории. Джон, в чем, по-твоему, заключаются обязанности девственников?

— Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

— Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию, — молоденькая невинная девочка из провинции. И к тому же набожная, я знаю.

Я ответил (довольно сухо), что ее набожность меня и привлекла в первую очередь. Возможно, в этот момент я сам верил в то, что говорил.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его министров. Разговор о налогах и десятине, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул:

— Ты и в самом деле Божий агнец? Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже Ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и диаконах Дворца. Я помню, как...

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мятущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь все еще может считаться девственной в чисто физическом плане, так же как и в духовном. Она может таковой и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол, — а он, скорее всего, зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда ей ничего уж не оставалось, как понять, она слегка вышла из берегов, и он ее прогнал. Что неудивительно.

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб, — взмолился я, — это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили к продвинутому курсу. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь Бог ничему не дает пропасть даром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Заткнись. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен особой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. В этом вся суть. Подробности мы выясним при детальном изучении темы. А если Пророку приходится снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание Господа, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба, его

выводы прямо следовали из открытых догматов Церкви. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их, как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифью ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеб прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Но в голове крутилась мысль о том, что в глубине души я испытывал облегчение относительно судьбы Юдифи исключительно из-за того, что я смотрел на нее с греховными помыслами, и что правила для святых диаконисс не должны отличаться от правил для всех остальных, и от этих мыслей мне снова становилось не по себе.

Зеб внезапно остановился.

— Что это? — воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам Дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к воротам Святилища.

Зеб сказал сам себе:

— А, вот в чем дело — забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что оказался за стенами гетто после пяти. — Он присмотрелся и добавил, покачивая головой: — Не думаю, что он добежит.

Предсказание Зеба сбылось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он пронзительно закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, кроме кучи камней, из-под которой высывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся, борясь с тошнотой. Зеб заметил выражение моего лица.

— Ну почему, — спросил я, — эти парии упорствуют в своей ереси? В остальном они кажутся вполне безобидными созданиями.

Зеб поднял бровь:

— Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

— Но это же не истинный Бог.

— А он, может быть, думает иначе.

— Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Зеб улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

— Я тебя не понимаю. Хоть убей, не понимаю. Десять минут назад ты наставлял меня в истинном учении, теперь ты, похоже, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Он пожал плечами:

— Я могу выступить адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест-Пойнте. Когда-нибудь я стану знаменитым теологом, если Великий Инквизитор не доберется до меня раньше.

— Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно — побивать камнями нечестивых? Ты в самом деле так считаешь?

Он резко переменял тему:

— Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина в деревенской одежде, а не женщина или ребенок.

— Это был Снотти Фассет. — Губы Зеба сжались.

Я слишком хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и в первогодках я был его «подопечным». Хотел бы я забыть этот первый год.

— Так, значит, вот в чем дело, — ответил я медленно. — Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

— Конечно, и не агентом-provokатором, — согласился он. — И все-таки я полагаю, что Священному Совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

— Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какая-то организованная измена Пророку.

— Как тебе сказать... На западном побережье определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба — охранять Дворец.

2

Но нам не позволили об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: Дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы прямое попадание во-

дородной бомбы. Кроме того, человек, входящий во Дворец даже со стороны Храма, был бы проверен и узан десять раз, прежде чем достиг бы Ангелов, стоявших на страже вокруг собственной резиденции Пророка. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. По крайней мере, так это выглядело для меня. Сам-то я, наверное, опротивел бедному Зебу, беспрерывно говоря о Юдифи и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне.

— Послушай, мистер Тупица, — рывкнул он, и я вновь почувствовал себя первогодком. — Ты что, в нее влюбился?

Я попробовал уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит за рамки простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

— Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах. Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решил:

— Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это смертный грех, но ничего не могу поделать.

— Чепуха. Опять эти глупости, хотя что толку тебе объяснять... Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

— А?

— Чего ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

— Конечно хочу, — признался я наконец. — Но как я могу?

— Точно. Ты не можешь. Тебе нельзя жениться, не отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты, потому что уже *предназначена*. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не смог рассердиться на него толком за столь бесстыдное и греховное предложение. Он хотел, чтобы мне было лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

— Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

— Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

— Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.

Я оглянулся по сторонам и рискнул присесть на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер, капитан Питер ван Эйк, был слишком толст, чтобы обходить посты чаще чем раз за смену, так что я рискнул и присел. Я смертельно устал, потому что последнее время недосыпал.

— Прости.

— Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифи, не для сестры Юдифи.

Я знал, чего хочу для нас с Юдифью: маленькую ферму на сто шестьдесят гектаров вроде той, на которой я родился. Сви-
ньи, цыплята, босые ребятишки с веселыми измазанными физиономиями и улыбка Юдифи при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает фартуком пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы и церковной десятины.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

— Зеб, — продолжал я. — Чисто из любопытства. Но ты намекнул, что такие вещи... такие встречи происходят прямо во Дворце. Но как? Мы же все живем как под увеличительным стеклом. Это физически невозможно!

Он ухмыльнулся так цинично, что мне захотелось врезать ему по физиономии, но в его голосе не было усмешки:

— Хорошо, возьмем для примера твой случай...

— Об этом и речи быть не может!

— Я сказал «для примера». Сейчас все равно сестра Юдифь недостижима. Она заперта в своей келье.

— Она заперта? Ее *арестовали*?

В моем сознании пронеслись слова Зеба о допросах и инквизиторах.

— Не бойся. Она даже не под замком. Ей просто приказали не выходить из кельи, посадили на хлеб и воду и велели читать молитвы. А сами очищают ее душу и наставляют в духовных обязанностях. Когда она научится правильно смотреть на вещи, ей позволят снова тянуть жребий, и на этот раз она не станет

падать в обморок и изображать из себя великовозрастную ду-
рочку.

Я справился с первой реакцией на эти слова и заставил себя
размышлять спокойно.

— Нет! — сказал я. — Юдифь никогда не пойдет на это. Она
предпочтет остаться в келье навсегда.

— Вот как? А я бы не был столь уверен. Они могут быть
очень убедительными. Они будут молиться за ее душу круглые
сутки, сменяя друг друга. И давай допустим, что она узрит свет
истины, — просто чтобы я мог закончить свой рассказ.

— Зеб, откуда тебе все это известно?

— Шеол¹, парнишка! Ты забыл, что я трублю здесь уже три
года. Что же ты думаешь — за этот срок я ничего не увидел и не
услышал? Ты расписывался, начал канючить, мол, что они
с ней сделают? Так что мне ничего не оставалось, как спросить
у птичек. А птички мне поведали, что, после того как Юдифь
позволит себя просветить и станет хорошей девочкой, она смо-
жет совершить свое святое служение Пророку. После этого она
продолжит выходить на дежурство каждую неделю, и примерно
раз в месяц она будет вытягивать жребий на личное общение
с Пророком. И года не пройдет — если, конечно, Пророк не
отыщет в ее душе какой-нибудь особой небесной красоты, —
как они перестанут включать ее имя в жребий. Но тебе совсем
не надо ждать так долго, хотя это безопаснее.

— Все это отвратительно и постыдно!

— В самом деле? А я думаю, такая же система была у царя
Соломона — у него женщин было побольше, чем у Святого
Пророка. Итак, если тебе удастся достигнуть взаимного согла-
сия с девственницей, которая тебе понравилась, ваши отноше-
ния покатаются по накатанной дорожке. Сначала нужно подне-
сти подарок старшей сестре, затем такие подарки повторяются
сообразно обстоятельствам. Придется подмаслить кое-какие
ладошки, и я тебе подскажу, какие именно. Эта гигантская куча
кирпичей, которую мы охраняем, таит немыслимое число чер-
ных лестниц. Так что если соблюсти все обычаи должным обра-
зом, то я не вижу причины, почему каждой ночью, когда я буду
на часах, а ты будешь свободен от дежурства, согревать свою
постель чем-нибудь теплым и приятным.

¹ Шеол — преисподняя в иудаизме. — *Примеч. С. В. Голд.*

Я был готов взорваться и выразить возмущение его цинизмом, как вдруг мне в голову пришла мысль.

— Зеб, — сказал я, — скажи честно, ты издеваешься надо мной? В каждой комнате дворца есть Глаз и Ухо. И даже если я найду их и попытаюсь отключить, через три минуты в дверь постучатся офицеры безопасности.

— Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

— Не обращай внимания, — продолжал он. — Пойми, Джон, небольшие грешки — это не угроза для Церкви. Угроза — это измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу, и никто тебе и слова не скажет — если, конечно, не попадешься на чем-нибудь посерьезней. Вот тогда тебе пришьют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они *очень любят* вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался распутать у себя в голове эти аргументы и контраргументы, но сдался.

— Я ничего не понял из того, что ты сказал, Зеб. Все это не имеет отношения ни ко мне, ни к Юдифи. Но зато я понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

— Да... довольно смелое заявление.

— Я должен это сделать.

— Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку, — добавил он с сомнением в голосе.

Я схватил его за руку:

— В самом деле?

Он вздохнул:

— Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, какая романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что Юдифь вызвала немилость Пророка. Тебе вряд ли хочется угодить на суд военного трибунала.

— Я готов пойти и на это. Готов даже на пытки.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

— Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно быть коротким.

— Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

— Еще что-нибудь?

— Да. Скажи, что я — в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесть записку.

«Мне нужна Ваша помощь, — гласила записка, — и я очень вам благодарна. Можете ли Вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи, напечатана на обычном диктографе, какими пользовались во Дворце и за его стенами. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

— Пойдем подышим свежим воздухом. Я ободрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости Глаз и Ушей, он выругал меня тихо:

— Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, что ты нашел что-то в салфетке. Почему, во имя Господа, ты выскочил как ошпаренный? Потом, как будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда Господь Бог раздавал людям мозги?

Я пытался протестовать, но он оборвал меня:

— Забудь об этом. Я понимаю, что ты не желал сунуть обе наши шеи в петлю, но благие намерения как-то не греют, когда трибунал зачитывает тебе обвинение: первое условие любой интриги — вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному аналитику малейшее отступление от норм поведения. Надо было сидеть в столовой, как обычно, покрутиться там после обеда и спокойно обождать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира, — ответил я виновато. — Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так быстро. Жди здесь.

Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обменяй их и затем съешь настоящую записку, но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоём кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Что? Но это ведь тоже запрещено!

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник погрызет тебя немного, а потом вычтет пару дней из жалованья и выпишет пару нарядов вне очереди. Запомни на будущее, Джон: если тебя в чём-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка. Так уж человек устроен, грех этим не воспользоваться.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я переоделся к смотру. Ещё через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, сказал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

— Ты хороший парень, Джон Лайл, — сказал он. — Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала Дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре послышались легкие шаги, и в дверях появилась чья-то тень. Зеб приказал мне знаком остаться на посту и сам подошел к portalу. Он вернулся почти сразу и помаанил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне женщина, которая пряталась в тени. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Моя провожатая остановилась и толкнула меня к темному алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевид-

но, металлоискатель. Она поводила им в воздухе, вверх и вниз во все стороны, потом выключила и спрятала.

— Можете говорить, — сказала она тихо. — Здесь безопасно. И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

— Юдифь? — прошептал я.

— Да, — ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она славленно вскрикнула, руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями, порожденными нашим невежеством и нашей неестественной жизнью. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым собакам? Называйте это как хотите и смейтесь над нами, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать более разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда вытасила жребий, и заплакала. Я прижал ее к себе и сказал:

— Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

Она всхлипнула и сказала:

— Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Я... Он...

Я снова прижал ее к себе:

— Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... если мы не заберем тебя отсюда. Нет времени плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно проговорила:

— Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

— Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка

Юдифи была знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах, — там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее бы поймали в двадцать четыре часа. Никто не даст убежища сбежавшей девственнице. По неумолимому закону общей вины любой укрывший ее добрый самаритянин будет обвинен в том же преступлении, что и она, — в личной измене Пророку, и потому умрет той же смертью. Путь на север был по крайней мере короче, хотя означал то же самое: передвигаться ночью, прятаться днем, красть еду или голодать. Возле Олбани жила тетка Юдифи: Юдифь была уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способ перейти границу.

— Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом, — сказала Юдифь.

— Нам? — Должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор пока она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

— Ты хочешь отправить меня *одну*?

— Ну... я просто не думал о другом варианте.

— Нет!

— Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас — это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одного. Нет никакого смысла...

— Я не пойду одна!

Я спешно пытался все это обдумать. Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

— Ну хорошо. Сначала мы вытащим тебя, это сейчас важнее. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

— Без тебя я никуда не уйду.

— Но это же *необходимо*! Ведь Пророк...

— Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Две минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше риско-

вать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них равным счетом нет никакой логики. Я сказал:

— Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из Дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила прямо:

— Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признаться снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом, и как можно скорее, — ничего другого мне в голову не приходило.

Тогда Юдифь предложила:

— Джон, ты знаешь девственницу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, *возможно*, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор был прерван самой сестрой Магдалиной.

— Быстро! — шепнула она мне, заглянув в альков. — Назад на пост!

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом — вот старый дурак! — решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечях. Я помогал Зебу поддерживать беседу, изображая скучающего на посту часового, но на душе у меня скребли кошки.

Наконец он поднялся на ноги.

— Мне уж за сорок, — сказал он. — Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что мой глаз и рука так же быстры, как у вас, молодых. — Он поправил перевязь и добавил: — Думаю, надо обойти Дворец. Приходится быть бдительным в эти дни. Говорят, Каббала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик и направил его в коридор, где скрывались сестры.

Я замер. Если он начнет осматривать этот коридор, то, вне всякого сомнения, обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался Зеб. Он тихо и небрежно заметил:

— Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Это было слишком быстро для меня. Я не успел разглядеть.

Офицер схватил наживку:

— С удовольствием.

Они спустились по ступенькам и вышли на площадку, где было больше места.

— Вытащи меч, сын мой. *En garde!*¹ Так. Теперь скрещиваем мечи *et sixte*². Отрывайся и нападай на меня. Вот, сейчас! Замри в выпаде, и я покажу это медленно. В тот момент, когда острие приближается к моей груди... — (Ничего себе грудь! Капитан ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) — Я ловлю его основанием своего меча, отбиваю вниз и наношу ответный укол со второй позиции. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движения. Ты парень сильный и мог бы отбить или парировать удар. Но вместо этого, когда острие моего меча опускается, я отбиваю твой меч в сторону... — Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине. — И теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его, и они повторили немного быстрее. Офицер отступил на шаг. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз, чтобы его отработать. Они повторяли его, каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан действительно был хорош и был полностью уверен в своем мастерстве. Он не боялся, что оставит Зеба без глаза или позволит Зебу ранить себя. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог оторвать глаза от дуэли — это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к кордегардии. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

— Это было совсем недурно, Джонс, — задыхаясь, сказал он. — Ты хорошо схватываешь. — Он снова перевел дыхание

¹ Занять позицию, приготовиться (*фр.*). — *Примеч. С. В. Голд.*

² В шестой позиции (*фр.*). — *Примеч. С. В. Голд.*

и добавил: — Мое счастье, что настоящий бой длится не так долго. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам.

Он повернул к кордегардии, добавив весело:

— Господь вас хранит.

— Господь хранит и вас, сэр, — ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова стал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

— Он ушел, — успокоил их я. — Бояться пока нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала пока ничего не предпринимать.

— Я отвечаю за очищение Юдифи, — сказала она. — Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

— Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

— Не волнуйся, Джон, — мягко сказала она. — Вряд ли жребий выпадет на меня в первый же день. Нам нужно следовать ее советам...

Сестра Магдалина презрительно фыркнула:

— Ты совершенно не права, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди, можешь быть уверена... — Она внезапно замолчала и прислушалась. — Ш-ш-ш, замрите. — И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

— Джон, Мэгги, — раздался его напряженный шепот. — Что произошло?

— Мы поймали шпиона, Зеб, — сказал я быстро. — Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

— Ты вырубил его?

— Он не придет в себя, — ответил спокойный голос Магдалины из темноты. — Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

— Шеол!

— Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодарю Бога, что я не воспользовалась обычным ножом — а то весь пол был бы в крови. Но что нам теперь делать?

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

— Переверни его, Джон. Посмотрим, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

— Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли: «Его-то мы оплакивать не будем».

— Джон!

— Да, Зеб?

— Вернись на пост. Если кто-нибудь подойдет — я проверю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

— Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

— Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, мол, это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп под мышки, женщины за ноги — и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись, — может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется: мы просто сделали то, что должны были сделать, следуя обстоятельствам.

Зеб был краток:

— С этим покончено. Нас сменят через десять минут. Нам надо обо всем договориться раньше, чем появятся Ангелы... Ясно?

Наши предложения были до смешного непрактичны, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

— Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифи. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы — все четверо — окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

— Понятно, — сказал я.

— И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

— Тогда нам надо просить помощи. И есть только одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3

— Каббала? — повторил я тупо.

Юдифь ахнула от ужаса:

— Как же так... Это значит — продать наши бессмертные души! Они же поклоняются Сатане!

Зеб обернулся к ней:

— Я в это не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом:

— Вы — каббалист?

— Нет.

— Так откуда вы знаете?

— И как, — добавил я, — обратиться к ним за помощью?

Ответила Магдалина:

— Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магдалина продолжала:

— Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет выступить против Церкви. Но потом я узнала — как узнаешь ты, — что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить. — Она взяла девушку за руку. — Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. Мы и не выступаем против Бога. Мы сражаемся только с самозванным Пророком, который притворяется голосом Бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами — и мы тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при неверном слабом свете, пробивавшемся от портала.

— Ты можешь поклясться, что это правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против Господа нашего?

— Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

— Просвети меня, Господь, — прошептала она. — Я иду к Каббале.

Магдалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам:

— Ну?

Я ответил сразу:

— Если Юдифь согласна, то и я согласен. — И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить!»

Магдалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

— Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор переломает нам кости.

Больше мы это не обсуждали — не было возможности. На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор и кто похуже его, и услышал, как в ванной весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаскивают одеяло, даже когда я себя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку:

— Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы сделать пару кругов вокруг Дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за благочестие, если Ухо их уловило. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на запястье. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зеб от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной азбукой Морзе.

— Б-У-Д-Ь Е-С-Т-Е-С-Т-В-Е-Н-Н-Ы-М, — сказали мне точки и тире. — Н-Е П-О-К-А-З-Ы-В-А-Й У-Д-И-В-Л-Е-Н-И-Я Н-А-С В-Ы-З-О-В-У-Т Н-А П-Р-О-В-Е-Р-К-У В-О В-Р-Е-М-Я О-Т-Д-Ы-Х-А П-О-С-Л-Е О-Б-Е-Д-А.

Я надеюсь, что не выказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: Х-О-Р-О-Ш-О П-О-Н-Я-Л.

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, чего со мной не случилось с училища. Когда занятия

наконец закончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что Зеб, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк таймс».

— Джонни, агнец мой, — сказал он, обернувшись ко мне. — Подскажи мне, что это может значить — «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

— Тебе этого знать не надо, — проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

— Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

— Возможно — после десяти тысяч лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат в чине капитана. Он чихнул и прогудел в нос:

— Привет, ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым пунктуальным и набожным человеком в части. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба:

— Ничего не имеем против при условии, что мы заглянем в город. Мне надо кое-что купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зеб оборвал меня:

— Плюнь на свою бумажную волокиту! Я тебе помогу с ней вечером. Пошли.

И я пошел с ними, удивляясь, зачем Зеб на это согласился.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевидно, Зеб решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во Дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал: что-то брызнуло мне в глаза, — и я ослеп.

Раньше чем я успел вскрикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Однако мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла.казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки. Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:

— Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске, доспехах и с бластером, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

— Желаете ли вы заявить со всей ответственностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете свою службу этому ордену?

Каждый из нас ответил «да».

— Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли открытыми только рот и нос. Затем нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм — ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца в предплечье, и сразу, хоть я и не спал, все вокруг мне стало казаться нереальным. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного к спине слева и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Затем последовали вопросы, много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора:

— ...добровольно и в согласии со своей душой?

— ...согласно древним устоявшимся обычаям...

— ...человек, рожденный свободным, с хорошей репутацией и добрым поручительством.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел горячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Я все это слышал и знал, что на кону моя жизнь и достаточно одного слова, чтобы клинок холодной энергии пронзил мое сердце. И чувствовал, что чаша весов склоняется не в мою пользу. Затем в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне было все равно. Мне просто нравился ее голос — как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам

виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня из моего полубессознательного состояния к реальности, и я услышал низкий мощный голос, выводящий молитву:

— ...удостоить помощи твоей, Отец Всемогуший Вселенная... любовь, облегчения и правду к чести Святого Имени Твоего. Аминь.

И хор, ответивший ему:

— Да будет так!

Потом меня провели по комнате, по-прежнему не видящего, и мне задавали новые вопросы. На сей раз они носили символический характер, и за меня отвечал сопровождающий. Потом меня остановили и спросили, готов ли я принести торжественную клятву для принятия в Ложу, будучи уверенным, что она никоим образом не помешает мне исполнить свой долг перед Богом, перед собой, своей семьей, своей страной или ближним своим.

Я ответил: «Да».

Затем мне пришлось преклонить левое колено, взять в левую руку книгу, а правой возложить на нее некие инструменты.

Я думаю, клятвы и ритуала вокруг нее хватило бы, чтобы заморозить кровь в жилах у любого глупца, который попытался бы дать ее притворно. Потом меня спросили, чего я желаю более всего в своем нынешнем состоянии. И я ответил так, как меня учили:

— Света!

И шлем был снят с моей головы.

Не вижу смысла, да и не вправе я описывать оставшуюся часть их наставления меня в качестве новоиспеченного брата. Скажу только, что она была долгой и в ней была какая-то торжественная красота и не было никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространенные сплетни. Напротив, она была наполнена благоговением перед Богом, братской любовью и непорочностью. А еще она включала в себя обучение принципам древней и благородной профессии и разъясняла смысл и символическое значение ее рабочих инструментов.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда с меня сняли шлем, первым, кого я увидел, был стоящий передо мной капитан Питер ван Эйк, одетый по форме со всеми знаками разли-

чия и с выражением почти сверхчеловеческого достоинства на лице, наш толстый дежурный офицер — и *Мастер* этой Ложи!

Ритуал был долгим и оставил нам совсем мало времени. После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что старшие братья решили не принимать Юдифь в сестринский орден нашей Ложи прямо сейчас, но тем не менее ей окажут нужную помощь. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то немногое, что она знала, так что, если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас проводили новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший Дворец, был одним из нас. Громадное здание скрывало в себе ловушки, двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными старшими братьями. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Попытки впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище. Все, чему нас учили, требовалось знать назубок, а запомнить нужно было удивительно многое. Что, пожалуй, было очень кстати — учеба просто не оставила мне времени для беспокойства о других вещах. Потому что до нас не дошло даже слухов об исчезновении Снотти Фассета, и этот факт пугал куда больше, чем обычное официальное расследование.

Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о котором он не должен был каждый день рапортовать своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова, потому что кто-то из нас оказался под подозрением и ему велели за ним следить. А если так, тишина и покой означали, что начальник службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежеднев-

ные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу. И если весь наш полк был под подозрением, то за эти дни мы набрали себе совсем ненужных дополнительных баллов.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение оттого, что дни проходят в спокойствии, если бы этот факт не обсуждался с тревогой на заседаниях Ложи. Я даже не знал, как зовут Блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно Великому Инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои братья по Ложе, несмотря на почти невероятную осведомленность Каббалы о жизни Дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе службы безопасности: у нас не было ни одного человека в штате Блюстителя морали. Причина была простая. Каббала была столь же осторожна в оценке характера, *личности* и психологических особенностей потенциальных братьев, как и служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Я понимал, что в те дни, когда психологические измерения еще не стали математической наукой, налаженная система шпионажа могла рухнуть из-за какого-нибудь душевного потрясения у ключевой фигуры, — что ж, Блюстителя морали подобная угроза не тревожила: его люди *никогда* не страдали душевными потрясениями. А еще я понимал, что наше братство в первые дни своего становления, когда оно проходило очистку и закалку перед грядущими испытаниями, не раз омывало кровью неофитов полы комнат Ложи, — я не знал конкретных фактов, подобные записи уничтожаются.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем на собрание Ложи, а будем находиться в таких местах, где обязательно будем замечены, чтобы скомпенсировать наши подозрительные отлучки.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

— Этот антиквариат, наверное, попал сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последний номер «Тайм»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он повернулся ко мне:

— Джон, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился к уборной, но прошел мимо двери и через некоторое время я входил в помещение собраний Ложи. Зеб был уже там, а вместе с ним и несколько других братьев. Они окружили Мастера Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

— Вы посылали за мной, досточтимый Мастер?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

— Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, и мне хватает физической отваги, но удар по близким и любимым почти всегда достигает цели, потому что человек там наименее защищен.

— Инквизиция? — с трудом выговорил я.

Ее глаза были полны жалостью.

— Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с ней не удалось связаться.

— Предъявлены обвинения? — спросил Зеб.

— Официально — нет.

— Та-ак. Это скверно пахнет.

— И скверно, и хорошо, — не согласился с ним Мастер Питер. — Если это касается того, о чем мы думаем, то есть Фассета, и если бы у них были какие-то улики, указывающие на остальных, тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере, обычно они делают так.

— Ладно, что мы можем сделать? — спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

— Ты ничего не сможешь сделать, Джон. Тебе не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

— Но не можем же мы сидеть на заднице и ничего не делать?

Мастер Ложи сказал:

— Спокойно, сынок. Мэгги — единственная из всех нас, у кого есть доступ во внутренние покои дворца. Придется довериться ей.

Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

— Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним вернулись и продолжали «быть на виду», но, к моему облегчению, ван Эйк запретил:

— Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифи достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались здесь, в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет. Или пока не узнаем, что ее схватили, — добавил он задумчиво.

Я почти выкрикнул:

— Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

— Сынок, любой человек может выдать кого угодно на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите. Увидим.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистические мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

— Мастер, вы держите нас здесь, как наседка цыплят, а в то же время послали Мэгги сунуть голову в мышеловку. А что, если Юдифь уже сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул:

— Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но не беспокойтесь: они ее не арестуют — она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифи. Но Зеб возмутился:

— Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

— Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она — солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять тому, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые

имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться на сложной риторике. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь трижды постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

— Ну? — требовал я. — Ну?

— Спокойствие, Джон, — ответила она устало. — Я ее видела.

— Ну и как она? С ней все в порядке?

— Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее пока не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального, — может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но Мастер оборвал меня:

— Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

— Да так. — И Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания. — Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим старым знакомым. Мы договорились об обмене услугами.

Зеб хотел вмешаться, но Мастер крикнул:

— Молчать! — И затем добавил более резко: — Значит, Великий Инквизитор препоручил допрос другому и сам вести его не стал! Получается, что они не думают, что это связано с Каббалой?

Мэгги покачала головой:

— Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. В любом случае я просила дать ей передышку до завтра — под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони:

— Они не должны начать снова — мы не можем рисковать! Старший офицер, останьтесь. Остальные все идите. Кроме тебя, Мэгги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Мэгги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан выбрался наконец из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединился к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено стальным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Божьей-Милостью-Лапа-Медвежья, наполовину шотландец, наполовину чироки. Лапа учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем: мы редко разговаривали, и в этот вечер он был, как всегда, молчалив.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога.

— Не дергайся — идиот, — выстукивал он, — ты был избран — сегодня ночью во время твоего поста — детали позже — поешь и принимайся разговаривать — захвати клейкую ленту с собой на пост — шесть дюймов на фут — повтори.

Я кое-как отстучал подтверждение приема, продолжая делать вид, что ем.

4

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Лапы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне показалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и бодрым. Мы стояли на северном конце западного вала. Тут же находился один из входов во Дворец. Прошел час, и я уловил движение в темном дверном проеме. Я осторожно подошел ближе. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в темном коридоре.

Я подошел к Зебу:

— Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

— Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для электронного Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

В середине дежурства, когда пробьют часы, войдите во Дворец через дверь, из которой Вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два пролета. Пройдите еще пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственников. У дверей будет стоять часовый. Он не будет сопротивляться, но Вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая Вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Возможно, она будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру.

Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить Вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога.

Не глотайте записку — чернила ядовиты. Бросьте ее в желоб мусоросжигателя наверху лестницы.

Да пребудет с Вами Господь.

Зеб прочел записку через мое плечо.

— Все, что тебе понадобится, — мрачно сказал он, — так это способность творить чудеса. Боишься?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, думаю, нам лучше выполнять все, как приказано.

— Да, насколько я знаю нашего Мастера Ложи. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я буду прикрывать тыл.

— Правильно.

— Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я прислонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем — и всю остальную церемониальную чепуху, которую положено было носить, но

которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по темной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказался в той части Дворца, в которой до этого не бывал. Я передвигался в абсолютной темноте, надеясь только на правильность инструкции. Один пролет, второй... Я чуть не грохнулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где этот мусоропровод долбаный? Он должен находиться, как обычно, на уровне пояса наверху лестницы. Я лихорадочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и запор. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести стольких людей. Я уже было отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это был желоб мусоросжигателя? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку.

Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением выдернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов к северу коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел шагах в двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, на ощупь поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол, чтобы защититься от лучей.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу — видно, его задело осколком оболочки бомбы — сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать, и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственников был слабо освещен, только синие ночные лампы горели под потолком, но видно было достаточно. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не оставалось, как броситься к ней и зажать ей рот левой рукой, правой я ударил ее по шее ребром ладони — не смертельный удар, но и деликатничать у меня не было времени, она обмякла.

Сначала половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им, — и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник службы безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежащим без чувств часовым. Я нашел ключи на цепочке, обвязанной вокруг пояса, и поднялся, мысленно прося у нее прощения. Она была маленькая, будто ребенок, и показалась мне еще более беспомощной, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь — и моя любимая оказалась у меня на руках.

Сестра спала глубоким, тревожным сном, — наверное, ее накачали наркотиками. Она застонала, когда я ее поднял, но женщина не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семижды, если тот, кто виноват в этом, сможет прожить достаточно долго.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам? Если бы женщина не встала с постели, чтобы позаботиться о чем-то, о чем должна была позаботиться перед сном, меня бы вообще никто тут не увидел.

Но я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пробежал мимо лестницы, и мне пришлось возвращаться и нащупывать ее, потом ошупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из Дворца и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на руки капитана ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом Дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притавив мою амуницию.

— Одевайся! — прошипел он. — Тревога для всех! Ты должен быть на страже.

Он помог мне привязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копьё. Затем мы стали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители,

как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться с места, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Дежурный офицер пробежал мимо нас во Дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел назвать пароль. Потом мимо пробежали Ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал гореть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решился прошептать:

— Шеол! Что случилось? Ты все провалил?

— Да... нет... Я не знаю, — ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

— Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда ты на дежурстве.

— Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

— Я не имел в виду сегодняшнюю ночь, — сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к кордегардии, останавливаясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

5

Нас построили в зале и продержали по стойке смирно пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легатов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер выглядел разгневанным, точно так же как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих походов. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели

подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке смирно, как первогодка. Они хотели взять нас на выдержку. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я был бы уверен в своей непорочности и, естественно, унижен и оскорблен — ждать, как пария, в очереди за продовольственной карточкой и к тому же чтобы меня отчитали, как какого-нибудь кадета за пятно на рукаве!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие. Командующего я не любил никогда. Это был низенький человечек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров, вместо того чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, засунув пальцы за портупею.

— Помоги мне, Боже. И это Ангелы Господа! — произнес он мягко в полной тишине и затем выкрикнул: — Ну?

Никто не ответил.

— Молчите? — кричал он. — Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

— Лайл!

— Да, преподобный сэ.

— Что ты об этом знаешь?

— Я знаю только, что хотел бы присесть, преподобный сэ.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его заглялась холодная ирония:

— Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед Великим Инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он, похоже, сдался и приказал дежурному офицеру нас отпустить. Я понимал, что это не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку,

и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются и сравниваются с предыдущими образцами поведения аналитиками.

Зеб меня восхитил. Пока мы шли в казарму, он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох. Я старался отвечать ему естественно и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

— В конце концов, мы офицеры и джентльмены, — говорил я. — Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели и долго лежал без сна, снедаемый тревогой. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, иначе они бы не темнили. И так, измучавшись, я незаметно уснул.

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие Ложи.

— Тихо, — прошептал голос, которого я не узнал. — Я должен тебя предохранить.

Я почувствовал укол в руку. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

— Ничего особенного ночью во время дежурства ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос.

Второй раз я проснулся оттого, что кто-то грубо тряс меня. Я зарылся лицом в подушку и проворчал:

— Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня были направлены дула бластеров.

— Вставай! — приказал ближайший ко мне.

Они были в форме Ангелов, но без знаков различия. На лицах были черные маски с прорезями для глаз. По маскам я их узнал: служители Великого Инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в приходской школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция, конечно, была страшилкой, но страшилкой для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти маски, я с ужасом осознал, что я уже, считай, покойник, что пришло и мое время и что вот он, тот самый кошмар, от которого мне уже не проснуться.

Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным:

— Что вы здесь делаете?

— Вставай, — повторил безликий голос.

— Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный молча махнул в мою сторону стволом пистолета. Двое, что были с ним, схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

— Вы обязаны дать мне одеться, по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по Дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощника знаком:

— Ладно. Только быстро.

Я тянул время как мог, стараясь изобразить спешащего человека: заклинил молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды, нужной и ненужной. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава легли в положение, означающее у братьев Ложи знак бедствия. Затем я подобрал ненужную одежду и сделал вид, что хочу засунуть ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра бластером и сказал:

— Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутренние покои Дворца. Мы спустились на шесть пролетов вниз, оказавшись, по моим представлениям, на четвертом подземном уров-

не, и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

— Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим Инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

— Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но нашей Святой Церкви нужна некая информация. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты Господа? О, разумеется, боишься. Твое благочестие мне известно. Так что ты не откажешься помочь мне разобраться в маленьком деле, даже если из-за этого опоздаешь к завтраку. Все это к вящей славе Господней.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

— Подготовьте его. Только, ради бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но боли и в самом деле не причинили. Они вертели меня как нечто неживое и обращались со мной безразлично, как с механизмом, который требует определенных манипуляций. Они раздели меня до пояса, правую руку плотно обвязали резиновой полосой, на ладонях закрепили лентой электроды, вторую пару электродов поместили на запястья, третью — на висках, а на горло прикрепили миниатюрное зеркальце считывания пульса. Один из них подошел к панели управления на стене и что-то отрегулировал, а затем шелкнул переключателем и на противоположной стене замелькали образы, отражающие мое внутреннее состояние.

Маленький огонек плясал в такт с ударами моего сердца, волнистая линия на экране иконоскопа показывала рост и падение моего артериального давления, другая двигалась вслед за моим дыханием, были и другие, назначения которых я не понял. Я отвернулся и постарался припомнить таблицу натуральных логарифмов от одного до десяти.

— Понимаешь ли ты наши методы, сын мой? Эффективность и доброта — вот что их отличает. А теперь скажи... *Куда вы ее дели?*

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

— Кого?

— Зачем ты это сделал?

— Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Огоньки на стене дрогнули и сместились, и Инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не подействовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению; но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос Инквизитора. Я не помню, о чем он спрашивал, но наверняка я в ответ сказал первое, что пришло мне в голову.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце концов они вернули меня к реальности еще одним уколом. Инквизитор внимательно изучал небольшой синяк и пурпурную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

— Откуда это у тебя, мой мальчик?

— Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой:

— Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Позволь мне кое-что тебе объяснить. Вы, грешники, никогда не поймете, что в конце концов Господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с неотвратимостью падающего камня и с результатом, столь же неотвратимым.

Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки Господа, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам Господь, чтобы проникать в подсознание. Как правило, дальше этого допрос не идет — если только какой-то слуга Сатаны не побывал там раньше нас и не извратил священную скинию ума.

Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много достойного похвалы. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую во мраке каким-то другим

грешником, и то, что нужно мне — то, что нужно Церкви, сын мой, — скрывается за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость, или меня выдали огоньки на стене. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

— Никакая стена Сатаны не остановит Господа. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и не повредив разум упорствующего грешника. И я хотел бы, чтобы у меня было это время, поверь мне, потому что в глубине души ты хороший мальчик, Джон Лайл, и не принадлежишь к закоренелым грешникам.

Но хоть вечность длинна, наше время коротко. Есть второй путь. Мы можем игнорировать искусственный барьер в твоём подсознании и нанести прямой удар по сознанию, под знаменем Господа нашего.

Он отвернулся от меня и сказал:

— Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

— А теперь посмотри сюда, Джон Лайл. — Он указал на диаграмму на стене. — Без сомнения, тебе известно, что нервная система человека имеет отчасти электрическую природу. Здесь представлено схематическое изображение головного мозга, его нижняя часть — таламус, сверху его покрывает кора. Каждый сенсорный центр, как видишь, отмечен на схеме. Электродинамические характеристики твоего мозга были проанализированы. Мне печально об этом говорить, но сейчас мы вынуждены будем искусственно усилить твои обычные чувства.

Он повернулся к пульту, но затем снова посмотрел на меня.

— Кстати, Джон Лайл, — сказал Инквизитор. — Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники, чей опыт в богоугодном деле меньше, чем у моей скромной особы, порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты — заблудший ягненок, и моя цель — спасти тебя.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— Не благодари меня, благодари Господа, которому я служу. Однако, — продолжал он, слегка нахмурившись, — прошу

тебя учесть, что прямая атака на разум хоть и необходима, но неизбежно болезненна. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды:

— Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на дисплеи и добавил сухо:

— Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

— Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скорчилась в бесконечной судороге. Перехватило горло. Я задыхался от позывов тошноты. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение. Я согнулся пополам и никак не мог отдышаться.

— Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался все выше и выше, увеличивая тон и децибелы до тех пор, пока не превратился в визг тысячи тупых пил, скрип миллиона карандашей, скребущих по бумаге, а затем перерос в громовой скрежет, который разорвал зыбкую грань моего разума.

— Кто тебе помогал?!

Мучительный жар жег мою промежность. И я никуда не мог от него деться.

— Зачем ты это сделал?!

На меня обрушился нестерпимый зуд, я мечтал сорвать с себя кожу, но руки не повиновались мне. Зуд оказался хуже боли. Сейчас я был бы рад чувствовать боль.

— Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... холод... падение... свет и боль... холод и падение, тошнота и звук...

— Любишь ли ты Господа?..

Жгучая жара и ледяющий холод... боль, трешотки в голове, заставляющие кричать.

— Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то ударил меня по губам ладонью.

— Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я моргнул и ничего не ответил. Не было необходимости симулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить их. Зеб? Старина Зеб? Бедный старина Зеб! Неужели наши не успели обработать гипнозом и его тоже? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться просто под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я — вопреки его здравому смыслу. Я молился за его душу и молился, чтобы он простил меня.

Голова моя дернулась от новой пощечины.

— Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

— Выдал что? — пробормотал я.

Великий Инквизитор жестом приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

— Пожалуйста, сын мой, сделай это для Господа... и для меня. Ты вел себя храбро, пытаясь защитить своих братьев-грешников от плодов их глупости... Но они предали тебя, и твоя смелость и упорство более не значат ничего. Но не надо уходить на тот свет с такой тяжестью на душе. Исповедуйся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного от грехов твоих.

— Так вы хотите убить меня?

Он выглядел чуточку раздраженным:

— Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься. Но тебе следует бояться встречи с Создателем, твоя душа отягощена грехами. Открой наконец свое сердце, сознайся.

— Ваше преосвященство, мне не в чем сознаваться.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом приказал:

— Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Я не хочу выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел в виду под механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы Инквизитора немногим отличались от методов, которые использовали в Средние века и даже в более позднее время, — за исключением того, что его знания о нервной системе были несравнимо выше, а знания психологии человеческого поведения позволяли выполнять его работу с большим искусством. Кроме того, сам Инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность.

Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Должно быть, я не один раз терял сознание, потому что самые ясные мои воспоминания — о том, как поток ледяной воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

А однажды, очнувшись в полубреду, я услышал голос:

— Он может выдержать больше. У него сильное сердце.

...Я был мертв какое-то время. И это было приятно. Но наконец очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но внезапная боль меня остановила. Я открыл глаза и огляделся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон, но она не выглядела мрачной. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры быстро подошла ко мне и пощупала пульс.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответила она. — Как мы себя чувствуем? Лучше?

— Что случилось? — спросил я. — Все кончилось? Или это только перерыв?

— Тихо, — сказала она. — Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы в безопасности среди братьев.

— Меня спасли?

— Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиток. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Лазарет, в котором я очнулся, был частью подвальных помещений второго уровня под фундаментом универмага в Новом Иерусалиме. Отсюда к комнате Ложи под Дворцом вел подземный ход, но где он проходил и как в него попасть — я не знал. Я никогда в нем не был — в сознательном состоянии, я имею в виду.

Зеб пришел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

— Зеб! Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв!

— Кто? Я? — Он наклонился надо мной и похлопал меня по руке. — С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах Инквизитора. Он покачал головой:

— Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе, дружище. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер в виде знака, они сцапали бы нас обоих и никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я напрямик направился в комнату ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в комнате Ложки и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мои мысли уже переключились на более важный предмет.

— Зеб, где Юдифь? Ты можешь ее найти и привести сюда? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

— Разве тебе не сказали?

— Не сказали *что*? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

— О, все в порядке! Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался:

— Уехала? Это нечестно! Почему она не подождала пару дней, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

— Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены, что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что братья ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменял тему:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно.

— Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

— А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

— Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

— Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

— Более или менее. Пока стану писать левой рукой.

— Во всяком случае, мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастеришко, который пытал Юдифь, немножко умер во время операции по твоему спасению.

— В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

— Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе пришлось бы стать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

— Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его грызть ногти.

— Грызть ногти? — Зеб удивился.

— Пока он не отгрыз бы их до локтей. Понимаешь?

— Да, — усмехнулся Зеб криво. — Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

— Ну тогда ему дьявольски повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался? Или вы все слишком торопились, чтобы отвлекаться на менее важные вещи?

— Я? Да я даже не участвовал в твоём спасении. Меня к тому времени уже не было во Дворце.

— Как так?

— Не думаешь ли ты, что я все еще исполняю обязанности Ангела?

— Об этом я как-то не подумал.

— Естественно, я не мог вернуться после того, как скрылся от ареста. Пришлось покончить со службой. Да, мой дорогой друг, теперь мы оба дезертиры из армии Соединенных Штатов — и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

6

Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Конечно, из-за влюбленности в Юдифь и внезапных событий, которые обрушились на меня вследствие нашей встречи, у меня не было времени спокойно все обдумать. Нельзя сказать, что я порвал с Церковью в результате философского умозаключения.

Конечно, умом я понимал, что вступить в Каббалу значило порвать все старые связи, но эмоциональных последствий этого я пока не ощущал. А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира? Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Я поднял голову. Зеб смотрел на меня испытующе:

— Коленки не дрожат?

— Нет. Просто... пока не привык. Все слишком быстро закрутилось.

— Понимаю. Нам придется забыть о пенсии, и теперь не важно, какими по счету мы были в Вест-Пойнте.

Он снял с пальца кольцо Академии, подкинул его в воздух, поймал, а потом сунул в карман.

— Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше не слышать весь этот компост: «Стройся! Равнение на середину!» или «Часовой, доложите обстановку!» Как бы то ни было, братья пошлют нас туда, где мы лучше всех, а умение сражаться тут действительно имеет значение.

Питер ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня:

— Тебе лучше, сынок?

— Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

— Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше. — Он помолчал, пожевал губами и добавил: — Но, сынок, я ума не приложу, что мне с тобой делать.

— Что, сэр?

— Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в орден: военное командование не должно заниматься сердечными делами. Такие дела нарушают привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того, как мы тебя приняли, нам дважды пришлось

впутаться в такие авантюры, которых с чисто военной точки зрения и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

— Не вспыхивай, как девушка, — сказал капитан. — Ведь с точки зрения боевого духа братьев нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема — что делать с тобой? Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за идеалы свободы и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

— Мастер, может быть, я и не первый умник, и, видит Боже, мне никогда не приходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул:

— Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном.

— Кем?

— Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень вдохновляет. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Скажи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

— Я не успел специализироваться, сэр.

— Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

— У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

— К сожалению, у нас нет артиллерии. Я мог бы позаимствовать технического специалиста в отделе морального духа и пропаганды, но если нет — значит нет.

— Зеб был в нашем выпуске первым по психологии толпы, Мастер. Начальник Академии уговаривал его перевестись в Духовную академию.

— Я знаю об этом, и мы постараемся использовать Зеба, но не здесь и не сейчас. Он слишком увлекся сестрой Магдалиной, а я не люблю, когда парочки работают вместе. В критической

ситуации это может плохо отразиться на их суждениях. Теперь о тебе. Как ты думаешь, а не получился бы из тебя хороший убийца?

Он задал этот вопрос серьезно, но как-то походя. Я с трудом поверил собственным ушам. Меня всегда учили — и я принимал это за аксиому, — что убийство — один из страшных грехов, подобный кровосмешению или богохульству... Я еле заставил себя произнести:

— А братья прибегают... к *убийству*?

— А почему нет? — Ван Эйк не спускал с меня взгляда. — Мне интересно, Джон, ты убил бы Великого Инквизитора, если бы тебе представился такой шанс?

— Разумеется! Но я бы хотел это сделать в честном поединке.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь дадут тебе шанс на честный поединок? А теперь давай вернемся в тот день, когда Инквизитор арестовал сестру Юдифь. Представь себе, что у тебя была бы единственная возможность выручить ее — убить Инквизитора ножом в спину или отравить его. Что бы ты сделал?

Я ответил не колеблясь:

— Я бы его убил!

— И тебе было бы стыдно, ты бы раскаивался?

— Никогда!

— Видишь, как ты заговорил! А ведь он лишь один из многих мерзавцев. Запомни: человек, который ест мясо, не имеет морального права презирать мясника. Каждый епископ, каждый министр, любой человек, которому выгодна тирания, вплоть до самого Пророка, — прямой соучастник всех преступлений, которые совершает инквизиция. Человек, который покрывает грех, потому что это ему выгодно, такой же грешник, как тот, кто этот грех совершил первым. Осознаешь ли ты эту связь?

Может показаться странным, но я все это понял сразу. В конце концов, последние слова мастера не противоречили тому, что говорилось в Писании. Правда, меня поразило такое его применение.

Мастер Питер продолжал:

— Но учти — мы неприемлем возмездия. Возмездие — прерогатива Господа. Я никогда не пошлю *тебя* убить Инквизитора, ибо это стало бы искушением для тебя лично. Мы не соблазняем человека грехом как приманкой. Но мы ведем войну. Она

уже началась. В этой войне мы проводим различного рода операции. Например, мы знаем, что ликвидация вражеского командира в бою важнее, чем разгром целого полка. Так что мы можем отыскать ключевого человека и убрать его. В одной епархии епископ может быть именно такого рода командиром. В соседней он просто марионетка, которую поддерживает система. Мы убьем первого, но поможем второму сохранить свое место. Мы должны постепенно лишить их лучших мозгов. Поэтому я спрашиваю, — тут он склонился совсем близко ко мне, — хочешь ли ты быть одним из тех, кто охотится за их командирами? Эти операции для нас крайне важны.

Мне вдруг подумалось, что в последнее время всегда находится кто-то, кто подсовывает мне неприятные факты и заставляет их признавать, тогда как обыкновенные люди всю жизнь занимаются тем, что обходят неприятности, избегают их. По зубам ли мне такое задание? Могу ли я отказаться от него? Как мне показалось, Мастер Питер дал понять, что убийцы набирают из добровольцев, — а если я откажусь, легко ли мне будет сознавать, что кто-то другой должен исполнять самую тяжелую работу, а я хочу остаться чистеньким?

Мастер Питер был прав: человек, который покупает мясо, не имеет права презирать мясника — он ему кровный брат... Но тут работала не мораль, а безразличность... Сколько есть людей, которые ратуют за смертную казнь, но они ужаснутся, если им самим предложат накидывать петлю или поднимать топор. А разве мало тех, кто считает войну неизбежной и в ряде случаев морально оправданной, но сам уклоняется от военной службы, потому что ему претит мысль об убийстве.

Эти люди — эмоциональные младенцы, этические идиоты. Левая рука *должна* знать, что делает правая! А сердце ответственно за действия обеих рук. И я ответил:

— Мастер Питер. Я готов служить... служить в том качестве, в котором братья решат меня использовать.

— Молодец. — Питер чуть расслабился и продолжал: — Между нами признаюсь тебе, что работу убийцы я предлагаю каждому новому добровольцу, когда я не уверен, понимает ли он, что мы собрались не для того, чтобы играть в пинг-понг, но ради великого дела, которому каждый из нас должен отдать себя целиком без всяких условий, — он должен быть готов ради дела расстаться со своим имуществом, своей честью и своей жизнью.

У нас нет места для тех, кто умеет отдавать приказания, но отказывается чистить нужники.

Счастливое облегчение овладело мной.

— Значит, вы не всерьез предлагали мне работу убийцы?

— Что? Обычно я не предлагаю серьезно эту работу новобранцам. Уж очень мало на свете людей, пригодных для этого. Но честно говоря, в твоем случае я был совершенно серьезен, потому что мы уже знаем, что ты обладаешь для этого необходимыми и не очень распространенными качествами.

Я постарался сообразить, что во мне такого особенного, но не смог.

— Простите, сэр?

— Видишь ли, в конце концов тебя на этой работе обязательно поймают. Каждый наш убийца успевает выполнить в среднем три с половиной задания. Это неплохой показатель, но нам желательно его повысить, хотя подходящие исполнители встречаются очень редко. В твоем случае мы знаем, что, когда они тебя поймают и начнут допрашивать, им от тебя ничего не добиться.

Видно, мои чувства отразились на моей физиономии. Опять допрос? Я все еще едва живой после первого раза!

Мастер Питер сказал мягко:

— Разумеется, тебе не придется снова пережить все это от начала до конца. Мы всегда предохраняем убийц. Мы делаем так, чтобы они могли легко покончить с собой. Так что не волнуйся.

Поверьте, испытавшего допрос на собственной шкуре идея самоубийства вовсе не шокирует, — напротив, она успокаивает.

— А как это делается, сэр? — спросил я.

— Для этого есть дюжина способов. Наши врачи могут заминировать тебя так, что ты будешь способен покончить с собой при необходимости, как бы крепко тебя ни связали. Есть старые добрые способы — цианистый калий или что-то подобное в дырке зуба, например. Правда, прокторы его уже знают и обычно затыкают человеку рот кляпом. Но есть и другие способы. — Он широко развел руки, завел их за спину. — Если я заведу руку за спину достаточно далеко, чего в нормальных условиях человек никогда не сделает без значительных усилий, лопнет миниатюрная капсула, вшитая между лопатками. В то же время ты можешь стучать меня по спине хоть весь день — и ничего со мной не случится.

— А вы сами были... убийцей, сэр?

— Нет. Да и как я могу им быть, если у меня совсем другая работа? Но все наши люди, кто занимает в организации ответственные посты, обязательно заминированы — это меньшее, что мы можем для них сделать. К тому же я ношу бомбу в брюхе. — Он похлопал себя по животу. — Если эта бомба взорвется, то погибнут все, кто окажется со мной в комнате.

— Мне бы такую бомбу на том допросе! — воскликнул я.

— Не слезы! Тебе же сказочно повезло. Но если понадобится мина, мы ее тебе подложим.

Он поднялся:

— А пока не думай о моем предложении. Тебя еще должна исследовать группа психологов. А они придиричивые ребята.

Несмотря на его последнюю реплику, я немало думал о его словах. Правда, со временем уже не с таким содроганием.

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Иконоборца» — осторожной, слегка критичной, вызывающей к реформам сверху газете, которую Каббала распространяла через своих полевых миссионеров. Это была газета типа «Да, но...» — внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорилось, а в том — как. Ее номера мне приходилось видеть даже во Дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему последнему Великому Мастеру и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, с помощью нелегальных подключений к видеофонному каналу связи магазина мы не только общались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызывало подозрений у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей от одного тайного убежища к другому. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь — в ящике, на котором было написано: «Резиновая обувь». Коммерческие акции магазина служили хорошим прикрытием для наших масштабных операций.

Успешная революция — огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка

заговорщиков, которые шепчутся за углом и собираются при свече на покинутых руинах, не сделает революции. Революции нужно множество людей, припасов, современной техники и современного оружия. И чтобы управлять всем этим, нужны конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку, и я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю, что из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное — это искажение исторического прошлого. Например, я узнал, что раньше Соединенные Штаты не были вотчиной кровавого ставленника Сатаны, которого в гневе своем изгнал Первый Пророк, — напротив, это было общество свободных людей, которые решали свои проблемы по мирному обоюдному согласию. Я не хочу сказать, что их государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе.

Впервые в жизни я читал книги, не прошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оглядывался через плечо, чтобы проверить, не следит ли кто за тем, что я читаю. Я начал смутно осознавать, что секретность является краеугольным камнем тирании. Не сила, а именно секретность, цензура. Когда любое правительство и любая церковь начинают говорить своим подданным: «Этого вы не должны читать, этого не должны видеть, это вам запрещено знать», конечным результатом будут тирания и угнетение, и не важно, какими святыми мотивами они руководствовались. Для того чтобы контролировать людей, чей разум опутан цепями, не нужно много усилий, и, наоборот, никакая сила не может контролировать свободного человека, чей разум свободен. Нет, ни атомные бомбы, ни виселицы — ничто на свете не способно покорить свободного человека. Самое большее, что можно сделать, — это убить его.

Но я не слишком отвлекался на разные силлогизмы. Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их, как противные Господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок

и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «неверные» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) по прежнему время от времени посылали в космос исследовательские корабли и даже сейчас на Марсе и Венере оставались людские поселения.

Я был этим так взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в Ангелы Господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совмещенных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была вытеснена сотнями других. Например, иностранными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «неверные» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что британцы, по-видимому, уже не едят человеческого мяса, если вообще когда-нибудь его ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что они делали буквально все, что хотели, это просто в голове не укладывается; я видел даже письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором епископ местной языческой церкви укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. В одном не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Мастер Питер сообщил мне, что коллегия психологов не пропустила меня в убийцы. С одной стороны, я почувствовал облегчение. С другой — оскорбился. Что со мной не так, если они не доверили мне эту работу? В то время я воспринял это как пятно на своей репутации.

— Не переживай, — сухо посоветовал ван Эйк. — Они ввели в компьютер твои данные и проиграли на нем ситуацию, в которой ты должен выполнить задание. И обнаружили, что все шансы за то, что тебя поймают в первый же раз. А мы не хотим, чтобы наши люди погибали так быстро.

— Но...

— Успокойся, парень. Я отправляю тебя в Главный штаб.

— Главный штаб? А где это?

— Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

— Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, сфотографировал, записал голос, проанализировал походку и заполнил перфокарту моими физическими данными.

— Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я — личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. И прежде чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

— Неплохой набор, — произнес доктор Мюллер, разглядывая их. — Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, она не годится для этой работы, но будем иметь в виду, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать. Когда-нибудь это может пригодиться.

— А что такое синтетический? — спросил я.

— Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического — задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учтешь мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные реального человека.

— А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

— Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца, и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые, — сказал он, перетасовывая карточки, — у нас есть двое на выбор...

— Минутку, доктор, — перебил его я. — А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

— А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из братьев умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, — продолжал он, — вы поете?

— Неважно.

— Тогда этот отпадает. Он — баритон. Я могу многое в вас изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании? — Он показал мне карточку.

— Вы думаете, я справлюсь?

— Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного — это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились, чуть больше, чем задумала природа; одновременно мне подрезали мочки ушей. Нос Ривса был с горбинкой — кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы соответствовать его стоматологической карте. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также высветлить на тон или два кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на солнце.

Но самой сложной частью перевоплощения были искусственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким непрозрачным слоем пластика телесного цвета, на котором затем были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал, что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться манерам Ривса, его походке, жестам, смеяться, как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что смогу когда-нибудь зарабатывать на жизнь в амплу актера, и мой тренер полностью со мной согласился.

— Послушайте, Лайл, — повторял он, — когда вы наконец усвоите, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы *обязаны* научиться!

— А мне казалось, что я веду себя, как Ривс, — робко возражал я.

— Ведете! В этом-то и беда, что только *ведете*. И разница между вами и Ривсом — как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны *стать* настоящим Ривсом. Попробуйте. Беспокойтесь, как и он, о продаже тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о комиссионных, скидках, квотах... Давайте. Попробуйте.

Каждую свободную минуту я изучал текущие дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалиста по текстилю. Я изучал способы торговли и понял, что мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам, — и я не мог отличить вискозу от велюра. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал что продавать и покупать — просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

Но все закончилось. За две недели я *стал* Адамом Ривсом, коммивояжером, и телом, и душой.

7

— Лайл, — сказал мне Питер ван Эйк. — Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

— Да, сэр.

— Хорошо. Повтори свои инструкции.

— Сэр, я должен выполнить свой — то есть Ривса — график продаж отсюда до побережья. Потом заехать в офис «Юнайтед текстилз» в Сан-Франциско, отчитаться, а затем отправиться в отпуск. В Аризоне, в городе Фениксе, я должен посетить церковную службу в скинии Саут-Сайд. После службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную проповедь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

— Все правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник тебя проинструктирует.

— Слушаюсь, сэр.

Мастер Ложи встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

— До свидания, Джон. Береги себя, и да поможет тебе Великий Архитектор.

— Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

— Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении. Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть, расслабиться и подготовиться к сеансу гипноза.

Я вышел из него с приятным ощущением тепла, которое всегда сопровождает сеансы гипноза.

— Вот и все, — сказали мне после окончания сеанса. — Выполняйте приказание.

— А как насчет послания, которое я должен доставить?

— Оно уже в вас.

— Гипнотически? Но если меня арестуют, его вытащит любой следователь-психолог, который будет со мной работать!

— Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. Вы не сможете вспомнить их, пока кто-нибудь их не произнесет. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в нужном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Я ожидал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Правда, я не видел иных вариантов, кроме таблетки с ядом, потому что времени на что-то иное уже не осталось. Этот способ покончить с жизнью практически бесполезен, если полиция знает свое дело. Но когда я выяснил, что послание будет в безопасности, то предпочел не рисковать и не стал просить таблетку. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземкой, так что добраться проще, чем в большинстве старых городов. Станция находится прямо напротив универсама, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал туннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая капсула, положил туда багаж, сел и пристегнулся сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому полицейскому участку. Должен признаться, я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает офицера-

ренегата Джона Лайла. Впрочем, они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список подобных лиц слишком длинен, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я подумал, что это плохой знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и оставили дожидаться у ограды. Нервы мои были на пределе. Но само ожидание позволило мне взять себя в руки. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на свой хроно, потом поднял глаза к станционным часам и снова взглянул на хроно.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал вполне добродушно:

— Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку:

— Отпечатки пальцев, пожалуйста.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем пропуске, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

— Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

— Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами, все они были мужчинами. Сержант был вежлив:

— Боюсь, мне придется попросить всех вас вернуться на станцию для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен, в список пассажиров внесут изменения. Ваши билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

— Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

— Прошу прощения. — Тут он обернулся ко мне. — А, вы Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дайте-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

— Совершенно правильно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

— Ну конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, вас это не касается. — Он вернул мне документы. — Возвращайтесь на борт. Извините за беспокойство. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжал читать газету, чтобы скрыть волнение и успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран: «зарубежные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представительств, миссий и нескольких сообщений о зверствах «неверных». Я подумал: куда уходят все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность? Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы вышли из ионосферы и приближались к Цинциннати. Мы обогнали солнце и снова увидели закат.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом в Цинциннати, но даже добился кое-каких успехов. Мало того, обнаружил что получаю больше удовлетворения, уломав несговорчивого торговца увеличить линейку текстильных товаров, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моей маскировки и полностью углубился в мир текстиля. И знаете, торговля — это не просто способ заработать на хлеб с маслом, это еще и игра, и она захватывает.

В Канзас-Сити я улетел точно по графику, и у меня не было никаких проблем с полицией, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь, к западу, уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера и джентльмена. Здесь он был одним из тысяч объявленных в розыск и затерявшихся в файлах полиции.

Ракета на Канзас-Сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за

тридцать. Когда я садился, мы поглядели друг на друга, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок бланки заказов и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сиденье и смотрел новости в стереобоксе ТВ, установленном в передней части салона.

Через десять минут он толкнул меня в бок и, когда я обернулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного Храма, над которым развевались красно-золотое знамя Пророка и вымпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени Храма.

Взвод храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил перед гигантскими дверями наверху лестницы треножники огнеметов. Дальше сцена снималась другой камерой, очевидно установленной на крыше Храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Вместо того чтобы быстро расстрелять мятежников, стражники целились огнеметами по ногам. Люди из первой волны нападавших взбежали вверх по ступеням — и в то же мгновение пали, судорожно дергая сожженными культиями ног. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы поползти до девушки и дотянуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и услышал:

«...аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и дополнительных войск не понадобится. Епископ Дженнингс объявил военное положение. Агенты Сатаны задержаны. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву.

Миннесотские гетто будут закрыты, и все парии переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальнейших вспышек насилия. Да послужит это предупреждением всем нечестивцам, кто осмелится подняться против Божественной власти Воплощенного Пророка.

Передачу вела служба новостей „Крылья ласточки“¹, наш спонсор — Ассоциация торговцев, которая предлагает лучшие бытовые средства для обретения благодати. Станьте первыми в своем приходе, кто получит статуэтку Пророка, которая чудесным образом *светится в темноте!* Высылайте один доллар наложенным платежом...»

Я снял наушники и повесил их на место. Почему во всем обвинили парий? В этой толпе их не было. Но я помалкивал, предоставив своему соседу заговорить первым. И он заговорил с откровенным возмущением:

— Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия. — Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

— Интересно, почему они взбунтовались? — спросил я.

— Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

— Вы могли бы повторить это и в церкви, — согласился я. — Кроме того, даже нормальный еретик — если такие бывают — должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает. — Я со счастливой улыбкой хлопнул по черному портфелю. — По крайней мере, мой бизнес, хвала Господу.

Мы немного поговорили о делах — условиях ведения бизнеса и так далее. Я присматривался к нему, пока шел разговор. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его облике заставило меня насторожиться. Может, просто нервы не в порядке? Или какое-то шестое чувство человека в бегах?

Взгляд мой упал на его руки, и у меня возникло ощущение, что с ними что-то не так. Но в них не было ничего необычного. Тогда я пригляделся и заметил все-таки одну незначительную деталь — на пальце левой руки мозолистый бугорок, след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое носил много лет в Вест-Пойнте и после него. Конечно, это ничего еще не значило — многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, сейчас было кольцо — не из

¹ В оригинале «No Sparrow Shall Fall» — отсылка к Мф. 10: 29: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего». — *Примеч. С. В. Голд.*

Вест-Пойнта; разумеется, это было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но зачем обычному обывателю снимать кольцо, которое он носил много лет? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил: преследуемый поневоле становится внимателен к мелочам. В Вест-Пойнте я никогда не считался хорошим психологом, но сейчас стоило вспомнить то небольшое, чему меня все-таки научили... Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания, — это безрассудство лобовой атаки по укрепленной позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный. Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольца, даже в увольнительной или на пенсии, и уносят его с собой в могилу. Если только он не хочет — по какой-то веской причине, — чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз коснулась атмосферы, начав спуск из безвоздушного пространства с переходом в длинную глиссаду к Канзас-Сити, ее тряхнуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла его слова, но я разобрал — и напряженно размышлял над ними, пока вытирал его носовым платком. «Би джей идиот!» — вот что он сказал, и это был специфический сленг Вест-Пойнта.

Ergo¹, след от кольца — не случайность. Он — из Вест-Пон-та, армейский офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание. И этим заданием мог быть я.

Да ладно, Джон! Он мог отдать кольцо ювелиру для ремонта, он мог переодеться в штатское на время отпуска... Но во время долгого разговора он дал мне понять, что он бизнесмен. Нет. Это был агент под прикрытием.

Но даже если он охотился не за мной, он совершил две грубые ошибки в моем присутствии. Даже самый неопытный новичок (как я, например) никогда не допустит таких ошибок, которые могут его раскрыть, а ведь секретная служба состояла

¹ Следовательно (лат.). — Примеч. С. В. Голд.

не из дураков, у них работали лучшие головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и *буду думать*, что они случайны. Зачем?

Вряд ли из-за того, что он сомневался, тот ли я человек, который ему нужен. В таком случае на основании старого проверенного тезиса о том, что каждый человек виновен, пока не доказано, что он невиновен, он просто арестовал бы меня и отправил на допрос.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели оставить меня на свободе, но испугать меня, заставить бросить все, помчавшись в укрытие, — и привести их таким образом к моим коллегам-заговорщикам. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактам.

Когда я понял, что мой сосед — секретный агент, севший мне на хвост, меня охватил холодный страх, выворачивающий нутро и схожий разве что с морской болезнью. Но когда я решил, что понял их мотивы, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги — не совершать никаких необычных поступков...» Сиди на месте и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит; я проведу его сквозь все отделения универмага Канзас-Сити — пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки мой желудок готов был взбунтоваться, когда мы сошли в Канзас-Сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу — прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «храни вас Господь», обогнал меня и направился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не очень успокоило — он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился в «Нью-Мюльбах» весьма неспешно.

Я провел хорошую деловую неделю в Канзас-Сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную, не предусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но хоть я и пришел к выводу, что инцидент был не чем иным, как плодом моего воображения, я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер, и отметил, что моего прежнего попутчика нет среди пассажиров.

Мы приземлились на новом аэродроме к востоку от Авроры, в нескольких милях от центра Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

— Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

— Всего лишь обычная мера предосторожности, — пояснил сержант. — Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение — для человека, прошедшего подготовку по курсу Департамента здравоохранения. Но для торговца текстилем Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным, когда мне велели подождать результатов анализа в заднем помещении вокзала. Я сидел там, ломая голову, какой вред мне могли причинить десять кубиков собственной крови — и что я мог предпринять, если это действительно так.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Мое время явно утекало впустую, но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не хватало решимости попытаться убежать. Возможно, именно на это они и рассчитывали. Поэтому я просто сидел и ждал.

Здание было временное, и стенка между комнатой, где я сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голоса, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, что кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и прижал ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного покаяния, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я уже слышал ее во время службы во Дворце, то она меня не шокировала, а беспокоиться о чужой нравственности у меня что-то не было настроения. Я выслушал несколько рутинных докладов по селектору, разговор с каким-то идиотом, который не мог найти мужскую уборную, но ни слова обо мне. От неестественной позы у меня заболела шея.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. В небе появилась небольшая ракета, затормозила носовыми дюзами и красиво зашла на посадку примерно в четверти мили от меня. Пилот выпустил шасси, подошел к ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна.

Это была курьерская модификация «Ястреба», маршевый прямоточный воздушно-реактивный двигатель и ракетный ускоритель для взлета, самый славный маленький кораблик, какой когда-либо создавала инженерная мысль. Я хорошо его знал: летал на таком же, когда играл за армию в воздушное поло на второй позиции, — в том году мы обыграли и флот, и Принстон.

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не заблокировано — Шеол! А что, если заблокировано? — почему бы не попробовать? Окно было открыто, но оно могло быть оборудовано виброударом, и если что, я даже не успею понять, что меня убило. Но я не видел ни проводов, ни спусковых механизмов, а тонкие стенки здания не позволяли упрятать их внутрь. Возможно, здесь была только контактная сигнализация, вряд ли что-то серьезное вроде фотоэлементов.

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты. Я снова прижал ухо к стене и прислушался:

— Какая группа крови?

— Первая, сержант.

— Совпадает?

— Нет, у Ривса третья.

— Ого! Позвони в главную лабораторию. Отвезем его в город на анализ сетчатки.

Я попался — и знал это. Они уже наверняка поняли, что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле. Все, что им нужно, — это передать снимок в бюро морали и расследований, а возможно, все выяснится прямо на месте, если копии снимков были разосланы в Денвер и другие места вместе с ориентировкой на меня.

И я выпрыгнул в окно.

Приземлившись, я перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Я не стал прислушиваться, включилась ли где-то сигнализация, у меня не было на это времени. Дверь в ракету была раскрыта, а зажигание не отключено — дуракам везет!

Я не стал вырывать на полосу, а стартовал с места, не забывая о том, что факел сожжет кого-то из моих преследователей. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей, потом я поднял ее нос гироскопом, и мы взяли курс на запад.

8

Я заставил ее подниматься почти вертикально, чтобы побыстрее набрать высоту и скорость, на которой можно запустить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я включил основную тягу и выровнял полет, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через считанные минуты или даже секунды поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения теперь казалось не таким уж чудесным. Или, может быть, *слишком* чудесным? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют задержанного без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение — рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен, — единственное, что могло заставить меня решиться?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Может, кто-то знал, что мне нравится «Ястреб» в курьерском исполнении? Знал, потому что перед ним на столе лежало мое досье и он был в курсе моих достижений в воздушном поло. Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам. Конечно, оставалась вероятность — только вероятность, — что мне в самом деле повезло, если я сумею воспользоваться этим шансом. В любом случае я не хотел ни попадаться снова, ни привести их к моим товарищам, ни погибнуть. Я нес важное посла-

ние (как я предполагал) и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту воздушной полиции, но услышал лишь спор между вышкой Денвера и каким-то транспортом на подлете. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил спустить с меня штаны. Может, это начнется позже. Я оставил радио включенным и обдумал свое положение.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Денвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Должно быть, в моей крови было столько адреналина, что чувство времени отказало. Баки основного двигателя были почти полные — у меня горючего на десять часов или на шесть тысяч миль в экономном режиме. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невыполним, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я сверился с приборами и задал курс на Гавайскую республику; моя ласточка осторожно повернула на юго-восток. Затем я заложил программу в автопилот и столкнулся с проблемой: дальность полета три тысячи сто миль и скорость восемьсот миль в час досуха вычерпают основной бак. У меня будут только остатки топлива в ускорителе и носовые движки, чтобы замедлиться и сесть. Это было рискованно.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, киберанализаторы принялись вычислять и быстро пришли к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут, если меня не перехватят. А перехватить меня было нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Ракеты «земля—воздух» поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя малышка, с полными баками, так что пилотам не нужно экономить топливо, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался. Я *хотел*, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Операция «Болван», фаза вторая: как выбраться из дерьма? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, об этом позаботились конструкторы. Вы шлепаете по кнопке катапульты и начинаете молиться, дальше все происходит само. Вокруг вас схлопывается спасательная капсула и герметизирует стыки, а затем она выбрасывается из корабля. В свое время, когда давление и скорость воздуха достигнут нужной величины, появляется вытяжной парашют. Он раскрывает основной парашют, и вы с комфортом опуститесь на Божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть проблема: и корабль, и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия: капсула — точки, корабль — тире, и в довершение всего у капсулы отличный собственный радиомаяк.

Все это так же незаметно, как корова в церкви.

Я смотрел перед собой, грыз большой палец и думал о том, что меня ждет. Грядущее казалось мне все более унылым и безысходным, и в этом, несомненно, сказывалось мое нынешнее настроение. Ведь я помнил, что каждую минуту пролетаю тринадцать миль и что мне давно пора надеть шляпу и отправляться на выход. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу — но нельзя открыть люк в ракете с работающим двигателем, и вы не можете сбросить его — это приведет к тому, что корабль закувыркается, как шенок. Не стоит игнорировать и встречный ветер — при скорости восемьсот миль в час даже на высоте шестьдесят тысяч футов меня просто разрежет о дверную раму, как масло.

Все зависело от того, насколько хорош у моей птички автопилот. Лучшие автопилоты умеют делать все, кроме пения гимнов. Те, что подешевле и попроще, могут поддерживать скорость, высоту и направление полета, но этим их таланты исчерпываются. В данном случае я хотел знать, есть ли у моего автопилота экстренный режим для ситуации «отсечка факела», потому что я намеревался остановить корабль, выйти и заставить его двигаться дальше в направлении Гавайев в автономном полете — если получится.

Прямоточный воздушно-реактивный двигатель может работать только при высокой скорости полета, вот почему на таких кораблях есть реактивный ускоритель — без него они не могли бы

взлететь. Если скорость корабля опускается ниже критической для вашего движка, его факел гаснет и вам нужно запустить его снова либо с помощью ракетного ускорителя, либо уходя в пике, чтобы набрать нужную скорость. Это рискованный трюк, и многие пилоты прямоточников получили свой небесный приз из-за внезапной отсечки факела.

Мой опыт полетов на «Ястребе» ничему меня не научил по той простой причине, что пользоваться автопилотом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на слово. Я искал инструкцию в бардачке, но не нашел ее. Я осмотрел корпус самого автопилота, но информация, выгравированная на табличке, ничего мне не сообщила. Без сомнения, при наличии отвертки и большого запаса времени я мог отвинтить панель автопилота, разобраться в его контурах и сделать вывод, но для этого понадобился бы целый день; в этих автопилотах до черта транзисторов и проволочной лапши.

Так что я вытащил парашют из держателей и принялся его надевать, напевая:

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство.

Автопилот не ответил ни слова, хотя я бы не очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Времени оставалось мало. Я был уже над пустыней и видел, как заходящее солнце отражается в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шестидесяти тысяч футов слишком холодно и неудобно. Да и кислорода маловато для моих легких. Затем начал подъем — очень плавный и неспешный, чтобы не оторвать плоскости и не потерять сознание от перегрузки. Мне нужно было поднять ее достаточно высоко, чтобы в верхней точке кривой отключить ракетный ускоритель и отправить ее в пике, — в падении она вновь наберет нужную скорость. В начале падения скорость будет мала, что приведет к отключению прямоточника, и в этот момент я должен был выпрыгнуть. По понятным причинам я не хотел, чтобы двигатель включился в то время, когда вылезаю из люка.

Я продолжал задирать нос ракеты, пока она не встала вертикально, земля была за спиной, небо впереди. Я потихоньку подтормаживал, собираясь заглушить факел на тридцати тысячах

футов, где уже довольно разреженный воздух, но в прыжке можно немного потерпеть, и достаточно высоко, чтобы моя птичка успела отвернуть, не размазавшись о плато Юты. Примерно на двадцати восьми тысячах футов у меня возникло дурацкое ощущение, что пульт управления полностью сдох и не реагирует на мои действия. Вскоре на инструментальной панели замигала красная лампочка — и оба двигателя вырубились. Пришло время выбираться отсюда.

Я едва не забыл о кислородном баллоне. Одной рукой я пристраивал мундштук между зубами и пытался затянуть маску на лице, а другой пытался открыть люк — и при этом мне страшно мешал тот факт, что мы с кораблем в этот момент находились в свободном падении. Я весил не больше нескольких унций — благодаря торможению о воздух в верхней части траектории.

Люк все не открывался. Потом я сообразил и ударил по кнопке сброса давления. Люк распахнулся, и меня буквально вытянуло наружу. Секунду или две я висел неподвижно, и земля кружилась над моей головой. Затем люк захлопнулся — и я оттолкнулся от борта. Я не прыгал — мы с «Ястребом» падали бок о бок, и я просто оттолкнулся в сторону.

Должно быть, я ударился головой о крыло. Во всяком случае, вслед за этим в моей памяти есть небольшой пробел, а затем я оказался в пустоте в двадцати пяти ярдах от корабля. Он медленно вращался, а вокруг меня вращались земля и небо. Когда я выбрался наружу, ощутил легкий зябкий ветерок, но пока не чувствовал холода. Мы с моей ласточкой оставались рядом несколько минут — или часов, время будто остановилось. Затем ракета вышла из пике и стала отдаляться.

Я попытался следить за ней и вот тут-то почувствовал ледяной ветер падения. Глаза наполнились болью, я вспомнил, как читал о замороженных глазных яблоках и тут же прикрыл глаза руками. Мне сразу полегчало. Но затем меня охватила паника, я подумал, что слишком промедлил с прыжком, и теперь вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко — милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Я попытался разглядеть корабль, но не смог, а потом внезапно увидел, как вспыхнули его двигатели. Рискуя отморозить глаза, я провозжал его взглядом, и восторг пылал в моем сердце. У автопилота действительно нашелся аварийный режим для запуска

погасшего двигателя, и все шло по плану. Моя птичка выровнялась, повернула на запад и пошла набирать заданную высоту. Я помолился, чтобы она все преодолела и мирно упокоилась в водах Тихого океана, а не была сбита перехватчиком.

Продолжая падать, я смотрел на удаляющийся огонек ее выхлопа.

Триумф моего кораблика заставил меня позабыть о том, как я перепуган. Вываливаясь из него, я помнил, что должен совершить затяжной прыжок. Прощаясь с кораблем, тело наверняка оставит второй огонек на экране радара. И я надеялся только на то, что у меня получится обмануть наблюдателей и они решат, что это была настоящая чрезвычайная ситуация с отсечкой факела, и что мне удастся быстро покинуть корабль и не слишком отвечивать по пути к земле. Чтобы исчезнуть с экрана, я должен как можно скорее выпасть из их поля зрения, а парашют можно будет раскрыть только у самой земли — в полной темноте и вне видимости радаров.

Мне никогда еще не приходилось совершать затяжных прыжков. Я всего-то прыгал два раза: оба прыжка были учебными, под надзором инструктора, что только и требовалось от кадетов перед сдачей выпускных экзаменов. Пока я падал, зажмурив глаза, я чувствовал себя вполне пристойно, если не считать непреодолимого желания дернуть за кольцо. Рука сама отыскала кольцо, и пальцы вцепились в него. Я приказал пальцам отпустить кольцо, но они почему-то не подчинились. Но открывать парашют нельзя было ни в коем случае — я был еще слишком высоко, и меня мог заметить кто угодно, стоит мне раскрыть над собой этот огромный вызывающий зонтик.

Я намеревался раскрыть парашют где-то в пятистах—тысяче футов над землей, но мои нервы не выдержали, и я не дождался. Почти прямо подо мной был большой город — Прово, штат Юта, насколько я мог судить, и я сумел убедить себя, что если не дерну кольцо прямо сейчас, то опущусь посреди этого города.

Тут я очень вовремя вспомнил о кислородной маске и сбросил ее — благодаря чему, по-видимому, избежал при приземлении выбитых мундштуком зубов, потому что не удосужился пристегнуть баллон к груди и все время держал его в левой руке. Думаю, у меня оставалось время, чтобы пристроить его как надо, но вместо этого я просто-напросто швырнул его в сторону какой-то фермы, надеясь, что он финиширует на пашне, а не на

макушке какого-нибудь честного гражданина. А потом я дернул кольцо.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался неправильно сложенный парашют. Но тут он раскрылся и вышиб из меня дух, — а может, я на секунду потерял сознание от страха. Я пришел в себя, обвиснув в ремнях, подо мной раскачивалась и медленно вращалась земля. Я все еще был слишком высоко и медленно приближался к огням Прово. Я глубоко вздохнул — легкие стосковались по густому воздуху — потянул за стропы и слегка пригасил купол.

Падение ускорилося, и я отпустил стропы как раз вовремя, чтобы развернувшийся купол поддержал меня в момент посадки. В вечерних сумерках я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я согнул колени, как написано в инструкции, последующее было полной неожиданностью: меня ударило, я споткнулся, упал и запутался в парашюте. Считается, что это все равно что прыгнуть с высоты четырнадцати футов, — знаете, по моим ощущениям высота куда больше.

Следующее, что помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и растираю левую лодыжку.

Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых, я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой, идущей по краю поля, и пошел по обочине к огням Прово. Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где — возможно, в Денвере или над Невадой; к тому же я, видимо, слегка растянул лодыжку, ободрал правую руку и немного намочил штаны. В общем, чувствовал я себя шикарно.

Настолько хорошо, что я едва сдерживался, чтобы не засвистеть, пока шел по дороге. Да, прокторы Пророка все еще охотились на меня, но они считают, что я по-прежнему в небе, лечу на Гавайи. По крайней мере, я надеялся, что они так считают. В любом случае в данный момент я был жив, свободен и более-менее невредим... Если уж скрываться где-нибудь, то лучше места, чем штат Юта, не придумаешь. Она являлась центром ереси и раскола с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо проносились огни машин, и, прежде чем достичь города, покинул дорогу и пошел напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Время до комендантского часа еще оставалось, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Довольно долго бродил я по темным улочкам, избегая людей, прежде чем нашел то, что нужно, — аэрокар, который я мог украсть. Это был семейный «форд», припаркованный на пустыре у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, и все-таки открыл ее. Зажигание было заблокировано, но я и не надеялся на повторную удачу. На деньги налогоплательщиков я получил чрезвычайно практичное образование, которое включало в себя детальное знакомство с системой зажигания двигателя. Спешить было некуда. Через двадцать минут манипуляций в полной темноте я замкнул цепь.

Быстро оглядев улицу, я сел за руль и включил вспомогательный электродвигатель. Потом не спеша выехал на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома стали мельчать и расстояния между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Основной двигатель кашлянул и заурчал. Ротор с громким треском развернул свои плоскости. Во время взлета машину трясло и кренило в сторону, но она сделала это. Земля ушла вниз.

9

Машина, которую я украл, оказалась той еще развалюхой, старой и неухоженной. В двигателе стучал клапан, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не нравилось. Но она летела, и горючего было полбака, его должно было хватить до Феникса. Так что мне грех было жаловаться.

Хуже было полное отсутствие какого-либо навигационного оборудования, если не считать старого разбалансированного

робота «Сперри»¹ и нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало.

Ну что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я посмотрел по сторонам, оценил дрейф, выставил роботу курс и приказал ему держать высоту пятьсот футов. Чуть выше я мог привлечь внимание киберсети, чуть ниже — и ко мне прицепится дорожная полиция. Я включил габаритные огни — так было безопаснее, чем вообще без света, мне совсем не хотелось нарываться на штраф — но переключил их в режим «слабый». Потом я оглянулся.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кражу не обнаружили. Что касается первой — ну, видимо, мою птичку либо уже сбили, либо она где-то над Тихим океаном. Мне пришлось в голову, что за мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому Инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды крупная кража. Конечно, оставались еще поджог, мздоимство (что бы это ни значило) и изнасилование. Я решил, что обойдусь без изнасилования, но могу попробовать себя в мздоимстве, если когда-нибудь узнаю, что это значит. Между тем я все еще чувствовал себя великолепно, несмотря на то что мой нос снова кровоточил.

Тут мне пришлось в голову, что женитьба на святой диакониссе согласно закону может рассматриваться как изнасилование — отчего я почувствовал себя совсем хорошо, сейчас я не намерен был пропускать ни одного пункта в этом перечне.

Я не стал передавать управление автопилоту, потому что старался обходить города на почтительном расстоянии. Лишь отлетев на сто миль к югу от Прово, я решил, что могу позволить себе поспать. Отсюда на юг от Великого каньона до самых руин старого родтауна «66» люди попадаются очень редко. Так что я приказал автопилоту поддерживать высоту восемьсот футов от поверхности земли, приказал не налетать на деревья и обрывы, перебрался на скамейку для пассажиров и тотчас же уснул.

Мне снилось, что Великий Инквизитор старается сломить мой дух, пожирая в моем присутствии сочный бифштекс.

¹ *Сперри Элмер Эмброуз* (1860–1930) — изобретатель, основатель корпорации «Сперри рэнд», разрабатывал гироскопы и другое навигационное оборудование. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Признавайся! — кричал он, откусывая кусок от бифштекса и смачно пережевывая его. — Признайся, и сразу станет легче. Тебе кусочек из серединки или поджаристый краешек?

Я был готов уже во всем признаться, но, на мое счастье, проснулся.

Ярко светила луна. Мы как раз подлетели к Великому каньону. Я метнулся к пульту и отменил приказ выдерживать высоту, испугавшись, что простоватый автопилот сойдет с ума, стараясь удержать нас в восьмистах футах над этой грандиозной чередой пиков и пропастей.

Открывшийся передо мной вид поразил меня настолько, что я на время забыл о голоде. Если вам не приходилось видеть Великий каньон, то не стоит тратить время, рассказывая вам об этом. Но я могу порекомендовать вам поглядеть на него ночью при свете луны с высоты птичьего полета.

Мы пересекли его примерно за двадцать минут, я снова передал управление автопилоту и принялся обшаривать аэрокар, не пропуская ни одного ящика, ни одного шкафа, ни одного укромного местечка в поисках пищи. В результате я раздобыл шоколадный батончик с миндалем и несколько орешков арахиса. Таким образом, я устроил пышный пир. Считаю, что мне сказочно повезло, потому что я готов уже был обсасывать кожу с сидений. Я устроил себе пышный пир... ведь у меня во рту не было ни крошки с самого Канзас-Сити. Проглотив трофеи, я снова уснул.

Не помню, чтобы я включал будильник, но звон разбудил меня перед самым рассветом. Рассвет над пустыней — не менее потрясающее развлечение для туриста, однако, к сожалению, мне пришлось заняться штурманскими обязанностями, и я мало что увидел. Несколько минут я поворачивал свой летающий гроб под прямыми углами к курсу и замерял величину дрейфа и скорость движения по земле, затем прочертил курс до края карты. После подсчетов я пришел к выводу, что, если мои поправки на ветер были правильными, через полчаса я должен увидеть Феникс.

Мне по-прежнему везло. Я перелетел через гряду холмов, и направо открылась зеленая возделанная равнина, а посреди нее Солнечная долина и Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем к каньону Солт-ривер. Приземление вышло неудачным — я сорвал колесо и раз-

бил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Полчаса спустя, продравшись сквозь заросли огромных кактусов и не менее огромных красных валунов, я выбрался на шоссе, идущее по долине в сторону Феникса, и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. Через час грузовик поймал меня на открытой местности. Мне ничего не оставалось, как небрежно кивнуть водителю, отступив на обочину. Но тяжелый грузовик мягко затормозил около меня.

— Подвезти, парень?

— Да, спасибо! — сказал я поспешно.

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня.

— Братишка! — сказал он восхищенно. — Это была пума или медведь?

Я совсем забыл, как я выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

— Оба. И обоих я задушил голыми руками.

— Я верю.

— В самом же деле, — добавил я, — я ехал на моноцикле и слетел с дороги. К счастью, по склону, но я его все-таки разбил.

— На моноцикле? По *этой* дороге? Прямо от самого Глоуба?¹

— Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку. Вот тут-то склон и застал меня врасплох.

Он покачал головой:

— Давай-ка лучше вернемся к пумо-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Больше он ни о чем меня не спрашивал, и это меня устраивало. Я понял, что версии, придуманные на ходу, ведут к неожиданным осложнениям. Никогда в жизни я не видел этой дороги и Глоуба.

А еще я никогда в жизни не катался на огромных грузовиках, и мне было страшно интересно. Внутри он напоминал цент-

¹ Глоуб, штат Аризона, — городок в 100 км от Феникса. — *Примеч. С. В. Голд.*

ральный пост армейского наземного крейсера — такая же универсальная гидравлика коробки передач правого и левого борта, управляющие тяги протекторов, почти такая же приборная панель с тахометрами левого и правого моторов, индикатор крутящего момента и тому подобное. Я мог бы управлять этой штукой.

Но вместо этого я выставил себя деревенщиной и попытался его разговорить:

— Впервые в такой большой машинке. Расскажите, как она работает?

Он ухватил наживку и дальше я слушал его вполуха, думая о том, что буду делать в Фениксе. Он показывал, как добавлять газу и рулить, просто двигая двумя переключателями скорости, по одному в каждой руке, затем пояснил, как экономить топливо, не меняя оборотов дизеля, манипулировать мощностью, подаваемой на обе стороны... Я не мешал ему говорить — но сейчас меня интересовали в первую очередь ванна, бритва и смена одежды, иначе мне грозил арест по подозрению в бродяжничестве.

Внезапно я понял, что он задал мне вопрос.

— Думаю, понял, — ответил я. — «Утерберри» передают тягу на подшипники.

— И да и нет, — пояснил он. — Это дизель-электрическая система. «Утерберри» работают как зубчатая передача, хотя в них нет никаких шестерен, — они гидравлические. Улавливаешь?

Я ответил: «Да, наверное» (я мог бы начертить их схему) — и запомнил на будущее, что, если Каббале когда-нибудь срочно понадобятся пилоты наземного крейсера, она очень быстро может обучить этой работе дальнобойщиков.

Когда мы выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Мила наматывалась за милей. Наконец мой хозяин съехал с дороги и остановился у придорожного ресторана.

— Все вверх, — сказал он. — Завтрак для нас, дизель для малыша.

— Хорошая идея, — ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за него и даже сам пытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и посмотрел мне в глаза.

— Через три четверти мили полицейский кордон, — тихо сказал он. — Думаю, для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

— Да... — сказал я. — Полагаю, что мне лучше пройти пешком. После завтрака очень полезны пешие прогулки. Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройти назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней — машин меньше.

— Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решился зайти в маленький дом, в котором обитала испано-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испанским языком, но я попросил «агуа» и получил «агуа» — и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она почистила мою куртку и даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Как и говорил водитель, дорога повернула к городу, и мне не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал, пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежевыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять прокторов, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес скинии Саут-Сайд. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов прохожим. Она оказалась в нескольких минутах ходьбы.

Я поспешил и прибыл в церковь ровно в одиннадцать, к началу службы. Вздохнув с облегчением, я уселся в заднем ряду

и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, до того как узнал, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством покоя и безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Я слушал звуки знакомой музыки, которые наполняли мою душу и готовился к исповеди, после которой кое-кому придется поломать голову над моими проблемами.

Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

— Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдавало выражение лица. Он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— О нет, ваше преподобие, — пробормотал я. — Я здесь сам впервые. Так вы не преподобный Бэрд?

Я был в панике. Бэрд — единственный мой контакт с братьями за пределами Нового Иерусалима. Если никто меня не спрячет, меня поймут через пару часов.

Я уже начал прокручивать в голове план, как ночью украсть еще один корабль и попытаться ускользнуть от патрулей на мексиканской границе.

Голос священника донесся как бы издалека:

— Боюсь, что нет, сын мой. А ты хотел бы видеть преподобного Бэрда?

— Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та добрая индианка спрячет меня до темноты?

— Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Мое сердце совершило кувырок при двенадцати g. Я постарался не выдать волнения.

— Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

— Нет, напротив. Он сломал ногу — и с удовольствием примет гостя. Сейчас...

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги, карандаш и написал адрес.

— Отсюда два квартала, и потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел в конце концов старый дом, увитый плющом, совсем в духе Новой Англии. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал и услышал свист допотопного сканера, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

— Да?

— Посетитель к преподобному Бэрду, будьте любезны уделить мне время.

Последовало короткое молчание, пока он рассматривал меня, потом тот же голос сказал:

— Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Пройдите через дом и найдете меня в саду.

Дверь шелкнула и открылась. Я шагнул за порог, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, затем прошел по центральному коридору и вышел через заднюю дверь в сад. На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков:

— Что нужно тебе, сын мой?

— Мне нужен свет.

Через час я запивал свой последний энчиладас¹ свежим холодным молоком. К тому времени как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд закончил меня инструктировать.

— Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

— Нет, сэр. Санчес вывезет меня из города и доставит в место, откуда братья проводят меня в Главный штаб. Все довольно просто.

— Да, это будет просто. Но вряд ли комфортно.

¹ *Энчиладас* — национальное мексиканское блюдо: обжаренная в печи тонкая лепешка из кукурузной муки с начинкой из мяса или овощей. — *Примеч. С. В. Голд.*

Я покинул Феникс в двойном дне маленького фургона зеленщика. Меня упаковали, как груз, нос мой упирался в доски днища. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые приказы полицейских и эмоциональный ответ Санчеса на испанском. Кто-то рылся у меня над головой, и в щели ложного дна проникал свет.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

— В порядке, Эзра. Это работник отца Бэрда. Каждый вечер ездит к нему на ферму.

— Так чего ж он сразу не сказал?

— Когда он волнуется, забывает английский. Хорошо, езжай дальше, chico¹. Vaya usted con Dios².

— Gracias, señores. Buenas noches³.

На ферме отца Бэрда меня посадили в вертолет, на этот раз новый, бесшумный и хорошо оборудованный. Его пилотировал экипаж из двух человек, которые пожали мне руку, велели садиться в пассажирском салоне и оставаться там. Больше я не услышал от них ни слова. Мы сразу взлетели.

Иллюминаторы в салоне были закрыты. Не знаю ни в каком направлении мы летели, ни насколько далеко. Поездка была не из комфортных, потому что пилот, похоже, решил собрать по дороге все полевые ромашки. Разумная предосторожность, если не хочешь, чтобы тебя засек радар, но я молился, что он знает, что делает, — сам я не решился бы сбивать верхушки холмов даже при свете дня. Должно быть, он напугал кучу койотов по дороге, — во всяком случае, меня он напугал изрядно.

Я с облегчением услышал зуммер приводного луча. Мы скользнули вдоль него, зависли и мягко ткнулись в грунт. Выйдя из машины, я уперся взглядом в дуло бластера, установленного на треноге. За ним стояли два настороженных не улыбающихся человека.

Но пилоты сказали пароль, оба охранника задали мне положенные вопросы, и мы обменялись тайными знаками. Мне показалось, что они были немного разочарованы тем, что я оказался своим и они не смогли отличиться, они явно пылали энтузиазмом. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали

¹ Малыш (исп.). — Примеч. С. В. Голд.

² Поезжай с Богом (исп.). — Примеч. С. В. Голд.

³ Спасибо, сеньоры. Доброй ночи (исп.). — Примеч. С. В. Голд.

мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще ярдов пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из-под ног.

Мой желудок рванулся вверх, я выругался про себя — они могли предупредить, что мы в лифте, но я держал рот на замке. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне велели сесть и держаться покрепче. Платформа рванула вперед с громадной скоростью. Я чувствовал себя как на американских горках — не самые приятные ощущения, когда ты с завязанными глазами. Теперь я был по-настоящему напуган и начал думать, что издевательство было преднамеренным, потому что они и не подумали предупредить меня.

Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал увидеть ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей чуть усмехнулся.

— Все вы так, — сказал он скучным голосом.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что, казалось, ты не в подземелье, а на открытом воздухе. Своей великолепной пышной архитектурой она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов. После череды спусков, которые мы проделали, я знал, что мы глубоко под землей, но не ожидал увидеть ничего подобного.

Я помню фотографии Карлсбадских пещер до землетрясения девяносто шестого года, которое их уничтожило. Главный штаб напомнил их, хотя, конечно, Карлсбадские пещеры уступали штабу и в размерах, и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров. На расстояниях больше пятидесяти футов наш встроенный биноклярный дальномер становится бесполезен, и нам нужно что-то, что могло бы дать ему масштаб, — дом, человек, дерево, да хотя бы просто горизонт. Но в естественной пещере нет ничего обычного, знакомого — и человеческий глаз не способен оценить ее размеры.

Поэтому в первый момент я понял только, что пещера, в которой я оказался, была большой, но я не знал насколько. Мой мозг уменьшил ее размеры, чтобы не тревожить моих предубеждений. Мы стояли возле стены пещеры несколько выше ее основания, и все пространство было залито мягким ровным светом.

Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел на некотором расстоянии от нас игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась по крайней мере в четверти мили от нас, а вся пещера была не менее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо страха замкнутого пространства, который люди обычно испытывают в пещерах, я внезапно был охвачен страхом перед огромным открытым пространством — агорафобией. Мне даже захотелось, словно перепуганной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав:

— У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдемте.

Они повели меня по тропинке, которая вилась меж сталагмитами размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с растущими в них гипсовыми лилиями, мимо влажных куполов, которые были стары, когда человека еще не было на земле, под кремовыми полупрозрачными занавесами из оникса и острыми красно-розовыми и темно-зелеными гроздьями сталактитов. Моя способность удивляться была явно перенасыщена, и вскоре я перестал реагировать на окружающее.

Наконец мы вышли на ровную долину, покрытую пометом летучих мышей, и быстро добрались до поселения. Строения в нем не были строениями в принятом смысле этого слова — они оказались просто системами перегородок из пористого пластика, который используется для звукоизоляции. Большинство зданий стояло без крыш. Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласила: «АДМИНИСТРАЦИЯ».

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная, продуманная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно сморкался. Такие клерки — неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его столе говорила, что он — младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, судя по всему, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

— Рад встретиться с вами, мистер Лайл, — сказал он, пожимая мне руку и обмениваясь знаками Ложи.

Потом он почесал нос и чихнул.

— Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы устроим вас на сегодняшнюю ночь в спальном мешке в приемной, а утром что-нибудь подыщем?

Я ответил, что меня это полностью устраивает, и он, похоже, вздохнул с облегчением.

10

Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят как великого героя, и представлял себе, как мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах и благодарить Великого Архитектора за то, что мне удалось доставить мое чрезвычайно важное послание.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, не успев я закончить завтрак, но я его даже не увидел: принял меня старый знакомый мистер Джайлс. Я был несколько раздражен, поэтому прервал его и сухо спросил, когда я смогу явиться на официальный доклад к командующему.

Он чихнул и сказал:

— О да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и что клерк просто следует установившемуся порядку. Лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К полудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие. Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом у меня появился шанс рассказать о своих похождениях — к сожалению, только магнитофону. Люди из плоти и крови получили сообщение, которое я нес, но мне от этого не было никакого удовольствия — я снова находился под гипнозом, как и в тот момент, когда в меня заложили это послание.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, который надо мной трудился, что за послание принес я в Главный штаб. Он ответил коротко:

— Нам запрещено сообщать курьерам содержания посланий. Его тон указывал, что вопрос мой был крайне неуместен.

Тут я немножко вышел из себя. Не знаю, был ли он старше меня по званию (знаков различия на нем не было), но мне было плевать.

— Ради всего святого! Это что получается, братья мне *не доверяют*? Я тут рискую головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

— Нет-нет. Дело вовсе не в том. Это делается для вашей безопасности.

— Как так?

— Такова доктрина. Чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если когда-нибудь попадетесь, — так безопаснее и для вас, и для всех нас. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

— Нет.

— Я тоже. Мне никто не рассказывал об этом, потому что это знание мне в данный момент не необходимо. Однако, — продолжал он, — я думаю, что вам можно сказать в общих чертах, что вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагроулили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

— Обычные сводки? А Мастер Ложи сказал мне, что я несу послание особой важности. Старое жирное трепло!

Техник улыбнулся:

— Боюсь, он просто вас слегка простимулировал... О!

— Что такое?

— Я понял, что он имел в виду. Вы действительно несли одно жизненно важное послание — важное для вас. Вы несли в себе гипнотически закодированное собственное удостоверение личности. Если бы его не было, вам бы не позволили проснуться после сеанса.

Мне нечего было на это сказать, и я молча ушел.

Мои путешествия по врачам, психотехникам, квартирмейстерам и так далее позволили мне ощутить масштабы этого места. «Игрушечная деревня» была всего лишь административным

центром. Электростанция, компактный атомный реактор, находилась в другом зале, ее отделяли от нас десятки метров скалы, которые служили дополнительной защитой. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои дома (или, скорее, загончики) подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от офисов и жилых помещений.

Пресной воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, а туннели, в которых бежали подземные ручьи, похоже, обеспечивали вентиляцию, — во всяком случае, воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно около двадцати градусов, а относительная влажность тридцать два процента, зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я уже числился в штате, а сразу после обеда трудился на временной работе в арсенале, ремонтировал и настраивал бластеры, пистолеты, автоматы и штурмовые винтовки. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботится о протоколе (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо сидеть на скамейке в арсенале, в тепле и покое, и снова возиться с шомполами, выколоткой и отверткой — полезная привычная работа.

В тот же день перед ужином я вошел в офицерскую гостиную, огляделся в поисках свободного стула и вдруг услышал за спиной знакомый баритон:

— Джонни! Джон Лайл!

Я обернулся и увидел бегущего ко мне Зебадию Джонса, старого доброго Зеба собственной персоной, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

— Когда ты сюда попал? — спросил я наконец.

— Недели две назад.

— Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал? Как ты это провернул?

— Проще простого. Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали: «Заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба, что очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

— Я в бюро психологии пропаганды, — сказал он. — У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных статей о частной жизни Пророка, его священников и аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать Дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и прочая ерунда. Все это, разумеется, абсолютная правда, и подается с безоговорочным одобрением. Но я слегка сгущаю краски и делаю акцент на описании драгоценностей и золотых украшений, на том, сколько это все стоит, и постоянно повторяю неотесанной деревенщине, какое счастье им привалило оплачивать подобную мишуру и что они должны гордиться тем, что наместник Бога на земле позволяет им заботиться о нем.

— Не понимаю я тебя, Зеб, — сказал я, нахмурившись. — Ведь люди любят глядеть на эти побрякушки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на Храмовый праздник.

— Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие местные газеты в бедных фермерских общинах долины Миссисипи, Юга и в глубинке Новой Англии — мы распространим их среди самых бедных и самых пуританских слоев населения, среди людей, которые твердо убеждены, что бедность и добродетель — синонимы. Эти статьи слегка подействуют им на нервы. Пусть они начнут сомневаться.

— Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание такой чепухой?

— Это не чепуха, потому что она воздействует непосредственно на эмоции, минуя логику. Ты быстрее сдвинешь с места тысячу человек, апеллируя к их предрассудкам, чем убедишь одного с помощью логики. И эти предрассудки даже могут не иметь отношения к по-настоящему важным вещам. Джонни, ты же умеешь использовать индексы коннотации?

— Ну... И да и нет. Я знаю, что они существуют, что они должны измерять эмоциональный отклик на слова.

— Примерно так все и есть. Но индекс слова — не фиксированное значение, в футе всегда ровно двенадцать дюймов, а это сложная переменная функция в зависимости от контекста, возраста, пола и рода занятий слушателя, региона и десятка других вещей. Индекс — это конкретное значение переменной, которое показывает нам, будет ли конкретное слово, сказанное опреде-

ленным образом, воздействовать на конкретного слушателя (или читателя) положительно, отрицательно или оставить его равнодушным. При условии правильного учета всех факторов адресной группы индекс может быть таким же математически точным показателем, как какой-нибудь технический параметр. У нас никогда нет полного набора данных, которые нужны для решения этой формулы, поэтому оперирование индексами остается искусством — но очень точным искусством, особенно потому что мы используем «обратную связь» через выборку на местах. Каждая статья, которую я пишу, раздражает читателя немножго больше, чем предыдущая, — и он даже не знает почему.

— Звучит красиво, но я не совсем понимаю, как это делается.

— Я приведу простой пример. Что бы ты предпочел: хороший, толстый, сочный стейк из нежного мяса — или кусок мышечной ткани из трупa незрелого кастрированного быка?

Я только улыбнулся в ответ:

— Ты меня не собьешь. Ты можешь называть его как угодно, но я все равно его сожру, если он не пережарен. Кстати, неплохо было бы сейчас пожевать что-нибудь. Я проголодался.

— Ты думаешь, что мои слова тебя не задели, потому что ты был готов к ним. Но как долго протянет ресторан, если запустит рекламу с такой терминологией? Возьмем другой простой пример: англосаксонские односложные слова, которые озорные мальчишки пишут на заборах. Ты не можешь произнести их в приличном обществе, никого не оскорбив, но для каждого из них есть разные околичности и синонимы, которые употребимы в любой компании.

Я кивнул в знак согласия:

— Полагаю, так и есть. Конечно же, я вижу, как это может сработать на других людях. Но лично у меня, должно быть, иммунитет от подобных вещей. Эти запретные слова ничего для меня не значат — за исключением того, что я должен быть с ними осторожен, чтобы кого-нибудь не обидеть. Я образованный человек, Зеб. «Палки и камни ломают руки...» и так далее¹. Но я понимаю, как это может сработать на людях невежественных.

¹ Начало поговорки «Sticks and stones may break my bones but words will never hurt me» — «Палки и камни ломают руки, а слова — это просто звуки». — *Примеч. С. В. Голд.*

Мне следовало помнить, что в присутствии Зеба не стоит расслабляться. Одному Богу известно, сколько раз он меня подлавливал. Он спокойно улыбнулся, глядя мне в глаза, и сделал короткое заявление с участием некоторых из упомянутых запретных слов.

— *Не смей говорить это о моей маме!*

И я прокричал это, и я вскочил со стула, и я готов был броситься на него, как злобный цепной пес. Должно быть, Зеб точно просчитал мою реакцию и заранее сместил свой вес перед тем, как сказал эти слова, потому что мой кулак, вместо того чтобы раздробить его подбородок, внезапно оказался перехвачен за запястье, а вторая его рука зажала меня в клинч, поэтому бой прервался, не успев начаться.

— Полегче, Джонни, — выдохнул он мне в ухо. — Прими мои извинения. Смиренно прошу у тебя прощения. Поверь, я не собирался тебя оскорблять...

— Ну да, как же!

— Потому и говорю: «смиренно». Ты простишь меня?

Когда я немного успокоился, то понял, что скандал не остался незамеченным. Хотя мы выбрали для разговора тихий уголок, в гостиной уже был десяток-другой человек, ожидающих ужина. Я осознал, что в помещении стоит мертвая тишина, и буквально слышал, как в головах людей крутится вопрос: вмешиваться в драку или нет? Я снова ударился в краску, но уже не от гнева, а от смущения.

— Хорошо, — сказал я. — Отпусти меня.

Он разжал руки, и мы снова сели. Я все еще был сердит и отнюдь не собирался так просто спускать Зебу непростительное нарушение правил приличия, но кризис уже миновал. Зебадия тихо сказал:

— Джонни, поверь, я не намеревался оскорбить ни тебя, ни кого-либо из членов твоей семьи. Это была всего лишь научная демонстрация динамики коннотационных индексов, и более ничего.

— На мой взгляд, совершенно не обязательно было делать это настолько личным.

— Но мне пришлось это сделать! Мы говорили о психодинамике эмоций, а эмоции — это очень личные, субъективные вещи, которые необходимо пережить, чтобы понять. Ты был уверен, что, как образованный человек, невосприимчив к подоб-

ной форме нападения, — поэтому я провел лабораторный тест, чтобы показать тебе, что от нее никто не застрахован. Итак, что я тебе сказал?

— Ты сказал... не важно. Ладно, это был тест, но я не хочу это повторять. Ты высказал свое мнение, мне это не нравится, и точка.

— Но что я все-таки сказал? На самом деле все, что я сказал, — это то, что ты был законным потомком, родившимся в законном браке. Правильно? Что в этом оскорбительного?

— Но... — Я остановился и пробежал в уме дикие оскорбительные и унижительные вещи, которые он произнес, — и, знаете, они действительно складывались именно в то, что он сказал. Я беспомощно улыбнулся. — Но ты об этом *так* сказал!..

— Именно, именно! Если говорить технически, я выбрал термины с высокими отрицательными показателями для данной ситуации и данного слушателя. Именно так мы и готовим нашу пропаганду, за исключением того, что ее эмоциональные показатели количественно меньше, чтобы избежать подозрений и не попасть под цензуру, — медленно действующий яд, а не резкий удар в живот. Мы пишем только о Пророке, восхваляя его до небес. Поэтому раздражение, возникшее у читателя, направляется на него. Наша методика воздействует, минуя осознанные мысли читателя, на его табу и фетиши, которые заполняют его подсознание.

Я вспомнил свой собственный внезапный, необоснованный гнев и с неохотой признал:

— Ладно, убедил. Похоже, это очень серьезная наука.

— Именно так, парень, именно так. Есть магия в словах, черная магия — если знаешь, как ее вызвать.

После ужина мы с Зебом отправились в его комнатку и продолжили болтать о том о сем. Мне было спокойно и уютно, и я был очень, очень доволен жизнью. В тот момент меня мало волновало, что мы с ним участвуем в революционном заговоре, который имеет мало шансов на успех и который, вернее всего, закончится тем, что мы или погибнем вскоре в бою, или будем сожжены как отступники. Старый добрый Зеб! Что с того, что он снова обманул и ударил меня по больному? Он был моей семьей — всем, что у меня еще осталось. И сейчас я себя чувствовал как в детстве, когда мать сажала меня на стул в кухне и кормила печеньем с молоком.

Мы болтали о том о сем, и постепенно я многое узнал о нашей организации; в частности, обнаружил — и был этим весьма удивлен, — что не все наши товарищи были братьями. Я имею в виду братьев по Ложе.

— Разве это не опасно? — спросил я.

— А чего ты, старина, ожидал? Некоторые из самых ценных наших товарищей не могут по религиозным соображениям присоединиться к Ложе. Но нам никто не давал монополии на ненависть к тирании и на любовь к свободе. В нашей борьбе нам нужна поддержка как можно большего числа людей. Любой идущий с нами по одной дороге — наш полутчик и товарищ. Любой.

Я обдумал это. Идея звучала логично, хотя чем-то она мне не понравилась. И я решил смириться с действительностью.

— Наверное, ты прав. Можно допустить, что, когда дело дойдет до сражений, мы используем даже париев, хотя, конечно же, их нельзя принимать в братство.

Зеб уставился на меня уже знакомым мне взглядом:

— Ради бога, Джон! Когда же наконец ты вырастешь из своих пеленок?

— А что?

— Неужели тебе до сих пор не пришло в голову, что самое существование париев является частью пропагандистского трюка тирании, которая всегда ищет козла отпущения?

— Но какое это имеет отношение?..

— Заткнись! И слушай старших! Отберите у людей секс, запретите его, объявите греховным, ограничьте его ритуалом размножения. Затолкайте человеческие инстинкты вглубь, превратите их в подспудное стремление к садизму. А потом дайте народу козла отпущения, пусть они его ненавидят и время от времени убивают, чтобы дать выход эмоциям. Это очень старый механизм. Он отработан тиранами за многие столетия до того, как было придумано слово «психология». И этот механизм по-прежнему эффективен. Не веришь — погляди на себя.

— Ты меня не так понял, Зеб! Я ничего не имею против париев.

— Вот и молодец! Продолжай в том же духе. Тем более что у тебя есть все шансы встретиться с ними в Высшем совете Ложи. Кстати, забудь это слово — «пария». В нем заключается, как мы говорим, высокий негативный индекс.

Он замолчал. Молчал и я. Мне нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях. Поймите меня правильно: легко быть свободным, когда тебя воспитали свободным. А если ты воспитан рабом? Тигр, возвращенный в зверинце, убежав, вновь возвращается в покой и безопасность клетки. А если клетку убрать, говорят, он будет ходить вдоль несуществующей решетки, не смея перейти невидимую линию, отделяющую его от свободы. Подозреваю, что я был таким тигром и не мог перейти границу.

Мозг человека невероятно сложен. В нем есть отделения, о которых сам его владелец не подозревает. Мне казалось, что я уже устроил в собственном мозгу уборку и выкинул оттуда все грязные суеверия, которые во мне воспитали. Но оказывается, моя «уборка» была не более как заметанием сора под коврик. Настоящая же уборка завершится не раньше чем через годы. Только тогда чистый воздух заполнит все комнаты моего разума.

Хорошо, сказал я себе, если я встречу одного из этих пар... нет, одного из этих *товарищей*, я обменяюсь с ним знаками и буду с ним вежлив до тех пор, пока он сам будет вежлив со мной!

И в тот момент я не чувствовал ханжества в таком мысленном условии.

Зеб лежал на койке и курил, предоставив мне возможность все обдумать. Я знал и раньше, что он курит, и он знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был незначительный грех, и мне даже в голову не приходило донести на Зеба, когда мы жили с ним в казармах Дворца. Я даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами один из сержантов.

— А кто тебе здесь достает сигареты? — спросил я, желая сменить тему.

— Зачем просить других, когда можно купить их в лавке?

Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку, осмотрел ее и сказал:

— Эти мексиканские сигареты крепче тех, к которым я привык. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак вместо мусора, к которому я привык. Хочешь закурить?

— Что? Нет уж, спасибо!

Он криво усмехнулся:

— Давай прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

— Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

— Ну уж нет. Это гадкая, грязная привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов доконает меня раком легких. — Он глубоко затаился, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, очень доволен жизнью. — Но так уж вышло, что мне *нравятся* гадкие грязные привычки. — Он снова затаился. — Но это не грех, и мое наказание за него приходит здесь и сейчас: мерзкое ощущение во рту каждое утро... И Великий Архитектор не отправит меня за это в Шеол. Усек, старина? Он даже не смотрит на нас.

— Не богохульствуй.

— А я и не богохульствую.

— Да? Ты нападаешь на одно из самых фундаментальных — возможно, единственное фундаментальное положение религии: Господь всегда следит за нами!

— *Кто тебе сказал?*

На секунду я лишился дара речи.

— Это же не требует... это аксиома. Это...

— Я повторяю вопрос: *кто тебе сказал об этом?* Допустим, я заберу назад все, что сказал. Всемогущий видит, что я курю. Допустим, это смертный грех, и я буду гореть за него вечно. Возможно. Но *кто это тебе сказал?* Джонни, ты уже пришел к тому, что Пророка стоит свергнуть и повесить на высоком-высоком дереве. Но ты все еще готов отстаивать свои религиозные убеждения и опираешься на них, чтобы оценивать мое поведение. Поэтому я еще раз спрашиваю: кто тебе сказал? На каком холме ты стоял, когда молния сошла с небес и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту весть?

Я не нашелся что ответить. Я не мог сразу. Когда слова пришли, я проговорил их, чувствуя холод и пустоту внутри себя:

— Зеб... Я, кажется, наконец-то понял тебя. Ты — атеист. Верно?

Зеб угрюмо посмотрел на меня.

— Не называй меня атеистом, — сказал он медленно, — если только ты не ищешь неприятностей.

— Значит, ты не один из них? — Я почувствовал волну облегчения, хотя по-прежнему его не понимал.

— Нет, я — нет, — сказал он. — И я думаю, что это не твое дело. Моя религиозная вера — это личное дело между мной и мо-

им Богом. О моих внутренних убеждениях тебе придется судить по моим поступкам. Потому что я не давал тебе права расспрашивать о них. Я отказываюсь их объяснять и оправдывать — перед тобой... Да перед кем угодно... перед Мастером Ложи... или Великим Инквизитором, если до этого дойдет.

— Но ты веришь в Бога?

— Я тебе уже говорил, разве нет? Повторю еще раз: я не давал тебе права спрашивать об этом.

— Значит, ты должен верить в другие вещи?

— Ну разумеется! Я верю, что человек обязан быть милосерден к слабым... Терпеливым с глупыми... щедрым с бедными. Я верю, что он обязан отдать жизнь за братьев, если от него это потребуется. Но я не предлагаю ничего из этого доказывать. Эти вещи недоказуемы. И я не требую, чтобы ты верил в то же, во что и я.

Я выдохнул:

— Мне этого достаточно, Зеб.

Но вместо того, чтобы обрадоваться, он раздраженно ответил:

— Это очень мило с твоей стороны, брат, очень мило с твоей стороны! Прости, я, наверное, не должен быть саркастичным? Но я не собирался просить вашего одобрения. Вы подтолкнули меня — случайно, я уверен, — к обсуждению вопросов, которые я не намерен обсуждать. — Он сделал паузу, чтобы зажечь еще одну из своих вонючих сигарет, и продолжил более спокойным тоном: — Джон, я полагаю, что я, в каком-то собственном извращенном смысле, довольно ограниченный человек. Я очень сильно верю в свободу религии — но я считаю, что свобода лучше всего выражается в праве хранить молчание. С моей точки зрения, открытое проявление благочестия слишком часто является проявлением непомерной гордыни.

— Что?!

— Не всегда, разумеется. Я встречался с добрыми, скромными и набожными людьми. Но что насчет человека, который утверждает, что знает помыслы Великого Архитектора? Человека, который утверждает, что был причастен к Его тайным планам? Я вижу в этом кощунственное тщеславие худшего сорта — этот тип, вероятно, никогда не был ближе к Его чертежной доске, чем ты или я. Но ему приятно чувствовать, что он поддерживает дружеские отношения со Всемогушим, это лелеет его эго и позволяет ему устанавливать законы для тебя и меня. Тьфу!

Тупица с громким голосом и ай-кью около девяноста, шерсть на ушах, грязное белье и масса амбиций. Он слишком ленив, чтобы работать на ферме, слишком глуп, чтобы стать инженером, слишком ненадежен, чтобы быть банкиром, — но, брат мой, он умеет молиться! Через некоторое время он собирает вокруг себя других придурков, у которых нет такого живого воображения и самоуверенности, но которым нравится идея прямой линии к Всемогушему. И вот этот... персонаж уже не Неемия Скаддер, а Первый Пророк.

Я слушал его слова и испытывал легкий шок, но и удовольствие тоже — до тех пор, пока он не назвал имя Первого Пророка. Возможно, в то время в духовном плане я ничем не отличался от любого «примитивного» последователя Первого Пророка. То есть я уже решил, что Воплощение Пророка был самым дьяволом и все его дела были нечисты, но это решение никак не повлияло на основы веры, которые я узнал от своей матери. Дело было, по моему разумению, в том, чтобы очистить и реформировать Церковь, но не разрушать ее. Я упоминаю об этом здесь, потому что мой персональный случай был связан с одной очень серьезной военной проблемой, которая возникла позднее.

— Что-то не так? — спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо. — Я опять тебя чем-то обидел? Я не хотел этого.

— Нисколько, — ответил я тихо и принялся объяснять ему, что греховность нынешней банды дьяволов, захвативших Церковь, никоим образом не умаляет истинной веры. — В конце концов, что бы ты ни думал и как бы ни хотел продемонстрировать свой цинизм, доктрина — это вопрос логической необходимости. Воплощенный Пророк и его клеветы могут ее извратить, но не могут уничтожить — и совершенно не важно, носил ли настоящий Пророк грязное белье или нет, это ничего не меняет.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора:

— Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор, ты же знаешь, — вспомни, что даже в Каббалу меня пришлось тащить чуть ли не силой... — Он помолчал. — Так ты говоришь, что доктрина — это вопрос логики?

— Конечно, ты сам объяснял мне логику, это завершенное логическое построение.

— Так и есть. Хорошо, Джонни, дело в том, что фигура Бога в качестве авторитета очень удобна. Ты можешь с ее помо-

пью доказать все, что тебе хочется. Ты просто выбираешь из имеющихся постулатов подходящие, а потом твердишь, что они «священные», — и никто не сможет доказать, что ты не прав.

— Ты хочешь сказать, что Первый Пророк *не был* назначен свыше?

— Я ничего не хочу сказать. К твоему сведению, это я — Первый Пророк, вернувшийся, чтобы изгнать святотатцев из Храма моего...

— Не смей... — начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся, и Зеб сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

— Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она оказалась удивительно хорошенькой и намного моложе, чем я думал.

— Сестра Магдалина!

— Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей — Мэгги.

— Но что случилось? Почему вы здесь?

— Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то, я не могла вернуться во Дворец — как ты или Зеб, — но наше убежище в Новом Иерусалиме было переполнено, и меня перевели сюда.

— Очень приятно видеть вас здесь!

— И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом забралась на кровать Зеба и уселась в позе портного, обнажив в процессе довольно нескромный процент своих конечностей. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затащила и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того чтобы продолжать спор, я улыбнулся и сказал:

— Как здорово, что мы снова все встретились! Вот если бы еще...

— Понимаю, — согласилась Мэгги, — если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

— Письма? Разве это возможно?

— Ах да, правильно: вам нельзя. Пока еще нельзя. Но вы можете написать ей сейчас.

— Что?! Как!

— Я не помню номера почтового ящика, но вы оставьте письмо у меня на столе — я в отделе «Джи-два»¹, только не запечатывайте. Вся личная переписка подлежит цензуре и правке. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончался. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению, подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифи с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написал письма в тот вечер. Было уже больше одиннадцати, и Мэгги сказала, что завтра рано вставать, когда вошел ординарец.

— Командующий просит легата Лайла немедленно прибыть к нему.

Я быстро причесался гребешком Зеба и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм не первой свежести.

В святая святых было пусто и темно — только горела лампочка в далекой приемной, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

— А, Джон Лайл, — сказал он, встал из-за стола и подошел ко мне, протягивая руку. — Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, заведующий кафедрой прикладных чудес в Вест-Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

— Полковник... — Я пожал ему руку. — Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

¹ Кодом «G-2» в Армии США обозначается отдел военной разведки. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропал офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве не знаешь?

— Нет, не знаю, сэр. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр!

— Хорошо.

— А как вы... я хочу сказать, вы здесь... — Я смущенно замолчал.

— Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в братстве с твоего возраста, Лайл. Но я не переходил на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать, — никто из нас не скрывается в подполье по своей воле. Но они страшно давили на меня, чтобы я стал священником. Суперинтенданта очень тревожило, что мирской офицер знает слишком много о секретных разделах физики и химии. Так что я взял короткий отпуск и умер. Очень печально. — Он улыбнулся и продолжал: — Но ты садись, садись. Я весь день собирался послать за тобой, но день вышел напряженный. Как и все последние дни, впрочем. Только сейчас выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы сели и поболтали немного. У меня голова шла кругом. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера, под началом которого служил. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж Каббала хороша для него, то для меня и по-прежнему, и плевать на тонкости доктрины.

В конце беседы Хаксли сказал:

— Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы просто поболтать. У меня есть для тебя работа.

— Да, сэр?

— Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Одни необученные ополченцы. Но это между нами, и не думай, что я недоволен моими товарищами, — каждый из них посвятил нашему делу жизнь, и для них это был более трудный выбор, чем для тебя или меня. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что было еще сложнее. Но все-таки нам остро не хватает

настоящих кадровых солдат. Они, конечно, стараются, но у меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный штаб в успешно функционирующий организм. Я буквально завален административными делами. Ты готов мне помочь?

Я поднялся:

— Я сочту за честь служить генералу в меру своих способностей.

— Отлично! Назовем тебя пока моим личным адъютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошел смысл его последних слов. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зрения профессионального военного, революция имеет большое преимущество — она дает возможность быстрого продвижения по службе... Даже если жалование поступает нерегулярно.

Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и теперь я практически жил в кабинете — даже поставил раскладушку в углу, за письменным столом. В первый же день, около десяти вечера, стараясь разобрать груды входящих бумаг, я поклялся себе, что, как только разделаюсь с бумагами, первым делом напишу длинное письмо Юдифи. Но мне пришлось довольствоваться короткой запиской, потому что на самом дне груды я обнаружил меморандум, адресованный не генералу, а лично мне.

На меморандуме было написано: «Легату Лайлу», затем кто-то вычеркнул слово «легат» и написал сверху: «Капитану». Далее следовал текст:

«ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ВНОВЬ ЗАЧИСЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА

ТЕМА: отчет о Вашем обращении.

1. От Вас требуется со всеми подробностями описать все события, мысли, соображения, инциденты, приведшие Вас к решению присоединиться к борьбе за свободу. Доклад должен быть подробным и максимально субъективным. Доклад, составленный в спешке, слишком коротко и поверхностно, будет возвращен Вам на предмет корректировки и дополнений, а возможно, с направлением на опрос под гипнозом.

2. Ваш доклад будет рассматриваться как строго конфиденциальный, и Вы можете объявить секретной любую его часть.

При желании Вы можете заменить буквами или цифрами имена собственные лиц, о которых идет речь, если это поможет Вам высказываться с полной откровенностью. Вне зависимости от всего, отчет должен быть максимально полным.

3. На время написания доклада Вы не освобождаетесь от повседневных обязанностей, но Вы должны рассматривать написание доклада как предельно приоритетную задачу. Черновик Вашего доклада должен быть представлен не позднее (далее чьей-то рукой была написана дата и время — сорок семь часов от той минуты, когда я закончил чтение; тут я пробормотал под нос парочку выражений, принятых у мирян).

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ КОМАНДУЮЩЕГО

полковник М. Новак,

начальник департамента психологии».

Я был крайне возмущен этими требованиями и решил, что все же сначала я напишу Юдифи. Но письмо не получалось, — как вы прикажете писать любовное послание, когда вы знаете, что его обязательно увидят чужие глаза и будут подозрительно вдумываться в смысл самых ваших нежных слов? Кроме того, пока я писал Юдифи, мои мысли вновь вернулись к той ночи у парапета Дворца Пророка, когда я впервые ее увидел. Мне показалось, что мое «обращение», как его назвал любопытный полковник Новак, началось именно с этого момента, хотя кое-какие сомнения у меня возникали и раньше. Закончив короткое письмо, я решил не ложиться, а заняться этим дурацким докладом.

Через какое-то время я обнаружил, что уже второй час ночи, а я все еще не добрался до момента, когда был принят в Братство. С сожалением я прекратил исповедь, хотя уже начал получать от ее создания определенное удовольствие, и запер рукопись в стол.

На следующее утро за завтраком я отвел Зеба в сторонку, показал ему меморандум и спросил:

— Ты работаешь на этого зануду. Зачем этот допрос? Неужели они нас все еще в чем-то подозревают?

Зеб едва взглянул на меморандум.

— Ничего подобного, — сказал он. — Хотя, конечно же, любой шпион, если он забредет так далеко, попадет на таком докладе, стоит его подвергнуть семантическому анализу. Никто не сможет лгать так долго и так сложно.

— Но тогда для чего это?

— Не все ли равно? Напиши его как следует и сдай куда надо.

Мне его реакция не понравилась.

— Сомневаюсь, что буду его дописывать. Лучше сначала поговорю об этом с генералом.

— Пожалуйста, если хочешь выглядеть дураком. Но поверь, что психоматематикам, которые будут анализировать эту писанину, твоя персона ни разу не интересна. Им даже не важно, как тебя зовут. Перед началом анализа девица пройдет по всему докладу и заменит все оставшиеся имена, включая твое собственное, на цифры. Ты для них — источник информации, не больше. Наш шеф замыслил какой-то грандиозный проект — я сам не знаю какой, и ему надо набрать для него ворох статистических данных.

Я несколько успокоился.

— Чего ж они прямо об этом не скажут? А то я решил, что этот меморандум — приказ. И естественно, разозлился.

Зеб пожал плечами:

— Все произошло оттого, что меморандум готовил отдел семантики. Если бы над ним поработали пропагандисты, ты бы вскочил с кровати на рассвете и до завтрака закончил работу — так тебе не терпелось бы отличиться.

Он добавил:

— Между прочим, до меня дошли слухи, что тебя повысили в чине. Прими мои поздравления.

— Спасибо. — Неожиданно для самого себя я смутился. — Каково тебе теперь чувствовать себя младшим по званию, Зеб?

— Как? Неужели ты взлетел так высоко? Я-то решил, что ты всего-навсего капитан?

— Я и есть капитан.

— Извини меня, что я лезу к тебе со всякой чепухой, но я уже майор.

— Ничего себе! Поздравляю.

— Не стоит благодарности. Здесь надо быть, по крайней мере, полковником, чтобы не застилать по утрам свою койку.

По правде сказать, я был слишком занят, чтобы каждый день убирать свою койку. Спал я в основном на раскладушке в моем кабинете, и как-то раз мне пришлось неделю обходиться без душа.

Мне стало ясно, что организация Каббалы была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к деревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то что все бумаги, кроме сверхсекретных («после прочтения сжечь»), проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать это самому. С этим вполне может справиться тот, кто прошел подготовку по основам штабного или доктринального управления: весь фокус в том, чтобы заставить свой мозг работать так же, как работает мозг твоего босса во всех рутинных делах. И в том, чтобы уметь отличить рутинные дела от тех, которые он обязан взять на себя лично. Поначалу я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятным для слуха званием: «Помощник начальника Главного штаба». Конечно, в основном я был обязан за это тому, что носил на пальце кольцо Вест-Пойнта; быть профессионалом — это большое преимущество.

Должен добавить, что к тому времени Зеб уже был полковником и исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его шефа перевели в региональный штаб, который везде фигурировал под кодовым названием «Иерихон».

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифи недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с ответом неделю — не мог придумать, что ей ответить. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят. Если я напишу три раза подряд, что я ее люблю, то какой-нибудь идиот-шифровальщик обязательно это выкинет, посчитав «секретным кодом».

Почта достигала Мексики через длинный подземный туннель, частично пробитый, но в основном естественного происхождения, он проходил прямо под границей. Маленькая электрическая железная дорога, наподобие тех, что используют в шахтах, перевозила не только документы и переписку, но также продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. По нашу сторону границы имелся по меньшей мере еще деся-

ток ходов, по которым можно было попасть в Главный штаб, но я так и не узнал, где они проходили, — это не имело отношения к моей работе. Весь этот край лежит на толстом слое палеозойского известняка, и в нем вполне можно было нарыть пещер от Калифорнии до Техаса. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечением трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в не известных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никому не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично одобрял эти прогулки, потому что они были редким средством размяться и не терять формы, — многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Мэгги несколько раз выбирались на такие прогулки. Мэгги всегда приглашала с собой какую-нибудь другую девушку. Сначала я протестовал, но она убедила меня, что это необходимо, чтобы избежать сплетен... девушки как бы приглядывали друг за другом. Она уверяла меня, что Юдифь не стала бы возражать против таких пикников, потому что они совершенно невинны. Каждый раз спутницы Мэгги менялись, и похоже было, что Зеб куда больше обращал внимания на этих девушек, оставляя Мэгги на мое попечение. Одно время мне казалось, что Мэгги и Зеб поженились, но теперь я начал в этом сомневаться. Вроде бы они подходили друг другу, как сыр к маслу, но Мэгги вполне очевидно не питала к Зебу ревности, хотя, с моей точки зрения, он вел себя совершенно бесстыдно — словно полагал, что Мэгги его поведение никак не задает.

Однажды субботним утром Зеб сунул голову в мою келью и сказал:

— Выход в два часа. Захвати с собой полотенце.

Я поднял взор от кипы бумаг:

— Вряд ли я успею. А почему полотенце?

Но он уже исчез.

Через некоторое время ко мне в кабинет зашла Мэгги, чтобы передать еженедельную разведсводку Старикуну, но я и не пытался ее ни о чем спрашивать — на службе она идеальный штабной сержант. Днем я попытался перекусить, не поднимаясь из-за стола, все еще надеясь покончить с делами и понимая, что не успеваю. Без четверти два я отправился к генералу Хаксли, чтобы он наложил резолюцию на послание, которое должно уйти вечером с гипнокурьером. Послание следовало немедленно отправить психотехнику, который подготовит его для внушения курьеру. Генерал проглядел послание, завизировал его и произнес:

— Сержант Энди сказал мне, что у вас свидание.

— Сержант ошибается, — ответил я официальным голосом. — Я еще не обработал недельные доклады из Иерихона, Нода и Египта.

— Оставьте их на моем столе и выматывайтесь. Это приказ. Не в моих интересах, чтобы вы свихнулись от переутомления.

Я не стал напоминать генералу, что он сам уже месяц не вылезал из своего кабинета. Я подчинился и вышел.

Я поспешил к нашему обычному месту встречи у женских барачков. Мэгги уже ждала там. С ней рядом стояла блондинка по имени Мариам Бус, которая служила клерком на интендантских складах. Я знал ее в лицо, но не был знаком. Девушки принесли с собой корзину с продуктами. Тут же подошел и Зеб. Он принес одеяло, на котором мы обычно сидели. Оно же служило и скатертью. В другой руке он нес переносной прожектор, который мы зажигали, выбрав место для пикника.

— Где твоё полотенце? — спросил он.

— Так ты серьезно говорил? Я решил, что ты шутишь.

— Беги за ним. Мы пойдем Аппиевой дорогой, а ты нас догонишь. Пошли, девочки.

Они отправились в путь, а мне ничего не оставалось, как подчиниться. Схватив в моей комнате полотенце, я поспешил за ними и, только заведя их вдаль, перешел с бега на шаг. Я с трудом отдышался — сидячая работа сказалась на мне катастрофически. Они услышали, как я топаю, и остановились, поджидая меня.

Мы все были одеты одинаково: в штаны, подпоясанные ремнями с прикрепленными к ним фонарями, и куртки, обмотанные страховочным тросом. Хотя мне и не очень нравилось, что жен-

щины в пещерах ходят в мужской одежде, я понимал, что лазить по пещерам в юбках непрактично и довольно нескромно.

Мы покинули освещенный туннель, повернув, казалось бы, к сплошной стене. Но тут же попали в трудно различимый, но вполне проходимый коридор. Как только мы миновали нахоженные и размеченные тропы, Зеб привязал к камню конец лабиринтного шнура и начал стравливать его, как требовалось по инструкции. Зеб всегда внимательно относился к серьезным вещам.

Мы прошли по коридору с полмили, встречая закопченные стены и другие следы тех, кто бывал здесь до нас. Затем мы покинули исхоженную тропу и вскоре уперлись в глухую стену.

Зеб опустил на пол прожектор и включил его.

— Убирайте фонарики, здесь придется подниматься, — сказал он.

— А куда мы направляемся? — спросил я.

— Мариам там бывала. Она нам покажет. Поможешь мне, Джонни.

Перебраться через стену не стоило особого труда. Я легко подтянул Зеба наверх, девушки вполне были способны помочь друг другу, на всякий случай мы страховали девушек тросами. Потом мы подняли наше снаряжение и снова включили фонарики. Дальше нас повела Мариам. По ту сторону перемычки туннель продолжался. Если не знать о нем, можно тысячу лет проходить в метре от туннеля и не догадаться о его существовании. Мы шли быстро и остановились лишь однажды, когда Зеб привязал к лабиринтному шнуру новый клубок. Вскоре Мариам сказала:

— Теперь не спешите. Мне кажется, что мы уже пришли.

Зеб обвел вокруг себя фонарем, установил прожектор, включил его и присвистнул:

— Вот это да!

Мэгги медленно произнесла:

— Как здесь красиво!

Мариам лишь торжествующе улыбнулась.

Я был с ними согласен. Мы оказались в небольшой пещере с куполообразным сводом шириной около восьмидесяти футов, которая уходила в неизвестность, полого заворачивая направо. Главной достопримечательностью этой пещеры было спокойное, будто налитое тушью озерцо, занимавшее большую ее часть, перед которым расстился маленький песчаный пляж.

Думаю, этот песок принесла сюда вода миллион лет назад, если не больше.

Наши голоса возвращались причудливым эхом, искаженным сталактитами и каменными наплывами, свисавшими с потолка пещеры. Зеб подошел к краю озера, присел и попробовал воду пальцами.

— Не очень холодная, — сообщил он. И тут же добавил: — Кто последний, тот стукач!

Я узнал древний призыв к заплыву наперегонки, хотя последний раз слышал его в детстве, и тогда в нем упоминался «грязный пария», но не поверил своим ушам. Зеб уже расстегивал куртку. Я подошел к нему и приглушенным голосом заявил:

— Зеб! *Совместное купание?* Ты шутишь?

— И не собирался шутить, — сказал он, глядя мне в глаза. — А почему нельзя? Что с тобой, мой дружок? Ты боишься, что на тебя наложат епитимью? Не бойся, они не увидят. С наказаниями у нас покончено.

— Но...

— Что «но»?

Я не смог найти ответа. Пользуясь терминами и понятиями, которым меня обучили в Церкви, я мог бы объяснить ему всю греховность его намерений. Но я понимал, что Зеб рассмеется мне в лицо — и девушки услышат, что он смеется. А может быть, и они будут смеяться, потому что они с самого начала знали, что мы будем купаться вместе, а меня никто не предупредил.

— Зеб, послушай, — не сдавался я. — *Я не могу.* Ты меня не предупредил... у меня даже нет купального костюма.

— Я тоже не захватил, — сказал Зеб. — Скажи, а тебе мальчишкой не приходилось купаться нагишом? Тебя пороли за это?

Он не стал ждать моего ответа на свой чудовищный поклеп, а повернулся к девушкам и спросил:

— А вы чего ждете, хрупкие сосуды греха?

— Мы ждем, пока вы кончите спорить, — ответила Мэгги, подходя ближе. — Зеб, ты не возражаешь, если мы с Мариам разденемся по ту сторону большого камня?

— Отлично. Но учти: не нырять, не отвязывать страховочного конца — и на берегу все время дежурит один из нас.

— Глупости! — возмутилась Мариам. — В прошлый раз я здесь ныряла.

— Тогда меня с тобой не было, — ответил Зеб. — Так что я повторяю: не нырять, а то отшлепаю.

Мариам пожала плечами:

— Будь по-твоему, полковник Зануда. Пошли, Маг.

Они обогнули нас и зашли за камень размером с дом. На полпути Мариам остановилась, посмотрела на меня и погрозила пальцем:

— Чтобы не подглядывать!

Я тут же покраснел до ушей.

Девушки исчезли за камнем, и до нас донеслось их хихиканье. Я быстро сказал:

— Ты делай как хочешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Но я останусь здесь, на берегу, побуду спасателем.

— Как пожелаешь. Я собирался подежурить в первую смену, но тебя за язык никто не тянул. Тогда достань и приготовь веревки. Без нужды не суетись — обе девушки отлично плавают.

В отчаянии я прошептал:

— Зеб, я уверен, что генерал категорически запрещает купание в подземных озерах.

— Поэтому мы ему и не будем докладывать, — ответил Зеб. — Никогда не беспокойте командующего без нужды — цитирую по уставу армии царя Иосифа, тысяча четырехсотый год до нашей эры.

И он продолжал раздеваться.

Не знаю, зачем Мариам понадобилось предупреждать, чтобы я не подглядывал — я и не собирался! — потому что, раздевшись, она тут же вышла из-за валуна. Она не подходила к нам, а сразу двинулась к воде, но прожектор освещал ее всю, и она даже на мгновение повернулась к нам, а потом крикнула:

— Выходи, Мэгги! Если ты поспешишь, то Зеб будет последним!

Я не хотел смотреть на Мариам, но не мог отвести от нее глаз. Я в жизни не видел ничего похожего на зрелище, представшее моим глазам. Только раз мне удалось взглянуть на картинку, которую мне показал мальчик в нашей приходской школе. Но я успел лишь взглянуть и тут же на него донес.

Я сгорал со стыда, но смотрел на Мариам не отрываясь.

Зеб вошел в воду раньше Мэгги, — правда, я думаю, что ей было все равно. Он почти нырнул — таким образом, чуть не нарушил собственный запрет. Он прыгнул в воду, но не скрылся под ее поверхностью, а сразу поплыл и вскоре уже догнал Мариам, которая плыла к дальнему берегу.

Затем из-за камня вышла Мэгги и тоже вошла в воду. Она не преподнесла свое появление как торжественное событие, подобно Мариам, — быстро и грациозно она скользнула в воду. Войдя в озеро по пояс, Мэгги сделала несколько легких движений, потом сильными гребками поплыла в темноту. Вскоре она догнала остальных — мне было слышно, как они переговариваются, хотя я не видел их в темноте.

Пока она не скрылась из глаз, я был бессилен оторвать от нее взгляд, даже если бы от этого зависело бессмертие моей души. Что же такое заключено в теле женщины, превращающее его в самое соблазнительное и манящее зрелище на свете? Истинно ли утверждение некоторых людей, что все дело лишь в инстинкте, который заставляет нас покоряться воле Господа, дабы плодиться и размножаться? А может быть, за этим скрывается нечто более загадочное и чудесное?

Я поймал себя на том, что губы мои шепчут:

— «Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!

Этот стан твой похож на пальму, и груди твои — на виноградные кисти»¹.

Затем, устыдившись, я замолчал, ибо вспомнил, что Песнь Песней Соломона — чистая и священная аллегория, не имеющая ничего общего с подобным зрелищем.

Я уселся на песок и постарался успокоить свою смятенную душу. Через некоторое время я почувствовал себя лучше, и мое сердце перестало столь часто биться. И когда они возникли из темноты, Зеб лидировал, Мариам догоняла, мне удалось даже выдавить из себя улыбку. Происходящее уже не казалось мне столь ужасным, и до тех пор, пока тела девушек были скрыты под водой, ничего страшного я не видел. Возможно, зло и вправду в глазах смотрящего — в таком случае моя задача заключалась в том, чтобы не допустить его в мои глаза.

— Тебя подменить? — спросил Зеб.

— Нет, — твердо ответил я. — Продолжайте купаться и веселиться.

— Хорошо, — согласился Зеб, перевернулся в воде подобно дельфину и поплыл назад. Мариам за ним. Мэгги подплыла на мелкое место, замерла там, касаясь дна кончиками пальцев,

¹ Песн. 7: 7–8. — *Примеч. С. В. Голд.*

и глядела на меня. Ее голова и плечи, будто выточенные из слоновой кости, поднимались над черной водой, а длинные густые волосы окружали ее, струились по воде, как водоросли.

— Бедный Джон, — мягко произнесла она. — Хочешь, я выйду и побуду с тобой?

— Нет, спасибо, не стоит.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Как хочешь. — Она также повернулась и поплыла прочь. Пока она разворачивалась, на какое-то чудесное мгновение моим глазам предстало все ее прекрасное тело.

Минут десять спустя Мэгги снова появилась на моей стороне озера.

— Я замерзла, — сказала она, вылезла из воды и прошла под прикрытие камня. Я подумал, что она не кажется голой — просто она не покрыта одеждой, подобно нашей праматери Еве. В этом заключалось различие между ней и Мариам — та была голой.

Когда Мэгги вылезла из воды и мы с ней оба молчали, я вдруг осознал, что в пещере нет никаких других звуков. Нет на свете ничего более безмолвного, чем безмолвие пещеры. На поверхности земли вы всегда можете уловить какой-нибудь шум — но совершенно особенная тишина достижима лишь под землей. Если под землей ты затаишь дыхание, то ощутишь бесконечную тишину.

Я понял, что не слышу звуков от плывущих Зеба и Мариам. А эти звуки обязательно должны были до меня донестись. Я поднялся и сделал два шага по берегу озера, но остановился, потому что не хотел вторгаться в «кабинку для переодевания» Мэгги, а это произошло бы, сделай я еще десяток шагов.

Я в самом деле был обеспокоен и не знал, что предпринять. Кинуть им веревку? Но куда? Прыгнуть в воду и искать их в глупине? Но есть ли в этом необходимость? Я тихо позвал:

— Мэгги!

— Что случилось, Джон?

— Мэгги, я волнуюсь.

Она сразу же вышла из-за камня. Она успела надеть брюки и прижимала к груди полотенце. Мне показалось, что она только что сушила полотенцем волосы.

— Почему ты волнуешься?

— Молчи и слушай.

Она замолчала. Через некоторое время она сказала:

— Я ничего не слышу.

— Вот именно. А ты должна слышать. Я слышал, как вы плыли, даже когда вы были у дальнего берега озера. А сейчас ни звука, ни всплеска. Как думаешь, не могло случиться, что они одновременно нырнули и ударились головами о камни?

— О, не беспокойся, Джон, с ними все в порядке.

— Но я, честное слово, обеспокоен.

— Я уверена, что они просто отдыхают. На той стороне тоже есть маленький пляж, вдвое меньше этого. Они там. Я тоже вышла на песок, но замерзла и потому вернулась.

Но я уже принял решение. Я понял, что моя проклятая стеснительность мешает мне выполнить свой долг.

— Отвернись. Нет, уйди за камень. Мне нужно раздеться.

— Зачем? Я же сказала, что в этом нет нужды. — Она не сдвинулась с места.

Я открыл рот, чтобы закричать, но не успел издать ни звука, потому что Мэгги закрыла мне рот ладонью. От этого движения полотенце упало, что заставило нас обоих смутиться.

— Боже мой! — воскликнула она. — Пожалуйста, не кричи.

Она отвернулась от меня, нагнулась и подняла полотенце. А когда она обернулась вновь, полотенце было надежно обмотано вокруг ее груди.

— Джон Лайл, — произнесла она, — подойди сюда и сядь. Сядь рядом со мной.

Она села и хлопнула ладонью по песку — и в голосе ее звучала такая уверенность, что я послушно уселся рядом с ней.

— Подвинься ближе ко мне, — сказала она. — Я не хочу кричать.

Я осторожно подвинулся к ней так, что мой рукав касался ее обнаженной руки.

— Так-то лучше, — сказала она совсем тихо, стараясь, чтобы ее голос не разносился по пещере. — А теперь слушай внимательно: там находятся два человека, которые хотят побыть вдвоем. Они находятся в полной безопасности — я их видела. К тому же оба — отличные пловцы. Ты же, Джон Лайл, должен умирить свой пыл и научиться не вмешиваться в чужие дела.

— Боюсь, что я тебя не понял, — искренне сказал я. Но по правде сказать, я уже боялся, что понимаю.

— Ну что ты за человек! Скажи мне, Мариам что-нибудь для тебя значит?

— Значит? Нет, пожалуй, не значит.

— Мне тоже так казалось. По крайней мере, за все время ты и двух слов с ней не сказал. Значит, у тебя нет оснований ее ревновать. А если так, то оставь их в покое и не суй нос в чужие дела. Теперь ты меня понял?

— Наверное, да...

— Тогда просто помолчи.

Я замолчал. Она не двигалась. Я остро ощущал ее обнаженность. Потому что она была обнаженной, хоть и была прикрыта и казалась необнаженной — и я так надеялся, что она не догадывается о моем смущении... К тому же я остро ощущал себя участником... участником не знаю чего. Я мысленно заявил себе, что у меня нет оснований подозревать самое худшее, будто я какой-то инспектор морали.

Наконец я выговорил:

— Мэгги...

— Что, Джон...

— Я тебя не понимаю.

— Почему, Джон? Впрочем, а так ли надо все понимать?

— Мне кажется, что тебя совершенно не тревожит, что Мариам осталась совсем наедине с Зебом...

— А что я должна по этому поводу предпринять?

Ну что ты будешь делать с этой женщиной! Она нарочно делала вид, что меня не понимает.

— Ну как тебе сказать... понимаешь, у меня создалось впечатление, что ты с Зебом... я хотел сказать, что вы собираетесь пожениться, когда можно будет...

Она тихо рассмеялась, но без особого веселья.

— Полагаю, что у тебя и в самом деле могло сложиться такое впечатление. Но поверь мне, что эта проблема решена и забыта, ко всеобщему удовлетворению.

— Да?

— Не пойми меня неправильно. Мне очень нравится Зебадия, и я знаю, что ему тоже нравлюсь. Но психологически мы с ним оба доминантные типы — ты можешь проверить по нашим психологическим таблицам. Мой психопрофиль похож на скалистые горы! Такие люди, как мы, не должны вступать в брак. Подобные браки совершаются *не* на небесах, поверь мне. К счастью, мы поняли это вовремя.

— Ага.

— Вот именно, что ага.

А вот как случилось то, что случилось в следующую минуту, я не понимаю. Я подумал было, что она такая одинокая... и оказалось, что я ее целую. Она прижалась ко мне, откинулась назад и ответила на поцелуй с таким жаром, какого я в ней и не подозревал. Что же касается меня, то в голове у меня гудело, глаза, кажется, вылезли из орбит, и я никак не мог сообразить, то ли я провалился на тысячу футов под землю, то ли я шагаю на параде.

Потом все закончилось. Она заглянула мне в глаза и прошептала:

— Дорогой мой Джон...

Затем она неожиданно вскочила на ноги, склонилась над мной, забыв о том, что полотенце может упасть, и погладила меня по щеке.

— Юдифи сказочно повезло, — сказала она, — интересно, она об этом догадывается?

— Мэгги! — взмолился я.

Она отвернулась от меня и сказала, глядя перед собой:

— Мне действительно нужно одеться. Я совсем заоченела. А мне она совсем не показалась заоченевшей.

Вскоре она вернулась. Она была одета и яростно вытирала полотенцем свою пышную гриву. Я взял мое сухое полотенце и помог ей. Я не думаю, что я предложил ей помощь, — просто подошел и помог. У нее были такие густые и пышные волосы, что даже дотронуться до них — наслаждение. По мне мурашки бегали.

За этим занятием нас и застали Зеб с Мариам, когда они медленно подплыли к берегу. Мы слышали их смех и голоса задолго до того, как увидели их. Мариам вылезла из воды, обнаженная и бесстыжая, как какая-нибудь блудница из Гоморры, но я на нее почти не обратил внимания.

Зеб поглядел мне в глаза и спросил:

— Ты готов купаться, старик?

Я хотел было ответить, что и не собираюсь купаться, намекая в качестве оправдания заявить, что мое полотенце уже мокрое и мне нечем будет вытираться, — и тут я понял, что Мэгги наблюдает за мной... Она и слова не произнесла, просто смотрела на меня.

— Конечно я выкупаюсь! — заявил я. — Я вас заждался.

Затем я крикнул:

— Мариам, скорей вылезай из-за камня! Мне негде раздеться.

Мариам захихикала и выскочила из-за камня, на ходу оправляя одежду. Я с достоинством проследовал в раздевалку.

Надеюсь, что, покинув это убежище, я сохранял остатки достоинства. По крайней мере, я стиснул зубы и зашагал к воде. В первый момент вода обожгла меня холодом — но я чувствовал холод лишь в первые секунды. Я никогда не был хорошим пловцом, но выступал за мой класс и как-то даже купался в Гудзоне на Новый год. В общем, купаться в черном озере мне понравилось.

Я переплыл озеро. На той его стороне тоже был маленький песчаный пляж. Я не стал на него вылезать.

На обратном пути я нырнул и постарался достичь дна, но мне это не удалось. Видно, озеро было глубже двадцати футов. В глубине было совершенно темно и совершенно тихо. Мне там понравилось. Если бы у меня были жабры, то, наверное, стоило бы остаться в нем навсегда, подальше от Пророков, от Каббалы, от бесконечных входящих, исходящих бумаг, от забот и проблем, слишком сложных и тонких для меня.

Я вынырнул и с трудом восстановил дыхание. И быстро поплыл к нашему пляжу. Девушки уже разложили на одеяле обед, и Зеб закричал мне, чтобы я поторопился. Зеб и Мэгги даже не обернулись, когда я вылез из воды, но я заметил, что Мариам беззастенчиво разглядывает меня. Не думаю, что я покраснел. Кстати, я никогда не любил блондинок. Я убежден, что Лилит была блондинкой.

11

Высший совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Совет давал рекомендации генералу, обменивался мнениями и рассматривал доклады с мест. Примерно через месяц после нашей довольно глупой эскапады в подземном бассейне я сидел в комнате заседаний, но не как участник, а просто вел протокол. Моя девушка-секретарь заболела, и я одолжил Мэгги у «Джи-2» для работы на диктографе, потому что у нее

был допуск. Нам остро не хватало компетентных кадров. Моим номинальным начальником, например, был генерал Пенoyer, носивший звание начальника Генштаба. Но я видел его только раза два, потому что еще он числился начальником отдела вооружений и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось быть собственным Генштабом, а я стал при нем идеальным адъютантом — и жнец, и швец и на дуде игрец. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него лично прибыли руководители «Гата», «Ханаана», «Иерихона», «Вавилонa» и «Египта»; «Нод» и «Дамаск» были представлены заместителями — все районы Соединенных Штатов, охваченные деятельностью Каббалы, за исключением «Эдема», но для связи с Луисвиллем мы использовали цепочку телепатов, сообщения были закодированы образами, так что сами экстрасенсы не могли бы их понять. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоит восемь тысяч семьсот девять членов, все либо братья Ложи, либо проверенные члены параллельной боевой организации. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше завербованных и обученных сочувствующих, на которых мы могли рассчитывать во время восстания против Пророка, хотя они и не были посвящены в детали заговора.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек — жалкая кучка, для того чтобы поднять восстание в громадной стране, занимающей целый континент, но каждый принятый человек увеличивал опасность разоблачения. Мы опирались на старинную систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе, при такой многочисленной организации мы еженедельно теряли людей и целые группы. Четыре дня назад вся Ложа в Сиэтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из арестованных знали важные секреты, и все они успели покончить с собой. О них будут молиться братья на

вечернем собрании, но сейчас известие прозвучало как обычный доклад. На прошедшей неделе мы потеряли четырех ассасинов, но было совершено двадцать три убийства, одно из них — Старшего инквизитора нижней долины Миссисипи.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов (в отношении охвата населения) радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Глас Божий» в Новом Иерусалиме, что являлось особой проблемой.

Начальник инженерной службы доложил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима, снабжение которого было автономным, оно поступало от реактора, расположенного под Храмом. Но и в этом случае можно было устроить диверсии на распределительных станциях, если задействовать в операции достаточное количество людей. Основной наземный транспорт и грузовые линии могли быть саботированы в соответствии с текущими планами и имеющимся персоналом так, чтобы сократить объем трафика до двенадцати процентов от обычного.

Доклады продолжались — газеты, боевые студенческие группы, захваты или диверсии на ракетодомах, чудеса, распространение слухов, водоснабжение, подстрекательство к инцидентам, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Военное дело — прикладная наука с четко определенными, проверенными историей принципами и методами. Для применения баллист и водородных бомб существуют сходные стратегии. Но каждая революция — непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена, и проводят ее не кадровые военные, а дилетанты и ярые индивидуалисты.

Мэгги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их аналитикам, которые готовили данные для вычислителя. Я был настолько занят, что даже не пытался представить себе общую картину. Когда сообщения кончились, наступила пауза — аналитики заканчивали программирование и вводили последние данные в «мозг». Потом подключенный к нему принтер ожил, коротко прожужжал и остановился. опередив меня, Хаксли потянулся и оторвал ленту.

Он просмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

— Братья! — начал он. — Товарищи, мы давно уже договорились, что, когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два—один в нашу пользу, мы начнем восстание. Сегодня расчет уравнивания вероятностей с подстановкой в качестве параметров данных прошедшей недели достиг значения в две целых тринадцать сотых. Я предлагаю назначить время восстания. Ваше мнение?

Никто не сказал ни слова, так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить. А все эти люди ждали годами, некоторые — большую часть своей жизни. Потом пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимаясь...

Хаксли сидел неподвижно со странной улыбкой на лице, пока остальные немного не успокоились. Тогда он поднялся и тихо сказал:

— Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

— Генерал, одну минуту. Я не согласен. — Это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все.

Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

— Наш совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, брат Новак.

Новак медленно вышел вперед и обернулся к Совету.

— Братья, — сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица. — Вы знаете меня, и знаете, что я хочу этого так же сильно, как и вы. Последние семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу — из-за этого я потерял семью, дом... Но я не могу позволить вам принять решение и начать восстание, не предупредив, что я уверен: время еще не настало. Я думаю... нет, я *знаю*, с математической уверенностью, что мы не готовы к революции.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине, — его не хотели слушать.

— Да выслушайте меня, в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому, что если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

— Почему?

— Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественную власть Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

— Еще как сможем!

— *Послушайте меня!* Никто и никогда не находился в подчинении долгое время иначе как по собственной воле. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и дотошными психотехниками в мире. И люди *верят!* Если освободить их сейчас, без соответствующей психологической подготовки, они вернутся к своим цепям... как лошадь, которая возвращается в горящий сарай. Мы можем выиграть революцию, но за ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем! — Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес, обращаясь к Хаксли: — У меня все.

Несколько человек тут же поднялись с мест. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом предоставил слово генералу Пенюйеру.

— Я хотел бы задать брату Новаку несколько вопросов, — сказал он.

— Задавайте.

— Может ли ваше управление сказать нам, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне набожен?

Зеб, присутствующий на совете в качестве помощника Новака, поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

— Шестьдесят два плюс-минус три процента.

— А каков процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, с нами они или нет?

— Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Оставшаяся часть населения — это конформисты, которые не набожны, но довольны сложившимся порядком вещей.

— Как вы получили эти данные?

— Выборочными опросами под гипнозом типичных представителей населения.

— Вы можете сказать, как изменяется ситуация?

— Да, сэр. Правительство потеряло много сторонников в первые годы нынешней депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Новый закон о церковной десятине и в какой-то степени декреты против бродяжничества оказались непопулярны и снова подорвали рейтинг правительства. Ситуация стабилизировалась — но уже на более низком уровне. Потом деловая активность несколько оживилась, но в этот момент мы начали нашу жесткую пропагандистскую кампанию. В результате всего последние пятнадцать месяцев правительство медленно, но неуклонно теряет свои позиции.

— А что показывает первая производная?

Зеб заколебался, и слово взял Новак.

— Здесь надо принять в расчет вторую производную, — сказал он напряженным голосом. — Скорость изменений растет.

— А точнее?

Начальник психологического управления ответил с заметной неохотой, но твердо:

— По нашим расчетам, понадобится три года и восемь месяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пенойер повернулся к Хаксли:

— У меня сложилось другое мнение, сэр. Думаю, что, несмотря на мое глубокое уважение к генералу Новаку и проделанной им работе, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить! Может быть, у нас больше не будет такого шанса.

Почти все присутствующие поддержали его:

— Пенойер прав! Если мы будем ждать, нас кто-нибудь выдаст!

— Мы не сможем столько времени хранить в тайне такую организацию.

— Я уже десять лет в подполье. Я не хочу, чтобы меня здесь похоронили!

— Давайте победим, а потом уж будем думать, как найти сторонников, — когда все средства связи будут у нас.

— Ударим сейчас! Ударим сейчас!

Хаксли молчал, давая остальным выпустить пар. Его лицо оставалось бесстрастным. Я сам помалкивал хотя бы потому, что мое положение не позволяло мне вмешиваться в дискуссию, но я был согласен с Пенойером: невозможно ждать еще почти четыре года.

Я увидел, что Зеб что-то горячо обсуждает с Новаком. Они настолько углубились в спор, что не обращали внимания на то, что творилось вокруг. Но когда Хаксли наконец поднял руку, требуя тишины, Новак покинул свое место и поспешил к нему. Генерал выслушал Новака, и мне показалось, что он сдерживает раздражение, которое вскоре сменилось неуверенностью. Новак поманил к себе пальцем Зеба, который поспешил к своему шефу. Вся эта троица шепталась несколько минут, а Совет покорно ждал, пока они придут к решению.

Наконец Хаксли вновь обратился к залу:

— Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до завтра.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавался в авторстве) требовал передышки по крайней мере на два месяца, до ежегодного праздника Чуда Воплощения. Идея ни много ни мало заключалась в том, чтобы вмешаться в само Чудо. Теперь-то понятно, что это была очевидная и, вероятно, единственная возможная стратегия. Потому что начальник отдела психологии был прав: по сути, власть диктаторов всегда опиралась не столько на оружие, сколько на веру людей. Так было с Цезарем, Наполеоном, Гитлером, Сталиным. Нужно было нанести удар в самое основание власти Пророка: нужно было разрушить всеобщее убеждение, что он правит по Божьему соизволению.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда Воплощения. Для осознания этого надо понять, что люди буквально верили в ежегодное возвращение Первого Пророка с небес. Верили, что он приходит, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются со своими обязанностями. Люди в это *верили*, а меньшинство сомневавшихся не смело и рта раскрыть, опасаясь, что им за это голову оторвут... и я имею в виду не какую-то фигуру речи, а то, что оставляет кровь на асфальте. Плевать на американский флаг было куда более безопасным занятием.

Я сам в это верил всю свою жизнь, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес. Но в это чудо я верил.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряженном ожидании, словно мы давно вошли в зону поражения и все ждали и ждали команды «Огонь!» — но мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к подготовке нашего чудесного вмешательства в Чудо Воплощения мы работали над нашим обычным оружием, доводя его эффективность до предела. Зеб и его шеф, начальник отдела генерал Новак, почти немедленно после совещания выехали в Бьюлаленд для проведения операции «Краеугольный камень». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, не доверив его клерку, но, хоть убейте, не знаю, где и на какой карте искать этот Бьюлаленд.

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пенюйеру. Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадаться. Операция «Краеугольный камень» была психологическим маневром, но средства для его исполнения были вполне физическими — а мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес в Вест-Пойнте. Возможно, он был лучшим физиком во всей Каббале, и я уверен, что он как минимум захочет лично убедиться, что все технические средства отвечают своему назначению, а методы надежны и безопасны. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках, и с отверткой или электронным микрометром, — генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пенюйер иногда был склонен отменять мои решения по мелким вопросам, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему и не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени, и мне не раз приходилась гоняться за исполняющим обязанности начальника отдела, объяснять ему, что делать, и заставлять его подписать подготовленные мной решения. В конце концов я начал сам подписывать обычные бумаги как «и. о. Я. Я. Деббил, генерал ВВС США». Не думаю, что хоть кто-то это обнаружил.

В эти же дни, еще до отъезда Зеба, произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе о нем упомянуть. Может быть, личная сторона тоже важна. Разумеется, когда я начинал писать этот отчет, от меня и требовалось, чтобы он был максимально «личным»

и «субъективным», но я сохранил вторую копию для себя и продолжал писать, потому что обнаружил, что это помогает мне распутать мои запутавшиеся мысли и провести их через метаморфозы наподобие тех, что превращают гусениц в мотыльков. Я типичный представитель большинства, человек, которого сначала надо хорошенько ткнуть носом, и только после этого он поймет, что к чему, тогда как Мэгги, Зеб и генерал Хаксли с рождения принадлежат к элитному меньшинству свободных духом людей — из них получаются мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Поскольку у него были такие полномочия, я оставил записку для Хаксли и поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

— Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Мы должны были решить, стоит ли его отредактировать или просто уничтожить. Однако по настоятельной рекомендации одного из начальников моих отделов я взял на себя ответственность позволить вам прочитать его в исходном виде. Вам придется его прочитать прямо здесь.

— Слушаюсь, сэр, — сказал я несколько растерянно.

Он вручил мне конверт. Письмо оказалось довольно длинным, в нем поместилась бы дюжина закодированных сообщений, с которыми не справится обычная редакция, и я не помню большей его части. Помню только, что я почувствовал, его прочитав. Письмо было от Юдифи.

Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью, никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не были предназначены друг для друга... Сеньор Мендоса был очень внимателен... я знаю, что ты простишь меня... но я нужна ему: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... я всегда буду думать о тебе как о моем сильном и мудром старшем брате и останусь твоей сестрой...

Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо:

— Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть, — сказал он сухо и выбросил письмо в свой настольный мусоросжигатель. Затем посмотрел на меня. — Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась; я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма, и противное ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из кабинета, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня найти, если я срочно понадоблюсь генералу. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Она открылась. Это был Зеб.

— Ну как ты? — спросил он.

— Никак, — ответил я. В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо в исходном виде, был Зеб.

Он вошел, сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся, лег на бок и сел на край кровати.

— Не давай выбить себя из колеи, Джонни, — сказал он. — Мужчины умирают иногда и достаются на обед червям — но умирают не от любви¹.

— Ты ничего не понимаешь!

— Нет, не понимаю, — согласился он. — Каждый человек — свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. И тем не менее в этом конкретном вопросе статистика достаточно надежна. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать голос.

— Зачем?

— Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался — и, вы знаете, не смог. У меня не было ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

¹ У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт IV, сцена 1. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Ты выздоровеешь, — сказал он уверенно. — Теперь послушай, Джонни... Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь *очень* женственная, одни гонады без мозгов. При этом довольно привлекательная. Оказавшись на свободе, она неизбежно должна была встретить подходящего мужчину — это так же неизбежно, как атомы кислорода соединяются в молекулу. Впрочем, что толку объяснять все это влюбленному?

Он поднялся.

— Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но я уже получил приказ, и дедуля Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест за то, что я заставил себя ждать. Но разреши дать тебе еще один совет, прежде чем я уйду...

Я ждал.

— Я советую, — сказал он, — почаще общаться с Мэгги, пока меня не будет. Она для тебя сейчас лучшее лекарство.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом:

— Зеб, а что случилось между тобой и Мэгги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко:

— Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

— Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне почаще видеться с Мэгги... и я подумал, что она... ну, твоя девушка. Разве ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и похлопал по плечу:

— Она — свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову и избил ею до полусмерти. Но думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать? Нет, мне такое и в голову не придет. Я думаю, что она самая замечательная девушка в мире, но я лучше женюсь на пуме, чем на ней.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Мэгги последовала. Мэгги все знала — о Юдифи, я имею в виду; я думал, что ей рассказал Зеб, но оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Как бы то ни было, мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывая упущенное днем время.

После этого у нас с Мэгги вошло в привычку вместе гулять после ужина. Мы больше не забирались в пещеры — в последние дни у нас не было на это времени, да и не хотелось собирать новую компанию без Зеба. Иногда я мог уделить прогулке минут двадцать, не больше, — надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я с нетерпением ждал их.

Даже не покидая основную пещеру, оставаясь на размеченных дорожках, можно было найти чудесные места для прогулок. Если мне удавалось выкроить хотя бы час свободного времени, неподалеку от города, примерно в полмили к северу от ближайших зданий, было одно место, где мы любили гулять. Тропинка вилась среди застывших известковых грибов громадных каменных колонн, куполов и прочих совершенно фантастических форм, которым было трудно придумать название и в которых можно было с одинаковым успехом увидеть и мающиеся души грешников, и огромные экзотические цветы — в зависимости от настроения. На высоте примерно в сотню футов от уровня основной пещеры, в нескольких шагах от тропинки, мы нашли место, где природа сотворила из камня настоящую скамейку. Здесь мы могли сидеть, смотреть на нашу игрушечную деревню, разговаривать, а Мэгги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время делал Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до часа «Ч» мы сидели там и рассуждали, что будет после победы революции и чем мы тогда займемся. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится и мне разрешат.

— А что будешь делать ты, Мэгги?

Она медленно выдохнула дым:

— Так далеко в будущее я не заглядывала, Джон. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда. — Она сухо усмехнулась и продолжила: — Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Постараюсь найти работу экономки или служанки — ведь хорошие служанки очень редко попадаются, на них большой спрос.

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндрюс, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет таскаться по бюро трудоустройства в поисках низкооплачиваемой работы, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. «Требуется горничная на все услуги с понедельника по четверг, воскресенье через одно, нужны рекомендации» — и вот это для Мэгги? Мэгги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь, по крайней мере, дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Мэгги!

Я выпалил:

— Послушай, тебе не нужно *этим* заниматься!

— Это все, что я умею.

— Да, но... ну почему бы тебе тогда не готовить и не вести хозяйство *для меня*? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня после революции понизят до моего прежнего звания. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня:

— Ну что ж, Джонни, ты очень любезен. — Она раздавила сигарету и кинула ее вниз. — Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Даже после победы люди будут чесать языками и шептаться за спиной. Твоему начальству это не понравится.

Я покраснел и почти прокричал:

— Я совсем не то имел в виду!

— Да? А что ты имел в виду?

До того как у меня вырвалась последняя фраза, я и сам не знал, что имею в виду. А теперь я знал, но никак не мог подобрать подходящие слова.

— Я имел в виду... Послушай, Мэгги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Тут я запнулся и потерял голос.

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

— Джон, ты предлагаешь мне выйти замуж? *Мне?*

Я сказал смущенно:

— Ну, в общем... идея была в этом...

Мне было неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал.

Она внимательно смотрела на меня, как будто увидела впервые, потом сказала печально:

— Я польщена... и благодарна... и глубоко тронута. Но *нет, Джонни, нет!*

Из глаз ее покатились слезы, и она зарыдала. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и отрывисто сказала:

— Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я много лет не плакала.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг:

— Нет, Джон! Сначала выслушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

— Почему нет?

— Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

— Старая? Ты старше меня не больше чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

— Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой», если так можно выразиться, Пророка.

— Ты не виновата.

— Может быть. Но затем я была любовницей твоего друга Зеба. Ты знал об этом?

— Ну... в общем, почти не сомневался.

— Но это не все. У меня были и другие мужчины. Некоторые — потому что была необходимость, а женщина мало что может предложить в качестве взятки. Некоторые — от одиночества или просто от скуки. После того как Пророку надоедает очередная «невеста», она теряет цену даже в собственных глазах.

— Мне все равно! Мне все равно! Это не имеет значения!

— Ты это сейчас так говоришь. А потом это *будет* иметь для тебя значение, и очень большое. Я думаю, что знаю тебя, милый.

— Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем все с нуля.

Она глубоко вздохнула:

— Ты думаешь, что любишь меня, Джон?

— Думаю, да.

— Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

— Но... ой, я не знаю, что такое любовь! Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

— И я не знаю, — сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова. Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались.

Мы поцеловались, и я спросил:

— Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

— О нет!

— Нет? А я думал...

— Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты этого захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

— Но... ах, Шеол, Мэгги! Я так не хочу!

— Не хочешь? Увидим. — Она выскользнула из моих рук. — Сегодня вечером. Около часу — после того, как все уснут. Оставь дверь открытой.

— Мэгги! — крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху. Я хотел догнать ее, споткнулся о сталагмит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И удивительное дело: я всегда считал Мэгги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклониться, чтобы ее поцеловать.

12

В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в центре связи — я, мой начальник, начальник отдела связи, его технический персонал и несколько штабных офицеров. Горстка мужчин и несколько десятков женщин, которые не поместились в центре, остались в главном холле, где для них был установлен параллельный экран. Наш подземный город превратился в город-призрак, от его команды остался лишь костяк для поддержания связи с главнокомандующим, все остальные разъехались по боевым постам. У немногих оставшихся на данном этапе операции еще не было боевых постов. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические

решения для всей страны невозможно было принимать в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать это. Войска были на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. И ему оставалось только ждать и молиться. Нам оставалось лишь последовать его примеру. К часу «Ч» у меня на руках не осталось ногтей, которые еще можно было обгрызть.

На главном экране светилось объемное цветное изображение внутренней части Храма. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, молитвы, еще молитвы, жертвоприношения, преклонение коленей, песнопения — бесконечная монотонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял двумя окаменевшими рядами — блестели шлемы, и копы стояли ровно, так что казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера ван Эйка, Мастера моей Ложи, стоявшего впереди взвода, живот его был закован в сверкающие латы. Я знал из донесений, что Мастер ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком, — значит, его не подозревают и нашим планам ничто не угрожает.

На трех остальных стенах центра связи находились многочисленные экраны поменьше. На них шла трансляция из различных крупных городов — толпы на площади Риттенхаус, битком набитый Голливуд-Болл, толпы в местных храмах. И повсюду люди не отрывали глаз от огромных телевизионных экранов, показывающих ту же сцену, что мы наблюдали, — внутренность Большого Храма.

По всей Америке царил ожидание, все, кто мог, каждая смертная душа, уставились в ближайший телевизионный экран в ожидании Чуда. Чуда Воплощения.

За нашей спиной психооператор склонился над телепаткой, находившейся под гипнозом. Телепатка, девушка лет девятнадцати, вздрогнула и что-то пробормотала. Психооператор наклонился ближе, вслушался и обернулся к генералу Хаксли:

— Станция «Глас Божий» в наших руках, сэр.

Хаксли кивнул головой. Я бы запрыгал от радости, если бы мои колени внезапно не ослабли. Это была ключевая операция, но взять станцию в свои руки мы могли только перед самым началом Чуда. Поскольку телевизионное изображение передается через ретрансляторы или по специальному кабелю, единственная возможность внести коррективы в общенациональную передачу — захватить хотя бы на несколько минут передающую

станцию. Я был несказанно горд успехом моих товарищей, но гордость сменилась горем, потому что я знал, что ни один из них не доживет до вечера.

Но если они продержатся еще несколько минут, смерть их будет ненапрасна. Я помолился за их души Великому Архитектору. У нас были люди, готовые пожертвовать своей жизнью, когда это необходимо. В основном это были братья, чьи жены побывали в руках инквизиции.

Начальник связи дотронулся до рукава генерала Хаксли.

— Начинается, сэр, — сказал он.

Камера медленно проплыла в дальний конец Храма, миновала алтарь и показала крупный план арки из слоновой кости позади и чуть выше алтаря — вход в святая святых. Вход был закрыт тяжелыми золотыми занавесями. Камера застыла, экран полностью заполнил занавес.

— Они могут перехватить сигнал в любой момент, сэр.

Хаксли повернулся к психооператору:

— Мы еще удерживаем станцию? Есть доклад из «Гласа Божьего»?

— Ничего, сэр. Я дам знать, если что-то изменится.

Я не мог оторвать глаз от экрана. После бесконечного, как мне показалось, ожидания занавеси дрогнули, медленно раздвинулись, и перед нашими глазами предстал в натуральную величину абсолютно реальный, будто могущий в любой момент сойти с экрана, сам Воплощенный Пророк!

Он повернул голову, окидывая всех горящим взглядом, затем посмотрел прямо на меня, наши взгляды встретились. Мне захотелось спрятаться. Я охнул и неожиданно спросил вслух:

— И вы хотите сказать, что можете воспроизвести *это*?

Начальник связи кивнул:

— С точностью до миллиметра. Ручаюсь. Наш лучший имперсонатор, подготовленный лучшими хирургами. Может быть, идет уже наш фильм.

— Но ведь это реально!

Хаксли взглянул на меня.

— Поменьше разговоров, Лайл, — сказал он. Никогда еще он не был так сердит на меня.

Я замолчал и обернулся к экрану. Это могучее лицо и горящий взгляд — это актер? Нет! Я знал это лицо и видел его столько раз на церемониях. Что-то пошло не так, и это был

настоящий Воплощенный Пророк. Меня прошиб пот, липкий пот страха. Если бы в тот момент он обратился ко мне с экрана, назвал по имени, я бы признался в измене и отдал себя на его милость.

Хаксли спросил почти грозно:

— Есть связь с Новым Иерусалимом?

— Простите, нет, сэр, — отозвался психотехник.

Пророк начал говорить.

Его покоряющий, органоподобный глас изливался величественной риторикой. Затем он испросил благословения Предвечного Господа для людей в наступающем году. Потом замолчал, снова посмотрел на меня, возвел очи горе, вскинул руки и обратился к Первому Пророку, моля того явиться народу во плоти и предлагая свое тело в качестве вместилища. Затем он стоял и ждал.

Началось перевоплощение — у меня волосы встали дыбом. Я уже знал, что мы проиграли, что что-то пошло не так... и один Бог ведает, сколько людей погибло понапрасну.

Черты Пророка начали изменяться. Он вытянулся на несколько сантиметров, его одежды потемнели — и вот перед нами в шюртуке забытой эпохи стоял сам преподобный Неемия Скаддер, Первый Пророк и основатель Нового крестового похода. Я чувствовал, как внутренности мои сжались от ужаса; я снова был маленьким мальчиком, впервые увидевшим это Чудо по телевизору в приходской церкви.

Он начал со своего обычного ежегодного послания, полного любви и заботы о своем народе. Понемногу он разогрел себя: на лице появились капли пота, а пальцы переплелись так же, как в те дни, когда он призывал Духа Святого на собраниях в долине Миссисипи. Мое сердце билось все сильнее. Он клеймил грех во всех его проявлениях: грех блудницы, чьи уста подобны меду, грех плоти, духа и менял. В самый разгар своей страстной речи он внезапно перешел на другую тему, чем застал меня врасплох:

— Но я вернулся сегодня не для того, чтобы говорить о мелких грехах маленьких людей, — сказал он. — Нет! Я пришел к вам рассказать о поистине адских вещах и призвать вас к оружию. Грядет Армагеддон! Восстаньте, агнцы, для битвы во славу Господа! Ибо Сатана пришел к вам! Он здесь! Он среди вас! Присутствует во плоти! С хитростью змея он проник сюда и при-

нял форму викария Господня! Да! Он лживо сокрыл себя, при-
няв личину *Воплощенного Пророка*!

Уничтожьте его! Уничтожьте его наймитов! Во имя Господа
нашего, уничтожьте их всех!

13

— Докладывает Брюлер со станции «Глас Божий», — тихо
сказал психооператор. — Станция отключена от эфира и будет
взорвана через тридцать секунд. Группа попытается отступить
до взрыва. Удачи. Конец сообщения.

Хаксли пробормотал что-то и отошел от погасшего экрана.
Малые экраны, передававшие сцены в различных городах стра-
ны, показывали полную сумятицу и растерянность. Но в то же
время они вселяли в меня надежду. Повсюду начались бунты
и столкновения. В шоке я смотрел на экраны, не в силах по-
нять, кто друг, а кто враг. В Голливуд-Болле толпа затопила сце-
ну и буквально поглотила чиновников и священников, сидевших
в президиуме. Наверху, над последним рядом, стояло немало
охранников, и такого не должно было произойти — но вместо
смертоносного анфиладного огня, который можно было ожи-
дать, прозвучал всего один выстрел — со склона холма к северо-
востоку от сцены. Затем охранник был застрелен — по-видимо-
му, другим охранником.

Похоже, наш дерзкий выпад против Пророка удался сверх
ожиданий. И если правительственные войска по всей стране
дезорганизованы так же, как в Голливуде, нам предстоит не бои,
а удержание завоеванного.

Монитор из Голливуда погас, и я обернулся к другому экра-
ну, передававшему сцену из Портленда, штат Орегон. Там тоже
кипела схватка. Я увидел людей с белыми нарукавными повязка-
ми — это был единственный знак различия, который мы позво-
лили в тот день. Но сражались не только наши братья. Я собст-
венными глазами видел, как офицер безопасности упал, сбитый
с ног кулаками невооруженных людей, — и больше не подни-
мался.

Начали поступать пробные сообщения и первые доклады из
городов — теперь мы могли уже без опаски использовать собст-
венные радиостанции. Я оторвался от экранов и поднялся к ше-
фу, чтобы помочь Хаксли с ними разобраться. Я все еще был

растерян и не мог осознать всего, что произошло у меня на глазах. Перед моим мысленным взором все еще стояли лица обоих Пророков. Если даже я получил от этой сцены такой эмоциональный шок, каково было простым верующим?

Первый доклад пришел от Лукаса из Нового Орлеана:

«ВЗЯЛИ ПОД КОНТРОЛЬ ЦЕНТР ГОРОДА, ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ И СВЯЗЬ. ГРУППЫ ЗАХВАТА ЗАНИМАЮТ ПОЛИЦЕЙСКИЕ УЧАСТКИ. ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СТРАЖНИКИ ДЕМОРАЛИЗОВАНЫ СТЕРЕОПОКАЗОМ. СПОРАДИЧЕСКИЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ МЕЖДУ САМИМИ ОХРАННИКАМИ. ОРГАНИЗОВАННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НЕТ. УСТАНАВЛИВАЕМ КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС И ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ДА БУДЕТ ТАК!

ЛУКАС».

Затем доклады начали сыпаться, как из бочки горох: Канзас-Сити, Детройт, Филадельфия, Денвер, Бостон, Миннеаполис — все крупные города Америки сообщали о нашей победе. С некоторыми вариациями они повествовали одну и ту же историю: призыв к оружию нашего синтетического Пророка и последовавший перерыв в связи превратил правительственные войска в тело без головы, которое без толку размахивало мечами и било по себе самому. Могущество Пророка основывалось на суевериях и жульничестве: мы же обернули это оружие против самого Пророка.

Заседание Ложи в тот вечер было самым грандиозным из тех, на которых мне приходилось присутствовать. Мы расположились в центре связи. Начальник службы связи исполнял функции секретаря заседания, получая, затем тут же передавая генералу Хаксли, как Мастеру Востока, доклады и телеграммы с разных концов страны по мере их поступления. Мне тоже предложили занять кресло — младшего зрителя, честь, которой меня раньше не удостоивали. Генералу пришлось позаимствовать у кого-то шляпу каменщика, которая оказалась ему мала, — но никто не обращал на это внимания — ни до, ни после; я никогда не видел ритуала столь грандиозного. Мы произносили древние слова от всего сердца, так, словно мы произносили их впервые в жизни. И когда церемонию прервали — поступила телеграмма, что Луисвилл наш, — такой перерыв никого не рассердил. Мы строили заново. Долгие годы трудилось лишь наше воображение, теперь мы принялись за этот труд наяву.

Временная столица была перенесена в Сент-Луис из-за его центрального расположения. Я сам отвез туда Хаксли. Мы обосновались на военной базе Пророка, вернув ей старое название «казармы Джефферсона». Заняли мы также помещения университета и восстановили его название — Университет имени Вашингтона. Если еще многие не понимали истинного значения этих переименований, скоро они поймут и это, здесь было подходящее место для того, чтобы начать возвращать имена. (Я сам впервые узнал, что Вашингтон был одним из наших.)

Хаксли называл себя военным губернатором и упорно отказывался от звания временного президента.

И все же первым действием Хаксли в качестве военного губернатора — он не позволил себя называть «временным президентом» — был разрыв всех официальных связей между Ложей и Свободной армией Соединенных Штатов. Братство осуществляло свою цель, сохранив надежды свободных людей, пришло время вернуться на древние пути, предоставив управление государством народу. Этот указ не был обнародован, потому что публика едва слышал о существовании нашего общества — оно всегда было тайным, а последние три поколения находилось в подполье, — но он был доведен до сведения во всех Ложях и, насколько я знаю, не встретил возражений.

Было только одно необходимое исключение: моя Ложа в Новом Иерусалиме и сотрудничавший с ним братский орден, членом которого состояла Мэгги. Мы все еще не контролировали Новый Иерусалим, хотя вся страна была нашей.

Положение было серьезное, более серьезное, чем могло показаться. Несмотря на то что вся страна была под нашим военным контролем, все центры связи были в наших руках, а правительственные войска деморализованы, в основном рассеяны или разоружены и захвачены в плен, мы не могли захватить сердце страны — Новый Иерусалим. Более половины населения было еще не с нами, многие были просто ошеломлены и растеряны. До тех пор пока Пророк был жив и Храм оставался центром, вокруг которого могли собираться его сторонники, у него оставалась возможность вырвать победу из наших рук.

Чудо, которое мы сфальсифицировали, дало лишь временный эффект, люди возвращались к привычному образу мыслей.

Пророк и его соратники не были дураками; среди них были самые проницательные прикладные психологи, которых когда-либо видела наша планета. Наша контрразведка с тревогой докладывала, что они быстро создают свое собственное подполье, используя все еще набожных сторонников и тех, может, и многочисленных, но преданных приверженцев, которые отхватывали самые жирные куски при старом режиме и потеряли такую возможность при новой власти. Мы не могли остановить эту ползучую контрреволюцию — Шеол! — ведь Пророк не смог остановить *нас*, а мы действовали в куда более трудных условиях. Шпионы Пророка могли работать практически открыто в небольших городах и сельской местности, а у нас едва хватало людей, чтобы охранять телевизионные станции — мы не могли посадить шпиона под каждое окно.

Вскоре перестало быть секретом, что мы подделали призыв к Армагеддону. Казалось бы, вывод из этого ясен: если мы могли подделать Чудо, то, значит, и *все* предыдущие Чудеса Воплощения были мошенничеством, телевизионными трюками — и ничем больше. Я сказал об этом Зебу, но он только посмеялся над моей наивностью. Люди верят в то, во что хотят верить, и логика не имеет к этому никакого отношения, ответил он. Сейчас они хотят верить в свою старую религию, потому что впитали ее с молоком матери и потому что она несет утешение их сердцам. Я мог этому только посочувствовать, ведь я их прекрасно понимал.

В любом случае Новый Иерусалим должен был пасть, и время не было нашим союзником.

Между тем в большой аудитории Университета собралось Временное конституционное собрание. Его открыл Хаксли, который отказался снова от президентского кресла, затем объявил, что все законы, принятые со дня инаугурации президента Неемии Скаддера, более не имеют юридической силы, недействительны и что старая Конституция и Билль о правах вновь действуют с сего момента, с учетом требований временного военного положения. Нашей единственной целью, заявил он, является разработка упорядоченных методов восстановления прежних демократических процессов. Любые изменения в Конституции, если таковые потребуются, необходимо отложить до проведения первых свободных выборов.

Тут он передал слово Новаку и покинул собрание.

Времени на политику у меня не оставалось, но как-то раз я оторвался от работы, чтобы посидеть на дневной сессии Ассамблеи, потому что Зебадия намекнул мне, что надо ждать внушительных фейерверков. Я пробрался в задний ряд и смотрел, как один из молодых гениев Новака демонстрирует фильм. Я застал только вторую его часть. Сначала он показался мне обыкновенным учебным фильмом по истории Соединенных Штатов. В нем рассказывалось, что такое гражданские свободы, как-вы обязанности гражданина свободного демократического государства. Разумеется, фильм категорически противоречил всему, что было положено учить в школе Пророка, но притом создатели киноленты использовали все те приемы и методы изготовления учебных фильмов, что и их коллеги в стане Пророка. Показ закончился, и молодой гений (не помню его имени, может, потому, что он мне с первого взгляда не понравился. Стоукс? Назовем его Стоуксом, не все ли равно?) начал говорить:

— Это был фильм, снятый для переориентации. Разумеется, такой фильм совершенно не годится для того, чтобы перевоспитать взрослого человека. Привычное мышление укоренилось в нем так глубоко, что таким простым фильмом на него повлиять не удастся.

— Зачем же тогда вы тратите наше время, заставляя смотреть его? — выкрикнул кто-то из зала.

— Погодите, пожалуйста. Я хочу сказать, что смысл этого именно для взрослых — при условии, что взрослый будет предварительно подготовлен к восприятию подобных вещей. Вот пролог этого фильма.

Экран вспыхнул вновь. На нем возникла прелестная пасторальная сцена, сопровождаемая задумчивой музыкой. Я не догадывался, к чему это Стоукс ведет, но зрелище было умиротворяющим. Почему-то я вспомнил, что недосыпаю уже четвертую ночь подряд, да и вообще не помню, когда я выспался. Я откинулся в кресле и расслабился.

Я не заметил перехода от пейзажа к абстрактным фигурам. Мне казалось, что звучит та же музыка и на нее накладывается голос — монотонный, теплый, успокаивающий... Фигуры на экране совершали круг за кругом, круг за кругом, и я начал растворяться в этих узорах...

Тут Новак вскочил со своего стула и с проклятием выключил проектор. Я выпрямился с острым чувством протеста, почти бо-

ли, вызывающей слезы на глазах. Новак вполголоса сказал Стоуксу что-то резкое, затем обернулся к нам.

— Встать! — приказал он. — Начинаем разминку! Глубоко вдохните, пожмите руку вашему соседу справа, хлопните его ладонью по спине, посильнее!

Мы подчинились, но я чувствовал себя дураком. И притом раздраженным дураком. Мне было так хорошо всего минуту назад, а теперь я вспомнил о горах бумаг, которые мне никогда не разобрать, и потому не приходится надеяться, что я выкрою вечером хотя бы десять минут для встречи с Мэгги. Я уже хотел уйти, но молодой гений Новака снова заговорил.

— Как мне сейчас указал доктор Новак, — заявил он чуть менее самоуверенным голосом, — нет нужды подвергать нашу аудиторию действию пролога, так как вас не нужно переориентировать. Однако сам фильм в сочетании с техникой подготовки, а в некоторых случаях, возможно, легкой дозой гипнотического препарата, способен задать оптимальные политические настроения у восьмидесяти трех процентов населения. Это было убедительно продемонстрировано на тестовой группе. Сам же фильм является плодом нескольких лет работы аналитиков, основанной на изучении докладов об обращении всех — в том числе, разумеется, всех в этой аудитории, — кто присоединился к нашей организации, пока она оставалась в подполье. Нерелевантное было отброшено, существенное подвергнуто абстрагированию, и то, что в результате получилось, должно превратить преданного последователя Пророка в свободного человека. Естественно, при условии, что он получит порцию воздействия в момент, когда к этому подготовлен.

Вот зачем им понадобилось, чтобы каждый из нас обнажал перед ними свою душу! Что ж, мне это показалось логичным. Видит Бог, мы сидели на бомбе с тикающим механизмом — и мы не могли себе позволить дожидаться того сладостного момента, когда все олухи втянутся в прекрасных диаконисс и потому у них раскроются глаза, у нас не было на это времени.

В дальнем конце зала поднялся незнакомый пожилой мужчина, похожий на портреты Марка Твена, причем сердитого Марка Твена.

— Господин председатель!

— Я вас слушаю, камрад. Назовите свое имя и округ.

— Вы знаете, как меня зовут, Новак, — Уинтерс из Вермонта. Вы одобрили эту схему?

— Нет, — просто сказал Новак.

— Но он — один из ваших мальчиков.

— Он свободный гражданин. Я курировал производство фильма и исследования, на основе которых он создан. Использование не прямой техники внушения было предложено исследовательской группой, которой он руководил. Я не одобрил это предложение, но согласился на демонстрацию фильма в вашей аудитории. И я повторяю: он свободный гражданин и имеет право высказываться так же, как и вы все.

— Можно тогда я выскажу свою точку зрения?

— Разумеется.

Пожилой мужчина приосанился и словно наполнился воздухом.

— Джентльмены... леди... камрады! Я в этом движении состою уже сорок лет, куда дольше, чем этот щенок прожил на свете. У меня есть брат, такой же хороший человек, как и я, но мы с ним не разговаривали много лет, потому что он искренне предан установленной вере и подозревает меня в ереси. И вот теперь этот высоколобый щенок включает свои блуждающие огни, чтобы «натаскать» моего брата и сделать его «политически благонадежным».

Он перевел дыхание и продолжал:

— Свободного человека не надо «натаскивать». Свободные люди свободны потому, что они упрямы и несговорчивы и предпочитают приходить к собственным умозаключениям и предрассудкам своим собственным путем, без чужой помощи и не желают, чтобы их кормили с чайной ложечки самозванные промыватели мозгов! Мы сражались, а наши братья истекали кровью и умирали совсем не для того, чтобы сменить хозяев, какими бы замечательными ни были мотивы и побуждения новых господ. И я должен сказать, что мы с вами попали в яму, в которой сидим, именно усердием этих умоломов. Годами они учились тому, как оседлать человека и скакать на нем верхом. Они начали с рекламы и пропаганды и тому подобного и дошли до того момента, когда простое честное жульничество, к которому прибегает любой коммивояжер или бродячий торговец, превратилось в математическую науку, против которой у обычного человека нет ни одного шанса. — Он указал пальцем на Стоукса. — Я уверяю вас, что американский гражданин не нуждается в защите от чего бы то ни было, за исключением таких типов, как этот!

— Это глупо! — раздраженно воскликнул Стоукс. — Нельзя давать детям играть со взрывчаткой. А право голоса в нынешних условиях — это она и есть!

— Американцы — не дети!

— Они именно дети! По крайней мере, большинство.

Уинтерс окинул взглядом аудиторию:

— Вы видите, что я имел в виду, друзья? Он уже готов взять на себя роль Господа, точно как наш Пророк. А я на это говорю: дайте им свободу, дайте им четкие права свободных людей и детей Божьих. Если они снова все испортят, это будут их проблемы — но мы не имеем права залезать к ним в мозги.

Он замолчал и снова попытался отдышаться. Стоукс смотрел на него, не скрывая презрительной усмешки.

— Мы *не можем* сделать этот мир безопасным ни для себя, ни для наших детей, — закончил Уинтерс, — но Господь и не уполномочивал нас на это.

Новак тихо спросил:

— Вы закончили, мистер Уинтерс?

— Да, у меня все.

— Вы *тоже* уже высказались, Стоукс. Садитесь.

Мне пора было убежать — так что я выскользнул из зала и не увидел драматического финала этого спора: я не успел отойти от зала и ста шагов, как старый мистер Уинтерс упал замертво в тот момент, когда я выходил из здания.

Новак не позволил прерывать заседания. Оно приняло две резолюции: что ни один гражданин не может быть подвергнут гипнозу либо иному психологическому воздействию без его письменного на то согласия и что на первых свободных выборах право голоса не будет определяться по результатам каких-либо религиозных или политических тестов.

Я так и не знаю, кто был прав в том споре. В последующие несколько недель мы бы чувствовали себя куда спокойней и уверенней, если бы были убеждены, что народ твердо нас поддерживает. Пока мы лишь были временными правителями страны и по ночам не осмеливались выходить на улицу в униформе меньше чем вшестером.

О да, теперь у нас появилась униформа — по комплекту на каждого. Ее шили из самой дешевой ткани в стандартных армейских размерах: слишком большой и слишком маленький — мне мой мундир был мал. По мере того как мундиры поступали

через канадскую границу, мы спешили одеть в них армию — белые повязки на руке уже никого не удовлетворяли.

Помимо наших простеньких серо-голубых комбезов можно было увидеть иностранные мундиры добровольческих бригад, прибывших из-за рубежа, и причудливые одеяния коренных американцев. Мормонские батальоны надели тоги и отрастили бороды. Они шли в бой, распевая давным-давно запрещенный гимн: «Вперед, вперед, святые люди!» С тех пор как мормоны получили обратно их чтимый Храм, штат Юта, центр мормонов, стал самым надежным штатом среди тех, в которых мы установили контроль. Была своя униформа и у католического легиона, и это было полезно, потому что мало кто из них говорил по-английски. Солдаты христианского движения также носили совсем иные мундиры, и это было понятно, потому что они оказались соперниками нашего братства уже в подполье и не одобряли нашего выступления, полагая, что следовало подождать еще. Наконец, армия Иеговы, набранная в резервациях париев на северо-западе и усиленная добровольцами со всего мира, носила мундиры, которые можно описать лишь одним словом: «эксцентричные».

Хаксли осуществлял тактическое командование всеми этими частями. Но это была не армия, а просто толпа людей.

Единственное утешение заключалось в том, что армия Пророка была невелика. В ней было меньше двухсот тысяч человек — в основном внутренняя полиция, а не войска, и из этого числа лишь немногие смогли пробиться в Новый Иерусалим и укрепить дворцовый гарнизон. К тому же США уже сто лет не вели войн, поэтому Пророк не мог набирать добровольцев из числа ветеранов.

Правда, и мы были лишены возможности это сделать. Большая часть боеспособных солдат и офицеров была разбросана по всей стране и охраняла узлы связи и прочие ключевые пункты больших городов — нам нелегко было найти людей даже для этой работы. Штурм Нового Иерусалима заставит, как многие понимали, наскрести все, что осталось.

Это мы и старались сделать, и теперь задыхались под горами бумаг, из-за чего дни, проведенные в Генеральном штабе, казались тихими и безмятежными. У меня уже было тридцать помощников, и я понятия не имел, чем половина из них занималась. Кроме того, я тратил массу времени, отгоняя от кабины-

та Хаксли «очень важных граждан», которые жаждали помочь революции.

В эти дни случился один инцидент, который был совершенно незначителен на общем фоне, но оказался важным для меня лично. Однажды моя главная секретарша вошла в кабинет со странным выражением на лице.

— Полковник, — сказала она, — вас хочет видеть ваш брат-близнец.

— Что? У меня нет братьев.

— Сержант Ривс, — пояснила она.

Он вошел, мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Я действительно был очень рад его видеть и рассказал ему обо всех распроданных мной заказах, о которых я не смог ему сообщить. Я извинился за это, оправдываясь перипетиями военной службы, и добавил:

— Да, кстати, я нашел вам нового клиента в Канзас-Сити. Магазин Эмери, Бэрда и Тейера. Можете воспользоваться.

— Я постараюсь, спасибо.

— Я не знал, что вы солдат.

— Да я и сам не знал. Но я стал им, когда мой пропуск... э-э-э... потерял силу.

— Простите меня за это.

— Не стоит извиняться. Я научился обращаться с бластером, и у меня довольно неплохо получается с гранатами. Меня признали годным для участия в операции «Удар».

— Ой-ой, это условное обозначение совершенно секретно.

— В самом деле? Надо будет сказать нашим ребятам. А то они, по-моему, этого не понимают. Как бы то ни было, я в этом участвую. А вы? Или я не должен об этом спрашивать?

Я переменял тему:

— Вам нравится в армии? Планируете сделать тут карьеру?

— Да, нравится... но не *настолько*. Но я пришел, чтобы задать вопрос вам, полковник. А *вы сами*?

— Что?

— Когда все закончится, вы останетесь в армии? Думаю, с вашим послужным списком у вас тут все получится — мне-то они ничего хорошего не предложат, когда веселье закончится. Но если вдруг вы ничего такого не планируете, то как вы насчет текстильного бизнеса?

Вопрос меня удивил, но все-таки я ответил:

— Ну, честно говоря, мне это понравилось — по крайней мере, в части продаж.

— Отлично. Я, конечно, потерял прежнюю работу, но я все-речь подумываю о том, чтобы запустить собственный бизнес и одновременно поработать представителем разных производителей. И тут мне будет нужен партнер. Как вам такое?

Я обдумал это.

— Не знаю, — медленно произнес я. — Я не заглядываю в будущее дальше, чем до операции «Удар». Может быть, я останусь в армии, хотя не могу сказать, что военная служба нравится мне так же, как нравилась когда-то... слишком много бумаг, которые нужно оформить и подписать. Не знаю. Думаю, на самом деле я просто хотел бы сидеть под своею виноградною лозою и своею смоковницею.

— «...И никто не будет устрашать их», — закончил он за меня. — Хорошая мысль. Но почему бы вам, сидя под этим деревом, не развернуть несколько штук ситца? Ведь урожай с виноградника может подвести. Подумайте над этим.

— Я подумаю. Я обязательно подумаю.

15

Мы с Мэгги поженились за день до штурма Нового Иерусалима. Медовый месяц продолжался ровно двадцать минут, пока мы стояли, держась за руки, на пожарной лестнице возле моего кабинета. А потом я полетел с Хаксли в район, где планировалось наступление. Во время штурма я был на флагманском наземном крейсере. Я попросил разрешения сесть за штурвал истребителя, но Хаксли отказал мне в просьбе.

— Зачем, Джон? — сказал он. — Войну мы не выиграем в воздухе. Она решится на земле.

И он, как всегда, был прав. У нас было очень мало ракет и еще меньше надежных пилотов. Большая часть ВВС Пророка была выведена из строя на земле, многие летчики бежали в Канаду и другие страны и были там интернированы. С оставшимися самолетами мы могли только периодически бомбить Храм и Дворец, чтобы они не высывались наружу.

Но мы не могли нанести им серьезный урон, и это было известно и нам, и им. Несмотря на свое причудливое убранство

снаружи, под землей Дворец был самым прочным бомбоубежищем из когда-либо построенных. Он был рассчитан на прямое попадание атомной бомбы без ущерба для персонала, прячущегося в его глубочайших туннелях — а именно там Пророк и проводил свои дни, можете быть уверены. Даже та часть, что поднималась над землей, была относительно неуязвима для обычных бомб, которые мы использовали.

Мы не прибегали к атомному оружию по трем причинам: во-первых, у нас их не было. Насколько мне известно, в США не было изготовлено ни одной атомной бомбы после окончания Третьей мировой войны и подписания договора в Йоханнесбурге. Во-вторых, мы не смогли бы их добыть. Конечно, можно было попытаться выторговать две-три бомбы у Федерации¹, ежели бы нас признали законным правительством США, но если Канада нас уже признала, то Великобритания с признанием не спешила, также не было признания и со стороны Северо-Африканской Конфедерации. Бразилия колебалась. По крайней мере, она послала в Сент-Луис своего поверенного в делах. Но даже если бы нас приняли в Федерацию, она бы вряд ли согласилась выделить оружие массового поражения для сведения счетов в гражданской войне. И в-третьих, мы бы не использовали атомную бомбу, даже если бы нам ее вручили. И не потому, что у нас кишка тонка. Дело в том, что бомба, сброшенная на Дворец, убила бы не менее ста тысяч наших сограждан в городе, а Пророк почти наверняка остался бы жив.

Нужно было прийти и выкопать его — как барсука из норы.

Точка randеву была назначена на восточном берегу реки Делавер. Ровно в ноль-ноль часов ноль одну минуту мы двинулись на восток, тридцать четыре наземных крейсера, тринадцать из них — современные тяжелые машины, остальные — легкие крейсера или устаревшие корабли. Это все, что оставалось от могучего флота Восточной Миссисипи. Остальные крейсера были уничтожены верными Пророку офицерами. Тяжелыми машинами мы хотели взломать стены. Легкие должны были сопровождать штурмовой отряд на десяти бронетранспортерах —

¹ *Федерация* — в «Истории будущего» Р. Хайнлайна международная организация, аналог ООН в этой реальности. Изначально Федерация полностью контролировала производство и применение атомного оружия, затем оно было передано под юрисдикцию Космического патруля. — *Примеч. С. В. Голд.*

пять тысяч бойцов, отобранных со всей страны. Некоторые из них прошли настоящую военную подготовку, остальные занимались ею последние несколько недель. Все они принимали участие в уличных боях.

Продвигаясь вперед, мы слышали звуки бомбардировки Нового Иерусалима — сначала глухое «Кр-р-рампл!», потом морозная дрожь сотрясения и низкие басы дошедшего по земле звука. Бомбежка продолжалась уже тридцать шесть часов, и мы надеялись, что никому во Дворце не удалось выспаться за это время, тогда как все наши солдаты только что проснулись после двенадцати часов принудительного сна.

Ни один из наших крейсеров не был спроектирован как флагман, поэтому мы устроили импровизированный командный пункт за боевой рубкой, выбросив телевизор дальнего действия и освободив место для оперативной карты и схемы управления боем. Я трясся над самодельной схемой, моля Небеса, чтобы самодельные амортизаторы сработали, когда дойдет до дела. За моей спиной скорчились в тесноте психооператор со своей командой телепатов, состоявшей из восьми женщин и невротического четырнадцатилетнего мальчика. Теоретически каждый из них мог контролировать четыре канала связи, но я сомневался, что на практике это у них получится. У одной из женщин, худой блондинки, был сухой хронический кашель и большой зоб раздувшейся щитовидки на горле.

Вперед мы двинулись зигзагами. Хаксли выхаживал по рубке, спокойный, как улитка, посматривая мне через плечо, читая полученные донесения и поглядывая на экраны.

Стопка донесений на моем столике росла. «Херувим» повредил протекторы правого борта, он оставил боевой порядок, но присоединился к нам через тридцать минут. Пенойер доложил, что его колонны вышли на позиции и готовы к развертыванию. Из-за острой нехватки командиров мы использовали совмещение командования: Пенойер командовал левым крылом и своим крейсером, Хаксли был главнокомандующим, командующим правого крыла и капитаном своего флагмана.

В двенадцать тридцать две телевизоры погасли. Противник расшифровал нашу схему изменения частот и сжег все радиолампы в цепях. Это было теоретически невозможно, но он это сделал. В двенадцать тридцать семь вышло из строя радио.

Хаксли казался невозмутимым.

— Переключитесь на светофонную связь, — сказал он.

Связисты уже предупредили его приказ: наши приемники и передатчики работали теперь на инфракрасных лучах — от корабля к кораблю. Прошел еще час. Хаксли большую часть времени простоял у меня за спиной, наблюдая, как вытягиваются линии треков на схеме управления боем. Наконец он сказал:

— Я думаю, пора разворачиваться, Джон. Некоторые из пилотов не слишком уверены в себе, мы дадим им время освоиться на их позициях, прежде чем начнем.

Я передал приказ и отключил схему управления боем на пятнадцать минут — она не была предназначена для обработки такого количества переменных в единицу времени, и не было смысла перегружать ее без нужды. Через девятнадцать минут последний транспорт доложил о готовности. Я ввел в схему предварительные настройки, включил систему и запустил обработку данных коррекции. Пару минут я был страшно занят балансировкой данных, мои руки летали между ручками управления и клавишами ввода. Затем машина сообщила, что удовлетворена собственными прогнозами, и я доложил генералу:

— Слежение возобновлено, сэр.

Хаксли наклонился, читая схему через мое плечо. Фон был немного неровным, но я гордился пилотами — некоторые из них еще четыре дня назад были шоферами грузовиков.

В пятнадцать ноль-ноль мы передали предварительный сигнал: «Выходим на боевые позиции». И я услышал, как наша орудийная башня содрогнулась — заряжали орудие.

В пятнадцать тридцать одну Хаксли приказал открыть огонь.

Наш большой мальчик подал голос. Первый выстрел поднял тучу пыли, от которой слезились глаза. Машина от отдачи рванулась назад, и я чуть не выпал из седла. Мне никогда раньше не приходилось находиться рядом с тяжелым бустерным орудием, и я не ожидал, что отдача так сильна. У нашей большой пушки вдоль ствола были расположены вторичные камеры сгорания, электронно синхронизированные с ходом снаряда; они поддерживали максимальное давление на всем протяжении ствола и давали намного более высокую дульную скорость и ударную силу. А вдобавок — зубодробительную отдачу. Но после второго выстрела я уже был к ней готов.

Между выстрелами Хаксли смотрел в перископ, стараясь определить эффективность артиллерийского огня. Новый Иеру-

салим отвечал на наш огонь, но мы еще не вошли в зону действия его орудий. У нас было преимущество стрельбы по неподвижной цели, расстояние до которой было нам известно с точностью до метра. Но с другой стороны, даже тяжелый наземный крейсер не нес такой брони, какую скрывала пышная облицовка Дворца.

Хаксли отвернулся от перископа и сказал мне:

— Дымовая завеса, Джон!

Я в свою очередь крикнул офицеру связи:

— Всем телепатам готовность номер один!

Этот приказ не прошел. Едва я его отдал, офицер доложил, что связи с другими крейсерами нет. Но психооператор уже работал, и я знал, что то же самое происходит на других кораблях, это была штатная ситуация.

Из девяти наших телепатов трое, мальчик и две женщины, бодрствовали, остальные шестеро были в гипносе. Техник начал налаживать через мальчика контакт с кораблем Пенойера. Малыш почти мгновенно установил связь и передал нам рапорт Пенойера: «ОСЛЕПЛЕНЫ ДЫМОМ. ЛЕВОЕ КРЫЛО ПЕРЕКЛЮЧИЛ НА ПСИХО. КАКАЯ СИСТЕМА СВЯЗИ? — ПЕНОЙЕР».

Я ответил:

— Передаем по цепочке.

Доктрина допускала два типа телепатического соединения: ретрансляцию, при которой сообщение передавалось до тех пор, пока не достигало адресата, и командную сеть, при которой действовало прямое подключение командующего ко всем подчиненным кораблям, а также от корабля к кораблю для соседних подразделений. В первом случае каждый сенситив поддерживает только свое звено в цепи, то есть в каждый момент времени находится в контакте лишь с одним телепатом, во втором случае им приходится поддерживать до четырех цепей связи одновременно. Я хотел избегать их перегрузки как можно дольше.

Оставшихся двух бодрствующих телепатов техник связал с нашими фланговыми кораблями, а затем занялся спящими. Четверым потребовались инъекции, остальные сразу отреагировали на внушение. Вскоре мы наладили связь с транспортами и кораблями второй линии, бомбардировщиками и с самолетом-корректировщиком. Корректировщик доложил, что видимость у него нулевая и радар ему ничем не помогает. Я приказал

ему оставаться в прежнем квадрате в расчете на то, что утренний ветер разгонит дым.

Впрочем, мы не зависели от корректировщика, потому что наше положение было выверено с точностью до дюйма. Нам были известны отклонения от базовых ориентиров, а координаты наших позиций на всей линии боевого развертывания пересчитывались всякий раз, когда кто-то из штурманов замечал указанный на карте ориентир. Кроме того, датчики, установленные на протекторах крейсера, дают удивительно точные показания. Шины буквально измеряют каждый ярд пройденного расстояния, а маленький дифференциальный датчик сравнивает показания и с той же точностью отслеживает смену направления. В результате дым нас не слишком беспокоил, мы могли бы продолжать стрельбу, даже если бы не работал радар. Противнику было хуже. Выпустив дымовую завесу, начальник обороны Дворца отныне полностью зависел от своего радара.

Радар во Дворце был в полном порядке: вокруг нас рвались снаряды. Прямых попаданий в наш крейсер еще не было, но мы чувствовали, как он вздрагивал, когда снаряды взрывались совсем рядом. Новости с других крейсеров были невеселыми: Пеннойер сообщил, что «Мученик» получил прямое попадание — снаряд разворотил машинное отделение по правому борту. Капитан крейсера пытался переключить трансмиссию и вдвое уменьшить скорость, но передачу заклинило, и от «Мученика» было мало толку. Орудие «Архангела» перегрелось, он оставался в строю, но боеспособность машины упала до нуля, пока капитан не приведет ее в чувство.

Хаксли приказал перестроиться по плану «Е» — по этому плану машины постоянно меняли скорость и курс движения, на первый взгляд, случайным образом. Но на самом деле все элементы движения были тщательно спланированы, чтобы избежать столкновений между кораблями. Он был рассчитан на то, чтобы снизить эффективность вражеского огня.

В 16:11 Хаксли приказал бомбардировщикам вернуться на базу. Мы были в пределах города, и стены Дворца были так близко, что мы могли пострадать от собственных бомб.

В 16:17 в наш корабль попал снаряд. Верхний кожух протектора левого борта разорвало, основание орудийной башни было повреждено, и турель больше не вращалась, боевую рубку

вскрыло вдоль задней части по всей длине, пилот был убит на месте.

Я помог психооператору надеть противогазы на телепатов. Хаксли поднялся с пола, надел свой шлем и изучил схему управления боем. Картинка на ней застыла, когда в нас попал снаряд.

— Мимо нас через три минуты пройдет «Благословение». Передай, чтобы они снизили скорость до минимума, прошли вдоль правого борта и подобрали нас. Передай Пенoyerу, что я переносу флаг на «Благословение».

Мы перешли на другой крейсер без потерь, всей командой — Хаксли, я, психооператор и его телепаты. Лишь один из телепатов был убит и остался на крейсере — в него попал осколок снаряда. Еще одна телепатка вошла в глубокий транс, и мы вынуждены были оставить ее в вышедшей из строя машине, что было куда безопасней, чем эвакуировать женщину в пекло боя.

Я забрал с собой вырванный из схемы управления боем график перемещения кораблей по плану «Е». Нам приходилось довольствоваться только этим, потому что мы не могли перенести весь агрегат, да и отремонтировать его своими силами было невозможно. Хаксли изучил карту.

— Мне нужна полная командная сеть, Джон, — сказал генерал. — Я планирую атаковать в ближайшее время.

Я помог психооператору перенастроить схемы связи. Отказавшись от связи с «Мучеником» и подключившись к вспомогательным машинам Пенoyerа по схеме «ретрансляция по цепочке», мы смогли обойтись без двух потерянных телепатов. Теперь все поддерживали по четыре линии связи, кроме мальчика, который держал пять, и девушки с кашлем, которая оперировала сразу шестью. Психооператор волновался, но другого варианта у нас не было.

Закончив передавать приказания крейсерам, я обернулся к генералу. Хаксли сидел в кресле, и сначала мне показалось, что он глубоко задумался, потом я понял, что он потерял сознание. Однако все было гораздо хуже, когда я попытался привести его в чувство и не смог; я заметил, что по ножке кресла стекает кровь и капает на пол. Я осторожно наклонил его и увидел: у самого позвоночника торчал вошедший между ребер осколок.

Кто-то теребил меня за рукав, это был психооператор:

— Пенойер докладывает, что выйдет на дистанцию атаки через четыре минуты. Он запрашивает разрешение на переход к боевому построению и просит сообщить время исполнения.

Хаксли вышел из строя. Живой или мертвый, он в этом бою уже не участвовал. По всем правилам командование переходило к Пенойеру, и я должен был немедленно его известить. Но каждая секунда была на счету, а передача флага потребовала бы радикально перестроить всю сеть связи. У Пенойера на борту было всего три телепата, они физически не могли выполнить такую задачу.

Что мне оставалось делать? Передать командование командиру «Благословения»? Я знал его — он был флегматичный, лишенный воображения, скорее стрелок, чем офицер. Он даже не заглядывал в рубку, а управлял артиллерийским огнем из оружейной башни. Если я позову его, пройдет несколько минут, прежде чем он вникнет в ситуацию — а затем отдаст неверные приказы.

Без Хаксли мой авторитет ничего не стоил. Я был свежеспеченным полковником, вчерашним майором, а если говорить честно, все еще оставался легатом, денщиком при генерале Хаксли. Что мне было делать? Передать командование Пенойеру и проиграть битву, но при этом точно соблюсти протокол? *Что сделал бы Хаксли, если бы мог принимать решения?*

Мне казалось, что я размышляю целый час. В действительности хронометр показал, что прошло всего тринадцать секунд между сообщением Пенойера и моим ответом.

«Через шесть минут начинаем последний этап штурма. Приступайте к перестройке крыла соответственно плану».

Передав приказ, я вызвал к генералу санитаров.

Я перестроил правое крыло в боевой порядок и отдал приказ «Колеснице»:

«Подплан „Д“. Покиньте строй и приступайте к исполнению приказа».

Психотехник с беспокойством посмотрел на меня, но передал приказ.

Согласно подплану «Д» пятьсот легких пехотинцев должны были проникнуть во Дворец по подземному ходу, который связывал подвал универмага с комнатой Ложи. В комнате Ложи десантники должны были разделиться повзводно и следовать к намеченным целям. У всех штурмовых групп планы Дворца

были отпечатаны в мозгу. Все пятьсот десантников прошли специальную подготовку и знали, куда идти и что делать.

Многие из них погибли, но они создадут столь нужную нам в момент атаки панику в стане противника. Их обучал Зеб, а теперь он был их командиром.

Мы были готовы.

«Всем подразделениям! Приготовиться к атаке. Правое крыло — правый бастион, левое крыло — левый бастион. Двигаться зигзагом на полной скорости до выхода на дистанцию броска. Затем разворот для максимальной концентрации огня, один залп — и штурм. Приготовиться к исполнению. Подтвердить получение приказа».

С крейсеров поступали подтверждения. Я смотрел на свой хронометр и готовился отдать приказ атаковать, когда мальчик-телепат вдруг замолчал посреди доклада и потряс головой. Техник схватил его за запястье и попытался измерить пульс, но мальчик оттолкнул его.

— Это кто-то новый, — сказал он. — Я плохо его понимаю. — И он заговорил нараспев: — Мастер Ложи Питер ван Эйк — главнокомандующему. Ударьте всеми силами по центральному бастиону. Мы ударим с другой стороны.

— Почему центр? — спросил я.

— Он поврежден сильнее всего.

Если сказанное правда, то это может решить все дело. Но я имел основание не доверять. Если они выследили ван Эйка, то это ловушка. И я не представлял, как он, находясь на своей позиции, в разгар боя ухитрился со мной связаться.

— Скажите пароль! — сказал я.

— Нет уж, сами скажите!

— Не скажу.

— Я скажу первые две буквы.

— Хорошо.

Он не ошибся. Я успокоился.

«В отмену прежнего приказа. Тяжелым крейсерам атаковать центральный бастион, левым крылом — левый фланг, правым крылом — правый. Нечетные номера вспомогательной техники ведут отвлекающий огонь по правому и левому бастионам. Четные номера остаются с транспортами. Подтвердить получение приказа».

Через девятнадцать секунд я отдал приказ приступить к штурму, и мы пошли вперед. Мне казалось, что мы летим на

реактивном самолете, у которого прогорело сопло. Мы пробились сквозь кирпичные стены, клонились на поворотах, чуть не перевернулись, свалившись в подвал разрушенного здания, и с трудом выбрались наверх. Я уже ничем не управлял — все дальнейшее было в руках командиров боевых машин.

Когда мы замедлили движение, готовясь к новому выстрелу, я увидел, что психооператор приподнимает веко подростка.

— Боюсь, он нас покинул, — сказал психооператор глухо. — Я слишком перегрузил его при последнем подключении.

Еще две телепатки потеряли сознание.

Наше большое орудие выстрелило — мы отсчитали бесконечные десять секунд после выстрела и двинулись дальше, набирая скорость. «Благословение» ударило по стене Дворца с такой силой, что я думал — она тут же развалится. Стена выдержала. Тогда пилот выпустил гидравлические домкраты, и нос крейсера стал медленно задираться. Крейсер встал почти вертикально, и мне показалось, что он вот-вот опрокинется, но тут протекторы нашли опору, и мы, размалывая камни в щебень, перевалили через пролом в стене и въехали во двор.

Наше орудие заговорило вновь — оно стреляло в упор по внутреннему Дворцу. В моей голове промелькнула мысль: это было то место, где я впервые увидел Юдифь. Круг замкнулся.

«Благословение» громило дворовые постройки, уничтожая их своим весом. Я подождал, пока последний из крейсеров к нам присоединится, а затем приказал: «Транспорты с десантом, вперед».

После этого я связался с Пеннойером и сообщил ему, что Хаксли ранен и командование переходит к нему.

Для меня все закончилось. У меня не было ни задания, ни места по боевому расписанию. Вокруг меня полыхала битва, но я не принимал в ней участия — я, который всего несколько минут назад узурпировал верховное командование.

Я закурил сигарету и подумал: что же мне теперь с собой делать? Глубоко затянувшись, я притушил ее, вылез через контрольный люк в орудийную башню и выглянул в бойницу. Поднялся ветерок, и дым рассеивался. Я увидел, как из пролома в стене показалась «Лестница Иакова», ее борта откинулись, и солдаты, держа оружие наготове, посыпались во все стороны, разбегаясь в укрытия. Их встретил редкий неорганизованный огонь. Некоторые упали, но остальные ответили огнем и броси-

лись на штурм внутреннего Дворца. «Лестница Иакова» покинула пролом, уступив место «Ковчегу».

Командир десанта на «Ковчеге» имел приказ захватить Пророка живым. Я скатился по лестнице с башни, спустился в машинное отделение и отыскал аварийный люк. Откинув крышку, я опустил голову в люк и увидел пробежавших мимо десантников. Я достал свой бластер, прыгнул на землю и бросился их догонять.

Это были парни с «Ковчеха». Я присоединился к взводу, и мы вместе ворвались во внутренние покои.

Бой кончился. Мы почти не встречали сопротивления. Мы спускались с этажа на этаж все глубже под землю и наконец нашли бомбоубежище Пророка. Дверь была распахнута настежь, и Пророк был там, где мы его искали.

Но мы его не арестовали. Девственницы добрались до него раньше, и он уже не был властительным и грозным. От него осталось ровно столько, чтобы можно было его опознать.

КОММЕНТАРИЙ

Повесть «Если это будет продолжаться...» была одной из самых первых у Хайнлайна. Он начал ее в мае 1939 года, сразу после того, как набросал черновик рассказа «Да будет свет!», с которого начиналась его первая версия «Истории будущего» (два года спустя он перенес точку расхождения с нашей временной линии назад в прошлое, в XIX век, и связал ее с основанием Семейств Говарда, но в самых ранних рассказах точкой расхождения было изобретение солнечной энергетической панели Дугласа—Мартин). Его роман «Нам, живущим» все еще кочевал от одного издателя к другому, и эта история (ее самое первое рабочее название — «Капитаны и священники») должна была заполнить один из эпизодов в историческом фоне книги, вавилонский плен Америки под властью Неемии Скаддера и его преемников — Пророков. Светские гуманисты хотели вернуть страну и открыть истинное *novo ordo seclorum*¹ (в точности как Первая американская революция!).

Работа над повестью была отложена на лето, а пока Хайнлайн трудился над другими вещами — вносил правки в «Неудачника», которых требовал Кэмпбелл, посещал свой первый семинар по об-

¹ Букв. «новый порядок веков», или «новый мировой порядок» (лат.), надпись на Большой печати США. — Примеч. С. В. Голд.

щей семантике, который вел граф Альфред Коржибски. А оставшееся время заняли попытки пристроить полдюжины других отвергнутых Кэмпбеллом рассказов. Только в августе он вернулся к этой вещи, теперь она называлась «Лоза и смоковница».

У Хайнлайна в то лето произошел писательский прорыв, и новое название повести отражало достигнутый им уровень писательского мастерства. Для прежних рассказов ему приходилось выбирать ту или иную мифологическую систему символов и образов. Неуклюжее «Прометей „несет факел“» (греческая мифология) превратилось в «Да будет свет!» (библейская). Либо то, либо другое. Но «Лоза и смоковница» имели отсылку на прощальное обращение Джорджа Вашингтона и были одновременно и библейскими, и патристическими: цель и смысл либеральной демократии, по словам Вашингтона, состоит в том, чтобы избавить простых людей от обузы в виде принцев и прелатов, капитанов и священников. Цитируя Библию, Вашингтон дал свое видение свободного общества: каждый человек «будет сидеть под своею виноградною лозою и своею смоковницею, и никто не будет устрашать их»¹. Так что в новом названии было и то и другое — и библейское, соответствующее теократии, показанной в начале истории, и революционно-патристически-либеральное, сообразное светскому характеру Второй американской революции в конце повести. Хайнлайн все еще учился своему ремеслу, но он добился значительного прогресса в технике, и его техника уже была на голову выше обычных стандартов палп-фикшн. Тем не менее писать было настолько тяжело, что он получал от процесса очень мало удовольствия.

Эта вещь настолько точно вписалась в формат, который Кэмпбелл вырабатывал для журнала «Astounding», что он отбросил блестящее новое название, придуманное Хайнлайном, и заменил его максимально обобщенным, подходящим для научной фантастики в целом (так как все виды спекулятивной фантастики возникают в тот момент, когда рассказчик спрашивает себя: «Что будет, если?..» — а научная фантастика, в частности, продолжает этот вопрос в будущее: «...если это будет продолжаться?..»). Фактически Кэмпбелл был настолько впечатлен новеллой (объем рукописи был примерно 35 000 слов), что присвоил ей свою недавно придуманную категорию «Nova», которой отмечал существенные прорывы в научной фантастике. Хотя многие читатели были не согласны с выбором Кэмпбелла для очередной «Nova» — ведь читатели палп-фикшн весьма консервативны при выборе чтения, — «Если это будет продолжаться...» и «Слэну» ван Вогта, вышедшему позже в том же году, суждено было стать классикой современной науч-

¹ Мих. 4: 4. — *Примеч. С. В. Голд.*

ной фантастики, поистине знаковыми вещами эпохи Кэмпбелла. Это произведение закрепило статус Хайнлайна как одного из ведущих писателей-фантастов в тот момент, когда он имел в активе только четыре опубликованных рассказа, в самом начале его почти полувековой писательской карьеры.

«Если это будет продолжаться...» должно было войти в третий том запланированной издательством «Shasta» пятитомной «Истории будущего». Этот проект провалился по нескольким причинам — Хайнлайн потерял в заработке из-за того, что пришлось заниматься «Человеком, который продал Луну» для продвижения первого тома; кроме того, его раздражали особенности деловой практики «Shasta». Он хотел разорвать контракт и не собирался тратить усилия на книгу, которой суждено было превратиться в еще один источник трений. Тем не менее «Если это будет продолжаться...» нуждалось в серьезной редакции и расширении, для того чтобы придать ей окончательную форму.

За четырнадцать лет, прошедших с момента ее написания, Хайнлайн освоил новые уровни техники, и он хотел использовать некоторые из них, чтобы превратить эту историю из палпа если не в «литературу», то по крайней мере в нечто более важное, чем то, что появилось на страницах «Astounding». Слава богу, ему не нужно было притормаживать в вопросах секса или мировоззрения, и он задумал новый сюжетный ход для истории, благодаря чему Джон Лайл открыл для себя суть Америки, которой Джона лишили Скаддер и его преемники-Пророки. И он повторил бы тот путь, каким ранее прошла Америка, — прочитав «Документы федералистов» и труды отцов-основателей. Освобождение Джона Лайла от культурного ханжества теократии должно было привести его к открытию того, как быть политически независимым человеком, — это та тесная связь, о которой Хайнлайн говорил Кэмпбеллу, когда обсуждал с ним социальные нравы и политику в романе «Нам, живущим».

В 1953 году, отбросив запреты и табу, наложенные издателем «Street & Smith» на «Astounding» образца 1939–1940 годов, Хайнлайн переработал новеллу, увеличив ее объем до 55 000 слов, и реализовал свой изначальный замысел: историю обычного человека, перешагнувшего свои естественные ограничения. Как говорил радикально-католический помощник редактора Джона Кэмпбелла, он был «чертовски откровенен». И, узрите, это было хорошо!

ПОВЕСТЬ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ

Я обращаюсь в первую очередь к тем, кто уже прочел первые два тома моих сочинений со столь впечатляющим названием «История будущего». Первый том, «Человек, который продал Луну» («Shasta Publishers», Чикаго, 1950 г.), охватывает события от наших дней до конца двадцатого столетия и завершается первыми неуверенными шагами человека в космосе. Читатель смог убедиться, что некоторые рассказы, относящиеся к нашему времени, благополучно устарели. Это профессиональный риск, который я разделяю с синоптиками и гадалками. Том второй, «Зеленые холмы Земли» («Shasta Publishers», Чикаго, 1951 год), посвящен героическим будням освоения Солнечной системы, и все включенные в него вещи относятся к рубежу двадцатого и двадцать первого веков. Если заглянуть в диаграмму, приложенную ко второму тому, то вам покажется, что время действия всех этих историй укладывается в двадцатипятилетний промежуток. Но это лишь оптическая иллюзия, порожденная требованиями полиграфического дела. Указанную последовательность историй тоже не надо принимать за чистую монету. Многие сюжеты пересекаются во времени, однако в них заняты разные персонажи в разных точках пространства.

События предлагаемого вам третьего тома начинаются приблизительно через семьдесят пять лет после финальной истории из второго тома. Между этими книгами остался неохваченным большой кусок «Истории будущего». «Зеленые холмы» завершились тем, что Соединенные Штаты стали ведущей державой в широкомасштабной космической экспансии, охватившей все пригодные для жизни планеты Солнечной системы. Но на первой же странице третьего тома мы видим Соединенные Штаты

погруженными во тьму нового средневековья. Страну, забывшую про космос, отгороженную железным занавесом даже от остальной Земли, находящуюся под гнетом теократии, столь же тотальной, как и коммунизм.

Вам может показаться, что вы читаете одну из плохо отредактированных журнальных повестей с продолжением. В конце первой части герой висит над кишасшей змеями ямой, а главный злодей глядит на него сверху... А в следующей части мы видим нашего героя гуляющим по Пятой авеню, живого и невредимого.

Я могу заявить в свое оправдание, что мои рассказы никогда не претендовали ни на проработанную историю будущего (относительно которого мне известно не больше, чем вам), ни на эпизоды длинного сериала (так как каждый из них, по идее, полностью независим от остальных). Это всего лишь истории, предназначенные для развлечения и написанные, чтобы оплатить счета за бакалею.

Однако же я считаю, что раз уж вы были настолько любезны, что потратились на третий том, то имеете полное право на авторское разъяснение: почему все-таки он позволил себе столь большой временной разрыв между второй и третьей книгой. На диаграмме между «Зелеными холмами» и первой вещью следующего тома можно увидеть три взятых в скобки названия. Эти три истории (если они когда-либо будут написаны) могли бы закрыть пробел в три четверти века длиной и, возможно, стали бы хорошим дополнительным томом в серии.

Время действия первой из ненаписанных повестей — «Шум его крыльев» — происходило бы незадолго перед событиями «Логике империи» и заканчивалось через несколько лет после них. В ней рассказывалось бы о юности, становлении в качестве телевизионного проповедника и последующей политической карьере преподобного Неемии Скадлера, Первого Пророка, президента Соединенных Штатов, разрушителя американской конституции и основателя теократического режима.

Вторая повесть — «Затмение» — являлась бы в значительной степени аналогом истории Американской революции и распада колониальной системы в XX веке, но речь в ней пошла бы о земных колониях на Марсе и Венере, которые, добившись экономической и политической независимости, порвали бы с матушкой-Землей. Что, в свою очередь, привело бы к почти полному прекращению межпланетных сообщений. В «Логике империи»

показаны некоторые процессы, ведущие к последовавшему краху. Межпланетные путешествия поначалу будут чрезвычайно дороги, и, если материнская планета больше не сможет эксплуатировать колонии, торговля и связь на длительный период могут снизиться до нуля, а нарождающиеся новые нации могут принять «Акт о разрыве отношений».

«Каменная подушка» заполнила бы брешь между учреждением теократического режима и его свержением Второй американской революцией. Эта история поведала бы о создании революционного подполья. История названа в честь камней, на которых отдыхали бы мученики подполья и в тюрьме, и вне ее. Эти революционеры находились бы почти в столь же безвыходном положении, что и антикоммунисты в СССР в последние тридцать лет. Тем не менее история рассказывала бы о том, что в некоторых обстоятельствах нож превосходит атомную бомбу, и о том, что москитов бесполезно рубить топором.

Все три произведения, вероятно, никогда не будут написаны. Что касается «Затмения», его тема была основательно раскрыта в двух романах, не вписанных в прокрустово ложе моей диаграммы: это «Красная планета» и «Между планетами». Было бы скучно и для вас, и для меня заново пережевывать эти темы. Что касается двух других историй, то обе они имеют один недостаток: это мрачные истории с печальным концом. Я не чужаюсь трагедий и в свое время отметил в трагедийном жанре, но сегодня этого добра хватает и в свежих газетных заголовках. Я не хочу сейчас писать трагедий и сомневаюсь, что вы хотите их читать. Возможно, в другом, более солнечном году мы все будем чувствовать себя по-другому.

Даже Карузо, Клеопатра и Санта-Клаус могут надоест публике. Возможно, и моя псевдоистория выходит на бис чаще, чем позволяют аплодисменты.

Я отчетливо сознаю, что кратко сформулированные темы ненаписанных историй, связывающих второй и этот третий том, выглядят не слишком убедительно, особенно по двум пунктам: это идея о том, что основательно налаженные космические сообщения могут однажды прекратиться и что Соединенные Штаты могут оказаться под властью диктатуры суеверий. Но достаточно вспомнить открытия викингов тысячелетней давности, их поселения, основанные в Америке. Ведь труды скандинавских мореплавателей оказались напрасными — и Колумбу и его пре-

емникам пришлось начать все сначала. Космические же перелеты в ближайшем будущем, вероятнее всего, будут сомнительным предприятием, в лучшем случае субсидируемым военным ведомством. Они могут отмереть и возродиться вновь уже на новой технологической базе и из новых экономических и политических соображений. Я не утверждаю, что так обязательно будет, но, думаю, так может быть.

Что касается идеи о возможном уничтожении свободы волной религиозной истерии, то я с сожалением вынужден заявить, что считаю это вполне возможным. Я надеюсь, что этого не случится. Но у нас, в нашей культуре, существует глубоко спрятанный слой религиозного фанатизма, это явление укоренено в американской истории и не раз уже прорывалось в прошлом. Сейчас оно тоже дает о себе знать. В последние годы в нашей стране наблюдался резкий рост влияния ортодоксальных евангелических сект, среди которых есть и такие, что придерживаются теократических верований в самом экстремальном своем значении — антиинтеллектуальном, антинаучном и антилибертарианском.

Общеизвестно, что любая секта, экстремистский культ или религия станут возводить свою веру в закон, если приобретут достаточно политической власти. И будут сопровождать это подавлением оппозиции, ниспровергая всю систему образования, чтобы как можно раньше захватить умы молодежи, а также убивая, сажая в тюрьмы или загоняя в подполье всех еретиков. Совершенно все равно, называется вера коммунизмом или холироллеризмом — схема действия будет одна и та же. Ведь поступать так — священный долг фанатиков. «Хранители истинной веры» не могут логически признать терпимость ереси и одновременно сохранить свою добродетель.

Тем не менее в нашей стране попытки возвести религиозные убеждения в статус закона никогда не были успешными. В отдельных штатах принимались законы о закрытии увеселительных заведений по воскресеньям, о контроле за деторождением; можно вспомнить федеральный эксперимент «сухого закона» и такие теократические анклавы, как Сион Воливы, Нову Смитта и тому подобные. Страна поделена между столь разнообразными верами и сектами, что степень весьма непростой терпимости теперь существует на уровне целесообразного компро-

мисса; меньшинства составляют большинство оппозиции друг против друга.

Может ли положение измениться? Получит ли какая-нибудь секта достаточное большинство голосов на выборах, чтобы захватить власть над всей страной? Скорее всего, нет. Однако соединение энергичного проповедника с мощью телевидения, большими деньгами, современной техникой рекламы и пропаганды может дать результат, настолько превосходящий усилия Билли Санди, насколько сеть универмагов «Сирс Робак» превосходит какую-нибудь лавчонку на углу. Добавьте сюда экономическую депрессию, обещания Царства Божия на земле, добавьте чуточку антисемитизма, антикатолицизма, расизма, хорошую дозу ксенофобии во внешней политике плюс приличные порции антиинтеллектуализма для домашнего употребления — и итоги могут быть весьма устрашающими. Особенно если учесть нашу избирательную систему, при которой теоретическое меньшинство, распространенное в достаточном количестве штатов, может завоевать в Вашингтоне практическое большинство.

Я представляю себе Неемию Скаддера как проповедника из захолустья, соединяющего в себе черты Кальвина, Савонаролы, судьи Резерфорда и Хьюи Лонга. Его влияние не будет носить общенационального характера, пока не умрет госпожа Рэйчел Биггс, ранее обращенная в его веру, дама, имевшая единственную добродетель — быть вдовой чрезвычайно богатого человека, который не разделял ее религиозной слепоты. Она оставит брату Скаддеру несколько миллионов долларов, на которые он оборудует телевизионную станцию. Затем объединит усилия с бывшим сенатором от своего штата. Они наймут крупное рекламное агентство и вступят на путь, ведущий к славе и богатству. Затем им понадобятся штурмовые отряды, они возродят ку-клукс-клан во всем, кроме названия, вместе с балахонами, паролками, тайными знаками. Однажды этот трюк уже сработал, и он все еще может быть эффективен. Потом будет кровь на избирательных участках и кровь на улицах, но Скаддер выиграет выборы. А следующие выборы уже не состоятся.

Вы полагаете, такое невозможно? А вспомните клан двадцатых годов, они далеко пошли даже без энергичного лидера. Вспомните Карла Маркса: его антинаучная ахинея под названием «Капитал» удушила свободу мысли на доброй половине планеты — и заметьте, даже не воспользовавшись эмоциональными

преимуществами, которые появились бы, объяви он свое учение религией. Способность человека поглощать чепуху, превращая ее в насилие и репрессии, пока не знала никаких ограничений.

Нет, должно быть, я никогда не напишу историю Неемии Скаддера, уж слишком он мне неприятен. Но надеюсь, вы со мной согласитесь, что она *могла быть* написана. Хотя бы для того, чтобы рассказы, следующие за ней по времени действия, были достоверны. Но независимо от того, поверите ли вы в предпосылки, на которых основываются эти истории, или нет, я надеюсь, что мои сочинения придутся вам по вкусу. Потому что в моем возрасте будет не так-то легко вернуться к физическому труду ради куска хлеба.

*Роберт Э. Хайнлайн
Колорадо-Спрингс, Колорадо*

КОММЕНТАРИЙ

Третий из пяти запланированных «Shasta» томов «Истории будущего» должен был заполнить в истории будущего промежуток между заключительными рассказами «Зеленых холмов Земли», которые изображают человечество, активно исследующее и осваивающее Солнечную систему, и новыми Темными веками, показанными в начале «Если это будет продолжаться...», Второй американской революцией и ее последствиями, а «Дети Мафусаила» (самая первая книга, которую захотели напечатать в «Shasta») предполагались к выходу в следующем томе.

Но рассказы так и не были написаны. В рамках этого проекта Хайнлайн успел закончить единственную вещь, «Человека, который продал Луну», необходимую для продвижения первой книги в серии, и в результате приобрел стойкое отвращение к работе с продажей эксклюзивных прав, так как затем на него посыпались одно за другим предложения о вторичной публикации, от которых ему пришлось отказываться. Милый сердцу перезвон кассовых аппаратов сменился «стонами и скрежетом зубным». Кроме того, деловая практика, принятая в издательстве «Shasta», так сильно его оскорбила, что, когда издатель не предоставил вовремя отчет о выплате роялти, а сам втихаря распродал вторичные права на публикации и прикарманил гонорар, Хайнлайн просто хотел разорвать контракт и уйти от этих придурков. Написание одной из историй, «Да Саро», он отложил на будущее (как оказалось, на двадцать лет),

а другие просто снял с повестки дня, написав вместо них извинение перед читателями, в котором пояснил, что ему так сильно не нравится Неемия Скаддер, что он не испытывает желания писать истории, где этот персонаж побеждает.

«Повесть о ненаписанных повестях» рассказывает только о трех из пяти ненаписанных историй, названия которых присутствуют на диаграмме «Истории будущего» версии 1950 года: «Word Edgewise»¹ (которая в общих чертах должна была посвящаться достижениям в технологии, связанной с языком и семантикой) и «Fire Down Lower!»² (которая рассказывала бы о войне за независимость, развернувшейся на урановых рудниках Антарктики) не обсуждались. В любом случае обе они вписались бы в «Зеленые холмы Земли», если бы были написаны. (В диаграмме 1941 года была еще одна ненаписанная история, «While the Evil Days Come Not» («Пока злые дни не настали»), но к моменту публикации диаграммы она уже была завершена. Ее название сменилось на «Дети Мафусаила»).

¹ «*Word Edgewise*» — возможно, происходит от выражения «to get a word in edgewise», дельное замечание, т. е. «слово по делу». — *Примеч. С. В. Голд.*

² «*Fire Down Lower!*» — снова игра смыслами, характерная для названий Хайнлайна. Возможно, по-русски это должно звучать как «Ниже прицел!» или «Пожар в самом основании». — *Примеч. С. В. Голд.*

НЕУДАЧНИК

...в целях сохранения и развития средств межпланетного общения, а также для обеспечения занятости молодежи нашей планеты...

*Выдержка из законодательного акта № 7118
палаты представителей об учреждении
Космического корпуса резервистов*

— Стройся! — рыкающий голос старшего сержанта космического десанта разорвал туман серенького, слякотного утра в Нью-Джерси. — Когда называют ваше имя, отвечайте «здесь», выходите вперед с вещами и поднимайтесь на борт. Аткинс!

— Здесь!

— Остин!

— Здесь!

— Эйрис!

Один за другим пехотинцы выходили из строя, скидывали на плечи вещмешки — не более ста тридцати фунтов личного имущества на человека — и карабкались по трапу. Они были молоды: ни одного старше двадцати двух, и порой поклажа превышала вес новобранца.

— Каплан!

— Здесь!

— Кейт!

— Здесь!

— Либби!

— Здесь! — Долговязый и тощий белокрысый паренек вывалился из строя, поспешно вытер нос и схватился за свои шмотки. Крякнув, взвалил набитый холщовый мешок на плечо и, ухватив свободной рукой чемодан, затрусил, как дворняжка, к трапу. Новобранец преодолел всего лишь несколько нижних ступенек, когда чемодан двинул его по коленкам. Пошатнувшись, он натолкнулся на крепкую невысокую фигуру в зеленовато-голубом мундире космического флота. Сильные пальцы вцепились в плечо паренька и не дали ему упасть.

— Не падай, сынок, не надо. Ты не так старайся, и все будет в порядке. — Могучая рука поправила холщовый мешок новобранца.

— Ой, простите, э-э-э... — смутившийся юнец быстро подсчитал четыре полоски под метеором на серебряном галуне, — капитан, я не...

— Соберись, сынок, и дуй на борт.

— Есть, сэр!

На борту парня встретил полумрак. Когда глаза Либби начали что-то различать, он увидел корабельного старшину, который большим пальцем через плечо показал в сторону одного из люков:

— Тебе сюда. Найди там свой рундучок и жди.

Либби поспешил выполнить указание. В широком сплюснутом отсеке он обнаружил скопище людей и вещей. Линии светящихся трубок проходили вдоль стыков переборок, потолка и трехэтажных багажных полок, гудение вентиляторов создавало мягкий фон человеческим голосам. Либби перебрался через груды чьих-то вещей и нашел свой рундучок под номером «семьдесят» на дальней стене. Он сорвал пломбу с замочка, набрал шифр и открыл крышку. Рундук находился во втором ярусе и был совсем небольшим. Либби стал прикидывать, как ему затолкать в него свои пожитки. Но тут динамик заглушил болтовню и потребовал всеобщего внимания:

— Слушай мою команду! Первое отделение — по местам. Старт через двенадцать минут. Задраить люки. За две минуты до старта выключить вентиляторы. Рядовому составу закрепить на палубе все тяжелые предметы и лечь, когда зажжется красная сигнальная лампа. Лежать до объявления отбоя. Старшинам проверить исполнение команды.

Тут же заглянул старшина, осмотрелся и принялся руководить размещением багажа. Тяжелые вещи были принаготовлены к палубе. Крышки рундуков закрыты. К назначенному времени каждый пехотинец нашел себе местечко на палубе, а старшина даже пристроил под голову подушку. Лампы загорелись красным светом, и динамик гаркнул:

— Всем внимание! Старт корабля! Приготовиться к вертикальному ускорению.

Старшина спешно прилег на два вещмешка, не забывая пронзительным взглядом озирая со своего лежака отсек. Вентиляторы зашелестели, останавливаясь. На две минуты наступила тишина. Сердце Либби учащенно забилося. Две минуты тянулись бесконечно. Но вот палуба задрожала, и грохот — такой бывает при сбросе пара из котла высокого давления — ударил по бара-

банным перепонкам. Тело вдруг налилось свинцом, тяжесть, навалившись на грудь, сдвинула сердце. Спустя некоторое время сигнальные лампы вспыхнули белым — и динамик промычал:

— Занять места согласно табельному расписанию. Первое отделение, приступить к несению вахтенной службы.

Вентиляторы снова загудели, возвращаясь к жизни. Старшина встал, сосредоточенно почесал задницу, хлопнул в ладоши и сказал:

— Порядок, парни.

После чего прошелся по отсеку и отдраил люк в коридор.

Либби встал, наткнулся на переборку и чуть не рухнул. Его руки и ноги сильно затекли. Кроме того, он чувствовал пугающую легкость, как будто сбросил по меньшей мере половину своего и так-то не ахти какого великого веса.

Следующие несколько часов он был слишком занят, чтобы размышлять или скучать по дому. Чемоданы, ящики и мешки надо было перетащить в трюм и принаготовить, подстраховываясь от углового ускорения. По ходу дела Либби нашел безводный гальюн и изучил принцип его действия. Он разыскал свою койку и узнал, что она принадлежит ему лишь восемь часов в сутки: еще двое новобранцев, каждый в свое время, должны на ней же давить клопа. Три отделения уминали свои пайки в три смены — всего было девять смен: двадцать четыре парня и старшина за одним длинным столом, который целиком заполнял узкий отсек возле камбуза.

После ланча Либби решил получше уложить свои вещички в рундуке. Он долго стоял, вглядываясь в фотокарточку, которую собирался прилепить к внутренней стороне дверцы, когда по отсеку пронеслось:

— Сми-р-р-но!

У входа стоял капитан, рядом с ним старшина. Капитан заговорил:

— Вольно, садитесь. Маккой, сообщите на центральный пост управления, чтобы подключили ваш отсек к дымовому фильтру.

Старшина кинулся к коммутатору на переборке и, нажав кнопку вызова, зашептал в микрофон приказ. Жужжание вентиляторов немедленно поднялось на пол-октавы.

— Теперь можете курить. Я собираюсь поговорить с вами.

Ребята, вам предстоит самое большое дело в вашей жизни. С этого момента вы мужчины, и перед вами одна из самых труд-

ных работ, с которой мужчины когда-либо сталкивались. То, что мы должны сделать, — часть большого плана. Вы и сотни тысяч таких, как вы, — передовой отряд человечества, который должен улучшить Солнечную систему, чтобы люди смогли ее использовать.

При этом вы получите отличную возможность стать полноценными и счастливыми гражданами Федерации. По той или иной причине на Земле вам не везло. Одни лишились работы, потому что их профессия была отменена техническим прогрессом. Другие не смогли правильно распорядиться своим досугом и попали в беду. В любом случае вы были неудачниками. Вас наверняка называли трудными детьми, и ваши характеристики были украшены множеством черных пятен.

Но сегодня вы все начинаете с нуля. Единственная запись в вашем досье — фамилия на чистом листе бумаги. И вам решать, что на нем появится дальше.

Теперь о работе. То, что нам досталось, — не простая ремонтно-восстановительная операция на Луне, с уик-эндами в Луна-Сити и прочими домашними удобствами. Мы не будем сидеть на планете с высокой гравитацией, где можно хорошо закусить, наверняка зная, что обед не вывалится из желудка обратно на стол. Вместо этого наша задача — причалить к астероиду HS-5388 и превратить его в космическую станцию ЗМ-3. На нем отсутствует атмосфера, а сила тяжести на поверхности — только два процента от земной. Как минимум полгода мы будем изображать там людей-мух, никаких свиданий с девушками, никакого телевизора, никаких развлечений, кроме тех, что сами себе придумаем, и только тяжелый труд каждый божий день. Вы сполна изведаете космическую болезнь, тоску по дому, так что мало не покажется, и агорафобию. Если будете неосторожны, получите лучевой ожог. Ваш желудок не будет принимать пищу, и вы будете горько сожалеть о том, что завербовались.

Но если вы переборете себя и послушаетесь советов опытных космонавтов, то вернетесь на Землю сильными, здоровыми парнями с небольшим счетом, накопленным в банке, и громадным опытом и знаниями, которых вам не приобрести на Земле и за сорок лет. Вы станете настоящими мужчинами и будете помнить об этом.

И последнее. Довольно неуютно будут чувствовать себя те, кто сразу не привыкнет к такой жизни. Будьте внимательны друг к другу, и все будет хорошо. Если у вас появятся какие-ни-

будь проблемы, которые не решить иным способом, — обращайтесь ко мне. Ну, вот и все. Вопросы есть?

Один из новобранцев поднял руку.

— Сэр? — несмело обратился он.

— Говори, юноша, но сперва назови себя.

— Роджерс, сэр. У нас будет возможность получать письма из дома?

— Да, только не слишком часто. Раз в месяц или около того. Почту будет привозить капеллан, а также инспекционные и грузовые суда.

И тут, заревев, вклинился динамик:

— Всему экипажу! Через десять минут — переход в режим свободного полета. Приготовиться к невесомости.

Старшина проверил страховочные тросы. Все незакрепленные вещи были ловко принайтовлены, и каждому пехотинцу выданы пластиковые пакеты. Едва все это было сделано, как Либби почувствовал, что становится легким, — ощущение, подобное тому, которое испытываешь, когда скоростной лифт быстро останавливается после подъема. Разница заключалась в том, что чувство не пропадало, а все нарастало и нарастало. Поначалу в ощущениях была приятная новизна, но они быстро стали неприятными. Кровь застучала в ушах, а ноги покрыл холодный пот. Слюна стала выделяться с бешеной скоростью — он попытался ее сглотнуть, но поперхнулся и отчаянно закашлял. Потом его желудок дрогнул, судорожно сжался и выбросил вон полупереваренный ланч. После первого мучительного приступа рвоты Либби услышал вопль Маккоя:

— Эй, я же говорил, трави в пакет! Не дай этой дряни угодить в вентилятор.

До Либби с трудом дошло, что это обращаются к нему. Он нащупал свой пакет как раз перед тем, как его настиг второй приступ, и, прежде чем произошло извержение, успел поднести пакет ко рту. Когда тошнота отпустила, Либби обнаружил, что парит почти у самого потолка лицом к входному люку. Как раз в этот момент появился главный старшина и обратился к Маккою:

— Как тут у вас?

— Близко к норме. Правда, кое-кто из парней стравил мимо пакета.

— Ладно, это дело убрать. Воспользуйтесь шлюзом правого борта. — Распорядившись, главный старшина уплыл.

Маккой потянул Либби за рукав:

— Ну, Малец, раз отличился, давай лови теперь своих нежданчиков. — Старшина протянул ему ветошь, сам тоже взял и аккуратно подхватил шарик из блевотины, который парил в воздухе. — И держи свой пакет наготове. Если опять затошнит — остановись и пережди, пока не пройдет.

Либби подражал ему как только мог. Через несколько минут они на пару выловили большую часть летучей блевотины. Маккой осмотрелся и удовлетворенно произнес:

— Теперь снимайте грязные шмотки и смените пакеты. Трое или четверо, тащите все к шлюзу.

Пакеты были уложены в шлюз правого борта, потом внутренний люк задраили, а внешний, наоборот, открыли. Когда внутренний люк открыли снова — в шлюзе уже ничего не было: пакеты выдуло в космос напором воздуха

«Малец» обратился к старшине:

— Грязную одежду тоже выбросим?

— Нет, только дадим им немного вакуума. Несите их в шлюз и развешивайте на переборках. Привязывай покрепче.

На сей раз шлюз не открывали минут пять. Когда же люк распахнулся, робы были совершенно сухие — вся влага в вакууме испарилась. Единственное, что осталось от позора, — стерильный, измельченный в пудру осадок. Маккой остался доволен.

— Сойдет. Несите обратно в отсек. И почистите как следует щеточкой перед вытяжкой.

Следующие несколько дней были отданы беспросветным страданиям. Тоска по дому отступила перед всепоглощающими муками космической болезни. Капитан предоставил лишь пятнадцать минут небольшого ускорения для каждой из девяти камбузных смен, но после такой передышки болезнь только усиливалась. Либби отправлялся на обед слабый и голодный до безумия. Однако пища оставалась в желудке лишь до возобновления свободного полета, когда болезнь снова набрасывалась на него.

Как-то на четвертый день полета он сидел, прислонившись к переборке, и наслаждался оставшимися минутами тяжести в конце обеденной смены. К нему подошел Маккой и уселся рядом. Старшина приладил к физиономии дымовой фильтр и закурил. Он глубоко затянулся и начал разговор:

— Ну и как оно, паренек?

— Да вроде бы ничего. Но эта космическая болезнь... Маккой, как вам удалось к ней привыкнуть?

— И ты привыкнешь в свое время. Тело само выработает новые рефлексы — так говорят. Как только научишься глотать и не давиться, у тебя будет полный порядок. Тебе даже понравится. Невесомость ведь успокаивает и расслабляет. За четыре часа сна высыпаешься, как за десять.

Либби удрученно покачал головой:

— Наверно, я никогда не привыкну.

— Привыкнешь. Во всяком случае, лучше привыкнуть. На этом самом астероиде считай что нет никакой силы тяжести. Старший квартирмейстер говорит — она не больше двух процентов от нормальной земной. Этого будет маловато, чтобы вылечить твою космическую болезнь. Учти, там даже во время еды никто не станет включать ускорение.

Либби испустил стонущий звук и обхватил руками голову.

Найти нужный астероид среди тысяч других куда сложнее, чем найти в Лондоне Трафальгарскую площадь, — особенно на фоне мириад звезд нашей Галактики. Вы стартуете с Земли, которая сама движется со скоростью девятнадцать миль в секунду. И пытаетесь вписаться в сложную, описывающую конус траекторию, которая не только пересечет орбиту крошечного быстро несущегося тела, но и обеспечит свидание. Астероид HS-5388 — «Восемьдесят восьмой» — лежал от Солнца на расстоянии около двух и двух десятых астрономической единицы, что составляло чуть больше двухсот миллионов миль. Когда корабль стартовал, он находился в трехстах миллионах миль от астероида, причем с противоположной стороны от Солнца. Капитан Дойл распорядился, чтобы штурманы рассчитали базовый эллипс, по которому корабль должен был двигаться в свободном полете вокруг Солнца примерно триста сорок миллионов миль. Принцип расчета был похож на тот, что применяется охотником, который стреляет утку «влет», отслеживая ее полет с опережением. Но представьте себе, что во время выстрела солнце светит вам прямо в глаза, птицу с вашей «огневой позиции» не видно и вы можете ориентироваться лишь на несколько старых сообщений о том, как она летела, когда ее видели в последний раз.

На девятый день капитан Дойл сам отправился в штурманскую рубку и начал мучить клавиатуру неспешного интегрального вычислителя. Затем он послал дневального за штурманом. Через несколько минут внушительная фигура всплыла в дверь,

уцепилась за страховочный трос и поприветствовала капитана, пристегнутого ремнями к седлу возле вычислителя:

— Утро доброе, шкипер.

— Привет, Блэки. — Старик поднял глаза от экрана. — Я как раз проверяю твои расчеты по «обеденным» ускорениям.

— Крайне неприятно держать на борту кучу бесполезных землероек, сэр.

— Все так, но мы должны дать этим ребятам шанс, иначе они не смогут работать, когда мы прибудем на место. С десяти по корабельному времени я собираюсь приступить к торможению. Какие у нас были скорость и координаты на восемь вечера?

Штурман достал из кителя блокнот.

— Скорость — триста пятьдесят восемь миль в секунду, курс: прямое восхождение — пятнадцать часов, восемь минут, двадцать семь секунд; склонение — минус семь градусов, три минуты; расстояние до Солнца — сто девяносто два миллиона четыреста восемьдесят тысяч миль. Наше радиальное положение — двенадцать градусов над курсом и почти нулевое на курсе по прямому восхождению. Солнечные координаты нужны?

— Пока что обойдемся без них. — Капитан склонился к вычислителю, нахмурился и начал стучать по клавишам, сосредоточенно покусывая кончик языка. — Я хочу, Блэки, чтобы ты покончил с ускорением за один миллион миль до орбиты Восемьдесят восьмого. Ненавижу тратить топливо, но в поясе полно мусора, а этот чертов камешек настолько мал, что нам, возможно, придется закладывать поисковую кривую. За эти двадцать часов торможения кое-что надо будет сделать. На восьмом часу начинай изменение курса влево. Примени асимптотическое приближение. К шести утра мы должны быть неподалеку от Восемьдесят восьмого, на круговой траектории, параллельной его орбите. Если меня не забудут разбудить, я поднимусь в три.

— Есть, сэр.

— Когда получишь окончательные расчеты, забрось их мне. Журнал распоряжений пришлю тебе попозже.

Корабль ускорялся по расписанию. Вскоре после трех утра капитан появился в рубке и уставился в забортную темноту. Солнце все еще пряталось за корпусом корабля, и в полуночной темноте лишь тускло светились синим циферблаты приборов и пробивался луч света из-под колпака навигатора. Услышав знакомые шаги, штурман повернулся.

— Доброе утро, капитан.
— Надеюсь, доброе, Блэки. Он уже виден?
— Еще нет. Мы изучили с полдюжины камней, но ни один не был похож на наш Восемьдесят восьмой.

— Что-нибудь есть поблизости?

— Не так, чтобы очень. Разве что горсточка песка — время от времени мы на такие натываемся.

— Это вряд ли нам повредит — мы же заходим им в хвост. Если бы пилоты понимали, что астероиды движутся всегда по определенной траектории на фиксированной скорости, у них не случилось бы неприятностей. — Капитан остановился, чтобы прикурить. — Говорят, что космос опасен. Согласен, но так было раньше. А за последние двадцать лет я не припомню ни одного случая, когда проблемы возникали не из-за чьей-то беспечной глупости.

— Вы, как всегда, правы, шкипер. Между прочим, под колпаком навигатора есть кофе.

— Спасибо, я уже попил кофейку у себя в каюте.

Капитан, присоединившись к вахтенным у стереоскопов и радаров, стал всматриваться в черноту с крапинками звезд. Выкурив три сигареты, ближайший к нему вахтенный сообщил:

— Вижу свет.

— В каком направлении?

Второй вахтенный снял показания с индикаторов стереоскопа:

— Ноль точка два, к корме — один точка три. Легкий дрейф к корме. — Помощник придвинулся к радару и добавил: — Дистанция — семь-девять-ноль-четыре-три.

— Подходит по параметрам?

— Возможно, капитан. Каков диаметр диска? — раздался приглушенный колпаком голос штурмана. Первый вахтенный стал поспешно крутить ручки прибора, но капитан легонько отодвинул его в сторону.

— Я сам справлюсь, сынок. — Дойл приложился к окулярам, чтобы рассмотреть маленький серебристый шарик, похожий на крошечную Луну. Затем начал осторожно сводить два светящихся перекрестья, пока они не коснулись верхнего и нижнего краев диска.

— Засекайте!

Показания были записаны и переданы штурману.

— Это наш малыш, капитан.

- Хорошо.
- Мне провести визуальную триангуляцию?
- Пусть вахтенный займется этим. А ты иди вздремни. Мы уточним положение, когда подойдем достаточно близко, чтобы применить оптический дальномер.
- Спасибо. Тогда я пошел.

Весть о том, что Восемьдесят восьмой уже виден, облетела весь корабль за несколько минут. Либби вскоре оказался на десантной палубе правого борта, где протиснулся сквозь возбужденную толпу сотоварищей, чтобы разглядеть через иллюминатор будущий дом. Маккой охладил пыл собравшихся:

— Когда этот камень приблизится настолько, что можно будет что-то разглядеть невооруженным глазом, мы все будем в наших посадочных креслах. Он всего сто миль толщиной, знаете ли.

Так и случилось. Прошло несколько часов, и в корабельных динамиках раздалось:

— Всему экипажу. Занять посадочные кресла. Задрать все люки. Приготовиться к отключению вентиляторов по сигналу.

Следующие два часа Маккой не давал подняться никому из своего отделения. Быстрые толчки маневровых двигателей чередовались с тошнотворными периодами невесомости. Лопастей вентиляторов замерли, и клапаны затворов с щелчком встали на свои места. Всего несколько мгновений корабль находился в свободном падении. Последний толчок двигателя, еще пять секунд падения — и корпус слегка тряхнуло. Из динамика донесся трубный звук, и вентиляторы снова загудели.

Маккой легко вскочил на ноги и встал, покачиваясь на цыпочках.

— Бойцы, все на выход. Конечная остановка.

Низенький коренастый парнишка, который был чуть моложе остальных, без особой ловкости подражая старшине, подскочил к люку и заорал:

— Давайте, парни! Давайте выйдем и исследуем тут все!

Но старшина его осадил:

— Притормози, малыш. Собираясь на прогулку, учитывай, что за бортом нет никакого воздуха. Ты там превратишься в ледышку или сторишь, а если повезет — лопнешь, как спелый помидор... Командир отделения, выдели шесть человек, чтобы принесли скафандры. Остальным оставаться на местах.

Шестерка быстро вернулась, навьюченная несколькими дюжинами здоровенных пакетов. Либби выпустил из рук те четыре, которыми нагрузился, и смотрел, как они медленно опускаются на палубу. Маккой вынул из упаковки один скафандр и начал инструктаж:

— Это стандартная рабочая модель «Марк-четыре» серийного выпуска второй модификации. — Старшина взял скафандр за плечи и встряхнул так, что тот развернулся и стал похож на пару нижнего белья. Шлем при этом беспомощно свесился вниз. — Скафандр будет поддерживать вашу жизнедеятельность в течение восьми часов; соответственно, на это время имеется и запас кислорода. Есть также баллон с азотом для обеспечения нормального состава дыхательной смеси и кассетный фильтр, поглощающий водяные пары и углекислоту.

Старшина уныло бубнил, дословно повторяя инструкцию с описанием и правилами пользования скафандром. Маккой знал такие скафандры как свои пять пальцев, и это знание уже не раз спасало ему жизнь.

— Скафандр соткан из стекловолокна и имеет стойкую асбестоцеллюлозную пропитку. Такая ткань гибка, очень прочна и отражает любые лучи, какие только могут быть в Солнечной системе за орбитой Меркурия. Он надевается поверх обычной одежды. Однако обратите внимание на армированные проволокой «гармошки» в местах сгибов. Они спроектированы так, чтобы сохранять постоянным внутренний объем скафандра при сгибании рук и ног. В противном случае внутреннее давление будет удерживать скафандр в распрямленном состоянии — и двигаться в нем будет очень утомительно.

Шлем отлит из прозрачного силикона, освинцован и поляризован, чтобы отражать часть лучевой энергии. Его можно оснастить внешними фильтрами нужного типа. На данный момент есть приказ носить фильтр не слабее, чем «янтарный» номер два. Дополнительную защиту дает свинцовая пластина, которая прикрывает голову и спускается вниз по спине скафандра, полностью экранируя позвоночник.

Скафандр оснащен двусторонним телефоном. Если ваше радио заглохло, как это часто бывает, то можно пообщаться, соприкоснувшись шлемами. Вопросы есть?

— А как есть и пить все эти восемь часов?

— Никто вас не станет заставлять носить скафандр восемь часов подряд. Вы, конечно, можете положить сахарные шарики

в раздатчик шлема, но есть вы всегда будете на базе. Что касается воды — в том же самом шлеме у рта есть соска, которую можно ухватить, повернув голову влево. Но не дуйте много жидкости, прежде чем влезть в скафандр. Сантехникой он не оборудован.

После этого каждый получил свой скафандр, и Маккой показал, как их надевать. Для начала облачение нужно было разложить на палубе и расстегнуть переднюю молнию, тянущуюся от шеи к промежности. Затем раздвинуть ткань пошире, сесть в отверстие и натянуть нижнюю часть на ноги, совсем как колготки. Далее втиснуться в каждый рукав так, чтобы кисти рук влезли в тяжелые, но гибкие рукавицы. Наконец, надо было согнуться и откинуть голову назад, чтобы она попала в шлем.

Либби аккуратно повторил все движения Маккой и встал на ноги — уже в скафандре. Затем проверил молнию, которая отвечала за герметичность скафандра. По краям она была снабжена двумя мягкими уплотнениями, которые в закрытом состоянии плотно прилегали друг к другу и герметизировались давлением воздуха изнутри. Внутри шлема находился пластиковый мундштук для выдоха, который соединялся с фильтром.

Маккой суетился вокруг новобранцев, проверяя застежки, подтягивая там и сям пояса и поясния, как пользоваться элементами оснащения, которые находились у скафандра снаружи. И вот, удовлетворенный, он доложил на центральный пост, что его отделение прошло базовый инструктаж и полностью готово к выходу на поверхность астероида. Разрешение на получасовую прогулку для акклиматизации было получено.

Группами по шесть человек Маккой проводил своих пехотинцев через воздушный шлюз на поверхность астероида. Либби первым делом зажмурился от непривычного блеска скал. Солнце находилось в добрых двухстах миллионах миль отсюда и купало планетку в радиации, равной лишь пятой части того, что расточалось на старушку-Землю. Однако поверхность астероида нестерпимо блистала из-за полного отсутствия атмосферы. И Либби был весьма рад своему янтарному фильтру. Солнце, уменьшившееся до размеров одноцентовой монетки, сияло над головой на совершенно черном небе, немигающие звезды теснили не только друг друга, но и само верховное светило.

В наушниках Либби раздался голос одного из товарищей:

— Ух ты! Горизонт-то совсем близко. Спорим, что он не дальше мили отсюда.

Либби глянул на голую, совершенно плоскую равнину и машинально прикинул.

— Меньше чем треть мили, — выдал он.

— С чего ты взял, Малец? И кто тебя вообще спрашивал?

В ответ на грубость Либби решил быть еще точнее:

— На самом деле — одна тысяча шестьсот семьдесят футов, учитывая, что мои глаза — на высоте пяти футов и трех дюймов.

— Фигня какая-то. Малец, не пытайся казаться умнее себя.

— Почему нет? — ответил Либби. — Если астероид круглый и имеет диаметр в сто миль, то горизонт, само собой, *должен* находиться как раз на таком расстоянии.

— Ой-ой! Чья бы корова мычала.

Маккой прекратил перебранку, обратившись к обидчику:

— Ну-ка утомонись. Скорее прав Либби, а не ты.

— Либби прав на все сто, — раздался незнакомый голос. — Я получил такую же цифру, делая вычисления для штурмана, прежде чем уйти из рубки.

— Серьезно? — снова подал голос Маккой. — Ну, если старший квартирмейстер говорит, что ты прав, Либби, значит ты прав. Только как ты узнал?

Либби слегка зарумянился:

— Я... я не знаю. В общем, это единственно правильное решение.

Старшина и квартирмейстер посмотрели на него с удивлением, но воздержались от комментариев.

К концу «дня» по корабельному времени (для Восемьдесят восьмого период вращения составлял восемь часов тринадцать минут) работа уже вовсю кипела. Корабль был посажен у гряды приземистых холмов. Капитан выбрал небольшую, смахивающую на чашу долину, нескольких тысяч футов длиной и вдвое меньше шириной, чтобы разбить в ней постоянный лагерь. Его должны были снабдить крышей, загерметизировать и наполнить воздухом.

Внутри холма, который отделял корабль от долины, предстояло устроить кубрики, кают-компанию, офицерские квартиры, лазарет, комнату отдыха, штабные помещения, каютерки и прочее. Через холм надо было прорыть туннель, соединяющий все эти помещения и переходящий в десятифутовую герметичную трубу, плотно состыкованную с шлюзом правого борта корабля. Трубу и туннель планировалось оснастить конвейерным транспортером для перемещения людей и грузов.

Либби был приписан к команде кровельщиков. Он помогал монтажнику, таскаясь по холму с переносным атомным нагревателем. С этой штуковиной было нелегко управляться из-за массы в восемьсот фунтов, но весила она при этом всего шестнадцать. Остальная часть команды расправляла и готовилась устанавливать вручную гигантский полупрозрачный тент, который должен был послужить «небом» их маленькой долины.

Монтажник отыскал на склоне, ведущем в долину, отметки, наладил нагреватель и начал вырезать в скальной породе глубокую горизонтальную выемку, похожую на ступеньку. Он двигался вперед, держась одного и того же уровня с помощью линии, прочерченной мелом вдоль всей скалистой стены. Либби спросил его, когда тут успели провести разметку.

— Элементарно, — ответил тот. — Два квартирмейстера взяли теодолит, установили на высоте ровно в пятьдесят футов над дном долины и прикрепили к нему прожектор. Затем один из них, как метеор, промчался по кругу, чиркая мелом на высоте, которую показывал луч.

— Наша крыша будет точно на высоте пятьдесят футов?

— Нет. Скорее, на высоте сто футов в среднем. Из-за давления воздуха она раздуется.

— Нормального земного давления?

— Половина от нормального.

Либби на мгновение сосредоточился, затем на его лице отразилось недоумение.

— Но послушайте, эта долина имеет тысячу футов в длину и более пятисот в ширину. Если брать давление в половину от пятнадцати фунтов на квадратный дюйм и учитывая, что крыша будет в виде арки, нагрузка составит одну и одну восьмую миллиарда фунтов. Какая ткань выдержит такое напряжение?

— Паутина.

— Паутина?

— Да, паутина. Крепчайшая штука в мире, прочнее лучшей стали. Синтетический паучий шелк. Марка, которую мы используем для крыши, имеет прочность на разрыв в четыре тысячи фунтов на погонный дюйм.

Либби, ненадолго задумавшись, выложил:

— Ага, при периметре около ста восьмидесяти тысяч дюймов максимальное давление на верхнюю точку свода будет около шестисот двадцати пяти фунтов на дюйм. Хороший запас.

Монтажник облокотился на нагреватель.

— Что-то вроде того, — кивнул он. — Ты, парень, похоже, силен в арифметике.

Либби удивился:

— Мне просто нравится знать все точно.

Они быстро продвигались по склону, делая гладкую ровную канавку, в которой «паутина» будет заякорена и настолько «притерта» к скале, что купол окажется вполне герметичным. Раскаленная добела лава извергалась из-под резца нагревателя и неторопливо стекала под гору. Коричневый дым, в который превращалась испаряющаяся скальная порода, почти мгновенно конденсировался в вакууме и оседал белым порошком. Монтажник показал на него:

— Эта пылица запросто вызовет силикоз, если мы оставим ее здесь и потом станем ею дышать.

— И что вы с ним будете делать?

— Удалим с помощью воздуходувки и очистителя воздуха.

Либби использовал это высказывание как повод для следующего вопроса:

— Мистер...

— Давай без «мистера». Меня зовут Джонсон.

— Хорошо, Джонсон. Откуда мы возьмем столько воздуха, чтобы хватило на всю долину, не говоря уж о туннелях? Я подсчитал: нам потребуется двадцать пять миллионов кубических футов или даже больше. Мы что, станем его делать прямо тут?

— Нет уж, это слишком хлопотно. Мы захватили его с собой.

— На корабле?

— Именно. Под давлением в полста атмосфер. Так что не волнуйся.

Либби учел и это:

— Сдается мне, что для его транспортировки понадобилась бы емкость длиной в восемьдесят футов.

— Угадал. Он запрессован в три специальных трюма — вернее, гигантские резервуары. Этот корабль в свое время возил воздух на Ганимед. Я был на нем тогда новобранцем, но только в воздушной команде.

Через три недели постоянный лагерь был готов и все необходимое с корабля выгружено. Склады ломились от инструментов и припасов. Капитан Дойл перевел свой офис под землю и передал командование кораблем старшему помощнику, дове-

рив ему «временное исполнение обязанностей», в данном случае — возвращение на Землю с сильно сократившимся экипажем.

Либби выбрал на склоне холма удобное место и наблюдал оттуда за стартом корабля. Тут-то его и прихватила ностальгия. Вернется ли он когда-нибудь домой? В тот момент он искренне хотел поменять остаток жизни на тридцать минут, проведенных вместе с мамой и Бетти.

Спускаясь с холма, он направился к входу в главный туннель. Так или иначе, на корабле его письмо к родным, и, если повезет, капеллан вскоре доставит ответ с Земли. В ближайшие дни будет не до развлечений. Ему понравилась работа в воздушной команде, но завтра он вернется к своему отделению. Либби не очень-то хотелось этого. Парни там были вполне нормальные, но он просто не вписывался в их компанию.

А вскоре рота Космического корпуса резервистов приступила к своему основному делу — стала долбить на Восемьдесят восьмом ракетные шахты. С их помощью капитан Дойл должен был столкнуть этот стомильный шарик с его обычной орбиты и загнать на новую орбиту — между Землей и Марсом. И тогда он превратится в космическую станцию — убежище для кораблей, терпящих бедствие, гавань для спасательных шлюпок,правочную базу и форпост Военно-космических сил.

Либби приставили к нагревателю у шахты Н-16. Теперь его обязанностью было устройство аккуратных ямок, куда саперы потом закладывали взрывчатку. Она и выполняла основную часть работ по выемке грунта. На Н-16 было поставлено две команды под общим руководством пожилого старшины. Тот сидел на краю шахты, держа в руках чертеж, и время от времени занимался вычислениями с помощью круглой логарифмической линейки, висевшей у него на шее.

Либби только что закончил возиться с одним мудреной формы углублением для трехфазного направленного взрыва и поджидал саперов, когда вдруг поймал своими наушниками распоряжение старшины относительно величины заряда. Новобранец тут же нажал кнопку передатчика.

— Мистер Ларсен! Вы ошиблись!

— Кто это сказал?

— Это я, Либби. Вы ошиблись в величине заряда. Если такой взорвется, он разнесет и шахту, и нас вместе с ней.

Старшина Ларсен покрутил диски линейки.

— Зря волнуешься, сынок, — сказал он. — Заряд рассчитан правильно.

— Не зря, сэр, — настаивал Либби. — Вы умножили там, где должны были разделить.

— Ты когда-нибудь этим занимался?

— Нет, сэр.

— Закладывайте заряд, — обратился Ларсен к саперам.

И те принялись исполнять приказ. У Либби пересохло в горле, он глотнул и облизал губы. Он знал, что ему надлежит сделать, но не сразу смог преодолеть робость. В два неуклюжих прыжка Либби оказался перед саперами, вклинился между ними и вырвал провод из детонатора. Пока он трудился, над ним мелькнула тень, и опустившийся рядом Ларсен схватил его за руку.

— А вот этого уже не стоило делать, сынок. Прямое нарушение приказа. Я должен буду о тебе доложить. — И старшина принялся восстанавливать цепь.

Уши Либби сделались багровыми от смущения, но он снова произнес с отвагой загнанного зверя:

— Я обязан был это сделать, сэр. Вы ошиблись.

Ларсен, помедлив, скользнул взглядом по упрямой физиономии новобранца.

— Ладно. Хоть это и пустая трата времени, но мне не хочется держать тебя перед зарядом, которого ты боишься. Давай повторим расчет вместе.

Капитан Дойл чувствовал себя в своих апартаментах как дома. Ноги его отдыхали на столе, капитанский взор упирался в стеклянный бокал.

— Недурственное пиво, Блэки. Как думаешь, сможем мы сварить еще, когда наши запасы кончатся?

— Не знаю, капитан. Разве мы захватили дрожжи?

— Вот и узнай. — Капитан повернулся к дородному мужчине, расплывшемуся в третьем кресле. — Ну, Ларсен, я рад, что обошлось без беды.

— Все равно меня гнетет то, что я смог так облажаться. Я же дважды пересчитывал. Если бы это был динамит, я сразу бы сообразил, что ошибся. Не всполошись тот паренек, ну и рвануло бы...

Капитан Дойл похлопал старого сержанта по плечу:

— Забудь, дружище Ларсен. Ты и при желании не сможешь больше никому навредить — я распорядился, чтобы из шахты

даже при небольших зарядах убирали всех людей. Эта изотопная взрывчатка — хитрая бестия. Посмотри, что случилось в шахте А-девять. Десятидневный труд пошел насмарку из-за одного заряда, и сапер сам его одобрил. Но я хочу повидать этого паренька. Как, ты сказал, его зовут?

— Либби Эй Джи.

Дойл нажал кнопку на столе.

В дверь тут же постучали. В ответ на капитанское «войдите» появился парень с нарукавной повязкой дневального.

— Рядового Либби — ко мне.

— Есть, сэр.

Через несколько минут Либби доставили в каюту капитана. Он с волнением огляделся и заметил Ларсена, что не поспособствовало его душевному спокойствию. Новобранец доложил едва слышным голосом:

— Рядовой Либби по вашему приказанию прибыл, сэр.

Капитан взглянул на него:

— Ну, Либби, я слышал, что у вас с мистером Ларсеном вышло небольшое разногласие сегодня утром. Расскажи-ка об этом поподробнее.

— Я... я ничего плохого не делал, сэр.

— А кто говорит, что делал? Успокойся, ты не попал в неприятности. Наоборот, ты оказал нам всем неоценимую услугу этим утром. Все-таки как ты узнал, что в вычислениях оказалась ошибка? У тебя есть опыт саперной работы?

— Нет, сэр. Я только понял, что мистер Ларсен сделал расчет неправильно.

— Но как?

Либби обеспокоенно помялся, переступил с ноги на ногу:

— Ну, сэр, он просто показался мне неверным. И все.

— Секундочку, капитан. Можно, я задам этому молодому человеку пару вопросов? — подал голос командер Блэки Родс.

— Конечно, давай.

— Ты тот самый малыш, которого зовут Малец?

Либби зарумянился:

— Да, сэр.

— Я слышал кое-что об этом парне. — Родс вытащил свою внушительную фигуру из кресла, подошел к книжной полке и взял оттуда толстенный том. Он полистал его, а затем, остановившись на какой-то странице, стал задавать Либби вопросы:

— Квадратный корень из девяноста пяти?

— Девять целых семьсот сорок семь тысячных.
— А кубический?
— Четыре целых пятьсот шестьдесят три тысячных.
— Логарифм?
— Что, сэр?
— Бог мой! Можно ли в наши дни выйти из школы, не имея об этом понятия?

Либби почувствовал себя совсем неудобно.

— Я не очень-то долго учился. Мои предки не признавали Ковенанта¹, и только после папиной смерти я немного походил в школу.

— Понятно. Логарифм — это показатель степени, в которую надо возвести какое-нибудь число, называемое основанием, чтобы получить число, логарифм которого ты ищешь. Это понятно?

Либби задумался.

— Не совсем, сэр.

— Попробую еще раз. Если ты возведешь десять во вторую степень — в квадрат, — получишь сто. Следовательно, логарифм ста по основанию десять — два. Соответственно, логарифм тысячи по основанию десять — три. Ну так, логарифм девяноста пяти?

Либби на мгновение растерялся:

— Я не могу извлечь его точно. Это дробь.

— Это ничего.

— Только приблизительно — это будет одна целая девятьсот семьдесят восемь тысячных или около того.

Родс повернулся к капитану:

— По-моему, дальнейшие вопросы излишни.

Пребывающий в задумчивости Дойл кивнул:

— Да, у паренька, похоже, большие интуитивные способности к математике. Но давайте посмотрим, что он еще может.

— Боюсь, мы должны отправить его на Землю, чтобы там тщательно исследовали это дело.

Либби ухватил смысл последней фразы.

— Пожалуйста, сэр, не надо отсылать меня домой. Мама будет ужасно расстроена.

¹ *Ковенант* — пакт, завет, общественный договор политического или религиозного характера. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Ничего такого с тобой не случится, — поспешил его успокоить Дойл. — Когда закончишь службу, тогда и проверим тебя в психометрической лаборатории. А пока я с тобой не расстался бы и за трехмесячное жалование. Да я раньше брошу курить! Но давай-ка мы еще тебя погоняем.

Целый час капитан и штурман слушали, как Либби, во-первых, выводит теорему Пифагора, во-вторых, выводит законы движения Ньютона и законы баллистики Кеплера из данных, которыми пользовались первооткрыватели, в-третьих, безошибочно оценивает на глаз размеры: протяженность, площадь и объем. И когда Либби, схватив суть теории относительности и непрямолинейности пространственно-временного континуума, начал изливать знания быстрее, чем мог говорить, — капитан Дойл притормозил его, подняв руку:

— Достаточно, сынок, не то у тебя будет жар. Сейчас иди спать, а утром явишься ко мне. Я снимаю тебя с полевых работ.

— Есть, сэр.

— Между прочим, как твое полное имя?

— Эндрю Джексон Либби, сэр.

— Теперь понятно, почему твои предки никак не могли подписать Ковенант. Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

После ухода Либби два старших офицера принялись обсуждать свое открытие.

— И что вы обо всем этом думаете, шкипер?

— Ну, он, ясное дело, гений, из тех, что появляются раз в сто лет. Я дам ему свои книги и посмотрю, что из этого получится. Не удивлюсь, если он окажется вдобавок и скорочтеем.

— Надо же, кого только среди этих мальчишек не отыщешь! А ведь все они на Земле были ребята как ребята, ничего особенного.

Дойл кивнул:

— В том-то и беда. Эти пацаны не чувствовали себя там нужными.

Восемьдесят восьмой прошел еще несколько миллионов миль вокруг Солнца. За это время оспины на его «физиономии» сделались куда глубже. Шахты были выложены изнутри дюритом — лабораторным продуктом с плотной кристаллической решеткой, которая выдерживала (обычно) даже атомный распад. Затем Восемьдесят восьмой получил серию мягких толч-

ков, направленных против его движения. Через несколько недель реактивные выбросы из шахт сделали свое дело, и Восемьдесят восьмой прочно встал на траекторию, ведущую к Солнцу.

Когда он достигнет базовой точки — в одну целую и три десятых расстояния от Солнца до земной орбиты, — новая серия толчков выведет его на круговую орбиту. С этого момента имя ему станет ЗМ-3, то есть Третья космическая станция «Земля—Марс».

В сотнях миллионов миль от него еще две роты корпуса резервистов заставляли пару других планетоидов сойти с проторенной колеи и начать вращаться вокруг Солнца между Землей и Марсом. В итоге все три астероида должны были оказаться на одной орбите. Один из них мчался бы по этой орбите ста двадцатью градусами впереди Восемьдесят восьмого. Другой — ста двадцатью градусами позади. Когда ЗМ-1, ЗМ-2 и ЗМ-3 встанут на свои места, ни один путешественник, терпящий бедствие между Землей и Марсом, не окажется брошенным на произвол судьбы.

В течение тех месяцев, пока Восемьдесят восьмой летел к Солнцу, капитан Дойл сократил трудовой день членов экипажа и перевел их на сравнительно легкие работы: постройку отеля и превращение маленькой долины под куполом в сад. Искрошенная скала превратилась в почву, в которую внесли удобрения и культуры анаэробных бактерий. Затем были высажены и с большой заботой выращены растения, за тридцать с лишним поколений в Луна-Сити приспособившиеся к низкой гравитации. Если не принимать во внимание низкую гравитацию, Восемьдесят восьмой стал парням почти что родным домом.

Но когда астероид вышел на траекторию, касательную к будущей орбите ЗМ-3, рота опять вернулась к распорядку, характерному для маневрирования, когда команда живет в напряженном ритме: вахта-отдых, вахта-отдых, а капитан держится на одном кофе и ловит минуты сна прямо в штурманской рубке.

Либби был приписан к баллистическому вычислительному комплексу — трем тоннам думающего металла, господствующим в штурманской рубке. Либби нравился огромный вычислитель, он помогал настраивать и обслуживать его — с разрешения начальника службы управления огнем. Подсознательно Либби воспринимал его как человека — такого же, как он сам.

В последний день маневрирования залпы из шахт стали более частыми. Либби занимал правое кресло у пульта комплекса,

бормоча расчетные показатели для следующих толчков и при этом не забывая восхищаться точностью, с которой машина просчитывала курс. Капитан нервно крутился возле компьютера, время от времени тормозя, чтобы заглянуть через плечо штурмана. Конечно, цифры не врут, и все-таки даже подумать страшно, что может произойти, если думающая техника откажет. Никто никогда еще не передвигал такой огромной массы. А вдруг она продолжит падать дальше и дальше на Солнце? Чуть, конечно. Это невозможно. Однако капитан был весьма рад, когда астероид преодолел критическую скорость.

Космодесантник аккуратно коснулся капитанского локтя:

— Сообщение с флагмана, сэр.

— Читай.

— «Флагман — Восемьдесят восьмому. Лично Дойлу. Нахожусь поблизости, буду любоваться вашим прибытием. Кирни».

Дойл осклабился. Любезно со стороны старикашки, ничего не скажешь. Когда они выйдут на орбиту, стоит пригласить адмирала «приземлиться» на обед и показать ему сад.

Следующий толчок был мощнее прежних. Рубку сильно потрясло. Через мгновение посыпались сообщения наблюдателей:

— Шахта девять — в норме!

— Шахта десять — в норме!

Внезапно прекратилось привычное бормотание Либби.

Дойл повернулся к нему:

— Что случилось, парень? Ты заснул? Быстренько запроси полярные координаты. Я должен знать параллакс.

— Капитан... — сказал мальчик слабым дрожащим голосом.

— Ну... шевели губами, не тяни!

— Капитан, машина не просчитывает курс.

— Спайерс! — Седая голова начальника службы управления огнем тут же вынырнула с другой стороны вычислительного комплекса.

— Уже работаю над этим, сэр. Доложу через минуту.

Голова опять скрылась, прошло несколько мучительных минут, прежде чем она появилась снова.

— Гироскоп сбился. Калибровка займет по меньшей мере часов двенадцать.

Капитан, ничего не сказав, развернулся и направился в дальний угол рубки. Штурман внимательным взглядом проследил за

ним. Дойл наконец прошел обратно, посмотрел на хронометр и обратился к штурману:

— Ну, Блэки, если через семь минут у меня не будет данных для залпа, мы все пропали. Какие будут предложения?

Родс уныло покачал головой. И тут Либби робко подал голос:

— Капитан...

— Да? — резко крутанул головой Дойл.

— Данные следующего залпа для шахты тринадцать — семь целых шестьдесят три сотых; для шахты двенадцать — шесть целых девяносто сотых; для шахты четырнадцать — шесть целых восемьдесят девять сотых.

Дойл уперся взглядом в лицо Либби:

— Ты уверен, сынок?

— Они *должны* быть такими, капитан.

Дойл будто окаменел. Он не смотрел на Родса, он смотрел прямо перед собой. Затем он глубоко затянулся сигаретой, взглянул на пепел и твердым голосом приказал:

— Ввести данные. Огонь — по команде.

Четыре часа спустя Либби все еще бубнил залповые данные, лицо его посерело, глаза были прикрыты. Однажды он даже впал в обморочное состояние, но когда его привели в чувство, то снова принялся выдавать цифры. Время от времени капитан и штурман подменяли друг друга, но Либби замены не было.

Залпы чередовались чаще, однако толчки стали уже слабее.

После очередного хиленького залпа Либби открыл глаза, посмотрел в потолок и сказал:

— Это все, капитан.

— Запросите полярные координаты, — окликнул Дойл вахтенного помощника.

Тот вскоре доложил:

— Параллакс — постоянный, сидерическая скорость — постоянная.

Капитан потянулся в своем кресле:

— Ну, Блэки, мы сделали это — благодари Либби!

Вдруг Дойл заметил беспокойный и внимательный взгляд мальчика.

— Что случилось, парень? Мы промазали?

— Капитан, вы как-то сказали, что хорошо бы иметь в саду нормальную земную силу тяжести?

- Ну, говорил.
- Если та книжка по гравитации, которую вы мне дали почитать, не вранье, то мне, похоже, понятно, как это сделать.
- Капитан посмотрел на Либби так, будто видел его впервые:
- Я уже устал удивляться. Ты можешь притормозить поток своих умных мыслей, для того чтобы пообедать с адмиралом?
- Ух ты, капитан! Это было бы здорово!
- Их прервало сообщение из узла связи:
- Сообщение с флагмана: «Отличная работа, Восемьдесят восьмой».
- Доил наградил всех улыбкой:
- Приятное подтверждение того, что мы не промахнулись.
- Динамик загрохотал вновь:
- Сообщение с флагмана: «Отмена последнего сообщения. Ждите поправку».
- На лице Доила появилось удивление и беспокойство. Динамик вскоре продолжил:
- Сообщение с флагмана: «Отличная работа, 3М-три».

КОММЕНТАРИЙ

«Неудачник» — очень любопытный рассказ, по большей части из-за его недостатков, а не из-за того, насколько удачно написана эта история. Все источники сходятся во мнении, что это был второй коммерческий рассказ, написанный Хайнлайном, начатый сразу после отправки «Линии жизни», это подтверждает и папка с рукописью, и переписка Хайнлайна. И все же технические недостатки рассказа, из-за которых более поздние комментаторы называли его «неудачным», возникли не из невинных ляпов неопытного писателя, но были следствием неравной и в итоге проигранной борьбы с неподатливым сюжетным материалом: первоначальный замысел Хайнлайна почти наверняка заключался в том, что личная история Либби отражает то, что человечество Ковенанта совершает при обустройстве Солнечной системы; просто не существует изящного способа совместить в одном и том же рассказе сильные эмоции ностальгии и одиночества, вызванные первым построением Либби, и анекдот о его успешной попытке неповиновения. Даже поднатеревший в технике Хайнлайн не мог бы спасти «Неудачника», не меняя исходного замысла; лучшее, что он смог сделать, — это написать его в виде романа — что он в конце концов и сделал,

написав «Астронавта Джонса». Как это ни парадоксально, структурные недостатки истории вызваны попыткой связать начало и конец рассказа зеркальной симметрией. В начале — переход от формального текста эпиграфа, отсылающего к акту, учредившему Космический корпус резервистов, к конкретным деталям первого построения Либби, в конце — переход от конкретных и личных деталей похвалы Либби к его непосредственному начальству, к формальному плану преобразования Солнечной системы для нужд человечества. Эта история не столько о Либби, сколько об огромном совместном проекте человечества по достижению звезд — о начинании, которое несколько лет спустя Либби должен будет продвигать еще дальше.

«Неудачник» фактически стал первым рассказом, который Хайнлайн написал для «Истории будущего» («Линия жизни» была включена в нее позже), и четкость, с которой были прописаны в рассказе фоновые детали, свидетельствует о том, что концепция «Истории будущего» не собиралась постепенно по крохам, а, скорее, была в основном завершена до того, как Хайнлайн начал писать на продажу. Позже она была расширена, и более детализована, но основной ее образ уже был к этому времени сформирован, и, таким образом, Хайнлайн мог легко перейти от «Неудачника» (конец апреля — начало мая 1939 года) к «Да будет свет!» и первой сотне страниц рукописи «Капитанов и священников» (12 и 13 мая 1939 года), охватывающим более ста лет истории будущего — всего за несколько недель преодолев период нудных затянутых анекдотов, которые не брали ни в дешевые, ни в глянцево-журналы, в то время как его рассказы об истории будущего продавались в «Astounding» и заложили основу репутации Хайнлайна как писателя. «Неудачник» был опубликован в ноябрьском выпуске «Astounding» за 1939 год. В критический момент в декабре 1939 года Хайнлайн сказал Кэмпбеллу, что, если «Неудачник» окажется на хорошем месте в читательских опросах, он продолжит писать «Историю будущего». Так и получилось, он это сделал.

КОВЕНТРИ

— Угодно вам что-нибудь сказать до оглашения приговора? — Невозмутимый взор Главного судьи внимательно изучал лицо обвиняемого. Ответом ему было угрюмое молчание.

— Что ж, хорошо... Присяжные сошлись на том, что вы нарушили один из основных пунктов, содержащихся в Ковенанте, и таким образом нанесли ущерб свободному гражданину. Мнение суда и присяжных таково, что деяние это было сознательным, поскольку вы были полностью осведомлены о возможности нанесения вреда этому свободному гражданину. Поэтому приговариваю вас к альтернативе. Выбирайте одно из двух.

Опытный наблюдатель наверняка заметил бы тень смятения под маской безразличия, сквозь которую молодой человек взирал на ход собственного процесса. Его смятение выглядело нелепо и неразумно, ведь при таких преступлениях приговор был неизбежен, — впрочем, разумные люди и не получают подобных приговоров. Не дождавшись ответа, судья повернулся к приставу:

— Уведите его.

Внезапно приговоренный вскочил, уронив стул, на котором сидел, и обвел диким взглядом присутствующих.

— Стойте! — закричал он. — Сначала я вам кое-что скажу!

Несмотря на резкость манер, в нем ощущалось благородное достоинство хищного зверя, загнанного в угол. Он пожирал глазами аудиторию, грудь его тяжело вздымалась, — казалось, он принимал присутствующих за свору псов, готовых кинуться на него и растерзать.

— Так как же? — кричал он. — Получу я наконец право говорить или нет? В этой комедии не хватало только, чтобы осужденного лишили права высказаться напоследок!

— Вы можете говорить, Дэвид Маккиннон, — отозвался Главный судья тем же невозмутимым тоном, каким выносил приговор, — сколько вам будет угодно и в любой избранной вами форме. Свобода слова не ограничивается даже для нарушивших Ковенант. Прошу вас говорить в микрофон.

Маккиннон с отвращением взглянул на микрофон, торчавший возле его лица. Он знал, что каждое сказанное им слово будет записано, а потом подвергнуто тщательному анализу, и это казалось ему особенно отвратительным.

— Я не просил вести запись, — раздраженно сказал он.

— А мы обязаны их вести, — терпеливо ответил судья, — для того чтобы все могли убедиться, справедливо или несправедливо с вами обращались и был ли соблюден Ковенант. Будьте добры выполнить нашу просьбу.

— О, ну что ж, замечательно! — Не выказывая особой охоты, подсудимый подчинился требованию и стал вещать в микрофон: — Мне нет смысла что-либо объяснять здесь, но все же я скажу, а вам придется выслушать... Вы говорите о своем драгоценном Ковенанте, будто он есть что-то священное. Я с ним не согласен, и я его не принимаю. Вы относитесь к нему так, будто он сошел с неба в лучах света. Мои деды сражались во Вторую революцию, но они сражались, чтобы сокрушить предрассудки, а не для того, чтобы тупые идиоты создавали новые.

Да, в те времена были настоящие мужчины! — Он презрительно оглядел аудиторию. — А из кого состоит наше общество теперь? Из робких, трусливых слабаков, у которых в жилах водиа. Вы так тщательно спланировали ваш мир, что из него оказались изгнанными радость и жизнелюбие. Никто не голодает, никто не подвергается опасности. Ваши корабли не тонут. У вас не бывает засухи. Вы приручили погоду так, что даже дожди покорно идут только после полуночи! А почему, собственно, они должны ждать, когда пробьет полночь, если вы все равно заваливаетесь дрыхнуть уже в девять вечера?

А если у кого-нибудь из ваших благовоспитанных людишек возникнут неприятные эмоции — сохрани Боже даже от мысли об этом! — он тут же бросается в ближайшую психодинамическую клинику, чтобы там поправили его податливые мозги. Я благодарю Господа, что никогда не поддавался этой дурной привычке! Я предпочитаю оставаться при своих чувствах, какими бы горькими они ни были на вкус.

Вы даже любовью занимаетесь только после посещения консультанта-психотехника, чтобы узнать: «У нее ум такой же плоский и пресный, как у вас? И все ли ее предки были эмоционально устойчивы?» Меня тошнит от этого. А как насчет того, чтобы подражаться из-за женщины? Если у вас и хватит на это смелости, то через пару минут рядом появится проктор и, высматривая тихое место, чтобы вас парализовать, спросит с тошнотворным смирением: «Я могу вам помочь, сэр?»

Пристав начал было пододвигаться к Маккиннону. Тот повернулся к нему:

— А ну, ты! Отойди назад. Я еще не закончил. — После чего снова обратился к микрофону и продолжал: — Вы велели мне выбирать между двумя альтернативами? Что ж, с выбором проблемы не будет. Вместо того чтобы дать согласие на лечение, вместо того чтобы отправиться в одно из ваших маленьких, аккуратненьких, надежненьких, приятненьких заведений для переориентации и позволить банде тамошних докторов ковыряться в моем мозгу хитрыми пальцами, вместо того чтобы согласиться на все это, — я выбираю старую добрую *смерть*! Нет, выбора для меня не существует, для меня есть лишь одно решение. Я выбираю Ковентри и, клянусь, счастлив этим... Надеюсь, что больше никогда не услышу о Соединенных Штатах!

Зачем вы вообще цепляетесь за жизнь? Мне кажется, вы должны с радостью встречать конец вашей глупой, бесполезной и такой скучной жизни. Ну, вот теперь — все! — И он повернулся к приставу. — Давай, уводи!

— Минутку, Дэвид Маккиннон! — Главный судья предупреждающе вскинул руку. — Мы вас выслушали. Хотя порядок этого не требует, я все же хочу ответить на некоторые ваши высказывания. Вам угодно выслушать меня?

Неохотно, исключительно из желания не показаться склочником, отказывающимся от выполнения столь резонной просьбы, молодой человек молча кивнул.

Речь судьи была мягкой, сглаженной речью ученого, более уместной в университетской аудитории.

— Дэвид Маккиннон, то, что вы сказали, несомненно, кажется вам исполненным мудрости. И тем не менее ваша речь дика и плохо продумана. Я считаю необходимым указать на ряд допущенных вами искажений фактов. Ковенант — вовсе не предрассудок, а всего лишь временный пакт, заключенный теми же революционерами из чисто прагматических соображений.

Они хотели с его помощью обеспечить максимально возможные свободы для каждого человека.

Сами вы тоже пользовались этими свободами. Вам разрешались любые поступки, вы могли жить как хотели при условии, что не будете приносить вред остальным. Даже действие, запрещенное законом, нельзя было бы поставить вам в вину, если бы государство не смогло доказать, что оно нанесло ущерб или вызвало опасность нанесения ущерба определенному лицу.

Даже если кто-либо намеренно и целенаправленно наносит кому-то ущерб, как это сделали вы, государство не считает себя вправе прибегать к моральному осуждению человека, а тем более к его наказанию. Для этого у нас нет ни нужной мудрости, ни желания вызвать цепную реакцию несправедливостей, которые всегда сопровождают моральное принуждение и ставят под угрозу всеобщую свободу. Вместо этого осужденному предоставляется выбор между психологической перестройкой, которая должна устранить тенденцию причинять вред другим людям, и отчуждением его от государства путем высылки в Ковентри.

Вы жалуетесь, что наш образ жизни тускл и неромантичен, намекая, что мы лишили вас душевных волнений, на которые вы считаете себя вправе. Вы свободны придерживаться любых взглядов и высказывать свою эстетическую оценку нашего образа жизни, но не можете ожидать, что мы станем жить так, как вам хочется. Вы свободны искать опасности и приключения, если уж очень хотите, — ведь опасности действительно существуют. В экспериментальных лабораториях, например. А как трудно живется исследователям в горах Луны, а сколько людей гибнет в джунглях Венеры — но сами вы не имеете права подвергать нас опасности, опасности, причиной которой является единственно ваш бешеный нрав.

— Не делайте из мухи слона, — презрительным тоном отмахнулся Маккиннон. — Можно подумать, будто я кого-то зарезал, а я всего лишь ударил по носу человека за то, что он меня оскорбил!

— Я разделяю вашу эстетическую оценку этого индивидуума, — ровно продолжал судья, — и даже лично испытываю удовольствие от мысли, что вы ударили его, но ваши психометрические тесты показывают, что вы считаете себя вправе давать моральную оценку своим согражданам и полагаете, что можете лично исправлять их ошибки и даже наказывать их. Вы опасная личность, Дэвид Маккиннон, вы опасны для нас всех, ибо мы

не можем предвидеть, какой вред вы нанесете в следующий раз. С социальной точки зрения ваши заблуждения делают вас таким же безумным, как Мартовский Заяц.

Вы отказались от лечения — поэтому мы лишаем себя вашего общества, мы изгоняем вас, отныне мы с вами в разводе. Отправляйтесь в Ковентри!

Он обратился к приставу:

— Уведите его.

Маккиннот смотрел в лобовой иллюминатор большого транспортного вертолета, и сердце его трепетало от возбуждения. Вот он! Наверняка эта черная полоса вдали именно он и есть! Вертолет подлетел ближе, и Маккиннот убедился, что это действительно Барьер — таинственная непроницаемая стена, отделяющая Соединенные Штаты от резервации, известной под именем Ковентри.

Конвоир отложил журнал и проследил за его взглядом.

— Почти прибыли, — сказал он с облегчением. — Теперь уже совсем скоро.

— По мне, так чем скорее, тем лучше.

Стражник посмотрел на него с усмешкой, но неприязни во взгляде не было.

— Не терпится попасть туда?

Маккиннот вскинул голову:

— Вы еще не привозили сюда никого, кто так сильно хотел бы пройти через Врата?

— Ммм... возможно. Хотя все так говорят. Никто не проходит через Врата против собственной воли.

— Что касается меня, то я действительно так считаю!

— Все так считают. Только почему-то большинство скоро возвращается назад.

— Слушай, а может, ты мне расскажешь, как там у них за стеной?

— Извини, — охранник покачал головой, — Соединенных Штатов их дела не касаются. И тех, кого они нанимают на работу, — тоже. Подожди немного, скоро сам все узнаешь.

Маккиннот слегка нахмурился:

— Странно все это... Я пытался узнать, но не нашел никого, кто признался бы, что знает, каково там — внутри... Значит, говоришь, кое-кто уходит отсюда обратно?.. Тогда тем более кто-то должен обязательно проболтаться.

— Ну, с этим просто, — улыбнулся охранник. — При переориентации вводится подсознательный запрет обсуждать то, что с ними происходило там.

— Довольно подлый трюк. А по какому, собственно, праву правительство утаивает от меня и таких, как я, информацию, на что мы идем?

— Слушай, друг, — охранник, похоже, начал терпение, — ты ведь сам послал всех нас к чертовой матери. Ты заявил, что прекрасно обойдешься без нас. Тебе дают территорию, чтобы жить, — между прочим, чуть ли не самую лучшую землю на всем континенте; тебе разрешают взять с собой все твое имущество или все, что ты сможешь купить сам на свои деньги. Так какого дьявола тебе еще нужно?

Лицо Маккиннона вытянулось от удивления.

— А где гарантия, что для меня там найдется свободная земля?

— Это твои проблемы. Правительство следит только за тем, чтобы количество земли соответствовало численности населения. А кто ее как поделит, так с этим уж вы, эгоисты паршивые, сами между собой разбирайтесь. Вам не нравится, как мы живем, и вы же еще хотите, чтобы наша организация гарантировала ваши интересы? — Стражник вернулся к своему чтиву и больше на Маккиннона внимания не обращал.

Они сели на крохотном аэродроме, расположенном возле черной сплошной стены. Врат отсюда не было видно, но на самом краю летного поля одиноко стоял домик охраны. Маккиннон был единственным пассажиром. Конвоир отправился в караулку, а Маккиннон спустился по трапу из пассажирского салона и подошел к грузовому люку. Двое летчиков как раз выдвигали оттуда трап. Когда Маккиннон приблизился, один из летчиков посмотрел на него и сказал:

— Пожалуйста, ваши вещи. Можете забирать.

Маккиннон прикинул на глаз объем своего багажа.

— Их целая куча. — Он повернулся к летчику. — Послушайте, мне одному не справиться. Не поможете выгрузить?

Летчик не спеша закурил и только потом ответил:

— Это ваши вещи. Если нужны — выгружайте. А мы вылетаем через десять минут.

Пилоты обогнули Маккиннона и полезли в машину.

— Ах, вы... — Маккиннон заставил себя проглотить окончание фразы и подавил гнев. Какое хамство! У него исчезла по-

следняя тень сожаления от расставания с цивилизацией. Он им еще покажет! Уж без них-то он как-нибудь обойдется.

Однако прошло минут двадцать, не меньше, прежде чем он, стоя возле горы своего багажа, проводил взглядом поднимающуюся в воздух машину. К счастью, шкипер оказался более сговорчивым в отношении времени вылета. Маккиннон стал грузить багаж в свою стальную «черепашку». В романтическом порыве, навеянном классической литературой прежних дней, он пытался организовать караван осликов, но не сумел найти зоопарка, который ссудил бы ему животных. Впрочем, это было и к лучшему: он был совершенно не в курсе о пределах возможностей, слабостях, привычках, пороках, болезнях и особенностях ухода за этими полезными созданиями — и не подозревал о своем невежестве. Если бы его желание исполнилось, то наверняка стоило хозяину и скотине сойтись вместе, они бы устроили друг другу сладкую жизнь.

«Черепашка», которую он приобрел, оказалась неплохой заменой ослам. Она была чрезвычайно прочна, проста в управлении и имела почти стопроцентную защиту от дурака. Энергию она получала от шести квадратных ярдов солнечных панелей, смонтированных на низкой покатой крыше. Батареи питали двигатель постоянной мощности, а когда тот выключался, они заряжали аккумулятор — на случай пасмурной погоды или ночных поездок. Подшипники были «вечными», а все движущиеся части, кроме траков и органов управления, были опечатаны и защищены от некомпетентного вмешательства.

На хорошей ровной дороге она могла развивать скорость до шести миль. Если же на пути встречались холмы или пересеченная местность, «черепашка» не останавливалась, а просто сбавляла ход до тех пор, пока требуемая нагрузка не становилась равна постоянной мощности ее двигателя.

Стальная «черепашка» подарила Маккиннону ощущение независимости; должно быть, нечто подобное испытывал когда-то Робинзон Крузо. Ему и в голову не могло прийти, что «черепашка» — продукт совместных усилий и осознанного сотрудничества сотен тысяч людей — живых и давно умерших. За годы своей безмятежной жизни он привык пользоваться услугами куда более сложной техники и поэтому, естественно, рассматривал это устройство как нечто весьма примитивное — вроде топора дровосека или охотничьего ножа. Хотя в прошлом талант Маккиннона был отдан литературной критике, а вовсе не изобретательству

машин, он тем не менее считал, что с помощью собственного интеллекта и двух-трех справочников легко сумеет соорудить подобную «черепашку», когда это потребуется.

Он знал, что для ее постройки необходима железная руда, но особой проблемы в этом не видел — ведь его познания в области рудной разведки, добычи руды и выплавки металла были столь же отрывочными, как и его знания о выючных осликах.

Своим багажом Маккиннот забил буквально каждый кубический дюйм сравнительно небольшого объема грузового отсека. Он сверил каждую вещь со списком и еще раз с удовольствием пробежал по нему глазами с начала и до конца. Любый искатель приключений или исследователь прошлых веков был бы счастлив, имея он такое снаряжение, как у него. Маккиннот представил себе Джека Лондона, которому он показывает хотя бы эту вот замечательную палатку. «Смотри, Джек, — сказал бы он, — любая непогода ей не страшна: совершенно непромокаемые стенки и пол, ни одна деталь не ржавеет. А попробуй, какая она легкая — один человек поставит ее за пять минут, про прочность я уже не говорю — ты можешь спокойно дрыхнуть, пока самый большой в мире гризли пускает слюни под твоей дверью». Джек Лондон почесал бы голову и сказал: «Да, Дейв, ты молоток! Мне бы такую на Юконе, я б и забот не знал!»

Маккиннот снова пробежал список. Концентраторов, обезвоженных продуктов и витаминов ему хватит месяцев на шесть. За это время он построит парники для гидропоники, и семена дадут всходы. Запасы лекарств... хоть он и надеялся, что болеть не будет, — но лучше предусмотреть все. Не забыл он и самые разнообразные справочники и руководства. А легкая спортивная винтовка! Раритет! Прошлый век! Тут лицо его омрачилось: Военное министерство¹ отказалось продать ему портативный бластер. Когда Маккиннот заявил, что бластер — часть всеобщего социального наследия, ему неохотно выдали чертежи и расчеты, сказав, чтобы он собирал бластер сам. Ладно, он еще изготовит себе эту штуку, как только выдастся свободный часок.

С остальным был тоже полный порядок. Маккиннот забрался в кабину, взялся за рукоятки, приводящие машину в движение, и направил ее к караулке. С тех пор как вертолет улетел, его

¹ *Военное министерство* (War Department) существовало в США до 1949 года, позднее было преобразовано в Министерство обороны (Department of Defence). — *Примеч. С. В. Голд.*

все игнорировали. Теперь он хотел, чтобы ему открыли Врата и пустили внутрь.

Вблизи караулки ошивалось несколько военных. По серебряной полоске, нашитой по краю килта, Маккиннон распознал легата и обратился к нему:

— Я готов к отправке. Будьте добры, откройте Врата.

— Без проблем! — ответил ему офицер и повернулся к солдату; серый килт без всякой нашивки означал, что это простой рядовой. — Дженкинс, передай на подстанцию, чтобы раздвигали. Скажи им — отверстие номер три, — добавил он, прикинув на глазок габариты «черепашки».

Дав команду, он перевел взгляд на Маккиннона:

— Я обязан напомнить вам, что вы можете вернуться назад хоть сейчас, если согласитесь подвергнуть себя госпитализации для лечения невроза.

— Нет у меня никакого невроза.

— Хорошо. Но если вы все-таки передумаете, то возвращайтесь к этому входу. С той стороны можно дать сигнал часовому, чтобы Врата открылись.

— Мне это неинтересно.

Легат пожал плечами:

— Возможно. Но нам тут частенько приходится отправлять беженцев в карантин. Будь моя воля, легко оттуда вряд ли бы кто вышел. — Офицера прервал сигнал тревоги. Солдаты, стоявшие рядом, резко рассыпались в стороны, на бегу срывая с поясов бластеры. Страшный зев стационарного бластера возник на крыше караульного помещения и нацелился на Барьер.

Легат, читая написанный на лице у Маккиннона вопрос, ответил:

— Подстанция готова открыть Врата. — Он показал рукой в направлении здания подстанции, потом повернулся лицом к Маккиннону. — Поезжайте прямо на центр отверстия. Ограничение стасиса требует гигантского расхода энергии. Если случайно заденете за край, придется собирать вас по кусочкам.

Яркая светящаяся точка возникла у основания Барьера как раз напротив того места, где они стояли. Она превратилась в полукруглость на угольно-черном фоне того, что было ничем. Скоро отверстие стало достаточно большим, и Маккиннон смог увидеть то, что лежало за образовавшейся аркой. Он с любопытством туда заглянул.

Отверстие было шириной футов в двадцать. Теперь оно уже больше не увеличивалось, но сквозь него были хорошо видны голые скалистые холмы. Маккиннотт посмотрел туда и в бешенстве перевел глаза на легата.

— Меня обманули! — закричал он. — На этой земле человек жить не может!

— Перестаньте, — ответил тот. — Хорошая земля дальше, за холмами. И потом, никто ведь не заставлял вас туда ехать. Так что, раз уж решили — вперед.

Маккиннотт покраснел и нажал на обе рукоятки сразу. Траки пришли в движение, «черепашка» медленно поползла вперед — прямо к Вратам Ковентри.

Уже проехав несколько футов по территории за Вратами, он обернулся. Барьер поднимался над ним стеной, и ничто не указывало, что в нем когда-то был проход. Возле того места, откуда он въехал в Ковентри, стоял небольшой сарайчик из листового железа. Маккиннотт решил, что там-то и находится сигнальное устройство, о котором упоминал легат, но его это совершенно не интересовало, и он вернулся к изучению окружающей местности.

Перед ним, извиваясь между скалистыми холмами, лежала дорога. Поверхность ее была без покрытия и явно давно не ремонтировалась, но, поскольку дорога шла под уклон, «черепашка» могла выдерживать нормальную скорость. Маккиннотт двинулся по этой дороге, но не потому, что она ему нравилась, просто это был единственный путь, который вел из местности, абсолютно не подходящей для его целей.

Кроме него, на дороге не было ни души. Маккиннотта это вполне устраивало. Он не испытывал никакого желания встречаться с людьми, пока не найдет пригодную для жилья землю и не застолбит ее за собой. Но холмы вокруг не были безжизненными — несколько раз он замечал, что какие-то маленькие зверьки снуют среди скал, а временами блестящие бусинки глаз бросали на него тревожные взгляды.

Маккиннотту поначалу даже в голову не пришло, что эти маленькие робкие твари, прятавшиеся в свои норки при его приближении, могли пойти ему в пищу — уж слишком они забавно выглядели, и, если честно, ощущение, что он здесь не один, хоть как-то согревало его изнутри. Но когда он подумал, что их и вправду можно использовать вместо дичи, то поначалу эта мысль вызвала в нем отвращение — обычай убивать развлечения

ради исчез задолго до рождения Маккиннона, а промышленный синтез белка, начатый во второй половине прошлого столетия, привел к краху животноводства — сам ссыльный не помнил, чтобы когда-нибудь в жизни он пробовал настоящее мясо.

Но раз такая мысль все же пришла, надо было решать. Он ведь в любом случае собирался сам себе добывать пропитание. Хотя ему хватало запасов на ближайшее будущее, самое мудрое было их пока поберечь и воспользоваться тем, что предлагала сама природа. Он подавил свои эстетские предрассудки, твердо решив подстрелить одну из зверюшек при первом удобном случае.

Задумано — сделано. Он достал винтовку, зарядил и положил рядом с собой на сиденье. Как и водится по закону падающего бутерброда, дичь на ближайшие полчаса куда-то вся подевалась. Наконец, когда Маккиннон огибал очередной скалистый выступ, он увидел свою добычу. Она выглядывала из-за небольшого валуна, ее рассудительные глаза смотрели на него невозмутимо, но слегка настороженно. Маккиннон остановил «черепашку», тщательно прицелился, положив для уверенности ствол на кокпит. Будущая жертва тут же нахально выскочила на открытое место.

Маккиннон нажал на спусковой крючок, невольно напрягая все мышцы и зажмуривая левый глаз. Пуля, естественно, ушла вверх и вправо.

Но сейчас он был слишком ошеломлен, чтобы заметить это. Ему почудилось, что вокруг него взорвался весь мир. Правое плечо онемело, губы были разбиты так, будто кто-то с силой лягнул его в рот, в ушах противно звенело. Он страшно удивился, увидев ружье в своих руках в целости и сохранности, очевидно никак не пострадавшее в ходе этого инцидента.

Маккиннон отложил винтовку, выкарабкался из машины и побежал к тому месту, где только что был зверек. Однако ничего похожего на животное там не наблюдалось. Он обыскал ближайшую местность, но ничего не нашел. Удивленный, он вернулся к машине, решив, что винтовка испорчена и надо будет ее хорошенько проверить, прежде чем пускать в дело.

Между тем «жертва» с любопытством наблюдала за странными действиями человека из укрытия, куда она бежала, напуганная выстрелом. Животное было не меньше Маккиннона удивлено происшедшим, потому что было привычно к огнестрельному оружию не больше, чем сам Маккиннон.

Прежде чем снова завести «черепашку», Маккиннону пришлось заняться верхней губой, которая распухла и сильно болела. Из ссадины на губе сочилась кровь. Это обстоятельство еще больше усилило подозрение, что ружье испорчено. В романтической литературе XIX–XX веков, которую Маккиннон обожал, отсутствовали предупреждения о том, что, стреляя из винтовки, следует держать правую руку так, чтобы при отдаче ноготь большого пальца не вонзался вам прямо в рот.

Он воспользовался антисептиком, соорудил импровизированную повязку и отправился дальше в несколько подавленном настроении. Пересохшее русло реки, по которому он пробирался между холмами, сделалось шире, сами холмы все чаще были одеты зеленью. Он сделал еще один крутой поворот и увидел перед собой широкую плоскую равнину. Она простиралась до самого горизонта, затянутого прозрачной дымкой.

Большая часть равнины была возделана, и ему даже показалось, что кое-где виднеются человеческие жилища. Маккиннон направился в их сторону со смешанным чувством. Встреча с людьми означала некоторое облегчение его жизни, но становилось ясно, что застолбить участок земли здесь будет труднее, чем он думал. И все же... в Ковентри места много!

Он уже выехал с холмов на равнину, когда на дорогу вышли двое мужчин и загородили ему путь. Оба они держали оружие на изготовку. Один из них крикнул:

— Стой!!!

Маккиннон повиновался и, когда они подошли, спросил:

— Что вам угодно?

— Таможенный досмотр. Подъезжай к конторе.

Человек указал на небольшое строение, расположенное у самой дороги, которого Маккиннон раньше не замечал. Он перевел взгляд со здания на говорившего и внезапно почувствовал, как из самых глубин его существа поднимается горячая волна и мозг обволакивает туманом. Когда с ним это случалось, его и без того не слишком-то предсказуемое поведение делалось вовсе уж неразумным.

— Что ты мелешь? — заорал он. — А ну, отойди в сторону, дай проехать!

Второй, что до этого молчал, поднял оружие и наставил его Маккиннону прямо в грудь. Первый схватил его за руку и отвел ствол в сторону.

— Не надо убивать этого дурака, Джо, — сказал он недовольно. — Всегда тебе не терпится! — Затем обратился к Маккиннону: — Ты оказал сопротивление властям. Давай-ка за нами. Быстро.

— Властям? — Маккиннон мрачно усмехнулся и поднял лежавшую на сиденье винтовку. Но не успел он ее донести до плеча, как мужчина, который вел переговоры, лениво выстрелил, даже не беря на себя труд прицелиться. Винтовка Маккиннона вырвалась у него из рук, взлетела в воздух и приземлилась в кювете позади «черепашки».

Тот, что молчал, равнодушным взглядом проследил за полетом винтовки и заметил:

— Неплохой выстрел, Блэки. Ты его даже не задел.

— Просто повезло, — скромно ответил другой, но улыбнулся, довольный комплиментом. — Хорошо, что не ранил, — не придется докладную писать. — Тут он снова принял официальный вид и обратился к Маккиннону, который сидел, ничего не понимая, и растирал онемевшие пальцы: — Ну, крутой парнишка, сам пойдешь или мы тебя потащим?

Маккиннон сдался. Он подъехал, куда ему было велено, и угрюмо ждал дальнейших распоряжений.

— Вылезай и начинай разгружаться, — приказали ему. Повинуясь силе, он подчинился. По мере того как он сбрасывал с машины свой драгоценный груз, тот которого звали Блэки, раскладывал все на две кучи, а Джо записывал что-то в бумагу вполне официального вида. Неожиданно Маккиннон заметил, что Джо записывает только то, что попадает в первую кучу. Все стало ясно, когда Блэки приказал ему снова погрузить в «черепашку» вещи, лежавшие в первой куче, а те, что остались во второй, начал сам втаскивать в помещение таможни. Маккиннон попробовал было заикнуться...

Джо спокойно и без всякой злобы дал ему по зубам. Маккиннон рухнул на землю, но тут же вскочил, готовый броситься в драку. Он был в таком бешенстве, что мог сразиться с нападающим носорогом. А Джо улучил момент и снова двинул ему в зубы. На этот раз Маккиннону скоро подняться не удалось.

Блэки отошел к умывальнику, стоявшему в углу комнаты. Он вернулся, неся мокрое полотенце, и бросил его Маккиннону:

— Вытри рожу, приятель. И давай-ка в колясочку, ехать пора.

У Маккиннона оказалось достаточно времени, чтобы поразмыслить о будущем, пока он вез Блэки в город. На вопрос, куда они направляются, кроме лаконичной, но невразумительной фразы «призовой суд»¹, ссыльный от своего конвоира так ничего и не услышал, но с вопросами лезть не стал, хотя просто места себе не находил от недостатка информации. Губу после нескольких ударов саднило, голова раскалывалась, и ему не хотелось усугублять ситуацию какой-нибудь неосторожно сорвавшейся фразой.

Видимо, Ковентри вовсе не был той анархией на границе обжитого мира, которую он ожидал здесь увидеть. Тут, судя по всему, имелось какое-то правительство, но оно не было похоже на то, к которому он привык. А он-то представлял себе Ковентри страной благородных независимых людей, предоставляющих друг другу полную свободу и практикующих взаимное уважение. Нет, мерзавцы тут, разумеется, тоже должны попадаться, но с ними разговор короткий и, надо думать, с летальным исходом, стоит только им проявить свою истинную подлую натуру. У него была сильная, хотя и подсознательная уверенность в том, что добродетель всегда побеждает.

И, столкнувшись здесь с правительственными служащими, он ожидал, что те станут действовать по законам, к которым он привык с детства: будут честными, добросовестными, достаточно умелыми и постоянно заботящимися о свободах и правах граждан. Он знал, что чиновники были такими не всегда, но сам с подобными вещами не сталкивался — для него это было что-то отдаленное и маловероятное, как каннибализм или рабство.

Если бы он подумал получше, то, вероятно, понял бы, что гражданских служащих в Ковентри никогда не подвергали экзамену, чтобы определить их психологическую пригодность к исполнению своих обязанностей, и поскольку каждый обитатель Ковентри находился тут — как и он сам — за нарушение Ковенанта и отказ от терапии, то большинство из них, очевидно, неуправляемы и творят произвол.

Теперь единственное, на что Маккиннон надеялся, так это на суд. Все, чего он сейчас желал, — получить возможность выложить на суде свою историю.

¹ *Призовой суд* — военно-морской суд, который выносит решения о распределении захваченного в ходе войны имущества. — *Примеч. С. В. Голд.*

Его надежды на судебную процедуру должны показаться не совсем логичными, ведь прошло не слишком-то много времени, как он отказался иметь дело с организованным правительством. Но даже если он отказался от правительства на словах, то не мог отказаться от собственной жизни, своих привычек и представлений, сформированных средой, в которой он жил. Он мог проклясть суд, унизивший его своим приговором и поставивший его перед выбором, и все же искренне ожидать от суда правосудия. Он мог настаивать на своей полной независимости, но одновременно ожидал, что люди, с которыми ему предстоит столкнуться, будут подчиняться Ковенанту, — других-то он никогда не встречал! Он был не в состоянии отбросить прочь собственные рефлексy и привычки, равно как не мог расстаться со своим телом.

Но сам этого он еще не осознавал.

Зазевавшись, Маккиннон не успел встать, когда судья вошел в зал заседаний. Приставы быстренько дали ему понять, что к чему, однако злобный взгляд с судейского кресла он все-таки заработать успел. Ни внешний вид судьи, ни его манеры особых надежд не внушали. Это был упитанный красномордый тип, чей садистский характер буквально читался у него на лице и сквозил в каждом движении. Маккиннону пришлось обождать, пока судья расправится подчистую с несколькими мелкими нарушителями спокойствия, причем Маккиннону показалось, что все здесь происходящее полностью противоречит закону.

И все-таки он оживился, когда услышал свое имя. Маккиннон встал и попытался рассказать свою историю. Удар молотка судьи прервал его.

— В чем его обвиняют? — спросил судья, и на лице его проступила сеть мрачных морщин. — Пьянство и буйное поведение, судя по всему. Я положу конец этим безобразиям у молодых людей, даже если на борьбу уйдут последние мои силы! — Он обратился к секретарю: — Судимости имеются?

Секретарь что-то зашептал ему на ухо. Судья бросил на Маккиннона взгляд, в котором раздражение смешалось с подозрительностью, а затем предложил таможеннику выйти вперед. Блэки изложил дело четко и ясно, с легкостью человека, привыкшего давать показания. Ссадины на лице Маккиннона он объяснил тем, что тот оказал сопротивление офицеру, находившемуся при исполнении служебных обязанностей. Он передал

суду список, который составил его напарник, но почему-то забыл упомянуть о вещах, изъятых еще до его составления.

Судья повернулся к Маккиннону:

— Хочешь чего-нибудь добавить?

— Разумеется, доктор, — начал было тот. — Тут нет ни слова...

Бах! Удар молотка прервал его. Пристав подскочил к Маккиннону и постарался тому объяснить, как следует обращаться к судье. Объяснение привело его в замешательство. Согласно его опыту, «судья», естественно, означал «врача», психиатра, разбирающегося в социальных проблемах. Кроме того, он никогда не слышал ни о каких особых речевых формах, принятых в зале суда. Но он откорректировал свою речь в соответствии с полученными инструкциями:

— С разрешения высокого суда я заявляю, что этот человек лжет. Он и его компаньон напали на меня и ограбили. Я просто...

— Контрабандисты всегда считают себя ограбленными, когда их ловят таможенники, — усмехнулся судья. — Сознаешься ли ты, что оказал сопротивление при досмотре?

— Нет, ваша честь, но...

— Хватит! Штраф в размере пятидесяти процентов от суммы положенной пошлины. Плати прямо секретарю.

— Но, ваша честь, я не могу заплатить.

— Не можешь заплатить?

— У меня нет никаких денег. Только мое имущество.

— Вот как? — Судья повернул лицо к секретарю. — Записывайте решение по делу. Имущество конфисковать. Десять суток за бродяжничество. Общество не может терпеть, чтобы эти нищие иммигранты шлялись где попало и нападали на законопослушных граждан. Следующий!

Маккиннона уволокли прочь. Только скрежет ключа в замке тюремной камеры объяснил ему, на каком свете он оказался.

— Эй, дружище, как там погодка снаружи?

В тюремной камере с ним оказался еще один обитатель — крепко сбитый мужчина, поднявший глаза от разложенного пасьянса, когда Маккиннон вошел. Он сидел верхом на скамье, где лежали карты, и разглядывал новичка спокойными, умными, поблескивающими глазами.

— Снаружи — более-менее спокойная, не то что в зале суда, — ответил Маккиннон, стараясь говорить таким же дураш-

ливым тоном, что и его собеседник, однако получалось это у него плохо: губы саднило и улыбка выходила кривая.

Узник перекинул ногу через скамью и подошел к нему легкой скользящей походкой:

— Слушай, друг, ты так выглядишь, будто тебя зажевало коробкой передач. — Он осмотрел губу Маккиннона. — Болит?

— Чертовски, — признался тот.

— Пожалуй, надо заняться этим делом. — Заключенный подошел к двери и громко залязгал решеткой. — Эй, Левша! Тут у нас пожар! Давай по-быстрому!

Явился тюремщик и встал у двери.

— Тебе чего, Линялый? — хмуро спросил он.

— Моему старому школьному корешу заехали монтировкой по морде: болит — спасу нет. У тебя есть шанс поправить свои отношения с Господом Богом; сделай доброе дело — сбегай в больничку, возьми там пластырь и гранов пять неоанолина.

По лицу тюремщика нетрудно было понять, каков будет ответ. Заключенный принял огорченный вид.

— Эх, Левша, Левша, — сказал он, — я-то думал, ты прямо ухватишься за возможность совершить благородный поступок. — Чуть помедлив, он добавил: — Вот что я тебе скажу: если ты сделаешь по-моему, я покажу тебе, как решается та загадка — сколько лет Энн. Годится?

— Сначала покажи.

— Нет, это слишком долго. Я передам тебе решение в письменном виде.

Когда тюремщик принес то, о чем его просили, новый товарищ по камере заботливо перевязал Маккиннона, ни на минуту не переставая болтать:

— Линялый Мэйги — так меня все зовут. А твое какое имя, дружище?

— Дэвид Маккиннон. Извини, я не расслышал — как ты себя назвал?

— Линялый, — повторил он и с усмешкой добавил: — Но ты не подумай, что это то самое имечко, которое мне дала мама. Это скорее профессиональный довесок к моей застенчивой и скромной натуре.

Маккиннон удивился:

— Профессиональный довесок? А какая у тебя профессия? Мэйги был явно огорчен вопросом.

— Ну ты даешь, — сказал он, — я же *тебя* об этом не спрашиваю. Ладно, прощаю, — добавил он погодя, — она у меня такая же, как и у тебя, — самосохранение.

Мэйги был благодарным слушателем, а Маккиннон рад случаю излить кому-нибудь свои беды. Он всеми красками расписал, как решил, что лучше отправиться в Ковентри, нежели подчиниться решению суда, и как, не успев он сюда приехать, его схватили и опять потащили в суд.

Мэйги кивнул.

— Ничего удивительного, — сказал он. — «Таможенник тогда работает неплохо, когда в душе он жулик и пройдоха».

— А что будет с моим имуществом?

— Его продадут, чтобы оплатить пошлину и штраф.

— Интересно, а что останется на мою долю?

Мэйги так и уставился на него:

— Останется? А чему там оставаться? Тебе еще, надо думать, придется оплатить судебные издержки...

— А это что еще за штука?

— Это такое мудрое изобретение, когда приговоренный оплачивает собственное наказание, — коротко, но туманно объяснил Мэйги. — В твоем случае это значит, что, когда через десять суток твой срок истечет, ты все еще будешь должником суда. А следовательно, тебя закуют в кандалы и заставят работать за доллар в день.

— Линялый, хватит надо мной издеваться.

— А ты подожди — и увидишь. Тебе еще многое предстоит узнать, Дейв.

Ковентри был устроен намного сложнее, чем представлял себе Маккиннон. Мэйги объяснил ему, что он состоит из трех независимых, суверенных государств. Тюрьма, в которой они сидели, находилась в так называемой Нью-Америке. У нее имелось правительство, избранное демократическим путем, но обращение, которое Маккиннон успел уже испытать на собственной шкуре, было отличным примером того, какова на деле эта администрация.

— Однако эта община — рай по сравнению со Свободным государством, — заявил Мэйги. — Свободное государство управляется чистой воды диктатурой. Я был там... Главарь правящей клики у них некто по прозвищу Освободитель. Их девиз — «Долг и послушание». Надуманные порядки насаждаются там с такой жестокостью, что любая свобода мнений исключена. Государ-

ственная идеология заимствована из обрывков древних функционалистских доктрин. В государстве они видят единый механизм с одной головой, одним мозгом и одной целью. Все, что не разрешено, — запрещено. Честное слово, — говорил Мэйги, — ты ложишься спать, а в постели твоей уже прячется агент госбезопасности. И все же, — продолжал он, — жизнь там легче, чем у Ангелов.

— Ангелов?

— Ну да. У нас они сохранились. Ты же знаешь, что после революции три-четыре тысячи самых упертых выбрали Ковентри. Там — в холмах на севере — есть их колония. Во главе ее Воплощенный Пророк, и все такое прочее. Среди них есть вполне неплохие ребята, но и они готовы загнать тебя в рай, даже если ты после этого сдохнешь.

У всех трех государств есть одна общая забавная черта — каждое заявляет, что оно-то и есть единственно законное правительство Соединенных Штатов; каждое спит и видит, как оно присоединит к себе «невостребованную часть», то есть все, что лежит за пределами Ковентри. Ангелы провозгласили, что это событие произойдет, когда Первый Пророк возвратится на Землю и поведет их за собой. В Нью-Америке эта идея используется преимущественно в качестве дежурного предвыборного лозунга, о котором забывают сразу же, как проголосуют. А в Свободном государстве это прочно вбитая в головы политическая цель.

И как следствие стремления к этой цели, Свободное государство и Нью-Америка то и дело воюют. Освободитель вполне логично считает, что Нью-Америка тоже «невостребованная территория» и ее следует привести под власть Свободного государства, прежде чем преимущества цивилизации последнего будут распространены на области за Барьером.

Рассказ Мэйги совершенно разрушил иллюзии Маккиннона насчет того, что Ковентри — воплощенная за Барьером анархическая утопия, но все же дать этой иллюзии погибнуть без борьбы он не мог.

— Но послушай, Линялый, — упрямо твердил он, — неужели тут нет местечка, где бы человек мог жить сам по себе и что-бы к нему никто не лез?

— Нет... — Линялый задумался. — Пожалуй, что нет... Разве что бежать в холмы и спрятаться. Там, разумеется, жить можно, если держаться подальше от Ангелов. Только со жратвой там

туговато — придется переходить на подножный корм. Ты когда-нибудь пробовал так жить?

— Ну... не то чтобы пробовал... но зато я перечитал всех классиков — Зейна Грея, Эмерсона Хью...

— Что ж, тогда, может, у тебя что-нибудь и получится. Но если ты и в самом деле решил стать отшельником, советую начинать за Барьером, там с этим делом проще.

— Ну уж нет! — Грудь Маккиннона гордо выпятилась вперед. — Ни за что! Никогда я не пойду на психологическую переделку только ради того, чтобы меня оставили в покое! Если бы можно было повернуть время вспять и оказаться в тех местах, где я жил до ареста, я, конечно, напрямик отправился бы в Скалистые горы или подыскал себе заброшенную ферму... Но с этим диагнозом, что висит у меня на шее... После того как мне объявили, что я не годюсь для человеческого общества, пока мои эмоции не перекроют и не сделают более подходящими для их затхлого мирка... Нет, никогда! Ведь они первым делом засунут меня в психушку...

— Понятно, — кивнул головой Линялый, — ты за то, чтобы жить в Ковентри, но не согласен с тем, что Барьер отрезает тебя от прочего мира...

— Нет-нет, не так... Хотя в какой-то степени... Слушай, ты тоже думаешь, что со мной нельзя иметь дело, а?

— По мне, так ты парень что надо, — успокоил его Мэйги и усмехнулся, — но, пойми, я ведь тоже живу в Ковентри... И какой из меня может быть судья...

— Однако, судя по твоему разговору, не скажешь, что в Ковентри тебе очень нравится. Как ты здесь оказался?

Мэйги предостерегающе поднял палец:

— Тихо! Такие вопросы у нас задавать не принято. Считается, что каждый прибыл сюда потому, что тут славно живется.

— И все же... тебе здесь явно не по душе.

— Во-первых, я тебе такого не говорил. А потом, мне здесь действительно нравится. Есть в этой жизни какая-то изюминка! А все здешние мелкие несообразности меня просто-напросто развлекают. Когда станет очень уж припекать, всегда можно прошмыгнуть за Врата и отдохнуть в славной уютной больничке, пока тревога не уляжется.

Маккиннон снова удивился:

— Припекать? Здесь что, не управляют погодой?

— Да нет, я не погоду имел в виду: в Ковентри ею никто не управляет, погоду делают снаружи. Это я так, в переносном смысле. Древняя фигура речи.

— И что она означает?

Мэйги улыбнулся:

— Скоро поймешь.

После ужина, состоявшего из хлеба, похлебки в жестяной миске и крохотного яблока, Мэйги посвятил Маккиннона в тайны криббеда. К счастью, у того не было денег, которые можно было проиграть. Наконец Мэйги перестал тасовать и отложил колоду.

— Дейв, — сказал он, — как ты относишься к местному гостеприимству? Я имею в виду тюрьму.

— Не так, чтобы очень. А что?

— Предлагаю отсюда выписаться.

— Отличная мысль, но как?

— Об этом-то я сейчас и размышляю. Как ты думаешь, способен ли ты ради доброго дела выдержать еще один удар по физиономии?

Маккиннон осторожно потрогал лицо:

— Как тебе сказать... Если для дела — думаю, что смогу. В любом случае хуже уже не будет...

— Отлично! А теперь слушай... Этот тюремщик — Левша — мало того что недоумок, он еще крайне чувствителен к мнению посторонних о своей внешности. Когда погасят свет, ты...

— Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! — Маккиннон колотил по прутьям дверной решетки, визжа изо всех сил. Ответа не было. Заключенный не унимался, голос его звенел истеричным фальцетом. Наконец у решетки появился недовольный Левша.

— Какого дьявола тебе надо?! — зарычал он, злобно пялясь сквозь прутья.

Маккиннон переменял тон и стал слезливо кланяться у надзирателя:

— Левша, выпусти меня отсюда! Пожалуйста! Здесь темно, а я не переношу темноты! Ну выпусти, чего тебе стоит... Не оставляй меня одного! — И он бросился, рыдая, на дверь.

Тюремщик выругался.

— Еще один идиот слабонервный! Слушай, ты, заткнись и ложись спать, пока я не вошел и у тебя взаправду не появился повод пустить слезу. — Он повернулся, чтобы уйти.

Тут Маккиннон впал в справедливый, но непредсказуемый гнев невменяемого.

— Ах ты, гнусная обезьяна! Идиотская крысиная морда! Где ты отхватил этот поганый нос?!

Левша вернулся, физиономия его была искажена яростью. Он попробовал что-то сказать, но Маккиннон не дал.

— Ага! Ага! — вопил он, кривляясь, словно вошедший в раж мальчишка. — Видно, твоя мамаша загляделась на бородавочника!

Тюремщик ударил между дверными прутьями, целясь Маккиннону по лицу. Тот уклонился и одновременно схватил Левшу за руку. Промахнувшись, тюремщик потерял равновесие и качнулся вперед, при этом его кулак оказался внутри камеры. Пальцы Маккиннона скользнули вдоль запястья тюремщика и вцепились в него мертвой хваткой.

Потом Маккиннон вместе с надзирателем подался назад, так что тот оказался тесно прижатым к прутьям, а рука, которую Дейв не отпускал, все дальше и дальше уходила в камеру.

Вопль, застрявший в горле Левши, так и не вырвался наружу — тут уже постарался Мэйги. Бесшумные, как смерть, руки Линялого метнулись из темноты и, пройдя сквозь решетку, сжали жирную шею сторожа. Левша рванулся и чуть было не освободился от хватки, но Маккиннон подал всем своим весом вправо, выворачивая руку тюремщика, угрожая ей переломом и причиняя невероятную боль.

Маккиннону казалось, что весь этот театр, вся эта нелепая борьба безмолвных теней длится нескончаемо долго. Пульс в его ушах отдавался громовыми ударами, он даже начал бояться, что кто-нибудь этот гром услышит и прибежит на помощь Левше. Наконец Мэйги нарушил молчание.

— Все! — прошептал он. — Обыщи карманы.

Маккиннон с трудом справился с этой задачей: руки его дрожали, пальцы свело, действовать через решетку было чертовски неудобно. Но ключи все же нашлись в самом последнем из карманов. Он протянул их Мэйги, но тот сначала дал телу тюремщика сползти на пол и только потом взял у Дейва ключи.

С дверью Мэйги управился быстро. Она распахнулась с пугающе громким лязгом. Дейв перешагнул через тело Левши, но

Мэйги наклонился над ним и отстегнул от пояса тюремщика полицейскую дубинку. Потом ударил ею Левшу по голове. Маккиннон остановился:

— Ты убил его?

— Черта с два! — ответил Мэйги шепотом. — Левша — мой дружок. Пошли.

И они двинулись по тускло освещенному коридору между клетками камер к двери, ведущей в административную часть здания, — к единственной их надежде. Левша по небрежности оставил эту дверь приоткрытой — сквозь щель пробивался свет, но когда беглецы осторожно прокрались к выходу, то услышали, как вдалеке гулко застучали шаги. Дэйв лихорадочно озирался по сторонам в поисках укрытия и не нашел ничего лучшего, как забиться в угол, образованный выступом камеры и стеной. Он поискал взглядом Мэйги, но того нигде не было видно.

Дверь широко распахнулась. Из нее вышел какой-то мужчина, остановился и огляделся. Маккиннон увидел в его руке инфракрасный фонарик, а на глазах специальные тепловизорные очки. Он понял, что темнота его теперь не спасет. Инфракрасный луч двинулся в его направлении. Маккиннон приготовился к прыжку...

И тут раздался глухой удар. Тюремщик вздохнул, покачнулся и рухнул обмякшей тушей. Над ним уже стоял Мэйги — он покачивался на пятках, оценивая свою работу, в то время как его пальцы поглаживали «рабочий» конец дубинки.

— Пожалуй, с него хватит, — решил он. — Ты идешь, Дэйв?

И, не дожидаясь ответа, он первым шмыгнул за дверь. Маккиннон следовал по пятам. Освещенный коридор уходил вправо, заканчиваясь двустворчатой дверью, ведущей прямо на улицу. В левой стене, возле самого выхода, находилась низенькая открытая дверца, которая вела в маленькую служебную комнату.

Мэйги притянул к себе Дейва.

— Подфартило, — шепнул он. — Сейчас там никого нет, кроме дежурного сержанта. Мы проскочим мимо, а потом — вон в ту дверь... на свежий воздух. — Он сделал Дейву знак, чтобы тот держался позади, и осторожно подкрался к дежурке. Потом вытащил из кармашка на поясе небольшое зеркальце, лег на пол и, прижавшись лицом почти к самому косяку, осторожно выдвинул зеркальце на пару дюймов вперед.

Похоже, он остался доволен разведкой, проделанной с помощью самодельного перископа, и, повернув голову так, чтобы Маккиннон мог прочесть по губам, выдохнул:

— Порядок! Там только...

И тут двухсотфунтовая Немезида, одетая в тюремную форму, обрушилась на его плечи. По коридору разнесся сигнал тревоги. Мэйги, продолжая сражаться, упал на пол: он был явно слабее противника, а кроме того, захвачен врасплох. Единственное, что ему удалось, — это высвободить голову из тисков и крикнуть:

— Беги, малыш!

Маккиннон слышал топот сапог, но все его внимание было сосредоточено на двух сцепившихся на полу фигурах. Он потряс головой, подобно сбрасывающему сон животному, и изо всех сил ударил ногой в лицо тому из борцов, который был покрупнее. Тот взвыл от боли и ослабил хватку. Маккиннон схватил своего компаньона за шиворот и рывком поставил на ноги.

В глазах Мэйги прыгали веселые искорки.

— Хорошо сыграно, сынок! — прокомментировал он, едва они оказались на улице. — Хоть и не совсем по-джентльменски. Где ты научился *La Savate*?¹

Дейв ничего не ответил — он старался не отстать от размашистого и с виду не такого уж быстрого аллюра Мэйги. Они пересекли улицу, нырнули в переулок, свернули в какую-то щель между домами.

Что было потом и много ли прошло времени — Маккиннон не помнил. В памяти смутно осталось, как он карабкался по крыше, спускался в темноту двора-колодца, но он не помнил, как оказался на крыше. Запомнились ему и то бесконечное время, когда он, скрючившись, сидел один в вонючем мусорном баке, и тот ужас, который его охватил, когда раздались приближающиеся шаги и сквозь щель в крышке бака брызнул свет.

Затахающий грохот башмаков, раздавшийся в ту же секунду, подсказал ему, что Линялый увел погоню за собой. Но когда тот вернулся и открыл крышку бака, Маккиннон чуть не придушил его, прежде чем узнал.

Когда им все-таки удалось уйти от погони, Мэйги повел его через весь город, продемонстрировав глубочайшее знание зако-

¹ *La Savate* — савате, «французский бокс», нечто наподобие кик-боксинга, но удары наносятся ногами, обутыми в башмаки. — *Примеч. С. В. Голд.*

улков и проходных дворов, а также гениальное умение прятаться. Наконец они выбрались на городскую окраину в каком-то полуразрушенном квартале вдали от центра города.

— Вот, малыш, пожалуй, мы и пришли, — сказал Мэйги Дейву. — Если пойдешь по этой улице прямо, скоро окажешься за пределами города. Ты ведь этого хотел, верно?

— Да вроде бы, — как-то неуверенно ответил Маккиннон и посмотрел вдоль улицы. Он хотел что-то добавить, повернулся к Мэйги, но того уже нигде не было. Он словно растворился в темноте, исчез, не сказав ни слова, и даже взгляда не бросил на прощание.

Маккиннон с тяжелым сердцем двинулся, куда ему было сказано. А почему, собственно, Мэйги должен был с ним остаться? За услугу, которую ему оказал Дейв — если так оценивать тот удачный пинок, — он заплатил с процентами. И все же это был единственный друг, которого он обрел в этом странном мире. И теперь он его потерял. Дейв чувствовал себя одиноким и ужасно несчастным.

Он медленно тащился вперед, стараясь держаться в тени домов, и настороженно всматривался в размытые черные пятна, которые могли оказаться полицейскими патрулями. Пройдя сотню ярдов и уже начиная тревожиться, что до сельских просторов еще далеко, он вдруг оцепенел от ужаса, когда из темной дыры подъезда послышался громкий шепот.

Он попробовал подавить испуг, рассудив, что полицейские вряд ли будут шептаться. Какая-то тень отделилась от черноты подъезда и тронула его за рукав.

— Дейв, — тихо сказала она.

На Маккиннона обрушилось совершенно детское чувство облегчения.

— Линялый!

— Дейв, я передумал. Копы заметут тебя еще до зари. Ты ж тут ни черта не знаешь... Вот и вернись.

Дейву было одновременно и хорошо, и обидно.

— Черт побери, Линялый! — запротестовал он. — Нечего тебе за меня бояться. Как-нибудь выберусь.

Мэйги грубовато потряс его за плечо:

— Не будь ослом. Ты же такой младенец, чуть что — опять начнешь вопить насчет своих гражданских прав и опять заработаешь губу всмятку... Слушай, — продолжал он, — я хочу отве-

сти тебя к своим друзьям, поживешь у них, пока не привыкнешь к здешним порядкам. Но они... как бы это тебе сказать... не очень ладят с законом. Так что тебе придется стать всеми тремя священными обезьянами сразу: не видеть зла — раз, не слышать зла — два, и не болтать о зле — это три. Справишься?

— Да, но...

— Никаких «но». Пошли!

Вход был в задней части старого склада. Ступеньки вели вниз, в полуподвал. Вонючий от сваленного мусора коридор вывел к двери в задней стене склада. Мэйги постучал в филенку тихим условным стуком. Подождал и прислушался. Потом шепнул:

— Тсс! Это я, Линялый.

Дверь открылась, и две большие жирные руки обхватили Мэйги за шею. Они оторвали его от пола, после чего владелица рук громко поцеловала Мэйги в щеку.

— Линялый! Ты в порядке, дружок? Мы скучали по тебе.

— Вот это достойный прием, Матушка! — сказал Мэйги, когда был опущен на пол. — Позволь представить тебе моего друга. Матушка Джонсон, это Дэвид Маккиннон.

— К вашим услугам, — по привычке кивнул Дейв, но в глазах Матушки Джонсон загорелось внезапное подозрение.

— А он из наших? — резко спросила она.

— Нет. Матушка, он из недавних иммигрантов, но я за него отвечаю. Ему тут слегка подпалили задницу, и я привел его сюда, чтоб она малость подостыла.

Его голос журчал мягко и убедительно.

— Что ж... — Она немного смягчилась.

Мэйги игриво ущипнул ее за щеку:

— Моя умница! Когда мы с тобой поженимся?

Она хлопнула его по руке:

— Да будь я даже лет на сорок моложе, я бы сперва подумала, прежде чем выйти за такую балаболку, как ты. Входите, — сказала она, обращаясь к Маккиннону, — раз уж вы дружок Линялого. Хотя это как раз вам чести не делает. — Она быстро заковыляла вперед, потом спустилась по лестнице, крикнув кому-то, чтобы открыли нижнюю дверь.

Комната была плохо освещена, основное место в ней занимали длинный стол и множество стульев, на которых сидело

около десятка мужчин. Все они выпивали и разговаривали между собой. Маккиннону эта сцена показалась очень знакомой. Он вспомнил, что видел нечто подобное на старинных гравюрах с изображениями английских пивных, которые существовали до краха.

Мэйги встретили взрывом шутливых приветствий.

— Линялый!

— Да это же наш малыш!

— Как тебе это удалось на этот раз? Небось, в канализацию просочился?

— Матушка, давай тащи выпивку! Линялый объявился!

Театральным жестом он отклонила овацию, поприветствовал публику и затем повернулся к Маккиннону.

— Друзья, — голос его с трудом перекрывал шум, — знайте, это Дейв. Из всех моих друзей, кому когда-нибудь приходилось давать под зад тюремщикам, он самый лучший. Если б не Дейв, сегодня меня бы тут точно не было.

Очень скоро Дейв обнаружил себя сидящим за столом между двумя мужчинами. В руке его была кружка пива, которую ему сунула очень даже хорошенькая девица. Он начал было ее благодарить, но она убежала на помощь Мамаше Джонсон, не справлявшейся с нахлынувшим потоком заказов.

Против Дейва сидел мрачный парень, который явно от встречи с Линялым особой радости не испытывал. С непроницаемым видом он изучал Маккиннона, время от времени лицо его передергивалось от тика, и в такие моменты он часто-часто начинал подмигивать правым глазом.

— Чем занимаешься? — грубо спросил он.

— Оставь его в покое, Алек, — быстро, но вполне дружелюбно вмешался Мэйги. — Он только что из-за Барьера. Я же говорил. С ним все в порядке. — Мэйги повысил голос, чтобы все слышали: — Он здесь всего сутки, а уже успел сбежать из тюрьмы, избить двух таможенников и наговорить кучу ласковых самому судье Флейшейкеру. Хватит для одного рабочего дня?

Дейв сразу оказался в центре внимания, но парень с тиком по-прежнему от него не отставал:

— Все это, может, и так, но я хочу знать, какой у него рэкет. А вдруг как у меня? Тогда нам с ним говорить не о чем, мне и одному тесно...

— Если та дешевка, которой ты занимаешься, называется рэкетом, — в ней всегда тесно. А он делает совсем другие дела. Его рэкет тебя не касается.

— А сам он почему молчит? — с подозрением в голосе возразил Алек. — Сдается мне, что парень не из наших...

Тут вдруг оказалось, что Мэйги чистит ногти кончиком длинного острого ножа.

— Лучше бы тебе спрятать свой нос в стакан, Алек, — заметил он самым миролюбивым тоном, не поднимая глаз, — а то как бы я его ненароком не отрезал и не окунул туда сам.

Алек уже нервно крутил что-то в руке. Мэйги делал вид, что не замечает, но как бы между прочим сказал:

— Если ты думаешь, что твой вибратор быстрее, чем мой нож, то валяй — это будет интересный эксперимент.

Алек приподнялся, поглядывая на Мэйги, лицо его продолжало дергаться. Матушка Джонсон подошла к нему сзади и, положив руки на плечи, заставила сесть.

— Мальчики! Мальчики! Разве можно так вести себя? Да еще при госте! Линялый, спрячь своего потрошителя лягушек — мне за тебя стыдно!

Нож тут же исчез.

— Ты, как всегда, права, Матушка, — ухмыльнулся Мэйги. — Попроси-ка Молли налить мне еще стаканчик.

Старик, сидевший от Маккиннона справа, следил за происходящим с пьяным любопытством, но, видимо, что-то сообразил, потому что теперь уставился на Дейва в упор залитыми гноем глазами.

— Парень, а ты из мазуриков? — Кисло-сладкий запах из его рта ударил Маккиннону в нос, когда старик подался вперед, желая подчеркнуть важность вопроса движением распухшего и дрожащего пальца.

Дейв глянул на Мэйги, не зная, что говорить. Линялый ответил за него:

— Нет, он не из наших... Матушка Джонсон знала про это, когда впускала его сюда. Ему нужно убежище, и мы обязаны ему его дать, таков наш обычай.

Комнату наполнил беспокойный гул голосов. Молли перестала разносить выпивку и жадно прислушивалась к разговору. Однако ответ, видимо, удовлетворил старика.

— Верно... все верно... — подтвердил он и выцедил глоток из стакана. — Убежище — оно, конечно, дается... когда надо, ежели... — Речь его перешла в неразборчивое бормотание.

Напряженность спала. Большинство присутствующих подсознательно были настроены так же, как старик, и были готовы простить вторжение, раз уж человеку приперло. Мэйги вновь повернулся к Дейву:

— Я считал, что раз ты не знаешь, то и вреда никакого не будет — ни тебе, ни нам, но вопрос все-таки поднялся.

— А что старик имел в виду?

— Дедуля поинтересовался, не принадлежишь ли ты к мазурикам. Это значит: состоишь ли ты членом древнего и всеми уважаемого сообщества карманников и головорезов.

Мэйги наблюдал за выражением лица Дейва с насмешливой ухмылкой. Растерявшийся Дейв переводил взгляд с Мэйги на остальных, видел, как они перемигиваются, и все не мог понять, какого же ответа они от него ждут. Молчание нарушил Алек.

— Ну? — громко сказал он. — У вас что, языки отсохли? Или никто его вообще не собирается спрашивать? Выходит, теперь любой кореш такой знаменитости, как Линялый, может заваливаться в наш клуб, не спросясь у нас?

— Кажется, я уже советовал тебе не лезть на рожон, Алек, — совсем тихо ответил Мэйги. — И потом, так здесь дела не делаются... Сначала все наши решают, нужно ли задавать ему этот вопрос или нет.

Какой-то низенький человек, с застывшим в глазах выражением постоянного беспокойства, ответил ему:

— Не думаю, что это правило касается твоего приятеля, Линялый. Если бы он пришел сам или попал к нам как-нибудь по-другому, тогда да. Но сюда его привел ты. Думаю, ребята со мной согласятся, если я скажу, что он должен ответить на наш вопрос. Если желающих нет, я могу задать его сам. — Тут он ненадолго замолчал, выжидающе оглядывая присутствующих. Никто возражать не стал. — Ладно, тогда начнем... Дейв, ты слишком много здесь видел и слишком много слышал. Так что давай решай: как ты, уйдешь отсюда или останешься и примешь присягу нашей гильдии? Сразу тебе скажу, что если мы тебя примем, то это уже на всю жизнь — для предателей у нас одно наказание.

И он провел ладонью по горлу. Старик при этом с хлопанием втянул в себя воздух и радостно захихикал.

Дейв в смятении оглянулся. Лицо Мэйги не выражало ничего.

— И в чем же я должен поклестся?

Внезапно разговор оборвался. Раздался громкий стук в наружную дверь. Послышались приглушенные голоса, на входе кто-то заорал: «Открывай!»

Мэйги легко вскочил на ноги и скомандовал Дейву:

— Прячемся! Кажется, это за нами!

Он подскочил к массивной старомодной радиоле, которая стояла у стены, нагнулся, что-то нажал и откинул одну из панелей. Дейв увидел, что внутренность радиолы хитрым образом переделана так, чтобы там, скорчившись, мог поместиться человек. Мэйги впихнул его внутрь, панель встала на место, и Дейв остался один.

Его лицо оказалось плотно прижатым к частой проволочной декоративной решетке, которая прикрывала динамик. Он видел, как Молли быстро убрала со стола два лишних стакана, выплеснув содержимое одного прямо на стол, чтобы смыть влажные следы донышек. Еще Маккиннон заметил, что Мэйги юркнул под стол подтянулся на руках и скрылся, — вероятно, каким-то образом он прилепился к нижней поверхности столешницы.

Матушка Джонсон копалась ужасно долго, пока открывала двери. Нижнюю дверь она открыла с великим шумом, потом медленно карабкалась по ступенькам вверх, останавливаясь на каждом шагу, спотыкаясь и громко жалуясь. Дейву было хорошо слышно, как она открывала верхнюю дверь.

— Тоже мне, нашли время! Поднимаете с постелей честных людей! — ругалась она. — И без вас дел полно, еле сводишь концы с концами, работа из рук валится, а тут еще вы...

— Заткнись, старуха! — ответил ей мужской голос. — И води нас вниз. Дело есть.

— Какое такое дело? — не унималась она.

— Может, незаконная торговля спиртным, а может, и что другое.

— Вы мне не это... у меня частный клуб! Вся выпивка принадлежит членам клуба! Я ее только подаю.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала. Давай с дороги, и побыстрей! Что-то очень хочется поболтать с членами этого твоего клуба.

Толкаясь, они ввалились в комнату во главе с Матушкой Джонсон, которая все продолжала жаловаться. Главным был полицейский сержант. Его сопровождал патрульный. За ними вошли еще двое в форме, но уже в солдатской. Судя по нашивкам на килте, один из них был капрал, другой — рядовой, если предположить, что знаки различия в Нью-Америке были те же, что и в армии Соединенных Штатов.

На причитания Матушки Джонсон сержант внимания не обращал. Он скомандовал:

— Всем встать к стене!

Присутствующие подчинились — хоть и неохотно, но быстро. Молли и Матушка Джонсон, глядя на них, придвинулись поближе друг к другу. Сержант приказал:

— Капрал, начинай.

Мальчишка-посудомойщик глядел на все круглыми от страха глазами. Из рук у него выпал стакан и, подпрыгнув на каменном полу, издал звук, похожий на звон колокольчика.

Низкорослый человек, тот, что допрашивал Дейва, поинтересовался:

— А в чем, собственно, дело?

Сержант ответил ему с беззлобной улыбкой:

— Призыв — вот в чем. Всех вас на некоторое время забирают в армию.

— Вербовщики! — ахнул кто-то у стены.

Капрал быстро шагнул вперед.

— В колонну по два! Становись! — скомандовал он.

Однако коротышка еще не сказал своего последнего слова.

— Что такое? — удивился он. — А как же мир, который мы заключили со Свободным государством всего три недели назад?

— Тебя это не касается, — сказал сержант, — меня тоже. Мы берем всех пригодных к службе, кто не занят в важных отраслях экономики. Двигай!

— Тогда меня брать нельзя.

— Это еще почему?

Низкорослый показал им обрубок руки. Сержант посмотрел, потом перевел взгляд на капрала. Тот неохотно кивнул головой и сказал:

— С тобой все ясно, только зайди утром в участок, зарегистрируйся.

Они уже подходили к двери, когда Алек вырвался из шеренги и с криком забился в угол.

— Не пойду! Не имеете права! — В руке он сжимал вибратор: всю правую половину его лица так скрутило от тика, что в углу рта обнажились зубы.

— Взять его, Стиве! — приказал капрал. Рядовой двинулся было к Алеку, но тут же остановился, когда увидел направленный на него вибратор. Ему вовсе не хотелось получить промежуток ребер виброкинжал, а в том, что этот впадавший в истерику идиот на такое способен, он нисколько не сомневался.

Капрал лениво, почти скучая, направил небольшую трубочку в точку прямо над головой Алека. Дейв услышал тихий щелчок, и что-то тоненько зазвенело. Алек с пару секунд стоял неподвижно, лицо его было страшно напряжено, как будто он из последних сил боролся с чем-то невидимым. Затем он медленно соскользнул на пол. Судорога исчезла, выражение лица смягчилось. Теперь он выглядел усталым и чем-то удивленным ребенком.

— Пусть двое возьмут его, — распорядился капрал. — И вперед!

Сержант выходил последним. У двери он задержался и спросил Матушку:

— Линялого давно не видала?

— Линялого? — Она удивилась. — Так он же в тюрьме.

— Ах да... я и забыл... — И сержант ушел.

Мамаша Джонсон принесла Мэйги стакан, но тот пить отказался. Дейв был удивлен, он еще ни разу не видел Мэйги таким встревоженным, как сейчас.

— Ничего не понимаю, — тихо пробормотал Мэйги и повернулся к однорукому: — Эд, ты что-нибудь знаешь?

— Да вроде с тех пор, как тебя замели, ничего новенького не происходило. Про договор ты знаешь. Газеты молчат; я думал, на время все как бы и улеглось.

— Я тоже думал. Но похоже, правительство опять решило ввязаться в войну, раз объявило всеобщую мобилизацию. — Он встал. — Мне нужна информация... Эл!

Мальчик-посудомойщик просунул в дверь голову:

— Чего, Линялый?

— Сбегай-ка потреплись с нищими. Попробуй разыскать их «короля». Знаешь, где его найти?

— Еще бы! За театром.

— Выясни, что тут заваривается, но про меня ничего не говори.

— Я понял, Линялый. До скорого! — Мальчишка исчез.

— Молли!

— Что тебе, Линялый?

— Сходи на улицу и порасспрашивай девочек с панели. Может, они что-нибудь слышали от своих клиентов.

Она кивнула. Мэйги продолжал:

— Хорошо бы найти ту маленькую рыжую, что ошивается на Юнион-Сквер. Она даже из мертвого выпытает любой секрет. Вот... — он вытащил из кармана пачку банкнот и отсчитал ей несколько бумажек, — немного смазки не помешает. Может, придется дать взятку копу, чтобы выпустил тебя из квартала обратно.

Разговаривать Мэйги в этот вечер был больше не расположен и потребовал, чтобы Дейв ложился спать. Тот не стал спорить, ведь он не спал ни минуты, с тех пор как попал в Ковентри. Ему казалось, что с того времени прошла целая жизнь. Устал он жутко. Матушка Джонсон постелила ему в темной и душной комнатке на том же подвальном этаже. Никаких привычных по прежней жизни удобств здесь не было — ни тебе кондиционеров, усыпляющей музыки и гидравлических матрасов, ни звукоизоляции, не говоря уже про автомассаж. Но Дейв слишком устал, чтобы думать обо всех этих вещах. Впервые в жизни он заснул, даже не раздеваясь.

Проснулся он с головной болью, во рту будто конь ночевал, а сердце ныло от предчувствия надвигающейся беды. Поначалу Дейв никак не мог вспомнить, где он, — думал, что все еще в арестантской камере. Обстановка вокруг показалась ему до тошноты омерзительной. Он хотел уже вызвать служителя и заявить протест, но в этот момент все вспомнил. Дейв вскочил с постели и почувствовал, что кости и мышцы его болят и, что самое страшное, он неимоверно грязен. От грязи у него чесалось все тело.

Он вышел в общую комнату и увидел сидящего за столом Мэйги.

— Привет, малыш! — поприветствовал тот его. — А я уже собрался тебя будить. Ты проспал почти весь день. Нам нужно о многом поговорить.

— Хорошо, только попозже. Где тут ванная?

— Вон там.

Здесь не было ничего похожего на привычные Дейву ванны комнаты, но ему удалось принять душ, несмотря на отчаянно скользкий пол. Помывшись, он обнаружил, что здесь нет сушилки, и пришлось вытираться собственным носовым платком. Смены белья тоже не оказалось. И опять выбор — либо надевать старое, либо ходить голышом. Он вспомнил, что не видел в Ковентри ни одного обнаженного человека, даже среди занимающихся спортом, — надо думать, нравы тут были другие.

Дейв натянул на себя грязную одежду, и от неприятного ощущения по его телу пробежали мурашки.

Матушка Джонсон приготовила ему чудный завтрак. Кофе восстановил его мужество, несколько подорванное рассказом Мэйги. Если верить Линялому, ситуация достаточно серьезна. Нью-Америка и Свободное государство согласились закрыть глаза на взаимные противоречия и заключили союз. Они на полном серьезе собрались прорваться из Ковентри и атаковать Соединенные Штаты.

Маккиннон подумал и сказал:

— Бред какой-то. Их же всего ничего. А потом — Барьер.

— Я не выяснил пока. Но видимо, у них есть что-то такое, с помощью чего они рассчитывают через Барьер прорваться. И ходят слухи, это «что-то» может быть использовано как наступательное оружие, с помощью которого даже небольшая армия способна уничтожить все Соединенные Штаты.

Маккиннон был поражен.

— Насчет оружия, — сказал он, — о котором никогда не слышал, судить трудно, но Барьер... Я не знаю математической физики, но меня всегда уверяли, что преодолеть Барьер даже в теории невозможно: он же просто ничто, его не пощупаешь руками. Конечно, через него можно перелететь, но и в этом случае для живой материи он смертелен.

— А что, если они изобрели какое-то поле, защищающее от эффекта Барьера? — предположил Мэйги. — Впрочем, для нас это сейчас не главное. Главное — они создали союз, в который Свободное государство вкладывает технику и командный состав, а Нью-Америка с ее многочисленным населением — людскую силу. А это означает, что нам с тобой и носа не высунуть на улицу, — мы глазом не успеем моргнуть, как нас загребут в армию.

Поэтому я вот что предлагаю: как только стемнеет, я выберусь отсюда и попробую пробраться к Вратам прежде, чем они пришьют сюда кого-нибудь, у кого хватит ума заглянуть под стол. Не хочешь со мной прогуляться?

— Обратно к психотерапевтам? — Услышав такое предложение, Маккиннон ушам своим не поверил.

— А почему бы и нет? Что тебе здесь терять? Это гнилое место очень скоро превратится в отделение Свободного государства, и ты, парень, со своим темпераментом тут же угодишь в кипяток. А что плохого в больничной палате — чисто, спокойно, лежи себе, пока все не успокоится. А на психиатров можно и внимания не обращать — будешь рычать, как зверюга, всякий раз, когда они сунут нос в твою палату. Им это быстро надоест.

Дейв покачал головой.

— Нет, — медленно сказал он. — Это не по мне.

— Что же ты будешь делать?

— Еще не знаю. Скорее всего, уйду в холмы. А в крайнем случае подамся к Ангелам, если дело дойдет до петли. Я не против того, чтобы они молились за мою душу, — только б разум не трогали.

Помолчали. Мэйги явно не понравилось ослиное упрямство Дейва, которому предлагались вполне сносные варианты. Дейв же под жареную свинину раздумывал о своем положении. Он отрезал еще кусок.

— Господи, вкусно-то как! — сказал он наконец, чтобы нарушить затянувшееся молчание. — Не помню, чтобы я когда-нибудь ел такую вкуснятину!.. Послушай...

— Что? — Мэйги поднял глаза и увидел на лице Дейва тревогу.

— Эта свинина... она синтетическая или *настоящая*?

— Конечно настоящая. А что?

Дейв не ответил. Он успел добежать до туалета прежде, чем процесс расставания с проглоченным пошел на полную катушку.

Перед тем как уйти, Мэйги поделился с Дейвом деньгами, чтобы тот мог купить себе вещи, необходимые для жизни в холмах. Маккиннон хотел было отказаться, но Линялый настоял на своем:

— Не будь дураком, Дейв. Снаружи мне нью-американские деньги ни к чему, а ты в холмах без нужного снаряжения загнешься. Ты тут пересиди несколько дней, пока Эл или Молли

не купят тебе все необходимое, тогда у тебя, возможно, и появится шанс... А может, ты все-таки передумал и пойдешь со мной?

Дейв покачал головой и взял деньги.

Когда Мэйги ушел, Маккиннон почувствовал себя совсем брошенным. В заведении оставались только Матушка Джонсон и Дейв. Он с грустью смотрел на пустые стулья: они напоминали ему о людях, которых забрабастали в армию. Дейву очень хотелось, чтобы кто-нибудь — дедуля, безрукий или все равно кто — заглянул на огонек. Сейчас он был бы рад даже Алеку с его жутким нравом. Интересно, что ему сделали за сопротивление вербовщику?

Матушка Джонсон уговорила его сыграть в шашки, пытаясь хоть этим поддержать его дух. Он делал вид, что игра его увлекает, но на самом деле его мысли были далеко-далеко. Со стороны Главного судьи было, конечно, мило посочетовать ему поискать приключений в межпланетных путешествиях, но такая честь выпадала лишь на долю людей с техническим или инженерным образованием. Возможно, ему стоило заниматься наукой и техникой, а не литературой? Тогда сейчас он боролся бы против сил природы на Венере, переживая приключения, вместо того чтобы прятаться от громил в униформе. Это было так *несправедливо*.

Стоп! Не надо себя обманывать! Фронтир есть фронтир, даже инопланетный, — там нет места специалисту по истории литературы. И дело вовсе не в человеческой несправедливости, просто такой у природы закон, и надо смотреть правде в глаза.

Дейв с горечью подумал о человеке, которому сломал нос, — из-за него-то он и попал в Ковентри. Может, Дейв и на самом деле «паразит на здоровом теле», но воспоминание об оскорбителе вызвало прежнюю вспышку безумной злобы, той, что довела до беды. Он был *рад*, что своротил тому типу нос — так его и растак! Какое у него было право насмехаться и обзывать людей такими словами?

Вдруг Дейв обнаружил, что в таком же мстительном духе он вспоминает и о своем отце, хотя было чертовски трудно объяснить связь между отцом и тем человеком. Связь эта не лежала на поверхности: его родитель никогда не опускался до брани. Нет, он не ругался, он улыбался самой сладостной из своих улыбочек и цитировал что-нибудь этакое — до отвращения приторное

и благостное до тошноты. Среди всех мелких тиранов родитель Дейва, пожалуй, многим бы мог дать фору по части порабощения своих близких под видом любви и заботы. Папаша принадлежал к школе «печальников»: «это-огорчает-меня-больше-чем-тебя» — и постоянно умудрялся находить вполне альтруистическое обоснование своим эгоистическим поступкам. Убежденный в своей незыблемой правоте, отец никогда не мог принять точку зрения сына, о чем бы тот ни судил, — он просто подавлял его натуру во всем, да еще с высоты моральных принципов.

В результате ему удалось добиться двух одинаково отрицательных последствий: естественное стремление ребенка к независимости, подавляемое дома, превратилось в слепое неприятие дисциплины, власти и любой критики, которые подсознательно ассоциировались с находящейся вне всякой критики отцовской властью. Во-вторых, долготее подчинение отцу привело к тому, что Дейв усвоил главный порок последнего — ханжеское право судить о морали других людей.

Когда Дейва арестовали за нарушение основного закона, то есть за атавистическую склонность к насилию, его папаша умыл руки, заявив, что совершил все возможное, чтобы сделать из своего отпрыска «настоящего мужчину», и лично он не заслуживает ни малейшего упрека за то, что сын так плохо воспользовался его заветами.

Осторожный стук в дверь заставил их поспешно убрать пашки. Матушка Джонсон отпираться не торопилась.

— Наши так не стучат, — сказала она, — а шпики не осторожничают — лупят в дверь изо всей силы. Так что готовься прятаться.

Маккиннот встал возле тайника, которым пользовался накануне, а Матушка Джонсон отправилась на разведку. Он слышал, как она снимает с верхней двери засов, потом раздался ее негромкий, но чрезвычайно взволнованный голос:

— Дейв! Скорее сюда!

У порога лежал Линялый, он был без сознания. За ним тянулся кровавый след.

Матушка Джонсон пыталась поднять его безжизненное тело. Когда подбежал Маккиннот, вдвоем им удалось стащить Мэйги вниз и уложить на стол. Устраивая его поудобнее, они заметили, что глаза Линялого на мгновение приоткрылись.

— Привет, Дейв, — прошептал он, пытаясь выжать из себя что-то похожее на улыбку. — Побили моего туза козырем...

— Помолчи, — оборвала его Матушка Джонсон и едва слышно сказала Дейву: — Бедняга... Дейв, его нужно отнести к Доктору.

— ...Не могу... этого... — бормотал Линялый, — ...должен... добраться... до Врат. — Голос его оборвался. Пальцы Матушки Джонсон работали безостановочно, как будто жили сами по себе. Маленькие ножницы, возникшие из каких-то тайников на ее необъятном теле, уже разрезали на Мэйги одежду — надо было тщательно его осмотреть. Острым взглядом Матушка Джонсон спокойно произвела инвентаризацию ущерба.

— Работа не для меня, — сказала она в результате, — но прежде, чем мы его понесем, он должен уснуть. Дейв, притащи мне коробку со шприцем из аптечки. Она в ванной.

— Нет, Матушка! — раздался неожиданно сильный, протестующий голос Мэйги. — Лучше дай мне «перечную» пилюлю... там...

— Но, Линялый...

Он оборвал ее:

— Мне действительно нужно к Доктору, но как я до него доберусь, если не могу идти?

— Мы понесем тебя.

— Спасибо, Матушка, — в голосе его послышалась теплота, — я знаю, что вы это сделаете, но полиция сейчас смотрит в оба. Дай мне пилюлю.

Дейв пошел за Матушкой в ванную и, пока она копалась в аптечке, спросил:

— А почему бы просто не послать за врачом?

— Здесь есть только один врач, которому мы доверяем, — это Доктор. Остальные гроша ломаного не стоят.

Когда они вернулись в комнату, Мэйги снова был без сознания. Матушка Джонсон до тех пор хлопала его по щекам, пока он не пришел в себя и не начал ругаться. Тогда она дала Мэйги пилюлю.

Сильнодействующий стимулятор, незаконный отпрыск простой каменноугольной смолы, тут же возымел действие. Внешне Мэйги теперь выглядел совершенно здоровым. Он сел и своими длинными чуткими пальцами стал нащупывать на левой руке пульс.

— Работает как часы, — объявил он. — Моторчик вполне выдерживает такую дозу.

Он подождал, пока Матушка Джонсон забинтовала его раны стерильными бинтами, потом начал прощаться. Маккиннон взглянул на Матушку. Та кивнула.

— Я иду с тобой, — сказал он Линялому.

— Зачем? Это удвоит риск.

— Ты не в той форме, чтобы путешествовать одному. Со стимулятором или без — все равно.

— Черта с два! Мне же придется еще и за тобой присматривать.

— Я иду с тобой!

Мэйги, пожав плечами, сдался.

Матушка Джонсон вытерла покрытое бисеринами пота лицо и расцеловала обоих.

Пока они выбирались из города, путешествие очень напоминало Маккиннону кошмарное бегство прошлой ночью. Выбравшись, беглецы двинулись по шоссе на северо-запад по направлению к холмам. Порой им приходилось с него сходить и прятаться от редкого в эти часы транспорта. Один раз они чуть было не напали на полицейский патрульный автомобиль, оборудованный инфракрасным прожектором и почти невидимый в темноте, но чутье не подвело Линялого, и им удалось укрыться за низким заборчиком, отделявшим дорогу от поля.

Дейв спросил, как это Мэйги догадался о патруле. Тот хмыкнул:

— Будь я проклят, если сам знаю как, но думаю, что унюхаю полицейского, даже если его запрячут в стаде козлов.

По мере того как ночь приближалась к концу, Линялый делался все молчаливей и молчаливей. С его лица сошла привычная оживленность, оно постарело и покрылось морщинами — действие стимулятора закончилось. Дейву вдруг показалось, что изменившееся и непривычное выражение лица этого человека позволяет глубже проникнуть в его характер, что маска боли и есть истинная сущность Линялого, а вовсе не та беззаботность, которую он, по обыкновению, демонстрирует на людях. Уже в который раз Дейв задавал себе вопрос, что же такого сделал Линялый, за что суд признал его социально опасным?

Этот вопрос он задавал себе всякий раз, встречая в Ковентри нового человека. В большинстве случаев ответ был очевиден:

эти виды психической нестабильности были резко выражены и сразу бросались в глаза. Вот Матушка Джонсон была для него загадкой, пока сама все не объяснила. Она, оказывается, отправилась сюда вместе с мужем, в Ковентри овдовела, но не захотела расставаться с друзьями, которых успела за это время приобрести. Да и к здешним условиям более-менее попривыкла, так что чего уж теперь менять одну жизнь на другую. Известно еще, какая лучше.

Мэйги сел на обочину.

— Все, малыш, — сказал он. — Я больше не могу.

— Как это не можешь! Я тебя понесу.

Мэйги слабо улыбнулся:

— Нет, я серьезно.

— Далеко еще идти? — Дейв от него не отставал.

— Мили две или три.

— Держись крепче! — Дейв взвалил Мэйги на спину и пошел. Первые несколько сот ярдов дались ему сравнительно просто. Мэйги был легче Маккиннона фунтов на сорок. Однако скоро тяжесть дополнительного груза дала о себе знать. Руки, поддерживающие колени Линялого, занемели. Ребра ныли от груза и неудобного положения седока. Дышать было трудно: Линялый крепко обхватил его шею.

...Осталось две мили — может, больше. Фокус в том, что, когда отпускаешь тело, оно начинает падать вперед, и нога тоже выдвинется вперед, чтобы ты не упал на землю. Это происходит автоматически — и так же одуряюще муторно. А сколько это — миля? Нисколько на ракете, тридцать секунд на машине, за десять минут их проползает стальной тихоход, за пятнадцать — натренированный солдат в хорошей форме. А сколько для тебя, с человеком на плечах по неровной дороге, когда ты уже выдохся?

...Пять тысяч двести восемьдесят футов — бессмысленные цифры! Но каждый шаг уменьшает их на двадцать четыре дюйма. Остаток по-прежнему непостижим — он равен бесконечности. Считай шаги. Считай, пока не свихнешься — пока цифры сами не заговорят с тобой откуда-то извне, и громкое бам!.. бам!.. бам!... от твоих огромных, одревеневших ног не начнет отдаваться у тебя в голове. Считай их задом наперед, вычитая по два каждый раз... нет, так еще хуже, остаток по-прежнему непостижимое, немислимое число.

...Его мир замкнулся, он потерял прошлое и не имел будущего. Не осталось ничего, вообще ничего, кроме мучительной необходимости снова и снова поднимать ногу и выдвигать ее вперед. Не осталось никаких чувств, кроме душераздирающего напряжения воли, необходимого для продолжения бессмысленного действия.

Он очнулся внезапно, обнаружив, что руки Мэйги уже не сжимают его шею. Он наклонился, упал на одно колено, чтобы не уронить ношу, затем медленно опустил Мэйги на землю. На мгновение ему показалось, что тот мертв, — пульс не прощупывался, а обмякшее тело и безвольное лицо говорили о смерти. Но, приложив ухо к его груди, Дейв с облегчением услышал ритмичный стук сердца.

Он связал Мэйги запястья его собственным носовым платком и просунул свою голову в образовавшуюся петлю из рук. Однако из-за страшной усталости Дейв никак не мог взгромоздить безжизненное тело Линялого себе на спину. Пока Дейв пытался справиться с этим делом, Мэйги пришел в сознание.

— Полегче, Дейв! Чего тебе от меня надо? — было первое, что он произнес.

Дейв объяснил.

— Лучше развяжи руки, — сказал Линялый, — думаю, мне хватит силы немного прогуляться пешком.

И он действительно прогулялся — прошел не больше трех сотен ярдов и окончательно выдохся.

— Слушай, Дейв, — сказал он, когда немного пришел в себя, — ты «перечные» таблетки взял?

— Взять-то взял, только тебе их больше нельзя. От новой дозы ты запросто можешь сыграть в ящик.

— Да знаю я, знаю... слышал... Я не про то — что, если ты проглотить одну штучку?

— Господи! Конечно, Линялый! Ну я и осел!

Теперь Мэйги казался ему не тяжелее летнего пальто. Утренняя звезда сияла ярче, силы его, казалось, были неисчерпаемы. Даже когда они свернули с шоссе и двинулись по проселку, который вел к дому Доктора, стоявшему у подножия холмов, путь был вполне сносным, а ноша легкой. Маккиннон знал, что стимулятор еще долго будет сжигать плоть его организма, даже после того, как все ресурсы энергии будут исчерпаны, и что потребуются долгие дни, чтобы восстановить эту безумную трату.

Впрочем, сейчас все это было ему безразлично. Никакая цена не показалась бы ему слишком высокой, когда наконец он оказался у калитки забора, окружавшего дом Доктора, — на своих двоих и со все еще живым подопечным, который находился к тому же в полном сознании.

Маккиннону целых четыре дня не позволяли видиться с Мэйги. Все это время он и сам-то был на положении полуинвалида: восстанавливал потерянные за двое суток двадцать пять фунтов веса и ликвидировал последствия перегрузки на сердце, полученной в ту последнюю ночь. Высококалорийная пища, солнечные ванны, отдых, спокойная обстановка плюс его собственное железное здоровье помогли ему быстро восстановить силы и вес. Он был очень доволен собой и, главное, тем, что болен, потому что благодаря болезни он имел возможность постоянно общаться с Доктором и Персефой.

Персефоне было пятнадцать. Дейв никак не мог для себя решить — старше она своего календарного возраста или, наоборот, намного моложе. Родилась Персефона уже в Ковентри и всю свою жизнь прожила в доме Доктора, потому что мать ее умерла там при родах. Во многих отношениях она была совершенным ребенком, поскольку не имела опыта жизни в цивилизованном обществе и мало общалась с обитателями Ковентри, если не считать пациентов, которые посещали Доктора. Зато ей было позволено бесконтрольно читать книги из обширной библиотеки интеллигентного и открытого переменам ученого. Сколько раз Маккинنون поражался глубине ее знаний — она знала гораздо больше, чем он. Когда он с ней разговаривал, у него создавалось впечатление, будто рядом пожилой всезнающий матриарх, но стоило ему через секунду услышать от нее какое-нибудь совершенно нелепое замечание о внешнем мире, как он вспоминал, что перед ним всего лишь неопытный ребенок.

Маккинنون, пожалуй, немного увлекся ею. Нет! Конечно, ничего серьезного в таком увлечении не было, особенно при ее-то возрасте! Но все же смотреть на нее было приятно, а он жаждал женского общества. Он сам был еще достаточно молод, чтобы чувствовать постоянный интерес к восхитительным различиям, как душевным, так и физическим, между мужчиной и женщиной.

Его гордости был нанесен смертельный удар, сравнимый только с приговором на ссылку в Ковентри, когда выяснилось,

что Персефона ставит его на одну доску с прочими обитателями этого места; для нее он лишь жалкий неудачник, заслуживающий самое большое сострадания и помощи, потому что у него не все ладно с головой.

Такое открытие буквально привело его в бешенство. Целый день он хмурился в одиночестве, но чисто человеческое стремление оправдаться и быть за это хоть как-нибудь да обласканным, заставило его отправиться на поиски Персефоны, чтобы убедить девушку в ее неправоте. Он подробно и, может быть, чересчур бурно разъяснил ей причины, которые довели его до суда и изгнания, разукрасив свой отчет блесками доморощенной философии и остроумными фразочками, после чего без тени сомнения приготовился услышать ее одобрение.

Никакого одобрения он не услышал.

— Я вас не понимаю, — сказала она. — Человек вам ничего плохого не сделал, а вы ему ломаете нос. И вы хотите, чтобы я это одобрила?

— Но, Персефона, — запротестовал он, — ты не понимаешь, он оскорбил меня!

— Не вижу никакой связи, — ответила она. — Губами он произвел звуки и в результате обидел вас словом. Если это слово к вам не подходит, то и звуки лишены смысла. Если же вы и есть то, что означают данные звуки, тогда это слово верно определяет ваши качества. Таким образом, никакого ущерба вам нанесено не было.

А вот что сделали вы — тут дело другое. Вы сломали ему нос. Это уже ущерб. Защищая себя, общество должно было отыскать вас и определить, действительно ли вы настолько эмоционально неустойчивы, что можете снова нанести ущерб кому-нибудь из своих сограждан в будущем. Если да, то вас надо отправить в карантин на лечение или же удалить из общества — в зависимости от того, что вы предпочтете.

— Выходит, и ты думаешь, что я псих? — не унимался Дейв.

— Псих? Что вы! Во всяком случае, не в том смысле, в каком это понимаете вы. У вас нет пареза, нет опухолей в мозгу или какого-то другого дефекта, который мог бы обнаружить врач. Но с точки зрения вашей семантической реакции вы столь же социально *ненормальны*, как какой-нибудь фанатичный охотник за ведьмами.

— Послушай, но ведь все это ужасно несправедливо!

— А что есть справедливость? — Она взяла в руки котенка, с которым играла до этого. — Я пошла домой. Становится прохладно.

И она ушла в дом, бесшумно ступая по траве маленькими босыми ножками.

Если бы наука семантика развивалась так же быстро, как психодинамика и ее производные — искусство пропаганды и управление психологией толпы, то Соединенные Штаты, надо думать, никогда не попали бы под власть диктатуры и не были бы вынуждены совершать Вторую революцию. Все научные принципы, положенные в основу Ковенанта, который стал венцом революции, были сформулированы очень давно — еще в первой четверти XX века.

Однако труды пионеров семантики — Ч. К. Огдена, Альфреда Коржибского и других — были известны лишь малой горстке студентов, в то время как психодинамика, подстегнутая чередой войн и вышедшим из-под контроля производством, набрала большое ускорение и шла вперед мощными рывками.

Семантика, или «значение значений», дала метод, который впервые показал, как научный подход может быть применен к любому акту повседневной жизни. Поскольку семантика — это наука о словах, написанных или сказанных, определяющих поведение человека, поначалу многие ошибочно полагали, что она занимается *только* словами и представляет интерес лишь для профессиональных манипуляторов словами: авторов рекламных текстов и профессоров этимологии. Горстка неортодоксальных психиатров попыталась приложить семантику к личным проблемам человека, но их труд был сметен пандемией массовых психозов, которые уничтожили Европу и ввергли Соединенные Штаты в Темные века.

Ковенант был первым общественным договором, составленным на научных основах, и здесь мы должны отдать должное его главному автору — доктору Михею Новаку, — тому самому Новаку, который был главным психологом революции. Революционеры хотели обеспечить максимум личной свободы для граждан. Но как осуществить это с достаточно большой вероятностью?

Перво-наперво была отправлена на свалку идея «справедливости». С точки зрения семантики понятие «справедливость»

не является реальностью. Нет такого феномена в континууме «пространство-время-материя», в который можно ткнуть пальцем и сказать: вот она, справедливость. Наука имеет дело лишь с тем, что можно пронаблюдать и измерить. Со справедливостью же ни того ни другого не сделаешь, а потому она никогда не будет иметь одинакового значения для двух разных людей. А всякие «звуки», произносимые в связи с этим словом, только добавляют путаницы.

А вот ущерб от этого — физический или экономический — может быть и указан, и измерен. Ковенант запретил гражданам наносить друг другу ущерб. Любая деятельность, которая не вела к физическому или экономическому ущербу для каждой конкретной личности, объявлялась вполне законной.

Поскольку концепция «справедливости» была отброшена, не могли остаться и основанные на ней типы наказания. Пенология заняла место рядом с ликантропией и прочими древними поверьями и колдовскими ремеслами. Но поскольку было бы непрактично разрешать источнику опасности оставаться в обществе, то нарушителей общественного спокойствия подвергали осмотру, и тех, что были способны на повторение антиобщественного поступка, ставили перед выбором — либо пройти психологическую переориентацию, либо быть изолированными от общества — то есть отправиться в Ковентри.

Ранние проекты Ковенанта содержали в себе пункт, по которому социально нестабильные личности должны были госпитализироваться и принудительно подвергаться переориентации, особенно в связи с тем, что психиатрия стала уже настолько развитой дисциплиной, что могла излечивать все неврожденные неврозы, а также почти любые врожденные, но тут Новак встал намертво.

— Нет, — сказал он. — Правительству больше никогда не будет разрешено вмешиваться в деятельность мозга кого-либо из граждан без их согласия, иначе мы получим тиранию почище той, что была когда-то. Каждый гражданин имеет право принять или отвергнуть Ковенант, даже если мы полагаем, что этот гражданин безумен.

В следующий раз, когда Дейв встретился с Персефоной, та была чем-то очень взволнована. Его собственная уязвленная гордость была мгновенно забыта.

— Девочка моя, что случилось? — Постепенно выяснилось, что она присутствовала при разговоре Доктора с Мэйги и впервые услышала о задуманной против Соединенных Штатов военной операции. Дейв ободряюще похлопал ее по руке. — И всего-то? А я уж испугался, что у тебя какая-нибудь неприятность.

— Всего-то?! Дэвид Маккиннон, неужели у вас хватает наглости стоять сейчас здесь передо мной и заявлять, что вы знали об этом давно и вас это ничуть не тревожит?!

— Меня? А с какой стати? Да уж если на то пошло, то я-то что могу сделать?

— Что можете сделать? Вы можете пойти за Барьер и предупредить их! Вот что вы можете сделать! А что касается «с какой стати», то... Нет, Дейв, вы просто неисправимы... — Она залилась слезами и выбежала из комнаты.

Он так и остался стоять с открытым ртом, а затем припомнил позаимствованную у предков мудрость, гласившую, что понять женщину вообще невозможно.

К ланчу Персефона не вышла. Маккиннон спросил Доктора, где она.

— Рано позавтракала, — ответил тот между глотками, — а после отправилась к Вратам.

— Что?! И вы ей разрешили?

— Персефона — свободный человек. Да она бы меня и не послушалась. Вы не волнуйтесь, с ней все будет в порядке.

Последних слов Дейв не расслышал — он пулей выскочил из дома и был уже за дверью, ведущей во двор. Он обнаружил Персефону, когда она выводила из сарая свой маленький моноцикл.

— Персефона!

— Что вам угодно? — спросила она с ледяной вежливостью, которая явно не соответствовала ее возрасту.

— Ты не должна этого делать! Линялого ранили именно там!

— Я еду. Пропустите меня.

— Тогда я еду с тобой!

— Зачем?

— Кто-то должен о тебе позаботиться.

Она сморщила нос:

— Пусть только кто-нибудь попробует меня тронуть!

В том, что она сказала, какая-то доля правды была. Доктор и все члены его семьи пользовались правом личной неприкос-

новенности, вряд ли еще кто-нибудь в Ковентри мог похвалиться этим. Все дело в том, что из-за сложившейся ситуации в Ковентри почти не было компетентных медиков. Врачи редко когда совершают антиобщественные поступки. А число тех, кто отвергал психиатрическое лечение, было вообще невелико. И этот ничтожно малый остаток состоял главным образом из тех, кто был слишком ненадежным в своей профессии. Доктор же был природным целителем, обрекшим себя на добровольное изгнание, чтобы иметь возможность использовать свое искусство в среде, которая интересовала его больше всего. Его мало занимала чистая наука, ему нужны были пациенты, и чем серьезней они были больны, тем интересней было приводить их в порядок.

Он стоял выше здешних обычаев и законов. В Свободном государстве Освободитель нуждался в нем, чтобы удерживать себя на грани жизни и смерти с помощью инсулина. В Нью-Америке он имел не менее могущественных пациентов. Даже среди Ангелов Господа сам Пророк безоговорочно принимал диктат Доктора.

Но Маккиннона это не успокоило. Какой-нибудь дремучий идиот, думал он, мог запросто причинить девочке зло, не зная об ее статусе. Но ему не представилось шанса высказать свою тревогу — она внезапно завела мотор, и Дейву пришлось отпрыгнуть в сторону. Когда он пришел в себя, Персефона уже пропала из виду. Догонять ее было не на чем.

Не прошло и четырех часов, как Персефона вернулась. Примерно этого он и ожидал. Если уж такой ловкач, как Линялый, не смог добраться до Врат ночью, то очень сомнительно, чтобы это удалось юной девице днем.

Первым делом он почувствовал простое облегчение, затем — нетерпение, уж очень о многом ему хотелось с ней поговорить. Пока Персефона отсутствовала, он все снова и снова прокручивал в памяти их недавний разговор. Дейв был абсолютно уверен, что Персефону ждет неудача, но сейчас ему больше всего хотелось перед ней оправдаться; поэтому для себя Дейв решил: что бы ни было, а он ей поможет, раз дело кажется ей настолько важным, — он сам доставит предупреждение наружу!

А может, она попросит его об этом сама? Такое казалось вполне вероятным. Ко времени ее возвращения Дейв уже убедил себя, что она попросит его обязательно. Он согласится — со

спокойным достоинством — и пойдет и, может быть, будет ранен или даже убит, но, несомненно, окажется героем, даже если потерпит неудачу.

В воображении он представлял себя смесью из Сидни Картона, Белого Рыцаря и того человека, который отнес послание к Гарсии. Плюс чуточку д'Артаньяном.

Но она ни о чем не стала его просить. Она даже не дала ему возможности заговорить.

К ужину Персефона не вышла. После ужина она заперлась с Доктором у него в кабинете. Оттуда она напрямик отправилась в свою комнату. В конце концов Дейв решил, что дальше ждать смысла нет и с тем же успехом он и сам может отправляться спать.

Завалиться в постель, уснуть, а утром попробовать все сначала... Нет! Не так это просто! Враждебно глядели на него стены. Та часть мозга, которая всегда выступала против, явно решила не дать ему сегодня заснуть. «Болван! Не нужна ей твоя помощь! Зачем она ей? Если уж Линялый не смог, ты-то что можешь сделать? Да он лучше тебя в сто раз! Ты для нее всего лишь один из множества психов, от которых каждый день проходу нет в этом доме.

Нет, никакой я не псих! То, что я не пожелал подчиниться диктату большинства, еще не делает меня психом. Или делает? Если все остальные в этих местах „с приветом“, то чем ты от них отличаешься? Хотя нет, не все... Вот Доктор, Матушка Джонсон... Они же здесь не поэтому. Их не приговаривали. А Персефона родилась тут.

А Мэйги? Этот уж точно умный — или так только кажется?» Дейв друг обнаружил, что мысль о несомненной психической устойчивости Мэйги вызывает в нем неприязнь. «Как он смеет отличаться от нас?

От нас? Значит, я не отличаю себя от прочих обитателей Ковентри? Ладно, ладно, признайся, идиот, ты ведь такой, как они. Тебя вышибли... Приличные люди не захотели иметь с тобой дела, а ты слишком упрям, чтобы признать себя нуждающимся в лечении».

Мысль о лечении бросила его в дрожь и снова заставила вспомнить отца. К чему бы это? Он припомнил, как Доктор говорил ему несколько дней назад: «Что тебе надо, сынок, так это поглядеть в глаза своему папаше и послать его в задницу. Очень жаль, что детям не всегда удастся послать туда своих пап и мам».

Он зажег свет и попробовал читать. Без толку. И почему это Персефона так тревожится за судьбу тех, что живут снаружи? Она их не знает, у нее там нет друзей. Уж если *он* не чувствует себя ничем им обязанным, то *ей-то* какое может быть до них дело? «Погоди, разве у тебя нет перед ними обязательств? А сколько лет ты жил легкой и сладкой жизнью? И все, что они за это просили, — вести себя хорошо. Если уж говорить честно, где бы ты, Дейв Маккиннон, сейчас был, если бы Доктор задумался и спросил себя: а обязан он тебе чем-нибудь или нет?»

Маккиннон все еще переживал горькую жвачку самоанализа, когда первый холодный и бесцветный утренний луч вполз в комнату. Дейв встал, накинул халат и через холл прошлепал в комнату Мэйги. Дверь была открыта. Он просунул голову внутрь и шепнул:

— Линялый, ты спишь?

— Входи, малыш, — так же тихо ответил Мэйги. — Что у тебя? Не спится?

— Нет.

— Мне тоже. Понесем наше знамя вместе...

— Линялый, я хочу сматываться. Пойду за Барьер.

— Э-э-э... Когда?

— Прямо сейчас.

— Рискованное дело, малыш. Обожди несколько дней, я постараюсь пойти с тобой.

— Нет, я не могу ждать, когда ты поправишься. Я должен предупредить Соединенные Штаты.

Глаза Мэйги широко раскрылись, но голос нисколько не изменился:

— Похоже, этой малолетней пройдохе удалось втемашить в тебя кое-какие из своих убеждений?

— Нет. Не совсем. Я делаю это ради самого себя. Мне это необходимо. Слушай, Линялый, что ты знаешь об этом оружии? У них действительно есть что-то, чем можно угрожать Штатам?

— Боюсь, да, — ответил Мэйги, — я знаю об этом очень мало, но вроде бы бластеры по сравнению с ним — просто ерунда. Дальность у него куда больше. Не знаю, что они собираются делать с Барьером, но сам видел — еще до того, как меня замели, — что они тянут к нему линии электропередач. Послушай, если тебе действительно удастся выбраться отсюда, найди там одно-го парня, он может пригодиться. Обязательно его разыщи. —

Мэйги что-то нацарапал на клочке бумаги, сложил его и отдал Дейву. Тот не глядя сунул листок в карман.

— Линялый, — спросил Дейв, — как охраняются Врата?

— Через Врата не пройдешь, это точно. Вот что тебе надо сделать... — Мэйги оторвал еще один листок и начал на нем что-то чертить, одновременно давая пояснения.

Перед тем как уйти, Дейв крепко пожал Мэйги руку:

— Попрощайся тут за меня, ладно? И поблаговари Доктора. Мне лучше уйти, пока они еще спят.

— Конечно, малыш, — ответил Мэйги.

Маккиннон, скорчившись, сидел за кустом и осторожно следил за группой Ангелов, входивших в свою суровую и, честно говоря, довольно безобразную церковь. Он сидел и дрожал от боязни, что его обнаружат, и от холодного утреннего ветра. Однако нужда пересилила чувство страха. У этих фанатиков была пища, он должен был ее получить.

Первые два дня после ухода из дома Доктора прошли сравнительно легко. Правда, он успел простудиться, ночуя на холодной земле. Простуда засела в бронхах и здорово мешала идти. Но сейчас это не имело значения, надо было только держаться, чтобы не выдать себя, закашлявшись или чихнув, пока верующие не скроются в храме. Он смотрел, как они проходят — суровые мужчины, женщины в юбках, подметающие подолами дорогу, с лицами, изрезанными морщинами и наполовину скрытыми платками, замороженные работой и многочисленными детьми. Свет давно исчез из их лиц. Даже ребятишки смотрели угрюмо.

Последний из прихожан скрылся за воротами храма, один пономарь продолжал заниматься во дворе какими-то своими непонятными делами. Прошло еще несколько минут, показавшихся Маккиннону бесконечными, — все это время ему приходилось прижимать пальцем верхнюю губу, чтобы удержаться от чиха, пока пономарь наконец не вошел в мрачное здание и не закрыл за собой дверь.

Тогда Маккиннон выбрался из своего убежища и помчался к дому, который наметил заранее. Дом стоял на краю расчистки и от церкви был дальше других.

Собака поначалу вела себя настороженно, но он ее успокоил. Дом был заперт, однако задняя дверь легко ему поддалась. У не-

го голова закружилась, когда он увидел пищу — черствый хлеб и твердое пресное масло, приготовленное из козьего молока.

Из-за неверного шага, сделанного два дня назад, ему пришлось выкупаться в холодном горном ручье. Ничего страшного в этом не было, но вскоре Дейв обнаружил, что все питательные таблетки размокли и превратились в месиво. Он, конечно, питался ими весь день, но к вечеру они заплесневели, и таблетки пришлось выбросить.

Хлеба ему хватило на три ночевки, но масло скоро растаяло, и нести его дальше было нельзя. Он пропитал им, как мог, зачерствевший хлеб, а остальное просто слизал с пальцев языком. Потом его долго мучила жажда.

Через несколько часов после того, как Дейв съел последнюю крошку украденного хлеба, он достиг первой своей цели — главной реки, в которую впадали все остальные реки Ковентри. Где-то ниже по течению она уходила под Барьер, а потом текла в океан. Врата были закрыты и охранялись, и река оставалась единственной дорогой для бегства, открытой одинокому храбрцу.

Но сейчас для него это была просто вода. Дейва мучила жажда, простуда у него еще не прошла. Однако, чтобы напиться, придется ждать темноты: вдали на берегу были люди, некоторые, как ему показалось, носили форму. Один из них привязывал к причалу легкое каноэ. На каноэ Маккиннон сразу же положил глаз и ревниво следил за ним, уже считая своей собственностью. Суденышко все еще стояло на месте, когда наступили сумерки.

Первый луч солнца зашекотал в носу, и Маккиннон чихнул. Он проснулся мгновенно, поднял голову и осмотрелся. Каноэ, которое он украл, плыло посередине реки. Весел не было. Он никак не мог вспомнить — были они вообще или нет? Течение быстро несло лодку вперед. Похоже, при такой скорости он мог добраться до Барьера и за ночь. А может, он уже за Барьером? Нет, этого просто не может быть.

И тут он увидел Барьер — всего лишь в миле от него, — черный и зловещий. И все же это было самое приятное зрелище из всех, что попадались ему в пути за последние дни. Маккиннон был слишком слаб, его лихорадило: болезнь еще не прошла, поэтому не было сил радоваться, но от одного вида Барьера реши-

мость его окрепла — она-то и заставляла все это время, не оставиваясь, идти вперед.

Маленькое суденышко царапнуло днищем песок. Течение в излучине пригнало каноэ к берегу. Дейв с трудом вылез из лодки: мышцы затекли, суставы отчаянно ныли. Он вытащил нос лодки на песок. Потом передумал и изо всех сил, которые у него еще оставались, отпихнул ее от берега. Он долго смотрел, как челнок исчезает за поворотом: лодка — это улика, и не стоит отмечать место высадки.

Большую часть дня он проспал; проснулся всего лишь раз, чтобы уползти с солнцепека, когда стало слишком жарко. Но солнце выгнало холод, скопившийся у него в костях, и он почувствовал себя много лучше.

Хотя Барьер был от Дейва примерно в миле, ему понадобилась большая часть ночи, чтобы, следуя извивам реки, до него добраться. О том, что Барьер близко, он узнал по столбам пара, поднимавшимся над водой. Когда солнце взошло, Маккиннот принял за думать, что делать дальше. Барьер пересекал реку поперек, но место, где он сходил с водой, было скрыто за облаками пара. Где-то под поверхностью — но как глубоко, он не знал — Барьер кончался. И его нижний край, приходя в соприкосновение с водой, заставлял реку кипеть.

Медленно, неохотно и без всякого героизма Маккиннот начал стаскивать с себя одежду. Время действовать наступило, но он не испытывал радости. На глаза попался обрывок бумаги, тот, что дал ему Мэйги; Дейв решил посмотреть, что там написано. Но купание в горной речке превратило бумагу в кашу, и прочесть ее было нельзя. Впрочем, сейчас ему все уже казалось неважным.

Тело его охватила крупная дрожь, хотя солнце грело по-прежнему. А потом думать стало уже и вовсе не о чем — на том берегу появился патруль.

Может, они заметили его; может — нет. Он нырнул.

...Глубже, глубже, насколько хватает сил, еще глубже, и попробуй достать до дна, лишь тогда можно быть уверенным, что ты опустился ниже этого жгучего смертельного основания Барьера... вот уже пальцы коснулись ила... теперь поднырни под Барьер... может, это тоже смертельно, как и попытка перелететь его сверху... скоро ты это узнаешь... и в какую сторону плыть?... тут ведь нет указателей...

Он держался под водой, пока терпели измученные легкие. Затем стал всплывать и лицом почувствовал кипяток. В бесконечные мгновения отупляющей тоски и одиночества он понял, что оказался в ловушке между жаром и холодом воды — в ловушке под Барьером.

Двое солдат лениво болтали, сидя на маленьком пирсе у края Барьера. Смотреть на реку, вырывающуюся из-под Барьера, им давно уже было неинтересно. Они столько на нее насмотрелись за долгие скучные дни выходов в караул. За спиной прозвенел сигнал, заставивший их насторожиться. Тревога!

— В каком секторе, Джек?

— На нашем берегу. Да вот же он, видишь?

К тому времени как прибыл сержант, они выловили его и вытащили на берег.

— Живой или мертвый? — спросил он.

— Вроде кончился, — сказал тот, что не был занят искусственным дыханием.

Сержант скривился в усмешке, она странно выглядела на его грубо сколоченном лице.

— Жаль, я уже вызвал «скорую». Ладно, все равно пусть везут в больницу.

Медсестра пыталась его успокоить, но Маккиннон поднял такой крик, что ей пришлось вызвать дежурного хирурга.

— Спокойно, спокойно. Это еще что такое? — уговаривал его медик, одновременно нащупывая пульс. Дейву все же удалось убедить дежурного, что он не утихомирится и не позволит сделать себе укол, пока ему не дадут высказаться.

Сошлись они наконец на том, что Маккиннону говорить разрешат (только покороче, идет?), — так и быть, доктор замолвит словечко перед начальством в обмен на укол, который Дейву сделают после.

На следующее утро два человека, не назвавшие своих фамилий, явились к Дейву в палату в сопровождении хирурга. Они выслушали его рассказ и уточнили некоторые детали. В полдень Маккиннона на машине доставили в штаб соединения. Там его допросили еще раз. Он быстро набирал силы, но вся эта болтовня скоро ему надоела. Дейва волновало одно: воспринято его

донесение всерьез или нет. Последний из допрашивающих его успокоил.

— Соберись, — сказал он. — Сегодня днем тебя примет командующий.

Командующий округом оказался приятным невысоким человеком с быстрыми, немного птичьими жестами, совершенно не походивший на военного. Он серьезно выслушал, как Маккиннон повторял свой рассказ (пятый раз, по подсчетам Дейва). Когда Маккиннон закончил, генерал утвердительно кивнул:

— Будьте спокойны, Дэвид Маккиннон, все необходимые меры принимаются.

— Но как быть с их оружием?

— Об этом мы тоже позаботились, а что касается Барьера, то пробиться через него будет не так просто, как полагают наши соседи. Но ваши усилия принесли свои плоды. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

— Нет, мне... у меня там остались два друга... Там... — И он попросил, чтобы помогли Мэйги, а Персефоне разрешили выйти из зоны, если она захочет.

— Об этой девушке я уже слышал, — сказал генерал. — Мы с ней свяжемся. Если она захочет принять гражданство, это можно будет устроить. Что же касается Мэйги, то тут дело другое... — Он нажал кнопку на видеофоне. — Пригласите ко мне капитана Рэндела.

Легкой походкой в кабинет вошел ладно скроенный человек, одетый в форму капитана армии Соединенных Штатов. Маккиннон бросил на него вежливо-безразличный взгляд, каким встречают обычно случайного посетителя, но тут же выражение его лица изменилось.

— Линялый! — заорал он.

Радость, с которой они набросились друг на друга, вряд ли подходила для обстановки личного кабинета командующего, но генерал, по-видимому, не возражал. Когда они успокоились, Маккиннон задал вопрос, задать который собирался уже давно.

— Слушай, Линялый, я ничего не понимаю... — Он замолчал, подумал и укоризненно поднял палец. — Понял! Ты из секретной службы!

Линялый довольно ухмыльнулся.

— А ты думал, — ответил он, — что армия Соединенных Штатов оставит это чумное место без присмотра?

Генерал громко прочистил горло:

— Что вы планируете делать дальше, Дэвид Маккиннон?

— Я? Пока у меня нет никаких планов... — Потом подумал и повернулся к своему другу. — Знаешь, Линялый, а пойду-ка я, пожалуй, на эту самую психологическую переориентацию... Раз ты снаружи...

— Думаю, в этом не будет необходимости, — вмешался генерал.

— Не будет? Почему, сэр?

— Вы уже излечились сами. Возможно, вы и не знали, но вас проверяли четыре психотехника. И я с удовольствием сообщаю, что статус свободного гражданина будет вам возвращен, если, конечно, вы этого пожелаете.

Генерал и капитан Рэндел-Линялый тактично решили, что на этом пора кончать. Рэндел вместе со своим другом вернулись в лазарет. Дейв требовал немедленного ответа сразу на тысячу вопросов:

— Линялый, ты же наверняка прибыл сюда еще до меня?

— За день или за два.

— Значит, все, что я делал, было впустую?

— Я бы так не сказал, — ответил Рэндел. — Я ведь мог и не прорваться. А уж если по правде, то многое знали и до нас. Там же был не один я... Во всяком случае, — продолжал он, меняя тему, — теперь, когда ты уже здесь, надо бы тебе подыскать подходящее занятие.

— Мне? Рано пока об этом говорить. Во всяком случае, классической литературой я больше заниматься не стану, это точно... Вот если бы я не был таким тупым в математике, то можно было бы подумать насчет межпланетных...

— Ладно, вечером об этом поговорим, — предложил Линялый, посмотрев на свой хроно. — Сейчас мне пора бежать. Я заскочу попозже, сходим вместе в столовку.

И он выскользнул в дверь с непостижимой для Маккиннона быстротой, напомнившей ему воровскую малину в Ковентри. Дейв поглядел ему вслед и неожиданно крикнул:

— Эй! Линялый! А не мог бы и я поступить в секретную...

Но Линялого уже не было, и Маккиннону пришлось задать этот вопрос себе самому.

Ко времени написания «Ковентри» — январь 1940 года — Хайнлайн уже не был новичком. Он написал дюжину рассказов и продал пять-шесть из них Джону Кэмпбеллу в «Astounding». Все это были рассказы из «Истории будущего». Даже тот, который был продан Фреду Полу в «Astonishing» («Да будет свет!», и он относился к истории будущего). Оставим открытым вопрос, чего на этот момент в нем было больше — писательского мастерства или умения угадывать желания редактора; сам Хайнлайн считал, что «пристрелялся» к Кэмпбеллу (выражение из лексикона наводчика орудия ВМФ его дней) и сможет и дальше продавать ему свои рассказы — по крайней мере те, что относятся к истории будущего.

Хайнлайн собирал заметки для истории Ковентри довольно долго. В романе «Нам, живущим» главный герой в какой-то момент решал пройти терапевтическое лечение — семантическую перероориентацию. Теперь Хайнлайн хотел показать альтернативный вариант: через что мог бы пройти Перри, если бы отказался от перероориентации и отверг социалистическую утопию, описанную в книге. И для этого у него уже была готовая концепция «открытой тюрьмы», которую Г. Дж. Уэллс изобразил в «Современной утопии». Своих неисправимых отщепенцев Уэллс отправлял на острова, но Хайнлайн в произведении, предназначенном для «Astounding», мог изобразить высокотехнологичное электронное ограждение и резервацию для тех, кто не принял Ковенант Второй американской революции, — в их число, естественно, вошли бы старые теократы и все, кто психологически не вписывался в Америку Ковенанта по причине личной развращенности или фашистского вкуса к власти. Несколькими годами ранее Эд Гамильтон написал историю, основанную на той же идее, и Хайнлайн позаимствовал некоторые понравившиеся ему фрагменты из рассказа Гамильтона (сточив серийные номера), когда писал, переписывал и перерабатывал свои основные идеи. Законченная история весьма отличалась от его первоначальных рабочих планов, она стала стройнее, жестче и приобрела удивительный груз литературных отсылок.

Большинство людей при чтении новеллы легко улавливают часть темы, которую Хайнлайн закладывал в эту историю; практически все, кто когда-либо комментировал «Ковентри», упомянули о «взаимозависимости» (и это вполне понятно: в самом начале повествования есть откровенная лекция о взаимозависимости, и, очевидно, Хайнлайн прокомментировал эту же тему в рассказе «Дороги должны катиться», который только что продал Кэмпбеллу). Но социальная взаимозависимость — лишь часть более обшир-

ной темы: неспособность эффективно сотрудничать с людьми — это личная проблема, которую Маккиннон должен преодолеть, чтобы излечиться и вернуться в лоно Ковенанта, преодолеть в том числе посредством процесса семантической переориентации. Маккиннону не довелось получить помощь того уровня, какая была оказана Перри в «Нам, живущим». Есть намеки на терапевтическую помощь, которую ему могли оказать Линялый Мэйги и Персефона, но, поскольку главный его порок — заблуждения старого доброго доковенантного атомистического индивидуализма, он должен сам проделать всю необходимую работу над собой. Сюжет движется от отказа от Ковенанта к воссоединению с обществом Ковенанта, и метод, который применяет Маккиннон, самовосстановление, позволяет куда глубже и детальней взглянуть на процесс семантической переориентации, чем это удалось Хайнлайну в «Нам, живущим».

Он придумал для этой истории гениальный трюк, который сделал «Ковентри» настолько нешаблонной вещью, насколько это вообще возможно: на самом деле центральная фигура этой истории — не Маккиннон, «он всего лишь хор для Линялого Мэйги», говорил Хайнлайн в своем интервью Леону Стоверу. Под этим он подразумевал, что функция Маккиннона в новелле та же, что у хора в греческой трагедии, — он проливает свет на Линялого Мэйги / капитана Рэндела. И действительно, с Линялым Мэйги связан полный набор сюжетных элементов типичной героической истории, и это то, чего нет у Маккиннона. Именно Мэйги должен отказаться от своей личности — и даже от своего имени, — чтобы спуститься в кошмарный мир Ковентри, а когда он осознает, что его миссия требует вернуться с докладом в мир Ковенанта, его личность и имя возвращаются. В сравнении с Мэйги, сюжетная линия Маккиннона искривлена: он не теряет свою личность; он взял ее с собой в Ковентри; его приключение было лишь исполнением желания, которое он лелеял в своей душе. Маккиннон теряет свою личность в тот момент, когда излечивается от своего безумия, и потеря личности — это то, что позволяет ему вернуться к Ковенанту через символическое крещение в реке, которая отделяет Ковенант от Ковентри. Он сам является тем посланием, которое должен доставить.

Какой же удивительно не похожей на обычный палп-фикшн была «Ковентри»! Повесть могла быть написана только для «Astounding» Джона Кэмпбелла в год, когда все изменилось для научной фантастики.

ДЕТИ МАФУСАИЛА

Часть первая

1

— Мэри Сперлинг, ты просто дура, что не хочешь выходить на него замуж!

Мэри Сперлинг подсчитала свои убытки, выписала чек и лишь потом ответила:

— Слишком уж большая у нас разница в возрасте. — Она передала подруге кредитную расписку. — Мне не стоило с тобой играть — порой у меня возникает ощущение, будто ты телепатка.

— Ерунда! Ты всего лишь пытаешься уйти от темы. Тебе наверняка уже под тридцать... и ты не останешься навеки красавицей.

— Будто я не знаю! — криво усмехнулась Мэри.

— Вряд ли Борку Вэннингу намного больше сорока, и он добропорядочный гражданин. Почему бы тебе не воспользоваться шансом?

— Сама им пользуйся. Мне надо бежать. Мое почтение, Вен.

— Мое почтение, — ответила Вен, хмуро глядя на закрывшуюся за Мэри Сперлинг дверь. Ей очень хотелось знать, почему Мэри отказывается от столь выгодной партии, как достойный Борк Вэннинг, и не меньшее любопытство вызывал у нее вопрос, куда и зачем собралась Мэри, но ее удержала от расспросов привычка не совать нос в чужие дела.

Мэри не собиралась никому сообщать, куда она отправляется. Выйдя из квартиры подруги, она спустилась по пневмотрубе в подвал, забрала с робопарковки свою машину, вывела ее по пандусу наверх и настроила автопилот на Северное побережье. Дождавшись, когда в движущемся с большой скоростью потоке

появится разрыв, машина нырнула в него и устремилась на север. Мэри откинулась на спинку сиденья и задремала.

Оказавшись почти у цели, машина пискнула, ожидая дальнейших инструкций. Проснувшись, Мэри выглянула наружу. Справа на фоне ночной тьмы тянулась еще более темная полоса озера Мичиган. Мэри запросила у службы дорожного контроля разрешения занять местную полосу, после чего ей позволили перейти на ручное управление.

Мэри пошарила в бардачке, и номер, который автоматически сфотографировали камеры, когда машина покинула контроль-шоссе, перестал совпадать с номерными знаками самой машины.

Проехав несколько миль по боковой дороге, она свернула на ведущую к побережью узкую грунтовку, после чего остановилась, выключив фары и прислушиваясь. К югу от нее сияли огни Чикаго, а в нескольких сотнях ярдов от берега гудело контроль-шоссе, но здесь царил тишина, нарушаемая лишь негромкими голосами пугливых ночных существ. Сунув руку в бардачок, Мэри щелкнула переключателем, и приборная панель осветилась, открыв позади нее другие приборы. Внимательно изучив их показания и убедившись, что за ней не наблюдает никакой радар и ничто не движется поблизости, она плотно закрыла окно и снова тронулась с места.

Машина, выглядевшая как стандартный быстроходный «кэмден», бесшумно поднялась в воздух, зависла над поверхностью озера, а затем погрузилась в воду. Подождав, пока она окажется в четверти мили от берега на глубине в пятьдесят футов, Мэри вышла на связь.

— Слушаю, — послышался голос.

— Жизнь коротка...

— ...но годы долги.

— Нет, — ответила Мэри, — доколе не пришли тяжелые дни.

— Порой я сам удивляюсь, — небрежно заметил голос. — Ладно, Мэри, считай, что я тебя проверил.

— Томми?

— Нет, Сесил Хендрик. У тебя управление свободно?

— Да, забирай.

Семнадцать минут спустя машина всплыла в пруду, занимавшем большую часть искусственной пещеры. Когда машина

выехала на берег, Мэри вышла из нее, поздоровалась с охранниками и направилась по туннелю в большой подземный зал, где сидело пятьдесят или шестьдесят мужчин и женщин. Она вела с ними светскую беседу, пока часы не объявили о наступлении полуночи, а затем поднялась на трибуну и повернулась лицом к собравшимся.

— Мне сто восемьдесят три гола, — заявила она. — Есть тут кто-нибудь старше? — Никто не ответил. Выждав приличествующую паузу, она продолжала: — В таком случае в соответствии с нашими обычаями объявляю собрание открытым. Желаете выбрать председателя?

— Продолжай, Мэри, — сказал кто-то.

— Что ж, ладно, — кивнула она, когда остальные промолчали. Казалось, оказанная ей честь нисколько ее не волновала, и аудитория относилась к этому точно так же — здесь никто никуда не спешил, чувствуя себя полностью свободным от всех передраг современной жизни. — Как обычно, мы собрались, — объявила она, — чтобы обсудить наше благополучие, а также благополучие наших сестер и братьев. Кто-то из представителей Семейств хочет выступить от имени своей семьи?

— Айра Уэзерел, от имени семейства Джонсон, — сказал один из мужчин, встретившись с ней взглядом. — Мы собрались почти на два месяца раньше обычного. Вероятно, у поверенных имеются для этого причины. Давайте же их заслушаем.

Кивнув, Мэри повернулась к маленькому чопорному человеку в первом ряду.

— Джастин... будь любезен.

Человечек встал и сухо поклонился. Из-под его плохо скроенного килта торчали худые ноги. Видом и поведением он напоминал пожилого, давно покрывшегося пылью чиновника, но черные волосы и здоровый цвет кожи свидетельствовали о том, что он пребывает в расцвете сил.

— Я, Джастин Фут, — начал он, — имею честь сообщить господам поверенным: прошло одиннадцать лет с тех пор, как Семейства решили провести эксперимент, перестав скрывать от общественности, что среди них живут люди, чья предполагаемая продолжительность жизни намного выше, чем у среднего человека, причем некоторые уже подтвердили научную истинность данного факта, прожив вдвое с лишним дольше обычного срока.

Хотя он говорил без бумажки, казалось, будто он читает заранее подготовленный доклад. Излагаемые им факты были известны всем слушателям, но никто его не торопил — его аудитория не страдала столь распространенным среди других нетерпением.

— Принимая решение изменить давнюю политику молчания и секретности в отношении того, что отличает нас от остального человечества, — продолжал он, — Семейства руководствовались несколькими соображениями. Следует отметить причину, в связи с которой была принята изначальная политика сокрытия тайны: первое потомство семейных пар, которым оказал помощь Фонд Говарда, появилось на свет в тысяча восемьсот семьдесят пятом году. Никакого внимания данный факт не привлек, поскольку родившиеся дети ничем не выделялись среди других. Фонд являлся официально зарегистрированной некоммерческой организацией...

17 марта 1874 года Айра Джонсон, студент-медик, сидел в адвокатской конторе «Димс, Уингет, Олден и Димс», выслушивая весьма необычное предложение. Наконец он прервал старшего партнера:

— Погодите! Я правильно понял, что вы пытаетесь нанять меня, чтобы я женился на одной из этих женщин?

Адвокат потрясенно уставился на него.

— Что вы, мистер Джонсон, вовсе нет!

— И тем не менее — мне определенно показалось именно так.

— Нет-нет, подобный договор был бы ничтожен, противореча установившемуся порядку. Мы всего лишь информируем вас, как распорядители некоего фонда, что, если вы вдруг все же женитесь на одной из молодых дам из этого списка, мы возьмем на себя приятную обязанность обеспечивать каждого рожденного в данном союзе ребенка в указанном здесь объеме. Но ни о каком договоре с вами нет и речи, как и о каком-либо сделанном вам предложении, — и, естественно, мы ничего от вас не требуем. Мы всего лишь ставим вас в известность об определенных фактах.

Айра Джонсон нахмурился, ерзая в кресле:

— Что все это значит? Зачем?

— Это дело фонда. Если можно так выразиться — нам пришли по душе ваши дедушки и бабушки.

— Вы говорили с ними обо мне? — резко бросил Джонсон. Никакой любви к своим дедушкам и бабушкам он не испытывал. Все четверо отличались немалой скупостью, — если бы хоть кто-то из них снизошел до того, чтобы умереть в приемлемом возрасте, Айре сейчас не пришлось бы беспокоиться, хватит ли ему денег, чтобы завершить медицинское образование.

— Да, мы говорили с ними. Но не о вас.

Адвокат прекратил дальнейшую дискуссию, и юный Джонсон милостиво принял от него список незнакомых молодых дам, который он намеревался порвать, едва оказавшись за дверями конторы. Но вместо этого в ту ночь он написал несколько черновиков, прежде чем подыскал подходящие слова, с которых могло начаться охлаждение отношений с оставшейся дома его девушкой. Он был только рад, что так и не поставил перед ней всерьез вопрос об их будущем, — сейчас это выглядело бы чертовски неловко.

Когда он все-таки женился (на женщине из списка), многим показался пусть и любопытным, но всего лишь совпадением тот факт, что его жена, как и он сам, имела четверых живых, здоровых и активных дедушек и бабушек.

— ...официально зарегистрированной некоммерческой организацией, — продолжал Фут. — И ее декларируемая цель, каковой являлось поощрение рождения детей от здоровых американцев, вполне соответствовала обычаям того века. Достаточно было лишь молчать об истинных целях Фонда, чтобы не требовалось никаких особых мер для сохранения тайны, — пока позднее, в тот период времен мировых войн, который иногда не вполне точно называют «Безумными годами»...

Избранные заголовки с апреля по июнь 1969 года:

МАЛЫШ БИЛЛ СРЫВАЕТ БАНК

Двухлетний ребенок — самый юный обладатель миллионного выигрыша в телевизионном шоу. Белый дом шлет поздравления по телефону.

СУД ПОСТАНОВЛЯЕТ ПРОДАТЬ ЗДАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ШТАТА

По решению Верховного суда Колорадо вся собственность штата в первую очередь идет на выплату пенсии по старости.

**МОЛОДЕЖЬ НЬЮ-ЙОРКА ТРЕБУЕТ ОГРАНИЧИТЬ
ВОЗРАСТ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ**

**МИНИСТР ОБОРОНЫ: «УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ
В США — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА»**

**ЖЕНЩИНА-КОНГРЕССМЕН ИЗ КАРОЛИНЫ ПОЛУЧАЕТ
КОРОНУ КОРОЛЕВЫ КРАСОТЫ**

«Вполне годится для вступления в президентскую гонку», —
заявляет она, отправляясь в тур с целью продемонстрировать свой
профессионализм.

**АЙОВА ПОВЫШАЕТ ВОЗРАСТ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ
ДО Сорока одного года**
Беспорядки в кампусе Де-Мойна.

**УВЛЕЧЕНИЕ ЗЕМЛЕЕДСТВОМ ДВИЖЕТСЯ НА ЗАПАД:
СВЯЩЕННИК ИЗ ЧИКАГО СЪЕДАЕТ СЭНДВИЧ ИЗ ГЛИНЫ
ВО ВРЕМЯ ПРОПОВЕДИ**

«Назад к простоте», — обращается он к своей пастве.

**ТОЛПА ШКОЛЬНИКОВ ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА БРОСАЕТ
ВЫЗОВ ШКОЛЬНОМУ СОВЕТУ**

«Плата выше, часов меньше, домашних заданий нет —
мы требуем права выбирать учителей и тренеров».

**КОЛИЧЕСТВО САМОУБИЙСТВ РАСТЕТ
ДЕВЯТЬ ЛЕТ ПОДРЯД**

Комиссия по атомной энергетике отказывается винить в том выпадение радиоактивных осадков.

— ...«Безумными годами». Тогдашние поверенные — как мы теперь полагаем, вполне справедливо — решили, что любое меньшинство в тот период разброда в умах и массовой истерии с немалой вероятностью может стать жертвой преследований, дискриминации и даже массового насилия. Более того, пострадавшая финансовая система страны и, в частности, вынужденный обмен ценных бумаг Фонда на гарантии со стороны правительства угрожали его платежеспособности.

В итоге были предприняты действия в двух направлениях: средства Фонда, переведенные в реальные ценности, распределили среди членов Семейств, которые стали их зарегистрированными собственниками, и, кроме того, была принята на вооружение политика так называемого «маскарада». Были найдены средства для имитации смерти любого члена Семейств, дожив-

шего до возраста, который мог бы смутить общество, и обеспечения его новыми документами в другой части страны.

Мудрость подобной политики, хотя она и могла бы показаться некоторым раздражающей, сразу же стала очевидной во время междоусобицы Пророков. Официальный возраст девятиности семи процентов семей в начале правления Первого Пророка составлял менее пятидесяти лет. Введенная секретной полицией Пророков обязательная регистрация усложнила смену личности, хотя некоторым это удалось с помощью революционного Тайного совета.

Таким образом, сочетание везения и предвидения помогло спасти нашу тайну от раскрытия. Что и к лучшему — мы не сомневались, что в то время тяжело пришлось бы любой группе, обладающей ценностью, которую еще не сумела присвоить себе власть Пророка.

Семейства как таковые не принимали участия в событиях, приведших ко Второй американской революции, но многие их члены верно служили Тайному совету, в том числе участвуя в борьбе, предшествовавшей падению Нового Иерусалима. Воспользовавшись последовавшей неразберихой, мы изменили возраст тех, кто успел подозрительно постареть, в чем нам помогли некоторые семьяне, которые, будучи членами Тайного совета, занимали ключевые посты во время реконструкции.

На собрании Семейств в 2075 году, том самом, когда был заключен Ковенант, многие заявляли, что мы должны открыться миру, поскольку гражданские свободы восстановлены окончательно и бесповоротно. Большинство тогда с этим не согласилось... вероятно, в силу долгой привычки к скрытности и осторожности. Но возрождение культуры в последующие пятьдесят лет, постоянный рост терпимости и хороших манер, разумная направленность образования, растущее уважение к частной жизни и личному достоинству — все это в итоге убедило нас, что наконец пришло время, когда стало возможным безопасно заявить о себе и занять свое законное место в обществе, став пусть и странным, но тем не менее уважаемым меньшинством.

Для этого имелись неопровержимые доводы. Среди нас все больше становилось тех, кто считал «маскарад» неприемлемым в новом, лучшем обществе. Никому не только не приходилось по душе рвать корни и начинать все сначала каждые несколько лет, но их раздражал сам факт необходимости жить во лжи в об-

ществе, где честность и искренность являлись привычными для большинства. Кроме того, Семейства многому научились благодаря нашим исследованиям в области биологии, что могло бы стать немалым подспорьем для наших несчастных короткоживущих собратьев. Чтобы помочь им, нам требовалась свобода.

Эти и подобные им причины стали предметом для споров. Однако возродившийся обычай идентификации личности сделал «маскарад» практически непригодным. Здравомыслящий и мирный гражданин не против идентификации своей личности при соответствующих обстоятельствах, хотя в любое другое время готов защищать свое право на частную жизнь, — так что возражать мы не осмелились, опасаясь вызвать ненужное любопытство и стать некоей эксцентричной группой, в итоге чего вся цель «маскарада» лишилась бы смысла.

В силу необходимости мы все прошли идентификацию. Ко времени собрания в 2125 году, одиннадцать лет назад, стало крайне сложно подделывать новые документы для все возраставшего числа тех из нас, чей официальный возраст не соответствовал внешности. Мы решили в порядке эксперимента позволить десяти процентам добровольцев рассказать всем, кто они такие, и понаблюдать за последствиями, храня при этом все остальные секреты организации Семейств.

Результат, увы, оказался вовсе не таким, как мы ожидали, — закончил Джастин Фут.

Несколько мгновений все молчали, затем заговорил крепко сложенный мужчина среднего роста. Волосы его слегка отливали сединой — что было необычно среди данной группы, — а лицо выглядело загорелым, словно у астронавта. Мэри Сперлинг сразу его заметила, и ей стало интересно, кто он такой, — ей понравилось живое выражение его лица и отрывистый смех. Но собрания совета Семейств мог посещать любой из членов, так что особо она об этом не задумывалась.

— Ну же, говори, приятель, — сказал он. — В чем суть твоего доклада?

Фут повернулся к председателю:

— Ее должен изложить наш старший психометрист. Я выступил лишь с предварительными замечаниями.

— Чтоб тебя! — воскликнул седой незнакомец. — Приятель, ты что, готов признать, будто тебе нечего сказать, кроме того, что мы и так уже знаем?

— Мои замечания легли в основу... и меня зовут Джастин Фут, а не «приятель».

— Брат, — решительно вмешалась Мэри Сперлинг, — поскольку ты обращаешься к Семействам, не будешь ли ты так любезен назвать свое имя? Прошу меня извинить, но я тебя не узнаю.

— Прошу прощения, сестра. Лазарус Лонг, выступаю от своего имени.

— И все равно не знаю, кто ты, — покачала головой Мэри.

— Еще раз прошу прощения — это «маскарадное» имя, которое я взял во времена Первого Пророка... мне оно понравилось. Мое семейное имя — Смит... Вудро Вильсон Смит.

— Вудро Вильсон Сми... Сколько же тебе лет?

— Гм? Давно не считал. Сто... нет, двести тринадцать лет. Угу, верно, двести тринадцать.

Наступила внезапная тишина. Затем Мэри тихо проговорила:

— Ты слышал, как я спрашивала, есть ли кто-нибудь старше меня?

— Да. Но черт побери, сестра, ты делала все как надо. Я не посещал собраний Семейств сто лет с лишним. Кое-что поменялось.

— С этого момента попрошу тебя продолжать. — Она начала сходить с возвышения.

— Нет-нет! — запротестовал он, но Мэри, не обращая на него внимания, нашла свободное место и села. Оглядевшись, он пожал плечами и наконец сдался. — Ладно, — объявил он, присев на край председательского стола. — продолжим. Кто следующий?

Ральф Шульц из семейства Шульц больше напоминал банкира, чем психометриста. Он не выглядел ни робким, ни рассеянным, а в его бесстрастной речи чувствовалась власть.

— Я входил в состав группы, предложившей положить конец «маскараду». Но я ошибался, полагая, что большинство наших сограждан, получивших современное воспитание и образование, в состоянии оценить любую новость без излишних эмоциональных расстройств. Я предвидел, что найдутся несколько ненормальных, которые нас не полюбят и даже возненавидят; я даже предсказывал, что большинство станут нам завидовать, — любой, кто наслаждается жизнью, с удовольствием жил бы долго. Но никаких серьезных проблем я не предполагал. Современ-

ные нравы покончили с межрасовыми трениями — любой, кто все еще питает расовые предрассудки, постыдится высказать их вслух. Я считал, что наше общество настолько толерантно, что мы сможем мирно и открыто жить среди короткоживущих.

Но я ошибался.

Негры ненавидели белых и завидовали им с тех пор, как белый человек стал пользоваться привилегиями, запретными для негров по причине цвета их кожи. Это была вполне здравая нормальная реакция. Когда дискриминация закончилась, проблема разрешилась сама собой и произошла культурная ассимиляция. Подобную же тенденцию проявляют короткоживущие, завидуя долгоживущим. Мы полагали, что ожидаемая реакция не будет иметь общественной значимости для большинства, как только станет ясно, что мы обязаны своей особенностью своим генам и с нашей стороны это не есть ни недостаток, ни достоинство — лишь удачное сочетание генов наших предков.

Но как оказалось, мы всего лишь принимали желаемое за действительное. Оглядываясь назад, легко понять, что надлежащее приложение математического анализа к имеющимся данным дало бы иной ответ, выдвинув на первый план ложную аналогию. Я не выступаю в защиту ошибочного суждения — никакая защита тут невозможна. Наши надежды завели нас в тупик.

На самом же деле случилось следующее: мы показали нашим короткоживущим собратьям величайший дар, какой только способен себе представить человек... а затем сообщили, что дар этот никогда не будет им доступен. В итоге они оказались лицом к лицу с неразрешимой дилеммой. Они отвергли не устраивавшие их факты, отказывались нам верить. Их зависть превратилась в ненависть, и они искренне убеждены, что мы злонамеренно лишаем их того, что принадлежит им по праву.

Растущая ненависть превратилась в потоп, который угрожает благополучию и даже жизни всех наших раскрывших себя братьев... и потенциально опасен для остальных из нас. Опасность крайне велика, и дело не терпит отлагательства.

Шульц внезапно сел. Слова его восприняли спокойно, по многолетней неспешной привычке. Наконец встала одна из женщин.

— Ева Барстоу, от имени семейства Купер. Ральф Шульц, мне сто девятнадцать лет — вероятно, больше, чем тебе. Я не

обладаю твоими талантами в математике и науке о человеческом поведении, но я знаю многих людей. Человек в своей основе — доброе и мягкое существо. Да, у людей есть свои слабости, но большинство из них вполне порядочны, стоит им дать хотя бы долю шанса. Не могу поверить, что они могли бы меня возненавидеть и уничтожить лишь потому, что я долго прожила. Есть что продолжить? Раз уж признался в одной ошибке — почему бы не признаться и в двух?

Шульц рассудительно посмотрел на нее, разглаживая килт:

— Ты права, Ева. Я с легкостью могу снова ошибаться. Проблема носит психологический характер — тема столь сложна и содержит в себе столько неизвестных, что лучшие наши усилия порой выглядят глупо в тусклом свете открывшихся позднее фактов. — Он снова встал, повернувшись к остальным, и заговорил с прежней бесстрастной властью: — Но на этот раз я не пытаюсь делать долговременных предсказаний; я говорю о фактах, а не о предположениях и не о попытках выдать желаемое за действительное, — и на основе этих фактов можно строить предсказания лишь на короткий период, примерно как предсказывать, что яйцо разобьется, когда уже видишь, как оно падает на пол. Но Ева права... в известной степени. Отдельные личности действительно добры и порядочны... как индивидуумы и в отношении других индивидуумов. Еве не угрожают ее соседи и друзья, так же как и мне — мои. Но ей угрожают мои соседи и друзья, а мне — ее. Массовая психология — не просто сумма психологий индивидуумов; это главная теорема социальной психодинамики, а не просто мое мнение, и пока что для этой теоремы не было найдено исключений. Речь идет о правиле социальной активности масс, законе истерии толпы, который хорошо известен и используется военными, политическими и религиозными лидерами, специалистами по рекламе, пророками и пропагандистами, подстрекателями, актерами и главами банд. Многие поколения назад этот закон был сформулирован в виде математических символов. Он работает. И он работает и теперь.

Мы с коллегами уже несколько лет назад начали подозревать, что в отношении нас нарастает массовая истерия. Мы не вынесли наши подозрения на обсуждение совета, поскольку ничего не могли доказать. То, что мы тогда наблюдали, могло оказаться лишь злобным шепотом чокнутого меньшинства, ка-

кое наличествует даже в самом здоровом обществе. Тенденция была сперва столь незаметной, что мы даже сомневались в ее существовании, ибо все общественные тенденции перемешаны друг с другом, словно спагетти на тарелке, — даже хуже того, поскольку для математического описания взаимодействия общественных сил требуется абстрактное топологическое пространство со множеством измерений (десять или двенадцать — не такая уж редкость, и вряд ли их хватит). Вряд ли стоит излишне подчеркивать всю сложность проблемы.

Так что ничего не оставалось, кроме как с тревогой ждать, пытаясь делать статистические выборки и тщательно выстраивая наши статистические вселенные. К тому времени, когда сомнений уже не было, оказалось, что уже почти поздно. Социально-психологические тенденции растут и умирают по закону «роста дрожжей», закону степеней с комплексным показателем. Мы продолжали надеяться, что другие благоприятствующие факторы обратят тенденцию вспять — работы Нельсона по симбиотике, наш собственный вклад в гериатрию, немалый общественный интерес к открытию спутников Юпитера для иммиграции. Любой существенный прорыв, обещающий более долгую жизнь и новую надежду для короткоживущих, мог положить конец тлеющей ненависти в отношении нас.

Но вместо этого из тлеющей искры разгорелось пламя, превратившись в неуправляемый лесной пожар. Насколько мы можем оценить, скорость его распространения удвоилась за последние тридцать семь дней и продолжает расти. Я не могу предположить, насколько далеко или насколько быстро он разойдется — именно потому мы созвали экстренное заседание. Неприятностей можно ждать в любой момент.

Шульц устало опустился на стул. Ева не стала снова с ним спорить, как и все остальные; не только Ральф Шульц считался специалистом в своей области, но и все они, каждый со своей точки зрения, видели все серьезные аспекты нараставшей против раскрывших себя собратьев угрозы. Но хотя наличие проблемы все признавали единогласно, мнений по поводу того, что делать, имелось столько же, сколько присутствующих. После того как дискуссия затянулась на два часа, Лазарус наконец поднял руку.

— Так мы ни к чему не придем, — заявил он, — даже если проторчим тут всю ночь. Давайте оценим ситуацию в общем, от-

метив лишь главное. Мы можем, — он начал загибать пальцы, — ничего не делать и просто ждать, что произойдет. Мы можем полностью отказаться от «маскарада», раскрыть нашу полную численность и политически потребовать наших прав. Мы можем держаться на плаву, используя нашу организацию и деньги для защиты наших, объявивших о себе собратьев, возможно, вернуть их обратно в «маскарад». Мы можем раскрыть себя и потребовать места для колонии, где мы могли бы жить сами по себе. Или мы можем что-нибудь еще. Предлагаю распределиться в соответствии с четырьмя главными точками зрения, что были тут названы, — скажем, по углам зала, начиная по часовой стрелке с дальнего правого, — и пусть каждая группа придумает план и подготовит его, чтобы представить Семействам. Те же из вас, кто не согласен ни с одним из четырех вариантов, — соберитесь в центре зала и начинайте сочинять что-то свое. А теперь, если нет возражений, я намерен объявить перерыв в заседании до завтрашней полуночи. Все согласны?

Ответа не последовало. Модернизированная версия парламентской процедуры в исполнении Лазаруса Лонга несколько всех удивила — они привыкли к долгим неторопливым дискуссиям, пока не становилось ясно, что одна из точек зрения признается единогласно. Подобная спешка слегка шокировала.

Однако в этом человеке чувствовалась власть, а возраст, как и слегка старомодная манера речи, добавлял ему авторитета, так что возражать никто не стал.

— Ладно, — объявил Лазарус, хлопнув в ладоши. — Лавочка закрывается до завтрашнего вечера. — Он сошел с возвышения.

К нему подошла Мэри Сперлинг.

— Хотелось бы познакомиться с тобой поближе, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Конечно, сестра. Почему бы и нет?

— Остаешься на дискуссию?

— Нет.

— Не хотел бы заглянуть ко мне домой?

— С удовольствием. У меня все равно нет срочных дел.

— Тогда идем.

Она повела его по туннелю к подземному пруду, соединенному с озером Мичиган. Увидев псевдо-«кэмден», Лазарус широко раскрыл глаза, но промолчал, пока они не погрузились под воду.

— Симпатичная у тебя машинка.

— Да.

— У нее есть необычные черты.

— Да, — улыбнулась Мэри. — В числе прочего она взрывается — так, что почти ничего не остается, — если кто-то попробует в ней копаться.

— Неплохо. Ты инженер-дизайнер, Мэри?

— Я? Господи, нет! По крайней мере, не в последние сто лет — да и за новинками не особо слежу. Но если хочешь модифицированную таким образом машину — ее можно заказать через Семейства. Поговори с...

— Не важно, мне она не нужна. Просто люблю всякие штучки, которые делают свое дело без шума и с толком. Похоже, тут кто-то хорошо пошевелил мозгами.

— Да. — Мэри сосредоточилась на управлении. Всплыв на поверхность, она сверилась с радаром и выехала на берег, не привлекая ничьего внимания.

Когда они добрались до ее квартиры, она придвинула Лазарусу табак и выпивку, затем удалилась к себе в комнату, где сбросила уличную одежду и облачилась в мягкий свободный халат, в котором выглядела еще миниатюрнее и моложе, чем прежде. Увидев ее, Лазарус встал, зажег сигарету и галантно протянул ее Мэри, не слишком деликатно присвистнув.

Коротко улыбнувшись, она взяла сигарету и села в большое кресло, подобрав ноги.

— Лазарус, ты внушаешь мне надежду.

— У тебя что, нет зеркала, милая?

— Я не об этом, — раздраженно бросила она. — Речь о тебе самом. Ты знаешь, что я превысила разумную продолжительность жизни среди наших, — последние десять лет я обреченно ждала смерти. Но передо мной сидишь ты... на много лет старше меня. Так что мне есть на что надеяться.

— Ты ждала смерти? — Он выпрямился. — Господи, милая, — судя по твоему виду, ты еще сто лет проживешь.

— Не пытайся меня развеселить. — Она устало махнула рукой. — Ты прекрасно знаешь, что внешность тут ни при чем. Лазарус, я не хочу умирать!

— Я не собирался с тобой шутить, сестра, — серьезно ответил Лазарус. — Ты просто не похожа на кандидата в покойники.

— Вопрос биотехнологий. — Она изящно пожала плечами. — Моя внешность остается той же, что и в тридцать с небольшим.

— Или, я бы сказал, даже меньше. Пожалуй, в хитростях последних времен я не особо разбираюсь, Мэри. Ты сама слышала — я не бывал на собраниях больше века. Собственно, я все это время не поддерживал никакого контакта с Семействами.

— В самом деле? И почему же?

— Долгая и неинтересная история. Суть в том, что они меня утомили. В свое время я был делегатом на ежегодных собраниях, но они стали занудными и однообразными, — по крайней мере, так мне казалось. И я ушел. Междуцарствие я провел по большей части на Венере. Я вернулся вскоре после подписания Ковенанта, но вряд ли с тех пор я пробыл на Земле больше двух лет. Мне нравится путешествовать.

Глаза Мэри вспыхнули.

— Расскажи! Я никогда не была в дальнем космосе. Только один раз в Луна-Сити.

— Конечно, — согласился он. — Как-нибудь. Но мне хотелось бы побольше услышать насчет твоей внешности. Милая, ты точно не выглядишь на свои годы.

— Пожалуй. Или, вернее: конечно нет. Насчет того, как это делается, — вряд ли я смогу многое рассказать. Гормоны, симбиотика, терапия желез, немного психотерапии и все такое прочее. Суть в том, что для семьи дряхлость откладывается на неопределенный срок, и старение можно остановить по крайней мере косметически. — Она ненадолго задумалась. — Когда-то они считали, будто находятся на пути к секрету бессмертия, к настоящему «источнику молодости». Но это была ошибка. Дряхлость попросту откладывается... и укорачивается. Примерно три месяца после первого явного звоночка — и жди смерти от старости. — Она вздрогнула. — Естественно, большинство наших братьев предпочитают не ждать — пара недель, чтобы убедиться в диагнозе, а потом эвтаназия.

— Черт побери! Что ж, лично я так поступать не стану. Когда костлявая явится по мою душу, ей придется тащить меня силой — а я буду отбиваться руками и ногами; может, даже глаза ей выцарапаю!

— Приятно слышать подобные речи, — криво усмехнулась Мэри. — Лазарус, я бы не вела себя столь откровенно с кем-то моложе меня. Но твой пример придает мне смелости.

— Мы еще многих из них переживем, Мэри, можешь не бояться. Кстати, насчет сегодняшнего собрания — я не следил за новостями и лишь недавно прибыл на Землю. Этот Ральф Шульц действительно знает, о чем говорит?

— Скорее всего. Его дед был крайне умен, как и его отец.

— Как я понимаю, ты знаешь Ральфа?

— Слегка. Он один из моих внуков.

— Забавно. Он выглядит старше тебя.

— Ральф счел целесообразным оставить внешность примерно на сорокалетнего, только и всего. Его отец был моим двадцать седьмым ребенком. Ральф, вероятно... так, сейчас... по крайней мере на восемьдесят или девяносто лет моложе меня. При этом он старше некоторых моих детей.

— Ты хорошо заботишься о Семействах, Мэри.

— Пожалуй. Но и они тоже обо мне заботятся. Мне нравилось иметь детей, и Фонд в немалой степени помогает тридцати с лишним моим потомкам. У меня есть любая роскошь, какую только можно захотеть. — Она снова вздрогнула. — Наверное, потому мне так страшно — мне нравится жить.

— Прекрати! Я думал, мой безукоризненный пример и мальчишеская улыбка излечили тебя от подобной чуши.

— Ну... да, ты мне кое в чем помог.

— Гм... послушай, Мэри, почему бы тебе снова не выйти замуж и не завести еще несколько вопящих негодников?

— Что? В моем возрасте? Скажешь тоже, Лазарус!

— Насчет твоего возраста — ничего особенного. Ты младше меня.

Она пристально посмотрела на него:

— Лазарус, ты что, предлагаешь контракт? Если так, хотелось бы, чтобы ты выражался понятнее.

Он раскрыл рот, затем сглотнул:

— Эй, погоди! Не так быстро! Я говорил в общем смысле... Домосед из меня никакой, да и вообще — каждый раз, когда я был женат, мою жену начинало от меня тошнить через несколько лет. Не то чтобы я... в смысле, ты очень симпатичная, и мужчина должен...

Она заставила его замолчать, наклонившись и с шаловливой улыбкой закрыв ладонью ему рот.

— Я вовсе не собиралась повергать тебя в панику, брат. Хотя... мужчины порой такие смешные, когда им кажется, будто они угодили в ловушку.

— Ну... — мрачно пробормотал он.
— Забудь, дорогой. Лучше скажи — на каком из планов, по-
твоему, они остановятся?

— Ты про собрание?

— Да.

— Естественно, ни на каком. Они ни к чему не придут. Мэ-
ри, комитет — единственная известная форма жизни с сотней
животов и без мозга. Но в конце концов кто-нибудь, у кого хва-
тит ума, силой заставит их принять его план. И я не знаю, каким
тот будет.

— Что ж... и какой способ действий ты предпочитаешь?

— Я? Собственно, никакой. Мэри, если я что-то и узнал за
последнюю пару веков, так это то, что все проходит. Войны,
депрессии, Пророки, Ковенанты — все проходит. Штука в том,
чтобы самому остаться при этом в живых.

— Думаю, ты прав, — задумчиво кивнула Мэри.

— Конечно прав. Требуется сто лет или около того, чтобы
осознать, насколько хороша жизнь. — Он встал и потянулся. —
Но сейчас моему растущему организму неплохо было бы поспать.

— Мне тоже.

Квартира Мэри находилась на верхнем этаже, с видом на не-
бо. В самом начале их разговора, вернувшись в гостиную к Ла-
зарусу, она выключила внутренний свет и раздвинула потолоч-
ные ставни, так что они сидели под звездами, не считая невиди-
мого листа пластика. Когда Лазарус, потягиваясь, поднял голову,
взгляд его упал на его любимое созвездие.

— Странно, — заметил он. — В поясе Ориона, похоже, до-
бавилась четвертая звезда.

Мэри посмотрела вверх.

— Вероятно, это большой корабль Второй экспедиции
к Центауру. Посмотрим, удастся ли увидеть, как он движется.

— Без приборов не понять.

— Вряд ли, — согласилась она. — Разумно, что его строили
в космосе, да?

— По-другому не получится. Он слишком велик, чтобы со-
бирать его на Земле. Могу прилечь прямо здесь, Мэри. Или
у тебя есть свободная комната?

— Твоя комната вторая справа. Если чего-то не найдешь —
зови. — Она быстро коснулась губами его щеки. — Доброй ночи.

Лазарус последовал за ней, а затем вошел в свою комнату.

На следующий день Мэри Сперлинг проснулась в обычное время. Тихо поднявшись, чтобы не разбудить Лазаруса, она скользнула в свою ванную, приняла душ и сделала массаж, проглотила пилюлю заменителя сна, чтобы компенсировать короткую ночь, быстро позавтракала, стараясь не повредить фигуру, после чего прослушала пропущенные вчера вечером звонки. Видеофон воспроизвел несколько сообщений, которые она тут же забыла, а затем она узнала голос Борка Вэннинга.

«Привет, — произнес автоответчик. — Мэри, это Борг, я звоню в двадцать один час. Загляну завтра утром в десять, искупаться в озере и где-нибудь перекусить. Если только не услышу от тебя, что это настоящее свидание. Пока, дорогая. Мое почтение».

— Мое почтение, — машинально повторила она. «Черт бы его побрал! Он что, не понимает ответа „нет“? Мэри Сперлинг, ты теряешь квалификацию — он вчетверо тебя моложе, но, похоже, тебе никак с ним не справиться».

Позвонить ему и сказать... нет, слишком поздно. Он будет здесь с минуты на минуту. Вот ведь зануда!

2

Ложась спать, Лазарус сбросил килт и кинул его в сторону платяного шкафа... который тут же его подхватил, встряхнул и аккуратно повесил.

— Неплохо, — заметил он, с кривой улыбкой глядя на свои волосатые бедра; килт скрывал подвешенный с одной стороны бластер, а с другой — нож. Лазарус знал, что по нынешним временам личное оружие носить не принято, но без него он чувствовал себя голым. В любом случае подобные обычаи были глупостью и старушечьими выдумками — такого понятия, как «опасное оружие», не существовало, в отличие от опасных людей.

Выйдя из ванной, он положил оружие так, чтобы до него можно было дотянуться, и тут же заснул.

Он проснулся с оружием в обеих руках... но тут же вспомнил, где он, расслабился и огляделся, пытаясь понять, что его разбудило.

Из воздуховода доносились голоса. Плохая звукоизоляция, решил он, а Мэри, вероятно, развлекает гостей — и это означает, что валяться в постели ему не стоит. Встав, он привел себя в порядок, повесил обратно на бедра своих лучших друзей и отправился на поиски хозяйки дома.

Когда перед ним бесшумно открылась дверь в гостиную, голоса стали громче, а содержание их показалось весьма занимательным. Гостиная имела L-образную форму, и от двери его не было видно, так что он слегка задержался, бесстыдно прислушиваясь. Несколько раз подслушанные разговоры спасали ему жизнь, но сейчас его это нисколько не беспокоило — ему просто было интересно.

— Мэри, ты поступаешь полностью неразумно! — говорил мужской голос. — Ты знаешь, что я тебе симпатичен, ты сама признаешь, что брак со мной пошел бы тебе на пользу. Тогда почему?

— Я же уже сказала, Борк. Разница в возрасте.

— Глупости. Чего ты ожидаешь? Подросткового романа? Да, признаю, что я не настолько молод, как ты... но женщине требуется мужчина старше ее, которого она могла бы уважать и который был бы ей надежной опорой. Я не слишком для тебя стар — я как раз в самом расцвете сил.

Лазарус решил, что узнал этого типа достаточно, чтобы тот ему не понравился. До чего же унылый у него голос...

Мэри не ответила. Мужчина продолжал:

— Так или иначе, у меня для тебя есть сюрприз. Жаль, что не могу сказать прямо сейчас, но... в общем, это государственная тайна.

— Тогда не говори. В любом случае это не заставит меня передумать, Борк.

— Еще как заставит! Гм... все-таки я тебе расскажу. Я знаю, что тебе можно доверять.

— Послушай, Борк, не думаешь же ты...

— Не важно — через несколько дней об этом и так все узнают. Мэри... я никогда не постарею!

— То есть? — Лазарусу ее тон внезапно показался подозрительным.

— То, что я сказал. Мэри, они открыли секрет вечной молодости!

— Что? Кто? Как? Когда?

— Ага, заинтересовалась? Что ж, не буду томить тебя ожиданием. Знаешь тех старикашек, которые называют себя Семействами Говарда?

— Да... конечно, я о них слышала, — медленно проговорила она. — Ну и что с того? Это все выдумки.

— Вовсе нет. Я точно знаю. Администрация тайно расследовала их заявления. Некоторым из них, несомненно, больше ста лет — и они все еще молоды!

— Крайне трудно поверить.

— И тем не менее это правда.

— Ну... и как у них это получается?

— Ага! В том-то и суть. Они заявляют, будто это всего лишь вопрос наследственности, что они долго живут, потому что у них долгоживущие предки. Но это абсурд, который никак не сочетается с научной точки зрения с установленными фактами. Администрация все тщательно проверила, и ответ однозначен: у них есть секрет, как оставаться молодыми.

— Ты не можешь точно это знать.

— Да брось, Мэри! Ты прекрасная девушка, но пытаешься оспаривать экспертное мнение лучших научных умов мира. Не важно. То, что я скажу дальше, — тайна. Мы пока не знаем их секрета — но скоро он будет у нас в руках. Без какого-либо шума и официальных извещений их будут забирать по одному и допрашивать. Мы выясним их секрет — и тогда мы с тобой никогда не постареем! Что скажешь? А?

— Было бы неплохо, если бы каждый мог долго жить, — медленно, почти неслышно ответила Мэри.

— Гм? Да, пожалуй. Но мы с тобой в любом случае получим их эликсир, чем бы он ни являлся. Подумай о нас, дорогая. Год за годом счастливой молодой совместной жизни! Не меньше века! Может, даже...

— Погоди, Борк. Этот «секрет»... разве он будет не для всех?

— Ну, в общем... это вопрос высокой политики. Перенаселение — даже сейчас весьма серьезная проблема. На практике, возможно, потребуется ограничить доступ к «секрету» лишь для самых нужных людей и их жен. Но не забывай этим свою прелестную головку — у нас с тобой он точно будет.

— В смысле — будет, если я выйду за тебя замуж?

— Гм... ты как-то неприятно выражаешься, Мэри. Я сделаю ради тебя что угодно — потому что я тебя люблю. Но все будет намного проще, если ты выйдешь за меня замуж. Так что скажи «да».

— Оставим пока это. Как ты предлагаешь вытянуть из них этот «секрет»?

Лазарус почти услышал, как тот умудренно кивнул.

— О, они заговорят!

— Хочешь сказать, если они не станут говорить, вы отправите их в Ковентри?

— Ковентри? Гм... ты вообще не понимаешь ситуацию, Мэри; речь идет вовсе не о мелком преступлении против общества. Это предательство — предательство всего человечества. Если они откажутся добровольно сотрудничать, мы применим все средства... из тех, что использовали Пророки.

— Что, серьезно? Но это же противоречит Ковенанту!

— К черту Ковенант! Это вопрос жизни и смерти, — думаешь, мы допустим, чтобы на нашем пути встал какой-то клочок бумаги? Когда речь идет о фундаментальных основах человеческого существования, законы ничего не значат. И сейчас именно так и есть. Эти... эти собаки на сене пытаются отобрать у нас жизнь. Думаешь, в подобных обстоятельствах мы станем кивать в сторону каких-то «обычаев»?

— Ты всерьез думаешь, что Совет Федерации нарушит Ковенант? — сдавленно спросила Мэри.

— Думаю? Вчера ночью Совет принял решение. Мы уполномочили администратора на «любые целесообразные меры».

Лазарус напрягся, вслушиваясь в наступившую тишину.

— Борк... — наконец сказала Мэри.

— Да, дорогая?

— Ты должен что-то предпринять. Ты должен это остановить.

— Остановить? Ты сама не понимаешь, что говоришь. Я не могу... и даже если бы мог, не сделал бы этого.

— Но ты действительно должен. Ты должен убедить Совет. Они совершают ошибку, трагическую ошибку. Пытаясь принуждать силой этих несчастных, они ничего не добьются. Никакого секрета нет!

— Что? Ты чересчур взволнована, дорогая. Ты пытаешься спорить с лучшими умами планеты. Поверь мне, мы знаем, что делаем. Жесткие методы нравятся нам не больше, чем тебе, но общее благо превыше всего. Послушай, мне жаль, что я вообще затронул эту тему. Естественно, ты мягкая и добросердечная, и именно за это я тебя люблю. Почему бы тебе не выйти за меня замуж и не забивать себе голову проблемами публичной политики?

— Замуж — за тебя? Никогда!

— Мэри, ты пребываешь в расстроенных чувствах. Назови хоть одну причину, почему нет?

— Я скажу тебе почему! Потому что я одна из тех, кого вы собираетесь преследовать!

Последовала новая пауза.

— Мэри... похоже, ты плохо себя чувствуешь.

— Плохо себя чувствую? Да я чувствую себя не хуже, чем любой человек в моем возрасте. Послушай меня, придурок! У меня есть внуки вдвое тебя старше. Я уже жила на этом свете, когда Первый Пророк захватил страну. Я жила на этом свете, когда Гарриман запустил первую ракету на Луну. Ты тогда не был даже орущим младенцем — твои родители вообще еще не познакомились, когда я уже была взрослой замужней женщиной. И теперь ты стоишь тут передо мной и бойко предлагаешь применить жесткие меры, может даже пытки, ко мне и мне подобным. Выйти замуж за тебя? Скорее я выйду за одного из собственных внуков!

Лазарус переступил с ноги на ногу, сунув правую руку под полу килта, — похоже, стоило ждать неприятностей. Порой, подумал он, у женщин сносит крышу в самый неподходящий момент.

Он ждал. Ответ Борка был холоден — отвергнутую страсть в его голосе сменили властные нотки.

— Успокойся, Мэри. Сядь. Я о тебе позабочусь. Сперва нужно дать тебе успокоительное, а потом я приведу лучшего психотерапевта в городе — во всей стране. Все будет хорошо.

— Убери от меня руки!

— Послушай, Мэри...

Лазарус шагнул в комнату, нацелив на Вэннинга бластер.

— Эта обезьяна тебя вконец достала, сестра?

Вэннинг резко повернул голову.

— Ты кто такой? — негодуяще спросил он. — Что ты тут делаешь?

Лазарус продолжал смотреть на Мэри:

— Скажи только слово, сестра, и я порежу его на мелкие кусочки, так что никто его не найдет.

— Нет, Лазарус. — К Мэри вновь вернулось самообладание. — Но все равно спасибо. Убери, пожалуйста, свою пушку. Не хочу, чтобы что-нибудь случилось.

— Ладно. — Лазарус убрал оружие в кобуру, но ладонь его осталась на рукоятке.

— Ты кто такой? — повторил Вэннинг. — Что означает это вторжение?

— Я как раз собирался тебя об этом спросить, приятель, — спокойно ответил Лазарус, — но не стану. Я тоже из тех самых старикашек, которых ты ищешь... таких же, как Мэри.

Вэннинг пристально посмотрел на него.

— Интересно... — проговорил он, затем снова перевел взгляд на Мэри. — Этого не может быть, это какой-то абсурд. И все же... не помешало бы подробнее выяснить насчет тебя. У меня хватит оснований для того, чтобы тебя арестовать, — в любом случае никогда еще не встречал столь антиобщественного поведения. Да ты самый настоящий пережиток прошлого!

Он шагнул к видеофону.

— Лучше отойди от телефона, приятель, — быстро сказал Лазарус, затем добавил, обращаясь к Мэри. — Я не притронуся к своей пушке, сестра. Воспользуюсь ножом.

Вэннинг замер.

— Ладно, — с досадой бросил он, — убери свой виброкинжал. Я не стану отсюда звонить.

— Посмотри-ка получше. Это не виброкинжал. Это сталь. И она весьма неприятна.

Вэннинг повернулся к Мэри Сперлинг:

— Я ухожу. Если тебе хватит ума — ты пойдешь со мной. — Мэри молча покачала головой. Раздраженно пожав плечами, Вэннинг бросил Лазарусу Лонгу: — Что касается вас, сэр, ваши первобытные манеры грозят вам серьезными проблемами. Скоро вас арестуют.

Лазарус взглянул на потолочные ставни.

— Напоминает мне одного клиента в Венусбурге, который тоже хотел меня арестовать.

— И что?

— Я слегка его пережил.

Вэннинг открыл было рот, собираясь ответить, но внезапно повернулся и вышел столь быстро, что внешняя дверь едва не прищемила ему нос.

— Самый трудный в общении человек из всех, кого я встречал за многие годы, — задумчиво проговорил Лазарус, когда

дверь закрылась. — Могу поспорить, он ни разу в жизни не пользовался нестерилизованной ложкой.

Мэри удивленно взглянула на него и хихикнула. Он повернулся к ней:

— Рад видеть, что тебе снова весело, Мэри. А то уж я подумал, ты совсем расстроилась.

— Ну да. Я не знала, что ты все слышишь. И мне приходилось импровизировать на ходу.

— Я тебе помешал?

— Нет. Я рада, что ты вошел. Спасибо. Но теперь нам нужно спешить.

— Пожалуй. Думаю, он говорил всерьез, и скоро меня станут разыскивать прокторы. Может, и тебя тоже.

— Именно это я и имела в виду. Так что давай сматываться.

Через несколько минут Мэри уже была готова, но, когда они вышли в общий коридор, им встретился мужчина, чья нарукавная повязка и чехол с инъектором выдавали в нем проктора.

— Мое почтение, — сказал он. — Я ищу гражданина, составившего компанию гражданке Мэри Сперлинг. Не могли бы вы подсказать мне, где его найти?

— Конечно, — кивнул Лазарус. — Она живет вон там.

Он показал в дальний конец коридора. Когда блюститель порядка взглянул в ту сторону, Лазарус аккуратно стукнул его слева по затылку рукояткой бластера и подхватил тело, когда оно начало оседать.

Мэри помогла Лазарусу затащить безвольную тушу в свою квартиру. Присев над полицейским, он пошарил в его чехле, извлек заправленный инъектор и ввел лежащему дозу.

— Ну вот, — сказал Лазарус, — теперь он проспит несколько часов. — Лонг задумчиво посмотрел на чехол и снял его с ремня проктора. — Может, еще пригодится. В любом случае забрать не повредит.

Сняв с проктора повязку, он тоже сунул ее в сумку на поясе. Вновь покинув квартиру, они спустились на уровень парковки. Когда они катились по пандусу, Лазарус заметил, что Мэри набрала код Северного побережья.

— Куда едем? — спросил он.

— В резиденцию Семейств. Единственное место, где нас не станут искать. Но нам придется где-то укрыться до наступления темноты.

Как только машина перешла на автоматическое управление и устремилась на север, Мэри попросила ее извинить и задремала. Лазарус на протяжении нескольких миль созерцал окружающий пейзаж, потом тоже начал клевать носом.

Их разбудил резкий звук сигнала тревоги. Автомобиль замедлил ход и остановился. Мэри протянула руку и выключила сирену.

— Всем машинам перейти на ручное управление, — произнес монотонный голос. — Направиться на скорости двадцать миль в час к ближайшей башне службы дорожного контроля для проверки. Направиться на...

Мэри отключила и голос.

— Что ж, это по нашу душу, — весело сказал Лазарус. — Есть мысли?

Мэри не ответила. Выглянув в окно, она посмотрела вокруг. Ярдах в пятидесяти справа от них тянулся стальной забор, отделявший высокоскоростное контроль-шоссе, на котором они находились, от полосы местного движения, но по крайней мере на милю вперед забор не прерывался ни одним переходным пандусом, — естественно, в том месте, где пандус все-таки был, должна была стоять башня, где им предписывалось пройти проверку. Вновь тронув машину с места, Мэри перешла на ручное управление и начала лавировать среди стоящего или медленно движущегося потока, постепенно набирая скорость. Когда они оказались возле барьера, Лазарус почувствовал, как его вдавило в подушки; машина взмыла в воздух, миновав барьер на расстоянии в несколько дюймов. Мэри вновь опустила машину на землю по другую его сторону.

С севера приближался автомобиль, которому они мчались наперерез. Скорость его составляла не более девяноста миль в час, но водитель оказался застигнут врасплох — он никак не мог ожидать, что перед ним на пустой дороге словно ниоткуда возникнет другая машина. Мэри пришлось нырнуть влево, потом вправо, потом снова влево; машину занесло, и она встала на дыбы, сопротивляясь стальной хватке гироскопов. Мэри с трудом сумела ее выровнять под аккомпанемент зубовного скрежета геркулена по стеклу, пока задние колеса пытались вновь обрести опору.

Лазарус разжал стиснутые зубы и шумно выдохнул:

— Уф! Надеюсь, нам не придется снова это повторять.

Мэри, улыбаясь, бросила на него взгляд:

— Что, женщины за рулем заставляют понервничать?

— Нет-нет, вовсе нет! Мне просто хотелось бы, чтобы в следующий раз ты предупредила меня заранее.

— Я сама не знала, — призналась она, затем с тревогой продолжила: — Не вполне понимаю, что теперь делать. Я думала, мы сможем залечь на дно где-нибудь за городом до темноты... но мне пришлось слегка раскрыть свои карты, когда я перелетела через забор. Сейчас наверняка уже кто-нибудь докладывает башне. Гм...

— Зачем ждать до темноты? — спросил Лазарус. — Почему бы просто не прыгнуть к озеру в твоей хитроумной колымаге, а потом поплыть прямо домой?

— Не нравится мне это, — беспокожно заметила Мэри. — Я и так уже привлекла слишком много внимания. Тримобиль, выглядящий как наземная машина, — штука, конечно, удобная, но... в общем, если кто-то увидит, как мы ныряем под воду, и об этом услышат прокторы, кто-нибудь наверняка догадается, что к чему. А потом они начнут искать, используя все подряд, от сейсмодатчиков и сонаров до бог весть чего еще.

— Но разве резиденция не экранирована?

— Конечно. Но нечто столь большое они найти сумеют — если знать, что искать, и не прекращать поиски.

— Пожалуй, ты права, — медленно проговорил Лазарус. — Что ж, нам точно ни к чему приводить в резиденцию Семейств не в меру любопытных прокторов. Мэри, мне кажется, лучше будет бросить машину и затеряться. — Он нахмурился. — Где угодно, только не в резиденции.

— Нет, в резиденции, и нигде больше, — резко ответила она.

— Почему? Когда за лисой охотятся, она...

— Помолчи минуту! Хочу кое-что попробовать.

Лазарус замолчал. Мэри вела машину одной рукой, шаря в бардачке.

— Слушаю, — послышался голос.

— Жизнь коротка... — ответила Мэри. Они завершили обмен формулами. — Послушай, — поспешно продолжала Мэри, — у меня неприятности. Запеленгуй меня.

— Ладно.

— В пруду есть подлодка?

— Да.

— Отлично! Направь ее ко мне. — Она поспешно объяснила подробности своего плана, прервавшись на мгновение, чтобы спросить Лазаруса, умеет ли он плавать. — Все, — наконец сказала она. — Быстрее! У нас мало времени.

— погоди, Мэри! — возразил голос. — Ты же знаешь — я не могу выслать подлодку в дневное время, и уж точно не в спокойный день. Слишком легко...

— Так ты сделаешь это или нет?

— Я все слышал, Мэри, — вмешался третий голос. — Говорит Айра Барстоу. Мы вас заберем.

— Но... — возразил первый голос.

— Хватит, Томми. Займись лучше делом и наведи меня на цель. Увидимся, Мэри.

— Да, Айра!

Разговаривая с резиденцией, Мэри свернула с полосы местного движения на грунтовую дорогу, по которой она ехала прошлой ночью, не сбавляя скорости и, казалось, даже не глядя перед собой. Лазарус ждал, скрипя зубами. Они миновали выцветшую табличку с обозначением зараженной зоны в виде традиционного пурпурного трилистника. Бросив на нее взгляд, Лазарус пожал плечами — вряд ли сейчас риск для его жизни мог возрасти из-за пары нейтронов.

Мэри резко затормозила в рощице корявых деревьев возле заброшенной дороги. У их ног, за невысоким обрывом, простиралось озеро. Отстегнув ремень, она закурила сигарету и расслабилась.

— Теперь будем ждать. Им потребуется не меньше получаса, чтобы до нас добраться, какие бы усилия ни прилагал Айра. Лазарус, как думаешь, кто-нибудь видел, как мы сюда свернули?

— Если честно, Мэри, я был слишком занят, чтобы на что-либо смотреть.

— Что ж... никто сюда никогда не заглядывает, кроме многих безрассудных мальчишек.

(«...и девчонок», — добавил про себя Лазарус.)

— Я заметил знак «горячей зоны», — вслух сказал он. — Насколько высокий уровень?

— Ты про ту табличку? Да ну, ерунда. Беспокоиться не о чем, разве что ты решишь построить тут дом. Это мы — радио-

активные. Если бы нам не требовалось держаться рядом с коммуникатором, мы...

— Все в порядке, Мэри, — слышалось в коммуникаторе. — Прямо перед тобой.

— Айра? — удивленно спросила она.

— Говорит Айра, но я все еще в резиденции. В доке Эванстона нам подвернулся Пит Харди, так что мы направили его к вам. Так быстрее.

— Ладно, спасибо! — Мэри повернулась к Лазарусу, но тот дотронулся до ее руки:

— Оглянись назад.

Менее чем в сотне ярдов от них садился вертолет. Из него выскочили трое в одежде прокторов.

Распахнув дверцу машины, Мэри одним движением сбросила платье, затем повернулась и крикнула:

— Уходим!

Сунув внутрь машины руку, она вырвала из приборной панели кнопку и бросилась бежать. Расстегнув пояс килта, Лазарус скинул его и побежал следом за Мэри к обрыву. Она бежала словно танцуя, но он то и дело спотыкался, ругаясь на острые камни. Земля содрогнулась от взрыва машины, но их спас обрыв.

О воду они ударились вместе.

Сквозь шлюз маленькой подводной лодки едва мог пройти один человек. Лазарус толкнул Мэри первой, попытавшись дать ей шлепка, когда она стала сопротивляться, и обнаружил, что под водой от шлепков нет никакого толку. Затем он нескончаемо долго — или ему просто так показалось — размышлял, может он дышать под водой или нет. «Что такое есть у рыб, чего нет у меня?» — думал он, когда внешний люк наконец сдвинулся под его рукой и он смог залезть внутрь.

Прошло еще одиннадцать долгих секунд, прежде чем шлюз очистился от воды и у него появилась возможность увидеть, какие повреждения нанесла вода его бластеру.

— Послушай, Пит, — поспешно говорила Мэри капитану, — там три проктора с вертушкой. Моя машина взорвалась прямо перед ними, как только мы коснулись воды. Но если они все не погибли или не ранены, наверняка найдется умник, который сообразит, что мы могли уйти только в одном направлении — под воду. Нужно убираться отсюда, прежде чем они поднимутся в воздух и начнут нас искать.

— Безнадежная гонка, — пожаловался Пит Харди, ударив рукой по приборам. — Даже если речь идет только о визуальном поиске, мне придется уходить за пределы круга полного отражения быстрее, чем они смогут набрать высоту, — а я этого не могу.

Однако маленькая субмарина все же уверенно устремилась вперед. Мэри подумала, стоит ли связываться с резиденцией с подводной лодки, но решила, что не стоит, — это могло быть слишком рискованно как для подлодки, так и для самой резиденции. Заставив себя успокоиться, она стала ждать, сжавшись в комок на слишком тесном для двоих пассажирском сиденье. Питер Харди описал широкую дугу, уходя в глубину, коснулся дна, принял сигнал донных маяков Маскегона—Гэри и продолжил путь вслепую.

К тому времени, когда они всплыли в пруду внутри резиденции, Мэри решила отказаться от любых физических средств связи, даже тщательно экранированного оборудования в резиденции. Вместо этого она надеялась найти телепата среди неполноценных семейн, находившихся там на попечении. Телепаты были столь же редки среди здоровых членов Семейств Говарда, как и среди остального населения, но близкородственное скрещивание, сохранявшее и укреплявшее их неестественное долголетие, так же сохраняло и укрепляло вредные гены, что приводило к появлению необычно высокого процента физически и умственно дефективных. Группа генетического контроля трудилась над проблемой, как избавиться от дурной наследственности, сохранив при этом ген долголетия, но в течение многих поколений приходилось платить за долгую жизнь избытком неполноценных.

Но почти пять процентов этих несчастных являлись телепатами.

Мэри сразу же направилась в располагавшийся в резиденции приют, где находились под опекой некоторые из неполноценных. Лазарус Лонг следовал за ней по пятам.

— Где малыш Стивен? — накинулась она на смотрительницу. — Он мне нужен.

— Потихе, — упрекнула ее смотрительница. — Сейчас час отдыха, и тебе нельзя...

— Дженис, мне нужно его увидеть, — настаивала Мэри. — Дело не ждет. Я должна передать сообщение всем Семействам, немедленно.

Смотрительница уперла руки в бока.

— Пусть этим занимаются связисты. Ты не имеешь права являться сюда в любое время и беспокоить моих детей. Я не позволяю.

— Дженис, прошу тебя! Я не могу воспользоваться чем-либо, кроме телепатии. Ты же знаешь, я не стала бы так поступать без нужды. Проводи меня к Стивену.

— Это все равно ничем тебе не поможет. У малыша Стивена сегодня был приступ.

— Тогда проводи меня к самому сильному телепату, который способен работать. Быстрее, Дженис! От этого может зависеть безопасность каждого семьянина.

— Тебя прислали поверенные?

— Нет-нет! Не было времени!

Смотрительница все еще сомневалась. Пока Лазарус пытался вспомнить, как давно ему в последний раз приходилось бить женщину, она наконец сдалась.

— Ладно — можешь увидаться с Билли, хотя не стоило бы тебе это позволять. И не слишком его утомляй.

Все еще кипя от злости, она повела их по коридору мимо ряда светлых комнат, а затем в одну из них. Лазарус посмотрел на лежащее на кровати существо и отвел взгляд.

Смотрительница подошла к шкафу и вернулась с подкожным инъектором.

— Он... работает под гипнозом? — спросил Лазарус.

— Нет, — холодно ответила смотрительница, — ему нужно ввести стимулятор, чтобы он вообще осознавал наше присутствие. — Оттянув кожу на руке тучного создания, она сделала инъекцию. — Действуй, — сказала она Мэри и погрузилась в мрачное молчание.

Существо на кровати пошевелилось, глаза его закатились, затем, казалось, его взгляд обрел ясность.

— Тетя Мэри! — улыбнулось оно. — Ух ты! Ты что-нибудь принесла Билли?

— Нет, — мягко ответила она. — Не в этот раз, милый. Тете Мэри нужно было спешить. Может, в следующий раз? Сюрприз? Ладно?

— Ладно, — послушно ответило существо.

— Хороший мальчик. — Она протянула руку и взъерошила его волосы; Лазарус снова отвел взгляд. — Билли сделает кое-что для тети Мэри? Очень, очень важное.

- Ага.
- Ты слышишь своих друзей?
- Ну да.
- Всех?
- Угу. Только они почти ничего не говорят, — добавило су-

щество.

- Позови их.

Последовала короткая пауза.

- Они меня слышали.

— Отлично! Теперь слушай внимательно, Билли: всем Семействам — срочное предупреждение! Говорит старейшина Мэри Сперлинг. По распоряжению Совета администратор намерен арестовать каждого из заявивших о себе семьян. Совет приказал ему использовать «крайние меры» — и, по моему трезвому мнению, они полны решимости прибегнуть к любым средствам, не обращая внимания на Ковенант, чтобы попытаться выбить из нас так называемый секрет нашей долгой жизни. Они даже собираются использовать пытки, разработанные инквизиторами Пророков! — Голос ее сорвался, но она взяла себя в руки. — Действуйте! Найдите их, предупредите их, спрячьте их! Возможно, у вас остались лишь считанные минуты, чтобы их спасти! — Лазарус коснулся ее руки и что-то прошептал; кивнув, она продолжила: — Если кто-то из собратьев будет арестован, спасайте его любой ценой! Не пытайтесь взывать к Ковенанту, не тратьте время на споры о справедливости... спасайте! А теперь — действуйте!

Она замолчала, затем устало и тихо спросила:

- Они слышали нас, Билли?
- Ага.
- Они рассказывают об этом другим?
- Угу. Все, кроме Джимми-Коника. Он на меня злится.
- Джимми-Коник? Где он?
- Ну... там, у себя дома.
- В Монреале, — вмешалась смотрительница. — Там есть еще двое телепатов — твое сообщение прошло. Ты закончила?
- Да... — неуверенно проговорила Мэри. — Но возможно, лучше будет, если какая-нибудь из резиденций передаст подтверждение.
- Нет!
- Но, Дженис...

— Я не позволю. Полагаю, тебе действительно нужно было передать свое сообщение, но сейчас я хотела бы ввести Билли антитот. Так что убирайся.

Лазарус взял Мэри за руку:

— Идем, детка. Сообщение либо прошло, либо не прошло; ты сделала все, что могла. Все хорошо, милая.

Мэри отправилась с докладом к секретарю, и Лазарус оставил ее. Он вернулся назад, ища кого-нибудь, кто был не слишком занят, чтобы ему помочь. Первыми ему встретились охранники у входа в пруд.

— Мое почтение... — начал он.

— И тебе, — ответил один из них. — Кого-то ищешь?

С любопытством взглянув на почти полностью обнаженного Лонга, он снова отвел взгляд — то, как кто-то одевался или не одевался, являлось личным делом каждого.

— Вроде того, — кивнул Лазарус. — Скажи-ка, приятель, — не знаешь тут никого, кто мог бы одолжить мне килт?

— Он перед тобой, — весело ответил охранник. — Подмени меня, Дик, — я через минуту вернусь.

Он повел Лазаруса в жилище для холостяков, где снабдил его одеждой и помог высушить сумку и ее содержимое, оставив без комментариев пристегнутый к его волосатым бедрам арсенал. То, как вели себя старейшины, никак его не касалось, а многие из них куда болезненнее относились к вопросам частной жизни, чем большинство других. Он видел прибывшую полностью обнаженной тетущку Мэри Сперлинг, но его несколько не удивило, когда он услышал, как Айра Барстоу инструктирует Пита, чтобы тот забрал под водой пассажиров; тот факт, что бывший с ней старейшина предпочел нырнуть в озеро, нагруженный железом, удивил его, но не настолько, чтобы заставить позабыть о приличиях.

— Что-нибудь еще нужно? — спросил он. — Туфли подходят?

— Вполне. Спасибо огромное, приятель. — Лазарус разгладил одолженный килт, который был для него слегка длинноват, но давал ощущение комфорта. Пожалуй, могла бы сойти и набедренная повязка — будь он на Венере. Но венерианские обычаи никогда его особо не заботили. Черт побери, человеку нравится быть одетым. — Чувствую себя намного лучше, — признался он. — Еще раз спасибо. Кстати, как тебя зовут?

— Эдмунд Харди, из семейства Фут.
— Вот как? Кто твои предки?
— Чарльз Харди и Эвелин Фут. Эдвард Харди — Элис Джонсон и Теренс Бриггс — Элинон Уэзерел. Оливер...

— Достаточно. Я примерно так и думал. Ты один из моих праправнуков.

— Что ж, это интересно, — согласился Харди. — Получается, что у нас одна шестнадцатая степень родства — не считая конвергенции. Могу я поинтересоваться, как звать тебя?

— Лазарус Лонг.

— Это какая-то ошибка, — покачал головой Харди. — Среди моих предков такого нет.

— Попробуй вспомнить Вудро Вильсона Смита. С этого я когда-то начинал.

— Ах, этот! Да, конечно. Но я думал, ты... гм...

— Умер? Нет.

— Ну, я вовсе не имел этого в виду, — покраснев, возразил Харди, и поспешно добавил: — Рад, что наткнулся на тебя, дедуля. Всегда хотел услышать из первых уст рассказ о собрании Семейств в две тысячи двенадцатом.

— Это было еще до твоего рождения, Эд, — мрачно буркнул Лазарус. — И не называй меня «дедуля».

— Прошу прощения, сэр... в смысле, прошу прощения, Лазарус. Я могу чем-то еще помочь?

— Мне не стоило на тебя сердиться. Да, и помочь ты можешь. Где я тут могу перекусить? Сегодня утром у меня даже не было времени позавтракать.

— С удовольствием. — Харди проводил его в столовую для холостяков, включил автоповара, налил кофе для своего товарища и для себя и вышел. Лазарус тем временем «перекусил», употребив порядка трех тысяч калорий шкворчащих сосисок, яиц, джема, поджаренного хлеба, кофе со сливками и прочих добавок, поскольку исходил из предположения, что резервные баки всегда следует держать полными, ибо никогда не знаешь, сколько тебе предстоит пролететь, прежде чем появится очередной шанс заправиться. По прошествии некоторого времени он откинулся на спинку стула, рыгнул, собрал посуду и бросил ее в мусоросжигатель, а затем отправился на поиски инфомата.

Инфомат нашелся в библиотеке для холостяков, рядом с их комнатой отдыха. В помещении было пусто, не считая одного человека, выглядевшего внешне примерно на столько же лет,

как и Лазарус. На этом сходство заканчивалось — незнакомец был худощав, с мягкими чертами лица, а голову его венчали спутанные, морковного цвета волосы, несколько не похожие на жесткую седую шевелюру Лазаруса. Незнакомец склонился над инфоматом, приставив глаза к окулярам.

Лазарус громко откашлялся.

— Привет, — сказал он.

Незнакомец резко поднял голову:

— Прошу прощения — ты меня напугал. Чем могу помочь?

— Я искал инфомат. Ты не против, если мы выведем картинку на экран?

— Нет, конечно. — Тот встал, нажал кнопку перемотки и настроил аппарат в режим проекции. — Какая-то конкретная тема?

— Я хотел посмотреть, нет ли каких-то новостей про нас — про Семейства, — сказал Лазарус.

— Я как раз сам их искал. Пожалуй, лучше запустить поиск по аудиодорожке.

— Ладно, — согласился Лазарус, подходя ближе и включая звук. — Какое кодовое слово?

— «Мафусаил».

Лазарус ввел данные, и автомат защебетал и засвистел, сканируя дорожку на большой скорости, а затем с торжествующим щелчком переключился в нормальный режим.

— «Ежедневные сведения», — объявил он. — Единственное новостное агентство Среднего Запада, доступное в каждой крупной сети. Выделенный видеоканал до Луна-Сити. Корреспонденты стереовидения по всей Солнечной системе. Самый первый и самый быстрый! Линкольн, Небраска — ученый обвиняет стариков! Доктор Уитвелл Оскарсен, экс-президент лицея Брайана, призывает к официальному пересмотру статуса семейной группы, именующей себя «Семействами Говарда». «Доказано, — утверждает он, — что эти люди решили многовековую проблему увеличения продолжительности человеческой жизни — возможно, на неопределенный срок. За свои ценные и потенциально плодотворные исследования они, несомненно, достойны похвалы. Но их заявление, будто речь идет не более чем о наследственной предрасположенности, противоречит как науке, так и здравому смыслу. Современные знания законов генетики позволяют уверенно сделать вывод, что они скрывают

от общественности некую секретную технологию, с помощью которой они добились своих результатов. Не в наших обычаях допускать, чтобы научные знания оставались монополией немногих. А когда сокрытие подобных знаний угрожает самой жизни, данный поступок становится предательством всего человечества. Как гражданин, я призываю администрацию применить силу и напоминаю им, что данная ситуация не из тех, которую могли предвидеть мудрецы, составившие Ковенант и придавшие нашим основным обычаям форму закона. Любой обычай придуман людьми и потому является лишь попыткой описать бесконечное множество взаимоотношений. Ясно как день, что из любого обычая неизбежно есть свои исключения. Когда мы связаны ими перед лицом новой...»

Лазарус нажал кнопку паузы.

— Может, хватит?

— Да, я все это уже слышал, — вздохнул незнакомец. — Мне нечасто доводилось сталкиваться с подобным отсутствием здравого смысла. Удивительно, но в прошлом доктор Оскарсен казался вполне разумным человеком.

— Впал в старческое слабоумие, — заявил Лазарус, давая автомату команду продолжать. — Хочет, чтобы было так, как хочется ему, — и считает, будто таков закон природы.

Автомат загудел, щелкнул и заговорил снова:

— «Ежедневные сведения», единственное новостное агентство Среднего Запада...

— Нельзя ли пропустить эту рекламу? — предложил Лазарус.

Его собеседник уставился на панель управления.

— Похоже, он на это не рассчитан.

— Энсенада, Нижняя Калифорния. Джефферс и Люси Уэзерел попросили специальной защиты у прокторов, утверждая, будто группа граждан вломилась в их дом, подвергнув их личному унижению и совершив иные антиобщественные поступки. Уэзерелы, по их собственному признанию, являются членами пресловутых Семейств Говарда, и заявляют, будто упомянутый инцидент может быть связан с данным фактом. Окружной провост отмечает, что они не представили никаких доказательств, но дело принято к рассмотрению. Сегодня вечером в городе объявлен массовый митинг, на котором...

Незнакомец повернулся к Лазарусу:

— Собрат, я действительно это слышал, или мне показалось? Это первый случай антиобщественного группового насилия за двадцать с лишним лет... но они сообщают о нем так, будто кто-то вломился в погодный интегратор.

— Не совсем, — мрачно ответил Лазарус. — Слова, с помощью которых описывают нас, подобраны с явным подтекстом.

— Верно, но подобраны весьма умно. Сомневаюсь, что в данном сообщении есть хотя бы одно слово, эмоциональный индекс которого превышает одну целую пять десятых. Репортерам, как известно, дозволяется две целых ноль десятых.

— Ты психометрист?

— Гм... нет. Пожалуй, мне следует представиться. Я Эндрю Джексон Либби.

— Лазарус Лонг.

— Знаю. Я был на собрании вчера вечером.

— Либби... Либби, — пробормотал Лазарус. — Не припоминаю никого такого в Семействах. Хотя звучит знакомо.

— Мой случай слегка похож на твой...

— Поменял имя во время Междущарствия, да?

— И да и нет. Я родился после Второй революции. Но мои родители стали поборниками Нового крестового похода, порвали с Семействами и поменяли фамилию. Я уже был взрослым, когда узнал, что принадлежу к Семействам.

— Черт побери! Интересно, как ты это обнаружил? Не против, если я спрошу?

— Ну, в общем... я служил на флоте, и один из моих старших офицеров...

— Точно! Я так и думал, что ты был астронавтом. Ты Счетчик Либби? Калькулятор?

— Да, меня так звали, — застенчиво улыбнулся Либби.

— Ну да, конечно. Последняя жестянка, которую я пилотировал, была оборудована твоим парагравитационным выпрямителем. А для управления маневровыми двигателями использовался твой фракционный дифференциатор. Но его я установил сам — так сказать, позаимствовал твой патент.

Факт подобного воровства, похоже, несколько не беспокоил Либби. Лицо его просияло.

— Интересуешься символической логикой?

— Только с прагматической точки зрения. Но я внес в твоё устройство модификацию, производную от отвергнутых альтер-

натив в твоём тринадцатом уравнении. И польза от этого такова: предположим, ты движешься в поле с плотностью «икс» с перпендикулярным твоему курсу градиентом энного порядка и хочешь проложить оптимальный курс к заданной точке «А» в направлении «ро», используя автоматический выбор для всего прыжка, а потом, если...

Их разговор перестал иметь что-либо общее с базовым английским, каким пользовались рядовые жители Земли. Информат рядом с ними продолжал поиск; трижды он начинал говорить, но Либби каждый раз, не слушая, нажимал кнопку сброса.

— Понимаю, о чем ты, — наконец сказал он. — Я рассматривал похожую модификацию, но пришел к выводу, что она коммерчески неосуществима, будучи чересчур дорогой для любого, кроме энтузиастов вроде тебя. Но твое решение дешевле моего.

— Как ты это понял?

— Ну, это же очевидно из имеющихся данных. Твое устройство содержит шестьдесят две движущиеся части, которые требуют, если исходить из стандартного производственного процесса, примерно... — Либби на мгновение поколебался, словно программируя задачу, — примерно пять тысяч двести одиннадцать операций для их изготовления при нуль-терблиговой автоматизации, в то время как мое...

— Энди, — заботливо прервал его Лазарус, — у тебя когда-нибудь болит голова?

Либби снова застенчиво посмотрел на него.

— В моих способностях нет ничего ненормального, — возразил он. — Теоретически они могут развиваться у любого обычного человека.

— Конечно, — согласился Лазарус. — И змею можно научить танцевать чечетку, главное — надеть на нее ботинки. Не важно. Я рад, что тебя встретил. Я слышал истории про тебя еще тех времен, когда ты был мальчишкой. Ты ведь служил в Космическом строительном корпусе?

— Земля—Марс, третий участок, — кивнул Либби.

— Угу, мне про тебя рассказывал один парень на Марсе, торговец из Драйуотера. И я знал твоего деда со стороны матери. Упрямый старикашка.

— Пожалуй, таким он и был.

— Точно был. Я с ним основательно поскандалил на собрании в две тысячи двенадцатом. И словарь у него был весьма богатый. — Лазарус слегка нахмурился. — Забавно, Энди... я очень живо помню тот случай. У меня всегда была хорошая память — но, похоже, мне все сложнее четко отличать одни события от других. Особенно в этом веке.

— Математическая неизбежность, — сказал Либби.

— Гм? В смысле?

— Жизненный опыт имеет линейно аддитивный характер, но корреляция впечатлений в памяти не знает границ. Если бы человечество жило тысячу лет, возникла бы необходимость изобрести полностью иной метод взаимосвязи воспоминаний с конкретными моментами времени. Иначе человек бы беспомощно барахтался в избытке собственных знаний, не в силах их оценить. В итоге — сумасшествие или слабоумие.

— Вот как? — Лазарус с внезапной тревогой взглянул на него. — Тогда, пожалуй, стоит заняться этой проблемой.

— Ну... ее вполне возможно решить.

— Вот давай и займемся. Как-то не хочется неожиданностей.

Информат снова потребовал внимания, на этот раз гудя зуммером и мигая лапочками. На экране появился выпуск новостей:

— Слушайте сведения. Молния! Высший Совет приостанавливает действие Ковенанта! В соответствии с пунктом Ковенанта о чрезвычайной ситуации сегодня объявлено о беспрецедентном решении Совета, предписывающем администратору задержать и допросить всех членов так называемых Семейств Говарда, с использованием любых средств. По распоряжению администратора по всем лицензированным новостным каналам распространено следующее заявление (цитирую): «Приостановка предусмотренных Ковенантом гарантий гражданских прав касается только группы, известной как Семейства Говарда, за исключением того, что правительственным агентам даны полномочия действовать по обстоятельствам с целью быстрого задержания тех, на кого распространяется решение Совета. Просим граждан с пониманием отнестись к возможным неудобствам; ваше право на частную жизнь будет уважаться настолько, насколько это возможно, но ваше право на свободу передвижения может быть временно ограничено. Любые убытки будут полностью возмещены».

Итак, друзья и граждане, — что все это означает для всех вас? «Ежедневные сведения» предоставляют слово вашему популярному комментатору, Альберту Рейфснайдеру:

«Мое почтение, граждане! Нет никаких оснований для тревоги. Для рядового свободного гражданина данная чрезвычайная ситуация создаст меньше проблем, чем чересчур низкое давление для погодных автоматов. Успокойтесь! Расслабьтесь! Оказывайте прокторам необходимую помощь и занимайтесь своими личными делами. В случае каких-либо неудобств не придерживайтесь обычаев — сотрудничайте со службой!

Вот что все это означает сегодня. Что оно будет означать завтра и послезавтра? Через год? Это означает, что государство предприняло решительный шаг, чтобы добыть для вас дар долгой и счастливой жизни! Не стройте чересчур больших надежд... но, похоже, наступает заря нового дня. Да, она воистину наступает! Ревностно охраняемый секрет немногих эгоистов скоро станет...»

Лонг посмотрел на Либби, подняв брови, и выключил автомат.

— Похоже, — мрачно проговорил Либби, — это пример «фактологической беспристрастности в новостных сообщениях».

Открыв сумку, Лазарус закурил сигарету и лишь затем ответил:

— Спокойно, Энди. Бывают плохие времена и хорошие времена. И плохим временам давно пора было настать. Народ вновь выступил в поход... на сей раз против нас.

3

В норе, известной под названием «резиденция Семейств», становилось все теснее. По туннелям из отдаленных частей штата и из Индианы продолжали прибывать новые семьи. С наступлением темноты у подземного входа со стороны пруда образовалась пробка из спортивных субмарин и фальшивых наземных машин наподобие той, что была у Мэри, модифицированных для пребывания под водой. Все они были нагружены беженцами, некоторые из которых едва не задохнулись, большую часть дня пролежав на дне в ожидании возможности незаметно проскользнуть внутрь.

Обычный зал для собраний оказался слишком мал, чтобы вместить толпу; местный персонал освободил самое большое помещение столовой и убрал перегородки, отделявшие ее от главной гостиной. Именно там в полночь Лазарус поднялся на временную трибуну.

— Ладно, — объявил он, — всем замолчать. Те, кто впереди, — сядьте на пол, чтобы остальным было видно. Я родился в тысяча девятьсот двенадцатом. Есть кто-нибудь старше? — Он сделал паузу, затем добавил: — Предлагайте кандидатуры председателя.

Предложили троих; прежде чем успели назвать четвертого, встал последний из выдвинутых:

— Аксель Джонсон, из семейства Джонсон. Заявляю самоотвод и предлагаю остальным поступить так же. Раз уж Лазарус сумел вчера вечером пробраться сюда — пусть берет дело в свои руки. На политику Семейств нет времени.

Остальные взяли самоотвод, и никого больше не предлагали.

— Что ж, раз вы так хотите... — сказал Лазарус. — Прежде чем перейдем к обсуждению, хотелось бы услышать доклад главного поверенного. Что скажешь, Зак? Поймали кого-то из наших?

Заккер Барстоу в представлении не нуждался.

— Выступаю от имени поверенных: наши сведения неполны, но пока что нам неизвестно об аресте кого-то из семей. Из девяти тысяч двухсот восьмидесяти пяти заявивших о себе, на тот момент, когда я покидал пункт связи десять минут назад, девять тысяч сто шесть сообщили, что добрались до укрытий в других цитаделях Семейств, в домах сохранивших свою тайну семей или где-то еще. Предупреждение Мэри Сперлинг оказалось удивительно действенным, учитывая, сколь мало времени прошло с объявления тревоги до начала исполнения решения Совета, — но остаются еще сто семьдесят девять наших сограждан, о которых мы ничего не знаем. Вероятно, большинство из них появятся в ближайшие несколько дней. Другие, возможно, находятся в безопасном месте, но не могут с нами связаться.

— К делу, Зак, — поторопил его Лазарус. — Есть шансы, что все они целыми и невредимыми доберутся домой?

— Абсолютно никаких.

— Почему?

— Потому что о троих известно, что они сейчас находятся в общественном транспорте между Землей и Луной, путешествуя под своими реальными именами. Другие, о которых мы не знаем, почти наверняка оказались в аналогичных обстоятельствах.

— У меня вопрос! — Невысокий самоуверенный тип в первых рядах встал и ткнул пальцем в сторону Главного поверенного. — Все эти семьяне, которым теперь грозит опасность, защищены посредством гипнотической блокады?

— Нет. В том не было...

— Я желаю знать, почему этого не сделали!

— Молчать! — взревел Лазарус. — Вопрос не по существу. Мы здесь не в суде, и у нас нет времени переживать по поводу того, что уже не изменишь. Продолжай, Зак.

— Хорошо. Но я отвечу на заданный вопрос: всем известно, что предложение защитить наши секреты с помощью гипноза было отклонено на собрании, которое смягчило требования «маскарада». И мне кажется, я помню, что наш собрат, который теперь возражает, тогда голосовал против.

— Неправда! И я настаиваю...

— ЗАТКНИСЬ! — Лазарус яростно уставился на возмутителя спокойствия, затем внимательно окинул его взглядом. — Приятель, ты послужил мне еще одним подтверждением, что Фонду следовало больше внимания обращать на мозги, а не на возраст. — Лазарус оглядел собравшихся. — Каждый получит слово, но в порядке, установленном председателем. Если кто-то снова влезет без очереди, я вобью ему в глотку его собственные зубы — или кто-то оспаривает мою власть?

Послышался отчасти испуганный, отчасти одобрительный ропот; возражать никто не стал.

— По совету Ральфа Шульца, — продолжал Заккер Барстоу, — поверенные в течение последних трех месяцев без особого шума убеждали заявивших о себе семьян пройти гипнотическое внушение. Во многом нам это удалось. — Он замолчал.

— Давай дальше, Зак, — поторопил его Лазарус. — Мы прикрыты? Или нет?

— Нет. По крайней мере двоим нашим собратьям грозит арест, и они никак не защищены.

Лазарус пожал плечами:

— Тогда не о чем и говорить. Друзья мои, игра окончена. Один укол сыворотки правды — и «маскараду» конец. Ситуация изменилась — или изменится в ближайшие часы. Есть что предложить?

В рубке управления ракетного корабля «Валлаби» австралийской компании «Саут флайт» загудел телеком, выдвинув, подобно нахально высунутому языку, листок бумаги. Второй пилот развернулся в кресле и оторвал сообщение.

Он прочитал текст, затем перечитал еще раз.

— Соберись с духом, шкипер.

— Какие-то проблемы?

— Читай.

Капитан присвистнул:

— Проклятье! Никогда никого не арестовывал. Вряд ли я даже вообще когда-либо видел, как кого-то арестовывают. С чего начнем?

— Склоняюсь перед твоим высшим авторитетом.

— Вот как? — язвительно бросил капитан. — Раз уж склоняешься — можешь сам отправиться на корму и произвести арест.

— Гм... я не это имел в виду. Это у тебя все полномочия. Я тебя подменю за приборами.

— Ты меня не понял. Я передаю полномочия тебе. Исполняй приказ.

— погоди, Эл, я не подписывался на...

— Исполняй приказ!

— Есть, сэр!

Второй пилот направился на корму. Корабль завершил вход в атмосферу, летя по пологой траектории, и пилот мог быть спокоен. Интересно, подумал он, как арестовать кого-то в невесомости? Ловить его сачком для бабочек? Найдя нужное место, он коснулся руки сидевшего там пассажира:

— Мое почтение, сэр. Ошибка в документах. Можно взглянуть на ваш билет?

— Да, конечно.

— Не могли бы вы пройти в резервную каюту? Там спокойнее, и мы оба сможем сесть.

— Пожалуйста.

Как только они оказались в каюте, пилот попросил пассажира сесть, затем с досадой тряхнул головой.

— Ну и дурак же я — оставил списки в рубке! — сказал он.

Пилот повернулся и вышел. Как только за ним задвинулась дверь, пассажир услышал неожиданный щелчок. Охваченный внезапным подозрением, он попробовал открыть дверь, но та была заперта.

В Мельбурне его уже ждали двое прокторов. Когда его вели через космопорт, он слышал реплики со стороны любопытной и удивительно недружелюбной толпы:

- Это один из тех самых!
- Но он же вовсе не выглядит стариком.
- Сколько заплатил за обезьяньи железы?
- Не пялся на него, Герберт.
- Почему бы и нет? Хуже ему все равно не будет.

Его доставили в кабинет главного провоста, который формально-вежливым жестом предложил ему сесть.

— Итак, сэр, — сказал провост с легким местным акцентом, — если вы не будете возражать, чтобы вам сделали небольшой укол в руку...

— С какой целью?

— Уверен, вы не против того, чтобы помочь обществу. Это совсем не больно.

— Ответ не по существу. Я требую объяснений. Я гражданин Соединенных Штатов.

— Да, но юрисдикция Федерации распространяется на все государства-члены, и я действую в рамках ее полномочий. Обнажите руку, пожалуйста.

— Я отказываюсь. Я требую соблюдения моих гражданских прав.

— Хватайте его, парни.

Для этого потребовались четверо. Еще до того, как иньектор коснулся его кожи, скулы его напряглись, а лицо внезапно обрело мучительное выражение. Дальше он лишь просто сидел, погруженный в апатию, пока блюстители порядка ждали, когда подействует препарат. Наконец провост осторожно приподнял веко задержанного и сказал:

— Похоже, готов. Он и десяти стоунов¹ не весит, так что сработало быстро. Где список вопросов? — Помощник протянул ему список, и он начал допрос: — Гораций Фут, вы меня слышите?

¹ Стоун — мера веса, равная 14 фунтам.

Губы задержанного дрогнули, — казалось, он собрался что-то сказать. Рот его открылся, и на грудь хлынула кровь.

Взревев, провост схватил пленника за голову и быстро осмотрел.

— Врача! Он наполовину откусил себе язык!

Капитан челнока «Лунный луч», следующего до Луна-Сити, хмуро взглянул на сообщение у себя в руке.

— Что это за детские игрушки? — Он яростно уставился на третьего помощника. — Отвечай!

Третий помощник смотрел в потолок. Кипя от злости, капитан вслух прочитал сообщение, держа его на расстоянии вытянутой руки:

— ...крайне необходимо, чтобы названные лица не смогли причинить себе вреда. Вам предписано привести их в бессознательное состояние, не предупреждая заранее. — Он отшвырнул листок. — Они что, думают, будто я начальник Ковентри? Да кто они вообще такие, чтобы указывать, как я должен поступать на своем корабле со своими пассажирами? Будь что будет, но делать я ничего не стану! Никакой закон от меня этого не требует... не так ли?

Третий помощник продолжал молча изучать устройство корабля.

Капитан перестал расхаживать туда-сюда.

— Стюард! Стюард! Почему его никогда нет, когда он мне нужен?

— Я здесь, капитан.

— Как раз вовремя!

— Я все время был на месте, сэр.

— Не спорь со мной. Вот, займись. — Он протянул депешу стюарду и вышел.

Под наблюдением стюарда и медика корабельный техник внес небольшие изменения в воздуховод, ведущий в одну из кают, и двое встревоженных пассажиров погрузились в сон, получив несмертельную дозу усыпляющего газа.

— Еще один доклад, сэр.

— Оставь его, — устало сказал администратор.

— И еще — советник Борк Вэннинг высказывает свое восхищение и просит о встрече.

— Скажи ему, что я, к сожалению, очень занят.

— Он настаивает на том, чтобы увидаться с вами, сэр.

— Тогда можешь сказать уважаемому мистеру Вэннингу, — раздраженно бросил администратор Форд, — что здесь командует не он! — Помощник промолчал. Администратор Форд устало прижал пальцы ко лбу и медленно продолжил: — Нет, Джерри, не говори ему этого. Будь дипломатичен... но не пускай его ко мне.

— Да, сэр.

Оставшись один, администратор взял со стола доклад и пробежал глазами официальный заголовок, дату и номер.

«Краткое изложение допроса условно объявленного вне закона гражданина Артура Сперлинга, полный текст прилагается. Условия допроса: субъект получил обычную дозу неоскона, которой предшествовала чрезмерная доза газообразного гипнотала. В качестве антидота... — Как, черт побери, излечить подчиненных от многословия? Есть ли хоть что-нибудь в душе карьерного чиновника, обожающего бюрократию? Он продолжал читать: — ...заявил, что его имя — Артур Сперлинг из семейства Фут, и назвал в качестве своего возраста сто тридцать семь лет. (Видимый возраст субъекта составляет сорок пять лет плюс-минус четыре года; отчет о биологическом исследовании прилагается.) Субъект признал, что является членом Семейств Говарда. Он заявил, что Семейства насчитывают чуть больше ста тысяч членов. Его попросили исправить ответ, высказав предположение, что истинное число составляет около десяти тысяч, но он настоял на своем изначальном утверждении».

Администратор перечитал эту часть еще раз, затем перешел к основному:

«...настаивал на том, что его долгая жизнь — результат наследственности и других причин для нее нет. Признал использование искусственных средств для сохранения молодой внешности, но решительно утверждал, что его долголетие врожденное, а не приобретенное. В ответ на предположение, что его старшие родственники подвергли его в ранней юности неким лечебным процедурам с целью увеличения продолжительности жизни, субъект признал подобную возможность. Однако после требования назвать имена тех, кто мог провести данные процедуры, он вернулся к своему изначальному утверждению, что никаких подобных процедур не существует.

Он назвал имена, а в некоторых случаях и адреса почти двухсот своих родственников, прежде не отмеченных как таковые

в наших данных. (Список прилагается.) В конце концов силы его иссякли, и он впал в полную апатию, из которой его не удалось вывести никакими стимуляторами, которые мог бы выдержать его организм (смотри отчет о биологическом исследовании).

Выводы после быстрого анализа с использованием метода аппроксимации Келли-Холмса: субъект не обладает объектом поиска и не верит в его существование. Он не помнит, что подвергался воздействию объекта поиска, но ошибается. Об объекте поиска известно лишь небольшой группе, порядка двадцати человек. Любой из членов этой ядерной группы может быть найден с использованием метода не более чем тройного последовательного исключения. (Вероятность основана на следующих предположениях: во-первых, данное топологическое общественное пространство непрерывно и включено в физическое пространство Западной Федерации, а во-вторых, существует по крайней мере одна неразрывная нить, связывающая арестованных субъектов и ядерную группу. Ни одно из этих предположений не может быть в данный момент проверено, но первое из них во многом подтверждается путем статистического анализа представленного субъектом списка имен ранее ни в чем не подозреваемых членов Семейств Говарда.) Данный анализ также подтверждает приведенную субъектом оценку общего размера группы, а из отрицания второго предположения следует, что ядерная группа, обладающая объектом поиска, могла его применить, не имея общественного пространства для контакта, что является абсурдом.

Предполагаемое время поиска: 71 час, плюс-минус 20 часов. Оно является лишь прогнозом, но не оценкой времени, подтвержденной информационным бюро. Оценка времени будет...»

Форд швырнул доклад на груды бумаг, загромождавшую его старомодный стол. Дураки, идиоты! Не понять с первого взгляда, что выводы доклада отрицательные — и они еще называли себя психографами!

Он закрыл лицо руками, и на него навалилась смешанная с разочарованием усталость.

Лазарус постучал по столу рядом с собой, используя в качестве молотка рукоятку бластера.

— Не прерывать выступающего! — прогремел он, затем добавил: — Говори, но коротко.

Бертрам Харди отрывисто кивнул.

— Еще раз повторяю — эти особи, которых мы видим вокруг, не имеют никаких прав, которые были бы обязаны уважать мы, представители Семейств. Нам следует иметь с ними дело тайно, посредством хитрости и лжи, а когда мы наконец укрепим наши позиции — и посредством силы! Мы не в большей степени обязаны заботиться об их благополучии, чем охотник — предупреждать свою добычу. Так...

В задних рядах кто-то засвистел. Лазарус снова ударил по столу, призывая к порядку, и попытался высмотреть источник свиста.

— Так называемое человечество разделилось надвое, — невозмутимо продолжал Харди. — Пора это признать. С одной стороны хомо вивенс¹, мы сами... с другой — хомо моритурус². Их дни сочтены, и их ждет судьба больших ящеров, саблезубых тигров и бизонов. Для нас не больше смысла в том, чтобы смешивать с их кровью нашу живую кровь, чем пытаться совокупляться с обезьянами. Мы должны тянуть время, рассказывать им любые сказки, заверять их, что мы искупаем их в фонтане молодости, — и когда эти две естественным образом противостоящие друг другу расы сойдутся в битве, победа будет за нами!

Никто не аплодировал, но Лазарус заметил неуверенное выражение многих лиц. Идеи Бертрама Харди противоречили многолетним представлениям о мирной жизни, но слова его, казалось, звучали пророчески. Лазарус не верил в судьбу; он верил... в общем, не важно — но ему стало интересно, как выглядел бы брат Бертрам, если сломать ему обе руки.

Встала Ева Барстоу.

— Если именно это Бертрам подразумевает под выживанием наиболее приспособленных, — с горечью проговорила она, — то я предпочту жить с антиобщественными элементами в Ковентри. Однако он предложил некий план, и, если я с ним не соглашусь, мне придется предложить другой. Я не приму никакого плана, который потребует от нас жить за счет наших несчастных скоротечных соседей. Более того, мне теперь ясно, что само наше существование, сам простой факт наличия у нас богатого наследства в виде долгой жизни вредит душе этих бед-

¹ *Хомо вивенс* — человек живущий.

² *Хомо моритурус* — человек смертный.

няг. Из-за нашего долголетия и наших больших возможностей все их усилия кажутся им тщетными — любые, кроме безнадежной борьбы против неизбежной смерти. Само наше существование подрывает их силы, наполняя их паническим страхом смерти. Так что я предлагаю план. Давайте раскроем себя, расскажем всю правду и попросим свою долю на Земле, какой-нибудь небольшой уголок, где мы могли бы жить отдельно. Если наши несчастные друзья захотят окружить его высоким барьером вроде того, что вокруг Ковентри, пусть так и будет — даже лучше, если мы никогда не встретимся лицом к лицу.

Неуверенное выражение на некоторых физиономиях сменилось одобрительным. Со своего места поднялся Ральф Шульц:

— Без предубеждения к сути плана Евы должен заметить, что, по моему профессиональному мнению, предлагаемое ею психологическое обособление не так-то просто обеспечить. Пока мы на этой планете, они не смогут забыть о нашем существовании. Современные средства связи...

— Тогда мы должны перебраться на другую планету! — заявила она.

— Куда? — спросил Бертрам Харди. — На Венеру? Я скорее предпочту жить в парилке. На Марс? Он полностью истощен и бесполезен.

— Мы отстроим его заново, — настаивала Ева.

— Не при твоей жизни и не при моей. Нет, дорогая моя Ева, я ценю твое мягкосердечие, но в этом нет никакого смысла. В Солнечной системе есть лишь одна планета, пригодная для жизни.

При словах Бертрама Харди в мозгу у Лазаруса Лонга что-то щелкнуло, но мысль тут же ускользнула. Что-то... что-то, что он слышал или говорил всего день или два назад... или раньше? Каким-то образом, похоже, это было связано с его первым полетом в космос сто с лишним лет назад. Проклятье! От подобных шуточек, которые играла с ним его память, можно было сойти с ума...

И тут до него дошло — космический корабль! Межзвездный корабль, на который наносились последние штрихи на орбите между Землей и Луной.

— Друзья, — медленно проговорил он, — прежде чем отложить в долгий ящик идею о том, чтобы перебраться на другую планету, давайте рассмотрим наши возможности. — Он подо-

ждал, пока внимание окружающих обратится к нему. — Вы когда-нибудь задумывались, что не все планеты вращаются вокруг единственного Солнца?

Тишину нарушил Заккер Барстоу:

— Лазарус... ты серьезно?

— Более чем.

— Что-то непохоже. Может, лучше объяснишь?

— Объясню. — Лазарус повернулся к собравшимся. — В небе висит космический корабль, вполне просторный, построенный для длинных прыжков между звездами. Почему бы не завладеть им и не отправиться на поиски нового места для жизни?

Первым пришел в себя Бертрам Харди:

— Не знаю, пытается ли наш председатель поднять нам настроение очередной своей шуткой, но, если предположить, что он говорит серьезно, — я отвечу. Мое возражение насчет Марса в десятикратной мере относится и к этому дикому плану. Как я понимаю, безрассудные идиоты, которые намереваются завладеть тем кораблем, рассчитывают совершить прыжок длиной примерно в столетие — тогда, возможно, их внуки что-то найдут, а может, и нет. В любом случае мне это неинтересно. У меня нет никакого желания провести целый век взаперти в стальном резервуаре, и я не рассчитываю прожить столь долго. Так что — без меня.

— погоди, — сказал Лазарус. — Где Энди Либби?

— Я здесь, — ответил Либби, встав со своего места.

— Иди сюда. Счетчик, ты имел какое-то отношение к разработке нового корабля для полета к Центавру?

— Нет. Ни к этому, ни к первому.

Лазарус повернулся к остальным:

— Все ясно. Если Счетчик не приложил руку к разработке двигателя этого корабля, значит тот не настолько быстр, каким мог бы быть, причем во много раз. Счетчик — займись-ка этой проблемой, сынок. Похоже, нам потребуется решение.

— Но, Лазарус, ты же не считаешь, что...

— Разве нет теоретической возможности?

— Ну... ты сам знаешь, что есть, но...

— Тогда напряги свою морковную макушку и берись за дело.

— Ну... ладно. — Либби покраснел до корней волос.

— погоди, Лазарус, — вмешался Заккер Барстоу. — Мне нравится твоё предложение, так что, думаю, нам стоит детально

его обсудить... и пусть нас не пугает неприязнь, которую питает к нему брат Бертрам. Даже если брату Либби не удастся придумать движитель получше — в чем я, честно говоря, сомневаюсь, поскольку немного разбираюсь в механике поля, — даже при всем при этом меня не пугают сто лет пути. Используя анабиоз и работая посменно, большинство из нас должны суметь завершить один прыжок. Как...

— С чего ты взял, — спросил Бертрам Харди, — что нам вообще позволят воспользоваться этим кораблем?

— Берт, — холодно проговорил Лазарус, — когда хочешь высказаться, обращай к председателю. Ты даже не делегат от своего семейства. Последнее предупреждение.

— Как я уже говорил, — продолжал Барстоу, — путешествие среди звезд вполне уместно для долгоживущих. Какой-нибудь мистик мог бы назвать его нашим истинным призванием. — Он задумался. — Что касается предложенного Лазарусом корабля, возможно, нам его так просто не дадут... но Семейства богаты. Если нам потребуется корабль — или корабли, — мы можем их построить, мы можем за них заплатить. Пожалуй, лучше стоит надеяться, что нам это позволят... поскольку, возможно, другого способа разрешить дилемму, не считая уничтожения нас самих, просто не существует.

Последние слова Барстоу произнес тихо и медленно, и они были полны грусти. Собравшихся словно обдало холодом. Для большинства из них проблема была слишком новой, чтобы выглядеть реальной, и никто не озвучил возможных последствий, если им не удастся найти удовлетворительное для короткоживущего большинства решение. Но когда их старший поверенный всерьез высказал опасения, что Семейства могут быть истреблены — выслежены и убиты, — каждый ощутил призраки страха, о котором никогда не упоминал.

— Что ж, — живо проговорил Лазарус, когда тишина стала чересчур гнетущей, — прежде чем дальше разрабатывать эту идею, послушаем, нет ли у кого других планов. Говорите.

В зал поспешно вошел посыльный и обратился к Заккеру Барстоу. Удивленно посмотрев на него, тот, похоже, попросил повторить сообщение, затем поспешил к Лазарусу и что-то ему зашептал. Лазарус удивленно взглянул на Барстоу, и тот быстро вышел.

Лазарус снова повернулся к собравшимся.

— Перерыв, — объявил он. — Даю время обдумать другие планы... а также размяться и покурить. — Он потянулся к своей сумке.

— Что случилось? — крикнул кто-то.

Лазарус зажег сигарету, затянулся и выпустил дым.

— Подождем — увидим, — ответил он. — Пока не знаю. Но по крайней мере полдюжины представленных сегодня планов можно не ставить на голосование. Ситуация снова изменилась — насколько, сказать пока не могу.

— В каком смысле?

— В общем, — медленно проговорил Лазарус, — похоже, администратор Федерации пожелал немедленно поговорить с Заком Барстоу. Он попросил его явиться лично... и он вышел на связь по нашей секретной сети Семейств.

— Что? Это невозможно!

— Угу. И тем не менее, сынок.

4

Заккер Барстоу, изо всех сил пытаясь успокоиться, спешил к видеофонной будке.

На другом конце линии точно так же пытался успокоить нервы достопочтенный Слейтон Форд. Он вовсе не недооценивал себя — долгая блестящая карьера, увенчанная годами в должности администратора Совета и представителя Ковенанта в Западной Администрации давала Форду все основания считать, что он обладает выдающимися способностями и непревзойденным опытом. И вряд ли на переговорах с любым обычным человеком он мог чувствовать себя в невыгодном положении.

Но сейчас все было иначе.

Что мог представлять из себя человек, проживший больше двух обычных жизней? Хуже того — человек, взрослый опыт которого составлял вчетверо или впятеро больше, чем у самого Форда? Слейтон Форд знал, что сам он не раз менял свое мнение по мере взросления; он знал, что мальчишка, которым он когда-то был, или даже способный юноша, которым он тоже был, не имеет ничего общего со зрелым человеком, которым он стал. Так каков же он, этот Барстоу? Вероятно, самый способный и самый хитроумный из людей, обладающий намного большим опытом, чем Форд. Что вообще можно было предполагать о его оценках, намерениях, образе мышления, возможных ресурсах?

Форд не сомневался только в одном: он вовсе не намеревался продать остров Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски, точно так же как не собирался продавать человеческое право первородства за чечевичную похлебку.

Он пристально разглядывал появившееся на экране его видеофона лицо Барстоу. Приятное лицо, в котором чувствовалась сила... вряд ли имело смысл пытаться запугать этого человека. И человек этот выглядел молодо — даже моложе, чем сам Форд! Подсознательно возникший в мозгу администратора образ его собственного строгого и неумолимого деда исчез, и напряжение спало.

— Вы гражданин Заккер Барстоу? — спокойно спросил он.

— Да, господин администратор.

— Вы глава Семейств Говарда?

— В настоящее время я старший поверенный Фонда наших Семейств. Но я скорее отвечаю за своих собратьев, чем имею над ними власть.

Форд небрежно махнул рукой:

— В любом случае вы занимаете руководящий пост. Я не могу вести переговоры с сотней тысяч человек.

Барстоу даже не моргнул, проигнорировав внезапное признание администратора, что тому известна истинная численность Семейств. Он уже пережил первое потрясение, узнав, что местонахождение штаб-квартиры Семейств больше не является тайной и, что еще больше его встревожило, администратору было известно, как подключиться к их закрытой системе связи. Это лишь доказывало, что один или несколько семей схвачены и их заставили говорить.

Так что теперь практически не оставалось сомнений, что властям уже известны все существенные факты насчет Семейств. Соответственно, пытаться блефовать не имело смысла — как и добровольно предоставлять какую-либо информацию; возможно, пока что власти знали не все.

— Что вы хотели бы со мной обсудить, сэр? — невозмутимо спросил Барстоу.

— Политику Администрации в отношении ваших сородичей. Ваше благополучие и благополучие ваших родственников.

— Что тут обсуждать? — пожал плечами Барстоу. — Ковенант отброшен в сторону, и вам дана власть поступать с нами так, как вам захочется, чтобы выбить из нас секрет, которого

у нас на самом деле нет. Что нам остается, кроме как молить о пощаде?

— Перестаньте! — раздраженно махнул рукой администратор. — К чему эта пикировка? У нас проблема — у вас и у меня. Давайте открыто ее обсудим и попытаемся найти решение. Хорошо?

— Да, мне бы этого хотелось, — медленно ответил Барстоу, — и, полагаю, вам тоже. Но проблема основана на ложном предположении, будто мы, Семейства Говарда, знаем, как продлить человеческую жизнь. Это не так.

— Допустим, я скажу вам: мне известно, что никакого секрета нет.

— Гм... хотелось бы вам верить. Но как это соотносится с преследованием моих людей? Вы охотитесь на нас, словно на крыс.

Форд криво усмехнулся:

— Есть очень старая история про одного богослова, которого попросили соотнести доктрину Божьей милости с доктриной истребления младенцев. «Всемогущий, — объяснил он, — считает необходимым публично совершать поступки, которые Он в душе осуждает».

— Мне понятна ваша аналогия, — невольно улыбнулся Барстоу. — Это действительно имеет отношение к делу?

— Думаю, да.

— То есть вы позвали меня лишь затем, чтобы принести извинения от лица палача?

— Нет. Надеюсь, что нет. Вы в курсе текущей политики? Наверняка да — этого требует положение, которое вы занимаете.

Барстоу кивнул, и Форд детально все объяснил.

Правление Форда было самым долгим со времени подписания Ковенанта; он пережил четыре Совета. И тем не менее власть его теперь настолько пошатнулась, что он не мог рисковать, поставив на голосование вопрос о доверии к себе — и уж точно не в связи с проблемой Семейств Говарда. По данному вопросу номинальное большинство, к которому он принадлежал, уже являлось меньшинством. Если бы Форд отверг последнее решение Совета, вынудив его поставить вопрос о доверии, он бы лишился должности и администратором стал бы нынешний лидер меньшинства.

— Понимаете? Я могу либо остаться на своей должности и пытаться справиться с проблемой, будучи ограниченным директивной Совета, с которой я не согласен... или подать в отставку, и пусть этим занимается мой преемник.

— Надеюсь, вы не спрашиваете моего мнения?

— Нет, вовсе нет! Я уже принял решение. Решение Совета будет исполнено в любом случае — либо мной, либо господином Вэннингом, — так что остается лишь вопрос: могу я рассчитывать на вашу помощь или нет?

Барстоу поколебался, мысленно прокручивая в голове политическую карьеру Форда. Ранние годы Форда на посту администратора стали почти золотым веком управления государственными делами. Будучи человеком умным и практичным, Форд превратил в работающие правила принципы человеческой свободы, изложенные Новаком в тексте Ковенанта. То был период доброжелательности, процветания и развития цивилизации, и процесс этот казался постоянным и необратимым.

И тем не менее наступил регресс, причины которого Барстоу понимал не хуже Форда. Когда внимание граждан сосредоточено на одной проблеме за счет всех остальных, неизбежно появляются прохвосты и демагоги, тщеславные всадники на белом коне. Семейства Говарда, сами того не сознавая, стали причиной кризиса общественной морали, от которого они теперь страдали, — и все из-за того, что много лет назад они позволили короткоживущим узнать об их существовании. То, что никакого «секрета» на самом деле не было, не имело значения — хватило всего лишь слухов, разлагающе повлиявших на общество.

Форд, по крайней мере, понимал, какова ситуация на самом деле...

— Мы поможем, — внезапно ответил Барстоу.

— Хорошо. Что вы предлагаете?

Барстоу задумчиво пожевал губами:

— Есть какой-нибудь способ приостановить эти решительные меры, которые сами по себе являются нарушением Ковенанта?

— Слишком поздно, — покачал головой Форд.

— Даже если вы выступите перед общественностью и объявите гражданам, что вы знали...

— Я лишусь должности прежде, чем успею выступить с речью, — прервал его Форд. — К тому же никто мне не поверит.

Кроме того — поймите меня правильно, Заккер Барстоу, — независимо от моей личной симпатии к вам и вашим людям, я бы так не поступил, даже если бы мог. Вся эта проблема подобна раку, который пожирает жизненно важные органы нашего общества, и ее нужно решить. Да, я действовал не по своей воле... но пути назад нет. Решение должно быть найдено так или иначе.

Барстоу хватало ума по крайней мере в одном отношении — он понимал, что его собеседник мог ему противостоять, но не быть при этом злодеем.

— Но моих людей преследуют, — возразил он.

— Ваши люди, — натянуто проговорил Форд, — составляют долю одной десятой процента от всего человечества... и я должен найти решение для всех! Я позвал вас, чтобы выяснить, есть ли у вас какие-то предложения на этот счет. Так как — есть?

— Сомневаюсь, — медленно ответил Барстоу. — Предположим, я признаю, что вам ничего не остается, кроме как и дальше заниматься грязным делом, арестовывая моих людей и допрашивая их незаконными методами... полагаю, у меня просто нет выбора...

— У вас нет выбора — как и у меня. — Форд нахмурился. — Мы будем действовать настолько гуманно, насколько это возможно, — я не свободен в своих решениях.

— Спасибо. Но, хотя вы говорите, что выходить к народу для вас бесполезно, в вашем распоряжении имеются обширные средства пропаганды. Нет ли возможности провести кампанию с целью убедить людей в истинных фактах? Доказать им, что никакого секрета нет?

— Подумайте сами, — ответил Форд. — Получится ли?

— Вряд ли, — вздохнул Барстоу.

— И даже если бы получилось — я бы все равно не счел бы это решением! Люди — даже мои верные помощники — цепляются за свою веру в фонтан молодости, ибо единственная альтернатива чересчур жестока, чтобы о ней задумываться. Знаете, что это будет для них означать? Если им придется поверить в глупую правду?

— Продолжайте.

— Я спокойно отношусь к смерти лишь потому, что смерть — великий демократ, для которого все равны. Но теперь у смерти появились любимчики. Заккер Барстоу, можете ли вы понять невероятно горькую зависть обычного человека... скажем, пя-

тидесяти лет — при виде таких, как вы? Пятьдесят лет... двадцать из них составляют детство и юность, а когда он набирается профессионального опыта, ему уже далеко за тридцать. Когда он остепеняется и становится уважаемым человеком, ему уже сорок. И только всего лишь за последние десять лет из своих пятидесяти ему удастся по-настоящему чего-то достичь. — Форд наклонился вперед, продолжая с подчеркнутой серьезностью: — И теперь, когда он наконец достиг своей цели, какова награда? Зрение его подводит, от молодых сил ничего не осталось, сердце и дыхание уже не те, что были когда-то. Он еще не стар... но уже чувствует смертельный холод. Он знает, что его ждет. Знает! Но подобное неизбежно, и каждый научился принимать его как данность.

И теперь появились вы, — с горечью продолжал Форд. — Ему стыдно перед вами за свою слабость, вы унижаете его перед собственными детьми. Он не осмеливается строить планы на будущее; вы же радостно планируете свою жизнь на пятьдесят и даже на сто лет вперед. Какого бы успеха он ни добился, чего бы он ни достиг, вы в любом случае догоните его и обгоните — попросту его переживете. Его слабость вызывает у вас жалость — стоит ли удивляться, что он вас ненавидит?

Барстоу устало поднял голову:

— Вы меня ненавидите, Слейтон Форд?

— Нет-нет. Я не могу позволить себе кого-либо ненавидеть. Но вот что я вам скажу, — внезапно добавил Форд. — Если бы секрет существовал, я бы вытянул его из вас, даже если бы пришлось разорвать вас на куски!

— Да, я понимаю. — Барстоу задумчиво помолчал. — Мы, Семейства Говарда, мало что можем сделать. Мы не планировали подобного — его спланировали за нас. Но кое-что мы все же можем предложить.

— Да?

Барстоу объяснил.

Форд покачал головой.

— С медицинской точки зрения ваше предложение вполне реально, и у меня нет сомнений, что половинная доля вашей наследственности увеличила бы продолжительность человеческой жизни. Но даже если бы женщины согласились принять зародышевую плазму ваших мужчин — в чем я не уверен, — это стало бы духовной смертью для всех остальных мужчин. После-

довал бы взрыв всеобщего разочарования и ненависти, который разделит бы человечество, обрекая его на гибель. Нет, несмотря на все наши желания, от наших обычаев никуда не деться. Мы не можем разводить людей, словно животных, — они этого не потерпят.

— Знаю, — согласился Барстоу, — но это все, что мы можем предложить... долю нашего богатства посредством искусственного оплодотворения.

— Да. Полагаю, мне следует вас поблагодарить, но никакой благодарности я не испытываю, так что делать этого не стану. Будем практичны. По отдельности вы, старики, несомненно, уважаемые и приятные люди. Но все вместе вы столь же опасны, как переносчики чумы. И потому вас необходимо поместить под карантин.

— Я и мои собраты уже пришли к тому же выводу, — кивнул Барстоу.

— Рад, что вы столь благоразумны, — облегченно вздохнул Форд.

— Иначе и быть не могло. Так что тогда? Изолированная колония? Какое-нибудь отдаленное место, которое стало бы нашим собственным Ковентри? Может, Мадагаскар? Или мы могли бы забрать себе Британские острова, вновь их отстроить и распространиться оттуда по Европе, по мере того как будет спадать радиоактивность.

— Это невозможно, — покачал головой Форд. — Решение проблемы попросту ляжет на плечи моих внуков. К тому времени вы и ваши люди наберетесь сил и сможете нас победить. Нет, Заккер Барстоу, вы и ваши сородичи должны вообще покинуть эту планету!

Барстоу туло уставился на него:

— Я так и знал, что к этому придет. И куда же нам отправиться?

— Выбирайте сами в Солнечной системе. Куда угодно.

— Но куда? Венера — далеко не подарок, и, даже если мы ее выберем, примут ли нас там? Венериане не подчиняются приказам Земли — так было решено в две тысячи двадцатом. Да, сейчас они принимают проверенных иммигрантов в соответствии с Конвенцией Четырех планет... но примут ли они сто тысяч, которых Земля сочла чересчур опасными? Сомневаюсь.

— Я тоже. Так что лучше выберите другую планету.

— Какую? Во всей системе нет других небесных тел, пригодных для человеческой жизни. Потребовались бы почти сверхчеловеческие усилия, даже при наличии неограниченных средств и лучших достижений современной техники, чтобы приспособить для заселения самые многообещающие из них.

— Так приложите усилия. Мы окажем щедрую помощь.

— Не сомневаюсь. Но в конечном счете — насколько это лучшее решение, чем просто предоставить нам резервацию на Земле? Вы что, собираетесь положить конец космическим полетам?

Форд внезапно выпрямился:

— Кажется, я понял, о чем вы. Об этом я не подумал, но... почему бы и нет? Не лучше ли будет отказаться от космических полетов, чем позволить нынешней ситуации выродиться в открытую войну? Однажды от них уже отказывались.

— Да, когда венериане свергли своих землевладельцев. Но потом полеты возобновились, Луна-Сити отстроили заново, и в небе летает вдесятеро больше тонн груза, чем когда-либо прежде. Вы способны это прекратить? А если даже способны — удастся ли?

Форд глубоко задумался. Прекратить космические полеты он не мог — этого не могла ни одна администрация. Но нельзя ли наложить запрет на планету, куда отправятся эти старики? И насколько это поможет? Одно поколение, два, три... какая разница? Древние японцы пытались применить подобное решение на практике, но к ним все-таки приплыли иноземные дьяволы. Культуры не могут вечно существовать раздельно, а когда они вступают в контакт, более сильная вытесняет более слабую — таков закон природы.

Постоянный и действенный карантин был невозможен. Оставался лишь один вариант, и весьма неприятный. Но Форд был человеком практичным и вполне мог смириться с неизбежным. Он начал строить планы, забыв о присутствии Барстоу на экране. Как только он сообщит главному провосту местонахождение штаб-квартиры Семейств Говарда, речь пойдет о часе, самое большее о двух... если только у них нет выдающихся средств обороны. Но в любом случае это был лишь вопрос времени. Арестовав тех, кто находился в штаб-квартире, можно было узнать

у них, где находятся остальные, и арестовать их тоже. Если повезет, за сутки или двое все они будут у него в руках.

Единственное, чего он не мог решить: ликвидировать ли их всех или просто стерилизовать. И тот, и другой вариант были окончательными — третьего не существовало. Но какой из них более гуманный?

Форд знал, что карьера его на этом закончится. Его с позором лишат должности, возможно, отправят в Ковентри, но об этом он не задумывался — его собственное благополучие значило намного меньше, чем долг перед обществом.

Барстоу не мог прочитать мысли Форда, но почувствовал, что тот принял некое решение, и верно предположил, что решение это не сулит ничего хорошего ему самому и его сородичам. Пришло время рискнуть и выложить последний козырь.

— Господин администратор...

— Гм? Ох, извините! Задумался. — Это было еще мягко сказано — его привела в крайнее замешательство сама мысль о том, что он смотрит на человека, которого только что приговорил к смерти. Он попытался скрыться под завесой формальной вежливости: — Спасибо, Заккер Барстоу, что согласились со мной поговорить. Мне очень жаль, что...

— Господин администратор!

— Да?

— Предлагаю отправить нас вообще за пределы Солнечной системы.

— Что? — Форд удивленно моргнул. — Вы серьезно?

Барстоу быстро и убедительно заговорил, излагая наполовину продуманный план Лазаруса Лонга. Он импровизировал на ходу, пропуская возможные препятствия и подчеркивая преимущества.

— Может, и получится, — наконец медленно проговорил Форд. — Есть сложности, о которых вы не упомянули, трудности политического порядка, и у нас крайне мало времени. И все же... — Он встал. — Возвращайтесь к своим. Пока ничего им не рассказывайте. Мы с вами поговорим позже.

Барстоу не спеша возвращался назад, думая о том, что сказать семьям. Они наверняка потребовали бы полного отчета, и формально он не имел права им отказать. Но ему крайне хотелось сотрудничать с администратором, пока имелся хоть

какой-то шанс на благоприятный исход. Внезапно решившись, он повернулся, прошел в свой кабинет и послал за Лазарусом.

— Привет, Зак, — сказал, входя, Лазарус. — Как поболтали?

— И хорошо, и плохо, — ответил Барстоу. — Слушай... — Он коротко и точно изложил суть разговора. — Можешь вернуться в зал и как-нибудь их успокоить?

— Гм... думаю, да.

— Тогда действуй — и побыстрее возвращайся.

То, что сказал им Лазарус, никому не понравилось. Никому не хотелось молчать, и никому не хотелось расходиться.

— Где Заккер?

— Мы требуем отчета!

— К чему все эти тайны?

Лазарус громко рявкнул, заставив всех замолчать:

— Слушайте меня, чертовы идиоты! Зак все расскажет, когда будет готов, — не толкайте его под руку. Он знает, что делает.

В задних рядах поднялся какой-то мужчина:

— Как хотите, а я домой!

— Пожалуйста, — милостиво разрешил Лазарус. — Передай от меня привет прокторам.

Тот удивленно взглянул на него и сел.

— Кто-нибудь еще хочет домой? — спросил Лазарус. — Удерживать не стану. Но пора вам понять своими птичьими мозгами, что вы все вне закона. Единственное, что стоит между вами и прокторами, — тот факт, что Зак Барстоу смог приятно побеседовать с администратором. Так что поступайте, как вам хочется... собрание закрыто.

— Послушай, Зак, — сказал Лазарус несколько минут спустя, — давай разберемся. Форд собирается воспользоваться своей исключительной властью, чтобы помочь нам погрузиться на большой корабль и смыться отсюда. Так?

— У него практически не остается другого выхода.

— Гм... ему придется притворяться перед Советом, что все, что он делает, — лишь необходимые шаги, чтобы выбить из нас «секрет». Он намерен их обмануть. Так?

— Так далеко вперед я не заглядывал. Я...

— Но это ведь так?

— Ну... да, наверное.

— Ладно. И все-таки хватает ли нашему приятелю Форду ума сообразить, во что он ввязывается? И хватит ли ему сил, чтобы справиться?

Барстоу вспомнил все, что он знал о Форде, добавив к этому свои впечатления от беседы.

— Да, — решил он. — Он знает. И сил ему хватит.

— Что ж, хорошо. А как насчет тебя, дружище? Ты сам готов? — В голосе Лазаруса звучали обвинительные нотки.

— Я? В каком смысле?

— Ты ведь тоже собираешься обмануть своих? Хватит тебе сил, когда станет совсем тяжело?

— Не понимаю, Лазарус, — с тревогой ответил Барстоу. — Я не собираюсь никого обманывать — по крайней мере, никого из Семейств.

— Прикинь-ка еще раз расклад, — безжалостно продолжал Лазарус. — Твоя задача — проследить, чтобы в исходе приняли участие каждый мужчина, женщина и ребенок. Ты что, считаешь, объяснишь идею каждому по отдельности, убедив сто тысяч человек с ней согласиться? Единогласно? Черт побери, да столько народу даже «Янки Дудль» насвистывать хором не заставишь.

— Но им придется согласиться, — возразил Барстоу. — У них нет выбора. Либо мы эмигрируем, либо на нас устраивают охоту и всех убивают. Наверняка именно так намерен поступить Форд. И он так поступит.

— Тогда почему ты не вышел в зал и не сказал им об этом? Почему ты послал меня, чтобы я их успокоил?

Барстоу потер ладонью глаза:

— Не знаю.

— Я скажу тебе почему, — продолжал Лазарус. — Ты руководишься интуицией, а не разумом, как большинство. Ты послал меня рассказывать им сказки, потому что прекрасно знал, что от правды не будет никакого толку. Если бы ты сказал, что им придется выбирать между бегством и гибелью, некоторые впали бы в панику, другие бы заупрямились, а какие-нибудь старушки в килтах решили бы отправиться домой и настаивать на своих правах в соответствии с Ковенантом. В итоге они выложили бы начистоту весь план прежде, чем до них бы дошло, что правительство вовсе не шутит. Так ведь?

Барстоу пожал плечами и невесело рассмеялся:

— Ты прав. Я об этом не подумал, но ты абсолютно прав.

— На самом деле ты обо всем подумал, — заверил его Лазарус. — Ты все правильно понял. Зак, мне нравится твоя интуиция; потому я и с тобой. Ладно; вы с Фордом, похоже, собрались оставить с носом всех на этой планете, так что еще раз спрашиваю: хватит тебе сил довести дело до конца?

5

Семьяне разбились на группы, взволнованно обмениваясь репликами.

— Не понимаю, — обеспокоенно говорила женщина-архивариус собравшимся вокруг. — Старший поверенный никогда прежде не вмешивался в мою работу. Но теперь он ворвался в мой кабинет вместе с этим самым Лазарусом Лонгом и велел мне выйти.

— И что он сказал? — спросил один из слушавших ее.

— Ну... это я сказала: «Могу я чем-то помочь, Заккер Барстоу?» — а он ответил: «Да, можешь. Убирайся отсюда и забирай своих девчонок». Ни единого вежливого слова!

— Ну, это не повод жаловаться, — мрачно заметил Сесил Хедрик из семейства Джонсон, главный инженер по связи. — Лазарус Лонг нанес визит и мне, причем вел он себя куда менее вежливо.

— А именно?

— Вошел в рубку связи и заявил, что намерен занять мое место за пультом — мол, так приказал Заккер. Я ответил, что никто не вправе притрагиваться к моим приборам, кроме меня и моих операторов, и вообще, какие у него полномочия? Знаете, что он сделал? Не поверите — наставил на меня бластер!

— Не может быть!

— Очевидно, может. Я вам говорю — этот человек опасен. Ему стоило бы подлечить психику. Такие, как он, — настоящие пережитки прошлого!

На администратора с экрана уставилось лицо Лазаруса Лонга.

— Все записано? — требовательно спросил он.

— Да, — подтвердил Форд, шелкнув выключателем факсимильного аппарата у себя на столе.

— Ладно, — ответило изображение Лазаруса. — Отключаюсь.

Едва экран погас, Форд заговорил в интерком:

— Пусть главный провост немедленно явится ко мне. Лично.

На морщинистом лице вошедшего в кабинет главы службы правопорядка боролись досада и привычка к дисциплине. Прошедшая ночь оказалась самой занятой в его карьере, но Старик приказал ему явиться во плоти. «На кой черт тогда нужны видеофоны?» — раздраженно подумал он, задавая себе вопрос, зачем он вообще связался с работой в полиции. Холодно посмотрев на своего начальника, он отдал честь, хотя в том не было никакой необходимости.

— Вызывали, сэр?

Форд не обратил на его манеры никакого внимания.

— Да, спасибо, что пришли. Вот. — Он нажал на кнопку, и из факсимильного аппарата выпала катушка с пленкой. — Это полный список Семейств Говарда. Арестуйте их.

— Есть, сэр.

Шеф полиции Федерации уставился на катушку, борясь с желанием спросить, каким образом были получены данные, — явно не по его линии... Неужели у Старика имелась разведывательная служба, о которой он даже не знал?

— Список составлен в алфавитном порядке, но по географическому принципу, — продолжал администратор. — Когда рассортируете его, пришлите... нет, принесите оригинал обратно мне. Можете также прекратить допросы с психообработкой, — добавил он. — Просто арестуйте всех и держите под замком. Дальнейшие инструкции — позже.

Главный провост решил, что сейчас не время излишне лоббировать.

— Есть, сэр. — Он натянуто отдал честь и вышел.

Снова повернувшись к столу, Форд сообщил, что желает видеть глав бюро земельных ресурсов и транспортного управления. Подумав, он добавил к ним начальника бюро потребительской логистики.

В резиденции Семейств шло собрание поверенных в неполном составе — Барстоу отсутствовал.

— Не нравится мне это, — говорил Эндрю Уэзерел. — Могу понять, что Заккер решил отложить отчет перед Семействами,

но я полагал, что сперва он просто поговорит с нами. Я определенно рассчитывал, что он с нами посоветуется. Что думаешь по этому поводу, Филипп?

Филипп Харди задумчиво пожевал губами.

— Не знаю. У Заккера своя голова на плечах... но мне все же кажется, что ему следовало собрать нас и посоветоваться с нами. Он говорил с тобой, Джастин?

— Нет, — холодно ответил Джастин Фут.

— Так что будем делать? Вряд ли мы можем позвать его и потребовать отчета, если только мы не готовы лишить его должности. А если он откажется, мне лично что-то не очень хочется это делать.

Они продолжали спорить, когда появились прокторы.

Услышав шум, Лазарус верно понял его причину — ничего удивительного, поскольку у него имелась информация, отсутствовавшая у его собратьев. Он знал, что должен мирно и на виду у всех дать себя арестовать, дав пример остальным. Но старые привычки умирают с трудом, и он отсрочил неизбежное, нырнув в ближайший мужской туалет.

В итоге он оказался в тупике. Он бросил взгляд на воздуховод — нет, слишком узко. Думая, что делать, он пошарил в сумке в поисках сигареты, и рука его наткнулась на незнакомый предмет. Это оказалась нарукавная повязка, которую он «позимствовал» у проктора в Чикаго.

Когда проктор, прочесывавший это крыло резиденции, сунил голову в туалет, он обнаружил там еще одного «проктора».

— Тут никого нет, — заявил Лазарус. — Я проверил.

— Как, черт побери, ты меня опередил?

— Обошел с фланга. Через туннель Стоуни-Айленд и через их воздуховоды. — Лазарус был уверен, что настоящий полицейский понятия не имел о том, что никакого туннеля Стоуни-Айленд не существует. — Закурить есть?

— Гм? Сейчас не время для перекура.

— Да брось, — сказал Лазарус, — мой легат сейчас в миле с лишним отсюда.

— Может, и так, — ответил проктор, — только мой идет прямо за нами.

— Вот как? Ладно, не важно — у меня в любом случае есть что ему рассказать.

Лазарус двинулся мимо проктора, но тот преградил ему дорогу, с любопытством глядя на килт Лазаруса, который тот вернул наизнанку, так что его синяя подкладка вполне походила на прокторскую форму — если не особо приглядываться.

— С какого ты, говоришь, участка? — спросил проктор.

— Вот с этого, — ответил Лазарус и врезал ему под дых. В свое время тренер Лазаруса по боям без правил объяснял ему, что от удара в солнечное сплетение труднее увернуться, чем от удара в челюсть. Тренера не было в живых со времен дорожной забастовки 1966 года, но искусство его продолжало жить.

В настоящем форменном килте и с парализующими гранатами на поясе Лазарус почувствовал себя намного увереннее. К тому же килт проктора лучше на нем сидел. Коридор, ведущий направо в убежище, заканчивался тупиком, так что он в соответствии с выбором Хобсона¹ пошел налево, хотя знал, что наткнется на легата своего лежащего без чувств «благодетеля». Коридор выходил в зал, забитый семьянами, которых окружала группа прокторов. Не обращая внимания на сородичей, Лазарус нашел раздраженного офицера.

— Сэр, — доложил он, ловко отдавая честь, — там что-то вроде госпиталя. Нужны пятьдесят или шестьдесят носилок.

— Не мешай мне — обращай к своему легату. У нас и так дел по горло.

У Лазаруса перехватило дыхание — он заметил в толпе Мэри Сперлинг. Она уставилась на него и тут же отвела взгляд.

— Я не могу к нему обратиться, сэр, — спохватившись, ответил он. — Его нигде нет.

— Тогда выйди наружу и сообщи команде первой помощи.

— Есть, сэр.

Лазарус пошел прочь, слегка пошатываясь и сунув большие пальцы за пояс килта. Он уже преодолел большую часть коридора, который вел к транспортному туннелю, обслуживавшему округ Уокиган, когда позади него послышались крики. К нему бежали двое прокторов.

Лазарус остановился в арке, выходившей в транспортный туннель, и дождался, когда они окажутся рядом.

¹ Считается, что возникновение выражения связано с Томасом Хобсоном (1544—1631), владельцем конюшни в Кембридже, который предлагал клиентам выбрать лошадь из стойла, ближнего ко входу, или не брать лошадь вообще.

— Что случилось? — небрежно спросил он.

— Легат... — начал один из них, но договорить не успел — у его ног, звякнув, взорвалась парализующая граната. Удивленное выражение на его лице сменилось полностью отсутствующим, а затем поперек него свалился его товарищ.

Лазарус подождал за выступом арки, отсчитывая пятнадцать секунд: «Первый двигатель — пуск! Второй двигатель — пуск! Третий двигатель — пуск!» — и добавил еще парочку для уверенности, что парализующий эффект больше не действует. Не вполне точно рассчитав, он не успел вовремя отскочить, и левую ногу слегка покалывало.

Проверив, что оба проктора без сознания и никого больше не видно, он шагнул на транспортную ленту. Возможно, никто не искал его лично; возможно, никто его не выдал — но он не стал задерживаться, чтобы это выяснить. В одном он был уверен чертовски точно: если кто-то на него и донес, то однозначно не Мэри Сперлинг.

Чтобы выбраться на открытый воздух, ему потребовались еще две парализующие гранаты и пара сотен слов неприкрытого вранья. Едва он оказался снаружи, где никто не мог его видеть, повязка и оставшиеся гранаты переместились в сумку, а пояс полетел в кусты. Затем он отправился на поиски магазина одежды в Уокигане.

Усевшись в торговой кабине, он набрал код килтов. Глядя на мелькающие на экране образцы и не обращая внимания на вкрадчивый голос каталога, он дождался появления килта явно не военного покроя и не синего цвета, затем набрал свой размер. Отметив цену, он оторвал от бумажника кредитный ваучер, сунул его в автомат и нажал кнопку, а затем наслаждался сигаретным дымом, пока выполнялся заказ.

Десять минут спустя он сунул килт проктора в мусоросборник и вышел из кабины в опрятной, хотя и кричаще яркой одежде. Он не был в Уокигане весь прошлый век, но все же отыскал автоматический отель за среднюю цену, не задавая вопросов и не привлекая лишнего внимания, снял стандартный номер и на семь часов погрузился в крепкий сон.

Он позавтракал в номере, вполуха слушая инфомат; ему интересно было узнать, что говорят об облаве на Семейства. Но интерес этот был скорее отстраненный — мысли его уже занимало другое. Только теперь он понял, что было бы ошибкой

пытаться вновь связаться с Семействами, — черт побери, даже к лучшему, что никто не сможет как-то ассоциировать его нынешнюю личность с этой компанией.

Внимание его привлекла фраза:

— ...включая Заккера Барстоу, который считается их вождем. Задержанные доставлены в резервацию в Оклахоме, возле руин города Окла-Орлеан примерно в двадцати пяти милях от мемориального парка Гарримана. Главный провост называет ее «малым Ковентри» и приказал всем воздушным судам облетать ее на расстоянии в десять миль. С администратором связаться не удалось, но обычно надежный источник внутри администрации сообщает, что массовые аресты были совершены с целью ускорить расследование, посредством которого администрация рассчитывает получить «секрет Семейств Говарда» — их технологию неограниченного продления жизни. Предполагается, что арест и транспортировка в одно место всех членов незаконной группировки должны возыметь целительное воздействие, преодолев сопротивление их лидеров законным требованиям общества. Им должно стать ясно, что права благопристойных граждан не могут использоваться в качестве завесы, под прикрытием которой наносится вред обществу в целом. Движимое имущество и денежные средства членов преступной группировки переданы в распоряжение Главного хранителя на время лишения свободы...

Лазарус выключил инфомат.

«Проклятье! — подумал он. — Не стоит переживать из-за того, чему не можешь помочь». Естественно, он ожидал, что арестуют его самого... но ему удалось бежать. Что случилось, то случилось. Если бы он сдался, Семействам это все равно бы ничем не помогло — к тому же он ничем не был им обязан. Вообще ничем, черт возьми.

Так или иначе, даже лучше, если их арестуют всех сразу и быстро поместят под стражу. Если бы их вылавливали по одному, могло случиться что угодно — суды Линча, даже погромы. Лазарус знал по собственному нелегкому опыту, что даже самое цивилизованное общество легко превращается в готовую линчевать толпу. Именно потому он посоветовал Заку подстроить все именно таким образом — Зак и администратор должны были собрать Семейства в одну компактную группу, чтобы у них появился хоть какой-то шанс реализовать их план. Так оно и вышло... а у него пока что даже волос с головы не упал.

Лазарусу, однако, было интересно, как сейчас дела у Зака и что тот думает о его, Лазаруса, исчезновении. И что думала о нем Мэри Сперлинг — для нее наверняка было шоком, когда она увидела его в облике проктора. Он надеялся, что сумеет с ней объясниться.

Но сейчас не имело значения, кто и что по этому поводу думал. Очень скоро они либо окажутся во многих световых годах отсюда... либо умрут. И вопрос будет исчерпан.

Повернувшись к видеофону, он позвонил на почту.

— Говорит капитан Аарон Шеффилд, — заявил он и назвал свой почтовый номер. — В последний раз регистрировался в почтовом отделении космопорта Годдард. Не могли бы вы переслать мою почту на... — Наклонившись, он прочитал кодовый номер почтового приемника в номере.

— Мое почтение, — послышался голос служащего. — Сейчас, капитан.

— Спасибо.

Потребуется часа два, подумал он, — полчаса на доставку и еще вдвое больше на прочие мелочи. Можно подождать прямо здесь... наверняка его уже перестали искать, но в Уокигане ему делать было особо нечего. Как только придет почта, он возьмет напрокат тачку и махнет...

Куда? Что ему, собственно, теперь делать?

Перебрав в уме несколько вариантов, он в конце концов пришел к выводу, что во всей Солнечной системе нет ничего такого, чего ему бы по-настоящему хотелось.

Мысль эта слегка его испугала. Когда-то он слышал — и склонен был верить, — что утрата интереса к жизни означает поворотный пункт в борьбе между анаболизмом и катаболизмом, а именно старость. Внезапно он позавидовал обычным короткоживущим людям, — по крайней мере, они могли стать обузой для своих детей. Семьяне не отличались сыновней привязанностью — поддерживать отношения в течение века с лишним было просто нереально. Да и дружба, за исключением дружбы между семьянами, вынужденно рассматривалась как нечто преходящее и поверхностное. Не было ни одного человека, с кем Лазарусу хотелось бы увидеться.

Погоди-ка... как насчет того фермера на Венере? Того, который знал много народных песен и вел себя столь забавно, когда бывал пьян? Надо бы его разыскать. Хоть Венера и не нравилась Лазарусу — почему бы не развлечься?

Внезапно он похолодел, вспомнив, что не видел того человека... сколько лет? В любом случае того наверняка уже не было в живых.

«Либби был прав, — мрачно подумал он, — когда говорил, что долгоживущим нужны новые воспоминания». Он надеялся, что парень доведет до конца все необходимые исследования и найдет ответ, прежде чем Лазарус деградирует настолько, что начнет считать на пальцах. Пару минут поразмыслив, он вдруг вспомнил, что вряд ли когда-нибудь снова увидится с Либби.

Пришла почта, в которой не оказалось ничего важного. Его это не удивило — личных писем он не ждал. Реклама отправилась в мусоросборник; он прочитал лишь одно письмо от ремонтной корпорации «Пан-Терра», где сообщалось, что ремонт его прогулочного катера «Я — шпион» закончен и тот перемещен в парковочный док, за аренду которого начато взимание платы. В соответствии с указаниями они не притрагивались к астронавигационным приборам корабля — не изменил ли капитан своего мнения на этот счет?

Он решил забрать корабль сегодня же и отправиться в космос. Все лучше, чем торчать на Земле, сознавая, что умирает от скуки.

На то, чтобы расплатиться и взять напрокат ракетомобиль, ушло меньше двадцати минут. Взлетев, он направился в сторону космопорта Годдард, держась в самом нижнем эшелоне для местного движения, чтобы избежать проверок. Он не специально избегал встречи с полицией, поскольку вряд ли у него имелись основания полагать, что они станут искать «капитана Шеффилда», но это уже попросту вошло у него в привычку.

Однако задолго до того, как Лазарус добрался до космопорта Годдард, пролетая над восточным Канзасом, он решил сесть. Для посадки он выбрал аэродром в столь маленьком городке, что вряд ли там имелся работавший на полную ставку проктор, а затем нашел видеофонную будку подальше от аэродрома. Стоя внутри ее, он поколебался. Как позвонить самому главному человеку во всей Федерации — и чтобы при этом с ним соединили? Если он просто позвонит в Башню Новака и попросит администратора Форда, его не только с ним не соединят, но и переведут звонок на департамент охраны правопорядка, где его будут ждать неприятные вопросы, — что было столь же неизбежно, как уплата налогов.

Что ж, выход имелся только один — позвонить в департамент самому и каким-то образом связаться с главным провостом, а затем решать проблемы по мере поступления.

— Департамент охраны правопорядка, — ответил голос. — Чем могу помочь, гражданин?

— Мое почтение, — командным тоном заговорил Лазарус. — Я капитан Шеффилд. Дай-ка мне вашего шефа.

Он даже не демонстрировал власть — повиновение подраزمевалось само по себе.

Последовала короткая пауза.

— По какому вопросу?

— Я же сказал — я капитан Шеффилд.

На этот раз в голосе Лазаруса прозвучало едва скрываемое раздражение.

— Я соединю вас с заместителем шефа, — после очередной паузы с некоторым сомнением проговорил голос.

На этот раз экран ожил.

— Да? — спросил заместитель, окидывая взглядом Лазаруса.

— Дай мне шефа, и побыстрее.

— По какому вопросу?

— Господи... да дай же мне шефа! Я капитан Шеффилд!

Вряд ли стоит винить заместителя в том, что он соединил Лазаруса со своим начальником; он давно не спал, и за последние сутки случилось много такого, что он с трудом мог воспринять. Когда на экране появился главный провост, Лазарус заговорил первым:

— Ну наконец-то! Дай-ка мне Старика, и поскорее! По закрытому каналу.

— Какого дьявола? Кто вы такой?

— Слушай, братец, — с едва сдерживаемой злостью проговорил Лазарус, — я вообще не стал бы связываться с вашим чертовым департаментом, если бы время не поджимало. Соедини меня со Стариком. Речь идет о Семействах Говарда.

Шеф полиции тотчас же насторожился:

— Докладывайте.

— Послушай, — устало сказал Лазарус, — я знаю, что ты не прочь заглянуть Старiku через плечо, но сейчас неподходящее время. Если станешь мне препятствовать и заставишь потратить два часа на то, чтобы доложить лично, — я так и сделаю. Но Старiku наверняка захочется знать, почему так вышло, — и я ему

обязательно расскажу. Можешь поспорить на свой парадный килт.

Главный провост решил рискнуть, подключив назойливого типа к трехсторонней связи. Если Старик не сотрет этого клоуна с экрана в ближайшие три секунды — значит все в порядке, и он верно угадал. Иначе — что ж, всегда можно свалить вину на сбой связи. Он набрал нужную комбинацию на пульте.

Администратор Форд ошеломленно уставился на физиономию Лазаруса на экране.

— Вы? — воскликнул он. — Как, во имя всего святого... Разве Заккер Барстоу...

— Переключитесь на закрытый канал! — прервал его Лазарус.

Главный провост моргнул, увидев, как его экран погас и смолк. Значит, у Старика все же имелись тайные агенты вне департамента... Интересно. И не стоит об этом забывать.

Лазарус быстро и достаточно честно поведал Форду, как он оказался на свободе, затем добавил:

— Как видите, я мог окончательно сбежать и залечь на дно. Собственно, и сейчас могу. Но мне хочется знать: договор с Заккером Барстоу насчет того, чтобы разрешить нам эмигрировать, все еще в силе?

— Да, в силе.

— Вы придумали, каким образом доставить сто тысяч человек на борт «Нового рубежа», не выдав своих намерений? Своим людям вы доверять не можете и прекрасно об этом знаете.

— Знаю. Пока что мы решаем, что делать в нынешней ситуации.

— Я как раз из тех, кто вам нужен. Иначе и быть не может — я единственный на свободе, кому можете доверять вы оба. Теперь слушайте...

— Может, и получится, — медленно кивнув, сказал Форд восемь минут спустя. — Может быть. Так или иначе — начинайте подготовку. В Годдарде вас будет ждать моя доверенность.

— Сумеете скрыть следы? Не могу же я просто размахивать доверенностью от администратора — это явно вызовет нездоровый интерес.

— Не считайте меня уж совсем дураком. Когда она попадет к вам в руки, она будет выглядеть рядовым банковским переводом.

— Прошу прощения. Как мне с вами связаться в случае необходимости?

— Запомните эту кодовую комбинацию. — Форд медленно произнес код. — С ее помощью вы сможете связаться со мной без посредников. Нет, не записывайте — просто запомните.

— А как мне поговорить с Заком Барстоу?

— Позвоните мне, и я вас с ним соединю. Напрямую вы ему позвонить не сможете — разве что сумеете организовать телепатический канал связи.

— Даже если бы я и сумел, я не могу таскать с собой телепата. Ладно, всего хорошего. Конец связи.

— Удачи!

Не спеша выйдя из видеофонной кабины, Лазарус тут же помчался забрать со стоянки свой взятый напрокат ракетомобиль. Не располагая информацией об используемых полицией методах, он не знал, отследил ли главный провост его звонок администратору, но воспринял это как само собой разумеющееся, поскольку, будь он на месте главного провоста, поступил бы точно так же. Соответственно, ближайший проктор уже, скорее всего, наступал ему на пятки — пора было сниматься с места, спутав следы.

Снова взлетев, он направился на запад, оставаясь в нижнем, неконтролируемом эшелоне, пока не достиг облачной гряды на западном горизонте, а затем свернул назад, в сторону Канзас-Сити, соблюдая разрешенную скорость и летя настолько низко, насколько позволяли правила. В Канзас-Сити он сдал ракетомобиль в местную прокатную контору и поймал наземное такси, которое доставило его по контроль-шоссе в Джоплин. Там он сел в местный ракетобус из Сент-Луиса, не покупая заранее билет и гарантировав таким образом, что его перелет не будет нигде зарегистрирован, пока сведения о пассажирах не передадут на Западное побережье.

Вместо того чтобы переживать, он занялся составлением планов.

Сто тысяч человек средней массой в сто пятьдесят — нет, пусть будет сто шестьдесят фунтов — составляли груз в шестнадцать миллионов фунтов или восемь тысяч тонн. «Я — шпион» мог поднять такую тяжесть при земной гравитации, но при этом был бы крайне неповоротлив. В любом случае об этом не могло быть и речи: если «Я — шпион» и мог их поднять,

то только в виде мертвого груза, причем в буквальном смысле этого слова.

Ему требовался транспорт.

Купить пассажирский корабль, достаточно большой для того, чтобы доставить Семейства с Земли туда, где висел на орбите «Новый рубеж», было не так уж трудно — пассажирская служба Четырех планет с радостью продала бы подобный корабль за приемлемую цену. Учитывая конкуренцию в пассажирском сообщении, они готовы были уменьшить свои потери за счет старых кораблей, больше не пользовавшихся популярностью среди туристов. Но пассажирский корабль Лазаруса не устраивал — его намерения не только вызвали бы нездоровое любопытство, но он просто не мог пилотировать корабль в одиночку. В соответствии с пересмотренным актом о космической безопасности пассажирские корабли должны были управляться людьми — считалось, что в экстренной ситуации ни один автомат не сможет заменить человеческий интеллект.

Так что ему требовался грузовик.

Лазарус знал, где проще всего найти такой корабль. Несмотря на все усилия по превращению лунной колонии в экологически самодостаточную, Луна-Сити продолжал импортировать намного больше груза, чем шло на экспорт. На Земле это привело бы к «возврату порожняка»; в космосе же порой бывало дешевле накапливать порожняк, особенно на Луне, где пустой грузовик как металлолом стоил дороже, чем он изначально стоил как корабль на Земле.

Выйдя из ракетобуса в Годлард-Сити, Лазарус отправился на космодром, оплатил счета и, получив в свое распоряжение «Я — шпион», заполнил заявку на самый ранний старт в сторону Луны. Подобная возможность имелаась лишь через два дня, но Лазаруса это особо не волновало; он просто вернулся на стоянку кораблей и намекнул, что готов щедро заплатить за изменение времени отправления. Через двадцать минут его устно заверили, что он может стартовать к Луне сегодня вечером.

Оставшиеся несколько часов он потратил на решение безумных бюрократических формальностей, связанных с получением необходимых разрешений. Первым делом он получил наличные по доверенности Форда. Лазаруса так и подмывало использовать часть этих денег на то, чтобы ускорить процесс — точно так же, как он заплатил (вполне законно) за то, чтобы поменяться

временем старта с другим кораблем. Однако он вдруг обнаружил, что сделать этого не может. Два прожитых столетия научили его, что взятку следует давать столь же мягко и ненавязчиво, как делают предложение гордой даме; и всего за несколько минут он пришел к мрачному выводу, что добродетель и честность вовсе не миф — служащие космодрома Годдард, казалось, даже понятия не имели о том, что кого-то можно подмазать с помощью денег. Он восхищался их неподкупностью, но это вовсе не означало, что такое было ему по нраву, — особенно когда приходилось тратить на заполнение бесполезных бумаг драгоценное время, которое он намеревался посвятить роскошному пиршеству в ресторане «Небесные врата».

Он даже позволил еще раз сделать себе прививку, вместо того чтобы вернуться в «Я — шпион» и принести бумажку о том, что ему уже делали все необходимые уколы по прибытии на Землю несколько недель назад.

И все же за двадцать минут до пересмотренного времени старта он уже сидел за приборами «Я — шпион». Сумка его раздулась от проштампованных бумаг — в отличие от его живота, все содержимое которого составлял перехваченный на ходу бутерброд. Рассчитав гомановскую траекторию¹, он ввел результаты в автопилот. Все огоньки на приборной панели светились зеленым, кроме одного, который должен был начать мигать при предстартовом отсчете. Он ждал, и ему было тепло от радости, которая всегда наполняла его перед стартом.

Внезапно осененный мыслью, он приподнялся в кресле, затем ослабил нагрудный ремень и сел, взяв экземпляр текущего выпуска «Информационного бюллетеня для околоземного пилота». Гм...

«Новый рубеж» висел на стационарной круговой орбите, постоянно находясь над сто шестым меридианом западной долготы с нулевым склонением, на расстоянии примерно в двадцать шесть тысяч миль от центра Земли.

Почему бы не нанести ему визит, не разведать обстановку?

«Я — шпион», с полными баками и пустыми трюмами, имел вполне достаточный запас. Да, конечно, космодром дал ему раз-

¹ *Гомановская траектория* — в небесной механике — эллиптическая орбита, используемая для перехода между двумя другими орбитами, обычно находящимися в одной плоскости.

решение стартовать к Луна-Сити, а не к межзвездному кораблю... но при нынешней фазе Луны отклонение от одобренной трассы вряд ли появится на экране, и, скорее всего, никто его не заметит, пока позднее не проанализируют запись, после чего Лазарус ждал штраф, а может, даже и лишение лицензии пилота. Но штрафы никогда его особо не волновали... а разведать определенно стоило.

Он уже вводил задачу в баллистический калькулятор. Не считая сверки элементов орбиты «Нового рубежа» с «Информационным бюллетенем», Лазарус мог проделать подобное даже во сне; маневры для подлета к спутникам знает любой пилот, а траектория по двойной касательной для стационарной орбиты известна наизусть даже курсанту.

Лазарус скормил данные автопилоту во время предстартового отсчета, и у него еще осталось три лишние минуты. Снова пристегнувшись, он расслабился, ощутив навалившуюся на него перегрузку. Когда корабль вышел на орбиту, Лазарус проверил его координаты и направление посредством спутникового ретранслятора, затем удовлетворенно закрыл приборную панель, поставил таймер на время прибытия в расчетную точку и заснул.

6

Сигнал таймера разбудил его примерно через четыре часа. Лазарус выключил сигнал, но звон продолжался — хватило одного взгляда на экран, чтобы понять почему. Рядом висела гигантская цилиндрическая туша «Нового рубежа». Отключив сигнал тревоги радара, он поравнялся с кораблем чисто по наитию, не прибегая к помощи баллистического калькулятора. Прежде чем он успел завершить маневр, запищал сигнал связи. Он щелкнул переключателем, и тут же ожил экран, на котором появилось чье-то лицо.

— Вас вызывает «Новый рубеж». Назовите свой корабль.

— Частное судно «Я — шпион», капитан Шеффилд. Передавайте привет вашему командиру. Могу я нанести вам визит?

Там были только рады гостям. Корабль был полностью построен, и ему оставалось лишь пройти осмотр, испытания и приемную комиссию. Основная часть строителей уже вернулась на Землю, и на борту не осталось никого, кроме представителей

Фонда Джордана и нескольких инженеров, нанятых созданной для строительства корабля компанией. Они страдали от безделья и от общества друг друга, и им не терпелось вернуться ко всем удовольствиям Земли, так что гость стал для них приятным развлечением.

Когда шлюз «Я — шпион» пристыковался к шлюзу большого корабля, Лазаруса встретил главный инженер — формально «капитан», поскольку «Новый рубеж» был действующим кораблем, хотя еще и не на ходу. Представившись, он повел Лазаруса на экскурсию по кораблю. Они плыли по многим милям коридоров, посещали лаборатории, склады, библиотеки с сотнями тысяч катушек, акры гидропонных резервуаров для выращивания еды и восстановления кислорода, а также удобные и просторные, даже роскошные жилые помещения для колонии из десяти тысяч человек.

— На наш взгляд, в экспедиции «Авангарда» народу было маловато, — объяснил капитан-инженер. — По подсчетам специалистов по социодинамике, эта колония сможет поддерживать основы культуры на нынешнем уровне.

— Что-то не очень похоже, — заметил Лазарус. — Разве различных типов специализации не больше десяти тысяч?

— Да, конечно! Но идея состоит в том, чтобы обеспечить наличие специалистов во всех основных областях и важнейших отраслях науки. Затем, по мере расширения колонии, могут добавиться и дополнительные специализации с помощью справочных библиотек — от исполнения чечетки до тканья гобеленов. Такова общая идея, хотя это и не моя область. Но тема, несомненно, интересная.

— И как, вам не терпится стартовать? — спросил Лазарус.

Инженер потрясенно уставился на него:

— Мне? Вы имеете в виду, будто я собираюсь куда-то лететь? Дорогой мой сэр, я инженер, а не идиот, черт побери.

— Прошу прощения.

— Нет, я, конечно, не против космических полетов в разумных пределах, когда для этого есть повод, — я бесчисленное число раз бывал в Луна-Сити и даже на Венере. Но не думаете же вы, что те, кто построил «Мэйфлауэр»¹, отправились на нем в пла-

¹ «Мэйфлауэр» — корабль, на котором в 1620 году прибыли в Северную Америку первые английские поселенцы.

вание? На мой взгляд, единственное, что не дает всем, кто на это подписался, сойти с ума, — то, что они уже и без того психи.

Лазарус сменил тему. Они не стали тратить время на главное двигательное отделение и на бронированный отсек, где находился гигантский атомный преобразователь, после того как Лазарус узнал, что они целиком автоматические и присутствие человека для их работы не требуется. Поскольку в этих отсеках корабля полностью отсутствовали движущиеся части, что стало возможным благодаря последним достижениям парастатики, их внутреннее устройство представляло лишь умозрительный интерес, с чем можно было и подождать. Больше же всего Лазарусу хотелось увидеть рубку управления, где он задержался надолго, задавая бесконечные вопросы, пока гостеприимному хозяину это не наскучило и не стало ясно, что он не уходит только из вежливости.

В конце концов Лазарус заткнулся — не из уважения к инженеру, которого успел основательно утомить, но удостоверившись, что выяснил достаточно о приборах, чтобы рискнуть самому управлять кораблем.

Прежде чем покинуть корабль, он выяснил еще два важных факта: через девять земных дней дежурный экипаж отправлялся на выходные на Землю, после чего должны были начаться приемные испытания. Но на три дня большой корабль становился пуст, не считая, возможно, связиста, — Лазарус из осторожности не стал расспрашивать подробнее. Однако корабль оставался без охраны, поскольку необходимости в ней нельзя было даже представить. С тем же успехом имело смысл охранять реку Миссисипи.

Кроме того, Лазарус выяснил, как снаружи войти в корабль без помощи изнутри, понаблюдав за прибытием почтовой ракеты как раз перед тем, как он собирался покинуть корабль.

В Луна-Сити Лазаруса тепло приветствовал Джозеф Макфи, представитель корпорации «Диана Терминал», дочерней компании фирмы «Диана», занимавшейся перевозкой грузов.

— Заходи, кэп, садись. Что будешь пить? — Он уже наливал в стакан не облагаемый налогом растворитель для краски, полученный из собственного перегонного аппарата. — Сколько

же мы не виделись? Откуда к нам на этот раз? Что нового слышать?

— Из Годдарда, — ответил Лазарус и рассказал о том, что некий капитан поведал некоей важной персоне. Макфи рассказал в ответ анекдот про старую деву в невесомости, и Лазарус сделал вид, будто раньше его не слышал. От анекдотов они перешли к политике, и Макфи изложил свое мнение насчет «единственно возможного решения» европейского вопроса, основанного на его замысловатой теории о том, почему Ковенант не следует распространять на любую культуру ниже определенного уровня индустриализации. Лазаруса все это несколько не интересовало, но он предпочитал не торопить Макфи, кивая в нужных местах, поглощая очередные порции адского ракетного топлива и дожидаясь подходящего момента, чтобы перейти к сути.

— У твоей компании случайно нет кораблей на продажу, Джо?

— Кораблей? Да я с радостью! У меня сейчас столько этого металлолома, сколько и за десять лет не бывало. Что, нужен корабль? Могу предложить за неплохую цену.

— Может, да, а может, и нет. Зависит от того, есть ли у тебя то, что мне надо.

— Говори, что требуется, и получишь. Никогда еще не видел такого упадка на рынке. Бывают дни, что и честного кредита не заработаешь. — Макфи нахмурился. — Знаешь, в чем проблема? Так вот, слушай — это все из-за тех Семейств Говарда. Никто не хочет рисковать деньгами, пока не станет ясно, к чему все идет. Как можно строить планы, когда не знаешь, насколько планировать — на десять лет или на сто? Попомни мои слова: если администрации удастся вытянуть из этих ребят их секрет, увидишь величайший в мире бум долгосрочных инвестиций. Но если нет... тогда долгосрочные вклады не будут стоить и ломаного гроша и начнется такое «ешь-пей-веселись», по сравнению с которым Реконструкция¹ покажется приятным чаепитием. — Он снова нахмурился. — Какой металлолом тебе нужен?

— Мне не нужен металлолом, мне нужен корабль.

Хмурое выражение исчезло с лица Макфи, и брови его взлетели вверх.

¹ Реконструкция (1865—1877) — период восстановления экономики и статуса южных штатов после Гражданской войны.

— Вот как? И какой именно?

— Не могу точно сказать. Есть у тебя время взглянуть на них вместе со мной?

Надев скафандры, они покинули купол по Северному туннелю и длинными прыжками двинулись среди стоящих на поверхности кораблей. Лазарус вскоре понял, что лишь два корабля обладают достаточной грузоподъемностью и свободным пространством. Один из них, танкер, был весьма выгодным приобретением, но, посчитав в уме, Лазарус пришел к выводу, что пространства его палуб, даже включая поверхность цистерн, не хватит, чтобы разместить восемь тысяч тонн пассажиров. Другой корабль, более старый, с разболтанными поршневыми инжекторами, был рассчитан на грузы смешанного характера, и на нем имелось достаточно свободного пространства. Грузоподъемность его была выше, чем требовалось, поскольку пассажиры весят немного по сравнению с объемом, который они занимают, — но это увеличивало маневренность, что могло оказаться критически важным.

Что касается инжекторов, с ними он мог разобраться — ему приходилось иметь дело и с худшим хламом.

Лазарус поторговался с Макфи насчет условий — не потому, что ему хотелось сэкономить, но потому, что иначе это могло бы показаться подозрительным. Наконец они заключили замысловатый трехсторонний договор, по которому Макфи покупал себе «Я — шпион», Лазарус передавал на него все права без залога и принимал в качестве платы необеспеченное поручительство Макфи, а затем приобретал грузовик, возвращая Макфи его поручительство и добавляя наличные. Макфи, в свою очередь, мог заложить «Я — шпион» в Коммерческом банке в Лунна-Сити, используя полученную ссуду плюс наличные или собственные кредиты, чтобы выкупить собственное поручительство — предположительно до того, как будут проверены его счета, хотя об этом Лазарус упоминать не стал.

Это даже не было подкупом — Лазарус просто воспользовался тем фактом, что Макфи давно хотел иметь собственный корабль и рассматривал «Я — шпион» как идеальный вариант для холостяка, чтобы отправиться по делам или на отдых. Лазарус всего лишь достаточно низко оценил свой корабль, чтобы Макфи смог повернуть сделку, но при этом не стал бы о ней распространяться, по крайней мере пока у него не появится воз-

возможность выкупить свое поручительство. Лазарус еще больше запутал дело, попросив Макфи присмотреть для него партию табака по хорошей цене... что лишь убедило Макфи в том, что таинственное новое предприятие капитана Шеффилда как-то связано с Венерой, являвшейся единственным крупным рынком для подобных товаров.

Благодаря щедрым премиям и оплатам за сверхурочные грузовик был готов к старту через четыре дня. Наконец Лазарус оставил Луна-Сити позади, став владельцем и полноправным хозяином «Чилликоты». Мысленно он сократил название до «Чили», в честь любимого блюда, которое он давно не пробовал, — обильно посыпанной перцем чили жирной красной фасоли с кусочками мяса... настоящего мяса, а не той синтетической дряни, которую нынешняя молодежь называла «мясом». При мысли об этом рот его наполнился слюной.

Сколь же мало его волновало в этом мире!

Приближаясь к Земле, он вызвал службу управления полетами и запросил стояночную орбиту, поскольку сажать «Чили» у него не было никакого желания — это потребовало бы лишнего расхода топлива и привлекло бы ненужное внимание. Без всяких угрызений совести он вышел бы на орбиту и без разрешения, но имелся шанс, что «Чили» заметят, нанесут на карту и начнут выяснять в его отсутствие, откуда взялся брошенный корабль, так что безопаснее было действовать в соответствии с законом.

Выйдя на указанную орбиту, он настроил систему идентификации «Чили» на свой собственный код, убедился, что на него отзывается радар корабельной шлюпки, и опустил на ней на предназначенное для малых кораблей вспомогательное поле космопорта Годдард. На этот раз он позаботился о том, чтобы взять с собой все необходимые бумаги; позволив опломбировать шлюпку, он избежал таможни и быстро прошел все портовые формальности. На уме у него была только одна цель — найти общественный видеофон и связаться с Заком и Фордом, а потом, если останется время, попытаться отыскать настоящий чили. Он не стал связываться с администратором из космоса, поскольку для связи корабля с Землей требовался ретранслятор, а обычай не вмешиваться в частную жизнь наверняка бы их не защитил, если бы обслуживавший вызов оператор услышал упоминание о Семействах Говарда.

Администратор ответил сразу же; на долготе Башни Новака была уже поздняя ночь. Увидев мешки под глазами Форда, Лазарус решил, что тот живет за письменным столом.

— Привет, — сказал Лазарус. — Давайте подключим к нам Зака Барстоу. Мне нужно кое-что сообщить.

— Так это вы, — мрачно проговорил Форд. — Я думал, вы сбежали. Где вы были?

— Покупал корабль, — ответил Лазарус. — Как вы и сами знаете. Давайте сюда Барстоу.

Форд нахмурился, но все же повернулся к столу. На другой половине экрана появился Барстоу. Похоже, он удивился, увидев Лазаруса, но особого облегчения не испытал.

— В чем дело, дружище? — быстро заговорил Лазарус. — Форд не говорил тебе, чем я занимался?

— Говорил, — кивнул Барстоу, — но мы не знали, где ты и что ты делал. Шло время, а ты не выходил на связь... и мы решили, что никогда тебя больше не увидим.

— Черт возьми, — вздохнул Лазарус, — ты же знаешь, что я никогда бы так не поступил. Так или иначе, я здесь, и вот что мне удалось сделать на данный момент... — Он рассказал им про «Чили» и свою разведку на «Новом рубеже». — Дальше предполагается действовать следующим образом: где-то в эти выходные, пока на борту «Нового рубежа» никого не будет, я сажаю «Чили» в тюремной резервации, мы быстро грузимся, мчимся к «Новому рубежу», захватываем его и сматываемся. Господин администратор, для этого потребуется немалая ваша помощь. Вашим прокторам придется делать вид, будто во время моей посадки и погрузки на корабль они ничего не видели. Затем нам потребуется как-то проскользнуть мимо транспортного патруля. К тому же было бы неплохо, если бы никакой корабль флота не совершил ничего радикального в отношении «Нового рубежа», — если на нем останется вахта связистов, они могут позвать на помощь, прежде чем мы успеем заставить их замолчать.

— Похоже, я оказался предусмотрителен, — мрачно ответил Форд. — Я знаю, что вам потребуется отвлекающий маневр, чтобы у вас имелся хоть какой-то шанс уйти невредимыми. Но ваш план в лучшем случае фантастичен.

— Не так уж и фантастичен, — возразил Лазарус, — если вы готовы в последнюю минуту воспользоваться своими чрезвычайными полномочиями.

— Возможно. Но мы не можем ждать четыре дня.

— Почему?

— Ситуация не позволит.

— И моя тоже, — вставил Барстоу.

Лазарус перевел взгляд с одного на другого.

— Гм? В чем проблема? Что стряслось?

И они объяснили.

Форду и Барстоу предстояла невероятно сложная задача — совершить замысловатый и утонченный обман, причем тройной, выглядевший по-разному для Семейств, для общественности и для Совета Федерации. И каждая его сторона была сопряжена с уникальными и, возможно, непреодолимыми трудностями.

Форду некому было довериться, поскольку даже самые приближенные члены его персонала могли быть заражены бредовой мечтой о фонтане молодости... а могли и не быть, но выяснить это было невозможно, не раскрыв сути заговора. Несмотря на это, он должен был убедить Совет, что предпринимаемые им меры — самые лучшие для достижения цели Совета.

Кроме того, необходимо было ежедневно публиковать новости, убеждавшие граждан в том, что их правительство вот-вот добудет для них «секрет» вечной жизни. С каждым днем новости должны были становиться все подробнее, а ложь все более искусной. Задержка приводила народ в волнение, и люди сбрасывали покровы цивилизации, превращаясь в неуправляемую толпу.

Совет ощущал нарастающее давление со стороны народа. Форд дважды был вынужден ставить на голосование вотум о доверии, второй из которых он выиграл с перевесом всего в два голоса.

— Следующий мне не выиграть, — сказал он. — Нужно что-то предпринимать.

Проблемы Барстоу были иными, но не менее неприятными. Ему требовались сторонники, поскольку его задача заключалась в том, чтобы подготовить все сто тысяч семей к исходу. Чтобы исчезнуть быстро и тихо, они должны были понимать, что происходит, еще до того, как придет время грузиться на борт. И все же он не осмеливался чересчур рано рассказать им правду, ибо среди такого количества людей наверняка оказались бы глупцы и упрямцы... и хватило бы одного придурка, чтобы превратить в руины весь план, выдав его охраняющим их прокторам.

Вместо этого он вынужден был пытаться найти лидеров, которым он мог бы доверять, убедить их и надеяться, что те убедят остальных. Ему требовалась почти тысяча надежных «пастырей», которые гарантировали бы, что, когда придет время, его народ последует за ним. Но само количество требовавшихся ему сторонников было столь велико, что кто-то из них наверняка мог проявить слабость.

Хуже того, ему нужны были другие сторонники для еще более рискованной цели. Они с Фордом договорились о плане, пусть и не слишком надежном, но позволявшем выиграть время. Суть его заключалась в том, чтобы малыми долями делиться технологией, которую использовали Семейства для отсрочивания симптомов старости, делая вид, будто в сумме вся эта технология и есть тот самый «секрет». Чтобы совершить данный обман, Барстоу требовалась помощь биохимиков, эндокринологов, специалистов по симбиотике и метаболизму и прочих из числа Семейств, а тех, в свою очередь, должны были подготовить к полицейским допросам самые опытные психотехники, поскольку обман должен был оставаться нераскрытым даже под воздействием сыворотки правды. Требовавшееся для этого ложное гипнотическое внушение было куда сложнее, чем обычная блокировка против лишней болтливости. Пока что их план работал... и не так уж плохо. Но с каждым днем все сложнее становилось объяснять возникающие несоответствия.

Долго так Барстоу продолжать не мог. Основная масса семейян, вынужденно пребывавшая в неведении, выходила из-под контроля даже быстрее, чем обычная публика. Они вполне обоснованно злились на то, как с ними поступали, и ожидали, что кто-то из представителей власти что-то предпримет — чем быстрее, тем лучше!

Влияние Барстоу на его сородичей таяло столь же быстро, как и влияние Форда на Совет.

— Четыре дня нам не протянуть, — повторил Форд. — Может, часов двенадцать... самое большее сутки. Совет собирается на новое заседание завтра днем.

Барстоу с тревогой взглянул на него:

— Не уверен, что сумею столь быстро их подготовить. Наверняка будут проблемы с погрузкой.

— Об этом можете не беспокоиться, — бросил Форд.

— Почему?

— Потому что, — бесстрастно ответил Форд, — любой, кто останется, умрет — если ему повезет.

Барстоу молча отвел взгляд. Впервые кто-то из них открыто признал, что речь идет не об относительно безобидном политическом крючкотворстве, но об отчаянной и почти безнадежной попытке избежать резни... и что сам Форд при этом находился по обе стороны баррикады.

— Что ж, — живо заговорил Лазарус, — теперь, когда вы все обсудили, займемся делом. Я могу посадить «Чили» в... — Он замолчал, быстро подсчитывая, где на орбите будет находиться корабль и сколько времени займет перемещение его в нужную точку. — ...Скажем, в двадцать два по Гринвичу. Добавим для надежности еще час. Как насчет семнадцати часов по времени Оклахомы завтра днем? Собственно, уже сегодня.

Остальные двое облегченно вздохнули.

— Вполне устроит, — согласился Барстоу. — Постараюсь подготовить их так, как только сумею.

— Ладно, — кивнул Форд, — если быстрее не получается... — Он на мгновение задумался. — Барстоу, я немедленно отзываю всех прокторов и правительственный персонал внутри резервации и перекрываю все входы. Как только закроются ворота, можете все им рассказать.

— Хорошо. Сделаю все, что смогу.

— Что-нибудь еще, прежде чем мы закончим? — спросил Лазарус. — Да, кстати... Зак, давай-ка лучше выберем место, где мне сесть, а то я могу своим выхлопом укоротить немало жизней.

— Гм... да. Подлетаю с западной стороны. Я поставлю стандартный причальный маркер. Хорошо?

— Хорошо.

— Ничего хорошего, — возразил Форд. — Нам придется послать ему приводной сигнал.

— Ерунда, — бросил Лазарус. — Я могу сесть хоть на верхушку памятника Вашингтону.

— Только не в этот раз. И пусть вас не удивляет погода.

Приближаясь к «Чили», Лазарус подал сигнал с шлюпки. К его облегчению, ему ответил передатчик «Чили» — он мало доверял оборудованию, которое не ремонтировал сам, а долгие поиски «Чили» в данный момент могли оказаться губительными.

Рассчитав относительное направление, он включил двигатель шлюпки, совершил сальто и затормозил, самодовольно отметив,

что ему потребовалось на три минуты меньше обычного. Пристыковав шлюпку, он поспешил внутрь корабля и начал посадочный маневр.

На вход в стратосферу и облет двух третей земного шара ушло ровно столько времени, как он и предполагал. Часть того времени, что он прозел в дрейфе, он потратил на осторожные маневры, чтобы не особо напрягать старые и изношенные инжекторы. Затем он вошел в тропосферу и начал снижаться; обшивка корабля раскалилась, но не до опасного уровня. Наконец он понял, что имел в виду Форд, говоря о погоде. Оклахому и часть Техаса покрывал толстый густой облачный покров, что слегка удивило Лазаруса и отчасти даже его порадовало, напомнив о старых временах, когда погода не поддавалась контролю и ее приходилось принимать как данность. По его мнению, жизнь частично утратила вкус, когда погодные инженеры научились обуздывать стихию. Он надеялся, что на их новой планете — если они ее найдут! — погода будет приятной и бодрящей.

Потом времени на размышления у него уже больше не оставалось. Несмотря на свои размеры, грузовик постоянно вставал на дыбы и громко жаловался. Ха! Наверняка Форд заказал весь этот кавардак ко времени начала операции — и, соответственно, у интеграторов нашлась под рукой где-то неподалеку область низкого давления.

Откуда-то доносился крик диспетчера. Отключив звук, Лазарус сосредоточился на радаре приближения и призрачных картинах на инфракрасном детекторе, сравнивая полученную информацию с данными инерциального трекера. Корабль пролетел над шрамом на местности шириной в милю — руинами города-дороги Окла-Орлеан. Когда Лазарус видел его в последний раз, там кипела жизнь. Среди всех механических чудовищ, которых оседлало человечество, подумал он, эти динозавры с легкостью могли взять первый приз.

Затем его мысли прервал послышавшийся с приборной панели писк — корабль поймал приводной сигнал.

Едва корабль со скрежетом коснулся земли, Лазарус выключил последний двигатель и нажал одну за другой несколько кнопок. Большие грузовые люки с грохотом распахнулись, и внутрь хлынули струи дождя.

Элинор Джонсон ежилась под порывами ветра, пытаясь плотнее запахнуть плащ, чтобы укрыть лежавшего на сгибе ее левой руки младенца. Когда началась буря, ребенок кричал не переставая, и нервы Элинор были натянуты до предела. Сейчас дитя молчало, но это лишь давало ей новый повод для тревоги.

Сама Элинор тоже плакала, хотя изо всех сил пыталась не подавать виду. За все прожитые ею двадцать семь лет она ни разу не сталкивалась с подобной погодой; казалось символическим, что эта буря полностью перевернула ее жизнь, унеся ее прочь из любимого первого собственного дома со старомодным камином, сверкающей кухонной аппаратурой и термостатом, который можно было настраивать на любую температуру, не советуясь с другими. Двое мрачных прокторов арестовали ее, словно несчастную сумасшедшую, и после кошмарных унижений она оказалась здесь, в Оклахоме, посреди поля холодной липкой красной глины.

Правда ли это? Могло ли это в самом деле быть правдой? Или она вообще еще не родила и это лишь один из череды странных снов, сопровождавших ее во время беременности?

Но дождь был слишком мокрым и холодным, раскаты грома — чересчур оглушительными, и вряд ли она смогла бы заснуть. Так что слова старшего поверенного тоже наверняка правда — иначе и быть не могло. Она собственными глазами видела, как приземлился корабль, видела его ослепительный выхлоп на фоне черноты бури. Сейчас корабля не было видно, но окружавшая ее толпа медленно продвигалась вперед, и корабль наверняка находился перед ними. Элинор оказалась на краю толпы, и ей предстояло подняться на борт одной из последних.

Подняться на борт было необходимо — старейшина Заккер Барстоу со всей серьезностью поведал о том, что с ними станет, если они не попадут на корабль. Она верила в его искренность, но при всем при этом не понимала, как такое может быть правдой, — неужели мог найтись кто-то настолько злой и безнравственный, чтобы убить безобидных и беспомощных людей, таких как она и ее ребенок?

Ее охватил панический ужас: что, если, когда она доберется до корабля, там уже не останется места? Она крепче прижала к себе младенца, и тот снова заплакал.

Какая-то женщина из толпы подошла ближе и заговорила с ней.

— Ты наверняка устала. Может, мне поддержать твоего малыша?

— Нет-нет, спасибо, со мной все в порядке.

Вспышка молнии осветила лицо женщины, и Элинор Джонсон узнала старейшину Мэри Сперлинг. Неожиданное проявление доброты придало ей сил, и она теперь знала, что делать. Если корабль переполнится и не сможет больше никого принять, она передаст ребенка по рукам над головами толпы. Вряд ли они смогут отказать младенцу.

Она почувствовала в темноте чье-то прикосновение. Толпа продолжала двигаться вперед.

Поняв, что погрузка закончится через несколько минут, Барстоу оставил свой пост у одного из грузовых люков и помчался по хлюпающей под ногами грязи к будке связи. Форд предупредил его, чтобы тот дал знать перед самым стартом, — на этом основывался отвлекающий маневр. Повозившись с неуклюжей дверью, Барстоу распахнул ее и, вбежав внутрь, набрал личный код, который должен был соединить его напрямую с Фордом, и нажал кнопку.

Ему сразу же ответили, но лицо на экране не принадлежало Форду.

— Где администратор? — взорвался Барстоу. — Мне нужно с ним поговорить.

Мгновение спустя он узнал хорошо известное каждому лицу Борка Вэннинга, лидера меньшинства в Совете.

— Вы говорите с администратором, — холодно улыбнулся Вэннинг. — С новым администратором. Кто вы, черт побери, и что вам нужно?

Поблагодарив всех прошлых и нынешних богов, что его не узнали, Барстоу оборвал связь и стремглав выскочил за дверь.

Два грузовых люка были уже закрыты; через два других заходили отставшие. Ругаясь, Барстоу поторопил последних и последовал за ними.

— Поднимай корабль! — заорал он Лазарусу, врываясь в рубку управления. — Быстрее!

— Что за суматоха? — спросил Лазарус, тут же закрывая и герметизируя люки. Включив сигнал предупреждения о перегрузке, он выждал скудные десять секунд... и запустил двигатели. — Что ж, — небрежно заметил он шесть минут спустя, —

надеюсь, все успели лечь. Если нет — придется кое-кому вправлять переломы. Так что ты там говорил?

Барстоу рассказал ему о своей попытке связаться с Фордом.

Удивленно моргнув, Лазарус просвистел несколько нот «Индейки на сене»¹.

— Похоже, время поджигает. Даже не похоже, а точно.

Замолчав, он переключил все свое внимание на приборы, поглядывая одним глазом на указатель курса, а другим на кормовой радар.

7

Лазарусу пришлось потратить немало труда, чтобы подвести «Чили» к нужному месту возле борта «Нового рубежа», — инженеры работали на пределе, и корабль вел себя норовисто, словно молодая кобылка. Но ему это удалось. Лязгнули магнитные захваты, состыковались герметичные соединители, и в ушах щелкнуло — давление внутри «Чили» сравнялось с давлением в гигантском корабле. Нырнув в дыру в полу рубки управления, Лазарус быстро подтянулся на руках к переходному люку и, добравшись до пассажирского шлюза «Нового рубежа», оказался лицом к лицу с все тем же капитаном-инженером.

Тот посмотрел на него и фыркнул:

— Опять вы? Какого дьявола вы не отвечали на наш вызов? Вы не можете стыковаться с нами без разрешения — это частная собственность. Что все это значит?

— Это значит, — сказал Лазарус, — что вы с вашими парнями отправитесь на Землю на несколько дней раньше. На этом корабле.

— Да это просто смешно!

— Братец, — мягко проговорил Лазарус, и в его левой руке внезапно появился бластер, — мне крайне не хочется делать тебе больно после того, как ты был со мной столь любезен... но мне придется так поступить, если вы отсюда не уберетесь, и чертовски быстро.

Капитан недоверчиво уставился на Лазаруса. Позади капитана собрались несколько его подчиненных; один из них резко развернулся, намереваясь уйти. Лазарус выстрелил ему на малой мощности в ногу; тот дернулся, судорожно хватаясь за воздух.

¹ Американская народная песня начала XIX века.

— Придется тебе теперь о нем позаботиться, — заметил Лазарус.

На этом все и закончилось. Капитан созвал своих людей, воспользовавшись микрофоном у пассажирского шлюза, и Лазарус пересчитал всех — их оказалось двадцать девять, то самое число, которое он выяснил во время первого своего визита. Приставив к каждому из них по два человека, он взглянул на того, в которого стрелял.

— Ничего серьезного, приятель, — лаконично решил он и повернулся к капитану-инженеру. — Как только мы переправим вас на наш корабль, наложу ему на ожог какую-нибудь радиоактивную мазь. Аптечка на кормовой переборке в рубке управления.

— Это пиратство! Вам это так просто не сойдет с рук!

— Возможно, — задумчиво согласился Лазарус. — Но все же надеюсь, что сойдет. — Он вновь переключил свое внимание на первоочередную задачу. — Давайте пошевеливайтесь! Мы не можем тут торчать весь день!

«Чили» медленно пустел. Воспользоваться можно было только одним выходом, но давление охваченной истерикой толпы подгоняло застрявших в бутылочном горлышке между двумя кораблями, и они вываливались из шлюза, словно рой пчел из потревоженного улья.

Большинство из них никогда прежде не бывали в невесомости; оказавшись в просторном пространстве гигантского корабля, они беспомощно барахтались, полностью лишившись способности ориентироваться. Лазарус пытался навести порядок, хватая каждого, кто, как ему казалось, мог управляться в невесомости, и приказывая им толкать беспомощных куда угодно, в заднюю часть корабля, лишь бы они не мешали, давая место тысячам вновь прибывающих. Набрав с десятков подобных «пастухов», он заметил в растущей толпе Барстоу и тут же дал ему задание:

— Не давай им останавливаться, все равно как! Мне нужно добраться до рубки управления. Если увидишь Энди Либби, пришли его ко мне.

Кто-то вырвался из общего потока и подплыл к Барстоу:

— Какой-то корабль пытается причалить к нашему. Я видел в иллюминатор.

— Где? — спросил Лазарус.

Его собеседнику явно не хватало познаний в кораблях и соответствующей терминологии, но он все же сумел объяснить так, чтобы его поняли.

— Сейчас вернусь, — сказал Лазарус Барстоу. — Поторопи их — и проследи, чтобы наши гости не сбежали.

Убрав бластер в кобуру, он начал пробираться обратно сквозь клубящуюся толпу в бутылочном горлышке.

Похоже, люк номер три был тем самым, который имелся в виду. Да, что-то там определенно находилось. В люк был встроен глазок из бронированного стекла, но вместо звезд Лазарус увидел за ним освещенное пространство. К люку пристыковался некий корабль.

Его обитатели либо не пытались открыть люк «Чили», либо просто не знали, как это сделать. Люк не запирался изнутри — в том не было необходимости. Его легко можно было открыть с любой стороны, как только сравнялось давление, о чем свидетельствовала зеленая лампочка возле замка.

Лазаруса это озадачило.

Кому бы ни принадлежал этот корабль — службе управления полетами, флоту или кому-то еще, — само его присутствие не предвещало ничего хорошего. Но почему бы им просто не открыть люк и не войти? У Лазаруса возникло искушение запереть люк изнутри, поспешно запереть все остальные, закончить погрузку и попытаться сбежать.

Но унаследованное от обезьян любопытство взяло верх — он не мог просто так оставить то, чего не понимал. Так что он пошел на компромисс: повернув засов, не позволявший открыть люк снаружи, он осторожно скользнул к глазку и заглянул в него одним глазом.

И обнаружил, что смотрит на Слейтона Форда.

Переместившись вбок, он пинком освободил засов и, нажав открывающую люк кнопку, стал ждать, зацепившись носком ноги за скобу и держа в одной руке бластер, а в другой нож.

Появился только один человек. Увидев, что это Форд, Лазарус снова нажал кнопку, закрывая люк, и поставил засов на место, не сводя с гостя бластера.

— И что это значит, черт возьми? — спросил он. — Что вы тут делаете? И кто еще с вами? Патруль?

— Я один.

— Гм?

— Я хочу полететь с вами... если возьмете.

Лазарус молча посмотрел на него, затем вернулся к глазу и внимательно оглядел все, что мог. Похоже, Форд говорил правду, поскольку никого больше видно не было. Но взгляд Лазаруса привлекло не это.

Корабль вообще не походил на нечто способное летать в глубинах космоса. У него не было даже шлюза — просто герметичный модуль, позволявший стыковаться с более крупным кораблем, так что Лазарус смотрел прямо в его нутро. Корабль напоминал... да, это был «Джой-бот Юниор», маленькая частная стратосферная яхта, пригодная лишь для полетов по баллистической траектории, в лучшем случае для стыковки со спутником при условии, что спутник мог заправить ее для обратного пути.

Здесь для нее топлива не было. Пилот с молниеносной реакцией, возможно, сумел бы посадить эту жестянку и остаться при этом в живых... если бы ему хватило опыта, чтобы то погружаться в атмосферу, то выныривать из нее, следя за температурой обшивки, — но Лазарус никогда бы на такое не решился. Нет уж, сэр! Он повернулся к Форду:

— Предположим, мы вас к себе не пустим. Как вы рассчитываете вернуться?

— Я на это не рассчитывал, — просто ответил Форд.

— Гм... рассказывайте, только поживее; время не ждет.

Форд сжег за собой все мосты. Всего несколько часов назад лишившись должности, он понял, что, как только станут известны все факты, его в лучшем случае ждет длительное заключение в Ковентри — если ему удастся избежать гибели от рук разъяренной толпы или разрушающих разум допросов.

Попытка организовать отвлекающий маневр оказалась последней каплей. Его объяснения не убедили Совет. Он пробовал выдать бурю и отзыв прокторов из резервации за отчаянную попытку сломить моральный дух Семейств — что выглядело вполне возможным, но не слишком правдоподобным. Вряд ли кто-то связал отданный кораблям флота приказ не приближаться к «Новому рубежу» с делом Семейств Говарда, но тем не менее оппозиция воспользовалась явным отсутствием разумных причин для подобных действий как еще одним оружием для свержения Форда. Они искали любой повод, чтобы его завалить, — один из заданных на Совете вопросов касался средств из фонда администратора, опосредованно выплаченных некоему капита-

ну Аарону Шеффилду: действительно ли эти деньги были потрачены в интересах общества?

Лазарус удивленно уставился на него:

— Хотите сказать, они меня раскрыли?

— Не совсем — иначе бы вас здесь не было. Но они шли за вами по пятам. Думаю, в последнее время им помогало немало моих людей.

— Возможно. Но у нас все получилось, так что волноваться не стоит. Идемте. Как только все переберутся с этого корабля на большой, мы стартуем.

Лазарус собрался уйти.

— Так вы разрешаете мне полететь с вами?

Лазарус не спеша обернулся.

— А как иначе? — Сперва он намеревался отправить Форда обратно на «Чили», однако передумал — не из благодарности, но из уважения. Едва лишившись должности, Форд сразу же отправился на космодром Хаксли к северу от Башни Новака, получил разрешение на полет к развлекательному спутнику «Монте-Карло», но вместо этого прыгнул прямо к «Новому рубежу». Лазарусу это понравилось. Чтобы пойти ва-банк, требовались смелость и сила духа, которых многим не доставало. Вперед — и не важно, что даже зубную щетку не взял и кота не выпустил! — Естественно, летишь с нами, — весело бросил он. — Ты мне нравишься, Слейтон.

«Чили» уже опустел более чем наполовину, но пространство возле переходного модуля все еще было забито обезумевшими толпами. Лазарус пробивался сквозь них, стараясь лишний раз не наставить синяков женщинам или детям, но не сбавляя скорости. Пробравшись через стыковочный туннель вместе с цеплявшимся за его ремень Фордом, он отплыл в сторону и остановился перед Барстоу, который удивленно воззрился за его спину.

— Да, это он, — подтвердил Лазарус. — Не пялься так, это грубо. Он летит с нами. Не видел Либби?

— Я здесь, Лазарус. — Либби отделился от толпы и подплыл к ним с изяществом привыкшего к невесомости ветерана. К его запястью был привязан маленький мешочек.

— Хорошо. Держись рядом. Зак, сколько еще до конца погрузки?

— А бог его знает. Мне никак их не посчитать. Может, час.

— Постарайся побыстрее. Поставь по обеим сторонам дыры несколько крепких парней, пусть поторапливают. Нужно как можно скорее отсюда сматываться. Я иду в рубку. Звони мне, как только все окажется на борту, на «Чили», когда тот отчалит. Энди! Слейтон! Пошли.

— Лазарус...

— Потом, Энди. Поговорим на месте.

Лазарус взял с собой Слейтона Форда, поскольку не знал, что с ним еще делать, и ему казалось, что будет лучше, если никто не увидит бывшего администратора, пока не появится какое-нибудь правдоподобное объяснение его присутствию на корабле. Пока что, похоже, никто не обращал на него внимания, но, когда все успокоится, хорошо знакомое лицо Форда наверняка вызовет нездоровый интерес.

Рубка управления находилась примерно в полумиле к носу от того места, где они вошли в корабль. Лазарус знал, что туда ведет пассажирский транспортер, но искать его времени не было, так что он просто направился по первому ведущему вперед коридору. Как только толпа оказалась позади, они стали двигаться намного быстрее, хотя Форд чувствовал себя в невесомости не столь уверенно, как остальные двое.

Оказавшись в рубке, Лазарус потратил часть времени на то, чтобы объяснить Либби крайне изобретательное, но довольно необычное устройство приборов корабля. Либби пришел в неопишуемый восторг и вскоре уже сам пробовал аппаратуру входостую. Лазарус повернулся к Форду:

— Ну а как насчет тебя, Слейтон? Второй запасной пилот нам не помешает.

— Я внимательно слушал, но мне никогда этому не научиться, — покачал головой Форд. — Я не пилот.

— Гм? Как же ты сюда попал?

— Ну... у меня есть лицензия, но мне не хватало времени практиковаться. Меня всегда возил пилот-водитель. Я много лет не рассчитывал траекторий.

Лазарус окинул его взглядом:

— Но ты все-таки сумел рассчитать встречу на орбите? Без резервного топлива?

— Ах, это... Пришлось.

— Понятно. Примерно так же, как кошка учится плавать. Что ж, другого способа нет.

Он повернулся к Либби, но его прервал голос Барстоу по системе оповещения:

— Пять минут, Лазарус! Подтверди.

Лазарус нашел микрофон и ответил, прикрыв ладонью лампочку под ним:

— Есть, Зак! Пять минут. — И тут же добавил: — Черт, я даже курс не проложил. Что думаешь, Энди? Прочь от Земли, чтобы стряхнуть сыщиков с хвоста, а потом выбрать цель? Как по-твоему, Слейтон? Соответствует это тому, что ты приказал кораблям флота?

— Нет, Лазарус, нет! — запротестовал Либби.

— Гм? Почему нет?

— Нужно лететь прямо к Солнцу.

— К Солнцу? Ради всего святого, зачем?

— Я уже пытался тебе сказать, когда видел тебя в прошлый раз. Из-за космического движителя, который ты просил меня разработать.

— Но, Энди, у нас ведь его нет.

— Есть. Вот здесь. — Либби показал Лазарусу висевший на его руке мешочек.

Открыв его, Лазарус увидел собранное из странных фрагментов устройство, скорее напоминавшее продукт творчества мальчишки, чем творение научной лаборатории, — именно его Либби называл «космическим движителем». Лазарус окинул устройство критическим взглядом. На фоне идеального совершенства рубки управления оно выглядело грубым, жалким и до смешного неуместным.

Лазарус задумчиво ткнул в него пальцем.

— Что это? — спросил он. — Твоя модель?

— Нет-нет. Это он и есть. Космический движитель.

Лазарус с сочувствием посмотрел на Либби.

— Сынок, — медленно проговорил он, — у тебя что, с головой не в порядке?

— Нет-нет! — выпалил Либби. — Я в столь же здравом уме, как и ты. Это совершенно новая идея. Потому мне и хотелось бы, чтобы ты пролетел рядом с Солнцем. Если он вообще работает, лучше всего он будет работать там, где выше всего световое давление.

— А если не работает? — поинтересовался Лазарус. — Во что мы превратимся? В солнечные пятна?

— Ну, не прямо же к Солнцу. Но сейчас лети к нему, а как только мне удастся получить все данные, я сообщу тебе исправленную траекторию. Я хочу пролететь мимо Солнца по очень пологой гиперболе, внутри орбиты Меркурия, настолько близко к фотосфере, насколько сможет выдержать этот корабль. Не знаю, насколько именно близко, так что заранее рассчитать не могу. Но данные обязательно будут, и у нас будет время, чтобы корректировать их на ходу.

Лазарус снова посмотрел на несерьезно выглядевшее устройство.

— Энди... если ты уверен, что у тебя в голове все шарики на месте, — я рискну. Пристегнитесь, оба. — Он пристегнулся к пилотскому креслу и вызвал Барстоу. — Как там у тебя, Зак?

— Давай!

— Держитесь крепче! — Одной рукой Лазарус прикрыл огонек на левой панели управления, и по всему кораблю взвыла сирена предупреждения о перегрузке. Другой рукой он прикрыл еще одну лампочку, и полушарие перед ними внезапно украсилось видом звездного неба. Форд судорожно вздохнул.

Лазарус внимательно изучил открывшуюся перед ним картину. Двадцать градусов ее закрывал темный круг ночной стороны Земли.

— Сворачиваем за угол, Энди. Придется взять поправку на ветер.

Он стартовал с ускорением в четверть g — вполне достаточно, чтобы встряхнуть пассажиров, вынудив их соблюдать осторожность, — и начал медленно разворачивать огромный корабль, выходя из земной тени. Затем он прибавил ускорение вдвое, а потом до полного g .

Земля внезапно превратилась из черного силуэта в изящный серебристый серп, из-за которого появился белый диск Солнца.

— Мне нужно пролететь мимо нее на расстоянии примерно в тысячу миль, Счетчик, — напряженно проговорил Лазарус, — с ускорением в два g . Дай мне временный курс.

Поколебавшись лишь мгновение, Либби тут же выдал нужные данные. Лазарус снова включил предупреждающую сирену и разогналсЯ до ускорения, вдвое превышавшего земную силу тяжести. У него возникло искушение увеличить ускорение до максимума, но он не осмеливался так поступить с полным ко-

раблем людей, многие из которых никогда не бывали вне Земли, — для некоторых из них даже двойная перегрузка могла оказаться чересчур тяжким испытанием. Любой корабль флота, направленный им на перехват, мог разогнаться до намного больших ускорений, которые могли выдержать их отборные экипажи. Но речь шла лишь о возможном риске... к тому же, напомнил себе Лазарус, корабли флота не могли долго разгоняться — их строго ограничивал объем топливных баков.

«Новый рубеж» не имел столь старомодных ограничений, как и топливных баков; его преобразователь материи воспринимал любое вещество как топливо, превращая его в чистую энергию излучения. Сгодиться могло все: метеориты, космическая пыль, захваченные полем корабля атомы, а также любые отбросы с самого корабля — пищевые отходы, мертвые тела, мусор с палубы, что угодно. Масса превращалась в энергию. Умирая, каждый ее измученный грамм давал девятьсот миллионов триллионов эргов тяги.

Сerp Земли увеличился в размерах и скользнул к левому краю полусферического экрана, в то время как Солнце оставалось прямо впереди. Двадцать с небольшим минут спустя, когда они максимально приблизились к Земле и серп, находившийся теперь в половинной фазе, начал уходить за пределы экрана, ожила связь.

— «Новый рубеж»! — послышался повелительный голос. — Немедленно выходите на орбиту и ложитесь в дрейф! Это официальный приказ службы управления полетами.

Лазарус выключил связь.

— В любом случае, — весело сказал он, — если они попробуют нас поймать, вряд ли им захочется гнаться за нами до самого Солнца! Энди, дорога теперь чиста, и пора скорректировать курс. Посчитаешь сам? Или просто скажешь мне данные?

— Посчитаю, — ответил Либби. Он уже успел выяснить, что астронавигационные характеристики корабля, включая его поведение как абсолютно черного тела, доступны с обоих пилотских мест. Вооружившись ими и поступающими с приборов данными, он занялся расчетом гиперболы, по которой он намеревался облететь Солнце. Он нерешительно попробовал воспользоваться баллистическим калькулятором корабля, но тот поставил его в тупик — модель была совершенно непривычной,

без каких-либо движущихся частей, даже без внешних органов управления. В конце концов он сдался, поняв, что зря теряет время, и обратился к заложенным в его собственном мозгу способностям оперировать цифрами. Движущихся частей у него в мозгу тоже не имелось, но к этому он привык.

Лазарус решил проверить, насколько выросла их популярность. Он снова переключился на связь между кораблями, вновь услышав пронзительные вопли, хотя и не столь громкие, как раньше. Теперь они знали его имя — вернее, одно из имен, — из чего он сделал вывод, что парни на «Чили», вероятно, незамедлительно связались со службой управления полетами. Он грустно присвистнул, узнав, что действие пилотской лицензии «капитана Шеффилда» приостановлено, отключил связь и попытался поискать на частотах флота... но потом отключился снова, не услышав ничего, кроме закодированного шума, на фоне которого лишь однажды отчетливо прозвучали слова: «Новый рубеж».

Пробормотав что-то вроде «пусть попробуют со мной потягаться», он попытался разведать обстановку иным путем. Судя по показаниям радара дальнего действия и парагравитационного детектора, неподалеку от них находились какие-то корабли, но само по себе это мало о чем говорило — в окрестностях Земли кораблей просто не могло не быть, а на основе имевшихся у него данных он не мог отличить летящий по своим делам невооруженный лайнер или грузовик от преследовавшего их крейсера флота.

Но на «Новом рубеже» имелось больше ресурсов для анализа окружающей обстановки, чем на обычном корабле, — он был специально рассчитан на то, чтобы без посторонней помощи выживать в любых незнакомых условиях, какие только можно было вообразить. Полусферическая рубка управления, в которой они лежали в своих креслах, представляла собой громадный телевизионный приемник с множеством экранов, способный по выбору пилота показать звездный небосвод как со стороны носа, так и со стороны кормы. Но в нем имелись и другие, куда более утонченные схемы; он мог одновременно или по отдельности играть роль огромного радарного экрана, отображая в виде вспышек любое тело в пределах его досягаемости.

Но и это было далеко не все. С помощью своих нечеловеческих чувств корабль мог подвергать дифференциальному анали-

зу данные доплеровского анализатора и выводить результат на экран в виде визуального аналога. Внимательно изучив приборную панель с левой стороны от себя, Лазарус попытался вспомнить все, что ему о ней рассказывали, и изменил настройки.

Изображения звезд и даже Солнца померкли, сменившись десятком ярких огней.

Лазарус приказал приборам проверить их на предмет угловой скорости; яркие огоньки стали вишнево-красными, превратившись в маленькие кометы с розовыми хвостами, — все, кроме одного, который оставался белым и без хвоста. Несколько мгновений Лонг изучал остальные огоньки, затем решил, что, судя по направлению их движения, их курс никогда не пересечется с курсом корабля, и приказал приборам проверить доплеровское смещение корабля, который оставался в зоне прямой видимости.

Огонек потускнел, став фиолетовым, затем плавно сменил цвет до середины спектра, оставшись голубовато-зеленым. Немного подумав, Лазарус внес поправку на два g их собственного ускорения, и огонек вновь стал белым. Удовлетворенный, он проделал то же самое с видом с кормы.

— Лазарус?..

— Да, Либ?

— Не помешаю, если сообщу тебе параметры коррекции?

— Нисколько. Я тут просто решил немного осмотреться. Если этот волшебный фонарь действительно говорит правду, им нас не догнать.

— Ну и хорошо. Вот цифры...

— Введи их сам, ладно? Возьми пока управление, а я посмотрю, где тут можно найти кофе с бутербродами. А ты как — не хочешь позавтракать?

Либби рассеянно кивнул — он уже начал вносить поправки в траекторию корабля. Внезапно впервые за долгое время слышался голос Форда:

— Давайте я схожу. Буду только рад пройтись.

Похоже, ему крайне хотелось оказаться хоть чем-то полезным.

— Гм... можешь нарваться на неприятности, Слейтон. Что бы там ни наговорил Зак, большинство семьян, скорее всего, зовут тебя не иначе как «кусоч дерьма». Позвоню на корму и позову кого-нибудь.

— Вряд ли в нынешней обстановке кто-то меня узнает, — возразил Форд. — В любом случае я всегда сумею объяснить, что иду по делу.

Лазарус понял по выражению его лица, что ему это просто необходимо, чтобы поднять свой моральный дух.

— Ладно... если справишься при двух g.

Форд тяжело поднялся из противоперегрузочного кресла.

— Ничего, на ногах удержусь. С чем бутерброды?

— Я бы попросил с бужениной, но это наверняка окажется какой-то чертов заменитель. Сделай мне с сыром — если есть, с ржаным хлебом, — и побольше горчицы. И галлон кофе. А ты что будешь, Энди?

— Я? Да в общем, все равно.

Форд уже тронулся с места, тяжело сгибаясь под двойным весом, но вдруг добавил:

— Кстати, возможно, будет быстрее, если ты мне скажешь, куда идти.

— Братец, — ответил Лазарус, — если этот корабль не набит едой под завязку, мы совершили чудовищную ошибку. Пошарь вокруг — наверняка что-нибудь отыщешь.

Корабль приближался к Солнцу, и с каждой секундой его скорость возрастала на шестьдесят четыре фута в секунду. Так продолжалось пятнадцать казавшихся бесконечными часов при двойной перегрузке. За это время они преодолели семнадцать миллионов миль и достигли невообразимой скорости в шестьсот сорок миль в секунду. Впрочем, цифры мало что значат — проще представить мгновенный перелет из Нью-Йорка в Чикаго, на который даже стратосферной почте требуется полчаса.

Барстоу во время перегрузки приходилось тяжело. Все остальные лежали, безнадежно пытаясь заснуть и со стоном ворочаясь с боку на бок. Но Заккером Барстоу двигало чувство ответственности — он продолжал держаться на ногах, хотя на шею ему словно взгромоздилось морское чудовище, увеличивая его вес до трехсот пятидесяти фунтов.

Впрочем, он мало чем мог им помочь — разве что устало переползать из одного отсека в другой, спрашивая, как у них дела. Пока продолжался полет с ускорением, ничто не могло облегчить их страдания. Все лежали где могли — мужчины, женщины, дети, — словно перевозимый скот, не имея возможности даже

вытянуть ноги в не рассчитанных на подобную тесноту помещений.

Единственная польза, устало подумал Барстоу, заключалась в том, что в подобном состоянии они вряд ли были способны думать о чем-то еще, кроме бесконечно тянувшихся минут. Они были слишком измучены, чтобы доставлять какие-либо проблемы. Позже наверняка возникнут сомнения, разумно ли они поступили, отправившись в полет; начнутся приводящие в замешательство вопросы о том, что делает на корабле Форд, о странных и порой непонятных действиях Лазаруса, о его собственной противоречивой роли. Но все это — потом.

Он с неохотой подумал, что до того, как начнутся проблемы, следовало бы организовать пропагандистскую кампанию. А если он ничего не предпримет, проблемы точно начнутся... и это может стать последней каплей. Наверняка.

Увидев перед собой лестницу, он стиснул зубы и с трудом вскарабкался на следующую палубу. Пробираясь среди лежащих тел, он едва не наступил на женщину, крепко прижимавшую к себе младенца. Заметив, что малыш мокрый и грязный, Барстоу подумал было приказать матери о нем позаботиться, поскольку та, похоже, не спала. Но он не стал ее трогать, зная, что чистых пеленок все равно не найдется в радиусе нескольких миллионов миль. А может, на палубе наверху их десятки тысяч... но ему казалось, что до них столь же далеко.

Он прошел мимо, так и не заговорив с ней. Элинор Джонсон даже его не заметила. С облегчением поняв, что она и ее ребенок целыми и невредимыми оказались внутри корабля, она впадала в апатию, вызванную как эмоциональной реакцией, так и невыносимой тяжестью. Когда на них навалился чудовищный вес, ребенок расплакался, а потом затих, не издавая ни звука. Прислушавшись к его сердцебиению, она убедилась, что он жив, и снова провалилась в ступор.

По прошествии пятнадцати часов, когда до орбиты Венеры оставалось всего четыре часа, Либби отключил ускорение. Корабль перешел в свободный полет, но скорость его продолжала расти под возрастающей силой притяжения Солнца. Разбуженный невесомостью Лазарус бросил взгляд на второго пилота:

— Летим по дуге?

— В соответствии с расчетным курсом.

— Ладно, понял, — ответил Лазарус. — А теперь вылезай оттуда и немного поспи. Ты похож на выжатое полотенце.

— Лучше останусь тут и немного отдохну.

— Черта с два ты останешься! Ты не спал, даже когда я управлял кораблем; если останешься, то наверняка будешь следить за приборами и считать в уме. Так что — не выйдет! Слейтон, гони его отсюда.

Застенчиво улыбнувшись, Либби покинул рубку. Пространство за ней было забито плавающими в воздухе телами, но ему удалось найти свободный уголок. Пропустив ремень килта через скобу, он тут же заснул.

Предполагалось, что невесомость станет для всех немалым облегчением, но оказалось иначе, если не считать один процент просоленных космических волков. Тошнота в невесомости, как и морская болезнь, выглядит шуткой только для тех, кто не страдает ею сам; чтобы описать сотню тысяч подобных случаев, потребовался бы талант Данте. На борту имелись средства от тошноты, но их нашли не сразу; среди семейн имелись медики, но они страдали не меньше других. Мучения продолжались.

Барстоу, давно привыкший к невесомости, поплыл в сторону рубки управления, молясь об облегчении мук тех, кому повезло меньше.

— Люди мучаются, — сказал он Лазарусу. — Не мог бы ты привести корабль во вращение, чтобы дать им небольшую передышку? Очень бы помогло.

— Но и маневры это тоже осложнит. Так что извини. Послушай, Зак, в данный момент маневренность корабля для них куда важнее, чем возможность удержать ужин в желудке. От морской болезни еще никто не умирал... хотя сами они так не считают.

Корабль продолжал падать в сторону Солнца, набирая скорость. Те немногие, кто был на это способен, с трудом помогали огромному большинству страдалцев.

Либби все так же спал младенческим сном человека, научившегося получать наслаждение от невесомости. Он почти не смыкал глаз с тех пор, как арестовали семейн; его чрезмерно активный ум все это время был занят проблемой нового космического движителя.

Большой корабль начал разворачиваться, но Либби лишь пошевелился во сне, так и не проснувшись. Его разбудил лишь

предупреждающий сигнал о перегрузке. Сориентировавшись, он распластался на кормовой переборке и стал ждать. Вес навалился на него практически сразу — на этот раз три g, и он понял, что что-то не так, причем всерьез. Прежде чем найти укрытие для сна, он проплыл почти четверть мили в сторону кормы; и тем не менее он с трудом поднялся на ноги и взялся за невероятную задачу — вскарабкаться вверх на эти самые четверть мили, веся втрое больше обычного и ругая себя за то, что позволил Лазарусу убедить его покинуть рубку.

Ему удалось проделать лишь малую часть пути, но весьма героическую, почти равную подъему по лестнице на десятый этаж с человеком на каждом плече... когда внезапно вновь наступила невесомость. Промчавшись остаток пути, словно возвращающийся домой лосось, он ворвался в рубку.

— Что случилось?

— Пришлось сменить курс, Энди, — с сожалением ответил Лазарус.

Слейтон Форд молчал, но лицо его было полно тревоги.

— Да, я знаю. Но почему?

Либби уже пристегивался к креслу второго пилота, изучая астронавигационные данные.

— Красные огни на экране. — Лазарус описал картину, сообщив координаты и относительные направления.

— Корабли флота, — задумчиво кивнул Либби. — Ни один коммерческий корабль не полетел бы по такой траектории. Похоже, ставят минное заграждение.

— Именно так я и понял. У меня не было времени с тобой посоветоваться — нужно было как следует разогнаться, чтобы от них оторваться.

— Да. — Либби с тревогой посмотрел на Лазаруса. — Я думал, флот нам уже больше не помешает.

— Это не наши, — вмешался Слейтон Форд. — Это не могут быть наши, какие бы приказы им не отдали после того, как я... после того, как я улетел. Наверняка это венерианские корабли.

— Угу, — согласился Лазарус, — наверняка. Твой приятель, новый администратор, обратился к Венере за помощью, и они ее ему предоставили — всего лишь дружеский жест межпланетной доброй воли.

Либби почти их не слушал, изучая данные и обрабатывая их посредством калькулятора в собственном черепе.

— Лазарус... новая орбита не слишком удачная.

— Знаю, — печально согласился Лазарус. — Мне пришлось уворачиваться... и я увернулся в единственном оставшемся направлении — ближе к Солнцу.

— Похоже, слишком близко.

Солнце — не особо большая звезда и не особо горячая. Но она вполне горяча, чтобы убить неосторожного человека в тропический полдень на расстоянии в девяносто два миллиона миль и чтобы те, кто вырос под ее лучами, не осмеливались взглянуть на нее невооруженным глазом.

На расстоянии в два с половиной миллиона миль Солнце светит в тысячу четыреста раз ярче, чем в Долине Смерти, Сахаре или Адене. Подобное излучение воспринимается не как тепло или свет — оно несет смерть еще более мгновенную, чем выстрел на полной мощности из бластера. Солнце — естественная водородная бомба, и «Новый рубеж» летел у самой границы круга, за которым ждала гибель.

Внутри корабля стало жарко. Бронированные стены защищали людей от мгновенной смерти от радиации, но температура воздуха продолжала расти. Они избавились от страданий, которые несла с собой невесомость, но теперь им было вдвойне неуютно — как от жары, так и оттого, что переборки накренились, и не осталось ни одной ровной поверхности, где можно было стоять или лежать. Корабль одновременно вращался вокруг своей оси и ускорялся; подобного никогда не предполагалось, и из-за сложения двух ускорений, углового и линейного, направление «вниз» оказывалось там, где соединялись внешняя и кормовая переборки. Корабль пришлось привести во вращение, чтобы часть попадающей на него энергии излучения уходила на «холодную» сторону. Столь же вынужденным было и ускорение — ради почти безнадежных маневров, чтобы миновать Солнце как можно дальше и как можно быстрее, проведя как можно меньше времени в перигелии, самой близкой к нему точке.

В рубке управления тоже стояла жара. Даже Лазарус добровольно сбросил килт, уподобившись венецианской моде. Металл был горяч на ощупь. На большом экране огромный черный круг отмечал место, где должен был находиться диск Солнца, — датчики, не выдержав, автоматически отключились.

— Тридцать семь секунд до перигелия, — повторил Лазарус последние слова Либби. — Мы не выдержим, Энди. Корабль не выдержит.

— Знаю. Я вовсе не предполагал, что мы пролетим столь близко.

— Конечно не предполагал. Возможно, мне не следовало маневрировать, — может, мы и так проскочили бы мины. Ладно... — Лазарус расправил плечи и вдруг сказал: — Похоже, сынок, пришло время попробовать твою штуковину. — Он ткнул пальцем в сторону неуклюжего «космического движителя» Энди. — Говоришь, нужно лишь подсоединить этот контакт?

— Должно быть так. Просто подсоединить этот провод к любой массе. Хотя я на самом деле не знаю, сработает ли, — признался Либби. — У меня не было возможности проверить.

— А если не сработает?

— Есть три возможности, — рассудительно ответил Либби. — Первый вариант — ничего не произойдет.

— В этом случае мы просто поджаримся.

— Второй вариант — мы вместе с кораблем можем просто перестать существовать.

— В смысле — умереть? Хотя, пожалуй, такая смерть будет приятнее.

— Пожалуй. Мне еще не приходилось умирать. Третий вариант: если моя гипотеза верна, мы начнем удаляться от Солнца со скоростью чуть меньше скорости света.

Лазарус посмотрел на устройство, утирая пот.

— Становится все жарче, Энди. Подсоединяй его — и была не была!

Энди подсоединил устройство.

— Давай, — поторопил Лазарус. — Нажимай на кнопку, поворачивай выключатель, или что там у тебя. Запускай.

— Уже, — сказал Либби. — Взгляни на Солнце.

— Гм? Ого!

Большой черный круг, отмечавший положение Солнца на испещренном звездами экране, быстро уменьшался. За несколько мгновений он потерял половину своего диаметра; через двадцать секунд он стал меньше вчетверо.

— Сработало, — тихо проговорил Лазарус. — Ты только посмотри, Слейтон! Сработало, чтоб мне стать краснозадым бабуином!

— Я так и думал, что сработает, — с серьезным видом ответил Либби. — Собственно, иначе и быть не могло.

— Гм... может, тебе это и очевидно. Энди, но не мне. Как быстро мы движемся?

— Относительно чего?

— Ну... относительно Солнца.

— У меня не было возможности измерить, но, похоже, чуть медленнее скорости света. Быстрее быть не может.

— Почему? Если не считать теоретических соображений?

— Мы все еще можем что-то видеть. — Либби показал на полусферический экран.

— Угу, можем. — Лазарус задумался. — Эй, а ведь ничего не должно быть видно! Из-за доплеровского смещения.

Либби тупо уставился на него, затем улыбнулся:

— Собственно, мы его и наблюдаем. С этой стороны, ближе к Солнцу, мы видим излучение на коротких волнах, растянутое до диапазона видимого света. С противоположной стороны мы принимаем что-то вроде радиоволн, преобразованных в свет.

— А между?

— Хватит меня дурачить, Лазарус. Ты наверняка способен посчитать относительное направление не хуже меня.

— Сам считай, — решительно заявил Лазарус. — А я просто буду сидеть и любоваться. Да, Слейтон?

— Да. Да, конечно.

— Кстати, можно больше не тратьте впустую топливо в главном двигателе, — вежливо улыбнулся Либби. Включив предупреждающий сигнал, он заглушил двигатель. — А теперь можно и вернуть все как раньше. — Он начал отсоединять свое устройство.

— погоди, Энди! — поспешно сказал Лазарус. — Мы еще даже не пересекли орбиту Меркурия. Зачем тормозить?

— Это нас в любом случае не остановит. Мы набрали скорость, и теперь она такой и останется.

Лазарус задумчиво поскреб щеку:

— Будь все как обычно, я бы с тобой согласился — первый закон динамики. Но насчет этой псевдоскорости я не столь уверен. Мы получили ее даром, ничего за нее не заплатив, — я имею в виду энергию. Похоже, ты устроил инерции праздник — но, когда праздник закончится, не вернется ли вся эта бесплатная скорость туда, откуда взялась?

— Не думаю, — ответил Либби. — Наша скорость никакая не «псевдо» — она столь же реальна, как и любая другая. Ты пытаешься применять антропоморфную логику в области, к которой она не имеет отношения. Вряд ли ты рассчитывал, что мы

можем мгновенно вернуться к более низкому гравитационному потенциалу, с которого начинали?

— Когда ты подсоединил свой космический движитель? Нет, естественно, — мы ведь переместились.

— И продолжаем перемещаться. Наша вновь обретенная потенциальная энергия, соответствующая большей высоте над Солнцем, не менее реальна, чем соответствующая нашей нынешней скорости кинетическая энергия. Существует и та и другая.

Лицо Лазаруса приобрело озадаченное выражение, не слишком ему подходившее.

— Ладно, Энди, ты меня убедил. Как бы там ни было, мы, похоже, получили откуда-то энергию. Но откуда? В школе меня учили почитать флаг, голосовать за свою партию и верить в закон сохранения энергии. Похоже, ты его нарушил. Что скажешь?

— Об этом можешь не беспокоиться, — заметил Либби. — Так называемый закон сохранения энергии — всего лишь рабочая гипотеза, недоказанная и недоказуемая, использовавшаяся для описания макроскопических явлений. Она применима только к старой динамической концепции мира. В пространстве, воспринимаемом как статическая сеть взаимоотношений, «нарушение» подобного «закона» не более удивительно, чем дискретная функция, которую нужно лишь обнаружить и описать. Именно это я и сделал — увидел дискретность в математической модели одного из аспектов массы-энергии, именуемого инерцией, и применил ее. Математическая модель оказалась подобной реальному миру. На самом деле имелась лишь одна опасность — о том, что математическая модель подобна реальному миру, никогда не узнаешь, пока не попробуешь.

— Угу, угу... вкуса не узнаешь, пока не откусишь. Но, Энди, я до сих пор не понимаю, откуда взялась энергия! — Лазарус повернулся к Форду. — А ты, Слейтон?

— Нет, — покачал головой Форд. — Хотелось бы знать... но сомневаюсь, что сумею понять.

— Вот и я тоже. Так как, Энди?

Теперь уже Либби выглядел озадаченным.

— Но, Лазарус, причинная связь не имеет никакого отношения к реальному пространству. Факт просто существует как таковой. Причинная связь — всего лишь старомодный постулат донаучной философии.

— Пожалуй, я слишком старомоден, — медленно проговорил Лазарус.

Либби промолчал и отсоединил свой аппарат.

Черный диск продолжал уменьшаться. Когда его диаметр сократился вшестеро, внезапно он превратился из черного в ослепительно-белый — расстояние до Солнца вновь стало достаточно велико, чтобы датчики выдерживали нагрузку.

Лазарус попытался посчитать в уме кинетическую энергию корабля — половину квадрата скорости света (вернее, чуть меньше) умножить на громадную массу «Нового рубежа». Ответ его не утешил — в чем бы ни считать, хоть в эргах, хоть в яблоках.

8

— У нас есть дела поважнее, — вмешался Барстоу. — Меня не меньше вас приводят в восхищение научные аспекты той ситуации, в которой мы оказались, но работа не ждет. Нужно незамедлительно распланировать повседневную жизнь. Так что давайте отложим математическую физику и поговорим об организационных вопросах.

Он обращался не к поверенным, но к своим личным помощникам, ключевым фигурам, помогавшим ему совершать замысловатые маневры, которые позволили им бежать, — Ральфу Шульцу, Еве Барстоу, Мэри Сперлинг, Джастину Футу, Клайву Джонсону и десятку других.

Присутствовали также Лазарус и Либби. Лазарус оставил Слейтона Форда охранять рубку управления, приказав ему никого туда не пускать и тем более не позволять кому бы то ни было прикасаться к приборам. На самом деле Лазарусу было важнее попросту чем-то его занять — ему не слишком нравилось душевное состояние Форда. Казалось, будто Форд полностью ушел в себя, отвечая лишь тогда, когда к нему обращались, но не более того. И Лазаруса это всерьез беспокоило.

— Нам нужен начальник, — продолжал Барстоу. — Тот, который на данный момент будет обладать широкими правами отдавать приказы и следить за их исполнением. Ему придется принимать решения, организовывать нас, определять обязанности и ответственность каждого, обеспечивать работу внутренней экономики корабля. Это большая работа, и мне хотелось бы, чтобы наши собраты избрали его демократическим путем.

Время не ждет — кто-то должен отдавать приказы уже сейчас. Мы впустую тратим еду, а состояние корабля... жаль, что вы не видели туалет, которым я пытался сегодня воспользоваться.

— Заккер...

— Да, Ева?

— Мне кажется, это дело поверенных. У нас нет никакой власти — мы всего лишь экстренно созданная группа, уже пополняющая свою задачу.

— Грррм... — сухо кашлянул Джастин Фут, лицо которого оставалось столь же бесстрастным, как и голос. — Я не вполне согласен с нашей сестрой. Поверенные незнакомы с ситуацией в целом, и на то, чтобы ввести их в курс дела, требуется время, которого у нас нет. Более того, будучи сам одним из поверенных, я могу непредвзято заявить, что поверенные как организованная группа не могут иметь никакой юрисдикции, поскольку для их существования больше нет никаких законных оснований.

Лазарус с интересом посмотрел на него:

— И как же ты пришел к такому выводу, Джастин?

— Очень просто: совет поверенных являлся хранителем фонда, существовавшего как часть общества и взаимосвязанного с ним. Поверенные никогда не были правительством — единственная их обязанность заключалась в том, чтобы устанавливать связи между Семействами и остальным обществом. Поскольку отношения между Семействами и земным обществом фактически прекратились, прекращает существовать и совет поверенных. Он уходит в историю. Мы же на этом корабле — пока не общество, а всего лишь анархистская группировка. И у собравшихся здесь не больше — или не меньше — полномочий, чтобы организовать общество, как и у любой другой его части.

Лазарус весело захлопал в ладоши:

— Джастин, мне целый век не доводилось слышать подобного искусства жонглировать словами. Давай как-нибудь соберемся на досуге и потолкуем о солипсизме.

Джастин Фут обиженно взглянул на него.

— Это же очевидно... — начал он.

— Нет! Ни слова больше! Ты меня убедил. Если все так, как ты говоришь, — давай займемся делом и выберем вожака стада. Как насчет тебя, Зак? Ты выглядишь вполне логичным кандидатом.

— Я знаю, на что я способен, — покачал головой Барстоу. — Я инженер, а не политик; Семейства были для меня лишь чем-то вроде хобби. Нам нужен специалист по социальному управлению.

Когда Барстоу наконец удалось убедить собравшихся в своей правоте, были предложены другие имена и последовало детальное обсуждение их деловых качеств. В столь большом сообществе, как Семейства, имелось немало тех, кто специализировался в политологии, и тех, кто сам занимал важные посты.

Лазарус внимательно слушал — четверых кандидатов он знал лично. Наконец он отвел Еву Барстоу в сторону и что-то ей прошептал. Она удивленно взглянула на него, на мгновение задумалась, а затем кивнула и попросила слова.

— Предлагаю кандидатуру, — как всегда мягко начала она, — которая, возможно, не могла прийти в голову никому из вас. Но по своему темпераменту, подготовке и опыту этот человек намного лучше пригоден для данной работы, чем любой из уже выдвинутых кандидатов. Рекомендую на должность гражданского администратора корабля Слейтона Форда.

Наступила ошеломленная тишина, затем все заговорили одновременно:

— Она что, с ума сошла? Форд же на Земле!

— Нет, я видел его здесь, на корабле.

— Но об этом и речи быть не может!

— Да Семейства никогда его не примут!

— В любом случае он не один из нас.

Ева терпеливо ждала, пока все успокоится.

— Знаю, мое предложение выглядит весьма странным, и я осознаю возможные трудности. Но подумайте и о преимуществах. Нам всем известна репутация Слейтона Форда и его деловые качества. Форд — гений в своей области, и об этом знает каждый семьян. Разработать план совместной жизни на этом крайне перенаселенном корабле будет не так-то просто, и потребуются самые лучшие таланты.

Слова ее впечатлили собравшихся, поскольку Форд был редкостью среди государственных деятелей: его заслуги признавали почти все. Современные историки приписывали ему двукратное спасение Западной Федерации во время по крайней мере двух серьезных кризисов, и тот факт, что его карьера рухнула вследствие очередного кризиса, неразрешимого обычными

средствами, можно было считать скорее невезением, чем личной неудачей.

— Ева, — сказал Заккер Барстоу, — я согласен с твоим мнением насчет Форда и сам с радостью видел бы его в роли нашего начальника. Но как насчет остальных? Для семьи — всех, кроме здесь присутствующих, — господин администратор Форд символизирует все те гонения, от которых они пострадали. Полагаю, его кандидатура никак не пройдет.

— Не думаю, — упрямо возразила Ева. — Мы уже согласились с тем, что нам придется провести целую кампанию, чтоб объяснить множество приводящих в замешательство событий, случившихся в последние дни. Почему бы не постараться убедить всех, что Форд — мученик, который пожертвовал собой ради их спасения? Собственно, так оно и есть.

— Гм... да, так оно и есть. Нельзя сказать, что он жертвовал собой главным образом ради нас, но у меня нет никаких сомнений, что именно его личная жертва нас спасла. Но удастся ли нам убедить остальных настолько, что они примут его и станут исполнять его приказы... теперь, когда он стал для них кем-то вроде личного дьявола, — честно говоря, не знаю. Думаю, нам нужен совет опытного человека. Что скажешь, Ральф? Получится?

— Истинность предположения имеет мало общего, или вообще ничего, с его психодинамикой, — поколебавшись, ответил Ральф Шульц. — Идея, будто «истина восторжествует», — всего лишь благочестивое желание; история этого не подтверждает. Тот факт, что Форд — действительно мученик, которому мы должны быть благодарны, не имеет никакого отношения к чисто техническому вопросу, который ты передо мной поставил. — Он задумался. — Но предположение само по себе содержит в себе определенные сентиментальные аспекты, в силу чего оно вполне пригодно для пропагандистских манипуляций, даже несмотря на имеющееся сильное противодействие. Да... да, я думаю, может получиться.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы все организовать?

— Гм... имеющееся социальное пространство одновременно является «плотным» и «горячим», если использовать наш жаргон. Возможно, мне удастся получить высокий положительный К-фактор цепной реакции — если она вообще сработает. Но все это неисследованная область, и мне неизвестно, какие слухи

ходят по кораблю. Если вы на это решитесь, мне нужно будет подготовить кое-какие сплетни, чтобы поправить репутацию Форда, — а потом, через двенадцать часов, я смогу запустить новый слух, будто на самом деле Форд на борту потому, что с самого начала хотел связать свою судьбу с нами.

— Вряд ли он этого хотел, Ральф.

— Точно уверен, Зак?

— Нет, но... Ладно...

— Ну вот, сам видишь. Его истинные намерения — тайна, известная лишь ему и Богу. Ни ты, ни я их не знаем. Но динамика данных предположений — совсем другое дело. Заккер, к тому времени, когда мой слух вернется к тебе трижды или четырежды, даже ты задумаешься, не поверить ли в них. — Психометрист замолчал и уставился в пустоту, советуясь с собственной интуицией, отточенной почти столетием математического изучения поведения людей. — Да, все сработает. Если вы все согласны — через сутки можете делать публичное заявление.

— Лично я согласен! — крикнул кто-то.

Несколько минут спустя Барстоу велел Лазарусу привести Форда. Лазарус не стал объяснять, зачем требуется его присутствие; Форд вошел в отсек с видом подсудимого, уверенного, что приговор будет не в его пользу. В нем чувствовалась сила духа, но не надежда. Взгляд его был полон тоски.

Лазарус успел привыкнуть к этой тоске в глазах Форда за многие часы, проведенные вместе с ним в рубке управления. Лазарусу за его долгую жизнь не раз доводилось видеть взгляд осужденного, проигравшего последнюю апелляцию, взгляд окончательно решившегося на самоубийство, взгляд измученной крысы, сдавшейся в борьбе с неумолимой сталью капкана. Глаза их выражали одно и то же — безнадежную уверенность в том, что их время истекло.

То же самое выражал и взгляд Форда.

Лазаруса это несколько озадачило — да, им всем грозила опасность, но вряд ли Форду она угрожала в большей степени, чем остальным. К тому же осознание опасности скорее вызывает желание жить — почему же Форд выглядел обреченным на смерть?

Наконец Лазарус решил, что причина может быть лишь одна: разум Форда зашел в тупик и он не видит для себя иного выхода,

кроме самоубийства. Но почему? Размышляя над этим во время долгих вахт в рубке, Лазарус сумел воспроизвести логику подобного поведения. На Земле Форд считался важной персоной среди себе подобных короткоживущих. Занимаемое им высокое положение оберегало его от ощущения неполноценности, которое долгоживущие вызывали у обычных людей. Но теперь он оказался единственным существом-однодневкой среди расы Мафусаилов.

Форд никогда не обладал опытом старших или ожиданиями молодых, чувствуя себя низшим по отношению к тем и другим, безнадежно его превосходившим. Он ощущал себя никчемным пенсионером, которого содержат только из жалости, — хотя, возможно, для этого у него не было никаких оснований.

Для человека с такой биографией, как у Форда, сложившееся положение было просто невыносимым. Гордость и сила духа неумолимо толкали его к самоубийству.

Войдя, Форд отыскал взглядом Заккера Барстоу:

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да, господин администратор. — Барстоу коротко объяснил ситуацию и рассказал, какую ответственность они намерены на него возложить. — Вас никто не принуждает, — закончил он, — но нам требуются ваши услуги — если вы согласитесь. Согласны?

Лазарус облегченно вздохнул, увидев, как тоскливое выражение лица Форда сменяется удивлением.

— Что, правда? — медленно проговорил Форд. — Вы не шутите?

— Конечно же правда!

Форд ответил не сразу, и последовавший ответ показался не вполне уместным:

— Можно мне сесть?

Для него нашли место, и он тяжело опустился на стул, закрыв лицо руками. Все молчали. Наконец он поднял голову и решительно произнес:

— Если так — сделаю все, что в моих силах.

Не в меньшей степени, чем гражданский администратор, кораблю требовался капитан. Лазарус уже являлся его капитаном в весьма практичном пиратском смысле этого слова, но,

когда Барстоу предложил ему формально занять эту должность, он тут же начал возражать:

— Ну нет, только не я! Я с тем же успехом могу провести весь полет за игрой в шашки. Либби — вот кто тебе нужен. Серьезный, добросовестный, бывший флотский офицер — как раз то, что надо.

Все взгляды обратились к Либби, и тот тут же покраснел.

— Да ну, — возразил он, — хоть мне и правда приходилось командовать кораблями во время службы, но мне это никогда не было по душе. По характеру я скорее штабист. Командир из меня никакой.

— Не понимаю, как ты можешь отказываться, — настаивал Лазарус. — Ты же изобрел ту быстроходную штуковину, и ты единственный, кто знает, как она работает. Ты сам напросился, парень.

— Но это же совсем другое дело, — взмолился Либби. — Я вполне готов стать астронавигатором, поскольку это созвучно моим талантам. Но я предпочел бы служить под началом капитана.

Лазарус самодовольно улыбнулся про себя, увидев решительно шагнувшего вперед Слейтона Форда. От измученного выражения его лица не осталось и следа — он снова превратился в руководителя.

— Дело не в ваших личных предпочтениях, командер Либби. Каждый должен делать то, что может. Я согласился руководить общественной и гражданской организацией, ибо это созвучно моим способностям. Но я не могу командовать кораблем — я этому не обучен, в отличие от вас. Так что придется.

Либби покраснел еще сильнее.

— Я бы согласился, будь я единственным, — заикаясь, проговорил он. — Но среди Семейств сотни астронавтов, и у десятков из них опыта и таланта не меньше, чем у меня. Если поищите — найдете того, кто вам нужен.

— Что скажешь, Лазарус? — спросил Форд.

— Гм... Энди в чем-то прав. Капитан вкладывает в корабль душу... а может, и нет. Если Либби не рвется в командиры, возможно, стоит поискать другого.

У Джастина Фута имелся с собой микрофильм с реестром всех пассажиров корабля, но под рукой не оказалось сканера, чтобы его просмотреть. И все же десяток с лишним присутствую-

щих сумели назвать по памяти немало кандидатов. В конце концов остановились на капитане Руфусе Кинге по прозвищу Беспощадный.

Либби объяснял новому командиру последствия применения своего движителя.

— Наши достижимые цели находятся внутри пучка параболюидов, вершины которых расположены по касательной к нашему нынешнему курсу. Предполагается, что ускорение посредством обычных двигателей корабля всегда будет приложено таким образом, что наша текущая скорость, составляющая чуть меньше скорости света, будет оставаться постоянной. Для этого требуется, чтобы корабль медленно поворачивался в течение всего маневра с ускорением. Но это не слишком сложно, поскольку разница в величине нашего текущего вектора и наложенного на него маневрового вектора очень велика. Можно грубо представить это как ускорение под прямым углом к нашему курсу.

— Да-да, понимаю, — прервал его капитан Кинг, — но почему ты считаешь, что результирующий вектор всегда будет равен текущему?

— Если капитан решит иначе — это вовсе не обязательно, — озадаченно ответил Либби, — но если результирующий вектор станет меньше текущей скорости, мы просто вернемся слегка назад, и радиус достижимых целей при этом не увеличится. В итоге возрастет лишь время полета, заняв целые поколения, даже века, если результирующий...

— Конечно, конечно! Я разбираюсь в основах небесной механики. Но почему ты отвергаешь другую альтернативу? Почему бы не увеличить нашу скорость? Почему я не могу ускоряться прямо вдоль нынешнего курса, если захочу?

Либби с тревогой посмотрел на него.

— Если капитан так прикажет — почему бы и нет? Но это станет попыткой превысить скорость света, что считается невозможным.

— Именно к этому я и веду. «Считается». Мне всегда было интересно, насколько оправдано подобное предположение. Похоже, сейчас как раз подходящий момент, чтобы это выяснить.

Либби поколебался — чувство долга боролось в нем с исканием, свойственным научному любопытству.

— Будь это исследовательский корабль, капитан, я бы с радостью попытался. Не могу представить, что бы произошло, если бы мы преодолели скорость света, но мне кажется, что нас полностью отрезало бы от электромагнитного спектра в той мере, в какой это касается других небесных тел. Как бы мы смогли что-то увидеть, чтобы проложить курс?

Беспокойство Либби носило не только теоретический характер — сейчас они могли «видеть» лишь посредством электроники. Для человеческого глаза пространство позади них выглядело как черная бездна — даже самые короткие волны из-за доплеровского эффекта превращались в слишком длинные, чтобы их можно было увидеть. Звезды впереди оставались видны, но их видимый «свет» состоял из самых длинных волн, спрессованных невероятной скоростью корабля. Темные «радиозвезды» светили как звезды первой величины; звезды, не излучавшие на радиочастотах, сливались с тьмой. Знакомые созвездия изменились до неузнаваемости. Тот факт, что картина искажалась из-за доплеровского эффекта, подтверждался спектральным анализом; фраунгоферовы линии¹ не просто смещались в фиолетовую зону, но и дальше, за пределы видимости, и их сменяли прежде неизвестные узоры.

— Гм... — ответил Кинг. — Понимаю, о чем ты. Но мне определенно хотелось бы попытаться, будь я проклят! Однако соглашусь — с пассажирами на борту об этом не может быть и речи. Что ж, подготовь мне примерный курс к звездам класса G внутри этой вашей зоны досягаемости, и не слишком далеким — скажем, для первого раза в пределах десяти световых лет.

— Да, сэр. Но для звезд класса G ничего предложить не могу.

— Вот как? Значит, мы тут в полном одиночестве?

— Есть Тау Кита на расстоянии в одиннадцать световых лет.

— G5? Не лучший вариант.

— Не лучший, сэр. Есть еще звезда типа нашего Солнца, G2 — номер по каталогу ZD9817. Но до нее более чем вдвое дальше.

Капитан Кинг прикусил костяшку пальца.

— Пожалуй, стоит обсудить этот вопрос со старейшинами. Какой у нас выигрыш в субъективном времени?

¹ *Фраунгоферовы линии* — линии поглощения, видимые на фоне непрерывного спектра звезд и позволяющие судить о химическом составе звездных атмосфер.

— Не знаю, сэр.

— Гм? Так посчитай! Или дай мне данные, и я сам посчитаю. Я вовсе не утверждаю, что я столь же талантливый математик, как ты, но с этой задачей справится любой курсант. Уравнения достаточно простые.

— Да, сэр. Но у меня нет данных, чтобы подставить их в уравнение сжатия времени... потому что скорость корабля теперь никак не измерить. От фиолетового смещения никакой пользы — мы не знаем, что означают спектральные линии. Боюсь, придется подождать, пока у нас не появится базовая линия подлиннее.

— Порой я сам удивляюсь, зачем вообще в это ввязался, — вздохнул Кинг. — Ладно... можешь хоть что-то предположить? Много понадобится времени? Мало?

— Гм... много, сэр. Годы.

— Вот как? Что ж, бывало и хуже. Годы, значит? Играешь в шахматы?

— Играю, сэр. — Либби не стал упоминать, что давно забросил шахматы из-за отсутствия достойных соперников.

— Похоже, у нас будет полно времени, чтобы поиграть. Е-два — Е-четыре.

— Конь Це-три.

— Нестандартный дебют, да? Ладно, отвечу позже. Полагаю, лучше будет отправиться к той G2, пусть к ней и дольше лететь... и предупредить Форда, чтобы организовал какие-нибудь соревнования или вроде того. Как-то не хочется, чтобы они чувствовали себя словно в гробу.

— Да, сэр. Я не упоминал про время торможения? По моим расчетам, оно займет около одного земного года субъективного времени, при замедлении в один g до обычных звездных скоростей.

— Гм? Почему бы не тормозить так же, как и ускорялись, — с помощью твоего движителя?

— Прошу прощения, сэр, — покачал головой Либби. — Недостаток этого движителя в том, что для него нет разницы, каковы были ваши предыдущие курс и скорость; если вы перейдете в безынерционный полет в окрестностях звезды, его световое давление отшвырнет вас от нее, словно подхваченную потоком воды пробку. Ваш предыдущий импульс перестанет существовать одновременно с инерцией.

— Что ж, — заключил Кинг, — будем тогда придерживаться твоего плана. Не стану пока с тобой спорить — я еще много не понимаю в этой твоей штуковине.

— Я и сам многого в ней не понимаю, — серьезно ответил Либби.

Корабль покинул орбиту Земли меньше чем через десять минут после того, как Либби запустил свой космический движитель. Пока они с Лазарусом обсуждали его загадочные физические аспекты, позади осталась орбита Марса — на что ушло меньше четверти часа. Когда Барстоу созвал организационное совещание, до орбиты Юпитера было еще далеко, но на то, чтобы найти на забитом людьми корабле всех его участников, потребовался час; и когда Заккер наконец призвал всех к порядку, они преодолели миллиард миль за пределами орбиты Сатурна — хотя с момента команды «Пуск!» прошло меньше полутора часов.

Но после Сатурна промежутки между орбитами становились все длиннее. На орбите Урана дискуссия все еще продолжалась, однако с кандидатурой Форда все согласились еще до того, как корабль пересек орбиту Нептуна. Кинга официально объявили капитаном, после чего устроили ему экскурсию по кораблю с Лазарусом в качестве гида, и он уже совещался с астронавигатором, когда корабль миновал орбиту Плутона почти в четырех миллиардах миль от Солнца, но при всем при этом прошло меньше шести часов с тех пор, как солнечный свет зашвырнул их в космос.

Даже тогда они еще не покинули Солнечную систему, но от звезд их не отделяло больше ничего, кроме зимних квартир околосолнечных комет и убежищ, где скрывались гипотетические трансплутоновые планеты, — пространство, где Солнце еще сохраняет власть, но вряд ли обладает на него абсолютным правом. Но даже до ближайших звезд оставались многие световые годы. «Новый рубеж» мчался к ним сквозь космический холод со скоростью чуть меньше световой.

Дальше, дальше, все дальше... в бескрайнюю бездну, где мировые линии почти прямые, не искривленные гравитацией. С каждым днем, с каждым месяцем... с каждым годом стремительный полет уносил их все дальше от человечества.

Часть вторая

1

Корабль продолжал мчаться вперед в ночной бездне, и каждый световой год был столь же пуст, как и предыдущий. Внутри же корабля шло некое подобие привычной жизни, которую сумели наладить для себя Семейства.

«Новый рубеж» имел приблизительно цилиндрическую форму. В отсутствие ускорения он вращался вокруг своей оси, создавая искусственную силу тяжести для пассажиров возле обшивки корабля; с внешней, или «нижней», стороны располагались жилые помещения, в то время как внутренние, или «верхние», отсеки были отданы под склады и тому подобное. Между отсеками находились мастерские, гидропонные фермы и так далее. Вдоль оси, от носа к корме, размещались рубка управления, преобразователь массы и главный двигатель.

Подобная конструкция схожа с той, что применяется для больших межпланетных кораблей, которые используются в наши дни, но при этом следует учесть ее громадный размер. По сути, это был целый город, где вполне хватало места для колонии из двадцати тысяч человек, что позволяло планируемому составу из десяти тысяч удвоить свою численность за время долгого путешествия к Проксиме Центавра.

Соответственно, несмотря на размеры корабля, с сотней тысяч с лишним семей на борту он был перенасыщен впятеро.

Они мирились с этим лишь до тех пор, пока не подготовили все необходимое для анабиоза. Помещения для этой цели выделили, превратив в склады комнаты отдыха на нижних уровнях. Погруженные в сон требовали около одного процента пространства, необходимого для бодрствующих людей, и со временем на корабле стало свободнее. Добровольцев для анабиоза сперва было немного — благодаря своей уникальной наследственности они прекрасно осознавали, что такое смерть, и анабиоз казался им слишком похожим на «последний сон». Но немалые неудобства из-за крайней тесноты в сочетании со столь же крайней монотонностью бесконечного полета достаточно быстро заставили их изменить мнение, обеспечив постоянный приток желающих испытать подобие смерти, по мере того как для них появлялось место.

Те, кто продолжал бодрствовать, занимались рутинной работой — обслуживали корабль, ухаживали за гидропонными фермами, а также, что самое важное, заботились о самих спящих. Биомеханики разработали сложные эмпирические формулы, описывавшие деградацию человеческого тела в анабиозе, и необходимые меры, чтобы отсрочить ее с учетом ускорения, окружающей температуры, используемых лекарств и прочих факторов, таких как метаболический возраст, масса тела, пол и так далее. Используя верхние отсеки с пониженной силой тяжести, повреждения, вызванные ускорением (то есть самим весом тканей тела, тем самым, который приводит к плоскостопию или пролежням), можно было свести к минимуму. Но заботиться о спящих приходилось полностью вручную — переворачивать их, делать массаж, проверять уровень сахара в крови и проводить прочие процедуры, необходимые, чтобы крайне замедленный метаболизм не перешел в смерть. Не считая десятка камер в лазарете корабля, он не был рассчитан на пассажиров в анабиозе, и для этого не предусматривалась никакая автоматика. Так что утомительная забота о десятках тысяч спящих легла на плечи остальных.

Элино́р Джонсон наткнулась на свою подругу Нэнси Уэ́ззел в столовой 9-D, которую ее завсегдатаи именовали Клубом, хотя те, кто ее избегал, называли столовую не столь лестными именами. Большинство посетителей составляла шумная молодежь. Лазарус был единственным из старших, кто часто заходил туда поесть. Шум ему не только не мешал, но даже нравился.

Спикировав на подругу, Элино́р чмокнула ее в затылок:

— Нэнси! Так ты проснулась! Господи, как же я рада тебя видеть!

Нэнси выпуталась из ее объятий.

— Привет, подружка. Не пролей мой кофе.

— Ну а ты разве не рада меня видеть?

— Конечно рада. Но ты забываешь, что для тебя мы виделись год назад, а для меня — только вчера. И у меня все еще глаза слипаются.

— Давно тебя разбудили, Нэнси?

— Пару часов назад. Как твой малыш?

— Просто замечательно! — Лицо Элино́р Джонсон просветлело. — Ты его не узнаешь — он здорово подрос за последний

год. Скоро будет мне по плечо и с каждым днем все больше похож на отца.

Нэнси сменила тему — друзья Элино́р старались не упоминать в разговорах ее покойного мужа.

— Чем ты занималась, пока я спала? Все еще возишься с де-тишками в садике?

— Да. Или, вернее, нет. Я веду ту же группу, в которой мой Хьюберт. Он теперь в начальной школе.

— Почему бы тебе несколько месяцев не поспать и не пропустить часть этой тяготины, Элино́р? Если так пойдет и дальше, ты станешь старухой.

— Нет, — возразила Элино́р. — По крайней мере, пока Хьюберт не подрастет и не перестанет во мне нуждаться.

— Не будь сентиментальной. У половины женщин-добровольцев маленькие дети. И я нисколько их не осуждаю. Да хоть на меня посмотри — с моей точки зрения, полет пока что длился всего семь месяцев. Так что остальную его часть я могу хоть на голове стоять.

Элино́р упрямо покачала головой:

— Нет, спасибо. Может, тебе так и лучше, но меня вполне устраивает то, что есть.

Сидевший за тем же столиком Лазарус яростно расправлялся с куском суррогатного стейка.

— Она боится что-нибудь пропустить, — объяснил он. — Нисколько ее не осуждаю — я тоже.

Нэнси снова сменила тему:

— Тогда заведи еще ребенка, Элино́р. По крайней мере, освободишься от рутинных обязанностей.

— Вообще-то, для этого требуются двое, — заметила Элино́р.

— И что с того? Вон, например, Лазарус. Из него получился бы отменный папаша.

Элино́р улыбнулась, заставив Лазаруса покраснеть.

— Собственно говоря, — бесстрастно сказала она, — я уже ему предлагала, но он мне отказал.

Нэнси расплескала кофе, быстро переводя взгляд с Лазаруса на Элино́р и обратно.

— Извини, не знала.

— Ничего страшного, — ответила Элино́р. — Просто я одна из его правнучек в четвертом поколении.

— Но... — Нэнси тщетно боролась с привычкой не лезть в чужие дела. — Господи, но ведь подобное кровосмешение вполне допустимо. В чем заминка? Или мне лучше заткнуться?

— Да, лучше, — согласилась Элино́р.

Лазарус смущенно поерзал на стуле.

— Знаю, я достаточно старомоден, — признался он, — но некоторых принципов я придерживаюсь с давних времен. В генетике тут дело или нет, но я попросту не считаю себя вправе жениться на собственных потомках.

Нэнси удивленно взглянула на него.

— А ты и впрямь старомоден! — заметила она и тут же добавила: — Или просто стесняешься. Меня так и подмывает сделать тебе предложение и посмотреть, что из этого получится.

Лазарус яростно уставился на Нэнси:

— Что ж, давай — увидишь, какой сюрприз тебя ждет!

— Гм... — задумчиво проговорила Нэнси, окинув его холодным взглядом.

Лазарус попытался играть с ней в гляделки, но в конце концов отвел глаза.

— Прошу меня извинить, дамы, — нервно проговорил он. — У меня дела.

Элино́р мягко коснулась его руки:

— Не уходи, Лазарус. Нэнси — в душе кошка и ничего не может с этим поделать. Расскажи ей про планы насчет высадки.

— То есть? Мы что, собираемся садиться? Где? Когда?

Лазарус, слегка успокоившись, обо всем ей рассказал. До солнцеподобной звезды типа G2, к которой они проложили курс несколько лет назад, оставалось меньше светового года — чуть больше семи световых месяцев, — и теперь стало возможным определить с помощью параинтерферометрических методов, что звезда (ZD9817, или попросту «наша звезда») обладает некоего рода планетами.

Еще через месяц, когда до звезды останется половина светового года, должно было начаться торможение. Вращение корабля при этом останавливалось, и он тормозил с замедлением в один g, подлетая к звезде скорее на межпланетной, чем на межзвездной скорости, после чего предстояло начать поиски пригодной для человеческой жизни планеты. Вряд ли поиск занял бы много времени — их интересовали только ярко сияющие пла-

неты, подобные видимой с Земли Венере, но не холодные далекие миры вроде Нептуна или Плутона или обутленные камнями вроде Меркурия, прячущиеся в пылающей короне материнской звезды.

Если землеподобной планеты не обнаружится, им придется продолжить полет, приблизившись к этой «нашей» чужой звезде, откуда их вновь отбросит световым давлением, и они смогут возобновить поиски нового дома где-то еще — с той разницей, что теперь их не преследует полиция и они могут спокойно выбирать новый курс.

Лазарус объяснил, что «Новый рубеж» в любом случае не станет садиться на планету, — корабль был для этого слишком велик и разрушился бы под собственным весом. Вместо этого — если удастся найти подходящую планету — корабль должен был выйти на промежуточную орбиту, а исследовательские команды отправились бы на поверхность планеты на шлюпках.

Извинившись, Лазарус оставил женщин и направился в лабораторию, где Семейства продолжали исследования в области метаболизма и геронтологии. Он рассчитывал найти там Мэри Сперлинг — после мимолетной встречи с Нэнси Уэзерел он чувствовал потребность в обществе Мэри. Если он когда-нибудь соберется снова жениться, подумал он, Мэри подойдет ему куда больше. Впрочем, вряд ли стоило всерьез рассматривать подобный вариант — Лазарусу казалось, что связь между ним и Мэри будет отдавать смехотворным запахом лаванды и старых кружев.

Мэри Сперлинг, оказавшись запертой в корабле и не желая принимать символическую смерть в виде анабиоза, обратила свой страх смерти в конструктивное русло, добровольно вызвавшись на роль ассистентки в лаборатории, где продолжались исследования в области долголетия. Биологического образования у нее не было, но, обладая ловкими пальцами и живым умом, за долгие годы полета она стала ценной помощницей доктору Гордону Харди, руководителю исследований.

Лазарус нашел ее за работой с бессмертной тканью куриного сердца, известной лабораторному персоналу как «мисс Коко». Мисс Коко была старше любого из семейств, не считая, возможно, самого Лазаруса, являясь растущим фрагментом изначальной ткани, полученной Семействами из института Рокфеллера

в XX веке. Уже тогда ткань была жива, и доктор Харди и его предшественники поддерживали в ней жизнь в течение более чем двух столетий, используя технологию Каррела—Линдберга—О’Шога. Мисс Коко продолжала процветать.

Когда Гордона Харди арестовали, он настоял на том, чтобы забрать ткань и поддерживающую в ней жизнь аппаратуру с собой в резервацию; с тем же упрямством он потребовал, чтобы ему разрешили забрать ее во время бегства на «Чили». Теперь мисс Коко жила и росла на «Новом рубеже», вся пятьдесят или шестьдесят фунтов, — слепая, глухая и безмозглая, но тем не менее живая.

Мэри Сперлинг уменьшала комок ткани в размерах.

— Привет, Лазарус, — кивнула она. — Не подходи, пока открыт резервуар.

Он смотрел, как она срезает излишки ткани.

— Мэри, — задумчиво спросил он, — что поддерживает жизнь в этом сгустке без мозгов?

— Вопрос неверный, — ответила Мэри, не поднимая взгляда. — Правильно будет — почему она вообще должна умереть? Почему она не может существовать вечно?

— Черт побери, я был бы рад, если бы она сдохла! — слышался позади них голос доктора Харди. — Тогда мы смогли бы провести исследования и все выяснить.

— С мисс Коко этого никак не выяснишь, босс, — не отрываясь от работы, ответила Мэри. — Главный вопрос в половых железах, а у нее их нет.

— Грррм! Что ты вообще об этом знаешь?

— Женская интуиция. А ты что об этом знаешь?

— В том-то и дело, что абсолютно ничего! Так что у меня есть немалое преимущество перед тобой и твоей интуицией.

— Возможно. По крайней мере, — хитро добавила Мэри, — мы с тобой были знакомы, когда ты еще под стол пешком ходил.

— Типичный женский аргумент. Мэри, эта горка мускулов кудахтала и несла яйца еще до нашего с тобой рождения, но она ничего не знает. — Он хмуро взглянул на образец. — Лазарус, я с радостью бы ее променял на пару карпов, самца и самку.

— Почему карпов? — спросил Лазарус.

— Потому что карпы, похоже, не умирают. Их убивают, едят, они погибают от голода или инфекций, но, насколько нам известно, — никогда своей смертью.

— Почему?

— Именно это я и пытался выяснить, когда нам пришлось рвануть в это чертово сафари. Они обладают необычной кишечной флорой, — возможно, это как-то связано. Но мне кажется, что все дело в том, что они никогда не перестают расти.

Мэри что-то еле слышно прошептала.

— Что ты там бормочешь? — спросил Харди. — Опять интуиция?

— Я сказала: «Амебы тоже не умирают». Ты сам говорил, что каждая живая в данный момент амеба была жива пятьдесят миллионов лет или около того. И тем не менее они не вырастают до бесконечности, причем никакой кишечной флоры у них уж точно нет.

— Потому как нет кишок, — вставил Лазарус.

— Дурацкая шутка, Лазарус. Но то, что я сказала, — правда. Они не умирают. Они просто делятся и продолжают жить.

— Не важно, что там с кишками, — раздраженно бросил Харди, — но структурная параллель вполне возможна. Но где мне взять объекты для экспериментов? Кстати, Лазарус, я рад, что ты зашел. Не окажешь мне услугу?

— Говори. Может, и соглашусь.

— Знаешь, ты сам по себе занимательный случай. Ты не подходишь ни под одну нашу генетическую теорию, даже их опровергаешь. Не хотелось бы, чтобы твой труп отправился в преобразователь, — мне крайне интересно было бы его изучить.

— Не возражаю, приятель, — фыркнул Лазарус. — Только скажи лучше своему преемнику, что искать, — а то можешь сам столько не прожить. И готов поставить на что угодно: ковыряясь в моей тушке, никто все равно ничего не выяснит!

Планета вполне оправдывала их надежды — зеленая и молодая, покрытая буйной растительностью и почти не отличающаяся от Земли. Не только планета походила на Землю, но и вся планетная система звезды грубо напоминала Солнечную: небольшие планеты земного типа возле светила и планеты-гиганты типа Юпитера на дальних орбитах.

Космологам никогда не удавалось в полной мере объяснить устройство Солнечной системы — они постоянно колебались между теориями ее происхождения, не выдерживавшими никакой критики, и «серьезными» физико-математическими «дока-

зательствами», что подобная система вообще не могла возникнуть. И тем не менее нашлась еще одна похожая, подтверждающая, что подобные парадоксы вовсе не уникальны и могут быть даже вполне распространены.

Но более удивительным и однозначно еще более волнующим оказался факт, полученный в результате телескопических наблюдений при подлете к планете. На этой планете имелаась жизнь... разумная жизнь... цивилизованная жизнь.

Видны были города и инженерные сооружения — странной формы и предназначения, но достаточно большие, чтобы их можно было разглядеть из космоса, как и наши.

И тем не менее, хотя это могло означать, что им вновь придется продолжить свое утомительное паломничество, господствующая раса, похоже, не заселяла целиком все доступное для жизни пространство. Возможно, на просторных континентах планеты могло найтись место для небольшой колонии. Если, конечно, ее согласятся принять...

— Если честно, — с тревогой заметил капитан Кинг, — я не ожидал ничего подобного. Разве что примитивных туземцев и наверняка хищных зверей — хотя, возможно, я подсознательно полагал, что единственной по-настоящему цивилизованной расой может быть только человек. Придется вести себя крайне осторожно.

Кинг организовал разведгруппу во главе с Лазарусом, доверяя его смекалке и желанию выжить. Капитану хотелось возглавить группу самому, но чувство долга и ответственности перед кораблем вынудило его отказаться. Однако Слейтон Форд вполне мог пойти с ними, и Лазарус выбрал его, а также Ральфа Шульца себе в помощники. Остальную часть группы составляли специалисты — биохимик, геолог, эколог, стереограф и несколько психологов с социологами, которым предстояло изучать туземцев, в том числе один из авторитетов в структурной теории коммуникаций Маккелви, задача которого заключалась в том, чтобы найти какой-то способ общения с местными жителями.

Никакого оружия они с собой не взяли, на чем настоял Кинг.

— Ваша разведгруппа пойдет безоружной, — бесстрастно заявил он Лазарусу, — поскольку мы не можем рисковать их оскорбить, ввязавшись в любую драку, даже в целях самозащиты. Вы послы, а не солдаты. Не забывайте об этом.

Лазарус вернулся к себе в каюту, после чего снова вышел и с серьезным видом протянул Кингу бластер. О том, что еще один висит у него на ноге под килтом, он упоминать не стал.

Когда Кинг уже собирался приказать им погрузиться в шлюпку, их прервала Дженис Шмидт, заведовавшая приютом для неполноценных от рождения. Протолкавшись к капитану, она потребовала разговора с ним.

В данный момент подобного могла добиться лишь Дженис, обладавшая отточенным полувековой практикой профессиональным упрямством. Кинг яростно уставился на нее:

— И что это все значит?

— Капитан, я должна поговорить с вами насчет одного из моих детей.

— Ты выбрала неудачное время. Убирайся. Сперва обсуди вопрос с главным врачом, а потом уже приходи ко мне.

Она уперла руки в бока:

— Я уже к вам пришла. Это ведь группа, которая собирается высадиться на планету? Прежде чем они улетят, вы должны меня выслушать.

Кинг хотел что-то сказать, но передумал и лишь бросил:

— Только покороче.

Дженис рассказала про одного из своих подопечных — Ханса Уэзерела, молодого человека лет девяноста, который внешне выглядел подростком из-за гиперактивной зубной железы. Он был умственно отсталым, хотя и не идиотом, страдал хронической апатией и нервно-мышечной недостаточностью, из-за которой не мог даже самостоятельно питаться — и при всем при этом являлся явно выраженным телепатом.

Он рассказал Дженис, что ему известно все о планете, на орбите которой они находились. Об этом ему поведали его друзья на планете... и они его ждали.

Отправку шлюпки пришлось отложить, пока Кинг и Лазарус выясняли, что к чему. Ханс подробно излагал факты, и то немногое, что поддавалось проверке, действительно являлось правдой. Но о своих «друзьях» он ничего вразумительного сказать не мог.

— Ну... они просто люди, — отвечал он, пожимая плечами. — Такие же, как дома. Хорошие люди. Ходят на работу, в школу, в церковь. Растят детей, развлекаются. Они вам понравятся.

Но он постоянно напирал на одно: друзья ждали его самого, и потому он должен был отправиться вместе с разведгруппой.

Вопреки собственному желанию и здравому смыслу Лазарусу пришлось включить в состав группы Ханса Уэзерела, Дженис Шмидт и носилки для Ханса.

Когда группа вернулась три дня спустя, у Лазаруса состоялся с Кингом долгий разговор наедине, пока анализировались и сопоставлялись отчеты специалистов.

— Планета удивительно похожа на Землю, шкипер, — даже тоска по дому берет. Но и отличается настолько, что в дрожь бросает, — будто смотришь на свое отражение в зеркале и видишь три глаза, зато ни одного носа. Не по себе становится.

— Но что насчет туземцев?

— Дай договорить. Мы быстро пролетели над дневной стороной, окинув ее невооруженным взглядом. Ничего такого, чего мы не видели в телескопы. Потом я посадил шлюпку там, где сказал мне Ханс, на поляне возле центра одного из их городов. Сам бы я такое место ни за что не выбрал — скорее предпочел бы сесть в зарослях и осмотреться. Но ты сам говорил, чтобы я следовал всем желаниям Ханса.

— Вам была дана возможность решать самим, — напомнил Кинг.

— Да-да. Так или иначе, мы сели там. К тому времени, когда техники взяли пробы воздуха и проверили на наличие опасных микроорганизмов, вокруг уже собралась толпа. Они... впрочем, ты видел стереофото.

— Да. Невероятно человекоподобные.

— Черта с два человекоподобные! Это люди. Не земляне, но все равно люди. — Лазарус озадаченно взглянул на капитана. — Не нравится мне это.

Кинг не стал с ним спорить. Снимки изображали двуногих существ, ростом от семи до восьми футов, с двусторонней симметрией, внутренним скелетом, явно выраженными головами и обычными глазами типа «хрусталик-камера». Именно их глаза выглядели наиболее человеческими и притягательными — большие, прозрачные и полные трагизма, словно у сенбернара.

В отличие от глаз, прочие их черты не отличались той же привлекательностью. Кинг отвел взгляд от беззубых ртов с раздвоенной верхней губой, решив, что потребуется немало времени, чтобы полюбить эти создания.

— Продолжай, — сказал он Лазарусу.

— Мы открыли люк, и я вышел один, с пустыми руками, стараясь выглядеть дружелюбно и мирно. Трое из них шагнули вперед — я бы сказал, с нетерпением. Но они тут же утратили ко мне интерес; похоже, они ждали кого-то другого. И я отдал приказ вынести Ханса. Не поверишь, шкипер, — они окружили Ханса, словно давно потерянного брата. Нет, это невозможно описать. Скорее как с триумфом вернувшегося домой короля. С остальными они вели себя достаточно вежливо, но Ханса были готовы чуть ли не облизывать, в буквальном смысле. — Лазарус поколебался. — Шкипер, ты веришь в переселение душ?

— Не совсем. Скорее отношусь к нему непредвзято. Естественно, я читал отчет комитета Фроулинга.

— Мне лично даже подобная идея никогда в голову не приходила. Но как еще объяснить тот прием, который они устроили Хансу?

— Никак. Продолжай. Как считаешь — мы сможем основать здесь колонию?

— На этот счет они не оставили никаких сомнений, — ответил Лазарус. — Все дело в том, что Ханс может по-настоящему с ними общаться — телепатически. Ханс рассказал нам, что их боги позволяют нам здесь жить, и туземцы уже строят планы, как нас принять.

— Гм?

— Именно так. Они ждут нас.

— Что ж, уже легче.

— В самом деле?

Кинг взглянул на мрачную физиономию Лазаруса:

— Твой отчет вполне благоприятен во всех смыслах. С чего такой кислый вид?

— Не знаю. Я бы предпочел, чтобы мы нашли планету, где никого нет. Когда все настолько легко, шкипер, явно стоит ждать подвоха.

2

Джокайры (или жахейры, как предпочитают некоторые) отдали в распоряжение колонистов целый город.

Столь удивительная готовность к сотрудничеству, а также вдруг осознанное практически каждым из членов Семейств Говарда желание ощутить твердую почву под ногами и свежий

воздух в легких, существенно ускорили перемещение с корабля на поверхность планеты. Предполагалось, что на это потребуются не меньше земного года и что погруженных в анабиоз разбудят только тогда, когда для них появится жилье на планете. Но теперь оставался лишь один ограничивающий фактор — способность корабельных шлюпок перевезти сто тысяч человек.

Город джокайров не был рассчитан под нужды людей. Поскольку сами джокайры людьми не являлись, их физические потребности были неодинаковы, а отраженные в технологиях культурные различия были еще больше, причем намного. Но любой город есть по сути машина для обеспечения определенных практических целей — крова, пищи, санитарных удобств, связи; внутренняя же логика этих основных требований в исполнении любых существ в разной среде способна дать бесчисленное множество вариантов. Но в исполнении любой расы теплокровных дышащих кислородом гуманоидов в приложении к конкретной среде результат, хоть и может показаться странным, непременно таков, что им могут воспользоваться и земляне. В каком-то смысле город джокайров смотрелся дико, словно творение художника-парареалиста, но людям доводилось жить в иглу, землянках и даже в автоматизированной норе под Антарктидой, так что они вполне могли перебраться и в город джокайров — который, естественно, тут же начали переделывать под собственные нужды.

Это оказалось не так уж сложно, хотя работы хватало. Уже стояли здания — по сути, искусственные пещеры, составлявшие основу базовых человеческих потребностей в крыше над головой. Не имело значения, для чего использовали подобные сооружения сами джокайры, — люди могли найти им применение для чего угодно: сна, отдыха, еды, складов, производства. Имелись также и настоящие «пещеры» — джокайры углублялись в землю куда основательнее, чем люди. Но человек порой легко превращается в троглодита — как в Нью-Йорке, так и в Антарктике.

По трубам поступала чистая вода для питья и в ограниченном количестве — для умывания. Главная проблема состояла в отсутствии канализации. Джокайры не принимали ванн, а их личные потребности в санитарных удобствах отличались от людских. Немалые усилия пришлось приложить, чтобы соорудить подобия корабельных туалетов и приспособить их к имев-

шимся у джокайров средствам для устранения отходов жизнедеятельности. Правил закон минимума потребностей — возможность помыться оставалась роскошью, пока не появится возможность увеличить подачу воды и ее отвод по крайней мере вдесятеро. Но без ванны можно было и обойтись.

Однако все эти усилия не могли даже сравниться с экстренной программой по организации гидропонных ферм, поскольку большинство спящих нельзя было разбудить, пока не будет гарантировано достаточное количество еды. Самым нетерпеливым хотелось сразу же снять с «Нового рубежа» все гидропонное оборудование, доставить его на планету и запустить, полагаясь на время переходного периода на корабельные запасы еды; более осторожное меньшинство предлагало перенести на планету лишь опытную установку, продолжая выращивать еду на корабле; в числе прочего они замечали, что любой неожиданный грибок или вирус на чужой планете может привести к катастрофе... и голодной смерти.

Меньшинство, во главе с Фордом и Барстоу, поддерживаемое капитаном Кингом, в итоге победило; одну из корабельных гидропонных ферм осушили и разобрали на части, достаточно небольшие для того, чтобы они могли поместиться в шлюпки.

Но их всё-таки не доставили до планеты. Местная сельскохозяйственная продукция оказалась вполне пригодной в пищу для людей, и джокайры, казалось, с радостью готовы были ею поделиться. Были предприняты усилия по выращиванию земных растений на местной почве, чтобы дополнить еду джокайров привычной для людей. В итоге джокайры практически полностью взяли эту заботу на себя — они оказались прирожденными фермерами (в синтетике на своей плодородной планете они не нуждались) и, похоже, с удовольствием пытались растить все, что только могли пожелать их гости.

Как только стало возможным обеспечить едой не только группу первопроходцев, Форд перенес свою штаб-квартиру в город, а Кинг остался на корабле. Спящих будили и переправляли на планету, как только для них было готово жилье и становились необходимыми их услуги. Несмотря на гарантированную еду, кров и питьевую воду, требовалось сделать еще многое, чтобы обеспечить минимальный комфорт и удобства. Две культуры существенно различались между собой. Казалось, джокайры всегда были готовы помочь, но поступки людей часто приводили

их в замешательство. Культура джокайров, похоже, не подразумевала такого понятия, как уединение; в зданиях города отсутствовали любые перегородки, кроме несущих, да и тех было немного — в основном использовались колонны или столбы. Джокайры не могли понять, зачем люди разделяют прекрасные открытые пространства на клетки и коридоры; для них казалось попросту непостижимым, как у кого-то может возникнуть желание побыть одному, не важно, для какой цели.

Судя по всему (хотя точно это выяснить не удалось, поскольку общение с ними так и осталось на поверхностном уровне), в конце концов джокайры решили, что уединение имеет для землян некий религиозный смысл. Так или иначе, они вновь оказали землянам помощь, снабдив их тонкими листами материала, которые можно было делить на части, но только с помощью собственных инструментов джокайров, и никак иначе. Изучение загадочного вещества едва не довело людей-инженеров до нервного срыва — на него не воздействовала ни одна известная земным технологиям едкая субстанция, даже реактивы, способные разрушить прочный фторопласт, использовавшийся в ядерных реакторах. Алмазные пилы разлетались при соприкосновении с ним на куски, никакой жар не мог его расплавить, и никакой холод не мог сделать его хрупким. Таинственное вещество не пропускало света, звука и любого излучения, каким пытались на него воздействовать. Его предел прочности невозможно было определить, поскольку его невозможно было сломать. Однако инструменты джокайров даже в руках людей могли резать его, гнуть и сваривать.

Земным инженерам ничего не оставалось, кроме как с этим смириться. По уровню способности воздействовать на окружающую среду посредством технологий джокайры были столь же цивилизованны, как и люди. Но развитие их шло по другому пути.

Главное различие между двумя культурами лежало намного глубже, чем уровень технологий. Несмотря на повсеместное дружелюбие и готовность помочь, джокайры не были людьми. Они иначе мыслили и иначе воспринимали окружающий мир; структура их общества и языка отражала их нечеловеческие качества, будучи полностью непостижимой для людей.

Оливер Джонсон, специалист по семантике, отвечавший за разработку общего языка, обнаружил, что задача эта до крайно-

сти проста благодаря наличию канала связи посредством Ханса Уэзерела.

— Естественно, — объяснил он Форду и Лазарусу, — Ханс вовсе не гений, хотя и не полный идиот; соответственно, запас слов, который я могу перевести с его помощью в понятные ему идеи, весьма ограничен. Но все же у меня есть возможность набрать базовый словарь.

— Может, этого достаточно? — спросил Форд. — Кажется, я где-то слышал, что для передачи любого понятия хватит восьмисот слов.

— В том есть определенная истина, — согласился Джонсон. — Чтобы описать любую обычную ситуацию, требуется меньше тысячи слов. Я выбрал около семисот их терминов, как глаголов, так и существительных, чтобы создать на их основе работающий язык общения. Но с тонкостями придется подождать, пока мы лучше не узнаем и не поймем джокайров. Небольшой словарь не годится для абстракций.

— Черт побери, — бросил Лазарус, — семисот слов должно хватить за глаза. Я лично не собираюсь объясняться им в любви или пытаться обсуждать с ними поэзию.

Подобное мнение, похоже, имело под собой основания — большинству семейн потребовалось от двух недель до месяца, чтобы освоить основы языка джокайров, и вскоре они общались с гостеприимными хозяевами так, будто говорили на их языке всю жизнь. Все земляне обладали обычными базовыми познаниями в мнемонике и семантике, так что вспомогательный язык с небольшим словарем они выучили достаточно быстро, тем более что возможность попрактиковаться имела в избытке — не считая, естественно, обычного процента упрямых провинциалов, считавших, что туземцы должны сами выучить английский.

Джокайры английский учить не стали — никто из них не проявил к этому ни малейшего интереса, к тому же неразумно было полагать, будто миллионы станут учить язык нескольких тысяч. В любом случае раздвоенная верхняя губа джокайров не позволяла им произносить «м», «п» и «б», в то время как гортанные, свистящие, зубные и щелкающие звуки были вполне по силам человеческой глотке.

Лазарус был вынужден пересмотреть сложившееся у него ранее отрицательное впечатление о джокайрах. После того как на их странную внешность перестали обращать внимание, их

невозможно было не полюбить за их гостеприимство, щедрость, дружелюбие и готовность услужить. Особенно он привязался к Крилу Сарлу, игравшему роль своего рода связующего звена между Семействами и джокайрами. Среди своего народа Сарлу занимал положение, которое можно было грубо перевести как «вождь», «отец», «жрец» или «глава» семейства или племени Крил. Он пригласил Лазаруса к себе в гости, в ближайший к колонии город джокайров.

— Мой народ хотел бы увидеть тебя и обнюхать твою кожу, — сказал он. — Это будет большое счастье для нас. Боги будут довольны.

Сарлу, казалось, и слова не мог сказать, не упомянув своих богов. Лазаруса это волновало мало — к чужим религиям он относился вполне терпимо.

— Я приду, старина Сарлу. Для меня это тоже будет большое счастье.

Сарлу усадил его в распространенное транспортное средство джокайров, напоминавшую супницу повозку без колес, которая бесшумно и быстро двигалась над поверхностью планеты, никак с ней не соприкасаясь. Лазарус присел на полу повозки, разогнавшейся до такой скорости, что у него начали слезиться глаза.

— Сарлу, — спросил Лазарус, пытаясь перекрыть шум ветра, — как работает эта штука? Что ею движет?

— Боги дышат на... — Сарлу произнес отсутствовавшее в их общем языке слово, — и оно перемещается в другое место.

Лазарус хотел было потребовать более подробных объяснений, но промолчал. Ответ показался ему чем-то знакомым, и он только теперь сообразил, чем именно, — когда-то он очень похоже ответил представителю водяного народа Венеры, когда тот попросил объяснить, как работает дизельный двигатель, использовавшийся в первых моделях болотного трактора. Лазарус во все не собирался делать из этого тайну — ему попросту не хватило познаний в общем языке.

Что ж, можно было подойти к вопросу и иначе.

— Сарлу, я хотел бы увидеть картинки того, что происходит внутри. — Лазарус показал на дно машины. — Есть у вас такие картинки?

— Картинки есть, — подтвердил Сарлу. — В храме. Но в храм тебе входить нельзя.

Он скорбно посмотрел огромными глазами на Лазаруса, и тому вдруг показалось, будто вождь джокайров крайне опечален тем, что его друг недостоин милости богов. Лазарус поспешно сменил тему.

Однако мысль о венерианах напомнила ему еще об одной загадке. Водяной народ, отрезанный от внешнего мира вечным облачным покровом Венеры, попросту не верил в астрономию. Появление землян вынудило их слегка пересмотреть свою космологическую концепцию, но имелись все основания полагать, что новое объяснение нисколько не ближе к истине. Лазарусу стало интересно, что думают джокайры о гостях из космоса. Кажалось, они нисколько не удивлены — или все же?

— Сарлу, — спросил Лазарус, — ты знаешь, откуда прибыли я и мои собратья?

— Знаю, — ответил Сарлу. — Вы прибыли с далекого солнца — столь далекого, что свету потребовалось бы множество сезонов, чтобы проделать этот путь.

— Кто тебе это рассказал? — слегка ошеломленно поинтересовался Лазарус.

— Нам рассказали боги. И про это говорил твой брат Либби.

Лазарус готов был поспорить на что угодно, что боги ничего не упоминали, пока Либби не объяснил все Крилу Сарлу, но промолчал. Ему хотелось спросить Сарлу, удивило ли того появление гостей с неба, но ему не приходило в голову ни единого джокайрского слова, которое могло бы означать «удивление» или «любопытство». Он все еще пытался сформулировать вопрос, когда Сарлу заговорил снова:

— Отцы моего народа летали в небесах, как и вы, но это было еще до того, как пришли боги. И боги в своей мудрости велели нам больше так не делать.

Чертова ложь, подумал Лазарус, чисто ради хвастовства. Ничто не указывало на то, что джокайры когда-либо покидали свою планету.

В тот вечер в доме Сарлу Лазарусу пришлось претерпеть долгую процедуру, суть которой, как он полагал, состояла в развлечении почетного гостя. Сидя на корточках рядом с Сарлу на приподнятой части пола просторного общего жилища клана, он два часа слушал завывания, которые, возможно, именовались здесь пением. Лазарус считал, что, если наступить на хвосты по-

лусотне собак, результат будет и то благозвучнее, но пытался воспринимать оказываемый ему прием как должное.

Лазарус вспомнил, что Либби рассказывал, будто массовое хоровое завывание, которому любили предаваться джокайры, на самом деле являлось местной музыкой и что люди могли даже получать от нее удовольствие, изучив местные звуковые гаммы.

Сам Лазарус, однако, в этом сомневался.

Тем не менее он вынужден был признать, что Либби в некоторых отношениях понимал джокайров намного лучше, чем он сам. Либби с радостью обнаружил, что джокайры — превосходные и искусные математики. В числе прочего их способности к счету вполне могли сравниться с его выдающимся талантом. Их арифметика выглядела невероятно замысловатой для обычных людей. Любое число, сколь бы большим или малым оно ни было, являлось для них уникальной сущностью, а не просто сочетанием чисел поменьше. Соответственно, они пользовались любой удобной им позиционной или экспоненциальной нотацией с любым основанием — рациональным, иррациональным, переменным, или вообще никаким.

Им невероятно повезло, размышлял Лазарус, что Либби сумел стать математическим переводчиком между джокайрами и Семействами, иначе многие новые технологии, которые показывали им джокайры, просто оказалось бы невозможно понять.

Странно, подумал он, почему джокайры не проявляют никакого интереса к изучению человеческих технологий, которые предлагались им взамен?

Нестройные завывания смолкли, и мысли Лазаруса вновь вернулись к окружающей обстановке. Принесли еду, и семейство Крил набросилось на нее с тем же энтузиазмом, с которым джокайры делали все остальное. Вряд ли, подумал Лазарус, здесь когда-нибудь приживется такое понятие, как чувство собственного достоинства. Перед Крилом Сарлу поставили большую миску в два фута в поперечнике, наполненную до краев аморфной массой, и десяток столпившихся вокруг нее Крилов начали хватать еду горстями, не проявляя никакого уважения к старшему. Сарлу, однако, небрежно отогнал нескольких и, погрузив руку в миску, извлек комок пищи и, быстро скатав ее в двупалой ладони, подсунул под нос Лазарусу.

Лазарус не отличался брезгливостью, но, прежде чем попробовать предложенное угощение, вынужден был напомнить себе, что, во-первых, пища джокайров съедобна для людей и, во-вторых, он все равно ничем от них не заразится.

Он откусил большой кусок. Гм... не так уж и плохо, хотя и довольно-таки безвкусно. Хорошего, впрочем, тоже мало, но проглотить вполне можно. Полный мрачной решимости не уронить чести своей расы, он продолжал есть, пообещав себе нормальный обед в ближайшем будущем. Почувствовав, что попытка проглотить очередной кусок может закончиться катастрофой, он нашел выход — взяв большую горсть съедобной массы из общей миски, он скатал ее в комок и предложил Сарлу.

Дипломатия сработала. Всю оставшуюся часть пиршества Лазарус кормил Сарлу, пока у него не устали руки, удивляясь, сколько в того может поместиться.

После еды все улеглись спать, и Лазарус в буквальном смысле спал в кругу семьи. Все свалились там же, где и ели, без каких-либо постелей, словно листья на дороге или щенки в корзинке. К удивлению Лазаруса, спал он крепко и проснулся лишь тогда, когда в крыше пещеры засияли искусственные солнца, возвещая приход новой зари. Рядом совсем по-человечески храпел Сарлу. У себя на животе Лазарус обнаружил свернувшегося в клубок младенца-джокайра.

Ощувив какое-то движение за спиной и услышав шорох, он осторожно повернулся и увидел еще одного джокайра, которому по земным меркам было лет шесть. Вытащив из кобуры бластер Лазаруса, тот с любопытством заглядывал в дуло.

Поспешно забрав из сопротивляющихся пальцев малыша смертоносную игрушку, Лазарус с облегчением отметил, что предохранитель по-прежнему на месте, и убрал бластер обратно в кобуру. Малыш, похоже, готов был расплакаться.

— Тсс, — прошептал Лазарус. — Разбудишь папашу. Иди сюда...

Обняв малыша левой рукой, он прижал его к себе. Маленький джокайр прильнул к его коже влажным мягким ртом и тут же заснул.

— Вот ведь чертенок, — тихо проговорил Лазарус. — Может, ты мне даже понравился бы — если бы я сумел привыкнуть к твоему запаху.

Некоторые случившиеся между двумя расами инциденты можно было бы счесть забавными, если бы они не грозили потенциальными неприятностями. Взять, к примеру, Хьюберта, сына Элинора Джонсон. Мальчишка отличался неумеренным любопытством, и как-то раз он наблюдал, как двое техников, человек и джокайр, приспособливают джокайрский источник питания к потребностям земной техники. Видимо, мальчик чем-то заинтересовал джокайра, и тот, явно из дружеских намерений, подхватил его на руки.

Хьюберт громко завопил.

Его мать, никогда не отходившая далеко от сына, бросилась ему на помощь. Она готова была убить великана-нечеловека, но для этого ей не хватило ни сил, ни опыта, и тот нисколько не пострадал. Ситуация, однако, возникла весьма щекотливая.

Администратор Форд и Оливер Джонсон изо всех сил пытались объяснить случившееся озадаченным джокайрам. К счастью, те скорее огорчились, чем прониклись желанием мстить.

Форд вызвал Элинора Джонсон к себе:

— Из-за своей глупости ты подвергла опасности всю колонию...

— Но я...

— Тихо! Если бы ты не избаловала вконец мальчишку, он бы знал, как себя вести. Не будь ты сентиментальной дурой, ты не стала бы распускать руки. Мальчик с этого дня идет в обычную школу, и ты должна оставить его в покое. При малейшем проявлении враждебности с твоей стороны к любому из местных отправишься на несколько лет в морозилку. А теперь убирайся!

Почти столь же строгие меры Форд был вынужден применить к Дженис Шмидт. Интерес, который проявляли джокайры к Хансу Уэзерелу, распространился на всех слабоумных телепатов. Казалось, туземцев приводил в неописуемый восторг один лишь факт, что с ними можно общаться напрямую. Крил Сарлу сообщил Форду, что хотел бы, чтобы телепатов поселили отдельно от других неполноценных в освобожденном для этой цели храме, и что джокайры желают лично о них заботиться. Выглядело это скорее как приказ, чем просьба.

Дженис Шмидт не слишком охотно подчинилась настойчивым требованиям Форда удовлетворить желание джокайров в ответ

на все то, что они сделали для землян, и к своим обязанностям под ее завистливым взглядом приступили няньки-джокайры.

Однако вскоре у любого телепата, превосходившего по умственному развитию полуидиота Ханса Уэзерела, в присутствии джокайров развился неожиданный острый психоз, и у Форда появилась новая головная боль. Негодование Дженис Шмидт не шло ни в какое сравнение с возмущением Элинор Джонсон, и Форд был вынужден пригрозить ей, что, если она не успокоится, ее вообще полностью отстранят от заботы о ее любимых «детках». Крил Сарлу, расстроенный и, похоже, потрясенный до глубины души, согласился на компромисс, при котором Дженис и ее подчиненные вновь стали ухаживать за несчастными психопатами, в то время как джокайры продолжали заботиться о телепатах с уровнем развития от идиота и ниже.

Но самая большая сложность возникла с... фамилиями.

Каждый джокайр имел личное имя и фамилию. Число фамилий было ограничено, во многом так же как и у Семейств. Фамилия туземца обозначала как его племя, так и храм, в котором он поклонялся богам.

Крил Сарлу обсудил этот вопрос с Фордом.

— Великий отец чужеземных братьев, — сказал он, — пришло время тебе и твоим детям выбрать себе фамилии.

(Перевод речи Сарлу на английский, естественно, содержит неизбежные ошибки.)

— Сарлу, брат мой и друг, — ответил Форд, привыкший к трудностям во взаимопонимании с джокайрами, — я услышал твои слова, но не понимаю их. Говори яснее.

— Чужеземный брат, — снова начал Сарлу, — сезоны приходят и уходят, и пришло время созревания плодов. Боги говорят нам, что вы, чужеземные братья, достигли того момента в своем просвещении (?), когда вы должны выбрать себе племя и храм. Я пришел поговорить с тобой о приготовлениях (обрядов?), во время которых каждый из вас выберет себе фамилию. Я говорю от имени богов, но позволь мне сказать от себя лично, что я был бы счастлив, если бы ты, брат мой Форд, выбрал бы храм Крила.

Форд молчал, пытаясь понять, на что тот намекает.

— Я счастлив, что ты хочешь, чтобы я взял твою фамилию, — наконец сказал он. — Но у моего народа уже есть свои фамилии.

Сарлу пренебрежительно чмокнул губами:

— Их нынешние фамилии — слова, и ничего больше. Теперь же каждый должен выбрать себе настоящую фамилию — имя храма и бога, которому он станет поклоняться. Дети вырастают и перестают быть детьми.

Форд решил, что ему нужно посоветоваться с другими.

— Это нужно сделать прямо сейчас?

— Не сегодня, но в ближайшем будущем. Боги терпеливы.

Собрав Заккера Барстоу, Оливера Джонсона, Лазаруса Лонга и Ральфа Шульца, он описал суть разговора. Джонсон еще раз воспроизвел запись, пытаясь понять смысл сказанного. Он подготовил несколько возможных переводов, но пролить новый свет на возникшую проблему так и не сумел.

— Похоже, — сказал Лазарус, — перед нами стоит выбор: либо принимайте нашу веру, либо убирайтесь.

— Да, — согласился Заккер Барстоу, — похоже, это вполне ясно. Что ж, думаю, мы вполне можем себе позволить пройти их ритуал. Мало у кого из наших столь сильны религиозные предрассудки, что они не готовы участвовать в местных обрядах в интересах общего блага.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Форд. — Я лично не возражаю добавить к своей фамилии «Крил» и преклонить колени перед их богами, если это поможет нам жить в мире. — Он нахмурился. — Но мне не хотелось бы, чтобы их культура поглотила нашу.

— Об этом можешь не волноваться, — заверил его Ральф Шульц. — Как бы мы их ни ублажали, никаких шансов реальной культурной ассимиляции нет. Их мозги отличаются от наших — и я только начинаю догадываться насколько.

— Угу, — сказал Лазарус. — Вот именно — насколько.

Форд повернулся к нему:

— В каком смысле? Что тебя беспокоит?

— Ничего. Вот только, — добавил он, — я никогда не разделял всеобщего энтузиазма по поводу этой планеты.

В итоге они договорились, что кто-то попробует первым и потом расскажет. Лазарус попытался сослаться на старшинство, Шульц — на право профессионала, но Форд своей властью вызвался сам, заявив, что это его долг ответственного руководителя.

Лазарус сопровождал его до дверей храма, где должно было состояться посвящение. Форд был полностью голым, как и все джокайры, но Лазарус, поскольку ему не требовалось входить в храм, смог надеть килт. Многие колонисты, изголодавшиеся за проведенные на корабле годы по солнечному свету, ходили обнаженными, когда им это не мешало, как и джокайры. Но Лазарус без одежды никогда не ходил — не только потому, что это противоречило его обычаям, но и потому, что бластер весьма заметен на голом теле.

Поприветствовав их, Крил Сарлу провел Форда внутрь.

— Выше голову, дружище! — крикнул ему вслед Лазарус.

Он ждал, закуривая сигарету за сигаретой и расхаживая туда-сюда. Он понятия не имел, сколько это продлится, и ему казалось, что время тянется до бесконечности.

Наконец двери раздвинулись, и из них вышла толпа туземцев. Казалось, будто все они чем-то расстроены, и никто из них не подошел к Лазарусу. Туземцы расступились, образуя проход, по которому кто-то стремительно выбежал на открытое пространство.

Лазарус узнал Форда.

Форд не остановился рядом с Лазарусом, слепо промчавшись мимо, но тут же споткнулся и упал. Лазарус бросился к нему.

Форд лежал лицом вниз, не пытаясь подняться. Плечи его вздрагивали, все тело сотрясало от рыданий.

Присев рядом, Лазарус встряхнул его за плечо.

— Слейтон, — требовательно спросил он, — что случилось? Что с тобой?

Форд обратил к нему полный ужаса взгляд, на мгновение перестав рыдать. Он не произнес ни слова, но, похоже, узнал Лазаруса и, прильнув к нему, разрыдался пуще прежнего.

Высвободившись, Лазарус с размаху хлестнул Форда по щеке.

— А ну-ка хватит! — приказал он. — Говори, в чем дело!

Голова Форда дернулась от удара, рыдания смолкли, но он продолжал молчать. Взгляд его помутнел. На Лазаруса упала чья-то тень, и он резко развернулся, держа бластер в руке. В нескольких футах от него стоял Крил Сарлу, не подходя ближе, — но не из-за оружия, поскольку никогда прежде его не видел.

— Эй, ты! — крикнул Лазарус. — Чтоб тебя... что ты с ним сделал? — Взяв себя в руки, он перешел на язык, понятный Сарлу: — Что случилось с моим братом Фордом?

— Забери его отсюда, — проговорил Сарлу, и губы его дрогнули. — Ему плохо. Очень плохо.

— Будто я сам не вижу! — бросил Лазарус, обойдясь без перевода.

3

Вскоре все собрались в том же составе, не считая председателя. Лазарус рассказал о том, что видел и слышал, а Шульц сообщил о состоянии Форда.

— Медики не могут понять, что с ним. Единственное, что я могу сказать со всей определенностью: он страдает от некоего не поддающегося диагнозу психического расстройства. Нам не удастся установить с ним контакт.

— Он что, вообще ничего не говорит? — спросил Барстоу.

— Только пару простых слов, типа «еда» и «вода». Любая попытка выяснить, что с ним случилось, вызывает у него приступ истерии.

— И никакого диагноза не поставить?

— Ну... если хотите услышать высказанное своими словами мнение непрофессионала, — по-моему, он напуган до смерти. Причем, — добавил Шульц, — мне уже приходилось видеть раньше проявления синдрома страха, но подобное — никогда.

— Я видел, — внезапно сказал Лазарус.

— Ты? Где? При каких обстоятельствах?

— Однажды, — ответил Лазарус, — когда я еще был мальчишкой, пару сотен лет назад, я поймал взрослого койота и запер его в загон. Мне хотелось выдрессировать его как охотничьего пса, но ничего не вышло. Так вот, Форд ведет себя в точности так, как тот койот.

Наступила неприятная тишина, которую в конце концов нарушил Шульц:

— Не вполне понимаю, о чем ты. Что тут общего?

— В общем, — медленно ответил Лазарус, — это лишь мое предположение. Слейтон — единственный, кто знает истинный ответ, но говорить он не может. Но мое мнение таково: мы с самого начала не сумели понять джоайров. Мы ошибочно полагали, будто они такие же люди лишь потому, что выглядят похоже на нас и примерно настолько же цивилизованны. Но они вообще не люди. Они... домашние животные. Эй, погодите! —

поспешно добавил он. — Сейчас все объясню. На этой планете действительно есть разумные существа — именно они живут в храмах, и именно их джокайры называют богами. Они и есть боги! — продолжал Лазарус, прежде чем кто-либо успел его прервать. — Я знаю, о чем вы думаете. Не важно — я не собираюсь вдаваться в метафизические рассуждения, просто излагаю, как могу. Суть в том, что в этих храмах кто-то живет и, кем бы они ни были, они настолько могущественны, что их вполне можно считать богами. Именно они настоящая господствующая раса на этой планете! Для них все остальные, как джокайры, так и мы, всего лишь животные — дикие или прирученные. Мы ошибочно предполагали, что местная религия — всего лишь предрассудки. Но это не так.

— И ты считаешь — именно это и есть причина того, что произошло с Фордом? — медленно спросил Барстоу.

— Да, считаю. Он встретил одного из них по имени Крил, и это свело его с ума.

— Насколько я понимаю, — сказал Шульц, — твоя теория состоит в том, что любой человек, увидевший их воочию, повредился бы разумом?

— Не совсем, — ответил Лазарус. — Меня куда больше пугает, что я мог бы не свихнуться!

В тот же день джокайры прекратили все контакты с землянами, что было и к лучшему, иначе наверняка не обошлось бы без насилия. Над городом навис страх, который был хуже страха смерти, — страх перед неким жутким безымянным существом, один лишь вид которого превращал человека в сломленное, лишенное разума животное. Джокайры больше не казались безобидными, даже забавными, несмотря на все их научные достижения, друзьями — в них видели марионеток, приманку, подброшенную невидимыми могущественными созданиями, таившимися в храмах.

Не пришлось даже ставить вопрос на голосование — землянам хотелось покинуть это кошмарное место столь же единодушно, как спасающейся из горящего здания толпе. Заккер Барстоу взял командование в свои руки.

— Свяжись с Кингом — пусть пришлет все шлюпки. Сматываемся отсюда как можно скорее. — Он беспокоило пригладил волосы. — Сколько людей мы можем погрузить по максимуму с каждым рейсом, Лазарус? Как долго продлится эвакуация?

Лазарус что-то пробормотал.

— Что ты сказал?

— Я сказал: «Дело не в том, сколько нам потребуется времени, а в том, отпустят ли нас вообще». Возможно, тем существам в храмах нужны новые домашние животные — мы!

Лазарус требовался в качестве пилота шлюпки, но еще больше требовалось его умение управлять толпой. Они обсуждали с Заккером Барстоу экстренную мобилизацию импровизированных полицейских сил, когда Лазарус посмотрел куда-то за его плечо и воскликнул:

— Ого! Погоди-ка, Зак, — похоже, лавочка закрывается.

Быстро повернувшись, Заккер увидел с величавым достоинством направляющегося в их сторону Крила Сарлу. На его пути не оказывалось никого, и вскоре они поняли почему. Заккер двинулся ему навстречу, но обнаружил, что остановился в десяти футах от джоайра, без всяких причин — просто остановился, и все.

— Приветствую тебя, мой несчастный брат, — начал Сарлу.

— Приветствую тебя, Крил Сарлу.

— Боги сказали свое слово. Подобных вам невозможно цивилизовать (?). Ты и твои братья должны покинуть этот мир.

Лазарус облегченно вздохнул.

— Мы уходим, Крил Сарлу, — с серьезным видом ответил Заккер.

— Боги требуют, чтобы вы ушли. Позови сюда своего брата Либби.

Заккер послал за Либби, затем снова повернулся к Сарлу, но, похоже, джоайру больше нечего было им сказать — он их словно не замечал.

Пришел Либби, и Сарлу завел с ним долгий разговор. Барстоу и Лазарус видели, как шевелятся их губы, но ничего не слышали. Лазарусу это крайне не понравилось. «Черт побери, — подумал он, — я мог бы сочинить несколько способов, как проделать этот трюк, будь у меня подходящая техника, — но могу поспорить, ни один из них тут ни при чем, тем более что никакой техники я не вижу».

Безмолвная дискуссия закончилась, и Сарлу ушел прочь, не попрощавшись. Либби повернулся к остальным и заговорил — теперь его голос был слышен.

— Сарлу сказал, — начал он, озадаченно морща лоб, — что мы должны отправиться на планету В... ГМ... тридцати двух с лиш-

ним световых годах отсюда. Так решили боги. — Он замолчал, покусывая губу.

— На этот счет можешь не беспокоиться, — заметил Лазарус. — Просто радуйся тому, что они больше не хотят нас видеть. Полагаю, с такой же легкостью они могли бы раздавить нас в лепешку. Как только окажемся в космосе, сами выберем, куда нам лететь.

— Да, наверное. Но меня смущает, что он назвал время, — мы должны покинуть систему примерно через три часа.

— Бессмыслица какая-то! — возразил Барстоу. — Это просто невозможно. У нас нет столько шлюпок.

Лазарус промолчал, решив, что не стоит тратить на такое слова.

Впрочем, Заккер свое мнение быстро поменял, а Лазарус — приобрел. Подгоняя своих собратьев в сторону поля, где продолжалась погрузка, он вдруг обнаружил, как некая сила подняла его в воздух. Он пытался сопротивляться, но руки и ноги не встретили никакой опоры, и земля ушла вниз. Закрыв глаза, он досчитал до десяти и, снова их открыв, понял, что его отделяет от поверхности планеты не меньше двух миль.

Внизу виднелось бесчисленное множество поднимавшихся со стороны города, словно летучие мыши из пещеры, темных на фоне залитой солнцем земли точек и силуэтов. Некоторые находились столь близко от него, что он опознал в них людей — землян, своих сородичей.

Горизонт провалился вниз, планета превратилась в шар, небо почернело — однако Лазарус продолжал нормально дышать, и его кровеносные сосуды не лопнули.

Людей засасывало в открытые люки «Нового рубежа», вокруг которых они роились, словно пчелы вокруг матки. Лишь оказавшись внутри корабля, Лазарус почувствовал, что его бьет дрожь, и с трудом перевел дух.

Едва очутившись на борту и придя в себя, Либби разыскал капитана Кинга и передал ему слова Сарлу.

— Не знаю, — неуверенно проговорил Кинг. — Тебе больше известно о туземцах, поскольку я даже не ступал на планету. Но, между нами, то, как они отправили назад моих пассажиров, говорит само за себя. Никогда в жизни не видел подобного. Просто невероятно.

— Должен добавить, что и ощущения тоже невероятные, сэр, — без тени юмора ответил Либби. — Я лично предпочел бы заняться прыжками с трамплина. Рад, что у вас оказались открыты люки.

— Я их не открывал, — коротко сказал Кинг. — Они открылись сами.

Они направились в рубку управления, намереваясь запустить двигатели и оказаться как можно дальше от планеты, с которой их изгнали, а затем подумать о дальнейшей цели и курсе.

— Та планета, которую описывал Сарлу, входит в систему звезды класса G? — спросил Кинг.

— Да, — подтвердил Либби. — Планета земного типа на орбите солнцеподобной звезды. У меня есть ее координаты, и я могу найти ее в каталогах. Но про нее можно забыть — слишком уж она далеко.

— Ладно... — Кинг включил звездный экран, и несколько долгих мгновений оба молчали, глядя на изображения небесных тел. Без какого-либо приказа со стороны Кинга, даже без прикосновения к приборам, «Новый рубеж» вновь отправился в долгий путь, словно обладая собственным разумом.

— Собственно, я мало что могу рассказать, — признался Либби несколько часов спустя Руфусу Кингу, Заккеру Барстоу и Лазарусу Лонгу. — Прежде чем мы преодолели скорость света — или возникла такая видимость, — я сумел определить, что наш курс соответствует направлению к звезде, которую назвал Крил Сарлу в качестве цели, определенной для нас его богами. Мы продолжили разгон, и звезды померкли. У меня больше нет никаких астронавигационных ориентиров, и я не знаю, где мы и куда движемся.

— Расслабься, Энди, — посоветовал Лазарус. — Попробуй предположить.

— Ну... если наша мировая линия является гладкой функцией — хотя данных у меня нет, — мы можем прибыть в окрестности звезды РК3722, о которой говорил Крил Сарлу.

— Грррм! — Лазарус повернулся к Кингу. — Ты пробовал тормозить?

— Да, — коротко ответил Кинг. — Приборы не работают.

— Гм... Энди, когда мы там окажемся?

Либби беспомощно пожал плечами:

— У меня нет никаких опорных точек. Что значит время, когда нет ориентиров в пространстве?

После того как остальные ушли, Либби еще долго размышлял о едином и неделимом пространстве-времени. Так или иначе пространство, а соответственно и время внутри корабля находились в его полном распоряжении. Часы на корабле тикали, жужжали или просто шли; люди испытывали чувство голода, ели, уставали, отдыхали. Радиоактивные вещества распадались, физико-химические процессы происходили в соответствии с законом увеличения энтропии, и его собственное сознание воспринимало течение времени.

Но звездное небо, на фоне которого измерялась любая временная функция в истории человечества, исчезло. Судя по тому, что говорили Либби его собственные глаза и любые приборы на корабле, их ничто больше не связывало с остальной Вселенной.

Какой Вселенной?

Никакой Вселенной не существовало. Она исчезла.

Двигались ли они вообще? Можно ли говорить о движении, когда нет того, относительно чего можно двигаться?

И тем не менее искусственный вес, создаваемый вращением корабля, никуда не девался. «Вращением по отношению к чему?» — подумал Либби. Не мог ли космос обладать истинной, абсолютной, безотносительной к чему бы то ни было, собственной структурой — вроде той, о которой говорилось в давно отвергнутой теории «эфира», так и не обнаруженного классическими экспериментами Майкельсона—Морли? Даже больше того — эти эксперименты отрицали саму возможность его существования, отрицая тем самым возможность скоростей выше скорости света. Действительно ли корабль преодолел световой барьер? Не превратился ли он в гроб с призраками вместо пассажиров, летящий в никуда и вне времени?

Но у Либби зудело между лопатками, и ему пришлось почесаться; левая нога его затекла, а желудок начинал настойчиво требовать пищи, — если это смерть, решил он, непохоже, что она чем-то материально отличается от жизни.

Вновь обретя спокойствие, он покинул рубку и направился в свою любимую столовую, обдумывая на ходу новую математику, которая включала бы в себя все эти новые явления. Над тем, как гипотетическим богам джокайров удалось телепортировать

Семейства на корабль, он больше не размышлял; у него все равно не было возможности получить сколько-нибудь значащие данные, и лучшее, что мог сделать любой честный ученый, — зафиксировать факт как таковой, отметив, что он не поддается объяснению. Но факт действительно имел место — Либби сам еще недавно был на планете, и даже сейчас ассистенты Шульца сбивались с ног, пытаясь обеспечить антидепрессантами тысячи человек, душевно пострадавших после пережитого.

Но Либби не мог найти этому объяснения, да и, поскольку у него не было данных, не особо и хотел. Куда больше его интересовала вся совокупность мировых линий, базовая проблема физики поля.

Не считая своего пристрастия к математике, Либби был вполне обычным человеком, предпочитавшим шумную атмосферу Клуба, или столовой 9-D, хотя и по иным причинам, нежели Лазарус. Он легче себя чувствовал в компании более молодых — Лазарус был единственным исключением.

Как выяснилось, в Клубе пока не кормили — слишком внезапной оказалась перемена планов. Однако там присутствовали Лазарус и другие знакомые Либби. Нэнси Уэзерел подвинулась, освобождая ему место.

— Тебя-то я и хотела видеть, — сказала она. — Все больше пользы, чем от Лазаруса. Куда мы летим на этот раз и когда туда доберемся?

Либби, как умел, объяснил возникшую дилемму. Нэнси наморщила нос:

— Веселая перспектива, ничего не скажешь! Что ж, похоже, бедняжке Нэнси снова придется страдать...

— Ты о чем?

— Когда-нибудь ухаживал за спящими? Да нет, конечно. Утомительная работа. Переворачивать их, сгибать им руки, разминать пальцы, шевелить головы... а потом закрываешь резервуар и переходишь к следующему. Меня уже настолько тошнит от вида человеческих тел, что возникает желание принять обет целомудрия.

— Не зарекайся, — посоветовал Лазарус.

— Тебе-то какое дело, старый мошенник?

— А я рада, что снова оказалась на корабле, — подала голос Элинора Джонсон. — Эти склизкие джоайры... бррр!

— Это все предрассудки, Элинора, — пожала плечами Нэнси. — Они по-своему не такие уж и плохие. Естественно, они не

совсем такие, как мы, но ведь и собаки тоже на нас не похожи. Не станешь же ты из-за этого не любить собак?

— Собственно, они и есть собаки, — серьезно сказал Лазарус.

— Гм?

— Не в том смысле, что они похожи на собак, — они определенно с нами на равных, а, возможно, в чем-то и превосходят... но они все равно собаки. Существа, которых они называют богами, — всего лишь их хозяева, владельцы. Нас не удалось приручить, и хозяева вышвырнули нас прочь.

Либби размышлял о необъяснимом телекинезе, которым воспользовались джокайры — или их хозяева.

— Интересно, что бы вышло, — задумчиво проговорил он, — если бы они сумели нас приручить. Они могли бы научить нас многим интересным штукам.

— Даже не думай, — резко бросил Лазарус. — Человек не может быть чьей-то собственностью.

— А кем он должен быть?

— Человек должен быть тем, кем он является... и быть этого достоин! — Лазарус встал. — Мне нужно идти.

Либби тоже собрался уходить, но Нэнси его остановила:

— Останься. Хочу тебя кое о чем спросить. Какой сейчас год на Земле?

Либби открыл было рот, но тут же снова его закрыл, потом попробовал еще раз и наконец сказал:

— Не знаю, как ответить на твой вопрос. Примерно как спросить: «Как высоко находится верх?»

— Наверное, я неправильно выразилась, — согласилась Нэнси. — Я не особо разбираюсь в основах физики, но понимаю, что время относительно, а одновременность применима только для двух близко расположенных точек в одной и той же системе координат. Но мне все равно хотелось бы кое-что знать. Мы ведь летели намного быстрее и намного дальше, чем кто-либо до нас? Не замедлились ли наши часы или что-то вроде того?

Либби озадаченно уставился на нее, как и любой специалист по математической физике, с которым дилетант пытается говорить о физике не на языке математики.

— Ты имеешь в виду сокращение Лоренца—Фитцджеральда? Извини, но любая попытка описать его словами — полная чушь.

— Почему? — не унималась Нэнси.

— Потому что... в общем, потому, что для этого нет подходящего языка. Формулы, описывающие эффект, неточно именуемый сокращением, предполагают, что наблюдатель сам является участником событий. Но словесный язык содержит в себе неявное допущение, что мы можем находиться вовне, наблюдая за происходящим. Математический же язык отрицает саму возможность любой подобной внешней точки зрения. Любой наблюдатель находится на своей собственной мировой линии, и он не может ее покинуть, глядя со стороны.

— Но что, если может? Предположим, если бы мы могли прямо сейчас увидеть Землю?

— Ну вот опять! — с несчастным видом проговорил Либби. — Я пытался излагать свои мысли словами, но лишь сильнее все запутал. Когда два события разделены внутри континуума, время в абсолютном смысле измерить невозможно. Измерить можно только интервал.

— Хорошо. Что такое интервал? Столько-то пространства и столько-то времени?

— Нет, вовсе нет! Интервал... в общем, это интервал. Я могу написать соответствующие формулы, но дать определение с помощью слов невозможно. Послушай, Нэнси... можно ли записать словами полную партитуру симфонии?

— Нет. Вернее, может, и да, но для этого потребуются в тысячу раз больше времени.

— И музыканты все равно не смогут играть, пока ты не переведешь ее обратно в нотную запись. Именно это я и имел в виду, — продолжал Либби, — когда говорил, что нет подходящего языка. У меня уже возникали подобные сложности, когда я пытался описать световой движитель. Меня спрашивали: если движитель работает за счет того, что исчезает инерция, то почему люди внутри корабля не ощущают ее исчезновения? Словами на этот вопрос ответить невозможно. Инерция — не слово, это математическое понятие, используемое при математическом описании определенных явлений. Так что ответить мне было просто нечего.

Нэнси озадаченно посмотрела на него, но упрямо продолжала:

— Пусть я и неточно выразилась, но мой вопрос все равно что-то значит. И не пытайся от меня отвертеться. Предполо-

жим, мы развернулись и полетели обратно до самой Земли, тем же самым путем. Значит, на корабле пройдет вдвое больше времени по сравнению с тем, что есть сейчас, так? И какой тогда год будет на Земле, когда мы там окажемся?

— Будет... так, посмотрим... — В мозгу Либби почти автоматически запустился процесс решения невероятно сложной проблемы ускорений, интервалов, перемещений. Пребывая в теплых математических грезах, он уже был близок к ответу, когда проблема внезапно рассыпалась на куски и он вдруг понял, что она имеет неограниченное количество одинаково верных решений.

Но такого просто не могло быть. В реальном мире, а не фантастическом мире математики подобная ситуация выглядела абсурдной. На вопрос Нэнси должен был иметься лишь один ответ — единственный в своем роде и реальный.

Не могла ли являться абсурдом вся идеальная структура теории относительности? Или это означало, что повторить обратно свой путь в межзвездном пространстве физически невозможно?

— Мне нужно подумать, — поспешно проговорил Либби и ушел, прежде чем Нэнси успела что-то сказать.

Но, даже оказавшись в одиночестве, он так и не сумел решить проблему. Дело было вовсе не в том, что его подвели математические способности, — он знал, что в состоянии математически описать любые факты, каковы бы те ни были. Трудность заключалась в том, что фактов было слишком мало. Пока некий наблюдатель не преодолеет межзвездные расстояния со скоростью, близкой к скорости света, и не вернется на планету, с которой стартовал, ответа быть не могло. Одна лишь математика, без конкретного содержания, бессильна.

Либби вдруг обнаружил, что думает о своем родном плато Озарк. По-прежнему ли зеленеют леса и стелется ли среди деревьев дым осенью? Но потом он вспомнил, что вопрос этот лишен всякого смысла, и его внезапно охватила тоска по дому, какой он не испытывал со времен своей юности в Космическом строительном корпусе, когда совершал свой первый прыжок в глубокий космос.

Подобные сомнения и неуверенность, чувство потери и ностальгия распространились по всему кораблю. На первом этапе

полета у Семейств имелся стимул — тот же, под воздействием которого ползли по равнинам крытые фургоны первопоселенцев. Но теперь они летели в никуда, и за каждым днем лишь следовал очередной, ничем от него не отличавшийся. Их долгие жизни превратились в бессмысленное бремя.

Айра Говард, чье состояние составило основу Фонда Говарда, родился в 1825 году и умер в 1873-м от старости. Он продавал еду золотоискателям в Сан-Франциско, стал оптовым марки-тантом во время Гражданской войны и увеличил свое богатство в период трагической Реконструкции.

Говард смертельно боялся умереть. Он нанял лучших врачей своего времени, чтобы продлить свою жизнь. И тем не менее старость забрала его в том возрасте, когда большинство мужчин обычно еще молоды. Однако он завещал, чтобы его деньги были потрачены на «продление человеческой жизни». Распорядители его имуществом не нашли иного способа исполнить его волю, кроме как искать людей, чья родословная свидетельствовала о врожденной предрасположенности к долголетию, а затем склонять их к бракам между собой. Подобный метод предвосхитил труды Бербанка¹, и осталось неизвестным, знали ли распорядители о проясняющих многое исследования монаха Грегора Менделя.

Увидев входящего в ее каюту Лазаруса, Мэри Сперлинг отложила книгу.

— Что читаешь, сестра? — Он взял книгу в руки. — «Екклезиаст»? Гм... не знал, что ты настолько набожна. «А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?» — прочитал он вслух. — Что-то уж чересчур мрачновато, Мэри. — Он пробежал глазами текст. — Как насчет этого? «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда...» Или... гм, веселого тут и впрямь маловато. Попробуй-ка вот это: «И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета». Это больше в моем стиле — ни за что не стал бы снова молодым, даже если бы мне за это заплатили.

— А я бы стала.

¹ Лютер Бербанк (1849–1926) — американский селекционер и садовод, выведший несколько необычных сортов растений.

— Мэри, что с тобой? Сидишь, читаешь самую тягостную из Книг Библии — сплошные смерти и похороны... Что случилось?

Она устало потеряла глаза:

— Лазарус, я старею. О чем еще я могу думать?

— Ты? Да ты свежа, словно маргаритка!

Мэри посмотрела на него, зная, что он лжет, — она видела в зеркале собственные седеющие волосы и увядающую кожу, чувствовала ломоту в костях. И тем не менее Лазарус был старше ее... хотя, насколько ей было известно из ее познаний в биологии, полученных за годы работы в лаборатории по исследованию долголетия, Лазарус никак не мог дожить до ее возраста. Когда он родился, программа длилась всего лишь три поколения, чего явно было мало, чтобы отбраковать менее выносливые генетические линии, — разве что имело место некое крайне невероятное сочетание генов.

Однако он был жив и стоял перед ней.

— Лазарус, — спросила она, — сколько ты рассчитываешь прожить?

— Я? Странный вопрос. Помню, как-то раз я задал его одному человеку — в смысле, насчет себя, а не насчет него. Слышала когда-нибудь о докторе Хьюго Пинеро?¹

— Пинеро... Пинеро... Ах да — «шарлатан Пинеро».

— Мэри, он не был шарлатаном. Он действительно мог точно предсказать, когда человек умрет.

— Но... хотя продолжай. Что он тебе сказал?

— Погоди. Я хочу, чтобы ты поняла: он нисколько не жульничал. Его предсказания в точности сбывались, — если бы он не умер, страховые компании попросту бы разорились. Это было еще до твоего рождения, но я уже жил в то время и точно знаю. Так или иначе, Пинеро снял с меня показания своих приборов, и они, похоже, его чем-то встревожили. Он снял показания еще раз, а потом вернул мне деньги.

— И что он сказал?

— Я не сумел добиться от него ни слова — он лишь хмуро смотрел то на свою машину, то на меня. Так что на твой вопрос я ответить не могу.

— Но сам-то ты что об этом думаешь, Лазарус? Не надеешься же ты жить вечно?

¹ *Хьюго Пинеро* — герой рассказа Хайнлайна «Линия жизни».

— Мэри, — тихо проговорил он, — я не собираюсь умирать. Вообще об этом не думаю.

Наступила долгая пауза.

— Лазарус, — наконец сказала Мэри, — я не хочу умирать. Но в чем цель нашей долгой жизни? Похоже, с возрастом мы не становимся мудрее. Не продолжаем ли мы просто существовать после того, как наше время уже прошло? Не застряли ли мы в детском саду, вместо того чтобы двигаться дальше? Не следует ли нам умереть и родиться заново?

— Не знаю, — ответил Лазарус, — и вряд ли смогу узнать... Но будь я проклят, если во всех этих тревогах есть какой-то смысл. Я рассчитываю жить так долго, как смогу, и узнать столько, сколько смогу. Возможно, мудрость и понимание оставлены нам про запас, на будущее, а может, они вообще не для нас. Так или иначе, я рад, что живу, и наслаждаюсь жизнью. Так что, милая моя Мэри, — *carpe diem!*¹ Все равно другого не дано.

Жизнь на корабле постепенно вновь стала столь же монотонной, как и во время долгих лет первого прыжка. Большинство семейн погрузились в анабиоз, а остальные ухаживали за ними, кораблем и гидропонными фермами. Среди спящих был и Слейтон Форд — анабиоз стал для него последним шансом излечиться от душевного расстройства.

Полет к звезде РК3722 занял семнадцать месяцев и три дня по времени корабля.

Путешествие закончилось так же, как и началось, — без какого-либо участия со стороны экипажа. За несколько часов до прибытия к цели на экранах вновь вспыхнули звезды, и корабль быстро затормозил до межпланетных скоростей. Торможения никто не ощутил — таинственные силы одинаково действовали на любую массу. «Новый рубеж» вышел на орбиту вокруг живой зеленой планеты в нескольких сотнях миллионов миль от ее солнца, и вскоре Либби доложил капитану Кингу, что они находятся на стационарной орбите.

Кинг осторожно попробовал приборы, остававшиеся безжизненными с момента старта. Корабль слушался, — казалось, управлявший им до этого пилот-призрак наконец их покинул.

¹ Лови момент (*лат.*).

Либби решил, что сравнение не вполне корректно, — данное путешествие, вне всякого сомнения, было запланировано заранее, но из этого никак не следовало, что кто-то привел их сюда. Он подозревал, что «боги» джокайров воспринимали мироздание как нечто предопределенное и изгнание землян являлось для них свершившимся фактом еще до того, как оно случилось. Увы, подобная концепция содержала в себе слишком много неизвестных и для ее описания попросту не хватало слов. В крайне грубом упрощении речь могла идти о некоей специально созданной для них мировой линии, которая покидала обычное пространство, а затем вновь в него возвращалась, и когда корабль достиг ее конца, он вновь начал вести себя как обычно.

Либби попытался объяснить свою концепцию Лазарусу и капитану, но вышло у него плохо — ему не хватало данных, к тому же у него не было времени, чтобы довести свою математическую модель до изящества, так что в итоге результат не удовлетворил ни их, ни его самого.

Впрочем, у Кинга и Лазаруса дел хватало и без того. На экране интеркома появилось лицо Барстоу.

— Капитан! — крикнул он. — Не могли бы вы подойти на корму к седьмому шлюзу? У нас гости!

Барстоу слегка преувеличил — гость оказался только один. Существо, напомнившее Лазарусу ребенка в маскарадном костюме кролика, выглядело более человекоподобным, чем джокайры, хотя, возможно, и не относилось к млекопитающим. Одежда на нем отсутствовала, но и голым его назвать было нельзя, поскольку его детское тельце покрывала короткая гладкая золотистая шерсть. Весело смотревшие на них глаза светились разумом.

Кинг, однако, был слишком ошеломлен, чтобы замечать такие подробности. В ушах его отдавался голос — или мысли:

«...так ты тут главный?... добро пожаловать на нашу планету... мы вас ждали... наши (пропуск) сообщили нам о вашем прибытии...»

Управляемая телепатия...

Раса этих существ была столь доверчива и настолько не знала врагов, опасностей и раздоров, что готова была делиться с другими своими мыслями — и не только; они оказались столь лю-

безны и щедры, что предлагали людям поселиться на их планете. Именно для того, чтобы сделать такое предложение, и явился посланник.

Кингу оно показалось чересчур похожим на щедрые дары джодайров, и в душу его тут же закрались сомнения — нет ли тут очередной ловушки?

Посланник, похоже, прочитал его мысли.

«...загляните в наши сердца... мы не таим к вам злобы... мы разделяем вашу любовь к жизни и любим ту жизнь, что в вас...»

— Примите нашу благодарность, — вежливо ответил вслух Кинг. — Нам нужно посоветоваться. — Он повернулся к Барстоу, а когда бросил взгляд назад, посланник уже исчез. — Куда он делся? — спросил капитан Лазаруса.

— Гм? Ты меня спрашиваешь?

— Но ты же стоял прямо перед шлюзом.

— Я проверял датчики. Судя по их показаниям, никакая шлюпка к шлюзу не причаливала. Я подумал, что датчики не работают, но они исправны. Как он попал на корабль? Где его транспортное средство?

— И как он ушел?

— Уж точно не мимо меня!

— Заккер, он ведь вошел через этот шлюз?

— Не знаю.

— Но вышел-то он точно через него?

— Нет, — возразил Лазарус. — Шлюз вообще не открывался. Вакуумные замки на месте. Сам взгляни.

— Ты же не хочешь сказать, — медленно проговорил Кинг, — что он может пройти через...

— Не смотри на меня так, — буркнул Лазарус. — На этот счет я знаю не больше твоего. Куда девается картинка с видеофона, когда отключаешь связь?

Он ушел, негромко насвистывая себе под нос. Кинг не узнал мелодию. Слова ее, которые Лазарус вслух петь не стал, начались так:

По лестнице вверх я однажды шагал
И вдруг, кого не было, там повстречал...¹

¹ Из стихотворения «Антигониш» Хьюза Мирнса, на слова которого в 1939 году была написана популярная песня, исполнявшаяся в числе прочих оркестром Глена Миллера.

Похоже, никакого подвоха в предложении хозяев планеты не оказалось. Маленькие существа — они никак себя не называли, поскольку не имели разговорного языка, и земляне стали именовать их просто «коротышками» — радушно их встретили и во многом помогли. Убедить землян в своих добрых намерениях им не составило никакого труда, поскольку проблемы в общении вроде тех, что имелись с джокайрами, полностью отсутствовали. Коротышки могли посвящать землян даже в самые тонкие свои мысли, в свою очередь точно воспринимая любую мысль, обращенную к ним. Мысли, не обращенные к ним прямо, они либо игнорировали, либо не могли воспринять — они точно так же контролировали свой обмен мыслями, как люди свою речь. Сами же земляне никаких телепатических способностей для общения между собой не обрели.

Планета коротышек еще больше напоминала Землю, чем планета джокайров. Она была чуть больше Земли, но с чуть меньшей силой тяжести, что предполагало меньшую среднюю плотность, косвенным подтверждением чего могло служить почти полное отсутствие в культуре коротышек каких-либо металлов.

В отличие от Земли планета не имела большого тяжелого спутника, вызывавшего океанские приливы и нарушавшего изостатический баланс ее коры, так что холмы здесь были невысоки, ветры мягки, а моря спокойны. К разочарованию Лазаруса, на ставшей их новым домом планете практически отсутствовала погода как таковая — климат здесь был именно такой, в существовании которого в их части земного шара пытались убедить остальное человечество патриоты Калифорнии.

Но на планете коротышек он существовал в действительности.

Туземцы указали землянам место для посадки — уходившую в сторону моря широкую полосу песчаного пляжа. За положим берегом тянулись миля за милей пышные луга, перемежаясь скоплениями деревьев и кустарников. Аккуратный пейзаж напоминал разбитый по плану парк, хотя никаких следов разумной деятельности не наблюдалось.

Именно здесь, как сообщил посланник первой разведгруппе, им предлагалось поселиться.

Когда возникала необходимость в помощи, рядом всегда оказывался кто-то из коротышек — но вместо чрезмерного усердия

джокайров они проявляли лишь ненавязчивую готовность подать видеофон или карманный нож. Сопровождавший первую группу разведчиков коротышка привел в замешательство Лазаруса и Барстоу, небрежно упомянув, что встречал их раньше и был в гостях у них на корабле. Поскольку шерсть его имела цвет красного дерева, а не золотистый, Барстоу счел, что неправильно его понял, отметив про себя, что, возможно, эта раса способна, подобно хамелеонам, менять цвет. Лазарус оставил свое мнение при себе.

Барстоу спросил проводника, есть ли у его народа какие-либо предпочтения насчет того, где и как земляне могли бы построить свои здания. Вопрос его всерьез беспокоил, поскольку предварительная разведка с корабля не обнаружила никаких городов. Возможно, туземцы жили под землей, и Барстоу хотелось избежать неприятностей, начав возводить нечто, чему могло бы воспротивиться местное правительство.

Он обратился к проводнику вслух, поскольку уже стало понятно, что именно так собеседник лучше всего воспримет обращенную к нему мысль, и ощутил в его ответе удивленные нотки:

«...стоит ли осквернять прекрасный пейзаж?.. зачем вам нужны здания?..»

— Здания нужны нам для многих целей, — объяснил Барстоу. — Для укрытия днем, для сна ночью, для того, чтобы выращивать еду и готовить ее. — Он попытался было описать сущность гидропонных ферм и приготовления пищи, но отказался от своего намерения, решив довериться телепатическому дару слушателя. — Нам нужны здания и для многого другого — для мастерских и лабораторий, для машин, с помощью которых мы общаемся, почти для всего, что нужно нам в повседневной жизни.

«...прояви терпение, — последовала мысль, — ибо я слишком мало знаю о ваших обычаях... но скажи мне... вы предпочитаете спать в чем-то вроде этого?»

Он показал на видневшиеся из-за невысокого берега корабельные шлюпки, в которых прилетели земляне. Мысль, которую использовал для их описания туземец, была чересчур сильна, чтобы передать ее одним словом. В мозгу Лазаруса возник образ мертвого замкнутого пространства — тюремной камеры, в которой он когда-то сидел, или вонючей общественной видеофонной будки.

— Таков наш обычай.

Коротышка наклонился и похлопал по дерну:

«...разве это не хорошее место для сна?..»

Лазарус в душе с ним согласился. Мягкий весенний дерн напоминал траву, но еще более ровную и упругую. Сбросив сандалии, Лазарус прошелся по нему босиком, шевеля пальцами ног, и решил, что это даже не газон, а скорее плотный меховой ковер.

«...что касается еды... — продолжал проводник, —... зачем тратить на нее силы, когда плодородная почва дает ее просто так?.. идем со мной...»

Он повел их через лужайку к невысоким кустистым деревьям, нависавшим над извивающимся ручьем. Неровной формы листья-плоды величиной с человеческую ладонь имели в толщину около дюйма. Коротышка оторвал один из них и начал с удовольствием поедать.

Лазарус оторвал другой плод и внимательно его рассмотрел. Плод легко разломился, словно хорошо пропеченный хлеб. Внутренность его оказалась кремово-желтой, губчатой, но хрустящей, и от нее исходил приятный запах, напоминавший манго.

— Лазарус, не ешь! — предупредил Барстоу. — Их пока не анализировали.

«...эта еда гармонична вашему телу...»

Лазарус снова понюхал плод:

— Готов согласиться на роль подопытного, Зак.

— Ладно, — пожал плечами Барстоу. — Я тебя предупредил. Да ты все равно бы его съел.

Лазарус откусил от плода. Мякоть его оказалась странно приятной, достаточно твердой на зуб и с пикантным, едва уловимым вкусом. Она спокойно улеглась в его желудке, чувствуя себя там как дома.

Барстоу никому больше не позволил попробовать плоды, пока не выяснится, какой эффект они произведут на Лазаруса. Воспользовавшись своим привилегированным положением, Лазарус устроил себе настоящее пиршество — лучшее, решил он, за многие годы.

«...расскажи, что вы обычно едите?..» — поинтересовался их маленький друг. Барстоу начал отвечать, но его остановила мысль собеседника: «Думайте об этом... все вместе...» Несколько мгновений тот никак не реагировал, затем выдал: «Достаточно... мои жены этим займутся...»

Лазарус не был точно уверен, что мысленный образ означает именно «жен», но явно имелись в виду некие близкие отношения. Пока что не удалось выяснить, двуполы ли коротышки или размножаются каким-то иным путем.

В ту ночь Лазарус спал под звездным небом, и чистое незамутненное сияние звезд излечило его от клаустрофобии, которой он страдал на корабле. Звездные созвездия были искажены до неузнаваемости, но ему показалось, что он смог узнать холодный голубой свет Веги и оранжевое свечение Антареса. Однако разлившийся облачной аркой по небу Млечный Путь ничем не отличался от того, что был виден с Земли. Лазарус знал, что Солнце отсюда невооруженным глазом не разглядеть, даже если знать, где искать, — с его небольшими размерами оно было неразлично на расстоянии многих световых лет. «Надо бы дать задачку Энди, — сонно подумал он, — пусть рассчитает координаты Солнца и отыщет его с помощью приборов». Он заснул, не успев удивиться, почему его вообще интересует данный вопрос.

Поскольку никакого убежища на ночь не требовалось, все высадились настолько быстро, насколько их сумели переправить шлюпки. Толпам людей, оказавшихся на дружелюбной планете, разрешили устроить себе пикник, пока не завершится организация колонии. Сперва они питались доставленными с корабля припасами, но, поскольку Лазарус оставался в добром здравии, запрет пробовать естественную местную пищу был вскоре снят. После этого все перешли на растительную еду, используя корабельные запасы лишь затем, чтобы разнообразить диету.

Через несколько дней после высадки последнего колониста Лазарус, в одиночестве прогуливаясь в некотором отдалении от лагеря, наткнулся на одного из коротышек. Приветствовав землянина так, как будто уже был раньше с ним знаком, — похоже, так поступали все коротышки, — он повел Лазаруса к рощице невысоких деревьев еще дальше от базы, а затем дал понять ему, что хочет, чтобы тот поел.

Лазарус не был особо голоден, но, чувствуя себя обязанным отвести на подобное проявление дружбы, сорвал плод и откусил.

От удивления он едва не подавился. Картофельное пюре с коричневой подливой!

«...что-то не так?..» — пришла тревожная мысль.

— Дружище, — торжественно заявил Лазарус, — не знаю, что ты задумывал, но вышло просто здорово!

В мозг его вторглась теплая волна удовольствия.

«...попробуй с другого дерева...»

Лазарус осторожно попробовал, — похоже, на сей раз это оказался свежий ржаной хлеб с маслом, хотя и с неизвестно откуда взявшейся примесью мороженого. Он нисколько не удивился, получив с третьего дерева нечто, имевшее в роду как грибы, так и зажаренный с корочкой стейк.

«...мы почти полностью использовали твои мысленные образы... — объяснил его спутник, — ...они намного сильнее, чем у любой из твоих жен...»

Лазарус не стал тратить время на объяснения, что он не женат.

«...у нас пока не было времени воссоздать внешний вид и цвет из твоих мыслей... — добавил коротышка, — ...насколько это для тебя важно?..»

Лазарус серьезно заверил его, что на самом деле совсем не важно. Вернувшись на базу, он с немалым трудом сумел убедить остальных в серьезности своего рассказа.

Одним из тех, на кого положительно повлияла новая непринужденная обстановка, стал Слейтон Форд. Пробудившись от анабиоза, он, похоже, не ощущал никаких последствий своего нервного срыва, за исключением одного: он ничего не помнил о том, что случилось с ним в храме Крила. Ральф Шульц счел это здоровой реакцией на пережитое и перестал считать его своим пациентом.

Форд выглядел помолодевшим и счастливым. Он больше не занимал никакой формальной должности среди семьян, — собственно, руководства как такового не было вообще; Семейства жили на благосклонной к ним планете в условиях веселой беззаботной анархии — но к нему по-прежнему обращались по его титулу и продолжали воспринимать как старшего, прося у него совета и ссылаясь на его мнение, наравне с Заккером Барстоу, Лазарусом, капитаном Кингом и другими. Семейства мало обращали внимания на календарный возраст — у близких друзей он мог различаться на сто лет. Форда многие годы воспринимали как опытного администратора — и теперь продолжали относиться к нему как к старшему, хотя две трети семьян были старше его самого.

Бесконечный пикник затянулся на недели и месяцы. После долгого пребывания взаперти в корабле, во сне или за работой,

искушение устроить себе длительный отпуск было слишком велико, и ничто не могло этому помешать. Еда в изобилии росла прямо под рукой почти повсюду, в многочисленных ручьях текла чистая питьевая вода. Что касается одежды — ее вполне хватало для каждого, кому хотелось одеваться, но потребность эта носила скорее эстетический, чем утилитарный характер; райский климат делал одежду столь же бессмысленной, как и купальные костюмы. Те, кому нравилась одежда, продолжал ее носить, но большинству вполне хватало браслетов, бус и цветов в волосах, к тому же те не доставляли особых проблем, если кому-то хотелось поплавать в море.

Лазарус, однако, не расставался со своим килтом.

Уровень культуры и развития коротышек трудно было сразу понять из-за их своеобразных обычаев. Поскольку у них отсутствовали признаки высоких научных достижений в земном смысле этого слова — ни больших зданий, ни сложных механических транспортных средств, ни мощных энергостанций, — легко было принять их за детей матери-природы, живущих в саду Эдема.

Но над водой видна лишь одна восьмая часть айсберга.

Коротышки намного превосходили колонистов познаниями в естественных науках. Они с вежливым интересом осматривали корабельные шлюпки, ставя в тупик своих гидов вопросами о том, почему то-то и то-то делается так, а не этак, — причем становилось очевидно, что им известны намного более простые и действенные технологии, непонятные земным специалистам.

Коротышки прекрасно разбирались в технике и во всем, что было с ней связано, но практически ею не пользовались. Для связи та им по очевидным причинам не требовалась, как и для транспорта (хотя здесь причина пока что была не вполне ясна), да и вообще они не особо нуждались в каких-либо машинах. Но когда у них возникала необходимость в некоем механическом устройстве, они оказывались вполне в состоянии изобрести его, построить, использовать один раз, а затем уничтожить, действуя с недостижимой для людей согласованностью.

Но больше всего потрясало их превосходство в области биологии. Коротышки мастерски владели искусством манипуляции живыми организмами, за несколько дней создавая растения, плоды которых воспроизводили не только вкус, но и питательную ценность привычной для людей еды. Для них это было

вовсе не чудом, но рутинной работой, с которой мог справиться любой их биотехнолог, причем намного проще, чем земной садовод, пытающийся вывести цветы определенной окраски или формы.

Методы их, однако, отличались от тех, что использовали земные селекционеры. Объяснить суть этих методов им, однако, никак не удавалось — они попросту заявляли, что «придумывают» растению нужную форму и разновидность. Что бы они под этим ни понимали, не возникало никаких сомнений, что они в состоянии взять саженец любого растения и, даже к нему не прикасаясь и вообще никаким видимым образом на него не воздействуя, заставить его расцвести и созреть в течение нескольких часов, причем с новыми чертами, отсутствовавшими у его предшественников... после чего оно нормальным образом размножалось.

Коротышки, однако, отличались от землян не только своими научными достижениями. Главное различие состояло в другом.

Они не были индивидуумами.

Никто из туземцев не являлся носителем отдельной личности. Их индивидуальности содержались в нескольких телах одновременно, образуя нечто вроде коллективной «души». Основной единицей их общества являлась объединенная телепатической связью группа — число тел и мозгов, содержавших в себе одного индивидуума, составляло не менее тридцати и могло доходить до девяноста с лишним.

Лишь узнав об этом, колонисты начали понимать многое из того, что настолько озадачивало их в коротышках. Имелось немало оснований полагать, что не в меньшей степени озадачивали коротышек и сами земляне, — туземцы вполне могли считать, что образ жизни других должен быть аналогичен их собственному. Когда по прошествии периода взаимного непонимания обе стороны наконец осознали правду друг о друге, это, похоже, повергло коротышек в ужас. Они покинули окрестности поселения семьян и несколько дней держались поодаль.

Наконец в лагере появился посланник, который разыскал Барстоу.

«...просим простить нас за то, что сторонились вас... мы поспешно приняли ваше несчастье за врожденный дефект... мы хотим вам помочь... предлагаем обучить вас, чтобы вы могли стать такими же, как мы...»

Барстоу не сразу нашелся, что ответить на столь щедрую попытку примирения.

— Благодарим вас за ваше желание нам помочь, — наконец сказал он, — но то, что вы называете нашим несчастьем, похоже, является необходимой составляющей нашей жизни. Ваши обычаи отличаются от наших. Вряд ли мы сумеем их понять.

В ответ последовала полная тревоги мысль:

«...мы помогли многим созданиям небесным и земным прекратить раздоры... но, если вы не хотите нашей помощи, мы не станем ее вам навязывать...»

Посланник ушел, оставив Заккера Барстоу в глубокой задумчивости. Возможно, подумал Заккер, он поторопился с ответом, не посоветовавшись со старейшинами. Вряд ли стоило пренебрегать таким даром, как телепатия; что, если коротышки смогли бы обучить их телепатии, не лишив при этом человеческой индивидуальности? Но то, что было ему известно о телепатах из числа семейн, не внушало надежды — никто из них не отличался душевным здоровьем, а многие попросту были умственно отсталыми. Так что, решил он, стоит обсудить этот вопрос позже, а пока особо не торопиться.

Собственно, все поселение никуда особо не торопилось — делать все равно было почти нечего, и спешка требовалась редко. В небе светило теплое солнце, каждый день мало отличался от последующего, а тот — от того, что следовал за ним. Семьяне, в силу своей наследственности привыкшие заглядывать в будущее, теперь начали заглядывать в вечность. Время больше не имело значения. Даже исследования в области долголетия, продолжавшиеся на протяжении всей их сознательной жизни, зачехли. Гордон Харди отложил в долгий ящик свои эксперименты, занявшись намного более плодотворным изучением того, что было известно коротышкам о природе жизни. Ему приходилось проводить долгие часы за усвоением новых знаний, и он даже сам не осознавал, что все больше времени тратит на размышления, а не на активную работу.

Но то, что он узнал в числе прочего, дало ему совершенно новую пищу для раздумий. Коротышки в некотором смысле победили смерть.

Поскольку каждая из их личностей распределялась между многими телами, смерть одного тела не влекла за собой смерть индивидуума. Все воспоминания данного тела оставались не-

тронутыми, и связанная с ним индивидуальность никуда не девалась, а физическую потерю можно было возместить, позволив кому-то из юных туземцев «жениться» на группе. Но групповая личность, подобная тем, которые общались с землянами, не могла умереть, разве что вследствие гибели всех тел, в которых она обитала. Они просто продолжали жить — фактически вечно.

Их дети до «женитьбы» или приема в группу, похоже, практически не обладали собственной личностью, и их мыслительные процессы носили лишь рудиментарный или, возможно, инстинктивный характер. Старшие ожидали от них разумного поведения не в большей степени, чем человек — от плода в утробе. Любую группу-личность всегда сопровождало множество подобных «несмышленишек», о которых заботились, словно о любимых домашних животных или беспомощных младенцах, хотя зачастую они внешне выглядели для землян столь же взрослыми, как и старшие.

Райская жизнь утомила Лазаруса быстрее, чем большинство его собратьев.

— Вечно такая благодать продолжаться не может, — сказал он лежавшему рядом с ним на мягкой траве Либби.

— Что тебя тревожит, Лазарус?

— Ничего особенного. — Лазарус поставил нож острием на правый локоть и крутанул его другой рукой, глядя, как острие вонзается в землю. — Просто мне все это напоминает зоопарк с хорошими хозяевами. И будущее у нас такое же, как у зверей из зоопарка, — пренебрежительно буркнул он. — Прямо как в Нетландии¹.

— Но что конкретно тебя беспокоит?

— Ничего. Именно это меня и беспокоит. Господи, Энди, неужели ты сам не замечаешь ничего подозрительного в этой идиллии?

— Думаю, во мне говорит моя кровь горного деревенского жителя, — застенчиво улыбнулся Либби. — «Если дождь не каплет, то и крыша не течет, а если дождь, то все равно ее никак не починишь», — процитировал он. — Мне лично кажется, тут не так уж и плохо. Что тебя гложет?

¹ *Нетландия* — нереальное место, в котором происходит действие произведений Джеймса Барри о Питере Пэне, — остров, где живут дети, никогда не становящиеся взрослыми.

— Ну, в общем... — Взгляд голубых глаз Лазаруса устался куда-то в пространство, и он помолчал, продолжая лениво играть с ножом. — Давным-давно, когда я еще был молодым, меня выбросило на берег в Южных морях...

— На Гавайи?

— Нет, южнее. Будь я проклят, если знаю, как теперь называются те острова. Мне тогда тяжело пришлось, даже секстант продал — а вскоре вполне мог сойти и за туземца. Собственно, я и жил как туземец. Меня это вполне устраивало, но однажды я случайно взглянул на себя в зеркало. — Лазарус порывисто вздохнул. — И я сбежал оттуда сломя голову, нанявшись на корабль с грузом сыромятной кожи, — надеюсь, понимаешь, в каком страхе и отчаянии я тогда пребывал! — (Либби промолчал.) — А ты сам на что тратишь время, Либ? — не унимался Лазарус.

— Я? Как обычно. Размышляю о математике. Пытаюсь придумать какой-нибудь хитрый космический движитель вроде того, что доставил нас сюда.

— И как, получается? — внезапно насторожился Лазарус.

— Пока нет. Дай только время... Или просто смотрю, как сливаются в небе облака. Везде, стоит только посмотреть, есть интересные математические взаимоотношения. В ряби на воде, в форме бюстов... изящные функции пятого порядка.

— Гм? В смысле — четвертого?

— Пятого. Ты упустил из виду временную переменную. Мне нравятся уравнения пятого порядка, — мечтательно проговорил Либби. — В строении рыб их тоже можно найти.

— Грррм! — Лазарус внезапно встал. — Может, тебя это и вполне устраивает, но уж точно не по мне.

— Куда ты?

— Пойду прогуляюсь.

Лазарус направился на север. Он шел весь остаток дня; ночью, как обычно, спал на траве, а на рассвете вновь двинулся в путь, все так же на север. День сменился следующим, потом еще одним. Идти было легко, словно на прогулке в парке... по мнению Лазаруса, даже чересчур. Он готов был отдать что угодно и свой нож в придачу, лишь бы увидеть вулкан или по-настоящему достойный водопад.

Съедобные растения порой выглядели странно, но имелись в избытке и вполне утоляли голод. Иногда Лазарус встречал од-

ного или нескольких коротышек, шедших по своим загадочным делам. Они никак его не беспокоили и не спрашивали, куда он идет, — лишь, как обычно, приветствовали его, словно старого знакомого. Он начал тосковать о встрече хоть с одним незнакомцем — ему казалось, будто за ним постоянно наблюдают.

Наконец ночи стали холоднее, дни не столь теплыми, а коротышки — не столь многочисленными. Не встретив в конце концов за целый день ни одного, Лазарус расположился на ночь и, оставшись там же на следующий день, предался размышлениям.

Он вынужден был признать, что не видит ни в планете, ни в ее обитателях ничего предосудительного, и тем не менее она была ему не по вкусу. Никакая философия, о которой он когда-либо слышал или читал, не могла разумно объяснить смысл человеческого существования или рационально обосновать, как следует жить. Возможно, кого-то другого и устроило бы провести жизнь, валяясь на солнышке, — но только не его, о чем он точно знал, хотя и не мог сказать откуда.

Бегство Семейств стало ошибкой. Возможно, с человеческой точки зрения было бы достойнее остаться и сражаться за свои права, даже ценой собственной жизни. Вместо этого они пересекли половину Вселенной (Лазарус весьма беспечно обходился с величинами) в поисках подходящего места. Место нашлось, и неплохое, — но оно оказалось уже занято существами, настолько их превосходившими, что один их вид оказался невыносимым для людей... но при этом настолько от них отличавшимися, что туземцы даже не стали тратить силы, чтобы истребить жалких людишек, а просто вышвырнули их в эту... в эту чересчур ухоженную пастораль.

Даже само по себе это выглядело крайне унижительным. «Новый рубеж», являвшийся высшим достижением пятисотлетних научных исследований, выдающимся творением человечества, попросту перенесли через глубины космоса с той же легкостью, с какой человек сажает в гнездо выпавшего из него птенца.

Коротышки, похоже, не собирались вышвыривать их с планеты, но по-своему оказывали столь же деморализующее влияние на людей, как и боги джокайров. По отдельности они могли быть идиотами, но когда они объединялись в группы, каждая из них являлась гением, по сравнению с которым меркли лучшие

умы человечества, даже Энди. Люди могли сравниться с ними не в большей степени, чем мастерская в сарае с автоматизированной фабрикой. И тем не менее, чтобы создать подобные групповые личности — в возможности чего Лазарус сомневался, — людям наверняка пришлось бы отказаться от всего того, что в первую очередь делало их людьми.

Возможно, он был не вполне объективен в отношении людей — но ведь он и сам принадлежал к их числу.

В течение многих дней он размышлял над мучившими его проблемами, которые омрачали душу ему подобных еще с тех времен, когда первая обезьяна осознала себя как личность, — проблемами, которые не способны были решить ни полный желудок, ни все достижения техники. И как он ни старался, он так и не мог найти окончательного ответа на вопрос, которому посвящали свои духовные изыскания его предки. Зачем живет человек? Какая от того польза? Ответа не было — лишь росла подсознательная уверенность, что для подобного праздного времяпровождения лично он не предназначен и к нему не готов.

Его тревожные раздумья прервало появление одного из коротышек.

«...приветствую, старый друг... твоя жена Кинг желает, чтобы ты вернулся домой... и нуждается в твоём совете...»

— Что случилось? — спросил Лазарус.

Но туземец либо не хотел, либо не мог ему ответить. Подтянув ремень, Лазарус двинулся на юг.

«...идти медленно незачем...» — догнала его мысль.

Лазарус вышел следом за коротышкой на поляну за рощицей деревьев. Там он обнаружил предмет яйцевидной формы длиной футов в шесть, без каких-либо черт, кроме люка сбоку. Туземец вошел в люк, и Лазарус протиснулся за ним. Люк закрылся.

Мгновение спустя он открылся снова, и Лазарус увидел, что они находятся на пляже рядом с человеческим поселением. Он вынужден был признать, что трюк весьма удачный.

Лазарус поспешил к стоявшей на пляже шлюпке, которую капитан Кинг делил с Барстоу, придав ей роль местной штаб-квартиры.

— Посылал за мной, шкипер? Что случилось?

Кинг мрачно посмотрел на него:

— Речь идет о Мэри Сперлинг.

Лазарус почувствовал, как его обдало холодом.

— Умерла?

— Нет... не совсем. Она ушла к коротышкам. «Вышла замуж» за одну из их групп.

— Что?! Но этого не может быть!

Лазарус ошибался. Земляне и туземцы не могли скрещиваться даже теоретически, но ничто не мешало человеку влиться в одну из их групп, объединив свою личность с индивидуальностью остальных.

Мэри Сперлинг, убежденная, что скоро умрет, увидела выход в бессмертии коллективного «я» группы. Оказавшись перед лицом извечной проблемы жизни и смерти, она выбрала не то и не другое, найдя готовую принять ее группу и лишившись собственной индивидуальности.

— Из-за этого возникает множество новых проблем, — закончил Кинг. — Мы со Слейтоном и Заккером решили, что лучше будет позвать тебя.

— Да-да, конечно, — но где Мэри? — Лазарус выбежал из шлюпки, не дожидаясь ответа. Промчавшись через поселение и не обращая внимания на приветствия и попытки его остановить, он наткнулся неподалеку от лагеря на туземца и затормозил. — Где Мэри Сперлинг?

«...я Мэри Сперлинг...»

— Ради всего святого... не может быть!

«...я Мэри Сперлинг, и Мэри Сперлинг — я... ты не узнаешь меня, Лазарус?.. Я тебя знаю...»

— Нет! — замахал руками Лазарус. — Я хочу видеть Мэри Сперлинг, которая выглядит как человек — как я!

Туземец поколебался.

«...тогда иди за мной...»

Лазарус нашел Мэри вдалеке от лагеря — она явно избегала других колонистов.

— Мэри!

«...мне жаль, что ты опечален... — мысленно ответила она. — ...Мэри Сперлинг больше нет... она — часть нас...»

— Да брось, Мэри! Хватит нести чушь! Ты что, меня не узнаешь?

«...конечно, я тебя знаю, Лазарус... это ты меня не знаешь... не омрачай свою душу при виде этого тела перед тобой... я не из тебе подобных... я принадлежу этой планете...»

— Мэри, — настаивал он, — перестань! Вернись!

Она странно человеческим жестом покачала головой, но лицо ее уже превратилось в лишенную каких-либо людских черт маску.

«...это невозможно... Мэри Сперлинг больше нет... с тобой говорит часть неразделимого „я“, а не один из тебе подобных...»

Существо, когда-то бывшее Мэри Сперлинг, повернулось и направилось прочь.

— Мэри! — крикнул Лазарус. Сердце его сжалось, как в ту ночь столетия назад, когда умерла его мать. Закрыв лицо руками, он безудержно разрыдался от горя, словно ребенок.

5

Когда Лазарус вернулся, его ждали Кинг и Барстоу. Кинг посмотрел на его лицо и все понял.

— Я хотел тебе сказать, — серьезно проговорил он, — но ты не стал ждать.

— Ладно, не важно, — резко бросил Лазарус. — И что теперь?

— Лазарус, прежде чем что-то обсуждать, ты должен увидеть кое-что еще, — ответил Заккер Барстоу.

— Хорошо. Что именно?

— Идем, увидишь.

Они повели его в отсек шлюпки, использовавшийся в качестве штаб-квартиры. Вопреки обычаям Семейств, тот был заперт. Кинг отпер замок, и находившаяся внутри женщина, увидев их троих, молча вышла, снова запев за собой дверь.

— Взгляни, — велел Барстоу.

Лазарус увидел в инкубаторе живое существо — явно ребенка, но не похожего ни на одного из человеческих детей.

— Что это за дьявольщина? — гневно спросил он.

— Сам взгляни. Возьми его — ничего с ним не сделается.

Лазарус взял на руки странное существо и посмотрел на него — сперва осторожно, но потом со все большим любопытством. Он понятия не имел, что это такое, но человеком оно точно не было, как и детенышем коротышек. Неужели на этой планете, как и на предыдущей, есть некая раса, о которой никто не подозревал? У младенца отсутствовали даже человеческие нос и уши, хотя в обычных местах располагались соответствующие органы, но углубленные внутрь черепа и защищенные кос-

тистыми гребнями. На руках имелось слишком много пальцев, а также еще по одному дополнительному возле запястья, заканчивавшемуся гроздью розовых отростков.

Нечто странное было и в туловище младенца, но что именно — Лазарус понять не мог. Но два других факта не вызывали сомнений — ноги заканчивались не человеческими ступнями, но роговыми беспальными копытами. К тому же существо являлось гермафродитом — не уродом, но андрогином с вполне развитыми здоровыми половыми органами.

— Что это? — повторил Лазарус, у которого уже зародилось подозрение.

— Это, — ответил Заккер, — Марион Шмидт. Дитя, родившееся три недели назад.

— Гм... в каком смысле?

— В том, что коротышки умеют манипулировать нами не хуже, чем растениями.

— Что? Но они же согласились оставить нас в покое!

— Не торопись их обвинять. Мы сами им это позволили. Изначально речь шла лишь о некоторых усовершенствованиях.

— Усовершенствованиях? Да это же непотребство какое-то!

— И да и нет. У меня самого внутри все переворачивается, стоит мне на нее взглянуть... но на самом деле это своего рода сверхчеловек. Его тело перестроено для большей эффективности, убраны наши бесполезные обезьяньи пережитки, а органы расположены более разумным образом. Вряд ли можно сказать, что это не человек, скорее... усовершенствованная модель. Взять, к примеру, дополнительный отросток на запястье. Это как бы еще одна рука, миниатюрная... с микроскопическим глазом. Стоит тебе привыкнуть, и сам поймешь, насколько это может быть полезно. — Барстоу уставился на младенца. — Но для меня лично это смотрится как какой-то кошмар.

— Это кошмар для кого угодно, — заявил Лазарус. — Может, это и усовершенствованная модель, но будь я проклят, если назову ее человеком.

— В любом случае возникают проблемы.

— Кто бы сомневался! — Лазарус снова взглянул на существо. — Говоришь, в тех ручонках вторая пара глаз? Да этого быть не может!

— Я не биолог, — пожал плечами Барстоу. — Но каждая клетка тела содержит полный набор хромосом. Полагаю, можно

вырастить глаза, или кости, или что-нибудь еще — где угодно, если знать, как манипулировать генами в хромосомах. А они знают.

— Не желаю, чтобы мной манипулировали!

— Я тоже.

Лазарус стоял на берегу, глядя на собравшиеся на пляже Семейства в полном составе.

— Мне... — формально начал он, но лицо его тут же приобрело озадаченное выражение. — Иди-ка сюда, Энди. — Он что-то прошептал Либби, и тот беспомощно прошептал что-то в ответ. Раздраженно вздохнув, Лазарус зашептал снова. Наконец он выпрямился и начал заново: — Мне двести сорок один год... как минимум, — объявил он. — Есть кто-нибудь старше? — Это была лишь пустая формальность — он знал, что старше никого нет, а сам чувствовал себя вдвое старше, чем на самом деле. — Собрание открыто, — продолжал он, и голос его разнесся над пляжем, усиленный громкоговорящими системами с шлюпок. — Кто будет председателем?

— Продолжай сам! — крикнул кто-то из толпы.

— Хорошо, — сказал Лазарус. — Заккер Барстоу!

Техник за спиной Лазаруса навел направленный микрофон на Барстоу.

— Заккер Барстоу, — прогрехотал его голос, — выступаю от своего имени. Некоторые из нас считают, что эта планета, сколь бы привлекательной она ни казалась, — не место для нас. Всем вам известно о случившемся с Мэри Сперлинг, и вы видели стереофото Марион Шмидт; есть и кое-что еще, что я не стану здесь перечислять. Но если мы решим снова эмигрировать, возникает вопрос — куда? Лазарус Лонг предлагает вернуться на Землю. В таком случае...

Его слова заглушил шум толпы.

— Никого не заставляют улетать отсюда силой! — что есть мочи крикнул Лазарус. — Но если желающих наберется достаточно, чтобы имело смысл поднимать корабль, — мы вполне можем лететь. Я за то, чтобы вернуться на Землю. Некоторые предлагают поискать другую планету. Именно это нужно решить. Но прежде всего — кто из вас, как и я, считает, что отсюда нужно убираться?

— Я! — крикнул кто-то, и его возглас эхом подхватили многие другие. Высмотрев первого ответившего, Лазарус обернулся к технику и показал в ту сторону.

— Продолжай, приятель, — велел он. — Остальным замолчать.

— Меня зовут Оливер Шмидт. Я много месяцев ждал, когда кто-нибудь предложит что-то подобное. Мне казалось, я единственный недовольный среди семьян. У меня нет никаких особых причин, чтобы отсюда улететь, — меня не пугает ни случившееся с Мэри Сперлинг, ни Марион Шмидт. Так что если кому тут нравится, то пожалуйста — живи и давай жить другим. Но мне страшно хочется снова увидеть Цинциннатти. Я по горло сыт этой планетой. Я устал питаться цветами лотоса. Черт побери, я сам хочу зарабатывать себе на жизнь! Судя по тому, что говорят генетики Семейств, я могу прожить еще по крайней мере сто лет. Не вижу никакого смысла валяться столько времени на солнышке и предаваться грезам.

Едва он замолчал, слово попытались взять еще по крайней мере тысяча человек.

— Спокойно! Спокойно! — взревел Лазарус. — Если всем хочется выступить, придется решать вопрос через представителей ваших Семейств. Но попробуем еще пару раз. — Он выбрал очередного человека из толпы и дал ему слово.

— Я не стану долго говорить, — сказал тот, — поскольку согласен с Оливером Шмидтом. Хотел бы лишь упомянуть о своей причине. Никто из вас не тоскует по Луне? Дома я любил сидеть теплыми летними ночами на балконе, курить и смотреть на Луну. Я даже не знал, насколько это для меня важно, — и тем не менее. Мне нужна планета со спутником.

Следующий выступающий оказался еще более краток:

— Из-за истории с Мэри Сперлинг у меня случился нервный срыв. Меня мучают кошмары, будто я тоже ушел туда, к ним.

Аргументы следовали один за другим. Кто-то заметил, что их изгнали с Земли, и с чего кто-то взял, будто им позволят вернуться? Лазарус ответил на этот вопрос сам:

— Мы многому научились у джокайров, и намного большему у коротышек — тому, о чем не могли даже мечтать ученые на Земле. Мы вернемся на Землю во всеоружии и сможем отстаивать свои права, а если потребуется, то и сражаться за них.

- Лазарус Лонг... — слышался чей-то голос.
- Да, — сказал Лазарус. — Продолжай.
- Я слишком стар, чтобы прыгать от звезды к звезде, и чересчур стар, чтобы потом еще и сражаться. Что бы вы ни решили — я остаюсь.
- В таком случае, — ответил Лазарус, — тут и обсуждать нечего.
- У меня есть право высказаться.
- Ладно, ты высказался, теперь дай возможность выступить другим.

Солнце зашло, на небе появились звезды, но разговор продолжался. Лазарус понимал, что собрание никогда не завершится, если только он сам не положит ему конец.

— Ладно, — крикнул он, не обращая внимания на множество желающих высказаться. — Возможно, нам стоит передать решение этого вопроса советам Семейств, но давайте все же проведем пробное голосование. Кто хочет вернуться на Землю — перейдите вправо от меня. Кто хочет остаться — перейдите влево. Кто хочет отправиться на другую планету — соберитесь прямо передо мной. — Он отошел назад и сказал звукотехнику: — Включи какую-нибудь музыку, чтобы их поторопить.

Техник кивнул, и над пляжем разлились ностальгические ноты «Печального вальса», за которым последовали «Зеленые холмы Земли», Заккер Барстоу повернулся к Лазарусу:

- Это ты выбрал такую музыку?
- Я? — с невинным видом ответил Лазарус. — Сам знаешь, Зак, — у меня нет слуха.

Но даже под музыку весь процесс голосования занял немало времени. Последние звуки бессмертной Пятой симфонии затихли задолго до того, как все наконец распределились на три группы.

Слева собралось около одной десятой от всех присутствующих — те, кто намеревался остаться. В основном это были уставшие от жизни старики, время которых подходило к концу, а также несколько молодых людей, никогда не видевших Землю, и горстка представителей других возрастов.

Меньше всего оказалась группа в центре — не больше трех сотен, в основном мужчины и несколько молодых женщин, голосовавшие за освоение новых рубежей.

Но основная масса расположилась справа от Лазаруса. Взглянув на них, он увидел новое воодушевление на их лицах,

которое согрело ему душу, ибо он отчаянно боялся, что окажется почти одинок в своем желании вернуться.

Он снова посмотрел на небольшую группу рядом с собой.

— Похоже, вы в явном меньшинстве, — обратился он к ним, не прибегая к помощи звукоусилителя. — Но не переживайте — у вас еще все впереди.

Группа посередине начала медленно распадаться — по одному, по двое, по трое. Лишь немногие присоединились к тем, кто решил остаться; большинство влились в группу справа.

Когда завершился и этот процесс, Лазарус обратился к меньшей группе слева.

— Ладно, — тихо проговорил он. — Можете возвращаться на травку и поспать вволю. А остальные будут решать, что делать дальше.

Затем Лазарус предоставил слово Либби, который объяснил, что путешествие домой не будет столь утомительным, как полет с Земли и даже последовавший за ним второй прыжок. По его словам, это стало заслугой коротышек, помогших ему решить проблему скоростей, казавшихся быстрее света. Если коротышки действительно знали, о чем говорили, — а Либби в этом не сомневался, — то, похоже, не существовало никаких пределов для того, что Либби решил называть «параускорением»: «пара-» потому, что, как и световой движитель Либби, оно воздействовало на массу целиком и воспринималось органами чувств не в большей степени, чем сила тяжести, а также потому, что корабль проходил не «через» обычное пространство, но скорее вокруг него или «рядом».

— Вопрос не столько в управлении кораблем, сколько в выборе подходящего уровня потенциала в эн-мерном гиперпространстве из эн-плюс одного возможных...

— Это твое поприще, сынок, — решительно прервал его Лазарус, — и все тебе верят. В тонкостях нам все равно не разобаться.

— Я только хотел добавить...

— Знаю. Но ты уже ничего вокруг не замечал, когда я тебя остановил.

— Когда мы туда доберемся? — крикнул кто-то из толпы.

— Не знаю, — признался Либби, вспомнив вопрос, который когда-то задала ему Нэнси Уэзерел. — Не могу сказать, какой год это будет... но, скорее всего, недели через три.

Приготовление заняли несколько дней — попросту потому, что для погрузки на борт всех пассажиров потребовалось множество рейсов шлюпок туда и обратно. Обошлось без прощальных церемоний — те, кто оставался, старались избегать тех, кто улетал. Отношения между двумя группами охладились — голосование на пляже проложило трещину между друзьями и даже временными супругами, став причиной множества душевных страданий и неизбывной горечи. Возможно, единственным положительным результатом стало то, что родители мутанта по имени Марион Шмидт решили тоже остаться.

Лазарус командовал последней отлетающей шлюпкой. Незадолго до старта кто-то тронул его за локоть.

— Прошу прощения, — сказал молодой парень. — Меня зовут Хьюберт Джонсон. Я хотел полететь с вами, но мне пришлось остаться с другой группой, чтобы мою мать не хватил удар. Если я явлюсь в последний момент, вы меня возьмете?

Лазарус окинул его взглядом:

— На вид ты достаточно взрослый, чтобы решать самому.

— Вы не поняли. Я единственный ребенок у моей матери, и она с меня глаз не спускает. Мне сейчас нужно поскорее назад, пока она меня не хватилась. Сколько еще...

— Я не стану задерживать шлюпку ради кого бы то ни было. Да и вряд ли ты потом сумеешь вернуться. Так что — давай полезай.

— Но...

— Лезь!

Молодой человек послушался, бросив тревожный взгляд за спину. Да уж, подумал Лазарус, куда лучше, если бы дети рождались из пробирки.

Оказавшись на борту «Нового рубежа», Лазарус явился в рубку к капитану Кингу.

— Все погрузились? — спросил Кинг.

— Угу. Некоторые решились в последнюю минуту, а в последнюю долю секунды прибежала еще одна — женщина по имени Элинон Джонсон. Поехали!

Кинг повернулся к Либби:

— Ну что ж — вперед!

Звезды погасли.

Они летели вслепую, под руководством лишь уникального таланта Либби. Если у него и имелись сомнения, способен ли

он провести корабль сквозь черную бездну иного пространства, он держал их при себе. На двадцать третий день пути по корабельному времени и на одиннадцатый день параторможения звезды появились вновь в виде знакомых очертаний Большой Медведицы, гигантского Ориона, скошенного Южного Креста, сказочных Плеяд; а впереди, сверкая на холодном фоне Млечного Пути, сияла золотистая звезда — Солнце.

У Лазаруса во второй раз за месяц на глазах выступили слезы.

Они не могли просто подлететь к Земле, выйти на орбиту и высадиться — сперва следовало выяснить обстановку и хотя бы узнать, какой сейчас год.

Либби сумел быстро установить по перемещениям ближайших звезд, что сейчас около 3700 года нашей эры, но не позже, — точнее без соответствующих приборов сказать он не мог. Но как только стали видны планеты Солнечной системы, у него появилось другое средство отсчета — планеты, по сути, представляли собой часы с девятью стрелками.

Для любой даты существует уникальная конфигурация «стрелок», поскольку ни для одной планеты период ее обращения несоизмерим в точности с периодом обращения другой. Плутон отмечает космические «часы», каждый из которых равен четверти тысячелетия, Юпитер отсчитывает космические «минуты» продолжительностью двенадцать лет, Меркурий — «секунды» длиной примерно в девяносто дней. Другие «стрелки» позволяют уточнить отсчет — период обращения Нептуна столь сильно отличается от периода Плутона, что их примерно одинаковое расположение повторяется лишь раз в семьсот пятьдесят восемь лет. Показания гигантских часов можно прочесть с любой желаемой точностью, но это не так-то просто.

Либби приступил к расчетам, как только стали различимы планеты.

— Вряд ли нам удастся увидеть Плутон, — пожаловался он Лазарусу, — и насчет Нептуна я тоже сомневаюсь. Внутренние планеты дают бесконечный ряд приближений — а ты не хуже меня знаешь, что само понятие «бесконечности» под вопросом. Вот ведь досада!

— Не ищешь ли ты лишних трудностей, сынок? Ты же вполне можешь получить реальный ответ. Или подвинься, и я получу его сам.

— Естественно, могу, — обиженно заявил Либби, — если он тебя устроит. Но...

— Никаких «но» — говори, какой сейчас год!

— Ну... в общем, так. Время на корабле и на Земле расходилось трижды, но теперь оно снова синхронизировалось, так что с момента нашего отлета прошло чуть больше семидесяти четырех лет.

— Что же ты сразу не сказал? — облегченно выдохнул Лазарус. Он боялся, что Землю, возможно, теперь не узнать... что Нью-Йорк снесли до основания, или что-то в этом роде. — Черт возьми, Энди, не стоило меня так пугать.

— Гм... — пробормотал Либби. Вопрос этот его больше не интересовал — оставалась лишь весьма занимательная проблема, как математически описать два внешне несовместимых набора фактов: эксперименты Майкельсона—Морли и бортовой журнал «Нового рубежа». Он тут же радостно занялся ее решением. Так... какое наименьшее число параизмерений потребуется, чтобы вместить расширенное пространство, исходя из постулатов, которые гласят...

Времени у него это заняло немало — естественно, субъективного.

Корабль вышел на временную орбиту в полумиллиарде миль от Солнца, расположившись перпендикулярно плоскости эклиптики вдали от плоского блина Солнечной системы, что позволяло им оставаться незамеченными. На Землю отправилась группа переговорщиков на шлюпке, оборудованной во время прыжка новым двигателем Либби.

Лазарус хотел полететь с ними, но Кинг ему не позволил, что весьма подпортило Лазарусу настроение.

— Это не диверсионная группа, Лазарус, а дипломатическая миссия, — коротко сказал он.

— Черт побери, я умею быть дипломатом, когда надо!

— Не сомневаюсь. Но мы пошлем того, кто не ходит вооруженным даже в галюн.

Группу возглавил Ральф Шульц, как лучше всего ориентировавшийся в психодинамике, но его сопровождали юристы, военные и технические специалисты. Если Семействам предстояло сражаться за жизненное пространство, требовалось знать, с какими технологиями и оружием они могут столкнуться, но еще важнее было выяснить, можно ли организовать мирную высадку. Старейшины уполномочили Шульца предложить план, по которому Семейства создадут колонию на малонаселенном

и отсталом европейском континенте. Но возможно, кто-то уже мог занять их место, учитывая период радиоактивного полураспада. Вероятно, Шульцу пришлось бы импровизировать, в зависимости от того, что он обнаружит на Земле.

И опять не оставалось ничего, кроме как ждать.

Лазарус грыз ногти от неизвестности. Публично он заявлял, будто научное превосходство Семейств столь велико, что они в состоянии дать отпор любым силам Земли, но в душе он понимал, что это все софистика, — как и любой другой достаточно компетентный, чтобы оценить ситуацию, семьянин. Одних лишь знаний было недостаточно, чтобы выигрывать войны. Невежественные фанатики средневековой Европы покорили несравнимо их превосходившую исламскую культуру; Архимеда убил простой солдат; варвары разграбили Рим. Либби, или кто-то еще, мог с помощью полученных новых знаний создать непобедимое оружие — а может, и нет. И кто знает, насколько далеко шагнуло военное искусство на Земле за три четверти века?

Кинга, профессионального военного, беспокоил тот же самый вопрос, но еще больше его беспокоил личный состав, с которым ему приходилось иметь дело. Семейства были кем угодно, но только не обученными легионами; мысль о том, что, возможно, придется силой превращать этих своснравных индивидуалстов в некоторое подобие дисциплинированной боевой машины, лишала его сна.

Своими сомнениями и опасениями Кинг и Лазарус не делились даже друг с другом — каждый боялся, что одно лишь упоминание о подобном посеет по всему кораблю семена страха. Но в своих тревогах они были не одиноки — половина пассажиров корабля понимала всю шаткость своего положения и молчала лишь потому, что, полные горькой решимости вернуться домой, они были готовы к любым опасностям.

— Шкипер, — сказал Лазарус Кингу через две недели после того, как группа Шульца отправилась на Землю, — ты никогда не задумывался, как там отнесутся к самому появлению «Нового рубежа»?

— Гм? В каком смысле?

— Ну... мы ведь его угнали. Как пираты.

— Будь я проклят, а ведь и правда! — Кинг ошеломленно уставился на него. — Знаешь, это все было так давно, что мне

трудно представить этот корабль не моим, а чьим-то еще... или вспомнить, что впервые я на нем оказался после пиратского захвата. — Он задумчиво посмотрел на Лазаруса и мрачно усмехнулся. — Интересно, какие теперь условия в Ковентри?

— Полагаю, пайку основательно урезали, — ответил Лазарус. — Ничего, вместе справимся. Впрочем, не важно — нас пока что не поймали.

— Как думаешь, Слейтона Форда тоже привлекут? Нелегко ему придется после всего, что он пережил.

— Может, никаких проблем вообще не будет, — рассудительно ответил Лазарус. — Хотя мы и завладели кораблем незаконно, но использовали его для той самой цели, для которой его строили: чтобы исследовать звезды. И мы возвращаем его целым и невредимым задолго до того, как можно было ждать каких-то результатов, даже с новеньким космическим двигателем. Вряд ли они могли ожидать большего за вложенные деньги — так что, возможно, просто посмотрят сквозь пальцы и разрежут в нашу честь упитанного тельца.

— Хотелось бы надеяться, — с сомнением проговорил Кинг.

Разведгруппа вернулась на два дня позже срока. Никакой связи с ними не было, пока они не появились перед самым возвращением в обычном пространстве-времени, поскольку никто еще не придумал, как связываться из парапространства с нормальным пространством. Пока они маневрировали, подлетая к кораблю, на экране в рубке перед Кингом возникло лицо Ральфа Шульца.

— Привет, капитан! Скоро причалим и обо всем доложим.

— Давай вкратце прямо сейчас!

— Не знаю, с чего начать. Но все в порядке — мы можем вернуться домой!

— Гм? Что? Повтори!

— Все в порядке. Ковенант снова действует. Собственно, никакой разницы больше нет. Теперь каждый — член Семейств.

— То есть? — не понял Кинг.

— Они его получили.

— Получили что?

— Секрет долголетия.

— Гм? Не болтай ерунды! Никакого секрета нет. И никогда не было.

— Да, у нас не было — но они думали, что есть. И они его нашли.

— Объясни, — настаивал капитан Кинг.

— Капитан, нельзя ли подождать, пока мы не вернемся на корабль? — возразил Ральф Шульц. — Я не биолог. С нами представитель правительства — можешь расспросить его.

6

Кинг принял представителя Земли в своей каюте, пригласив от Семейств Заккера Барстоу и Джастина Фута, а также доктора Гордона Харди, поскольку ошеломляющая новость в первую очередь касалась его — как биолога. Присутствовали также Либби, как первый помощник капитана, и Слейтон Форд — в силу его уникального положения, хотя он не занимал среди Семейств никакой официальной должности с момента случившегося с ним нервного срыва в храме Крила.

Был там и Лазарус, поскольку так ему хотелось, — как частное лицо. Его не приглашали, но даже капитан Кинг не решался вмешиваться в исключительные права старейшего семьянина.

Ральф Шульц представил собравшимся посла Земли:

— Это капитан Кинг, наш командир, — а это Майлз Родни, представитель Совета Федерации; полагаю, его следует называть чрезвычайным и полномочным послом.

— Вряд ли, — возразил Родни, — хотя с «чрезвычайным» вполне могу согласиться. Ситуация явно беспрецедентная. Рад с вами познакомиться, капитан.

— Приветствую на борту, сэр.

— А это Заккер Барстоу, представитель поверенных Семейств Говарда, и Джастин Фут, секретарь...

— Мое почтение.

— И вам мое почтение, джентльмены.

— ...Эндрю Джексон Либби, главный астронавигатор; доктор Гордон Харди, биолог и руководитель наших исследований в области старения и смерти.

— Буду рад помочь, — формально кивнул Харди.

— Мое почтение, сэр. Значит, вы главный биолог? Когда-то вы могли помочь всему человечеству. Только представьте, сэр, — насколько все было иначе! Но к счастью, человечество

сумело овладеть тайной продления жизни без помощи Семейств Говарда.

— Что вы имеете в виду, сэр? — раздраженно бросил Харди. — Хотите сказать, что все еще питаете иллюзии, будто у нас есть некий чудесный секрет, которым мы можем поделиться, если захотим?

Родни пожал плечами и развел руками:

— Собственно, к чему притворяться? Ваши результаты удалось воспроизвести независимым образом.

— Одну минуту, — вмешался капитан Кинг. — Ральф Шульц, Федерация все еще полагает, будто существует некий секрет нашего долголетия? Вы им не говорили?

Шульц в замешательстве посмотрел на него:

— Гм... да это просто смешно. У нас даже разговора на эту тему толком не было. Они сами добились управляемого долголетия, и мы в этом отношении их больше не интересуем. Да, они до сих пор полагали, будто наше долголетие — результат неких манипуляций, а не наследственности, но я объяснил им их ошибку.

— Вероятно, не в полной мере — судя по тому, что только что сказал Майлз Родни.

— Вероятно. Я особо не старался — все равно что пинать дохлую собаку. Семейства Говарда и их долголетие мало кого теперь интересуют на Земле. Весь интерес со стороны как общества, так и официальных лиц сосредоточен на том, что нам удалось совершить успешный межзвездный прыжок.

— Могу подтвердить, — кивнул Майлз Родни. — Все официальные лица, все службы новостей, все граждане, все ученые в системе с нетерпением ждут прибытия «Нового рубежа». Это величайшая сенсация со времен первого полета на Луну. Вы стали знаменитыми, джентльмены.

Лазарус отвел Заккера Барстоу в сторону и что-то ему прошептал. Барстоу с тревогой взглянул на него, затем задумчиво кивнул.

— Капитан... — обратился Барстоу к Кингу.

— Да, Зак?

— Думаю, нам стоит извиниться перед нашим гостем и выслушать отчет Ральфа Шульца.

— Почему?

Барстоу взглянул на Родни:

— Полагаю, тогда мы лучше будем готовы к дальнейшему обсуждению.

— Вы нас извините, сэр? — повернулся к Родни капитан.

— Не важно, шкипер, — вмешался Лазарус. — Зак дело говорит, но слишком уж вежлив. Мог бы просто попросить товарища Родни погулять, пока мы тут ведем разговоры. Вот что мне скажи, Майлз: какие у тебя есть доказательства, что ты и твои дружки сумели выяснить, как жить так же долго, как и мы?

— Доказательства? — Родни ошеломленно уставился на него. — Почему вы, собственно, спрашиваете... да с кем я вообще говорю? Кто вы такой, сэр?

— Извините, — опередил Лазаруса Ральф Шульц. — Я не успел всех представить. Майлз Родни, это Лазарус Лонг, старейшина.

— Мое почтение. В смысле — старейшина?

— Просто старейшина, и все, — ответил Лазарус. — Я самый старший из семьян. Во всем остальном — просто частное лицо.

— Самый старший из Семейств Говарда? Да вы же... вы же самый старый из всех живущих! Потрясающе!

— Для тебя — может быть, — бросил Лазарус. — Меня это перестало волновать пару сотен лет назад. Так как насчет ответа на мой вопрос?

— И тем не менее я впечатлен. По сравнению с вами я чувствую себя младенцем — а я ведь и сам уже немолод; в июне мне исполнится сто пять.

— Если сможешь доказать, что тебе и впрямь столько, — значит сможешь и ответить на мой вопрос. На вид тебе около сорока. Что скажешь?

— Господи... вряд ли я мог рассчитывать, что меня станут допрашивать на этот счет. Хотите взглянуть на мое удостоверение личности?

— Шутишь? У меня таких удостоверений в свое время было полсотни с лишним, все с поддельной датой рождения. Есть что еще предложить?

— Погоди, Лазарус, — вмешался капитан Кинг. — Что ты хочешь узнать?

Лазарус Лонг отвел взгляд от Родни.

— Тут дело такое, шкипер, — мы сбежали сломя голову из Солнечной системы, потому что остальные решили, будто мы придумали способ жить вечно, и предложили вытянуть этот

секрет у нас силой, даже если бы пришлось всех нас убить. Теперь все хорошо и здорово, — по крайней мере, так они говорят. Забавная только штука — тот парень, которого послали к нам раскурить трубку мира, отчего-то уверен, будто у нас до сих пор есть этот так называемый секрет. Вот мне и стало интересно: допустим, они так и не нашли способ избежать смерти от старости, но до сих пор цепляются за мысль, будто мы его знаем. Может, пока мы ничего не подозреваем, нас просто хотят заманить в ловушку и снова подвергнуть допросам?

— Абсурд! — фыркнул Родни. — Капитан, я не собираюсь больше это выслушивать.

Лазарус холодно уставился на него:

— В первый раз, приятель, тоже казалось, будто это абсурд, — и тем не менее. Обжегшись на молоке, начинаешь дуть на воду.

— Погодите оба, — приказал Кинг. — Ральф, что скажешь? Не может тут быть ловушки?

Шульц напряженно задумался.

— Вряд ли, — наконец ответил он. — Хотя... трудно сказать. Внешность, естественно, ни о чем не говорит — так же как и наших семьян никто не отличит среди толпы обычных людей.

— Но ты же психолог. Если тут есть какой-то обман, наверняка бы ты его почувствовал?

— Может, я и психолог, но не ясновидец и не телепат. Я не ждал обмана. — Он робко улыбнулся. — Есть и еще один фактор. Я настолько обрадовался, что снова оказался дома, что даже не пытался искать какой-то подвох — если он вообще есть.

— То есть ты не уверен?

— Нет. Но мои чувства подсказывают мне, что Майлз Родни говорит правду...

— Так и есть!

— ...и, полагаю, несколько вопросов смогут все прояснить. Он утверждает, будто ему сто пять лет. Мы можем это проверить.

— Понятно, — кивнул Кинг. — Гм... сам будешь задавать вопросы, Ральф?

— Хорошо. Разрешаете, Майлз Родни?

— Пожалуйста, — натянуто ответил тот.

— Когда мы покинули Землю, вам должно было быть около тридцати — поскольку мы отсутствовали почти семьдесят пять лет по земному времени. Вы помните это событие?

— Вполне. В то время я работал клерком в Башне Новака, в Администрации.

Слейтон Форд все это время молчал, никак не привлекая к себе внимания. Услышав ответ Родни, он выпрямился на стуле:

— Погодите, капитан...

— Гм? Да?

— Возможно, с моей помощью получится быстрее. Прошу меня извинить, Ральф. — Он повернулся к представителю Земли. — Кто я такой?

Родни озадаченно уставился на Форда. Удивление на его лице сменилось недоверием, а затем полным замешательством.

— Вы... вы же администратор Форд!

7

— По одному! По одному! — настаивал капитан Кинг. — Не все сразу! Продолжай, Слейтон, — тебе слово. Ты знаешь этого человека?

Форд окинул Родни взглядом.

— Нет... вряд ли.

— Тогда это все-таки обман. — Кинг повернулся к Родни. — Как я понимаю, вы узнали Форда по архивным стереофото?

Родни готов был взорваться:

— Нет! Я узнал его. Он изменился, но я его узнал. Господин администратор, взгляните на меня, прошу вас! Вы меня не помните? Я у вас работал!

— Судя по всему, не помнит, — сухо заметил Кинг.

— Это ничего не доказывает, капитан, — покачал головой Форд. — У меня работало две с лишним тысячи чиновников. Родни вполне мог быть одним из них. Его лицо кажется мне смутно знакомым, но так можно сказать о большинстве лиц.

— Капитан... — заговорил Гордон Харди. — Если позволите мне расспросить Майлза Родни, возможно, я сумею сказать, выяснили ли они что-то новое по поводу причин старения и смерти.

— Я не биолог, — покачал головой Родни. — Так что вы за просто можете меня на чем-нибудь подловить. Капитан Кинг, прошу как можно быстрее организовать мое возвращение на Землю. Я не желаю больше выслушивать ничего подобного. И по-

звольте добавить, что меня нисколько не волнует, вернется ли когда-нибудь к цивилизации ваша веселая компания или нет. Я пришел, чтобы помочь вам, но вы крайне меня разочаровали.

Он встал, но к нему подошел Слейтон Форд:

— Спокойнее, Майлз Родни, прошу вас! Проявите терпение. Поставьте себя на их место. Если бы вам довелось пройти через все то, через что прошли они, вы бы осторожничали не меньше.

Родни колебался.

— Господин администратор, как вы вообще тут оказались?

— Это долгая и запутанная история. Расскажу позже.

— Вы наверняка принадлежите к Семействам Говарда — иначе и быть не может. И да, это объясняет многие странности.

— Нет, Майлз Родни, — покачал головой Форд, — вы ошибаетесь. Я уже сказал — объясню все позже. Говорите, вы у меня работали? Когда?

— С две тысячи сто девятого года и до вашего... гм... исчезновения.

— Чем вы занимались?

— Во время кризиса две тысячи сто тринадцатого я работал помощником координатора в отделе экономической статистики.

— Кто был вашим начальником?

— Лесли Уолдрон.

— Старина Уолдрон? Какого цвета были его волосы?

— Волосы? Да он был лыс как коленка!

— Похоже, я ошибался, Зак, — шепнул Лазарус Заккеру Барстоу.

— Погоди, — прошептал в ответ Барстоу. — Возможно, он тщательно подготовился — они вполне могли знать, что Форд сбежал вместе с нами.

— Что такое «Священная корова»? — продолжал Форд.

— «Священная...» Шеф, откуда вам вообще известно про эту газету?

— Моя служба безопасности даром время не теряла, — сухо заметил Форд. — Я каждую неделю получал экземпляр.

— Так что это все-таки было? — спросил Лазарус.

— Местная газетка с карикатурами и сплетнями, которая передавалась из рук в руки, — ответил Родни.

— Посвященная насмешкам над начальством, — добавил Форд, — особенно надо мной. — Он обнял Родни за плечи. — Друзья, у меня не осталось никаких сомнений. Мы с Майлзом действительно работали вместе.

— И все же мне хотелось бы побольше узнать про новую процедуру омоложения, — чуть позже упрямо сказал доктор Харди.

— Думаю, хотелось бы нам всем, — согласился Кинг, наполняя вином бокал гостя. — Не могли бы вы нам рассказать, сэр?

— Попробую, — ответил Майлз Родни, — хотя мне придется попросить доктора Харди набраться терпения. Это не одна процедура, но несколько — одна основная и несколько десятков дополнительных, некоторые из которых чисто косметические, особенно для женщин. Собственно, основная процедура не является настоящим омоложением. Можно остановить старение, но нельзя его в сколько-нибудь значительной степени обратить — из старика мальчика не сделаешь.

— Да-да, — кивнул Харди. — Естественно. Но в чем суть процедуры?

— В основном она состоит в замене всей крови старика новой, молодой кровью. Как мне говорили, старость — главным образом следствие прогрессирующего накопления отходов метаболизма, отравляющих организм. Предполагается, что кровь вымывает их, но в конце концов она настолько забивается ядами, что очистительный процесс уже не происходит должным образом. Так ведь, доктор Харди?

— Несколько странная формулировка, но...

— Я же говорил — я не биотехнолог.

— ...но по сути верная. Проблема заключается в дефиците диффузионного давления — давление крови на клеточную оболочку должно быть таким, чтобы поддерживать достаточно крутой градиент, иначе начнется прогрессирующая интоксикация отдельных клеток. Но должен сказать, я слегка разочарован, Майлз Родни. Сама идея отсрочить смерть, обеспечив надлежащую очистку организма от продуктов распада, не нова — у меня есть кусочек куриного сердца, который с помощью подобной технологии продолжает жить уже два с половиной столетия. Что касается использования молодой крови — да, это работает. После подобных переливаний мои подопытные животные жили

примерно вдвое дольше обычного срока. — Он вдруг замолчал, и на лице его возникло беспокойство.

— Да, доктор Харди?

Харди прикусил губу:

— В конце концов я забросил это направление исследований. Как выяснилось, для того, чтобы кто-то перестал стареть, требовалось несколько молодых доноров, причем для них процедура влекла за собой пусть и небольшие, но вредные последствия для здоровья. Подобный метод заранее был обречен на провал, поскольку достаточного числа доноров никогда бы не нашлось. Я правильно понимаю, сэр, что данная методика ограничивается небольшой группой избранных?

— Совсе нет! Похоже, я неясно выразился, доктор Харди. Никаких доноров нет.

— Гм?

— Новая кровь, которой хватает для каждого, вырабатывается вне тела — служба здравоохранения и долголетия может обеспечить ею в любом количестве, любой группы.

Харди удивленно уставился на него:

— Подумать только... мы были так близки... — Он помолчал. — Мы пытались выращивать в искусственных условиях тканевую культуру костного мозга. Нам следовало продолжать работу.

— Не расстраивайтесь. Прежде чем были получены скольконибудь значащие результаты, потребовались миллиарды кредитов и труд десятков тысяч специалистов — как мне говорили, даже бóльшие, чем были вложены в атомную энергетику, — улыбнулся Родни. — Все дело в том, что добиться результатов было необходимо с политической точки зрения, — отсюда и столь всесторонние усилия. — Родни повернулся к Форду. — Когда общественность узнала о бегстве Семейств Говарда, шеф, вашего драгоценного преемника пришлось спасать от разъяренных толп.

Харди продолжал расспрашивать о вспомогательных технологиях — выращивании зубов, остановке роста, гормональной терапии и многом другом, — пока Кинг не пришел на помощь Родни, заметив, что главной целью его визита является организация возвращения Семейств на Землю.

— Пожалуй, и впрямь стоит перейти к делу, — кивнул Родни. — Насколько я понимаю, капитан, бóльшая часть ваших людей находится в состоянии криогенного сна?

— Почему бы ему просто не сказать «в анабиозе»? — шепнул Лазарус Либби.

— Да.

— В таком случае вряд ли возникнут сложности с тем, чтобы на какое-то время так их и оставить?

— Гм? А это еще почему, сэр?

Родни развел руками:

— Администрация пребывает в некотором замешательстве. Говоря прямо — просто не хватает места. Сто тысяч перемещенных лиц за одну ночь не примешь.

Кингу снова пришлось призвать всех к порядку, после чего он кивнул Заккеру Барстоу, который обратился к Родни:

— Не понимаю, в чем проблема, сэр. Каково нынешнее население Североамериканского континента?

— Около семисот миллионов.

— И вы не в состоянии найти место для одной семидесятой процента от этого количества? Чушь какая-то.

— Вы не понимаете, сэр, — возразил Родни. — Перенаселение — главная наша проблема. И параллельно с ней — право на неприкосновенность чьего-либо дома или квартиры стало наиболее ревностно охраняемым из всех гражданских прав. Прежде чем мы сумеем найти для вас подходящее жилье, нам придется возделывать участок пустыни или предпринять что-то еще, не менее существенное.

— Понял, — заявил Лазарус. — Политика. Вы никого не решаетесь побеспокоить, опасаясь, что они начнут вопить во все горло.

— Вряд ли это подходящая формулировка.

— А что, не так? Может, у вас еще и всеобщие выборы скоро?

— Собственно, да, но к делу это отношения не имеет.

Лазарус лишь фыркнул в ответ.

— Мне кажется, — заговорил Джастин Фут, — что администрация рассматривает данную проблему весьма поверхностно. Мы вовсе не бездомные иммигранты. Большинство семей владеют собственными домами. Как вам наверняка известно, Семейства вполне состоятельны, даже богаты, и по очевидным причинам мы строили наши дома на века. Уверен, что большая их часть стоит до сих пор.

— Наверняка, — согласился Родни, — вот только они уже заняты.

Джастин Фут пожал плечами.

— А при чем тут мы? Пусть правительство улаживает вопрос с теми, кому позволили незаконно занять наши дома. Что касается меня, я намерен как можно скорее высадиться на Земле, получить в ближайшем суде ордер на выселение незаконных владельцев и вернуть себе свой дом.

— Все не столь просто. Можно приготовить омлет из яиц, но не яйца из омлета. С точки зрения закона вы уже много лет как мертвы, и нынешний жилец вашего дома владеет им по праву.

Вскочив, Джастин Фут яростно уставился на посланника Федерации с видом, как показалось Лазарусу, загнанной в угол мыши.

— Мертв с точки зрения закона? Какого закона, сэр, позвольте вас спросить? Я был уважаемым адвокатом, спокойно и честно выполнял свою работу, никому не причинял зла — и вдруг меня беспричинно арестовывают и вынуждают бежать, спасая свою жизнь! Теперь же мне вежливо заявляют, что мое имущество конфисковано и я лишен всех своих прав человека и гражданина. Разве это справедливо? И вообще, действует ли все еще Ковенант?

— Вы неправильно меня поняли. Я...

— Все я правильно понял. Если справедливость вершится только тогда, когда это удобно, то Ковенант не стоит даже пергамента, на котором он написан. Я намерен создать прецедент, сэр, прецедент для каждого семьянина. Если мне немедленно и в полном объеме не вернут мою собственность, я лично подам в суд на каждого чиновника, пытающегося мне помешать. Я устрою показательный процесс! Много лет я страдал от неудобств, преследований и опасностей, и словами меня не остановишь! Я стану об этом кричать на каждом углу!

Джастин Фут замолчал, переводя дыхание.

— Он прав, Майлз, — тихо заметил Слейтон Форд. — Правительству стоило бы как-то решить этот вопрос, и побыстрее.

Лазарус переглянулся с Либби, и оба неслышно выскользнули за дверь.

— Джастин займет их еще на час, — сказал Лазарус. — Давай прогуляемся до Клуба и перехватим парочку калорий.

— Ты вправду думаешь, что нам стоит уйти?

— Расслабься. Если вдруг понадобится шкиперу — пусть орет во всю глотку.

Лазарус умял три бутерброда, двойную порцию мороженого и несколько печений, в то время как Либби удовлетворился намного меньшим. Лазарус съел бы и больше, если бы ему не пришлось отвечать на шквал вопросов других завсегдатаев Клуба.

— Похоже, кухня так толком и не заработала, — пожаловался он, наливая себе третью чашку кофе. — Слишком уж легкой оказалась жизнь среди коротышек. Энди, любишь чили с мясом?

— Почему бы и нет?

Лазарус утер губы:

— В Тихуане был ресторан, где подавали лучший чили из всех, что я когда-либо пробовал. Интересно, ресторан там еще остался?

— Где это — Тихуана? — спросила Маргарет Уэзерел.

— Ты что, забыла Землю, Пегги? Это в Нижней Калифорнии, дорогуша. Хоть знаешь, где это?

— Думаешь, я изучала географию? В Лос-Анджелесе?

— Почти. Хотя, может, теперь ты и права.

— Главному астронавигатору — немедленно явиться в рубку управления к капитану! — рявкнул голос по системе оповещения.

— Это меня! — Либби поспешно встал.

Вызов повторился, затем последовало очередное объявление:

— Всем приготовиться к старту! Всем приготовиться к старту!

— Ну вот, ребятки, — опять полетели. — Лазарус поднялся, отряхнул килт и последовал за Либби, насвистывая на ходу:

Калифорния, край родной,
Возвращаюсь я снова домой...

Корабль набрал скорость, и звезды исчезли. Капитан Кинг покинул рубку, забрав с собой своего гостя, посланника Земли. Майлз Родни явно находился под немалым впечатлением, и, похоже, ему не мешало чего-нибудь выпить.

Лазарус и Либби остались в рубке. Делать было особо нечего — примерно четыре часа по корабельному времени «Новому рубежу» предстояло оставаться в паракосмосе, до возвращения в обычное пространство в окрестностях Земли.

— Чем собираешься заняться, когда вернешься, Энди? — спросил Лазарус, закуривая сигарету.

- Пока еще не думал.
- Советую начать думать. Кое-что поменялось.
- Сперва, скорее всего, отправлюсь домой. Вряд ли плато Озарк могло сильно измениться.
- Холмы, надо полагать, выглядят так же. А вот люди могли стать и другими.
- В смысле?
- Помнишь, я тебе говорил, что меня начало тошнить от Семейств и я сто лет с ними не общался? Их самодовольство выводило меня из себя. Боюсь, теперь такими стало большинство, раз уж они предполагают жить вечно. Долговременные инвестиции, без калош в дождь не выходить... и все такое прочее.
- Но на тебя же это никак не повлияло?
- У меня иной подход. Для меня никогда не было особых причин существовать вечно, — в конце концов, как верно заметил Гордон Харди, я всего лишь результат плана Говарда в третьем поколении. Я просто жил и не заморачивался. Но это скорее исключение. Взять, к примеру, Майлза Родни — он до смерти напуган, что ему придется иметь дело с новой ситуацией, которая может стать неприятным прецедентом, нарушив установившиеся привилегии.
- Я рад, что Джастин так на него накинулся, — усмехнулся Либби. — Не думал, что Джастину хватит духу.
- Видел когда-нибудь, как маленькая собачка гонит ко всем чертям крупного пса со своего двора?
- Думаешь, у Джастина что-нибудь выйдет?
- Наверняка — с твоей помощью.
- Моей?
- Кому что-то известно про парадвигатель, кроме того, что ты мне объяснял?
- У меня все полностью надиктовано и записано.
- Но ты же не отдал эти записи Майлзу Родни? Земля нуждается в твоём звездном двигателе, Энди. Слышал, что Родни говорил про перенаселение? Как рассказывал Ральф, теперь нужно правительственное разрешение, чтобы завести ребенка.
- Ничего себе!
- Факт. Можешь не сомневаться: если найдутся хоть какие-то приличные планеты, куда можно эмигрировать, эмиграция примет чудовищные масштабы. Тут-то и пригодится твой двигатель. С его помощью человечество вполне сможет распространиться среди звезд. И им придется торговаться.

— Собственно, на самом деле это не мой движитель. Его изобрели коротышки.

— Не скромничай. Он ведь теперь в твоих руках. И ты же хочешь поддержать Джастина?

— Да, конечно.

— Тогда воспользуемся движителем как предметом для торговли. Возможно, торговаться буду я сам, но это сейчас не важно. Кому-то придется заняться разведкой, прежде чем начнется массовая эмиграция. Так что организуем торговлю недвижимостью, Энди. Застолбим этот уголок Галактики и посмотрим, что он может нам предложить.

Либби задумчиво почесал нос:

— Пожалуй, выглядит вполне разумно. Только сперва побываю дома.

— Спешить некуда. Найду симпатичную яхточку тонн этак тысяч на десять, и поставим на нее твой движитель.

— А деньги где возьмем?

— Деньги будут. Создам родительскую компанию, устав которой позволит нам заниматься чем угодно, и дочерние организации для разных целей, которые будут приносить небольшую прибыль. А потом...

— Лазарус, это же все выглядит как работа... Я-то думал, будем развлекаться.

— Ерунда. Найму кого-нибудь, чтобы занимался делами фирмы, вел бухгалтерию и решал юридические вопросы — вроде Джастина. А может, и его самого.

— Что ж, тогда ладно.

— А мы с тобой будем носиться по космосу как сумасшедшие и смотреть, не попадется ли чего интересного. Так что развлечений на нашу долю хватит.

Они долго молчали — в словах не было необходимости.

— Энди... — наконец сказал Лазарус.

— Гм?

— Не хочешь попробовать тот трюк с переливанием новой крови?

— Может, когда-нибудь...

— Я вот думаю: между нами говоря, кулаками я машу уже не столь проворно, как сто лет назад. Может, моя жизнь и впрямь близится к концу. Но я точно знаю — я ни за что не взялся бы

за наше предприятие, если бы не услышал про ту новую процедуру. Передо мной теперь открылась новая перспектива. Я вдруг понял, что думаю о тысячелетиях — хотя раньше меня не волновало будущее дальше недели со следующей среды.

— Похоже, ты взрослеешь, — снова усмехнулся Либби.

— Некоторые сказали бы: давно пора. Seriously, Энди, мне кажется, что так, собственно, оно и есть. Последние два с половиной века я, если можно так выразиться, провел в подростковом возрасте. Несмотря на все прожитые годы, я знаю о самых главных вопросах мироздания не больше, чем Пегги Уэзерел. Людям — землянам — никогда не хватало времени, чтобы найти на них ответы. Возможностей много, вот только времени мало, чтобы ими воспользоваться. Когда дело доходит до главных вопросов, мы не ближе к ответам на них, чем обезьяны.

— И как ты предлагаешь искать ответ на эти самые главные вопросы?

— Откуда мне знать? Спроси снова лет через пятьсот.

— Думаешь, что-то изменится?

— Думаю, да. В любом случае у меня будет время полюбопытствовать насчет кое-каких интересных фактов. Взять, к примеру, тех джокайрских богов...

— Это были не боги, Лазарус. Не стоит их так называть.

— Конечно нет... как мне кажется. На мой взгляд, это существа, у которых имелось достаточно времени, чтобы всерьез поразмышлять. Когда-нибудь, лет этак через тысячу, я войду прямо в храм Крила, посмотрю ему в глаза и скажу: «Здорово, приятель, — что ты знаешь такого, чего не знаю я?»

— Возможно, это плохо кончится.

— В любом случае рано или поздно придется помериться силами. И то, как это закончилось в прошлый раз, мне уж точно не по душе. Во всей Вселенной не должно быть места, куда человек не мог бы сунуть нос, — так уж мы устроены, и, полагаю, для этого есть свои причины.

— А может, и нет никаких причин.

— Да, возможно, все это не более чем чья-то чудовищная шутка, лишённая всякого смысла. — Лазарус встал, потянулся и почесал ребра. — Но могу сказать тебе одно, Энди: каковы бы ни были ответы, перед тобой — обезьяна, которая намерена карабкаться все выше, озираясь вокруг и вглядываясь в даль, пока дерево выдерживает ее вес.

Журналу «Astounding» требовался роман с продолжением для публикации после «Похищенной сони» («The Stolen Dormouse») Л. Спрэга де Кампа, и Хайнлайн собрал воедино несколько сюжетов из своих рукописей: «Тени смерти», научно-фантастической эпопеи о путешествии всех долгоживущих с Земли к звездам, и «Долголетия» — на ту же тему о долгой жизни. Вместе с Кэмпбеллом они обсудили сюжет в общих чертах в ноябре 1940 года. Хайнлайн писал новый роман, «Доколе не пришли тяжелые дни», кусками с середины февраля по середину марта 1941 года, по половине главы зараз, используя редакторские замечания Кэмпбелла для формирования сюжета по мере написания.

Изначальная его концепция представляла собой умозрительное развитие терапии позитивного мышления Эмиля Куэ, популярной в 1920-е годы: «С каждым днем я чувствую себя все лучше и лучше во всех отношениях». В конечном счете подобная жизненная позиция влияла на продолжительность жизни, и люди могли убедить себя, что вместо семидесяти лет проживут двести; если ты полагаешь, что проживешь втрое дольше обычного человека, то так оно и будет.

Джона Кэмпбелла подобный аргумент не впечатлил, и он счел его «подозрительным и дурно пахнущим». Хайнлайн с ним не соглашался, но Кэмпбелл оставался непреклонен, к тому же именно он платил деньги, так что долголетие Семейств Говарда получило сочиненное на ходу генетическое объяснение: Айра Говард, богат, умерший слишком молодым в XIX веке (примерно в 1888 году), завещал свое состояние на исследования долголетия. Распорядители его средств решили применить известные законы селекции Менделя для выведения особой породы людей, предлагая вознаграждение за браки с долгоживущими родственниками. Источником данной идеи, вероятно, было «бэби-дерби Миллара», дурацкое состязание, ставшее международной новостью в Ревущие двадцатые. Чарльз Миллар, богатый канадский юрист и любитель пошутить, завещал свое состояние на проведение эксцентричных конкурсов, в числе прочего приз в полмиллиона долларов (огромная сумма в 1926 году!) женщине из Торонто, которая родит больше всего детей за десять лет. Газеты — даже журнал «Newsweek» — печатали сводки каждую неделю. (В конце концов лучшие производительницы с двенадцатью и десятью детьми оказались дисквалифицированы по формальным поводам и поделили 25 000 долларов в качестве утешительного приза; главный приз в полмиллиона долларов был поделен между четырьмя женщинами, родивши-

ми по девять детей каждая.) Чтобы поместить Семейства Говарда на космический корабль, Хайнлайну требовалось не только принудительное нарушение Ковенанта и преследование семьян ради несуществующего секрета их долголетия, но ему также был нужен харизматический пройдоха, без которого ничего бы не вышло, — и так возник Лазарус Лонг.

К тому времени, когда были закончены «Дети Мафусаила» (название, которое предпочел Кэмпбелл), таблица «Истории будущего», опубликованная в майском выпуске «Astounding» 1941 года, уже успела устареть (хотя изменения не обязательно были заметны в самой таблице). Вместо того чтобы начинаться в 1939 году, теперь она уходила в прошлое вплоть до XIX века и в далекое будущее.

Изменилось также кое-что еще. До этого времени Хайнлайн полагался на обсуждение идей своих рассказов с Леслин, а затем переписывал их, обсуждая изменения и потом их внося. Но работа с Кэмпбеллом практически положила конец близкому сотрудничеству, которое имелось у Хайнлайна с женой. Данные перемены в его рабочем стиле отразились на их супружеских отношениях в последующие годы — они уже не могли больше закончить друг за друга фразу, по крайней мере, если речь шла о писательстве... и писательство начинало доминировать над их совместной жизнью. Леслин Хайнлайн изначально выбрала для себя роль властительницы за тронем, сильной женщины, стоящей за спиной каждого успешного мужчины, — но теперь они перестали быть единой командой, каковой прежде являлись. Леслин начинала чувствовать, что ее игнорируют. И еще больший урон их отношениям нанесли тяготы предстоящих военных лет.

**А тем временем
в другой части космоса...**

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Часть 1 ВСЕЛЕННАЯ

Экспедиция к Проксиме Центавра, спонсированная Фондом Джордана¹ и стартовавшая в 2119 году, была первой документально зафиксированной попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О несчастной судьбе экспедиции мы можем только гадать...

*Цит. по: Франклин Бак.
Романтики современной астрографии,
Люкс транскрипшн лимитэд, 3.50 кр.²*

— Берегись! Мут!

От этого вскрика Хью Хойланд резко, не теряя ни секунды, наклонился.

В переборку над его головой грянула железяка размером с яйцо. Запросто разнесло бы череп.

Инерция движения, сделанного Хойландом, привела к тому, что ноги оторвались от пола. Прежде чем его тело опустилось на палубу, Хью дотянулся ступней до переборки позади себя и оттолкнулся. Длинным, плавным прыжком он пересек проход, держа нож наготове.

Сгруппировавшись в полете, он перевернулся в воздухе, затормозил движение, коснувшись противоположной стены, и медленно опустился на ноги. Отсюда был виден боковой проход, куда скрылся мут. Коридор был пуст. Двое товарищей приблизились к нему, неловко скользя по полу.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

¹ Название Фонда вызывает сразу несколько ассоциаций. Во-первых, оно может быть связано с увековечиванием имени итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), последователя Коперника, впервые высказавшего мысль о множественности обитаемых миров во Вселенной. Во-вторых, как справедливо заметил писатель Андрей Балабуха, именно так звучит по-английски название библейской реки Иордан — последнего рубежа перед входом в Землю обетованную, а ведь создатели Фонда тоже думали о достижении новых рубежей — далеких звезд.

² Кр. — сокращение от кредитов, принятая денежная единица в мире будущего Р. Хайнлайна.

— Да, — ответил Хойланд. — Я его разглядел, когда он прыгал в люк. Похоже, это была самка. И кажется, у нее четыре ноги.

— Две ноги или четыре, все равно уже не поймает, — заметил третий юноша.

— А на кой Хафф его ловить? — возразил Махони. — Я не собираюсь.

— А я собираюсь, — сказал Хойланд. — И Джордан меня поberi, возьми он дюйма на два выше, я был бы уже массой для Конвертера.

— Вы можете хоть два слова связать без ругани? — упрекнул третий. — Слышал бы вас Капитан! — С этими словами он почтительно коснулся лба.

— Ох, ради Джордана, — отрезал Хойланд, — не будь таким занудой, Морт Тайлер! Ты ведь еще не ученый. Думаю, во мне не меньше благочестия, чем в тебе, а дать иногда волю чувствам — это не смертный грех. Так даже ученые поступают. Я слышал.

Тайлер открыл было рот, чтобы возразить, но, очевидно, передумал.

Махони тронул Хойланда за руку.

— Слушай, Хью, — взмолился он, — давай выбираться отсюда. Мы еще никогда так высоко не забирались. Мне тут не по себе — хочу вниз, почувствовать сколько-нибудь веса в ногах.

Хойланд, крепко сжимая нож, с тоской поглядел на люк, в котором скрылся противник, и повернулся к Махони!

— Ладно, малыш. Все равно еще спускаться и спускаться.

Он повернулся и заскользил к люку, через который они попали на этот уровень. Двое остальных следовали за ним. Не обращая внимания на лестницу, он шагнул в проем и стал медленно опускаться на палубу в пятнадцати футах внизу. Тайлер и Махони последовали за ним. Через следующий люк, в нескольких футах от предыдущего, они попали на другую палубу. Вниз, вниз, вниз — они падали все ниже и ниже, через десятки палуб, каждая из которых была тиха, тускло освещена и таинственна. Каждый раз они падали чуть быстрее, приземлялись чуть жестче. Наконец Махони запротестовал:

— Давай пешком пойдем, Хью. От последнего прыжка я ноги отшиб.

— Ладно. Только это будет дольше. Где мы сейчас? Кто-нибудь вел счет?

— До фермы еще около семидесяти палуб, — ответил Тайлер.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Я считал, тупица. А когда мы спустились, я отнимал единицу после каждой палубы.

— Врешь. Никто, кроме ученых, так считать не может. Думаешь, если учишься читать и писать, так уже все знаешь?

Хойланд пресек разгорающуюся ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он и правда умеет. Он у нас головастый в таких вещах. В любом случае осталось палуб семьдесят — видно по тяжести.

— А слабо ему пересчитать лезвия на моем ноже?

— Хватит, я сказал! Дуэли за пределами деревни запрещены. Это Правило.

Дальше они продвигались в молчании, легко сбегаая вниз по лестницам, пока увеличивающийся с каждой палубой вес не заставил их перейти на более степенный шаг. Наконец они достигли уровня, который был ярко освещен и по высоте был вдвое больше остальных. Воздух был влажным и теплым; растительность закрывала обзор.

— Ну вот мы и внизу, — сказал Хью. — Не узнаю эту ферму. Должно быть, мы спустились с другой стороны.

— Вон фермер, — сказал Тайлер. Он вложил мизинцы в рот и свистнул, а потом крикнул: — Эй! Земляк! Где мы?

Крестьянин медленно оглядел их, потом неохотно проце-дил, как дойти до главного прохода, откуда можно добраться до их родной деревни.

Они прошли бодрым шагом полторы мили по широкому туннелю. Дорога была умеренно оживленной — путники, носильщики, иногда ручные тележки. В маленьком портшезе высокомерно раскачивался ученый, несли его четверо рослых прислужников, а впереди шествовал старшина корабельной полиции, разгоняя с дороги простонародье. Через полторы мили дорога привела их к родной деревне — просторному отсеку в три палубы высотой и, пожалуй, вдесятеро шире. Тут их пути разошлись. Хью направился к себе в кадетскую казарму, где обитали неженатые парни, не пожелавшие жить с родителями. Он вымылся и пошел в каюту своего дяди, у которого работал за еду. Тетка покосилась на него в дверях, но промолчала, как и пристало женщине.

— Привет, Хью! — поздоровался дядя. — Все исследуешь?

— Доброй еды, дядя. Исследую.

Дядя, уравновешенный и разумный человек, благодушно любопытствовал:

— Где же ты был? Что нашел?

Тетка молча выскользнула из комнаты и вернулась с ужином, который поставила перед племянником. Хью набросился на еду; ему и в голову не пришло поблагодарить. Он прожевал кусок, прежде чем ответить.

— Высоко. Мы добрались почти до невесомости. Мут мне чуть голову не снес.

Дядя усмехнулся:

— Ты найдешь свою смерть в этих проходах, парень. Лучше бы тебе побольше интересоваться моим делом, пока я не умер и не уступил тебе место.

На лице Хью выразилось упрямство.

— Разве вам самому не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, я порядком успел любопытствовать в молодости. Я прошел весь главный проход туда и обратно. Проходил прямо сквозь Темный Сектор, где муты наступают на пятки! Видишь этот шрам?

Хью кинул рассеянный взгляд. Он видел шрам много раз и наслушался этого рассказа до тошноты. Одна вылазка в глубину Корабля — тьфу! Он хотел побывать всюду, увидеть все и понять сущность вещей. Эти верхние уровни — зачем Джордан создал их, если человеку не дозволено забираться так высоко?!

Однако он оставил свои мысли при себе и продолжил трапезу. Дядя сменил тему.

— Я собираюсь сходить к Свидетелю. Джон Блэк утверждает, что я задолжал ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Ну, нет, наверное... Хотя подождите... Я пойду.

— Тогда поспеши.

У кадетских казарм они задержались, чтобы Хью отпросился.

Свидетель жил в маленькой вонючей каюте, дверь которой выходила в Общий Зал как раз напротив казарм; там его мог видеть всякий, кому понадобится его помощь. Они застали его сидящим в дверях и ковыряющим в зубах пальцем. Ученик Свидетеля, прыщавый подросток с напряженным близоруким взглядом, сидел на корточках позади.

— Доброй еды! — сказал дядя Хью.

— И тебе доброй еды, Эдард Хойланд. Пришел по делу или просто поболтать со стариком?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя Хью и изложил свою проблему.

— Так? — сказал Свидетель. — Что ж — в контракте ясно сказано:

Отдал Эду Черный Джон
Десять бушелей овса.
Ожидал в уплату он
Двух грядущих поросят.
Как дозреют поросята —
Джон свою получит плату.

Подросли свиньи, Эдард Хойланд?

— Порядком, — признал дядя. — Но Блэк требует трех вместо двух.

— Передай ему — пусть чуток остынет. «Свидетель сказал свое слово». — И он засмеялся тоненьким голосом.

Потом они посплетничали пару минут, Эдард Хойланд углубился в рассказ о своих последних делах, желая удовлетворить ненасытную жажду подробностей, которую он знал за стариком. Хью сохранял пристойное молчание, пока старшие разговаривали. Однако, когда дядя собрался уходить, он произнес:

— Я останусь ненадолго, дядя.

— Э? Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдард Хойланд.

— Я принес вам подарок, Свидетель, — сказал Хью, когда дядя отошел за пределы слышимости.

— Дай взглянуть.

Хью вытащил упаковку табака, которую предусмотрительно взял в своем шкафчике в казарме. Свидетель принял ее без благодарности и перебрал ученику, чтобы тот припрятал.

— Зайди, — пригласил Свидетель, потом обратился к ученику: — Эй, ты! Принеси кадету стул. Ну, парень, — продолжил он, когда они уселись, — расскажи мне, чем ты занимаешься.

Хью принялся рассказывать, как можно подробнее описывая приключения последнего похода, а Свидетель, не переставая, ругал его за неспособность запомнить все, что он видел.

— У вас, молодых, нет никаких способностей, — твердил он. — Никаких способностей! Даже этот тупица, — он кивнул в сторону ученика, — даже у него их нет, хоть он и в двадцать раз толковее тебя. Ты не поверишь, он и тысячи строк за день всосать не может, а надеется сесть на мое место, когда меня не ста-

нет. Да когда я был учеником, я эту тысячу строк читал про себя на сон грядущий, как колыбельную. Бурдюки вы дырявые — вот вы кто!..

Хью не спорил со стариком, но все равно пришлось долго ждать пока он выговорится. Наконец тот спросил:

— Так ты хотел задать мне вопрос, парень?

— Вроде того, Свидетель.

— Ну так задавай. Что ты мямлишь?

— Вы когда-нибудь забирались наверх так высоко, где уже нет веса?

— Я? Конечно нет. Я ведь был Свидетелем, учился своему призванию. Нужно было запомнить строки всех Свидетелей до меня, а на мальчишечьи развлечения времени не было.

— Я надеялся, что вы скажете мне, что там может быть...

— А, ну это другое дело. Я никогда туда не забирался, но во мне память стольких верхолазов, сколько ты никогда не видел. Я старый человек. Я знал отца твоего отца, а перед тем его деда. Что ты хочешь знать?

— Ну...

Что же он хочет узнать? Как задать вопрос, который был всего лишь ноющей болью у него в груди? И все же...

— Для чего это все, Свидетель? Зачем все эти уровни над нами?!

— Э? Что это ты?.. Во имя Джордана, сынок, — я Свидетель, а не ученый!

— Ну... я думал, Вы должны знать. Извините.

— А я знаю. Ответ — в Строках из «Начала».

— Я слышал их.

— Послушай еще раз. Все ответы — там, если у тебя хватит мудрости понять их. Помогай мне. Впрочем, нет — дадим возможность моему ученику проявить свои знания. Эй, ты! Строки из «Начала» — и следи за ритмом.

Ученик облизал губы и начал:

Джордан был допрежь начала; до всего
были мысли одинокие его,
И была до человека пустота,
что безжизненна, безвидна и пуста.
Породило одиночество порыв
и стремление, путь решению открыв;
И воздета длань Создателя была,
и Корабль сплотился из Его тепла —

Протяженья добрым полнились жильем,
был хранилищ для зерна велик объем;
Переходы, всходы, двери и чулан —
для покуда не рожденных поселян.
И решил Творец, что мир уже готов
к восприятию венца Его трудов.
Человек замыслен был венцом всего,
но ключа не оказалось от него.
А ведь диким, без бразды и борозды,
он испортил бы Создателя труды.
И Всевышний Уложенья даровал —
хаос в людях ограничил и сковал.
Чтобы каждый, целям маленьким служа,
неустанно и незримо приближал
Воплощение высоких дум Творца,
чтоб порядок снизошел во все сердца.
Джордан создал для работы Экипаж
и ученых — направлять единый План.
А судьбою — так решил Создатель наш —
был поставлен над народом Капитан.
То был золотой век!
Только Джордан в совершенство облачен,
а у прочих совершенства нет ни в чем:
Зависть, жадность и гордыня ищут нас,
чтоб в умах свои посеять семена.
Первым их в себе взрастил зловещий Хафф —
проклят будь, слуга гордыни и греха!
Насадив сомненье ли, безверье ли,
бунт его советы злые разожгли;
Кровь творений Божьих запятнала пол,
Капитан в Полет безвременный ушел,
и пути народа проглотила тьма...

Старик ударил мальчишку по губам тыльной стороной ладони.

— Заново!

— Сначала?

— Нет! С того места, где ты ошибся.

Мальчик замялся, потом исправился:

...Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути народа поглотила тьма...¹

Мальчишечий голос бубнил, стих за стихом, многословную,
но невнятную старую-престарую историю о грехе, бунте и вре-

¹ Перевод Эльвиры Байгильдеевой.

мени тьмы. Как наконец возобладали мудрость и тела главарей смутьянов были отправлены в Конвертер. Как некоторые из смутьянов спаслись от Путешествия и породили первых мутов. Как выбрали нового Капитана после многих молитв и жертвоприношений.

Хью неловко ерзал, переступал ногами. Разумеется, ответы на его вопросы были здесь, ведь это священные строки, но он не мог охватить их разумом. Зачем? Что все это значит? Неужели в жизни нет ничего, кроме еды, сна и, в конце концов, долгого Путешествия? Разве Джордан не хотел, чтобы его поняли? Тогда откуда эта боль в груди? Этот голод, который не проходит даже после доброй еды?..

Когда, поспав, Хью разговлялся, к дверям дядиной каюты подошел ординарец.

— Ученый требует присутствия Хью Хойланда, — вежливо произнес он.

Хью знал, что этим ученым был Лейтенант Нельсон, отвечавший за духовное и физическое благополучие того сектора Корабля, где находилась и родная деревня Хью. Он проглотил остатки завтрака и поспешил за посыльным.

— Кадет Хойланд! — объявили о его прибытии.

Ученый поднял глаза от своего завтрака и сказал:

— Ах да. Заходи, мой мальчик. Садись. Ты уже ел?

Хью признался, что ел, но глаза его с интересом возвращались к странному фрукту на тарелке старшего. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти фиги... Новая мутация — их принесли с дальней стороны. Давай, давай — мужчина в твоём возрасте всегда найдет место для пары лишних кусочков.

Хью застенчиво принял приглашение. Никогда раньше он не ел в присутствии ученого. Старец откинулся на стуле, вытер пальцы о рубашку, расправил бороду и сказал:

— Я не видел тебя в последнее время, сынок. Расскажи мне, чем ты занимался.

Прежде чем Хью успел ответить, он продолжал:

— Нет, не говори мне — я сам скажу. Во-первых, ты ходил в экспедиции, исследовал запретные зоны Корабля. Не так ли?

Он смотрел молодому человеку прямо в глаза. Хью судорожно размышлял, что сказать в ответ.

Но ему снова не дали ответить.

— Ладно, я это знаю, и ты знаешь, что я знаю. Я не слишком сержусь. Но этот факт заставил меня задуматься, что пришло время решать, что ты будешь делать в жизни. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ну... никаких определенных планов, сэр.

— Как насчет той девчонки, Эдрис Бакстер? Собираешься жениться на ней?

— Ну... хм... я не знаю, сэр. Я бы, наверное, хотел, и ее отец, наверное, согласен. Только...

— Только что?

— Ну... он хочет, чтобы я работал на его ферме. Наверное, это хорошая идея. Его ферма плюс дело моего дяди — это было бы порядочное состояние...

— Но ты не уверен, что это хорошая идея?

— Ну... я не знаю.

— Именно. Тебе это не по душе. У меня есть другие планы. Скажи, ты когда-нибудь задумывался, почему я учил тебя читать и писать? Конечно задумывался. Но ты держал это при себе. Это хорошо. Теперь слушай. Я наблюдал за тобой с тех пор, как ты был ребенком. У тебя больше воображения, чем у остальных, больше любопытства, больше энергии. И ты прирожденный лидер. Еще младенцем ты отличался от других. У тебя была слишком крупная голова, и кое-кто на твоём первом осмотре проголосовал за то, чтобы сразу спустить тебя в Конвертер. Но я их отговорил. Я хотел посмотреть, что из тебя выйдет. Крестьянская жизнь не для таких, как ты. Ты должен быть ученым.

Старик замолчал и стал разглядывать его лицо. Хью был так смущен, что потерял дар речи. Нельсон продолжал:

— Да-да, действительно, для человека с твоим темпераментом есть только два выхода: стать одним из блюстителей порядка или отправиться в Конвертер.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Если прямо — то да. Оставлять в Экипаже блестящие умы — значит плодить ересь. Мы не можем пойти на это. Однажды это произошло — и род человеческий оказался на грани уничижения. Ты блеснул исключительными способностями; теперь тебе пристало научиться мыслить правильно, прикоснуться к тайнам, стать охраняющей силой, а не очагом скверны и источником забот.

Вновь появился ординарец, отягощенный поклажей, свалил ее на палубу. Хью взглянул и выпалил:

— Ой!.. Это же мои вещи!

— Конечно, — признал Нельсон. — Я послал за ними. Теперь ты будешь жить здесь. Позже мы начнем заниматься — если ты не передумал.

— Конечно нет, сэр. Думаю, нет. Должен признаться, я немного растерян. Видимо... видно, вы не хотите, чтобы я женился?

— Ах *это*? — безразлично хмыкнул Нельсон. — Женись, если хочешь, теперь ее отец не посмеет возразить. Но помани мое слово, она тебе быстро надоест.

Хью Хойланд жадно пожирал древние книги, которые наставник разрешил ему прочесть, и на многие-многие циклы сна лишился желания слазить наверх, да и вообще выползать из каюты Нельсона. Неоднократно он чувствовал, что напал на след разгадки тайны — тайны пока еще неопределенной, не оформленной даже в виде вопроса, — но только еще больше запутывался. Постичь мудрость ученых оказалось сложнее, чем он думал.

Однажды, когда он размышлял над странными и запутанными характерами древних и пытался разобраться в их причудливой риторике и незнакомой терминологии, Нельсон зашел в тесную квартирку и, отечески положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, сыночек?

— Ну, вполне нормально, сэр, мне кажется, — ответил Хью, откладывая книгу в сторону. — Кое-что мне не совсем понятно — совсем непонятно, честно говоря.

— Этого следовало ожидать, — спокойно произнес старик. — Я оставил тебя для начала побороться самому, чтобы ты увидел ловушки, в которые может попасть неискушенный ум, если не получит поддержки. Многие из этих вещей невозможно понять без обучения. Что это у тебя? — Он поднял книгу и взглянул на обложку. «Основы современной физики». — Вот как? Это одна из самых ценных священных книг, но непосвященному в ней не разобраться без посторонней помощи. Первое, что ты должен понять, мой мальчик, — это то, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, смотрели на мир иначе, чем мы.

Они были неисправимыми романтиками, а не практиками, как мы, и истины, которые они передали нам, хоть и остаются

несомненно верными, часто переданы языком аллегорий. Например, ты дошел до Закона Гравитации?

— Я читал об этом.

— Понял ли ты его? Нет, я вижу, что нет.

— Ну, — сказал Хью, оправдываясь. — Кажется, он не значит *ничего*. И он вообще глупо звучит, если можно так выразиться.

— Вот-вот! Это превосходная иллюстрация к тому, что я сказал. Ты понимал его в буквальном смысле, как законы, управляющие действием электрических аппаратов, которые можно найти в этой же книге. «Два тела притягивают друг друга прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Похоже на формулировку обычного физического закона, не так ли? И все же — ничего подобного; таким поэтическим способом предки выразили влечение, которым движет любовь. Тела здесь — это человеческие существа, масса — это их способность к любви. Молодые в большей мере наделены этой способностью, чем старики; соединяясь, они влюбляются, но, разделенные, быстро остывают. «С глаз долой — из сердца вон». Очень просто. А ты искал здесь какой-то глубокий смысл.

Хью улыбнулся:

— Мне не пришлось это в голову. Теперь я понимаю, мне еще многого не понять без вашей помощи.

— Что-то еще беспокоит тебя?

— О да, множество вещей, хотя сейчас я, наверное, не вспомню всего. Да, вот еще... Скажи, учитель: можно ли мутот считать людьми?

— Вижу, ты наслушался досужих разговоров. Отвечу: и да и нет. Конечно, муты когда-то произошли от людей, но они больше не входят в Экипаж — теперь они не принадлежат к роду человеческому, так как преступили Закон Джордана.

— Это обширная тема, — продолжал он воодушевленно. — Под вопросом даже изначальное значение слова «мут»¹. Несомненно, первыми мутами — раньше говорили «смутами» — были смутьяны, избежавшие смерти в эпоху бунта. В их жилах течет кровь многих смутировавших, рожденных в темные времена. Ты, конечно, знаешь, что тогда еще не было мудрого закона — искать печать греха у каждого новорожденного и воз-

¹ В английском языке «*mut*» является первым слогом и слова «мутант» (*mutant*), и слова «мятежник» (*mutineer*).

вращать в Конвертер любого мутанта. И теперь еще в темных переходах и на пустынных уровнях таится множество странных и ужасных существ.

Хью некоторое время размышлял об этом, потом спросил:

— Почему мутации все еще проявляются среди нас, людей?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще в нас. Время от времени оно прорастает. Искореня чудовищ, мы очищаем род человеческий и тем самым приближаемся к исполнению Плана Джордана, к концу Путешествия, к нашему горному чертогу, Далекому Центавру.

Хойланд снова нахмурился:

— Есть еще кое-что, чего я не понимаю. Многие древние письма говорят о Путешествии как о реальном *движении*, перемещении куда-то, как будто Корабль — это что-то вроде тележки. Как это может быть?

Нельсон заулыбался:

— В самом деле, как? Как может двигаться то, что само есть вместилище всего, что движется? Ответ, конечно, прост. Ты снова спутал аллгорию с обыденным. Разумеется, сущий Корабль недвижим в физическом смысле. Как может перемещаться Вселенная? Тем не менее он движется в *духовном* смысле. С каждым праведным деянием мы приближаемся к завершению Божественного Плана Джордана.

Хью кивнул:

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, Джордан мог бы создать мир в любом ином виде, а не в виде Корабля, если бы это соответствовало его замыслу. В прежние времена, когда человечество было моложе и поэтичнее, святые отцы устраивали целые состязания, измышляя миры, которые мог бы создать Джордан. Одна из школ породила целую мифологию о странном мире, где все вверх дном, — там бесконечные пустые просторы, где блещут булавочными уколами редкие точки света и витают бестелесные мифические монстры. Они называли это миром небесным или небесами, как бы противопоставляя его суровой реальности Корабля. Надо думать, они неустанно пытались мыслью постичь Корабль и измышляли всякие нюансы, пытаясь его осмыслить. Думаю, они трудились к вящей славе Джордана, и кто скажет, как бы Он рассудил их грезы? Но мы живем в иное время, и у нас более серьезные задачи.

Хью не интересовался астрономией. Даже его девственный разум понимал, что это учение чересчур абстрактно и оторвано от жизни. Он обратился к более насущным проблемам:

— Если муты — это семена зла, почему же нам не избавиться от них? Не будет ли это деянием, приближающим исполнение Плана?

Старик помедлил немного, прежде чем ответить.

— Справедливый вопрос и заслуживает прямого ответа. Посуди сам: Корабль может обеспечить лишь ограниченное количество членов Экипажа. Если мы будем неограниченно плодиться, наступит момент, когда на всех не хватит доброй еды. Разве не лучше, если некоторые из нас погибнут в стычках с мутами, нежели станут убивать друг друга из-за пищи?

Пути Джордана неисповедимы. Даже мутам отведено место в Его Плане.

Это звучало разумно... Но зерно сомнения осталось.

Однако, когда Хью был переведен на активную работу в качестве младшего ученого по обслуживанию функций Корабля, он узнал, что есть и другие мнения. По обычаю, некоторое время он обслуживал Конвертер. Работа была необременительной; в основном ему приходилось проверять отходы, доставляемые носильщиками из разных деревень, вести учет их вклада и следить, чтобы металл, годный для переработки, не попадал в бункер первой ступени. Но именно там он познакомился с Биллом Эртцем, помощником Главного Инженера. Он был чуть постарше Хью.

С ним он обсуждал все, что узнал от Нельсона, и был обескуражен позицией Эртца.

— Подумай своей головой, малыш, — говорил Эртц. — Это реальная работа для реальных мужчин. Забудь эту романтическую чепуху. План Джордана! Эта ерунда нужна для того, чтобы держать в узде крестьян, но ты-то на это не покупайся! Никакого Плана нет — есть только наши собственные насущные планы. На Корабле должны быть свет, тепло, энергия для гидропоники и приготовления пищи. Экипаж не может обойтись без этого, поэтому мы — главные в Экипаже. Что же до мягкотелой терпимости к мутам, то скоро ты увидишь кое-какие перемены! Держи язык за зубами и держись нас.

Хью смекнул, что ему следует присмотреться к группе молодых ученых. Они создали свою сплоченную организацию и были практичными, трезвомыслящими людьми, работавшими, как они это понимали, на благо всего Корабля. Сплоченность их держалась на том, что новичок, не разделявший их взглядов, заканчивал плохо. Либо он переставал соответствовать званию и снова мигом оказывался среди крестьян, либо, чаще, с ним происходил несчастный случай и он отправлялся в Конвертер.

И Хойланд начинал понимать, что они правы.

Они реалисты. Корабль есть Корабль. Это факт, не требующий объяснений. Что касается Джордана — кто Его видел, кто с Ним говорил? Что значит Его туманный План? Цель жизни — жизнь. Человек рождается, проживает жизнь, потом отправляется в Конвертер. Это было так просто, и в этом не было никакой загадки, никакого возвышенного Путешествия и никакого Центавра. Эти романтические истории — просто отрывки детства человечества, когда люди еще не приобрели понимания и смелости смотреть в лицо фактам.

Он перестал забивать голову астрономией и мистической физикой и всей остальной мифологией, перед которой его научили преклоняться. Ему по-прежнему нравились строки из «Начала» и все эти старинные рассказы о Земле (кстати, что за «Земля» такая, Хафф бы ее побрал?), но теперь он понимал, что воспринимать их серьезно могут только дети и полные олухи.

К тому же он был очень занят. Молодежь, формально подчиняясь власти старших, лелеяла и собственные планы. На первом месте стояло планомерное уничтожение мутов. Кроме того, хотя их намерения были еще не окончательно определены, они предполагали начать полное использование ресурсов Корабля, включая верхние уровни. Молодые люди могли осуществлять свои планы, не вступая в открытую конфронтацию со старшими, просто потому, что старшим ученым было наплевать на обыденные проблемы Корабля. Нынешний Капитан так растолстел, что редко показывался из своей каюты; его помощник из молодых присматривал за делами вместо него.

Хойланд никогда не видел Главного Инженера, за исключением одной встречи на литургии по освящению Посадочных Модулей.

Проект истребления мутов между тем требовал тщательной разведки верхних уровней, которые проводились на системати-

ческой основе. Однажды во время такой вылазки Хью Хойланд снова угодил в засаду мутов.

Этот мут владел пращей лучше предыдущего. Напарники Хойланда, уступив силе, ретировались, оставив его умирать.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Были времена, когда он играл и в карты, но Джо, правая голова, начал подозревать Джима, левую голову, в шулерстве. Они долго ссорились, а потом бросили это дело, потому что еще в самом начале своего совместного пути поняли, что две головы на одних плечах должны все же как-то уживаться.

Шашки их устраивали. Оба видели доску, что исключало споры.

Громкий металлический стук в дверь каюты прервал игру. Джо-Джим вытащил из ножен свой метательный нож и перехватил его поудобнее.

— Заходи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший спиной вперед вошел в комнату — все знали, что это единственный безопасный способ входить к Джо-Джиму. Вошедший был крепко сбитый и мощный детина, но не более четырех футов ростом. Он нес на плече, придерживая рукой, обмякшее тело.

Джо-Джим вернул нож в ножны.

— Клади его, Бобо, — велел Джим.

— И дверь закрой, — добавил Джо. — Ну, что притащил?

Это оказался молодой человек — похоже, мертвый, хотя ран на нем не было. Бобо погладил его по бедру.

— Съедем? — с надеждой спросил он. Слюна сползла из его приоткрытого рта.

— Возможно, — уклонился Джим. — Ты убил его?

Бобо потряс своей несоразмерно маленькой головой.

— Молодец, Бобо, — одобрил Джо. — Куда ты ему попал?

— Бобо попал ему *туда*. — Микроцефал¹ ткнул безжизненное тело толстым большим пальцем между пупком и грудиной.

— Хороший выстрел, — одобрил Джо. — Не хуже, чем мы могли бы ударить ножом.

— Бобо *хороший* выстрел, — радостно согласился карлик. — Хочешь посмотреть? — Он с готовностью вытащил пращу.

¹ Микроцефалы — люди, отличающиеся ненормально малой величиной черепа и, соответственно, головного мозга.

— Заткнись, — беззлобно сказал Джо. — Нет, мы не хотим смотреть; мы хотим, чтобы он заговорил.

— Бобо исправить, — согласился коротышка и приступил к делу с простодушной жестокостью.

Джо-Джим оттолкнул его и применил другие методы, болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы карлика.

Молодой человек вздрогнул и открыл глаза.

— Съедем? — повторил Бобо.

— Нет, — сказал Джо.

— Когда ты последний раз ел? — спросил Джим.

Бобо затряс головой и стал тереть живот, изображая, что это было очень-очень давно. Джо-Джим подошел к шкафчику и вытащил кусок мяса. Джим понюхал, а Джо сморщил нос и отвернулся. Джо-Джим бросил мясо Бобо, который с восторгом поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо рысью метнулся прочь, закрыв за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленному и слегка пнул его.

— Говори, — сказал Джим. — Кто ты, Хафф тебя раздери?

Молодой человек затрясся, схватился за голову, а потом, казалось, пришел в себя, потому что вскочил на ноги, двигаясь неуклюже из-за малого веса на этом уровне, и потянулся за своим ножом.

Ножа на поясе не было.

Джо-Джим вытащил свой нож и стал поигрывать им.

— Веди себя хорошо, и тебя не тронут. Как тебя зовут?

Молодой человек облизал губы, глаза его обшаривали комнату.

— Говори, — потребовал Джо.

— Чего с ним возиться? — спросил Джим. — Я бы сказал, он только на мясо годен. Лучше позовем Бобо назад.

— Некуда спешить, — ответил Джо. — Я хочу поговорить с этим. Как тебя зовут?

Пленник снова взглянул на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ни о чем не говорит, — заметил Джим. — Кем ты работаешь? Из какой ты деревни? И что ты делал в стране мутов?

Но на этот раз Хойланд упрямо молчал. Даже от укола ножом под ребра он только закусил губу.

— Ерунда все это, — сказал Джо. — Он просто тупой крестянин. Брось его.

— Прикончим?

— Нет. Не сейчас. Пусть посидит взаперти.

Джо-Джим отпер крохотный закуток и, поигрывая ножом, загнал туда Хью. Потом запер дверь и вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

Каюта, где оказался Хью, была погружена в темноту. Мало-помалу он убедился, передвигаясь на ощупь, что, кроме гладких стальных стен и прочной, надежно запертой двери, внутри нет ничего. Тогда он лег на пол и предался бесплодным размышлениям.

Времени для раздумий у него было более чем достаточно; не один раз он погружался в сон и просыпался. Наконец его совсем измучил голод; еще сильнее хотелось пить.

Когда Джо-Джим снова вспомнил о пленнике и открыл дверь темницы, он не сразу увидел Хойланда. Много раз тот планировал, что сделает, когда дверь откроется и у него появится шанс, но, когда это случилось, он был слаб и почти без сознания. Джо-Джим выволок его наружу.

От бесцеремонного обращения Хью немного пришел в чувство. Он сел и огляделся.

— Готов говорить? — спросил Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Ты что, не видишь, что он пересох и не может слова сказать? — бросил Джо близнецу. Потом обратился к Хью: — Пить дадим — говорить будешь?

Хойланд сначала не понял, потом энергично закивал.

Через минуту Джо-Джим вернулся с кружкой воды. Хью жадно напился, помедлил и, похоже, снова потерял сознание.

Джо-Джим отобрал у него кружку.

— Пока достаточно, — сказал Джо. — Расскажи нам о себе.

Хью рассказал все. Во всех подробностях, с небольшими поноуканиями.

Участь раба Хью воспринял без особого сопротивления и душевного волнения. Слово «раб» не входило в его словарный запас, но такое положение было для него обыденным. Всегда были те, кто отдавал приказы, и те, кто их исполнял, — иной ситуации и иного типа социальной организации он не мог себе представить. Такова жизнь.

Хотя, естественно, он думал о побеге.

Но только думал — и это было все, что ему удалось. Джо-Джим догадался о его мыслях и заговорил без обиняков. Начал Джо:

— Парень, не затевай ерунды. Без ножа ты и трех уровней здесь не пройдешь. Даже если сопрешь у меня нож, все равно не доберешься до уровней с большим весом. Кроме того, есть еще Бобо.

Хью чуть помедлил и переспросил:

— Бобо?

Джим ухмыльнулся и ответил:

— Мы сказали Бобо, что он сможет съесть тебя, если ты высунешь голову из каюты без нас. Теперь он спит за дверью и проводит там большую часть времени.

— Это совершенно справедливо, — вставил Джо. — Он был очень разочарован, когда мы решили приберечь тебя.

— Слушай, — предложил Джим, поворачиваясь к брату. — А как насчет поразвлечься? — Он снова посмотрел на Хью. — Умеешь бросать нож?

— Конечно, — ответил Хью.

— Посмотрим. Держи. — Джо-Джим протянул ему их нож. Хью взял, покачал его в руке, проверяя балансировку. — Бросай туда.

На дальней стене комнаты, напротив любимого стула Джо-Джима, висела пластиковая мишень, на которой он оттачивал свое мастерство. Хью прицелился и быстрым, незаметным глазу движением метнул нож. Экономичный бросок из-под руки, большой палец на лезвии, остальные вместе.

Нож закачался почти в центре мишени, в той измочаленной области, которая свидетельствовала о достижениях Джо-Джима.

— Молодец! — одобрил Джо. — Как ты думаешь, Джим?

— Дадим ему нож и посмотрим, как далеко он сможет уйти.

— Нет, — сказал Джо. — Я не согласен.

— Почему?

— Если выиграет Бобо, мы лишимся слуги. Если выиграет Хью, мы лишимся обоих. Это расточительство.

— Ну... Если ты настаиваешь...

— Ага. Хью, принеси нож.

Хью принес. Ему и в голову не пришло направить оружие в сторону Джо-Джима. Хозяин есть хозяин. Слуга не мог на-

пасть на хозяина — и не потому, что это отвратительно с точки зрения морали, сама идея была настолько немыслима, что Хью это даже не пришло в голову.

Хью ожидал, что Джо-Джима впечатлит его ученость. Но вышло по-другому. Джо-Джим, особенно Джим, обожал спорить. Очень скоро они выжали все из Хью и отбросили его за ненадобностью, фигурально выражаясь. Хойланд почувствовал себя униженным. В конце концов, разве он не ученый? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, — сказал Джим. — Читать — это проще просто-го. Я умел читать, когда твой папаша еще не родился. Думаешь, ты первый ученый у нас в услужении? Ученые — ха! Толпа недоумков!

В попытке восстановить свое интеллектуальное достоинство Хью изложил теории молодых ученых, строго следующие фактам, неукоснительно реалистичные, отвергающие любую религиозную интерпретацию и рассматривающие Корабль как он есть. Хью искренне ожидал, что Джо-Джим поддержит такую точку зрения; казалось, это совпадало с его (их?) характером.

Оба расхохотались ему в лицо.

— В самом деле, — допытывался Джим, когда перестал смеяться, — неужели вы, молодые олухи, настолько глупы? Да вы еще хуже, чем ваши старики.

— Но вы же сами говорили, — обиженно запротестовал Хью, — что все общепринятые религиозные представления — это чушь. Так и мои друзья думают. Они хотят выкинуть весь этот старый хлам.

Джо начал отвечать, но Джим перебил:

— Что с ним возиться, Джо? Он безнадежен.

— Вовсе нет. Мне нравится беседовать. Он первый, не знаю уж за сколько времени, с кем я могу поговорить. В общем, я хочу посмотреть, голова у него на плечах или только место, откуда уши растут.

— Ладно, — согласился Джим. — Только давайте потише. Хочу вздремнуть.

Левая голова закрыла глаза и вскоре захрапела. Джо и Хью продолжали беседовать шепотом.

— У вас, молодых, — сказал Джо, — проблема в том, что, когда вы не можете понять что-то с ходу, вы считаете, что этого

просто нет. У стариков — наоборот. Все, чего они не понимают, они истолковывают, а потом считают, что всё поняли. Никто из вас не попытался прочесть простейшие слова так, как они написаны, а потом просто понять их. Но нет, вы все шибко умные: если непонятно сразу, значит тут какой-то другой смысл.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением спросил Хью.

— Ну, к примеру, возьмем Путешествие. Что это значит?

— Ну... По-моему, это ничего не значит. Просто чушь, сказочка для крестьян.

— А каково общепринятое значение?

— Ну... это куда ты попадаешь после смерти... или, скорее, посмертное бытие. Ты совершаешь Путешествие к Центавру.

— А что такое Центавр?

— Это — заметьте, я излагаю догмы, сам я в эту чушь не верю — место в конце Путешествия, где все счастливы и где всегда добрая еда.

Джо расхохотался. Джим перестал храпеть, приоткрыл один глаз, буркнул что-то и снова заснул.

— Вот об этом я и говорю, — прошептал Джо еще тише. — Ты не думаешь своей головой. Тебе никогда не приходило в голову, что Путешествие — это именно то, что написано в древних книгах, что Корабль и весь Экипаж в самом деле движутся куда-то?

Хойланд подумал.

— Это несерьезно. Да и физически невозможно. Корабль не может *двигаться* куда-то. Он *уже* везде. Можно путешествовать по Кораблю, но совершить Путешествие можно лишь в духовном смысле, если там вообще есть какой-то смысл.

Джо воззвал к Джордану.

— Послушай, напряги свою дубовую голову. Вообрази место во много-много раз больше Корабля. Корабль — внутри, и он *движется*. Понял?

Хью попытался. Потом еще попытался. Потом затряс головой.

— Это бессмысленно, — сказал он — Ничто не может быть больше Корабля. Ни для чего другого просто *нет* места.

— Хафф тебя побери! Слушай! Это место — *снаружи* Корабля, понял? За последним уровнем в любом направлении. Там пустота! Просек?

— Но за последним уровнем ничего нет. Поэтому он и «последний».

— Так. Возьми нож и проделай дырку в полу последнего уровня. Что там будет?

— Но это невозможно. Пол-то твердый.

— Но представь, что ты все-таки смог сделать дырочку. Что там будет? Представь себе.

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он вертит дырочку в полу последнего уровня. Как будто пол мягкий... словно сыр.

И перед ним забрезжило понимание каких-то возможностей — возможностей, выворачивающих душу наизнанку. Он будто падал, падал в дыру, которую сделал сам и под которой не было никаких уровней. Он очень быстро открыл глаза.

— Это ужасно! — еле выговорил он. — Я в это не верю.

Джо-Джим поднялся.

— Я *заставлю* тебя в это поверить, — мрачно сказал он, — даже если для этого придется свернуть тебе шею. — Он шагнул к двери в коридор и открыл ее.

— Бобо! — крикнул он. — Бобо!

Джим вздрогнул и поднял голову:

— Что за дела? Что у вас происходит?

— Сводим Хью к невесомости.

— Зачем?

— Чтобы вдолбить немного ума в его тупую башку.

— В другой раз.

— Нет, я хочу прямо сейчас.

— Ладно, ладно. Не трясись. Все равно я уже проснулся.

Джо-Джим Грегори обладал — или обладали — мозгами почти столь же уникальными, как и телом. Он стал бы лидером в любом случае. Среди мутов само собой разумеется, что он имеет право третировать, командовать и заставлять служить себе. Будь у него жажда власти, он вполне мог бы поднять мутов на борьбу и завоевал бы Корабль вместе со всем Экипажем.

Но у него не было таких устремлений. По натуре он был интеллектуалом, сторонним наблюдателем, зрителем. Его интересовали вопросы «как» и «почему», но его воля к действию была направлена только на обеспечение собственного удобства и комфорта.

Если бы он родился двумя нормальными близнецами в Экипаже, то, вероятно, стал бы ученым — самый простой и удобный способ обеспечить себя — и мирно развлекался бы беседами и управленческой деятельностью. Ныне же ему не хватало компаньона для умственных упражнений, и он бездельничал, читая и перечитывая книги, наворованные его приспешниками.

Прочитанное обсуждалось обеими половинами его двойственной личности. Постепенно они выработали достаточно последовательную точку зрения на историю и физический мир — за одним исключением. Они не понимали, что такое художественный вымысел, и принимали за чистую монету романы, попавшие в их руки, — так же как учебники и справочники.

И именно это чтение привело их к полному расхождению во мнениях: Джим считал величайшим из людей Алана Квотермейна¹; Джо отдавал пальму первенства Джону Генри².

Оба они чрезвычайно любили поэзию; Киплинга они могли цитировать страницами, и почти так же им нравился Райслинг³, «слепой певец космических дорог».

Пятясь, вошел Бобо. Джо-Джим ткнул пальцем в Хью.

— Гляди, — сказал Джо, — он выйдет.

— Сейчас? — радостно спросил Бобо, ухмыляясь и пуская слюну.

— Тебе бы только брюхо набить! — ответил Джо, постучав Бобо по макушке. — Нет, ты его не ешь. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Не есть его?

— Нет. Защищай его. Он будет защищать тебя.

— Хорошо. — Он обреченно кивнул своей крошечной головой, признавая неизбежное. — Кровные братья. Бобо знает.

— Хорошо. Теперь пойдем туда-где-все-летают. Ты пойдешь впереди. Охраняй.

¹ Алан Квотермейн — герой Генри Райдера Хаггарда (1856—1925), действующий в ряде романов («Алан Квотермейн», «Копи царя Соломона», «Айша», «Возвращение Айши», «Люди тумана» и др.).

² Джон Генри — герой американского «железнодорожного фольклора», широко распространившегося в эпоху строительства трансконтинентальных железных дорог; был наделен невероятной физической силой и носил прозвище Стальной Человек.

³ См. рассказ Р. Хайнлайна «Зеленые холмы Земли».

Они двинулись. Карлик трусил впереди, высматривая опасность, за ним шел Хью, а Джо-Джим прикрывал тылы, причем Джо смотрел вперед, а Джим назад, повернув голову через плечо.

Они взбирались все выше и выше. С каждым пройденным уровнем вес незаметно уменьшался. Наконец они достигли уровня, дальше которого идти было невозможно: люки кончились. Палуба чуть заметно загибалась вверх, словно намекая, что мир имеет форму гигантского цилиндра. Но над головой, закрывая обзор, простиралась такая же искривленная металлическая поверхность, и неясно было, действительно ли палуба изгибается дальше.

Здесь не было привычных переборок; окружая путников, повсюду ровными рядами от палубы до потолка поднимались опоры, такие огромные и основательные, что создавали впечатление чрезмерной, избыточной силы, удерживающей потолок.

Вес почти не ощущался. Если стоять неподвижно, ничтожный остаток веса заставлял тело чуть заметно дрейфовать вниз, к «полу», однако большой разницы между «низом» и «верхом» здесь не было. Хью это не понравилось; его подташнивало, зато Бобо, казалось, был в восторге и не испытывал никаких затруднений. Он плыл по воздуху, как неуклюжая рыба, отталкиваясь от опор, палубного настила и потолка.

Джо-Джим следовал параллельно общей оси внутреннего и внешнего цилиндров по проходу, образованному опорами. Вдоль прохода располагались поручни, и он передвигался по ним, как паук по паутине. Он набрал приличную скорость, и Хью с трудом поспевал за ним. Мало-помалу освоившись, он стал двигаться длинными скользящими шагами, иногда отталкиваясь рукой или ногой. Он не мог бы сказать, сколько они прошли, — подозревал, что несколько миль, но не был в этом уверен.

В конце прохода они остановились. Путь преграждала сплошная переборка, простирающаяся вправо и влево. Джо-Джим двинулся вдоль нее вправо, что-то высматривая.

Наконец он нашел то, что искал, — закрытую дверь в рост человека. Разглядеть ее можно было только благодаря тоненькой щели по контуру и причудливому геометрическому орнаменту на поверхности. Джо-Джим осмотрел ее и почесал правую голову. Головы немного пошептались, потом Джо-Джим поднял руку.

— Нет! — сказал Джим.

— Как нет? — удивился Джо.

Они снова пошептались, Джо кивнул, и они опять подняли руку.

Он провел рукой вдоль линий рисунка на двери, держа указательный палец дюймах в четырех от поверхности. Движение было незамысловатым, но смысл жеста оставался непонятным. Затем положил ладонь на прилегающую переборку, потом оттолкнулся и замер поодаль.

Через мгновение раздался мягкий, почти неслышный шипящий звук; дверь дрогнула, отошла дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим, казалось, был озадачен. Он осторожно просунул руки в образовавшуюся щель и потянул. Ничего не произошло. Тогда он позвал Бобо:

— Открой.

Бобо, нахмурившись так, что узкий лоб почти весь ушел в морщины, осмотрел дверь. Потом уперся ногами в переборку, ухватившись одной рукой за дверь, чтобы не отлететь в сторону, перехватился, вцепившись обеими руками в край двери, попрочнее расставил ноги, навалился на дверь и напрягся.

Он затаил дыхание, изогнув спину, напружинив грудные мышцы, обливаясь потом. На шее выступили жилы, голова ушла в плечи. Хью слышал, как хрустят его суставы. Он подумал, что карлик может лопнуть от натуги, — отступить у него не хватит мозгов. Однако дверь неожиданно подалась и отлетела вместе с полоской металлического крепления. Она выскользнула из рук Бобо, и сила напружиненных ног отбросила его прочь от переборки. Он пролетел вдоль по проходу, пытаясь ухватиться за поручень. Но уже через минуту он снова оказался у двери, неловко переворачиваясь в воздухе и массируя ушибленную лодыжку.

Джо-Джим вошел внутрь, Хью держался за его спиной.

— Что это за место? — требовательно спросил Хью, у которого любопытство перевесило почтительность к хозяину.

— Главная Рубка, — ответил Джо.

Главная Рубка! Самое священное и запретное место на Корабле! Само ее местоположение было давно забыто. Молодые ученые считали, что такого места вовсе не существует. Старшие расходились во мнениях от фундаменталистской догматики до мистических толкований. Хью считал себя человеком просве-

щенным, но все же название напугало его. Рубка! По слухам, здесь обитает дух самого Джордана...

Он остановился.

Джо-Джим тоже остановился, и Хью отвел глаза.

— Пошли. В чем дело?

— Ну... хм...

— Говори.

— Но... это место... дух Джордана...

— Ну, во имя Джордана! — запротестовал Джо, постепенно раздражаясь. — А мне казалось, ты говорил, что вы, молодые олухи, вообще не верите в Джордана.

— Да, но... но это...

— Хватит. Пошли, а не то я на тебя Бобо напущу.

Он повернулся. Хью неохотно последовал за ним, словно взбирался на эшафот.

Они протиснулись через проход, ширины которого хватало, чтобы идти плечом к плечу. Проход повернул на девяносто градусов по широкой плавной дуге и вывел прямо в Рубку. Хью, исполненный страха и любопытства, выглянул из-за широкого плеча Джо-Джима.

Он увидел хорошо освещенную огромную комнату, добрых двухсот футов в диаметре. Комната-сфера казалась изнанкой гигантского глобуса. Поверхность стен была гладкой и серебристой. В центре сферы Хью увидел скопище приборов, занимающих футов пятнадцать в поперечнике. Для его неопытного взгляда они были совершенно непонятны; он не мог бы даже описать их, однако заметил, что они свободно висят в воздухе, ничем, по-видимому, не поддерживаемые.

От конца прохода к приборам в центре сферы тянулась металлическая решетчатая труба такой же ширины, что и проход. Джо-Джим обернулся к Бобо и велел ему стоять на месте, сам же вошел в трубу.

Вместе с Хью они двигались по трубе, перебирая прутья решетки. Наконец они добрались до приборов. Вблизи детали оборудования стали виднее, но оставались такими же непонятными, и Хью взглянул на внутреннюю поверхность сферы, которая их окружала.

Это оказалось ошибкой. Поверхность была ровной, серебристо-белой и не имела перспективы. Невозможно было понять, находится ли она в сотне футов, в тысяче или за много миль.

Хью никогда не видел высоты больше двух палуб и открытого пространства шире деревни. Его охватила паника, неудержимый страх, тем более что он и сам не понимал, чего боится. Дух давно забытых первобытных предков проснулся в нем, и он замер в древнем примитивном страхе падения.

Он схватился одной рукой за панель управления, другой за Джо-Джима.

Джо-Джим ударил его тыльной стороной ладони по лицу.

— Что с тобой? — прикрикнул Джим.

— Не знаю. — Хью наконец смог отвести взгляд. — Не знаю, но мне здесь *не нравится*. Пойдемте отсюда!

Джим, посмотрев на Джо, выразительно поднял бровь и с отвращением произнес:

— Ну вот и все. Этот слабак никогда не поймет, что ты ему толкуешь.

— Да ладно, все в порядке, — отмахнулся Джо. — Хью, залезай в кресло — вон в то.

Тем временем Хью поглядел на трубу, по которой они добрались до панели управления, и проследил взглядом всю ее длину до самого входа. Сфера вдруг съежилась до своих нормальных размеров, и приступ паники почти прошел. И хотя его все еще трясло, он сумел выполнить приказ.

Центр управления был жесткой конструкцией из кресел, в которых должны были находиться операторы, и контрольной панели, расположенной почти на уровне коленей — так, чтобы она была перед глазами, но не закрывала обзора. Кресла имели высокие подлокотники со встроенными в них органами управления для вахтенных офицеров, но об этом Хью еще не знал.

Он проскользнул под приборной панелью на кресло, удобно откинулся в нем, наслаждаясь его прочностью и неподвижностью. Он устроился полулежа — и ногам, и голове было удобно.

Перед Джо-Джимом на панели что-то происходило; Хью заметил это краем глаза и повернулся посмотреть. В верхней части приборной доски мерцали красные буквы: «2-Й АСТРОНАВИГАТОР ГОТОВ». Что означает «второй астронавигатор»? Хью об этом не имел ни малейшего понятия — и тут он заметил прямо перед собой надпись: «2-Й АСТРОНАВИГАТОР». Хью понял, что речь идет о нем, точнее, о человеке, который должен сидеть на этом месте. Он почувствовал неловкость, словно второй ас-

тронавигатор мог войти и обнаружить, что его место занято, но выбросил эти мысли из головы — это казалось все же маловероятным.

И все же — что такое «второй астронавигатор»?

Буквы на панели Джо-Джима пропали, слева загорелась красная точка. Джо-Джим потрогал что-то правой рукой, панель отозвалась: «УСКОРЕНИЕ — НОЛЬ», «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ». Последние слова моргнули несколько раз и сменились надписью: «НЕ ОТВЕЧАЕТ». Эта надпись тоже исчезла, с правого края появилась зеленая точка.

— Приготовься, — сказал Джо, глядя на Хью. — Сейчас погаснет свет.

— Вы ведь не выключите его? — испугался тот.

— Нет — его выключишь ты. Посмотри там, рядом с твоей левой рукой. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью посмотрел и обнаружил, что в подлокотнике светятся восемь маленьких ярких огоньков, расположенных двумя группами, одна над другой.

— Каждая лампочка управляет освещением в своем квадранте, — объяснил Джо. — Закрой их ладонью — и свет погаснет. Давай попробуй.

С опаской, но сгорая от любопытства, Хью выполнил указание. Он положил на крошечные лампочки ладонь и стал ждать. Серебристая сфера сделалась тускло-свинцовой, потом еще больше потемнела, и они оказались во мраке, нарушаемом лишь слабым мерцанием приборов. Хью ощутил волнение и восторг. Он убрал ладонь; сфера осталась темной, а восемь огоньков засветились голубым.

— А теперь, — проговорил Джо, — я покажу тебе звезды!

В темноте рука Джо-Джима скользнула по другой группе из восьми лампочек.

О, миг сотворения мира!

Со стен стеллариума, точнейшим образом воспроизведенные, светя так же ровно и безмятежно, как их прототипы в черных глубинах космоса, на него смотрели звезды. Как драгоценные самоцветы, разбросанные с небрежной щедростью по искусственному небу, перед ним лежали бесчисленные солнца — перед ним, над ним, под ним, за ним, вокруг него. Он висел в одиночестве посреди звездной Вселенной.

— Ооооооох! — невольно выдохнул он.

Хью так стиснул подлокотники, что чуть не сломал ногти, но не замечал этого. Он больше не боялся; в его душе оставалось место лишь для одного чувства. Жизнь Корабля, суровая и будничная, не оставляла места прекрасному; впервые в жизни он испытал невыносимый экстаз от безупречной красоты. Это потрясло его до боли, словно первый трепет сексуального чувства.

Лишь через некоторое время Хью настолько оправился от шока и последовавшего за ним оцепенения, чтобы заметить сардоническую ухмылку Джима и сухой смешок Джо.

— Хватит? — спросил Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил свет с помощью панели на своем левом подлокотнике.

Хью вздохнул. У него болело в груди, а сердце тяжело стучало. Он вдруг осознал, что все это время не дышал.

— Ну, умник, — спросил Джо, — теперь убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда вновь зажегся свет, он опять почувствовал себя в безопасности, но его охватило ощущение огромной потери. В глубине души он знал, что, раз увидев звезды, больше не сможет быть счастлив. Ему уже не заглушить этой ноющей боли в груди, этой только что зародившейся смутной тоски по утраченному небу и звездам, хотя в простоте своей он еще не мог этого понять.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Оно и было, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. То, о чем я и пытался тебе рассказать.

Хью отчаянно напряг свой невежественный ум, пытаясь осознать увиденное.

— Это и есть «то, что снаружи»? — спросил он. — Все эти прекрасные маленькие огоньки?

— Ну да, — сказал Джо. — Только они не маленькие. Понимаешь, они очень далеко — может, за тысячи миль отсюда.

— Что?

— Да-да, — настаивал Джо. — Там, снаружи, места много. Космос! Он огромен. Да что там, некоторые из этих звезд могут быть размером с Корабль — а то и больше.

Лицо Хью, перекошенное от умственных потуг, представляло собой жалкое зрелище.

— Больше Корабля? — повторил он. — Но... но...

Джим нетерпеливо закивал головой:

— Что я тебе говорил? Теряешь время на этого балбеса. Он не способен...

— Полетче, Джим, — мягко перебил Джо. — Не жди, что он побежит, еще не научившись ползать. У нас это заняло много времени. Я смутно припоминаю, что и ты когда-то не сразу поверил своим глазам.

— Врешь, — заносчиво проговорил Джим. — Это *тебя* нужно было долго уговаривать.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Джо. — Мы оба не сразу поверили.

Хойланд не обратил внимания на перепалку братьев. Обычное дело; он же размышлял о вещах далеко не обычных.

— Джо, — спросил он, — а что случилось с Кораблем, когда мы смотрели на звезды? Мы что, смотрели прямо сквозь него?

— Не совсем, — сказал Джо. — Мы, вообще-то, смотрели не прямо на звезды, а как бы на их изображение. Как будто... Ну, в общем, это делается с помощью зеркал. У меня есть книга об этом.

— Но ты *можешь* увидеть и сами звезды, — встрял Джим, мгновенно забыв о пикировке. — Там впереди есть помещение...

— Ну да, — перебил Джо, — у меня из головы вылетело. Капитанский мостик. Там одна стена стеклянная. Можно просто посмотреть наружу.

— Капитанский мостик? Но...

— Не *этого* Капитана. Этот там никогда не был. Так написано на табличке над дверью.

— А что такое «мостик»?

— Провалиться мне, если я знаю. Просто название такое.

— Вы сводите меня туда?

Джо хотел было согласиться, но вмешался Джим:

— В другой раз. Пошли обратно — я проголодался.

Они снова прошли сквозь трубу, разбудили Бобо и проделали долгий путь назад.

Прошло много времени, прежде чем Хью уговорил Джо-Джима снова взять его на разведку, но это время прошло не зря. Нигде Хью не видел столько книг, как у Джо-Джима. Некоторые из них Хью читал и раньше, но теперь перечитывал с новым пониманием. Он непрерывно читал, его разум впитывал новые

идеи, спотыкался, боролся, пытался понять. Он забывал о сне и пище, и лишь боль в желудке напоминала ему о нуждах тела. Утолив голод, он возвращался к книгам и снова читал, пока голова не начинала раскалываться, а глаза не отказывались видеть.

Служить Джо-Джиму оказалось довольно легко. Хотя он не освобождал Хью от обязанностей, но не возражал против чтения, лишь бы тот находился в пределах слышимости и откликался по первому зову. Обязанности сводились в основном к игре в шашки с одной из голов, когда вторая отказывалась, да и это время было не совсем потеряно, потому что, играя с Джо, частенько удавалось завязать разговор о Корабле, его истории, приборах и оборудовании, людях, которые его построили и управляли им поначалу, — а также их истории, и о Земле, этом невероятном, странном месте, где люди жили не *внутри*, а *снаружи*.

Хью все удивлялся, как они не падали.

Он обсудил это с Джо и в конце концов получил некоторое представление о гравитации. Сердцем он так и не смог этого воспринять — идея оказалась слишком невероятной, но как концепцию смог ее понять и использовать много позже в своих первых попытках приблизиться к науке баллистики и искусству астронавигации и управления космическим кораблем. И это в свое время привело его к проблеме веса на самом Корабле — проблеме, которая никогда раньше не волновала его. То, что чем ниже спускаешься, тем тяжелее становишься, казалось ему настолько естественным, что тут и думать было не о чем. С центробежной силой он был знаком на примере пращи. Но применить это знание ко всему Кораблю, представить, что Корабль вращается, как праша, и тем самым придает предметам вес, — это было слишком сложно. В это он не мог поверить.

Джо-Джим еще раз сводил Хью в Рубку и показал то немногое, что сам знал об управлении Кораблем и астронавигационных приборах.

Давно забытые инженеры, нанятые Фондом Джордана, спроектировали Корабль, который не развалился бы от старости, даже если путешествие продлится дольше запланированных шестидесяти лет. Они сделали свою работу лучше, чем задумывали. Проектируя двигатели главной тяги и вспомогательные механизмы, в основном полностью автоматические, которые обеспечивали работу системы жизнеобеспечения Корабля, разрабатывая панель управления, которая бы позволяла отказаться

от автоматики, инженеры отбросили идею движущихся частей. Все основывалось не на грубых механических движениях, а на чистой энергии, на силе электрических преобразований. Вместо кнопок, рычагов, кулачков и валов органы управления и механизмы, которые ими управлялись, были спроектированы на основе баланса между статическими полями, смещений электронных потоков, цепей, которые прерывались или включались ладонью, перекрывшей луч света.

На этом уровне взаимодействий силы трения, износа и разрушения не играли роли. Даже если бы вся команда погибла во время мятежа, Корабль по-прежнему летел бы сквозь космос — с горящими огнями, с чистым воздухом, с готовыми к работе двигателями. Так и случилось. Хотя вышли из строя лифты и конвейеры, забылись их устройство и назначение, оборудование в основном продолжало обслуживать невежественный Экипаж — либо спокойно дожидалось, пока кто-нибудь сможет его использовать.

В строительство Корабля вложено было немало гениальных идей. Поскольку он был слишком велик для сборки на Земле, его собирали по частям на орбите за Луной. Там он вращался пятнадцать долгих лет, пока не были поставлены и решены все задачи надежности и долговечности оборудования. В процессе возникло и развилось целое направление субмолекулярной технологии.

Именно поэтому, когда Хью возложил свою пытлившую руку на ряд огоньков с надписью: «УСКОРЕНИЕ, ПЛЮС», он получил немедленный ответ. Вспыхнула красная лампочка на верхней панели первого пилота, потом быстро замигала, а на информационной панели зажглась надпись: «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ — НЕТ ВАХТЫ».

— Что это значит? — спросил он Джо-Джима.

— Никто не знает, — ответил Джим.

— Мы проделывали то же самое в комнате управления главными двигателями, — добавил Джо. — Так там высвечивается надпись: «Рубка — нет вахты».

Хью поразмыслил.

— А что произойдет, — продолжал допытываться он, — если на всех постах будут люди, а я закрою эти огни рукой?

— Не знаю, — сказал Джо. — Мы ведь не могли попробовать.

Хью промолчал. Решимость, которая росла в нем, поначалу смутная и неопределенная, теперь превращалась в решение, которое следовало обдумать. Он был занят этим некоторое время.

Чтобы выдвинуть свою идею, Хью дождался, когда обе головы Джо-Джима будут в хорошем настроении. Они были на Капитанском мостике, когда Хью решил, что момент созрел. Джо-Джим разнежился на Капитанском кресле, его брюхо было набито едой, а глаза разглядывали безмятежные звезды сквозь толстое стекло главного иллюминатора. Хью парил в воздухе рядом с ним. Корабль вращался, и звезды описывали в небе величественные окружности.

Наконец Хью произнес:

— Джо-Джим...

— А? Чего тебе, малыш? — откликнулся Джо.

— Очень красиво, правда?

— Что?

— Все это. Звезды... — Хью махнул рукой на вид за иллюминатором, после чего ему пришлось схватиться за кресло, чтобы остановить свое собственное вращение.

— А, ну да. Поднимает настроение. — На удивление, это сказал Джим.

Хью понял, что время пришло. Он выждал еще мгновение, потом сказал:

— А если мы доведем это дело до конца?

Две головы повернулись одновременно.

— Какое дело?

— Путешествие. Запустим главный двигатель... Где-нибудь там, — поспешно продолжал он, боясь, что его перебьют, — есть планеты, похожие на Землю... по крайней мере, так считал Первый Экипаж. Надо найти их.

Джим глянул на него и расхохотался. Джо покачал головой.

— Малыш, — сказал он. — Ты сам не понимаешь, что несешь. Такой же идиот, как Бобо. Нет, с этим покончено. Забудь.

— Почему покончено, Джо?

— Ну, потому что... Это слишком большое дело. Нужен Экипаж, чтобы разобраться во всем, научиться управлять Кораблем.

— Зачем столько народу? Вы показали мне всего десяток мест, где должны находиться люди. Наверное, десятка достаточно, чтобы управлять Кораблем. Если они знают то же, что и вы, — лукаво добавил он.

Джим захихикал:

— Он поймал тебя, Джо. Он прав.

Джо отмел этот аргумент:

— Ты нас переоцениваешь. Может, мы и *могли бы* управлять Кораблем, но куда лететь? Мы не знаем даже, где находимся. Корабль дрейфует — уж не знаю, сколько поколений. Мы не знаем, куда летим и с какой скоростью.

— Но послушай, — взмолился Хью, — есть ведь приборы. Вы же мне их показывали. Разве мы не можем научиться пользоваться ими? Ты же смог бы разобраться в них, Джо, если бы захотел?

— Пожалуй, — согласился Джим.

— Не хвастайся, Джим, — сказал Джо.

— Я не хвастаюсь, — отрезал Джим. — Если они в порядке, я в них разберусь.

Джо фыркнул.

Вопрос повис в неустойчивом равновесии. Хью, как и хотел, добился разногласия между братьями, причем менее сговорчивая голова оказалась на его стороне. Теперь важно закрепить успех.

— У меня есть идея, — сказал он быстро, — где достать тебе людей, Джим, если ты их согласишься обучить.

— Что еще за идея? — подозрительно спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о компании молодых ученых...

— А, эти придурки!

— Да, конечно — они ведь не знают того, что знаете вы. Но они — по-своему — пытаются мыслить разумно. И если бы я спустился и рассказал им, чему тут научился, то у вас появилось бы много людей, с которыми можно будет работать.

Джо перебил:

— Посмотри-ка на нас внимательно, Хью. Что ты видишь?

— Ну... я вижу *вас*... Джо-Джима.

— Ты видишь мута, — поправил Джо с сарказмом в голосе. — Мы — *мутки*. Дошло? Ученые твои не будут с нами работать.

— Нет-нет, — запротестовал Хью, — неправда. Я не о крестьянах толкую. Крестьяне не поймут, но это ведь *ученые*, к тому же самые толковые из всех. Они поймут. От вас всего-то требуется — организовать им безопасный проход через края мутов.

Это вы можете сделать, так ведь? — добавил он, инстинктивно перевода разговор на более твердую почву.

— Да, конечно, — сказал Джим.

— Забудь об этом, — ответил Джо.

— Ну ладно, — согласился Хью, чувствуя, что Джо в самом деле раздражен его настойчивостью. — Но могло бы получиться забавно... — Он отошел от братьев, но недалеко.

Он слышал, что Джо-Джим тихонько продолжает спор, но притворился, что ничего не слышит. У Джо-Джима был существенный недостаток, проистекавший из его двойственной природы: поскольку они были скорее сообществом, чем индивидуумом, из них был никудышный человек действия, ведь каждое решение требовало обсуждения и компромисса.

Вскоре Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, сделаем по-твоему!

Потом он позвал:

— Хью! Иди сюда!

Хью оттолкнулся от ближайшей переборки, подлетел к Джо-Джиму и ухватился за спинку Капитанского кресла.

— Мы решили, — без предисловий сказал Джо, — отпустить тебя обратно в твои края, чтобы ты попробовал пропихнуть свою идею. Но я думаю, что ты спятил, — угрюмо добавил он.

Бобо проводил Хью через все опасные уровни, где обитали муты, и оставил в ненаселенной зоне с нормальной тяжестью.

— Спасибо, Бобо, — сказал на прощание Хью. — Доброй еды.

Карлик ухмыльнулся, кивнул и заспешил обратно, карабкаясь по лестнице, по которой они только что спустились.

Хью повернулся и двинулся вниз, придерживая свой нож. Приятно было снова чувствовать его на поясе. Конечно, это был не его прежний нож. Тот стал трофеем Бобо, когда он поймал Хью, а потом Бобо не смог его вернуть — он остался торчать в убежавшей добыче. Но и этот нож, данный ему взамен Джо-Джимом, был прилично сбалансирован и вообще хорош.

Бобо довел Хью, по его просьбе и по указанию Джо-Джима, до области, находившейся прямо над дополнительным Конвертером, которым пользовались ученые. Он собирался найти Билла Эртца, помощника Главного Инженера и лидера блока мо-

лодых ученых, к тому же ему не хотелось отвечать на лишние вопросы, пока он не нашел Билла.

Хью быстро прошел оставшиеся уровни и оказался в главном переходе, который он сразу узнал. Прекрасно! Поворот налево, еще двести ярдов — и вот он уже возле двери Конвертера. У двери стоял охранник. Хью хотел прошмыгнуть, но был остановлен грозным окриком:

— Куда это ты собрался?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный Инженер? Его здесь нет.

— Он — Главный? А что случилось с прежним? — Хойланд тут же пожалел о сказанном, но было поздно.

— Хм? Прежний? Да ведь он уже давным-давно отбыл в Путешествие. — Стражник посмотрел на него с подозрением. — Что это ты?

— Ничего, — сказал Хью, — просто оговорился.

— Странная оговорка. Главный Инженер, наверное, у себя в кабинете.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

После недолгого ожидания Хойланду разрешили зайти к Эртцу. Тот взглянул на него из-за стола.

— Ну-ну, — сказал он. — Живым вернулся. Вот номер! Знаешь, мы уж тебя списали в Путешествие.

— Догадываюсь.

— Садись, рассказывай. Пару лишних минут я на тебя выкрою. Знаешь, я бы тебя не узнал. Ты сильно изменился — весь седой. Похоже, несладко пришлось?

Седой? Неужели он поседел? Да и Эртц сильно изменился, заметил Хью. Брюшко, морщины. О Джордан! Сколько же прошло времени?

Эртц побарабанил по столу, скривился:

— Твое возвращение создает проблему. Боюсь, что не смогу назначить тебя на прежнюю работу; на этой должности Морт Тайлер. Но мы найдем тебе место по чину.

Хью вспомнил Морта Тайлера без особой симпатии. Выскочка, буквоед... Значит, Тайлер теперь ученый и занял место Хью у Конвертера. Впрочем, не важно.

— Хорошо, — начал он. — Я хотел поговорить с вами о...

— Конечно, встает еще вопрос старшинства, — продолжал Эртц. — Возможно, будет лучше, если эту проблему обсудит Совет. Я не слышал о прецедентах. Несколько ученых пропадали у мутлов раньше, но ты первый на моей памяти, кто остался в живых.

— Это не важно, — перебил Хью. — Есть более насущные вопросы, которые надо обсудить. Там я обнаружил удивительные вещи, Билл, вещи первостепенной важности. Вы обязаны знать об этом. Поэтому я и пришел первым делом к тебе. Послушай, я...

Эртц вдруг насторожился:

— Ну конечно! Как же я не подумал? У тебя ведь была прекрасная возможность исследовать мутлов и их территорию. Ну давай, дружище, докладывай!

Хью облизал губы.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он. — Это намного важнее, чем просто доклад о мутах, хотя это их тоже касается. Фактически нам, возможно, придется изменить всю политику относительно му...

— Ну, давай без предисловий! Я весь внимание.

— Ладно.

Тщательно подбирая слова и стараясь говорить убедительно, Хью рассказал ему о грандиозном открытии относительно истинной природы Корабля. Он слегка коснулся проблем, связанных с необходимостью реорганизации Корабля в соответствии с новой концепцией и сделал упор на престиже и уважении, ожидающих человека, который встанет во главе реформ.

Он говорил — и следил за лицом Эртца. Когда тот услышал от Хью, что Корабль действительно движется в огромном внешнем пространстве, лицо Эртца окаменело, и Хью уже ничего не мог по нему прочесть. Лишь когда Хью разлился, что Эртц как раз подходит на роль лидера — ведь он и есть лидер молодых прогрессивных ученых, — в глазах его мелькнул проблеск живого интереса.

Закончив, Хью замолк в ожидании. Эртц помолчал, с досадой постукивая по столу. Наконец он сказал:

— Это очень важно, Хойланд, слишком важно, чтобы решать на ходу. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

— Конечно, — согласился Хью. — Я только хотел добавить, что о безопасном проходе в невесомость я договорился. Могу провести вас. Ты все увидишь своими глазами.

— Несомненно, это лучше всего... — произнес Эртц. — А пока... Ты голоден?

— Нет.

— Тогда отдыхай. Можешь пользоваться каютой позади моего кабинета. Я не хочу, чтобы ты обсуждал это с кем-либо, пока я все не обдумаю; это может вызвать ненужные волнения, если выйдет наружу без должной подготовки.

— Да, ты прав.

— Очень хорошо, тогда... — Эртц провел его в комнату за кабинетом, используемую как жилая. — Отдохни хорошенько, а позже поговорим.

— Спасибо, — поблагодарил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Когда Хью остался один, его радость постепенно увяла, и он понял, что сильно устал и хочет спать. Он вытянулся на встра-
енной койке и заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что единственная дверь запер-
та снаружи. Хуже того, исчез его нож.

Он прождал неопределенно долгое время, прежде чем услы-
шал шум за дверью. Дверь открылась; вошли двое крепких,
угрюмых детей.

— Пошли, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом, заметив, что ни у того ни у другого
нет ножа. Значит, нечего выхватить у них из-за пояса. С другой
стороны, больше шансов отбиться от безоружных.

Однако рядом, во внешней комнате, маячили еще двое гро-
мил, вооруженных ножами. Один поигрывал ножом, готовый
его метнуть, второй держал за рукоять, приготовившись нанес-
ти удар с близкого расстояния.

Хью был в западне и знал об этом. Они упредили все его воз-
можные ходы.

Давным-давно он научился смиряться перед неизбежностью.
Он сжал зубы и спокойно вышел. Через дверь он заметил Эртца,
который явно командовал четырьмя мужчинами. Хью загово-
рил с ним, тщательно следя за тем, чтобы голос оставался спо-
койным.

— Привет, Билл. Хорошенькие меры предосторожности. Что
стряслось?

Эртц, замявшись с ответом, все же сказал:

— Ты предстанешь перед Капитаном.

— Прекрасно! — ответил Хью. — Спасибо, Билл. Только почему ты думаешь, что с этой идеей стоит соваться сразу к Капитану? Может, сперва как следует обсудим с остальными?

Эртц был раздражен его очевидной тупостью и не скрывал этого.

— Ты не понял, — проворчал он. — Ты идешь к Капитану, чтобы предстать перед судом — за ересь!

Хью сделал вид, что такая мысль ему и в голову не приходила. Потом спокойно ответил:

— Вы спустились не по тому проходу, Билл. Возможно, суд и обвинение — это наилучшее решение проблемы, только я не крестьянин, чтобы меня тащить к Капитану. Меня должен судить Совет. Ведь я ученый.

— До сих пор? — вкрадчиво спросил Эртц. — Я посоветовался по этому поводу. Ты уже вычеркнут из списков. Что ты сейчас есть — это решит Капитан.

Хью остался невозмутим. В этой ситуации все было против него, и не было смысла препираться с Эртцем. Эртц подал знак; невооруженные конвоиры схватили Хью за руки. Он безропотно пошел за ними.

Хью смотрел на Капитана с новым интересом. Старик не сильно изменился — может, еще чуть потолстел.

Капитан, кряхтя, опустился в кресло, потом взял лежащие перед ним листки.

— Что это? — раздраженно начал он. — Я ничего не понимаю.

Обвинение против Хью собирался изложить Морт Тайлер, обстоятельство, которое Хью не мог предвидеть и которое не добавило ему хорошего настроения. Он мысленно прошелся по воспоминаниям детства, чтобы найти какие-нибудь зацепки для завоевания его симпатии, но не вспомнил ничего. Тайлер откашлялся и ответил:

— Это дело Хью Хойланда, Капитан, бывшего молодого ученого...

— А, ученого? Так это же дело Совета?

— Но он уже не ученый, Капитан. Он перекинулся к мутам. Теперь он вернулся, проповедуя ересь и желая подорвать ваш авторитет.

Капитан взглянул на Хью с явной враждебностью человека, ревниво относящегося к своим прерогативам.

— В самом деле? — проревел он. — А сам ты что скажешь про себя?

— Это не так, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я сказал, лишь подтверждает абсолютную истинность древнего учения. Я не оспаривал законы, по которым мы живем; я лишь нашел им более веские подтверждения. Я...

— Я все-таки не понимаю, — прервал Капитан, тряся головой. — Ты обвиняешься в ереси, но утверждаешь, что веришь в учение. Если ты невиновен, то почему ты здесь?

— Возможно, я могу прояснить дело, — встрял Эртц. — Хойланд...

— Да, надеюсь, что сможешь, — продолжил Капитан. — Давай послушаем.

Эртц излагал довольно правильную, хотя и несколько произвольно сокращенную версию возвращения Хойланда и его странного рассказа. Капитан слушал с выражением, меняющим от озадаченности до раздражения.

Когда Эртц закончил, Капитан повернулся к Хью.

— Хм! — произнес он.

Хью немедленно заговорил:

— Все, что я утверждаю, Капитан, — что наверху есть место, где нет никакого веса, где воочию можно *узреть* истинность нашей веры и убедиться, что Корабль движется, увидеть План Джордана в действии. Это не отрицание веры, это подтверждение ее. Нет необходимости верить мне на слово. Сам Джордан засвидетельствует мои слова.

Видя, что Капитан колеблется, вмешался Тайлер:

— Капитан, существует возможное объяснение этой невероятной ситуации, и я считаю себя обязанным довести его до вашего сведения. Вкратце — есть две очевидные интерпретации смехотворной истории, сочиненной Хойландом. Во-первых, возможно, он просто виновен в неслыханной ереси, а во-вторых, он, возможно, скрытый мут и лелеет план предать вас в их лапы. Однако существует и третье, более милосердное толкование, и я лично считаю, что именно оно вернее всего.

Существуют записи о том, что Хойланда всерьез собирались отправить в Конвертер во время послеродового освидетельствования. Отклонения от нормы были незначительны — слишком

большая голова, и его оставили. Я думаю, что зверства, которым подвергали его муты, окончательно повредили его неустойчивый разум. Бедняга просто не отвечает за свои действия.

Хью взглянул на Тайлера с неким уважением. Тот снял с него все обвинения — и гарантированно отправил в Путешествие. Это надо уметь!

Капитан махнул рукой:

— Давайте заканчивать, — потом произнес, повернувшись к Эртцу: — Есть предложения?

— Да, Капитан. Конвертер.

— Что ж, очень хорошо. Но, Эртц, я в толк не возьму, — добавил он раздраженно, — зачем меня побеспокоили с этой ерундой. По-моему, ты и без моей помощи в состоянии навести у себя порядок.

— Да, Капитан.

Капитан, поднимаясь, отодвинулся от стола:

— Рекомендация подтверждается. Разойтись.

От бессмысленной несправедливости Хью окатило яростью. Они и не подумали взглянуть на единственное свидетельство его правоты. Он услышал вопль «Подождите!» — и понял, что это его собственный голос. Капитан остановился, глядя на него.

— Подождите минуту, — продолжал Хью. Слова лились сами собой: — Это ничего не решит, какого черта вы уверены, что знаете все ответы, что мудры настолько, что не хотите пойти и взглянуть своими глазами? И все-таки — все-таки — он *движется!*¹

У Хью было время подумать, лежа в комнате, где его оставили дожидаться, пока Конвертеру понадобится энергия. Время подумать, осознать свои ошибки. Ошибка номер один — немедленно рассказать свою историю Эртцу. Нужно было подождать, заново познакомиться с ним и прошупать, а не надеяться на дружбу, которая никогда не была слишком крепкой.

Вторая ошибка — Морт Тайлер. Услышав это имя, нужно было разузнать, какое влияние он имеет на Эртца. Хью же знал его слишком давно, следовало быть осторожнее.

¹ Намек на знаменитую фразу, которую якобы произнес Галилео Галилей (1564—1642) после вынужденного отречения от учения Н. Коперника по приговору суда святой инквизиции в 1633 году: «А все-таки она вертится!»

И вот он осужден — как мутант, а может быть, как еретик. Это все равно. Он поразмыслил, не следовало ли ему попробовать объяснить, как произошли мутанты. Сам он прочел об этом в одной рукописи из библиотеки Джо-Джима. Нет, это бы не помогло. Как рассказать о радиации снаружи, вызывающей рождение мутантов, если слушатели не понимают, что такое снаружи? Нет, он все провалил еще до встречи с Капитаном.

Его самообвинения прервал звук отпираемой двери. Время скудной кормежки еще не наступило; он подумал, что за ним наконец пришли, и вновь пообещал себе, что один в Путешествие не отправится.

Но он ошибся. Раздался голос, исполненный доброты и достоинства:

— Сынок-сынок, как же это случилось?

Это оказался Лейтенант Нельсон, его первый учитель, совсем постаревший и высохший.

Разговор расстроил обоих. Одиноким старик когда-то возлагал большие надежды на своего воспитанника, даже подумывал, что тот может стать Капитаном, хотя никогда не говорил об этом, считая, что не следует захваливать молодых. Когда Хью пропал, сердце старика было разбито.

Теперь Хью вернулся мужчиной, вот только обстоятельства сложились против него, и он приговорен к смерти.

Для Хью встреча тоже была нерадостной. Он по-своему любил старика, хотел порадовать его и получить его одобрение. Но, рассказывая свою историю, видел, что Нельсон не способен воспринимать причины ее иначе, как поразившее Хью расстройство рассудка. Он подозревал, что Нельсон предпочел бы узнать, что он принял легкую смерть в Конвертере, где его атомы расщепились бы до водорода и дали чистую полезную энергию, чем видеть, как он глумится над древним учением.

В этом он был несправедлив к старику; он недооценил милосердие Нельсона, а не его преданность «науке». Однако следует отдать Хью должное: если бы ставки не были так высоки, он, наверное, предпочел бы умереть, чем разбить сердце своего благодетеля, — ведь он был романтиком, способным на дурачьи поступки.

В конце концов визит стал слишком тяжел для них обоих, и старик поднялся.

— Могу я что-то сделать для тебя, сынок? Тебя хорошо кормят?

— Вполне, спасибо, — солгал Хью.
— Тебе что-нибудь нужно?
— Нет... разве что немного табаку. Я так давно его не жевал.
— Об этом я позабочусь. Может, хочешь повидать кого-нибудь?

— Но мне казалось, что ко мне не пускают посетителей — обычных посетителей.

— Верно, но я думаю, что мог бы добиться послабления. Только обещай мне, что не будешь говорить о своей ереси, — с тревогой добавил он.

Хью лихорадочно размышлял. Появился какой-то шанс. Дядя? Нет, они хорошо ладили, но никогда не понимали друг друга — а теперь стали и вовсе чужими. Ему никогда не везло на друзей; Эрти, например, считался его другом, а чем это кончилось! Тут он вспомнил своего деревенского приятеля, Алана Махони, с которым играл еще мальчишкой. Правда, он почти не видел его с тех пор, как стал учеником Нельсона. И все же...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Ну да.

— Я бы хотел увидеться с ним, если он согласится прийти.

Алан пришел, нервный, смущенный, но, очевидно, обрадованный встречей с Хью и сильно расстроенный тем, что Хью приговорили к Путешествию. Хью похлопал его по спине.

— Молодец, — сказал он. — Я был уверен, что ты придешь.

— Конечно, я пришел, как только узнал, — ответил Алан. — Только в деревне никто не знает. Думаю, даже Свидетель не знает.

— Что ж, ты здесь, и это главное. Расскажи, как ты живешь. Женился?

— Хм-хм, нет. Да что обо мне говорить — только время тратить. У меня ничего не происходит. Но как, во имя Джордана, ты попал в такой переплет?

— Я не могу об этом рассказывать, Алан. Я обещал Лейтенанту Нельсону.

— Старина, какие обещания, когда речь идет о голове?!

— А то я не понимаю!..

— Кто-то что-то против тебя имеет?

— Хм... Наш старый приятель Морт Тайлер был не на моей стороне; думаю, это-то я могу сказать.

Алан присвистнул и медленно покачал головой:

- Это многое объясняет.
- Та-ак... Ты что-то знаешь?
- Может — да, а может — и нет. Когда ты пропал, он женился на Эдрис Бакстер.
- Вот оно что... Да, это кое-что проясняет.
- Он помолчал.
- Вдруг Алан сказал:
- Слушай, Хью. Ты ведь не собираешься тут задерживаться, так? Особенно если впутался Тайлер. Нам надо вытащить тебя отсюда.
- Как?
- Не знаю. Может, устроить налет? Думаю, я смогу собрать лихих ребят с ножами...
- И все окажемся в Конвертере. И ты, и я, и твои приятели. Отпадает.
- Но ведь *нужно* что-то делать. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда тебя сожгут.
- Понимаю. — Хью заглянул Алану в глаза. Правильно ли втягивать его в такое?
- Ободренный увиденным, он продолжил:
- Слушай. Ты сделаешь все, чтобы вытащить меня отсюда, так?
- Сам знаешь. — В голосе Алана прозвучала обида.
- Что ж, хорошо. Есть карлик по имени Бобо. Я скажу тебе, как его найти...

Алан карабкался все выше и выше — выше, чем когда-то, еще мальчишкой, безрассудно рискуя, забирался вместе с Хью. Теперь он повзрослел, стал осторожнее; исчез молодой задор. К реальным опасностям, подстерегающим вдали от искоженных маршрутов, примешивался суеверный страх. Однако он двигался вперед.

Должно быть, уже близко — если только не ошибся в счете. Но никаких карликов не видно.

Бобо заметил его первым. Снаряд из пращи попал Алану прямо в солнечное сплетение. Он успел лишь вскрикнуть: «Бобо!»

Пятясь, Бобо вошел в комнату Джо-Джима и свалил свой груз к ногам близнецов.

— Свежее мясо, — гордо произнес он.

— Да-да, — безразлично сказал Джим. — Забери и проваливай.

Карлик поковырял большим пальцем в своем корявом ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает, как зовут Бобо.

Джо поднял глаза от книги. Он читал «Собрание стихов» Браунинга¹ в издании «Л-Пресс» (Нью-Йорк, Лондон, Луна-Сити, 3.50 кр.).

— Интересно. Подожди минутку.

Хью подготовил Алана к шоку от внешности Джо-Джима. Поэтому Алан достаточно быстро собрался с мыслями и смог изложить свою историю. Джо-Джим слушал в основном молча, Бобо — внимательно, но мало что понимая.

Когда Алан закончил, Джим заметил:

— Ну, ты выиграл, Джо. У него не получилось. — Потом, повернувшись к Алану, добавил: — Ты можешь занять место Хойланда. Умеешь играть в шашки?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы что, — сказал он, — ничего не поняли? Разве вы ничего не собираетесь делать?

Джо, кажется, был озадачен:

— Мы? А зачем?

— Но вы *должны*. Как вы не понимаете? Он надеется на вас. Ему больше не от кого ждать помощи. Поэтому я и пришел. Разве не понятно?

— Подожди минутку, — медленно произнес Джим. — Подожди минутку. Не тараторь. Предположим, мы бы хотели помочь ему — а мы не хотим, — как, Джордан побери, мы бы это сделали? Ответь-ка.

— Ну... ну... — Алан даже начал заикаться от такой тупости. — Само собой... собрать отряд, спуститься и отбить его!

— А почему это мы должны погибать в драке, пытаясь спасти твоего приятеля?

Бобо наострил уши.

— Драка? — с надеждой спросил он.

— Нет, Бобо, — покачал головой Джо. — Никакой драки. Просто разговариваем.

— А, — сказал Бобо и снова притих.

Алан взглянул на карлика:

— Если бы вы хоть Бобо отпустили со мной...

¹ Роберт Браунинг (1812–1889) — классик английской литературы, поэт.

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом не может быть и речи. Забудь.

Алан уселся в уголке, в отчаянии обхватив колени. Если бы он мог выбраться отсюда. Он бы все еще мог попытаться собрать какую-нибудь подмогу внизу. Кажется, карлик спит, хотя кто его разберет? Если бы Джо-Джим тоже заснул...

Джо-Джим не выказывал никаких признаков сонливости. Джо пытался продолжать чтение, но Джим то и дело прерывал его. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо повысил голос.

— Значит, для тебя это развлечение? — требовательно спросил он.

— Ну, — сказал Джим, — это лучше, чем шашки.

— Да ну? А если получишь ножом в глаз — что тогда со мной будет?

— Стареешь, Джо. Теряешь кураж.

— Мы одноклассники.

— Да, только я хоть в мыслях молод.

— Уф, меня от тебя тошнит. Делай что хочешь — только меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил, готовый к действию:

— Да, хозяин.

— Иди и приведи Коренастого, Борова и Долгорукого.

Джо-Джим поднялся, подошел к шкафчику и принялся доставать ножи.

В коридоре, ведущем к его застенку, Хью услышал какой-то шум. Может быть, это стража явилась затолкать его в Конвертер? С чего бы им так галдеть? Может, этот шум вообще к нему не относится? А может быть...

Это оно и было! Дверь распахнулась, и влетел оружий Алан, швырнул ему в руки охапку ножей. Хью выскочил за дверь, затолкал ножи за пояс и схватил еще пару.

Снаружи он увидел Джо-Джима. Джо-Джим не обратил на него внимания, он был занят — невозмутимо и методично, словно в собственном кабинете, метал ножи. Бобо закивал головой и широко ухмыльнулся окровавленным рассеченным ртом, не переставая вращать прашу. Из троих оставшихся Хью узнал двоих — из личной банды Джо-Джима. Это были муты только по месту рождения; они не были обезображены уродствами.

Несколько человек неподвижно лежали на полу.

— Пошли! — завопил Алан. — Сейчас сюда еще набегут. — Он рванул направо по проходу.

Джо-Джим поколебался и последовал за ним. Хью наудачу запустил ножом в фигуру, убегающую налево. Мишень была плохая, и у него не было времени посмотреть, попал ли он в цель. Они пробирались по проходу, Бобо позади всех, будто не желая покидать место развлечения. Наконец они достигли пересечения главного прохода с боковым.

Алан снова повел их направо.

— Впереди лестница! — крикнул он.

До лестницы они не добрались. Перед ними, ярдов за десять до лестницы, упала шлюзовая дверь, которая сроду раньше не закрывалась. Головорезы Джо-Джима остановились и с сомнением посмотрели на хозяина. Бобо обломал свои толстые ногти, пытаясь открыть дверь.

За их спинами, уже совсем близко, топотала погоня.

— Западня, — мягко произнес Джо. — Надеюсь, Джим, теперь ты доволен?

Хью увидел, как из-за угла, который они миновали, показалась голова. Он бросил нож, но расстояние было слишком велико; нож бесполезно кляцнул о сталь. Голова исчезла. Долго-рукий наблюдал за углом с пращой наготове.

Хью схватил Бобо за плечо:

— Слушай! Видишь свет?

Карлик тупо моргнул. Хью указал на осветительные трубки, там, где они сходились над перекрестком проходов.

— Свет. Сможешь попасть точно в пересечение?

Бобо на глаз измерил расстояние. Попасть туда в любом случае было бы непросто. К тому же — узкий проход, настильная траектория, да еще непривычно высокий вес.

Бобо не ответил. Хью лишь почувствовал дуновение ветерка от его пращи. Раздался треск; проход погрузился в темноту.

— Вперед! — завопил Хью, увлекая всех за собой. Подбегая к перекрестку, он крикнул: — Не дышать! Здесь газ!

Радиоактивный газ медленно выливался из разбитой трубы наверху и наполнял коридоры зеленоватым туманом.

Хью побежал направо, радуясь, что он инженер и знает расположение осветительных схем. Он выбрал верное направление; проход впереди был черным, лампы не работали из-за разрыва

в сети. Вокруг него раздавались шаги; были это враги или друзья, он не знал.

Они вырвались на свет. Вокруг никого не было, кроме испуганного крестьянина, который тут же дал тягу. Беглецы быстро огляделись. Прорвались без потерь, только Бобо с трудом передвигал ноги.

Джо посмотрел на него:

— Газом надыхался, я думаю. Постучите его по спине.

Боров охотно исполнил это. Бобо глубоко вздохнул, его вырвало, и он заухмылялся.

— Он в порядке, — решил Джо.

Эта небольшая задержка позволила одному из преследователей догнать их. Он выскочил из темноты, не сразу сообразив, на какую силу нарвался. Алан схватил за руку Борова, готового метнуть нож.

— Оставь его мне, — потребовал он. — Он мой!

Это был Тайлер.

— Поединок? — предложил Алан, проведя большим пальцем по лезвию ножа.

Тайлер окинул взглядом противников и принял приглашение, ринувшись на Алана. Помещение было слишком мало для метания ножей; они сошлись, нанося удары и парируя их.

Алан был крупнее и сильнее, Тайлер — проворнее. Он попытался ударить Алана коленом в промежность. Алан увернулся, сделав ему подсечку. Оба рухнули. Раздался отвратительный хруст.

Через мгновение Алан уже вытирал нож о штанину.

— Давайте двигаться, — сказал он. — Что-то я опасюсь...

Они добрались до лестницы, взбежали по ней. Долгорукий и Боров двигались впереди, оглядывая каждый уровень и прикрывая фланги, а третий из драчунов — Хью услышал, что его называли Коренастым, — защищал тыл. Остальные шли посередине.

Хью уже начал думать, что они оторвались, когда он услышал крики и звон ножа прямо над головой. Он как раз вылез на верхний уровень и его ранило срикошетившим лезвием. Рана оказалась неглубокой, но рваной.

На полу уже лежало трое преследователей. У Долгорукого из предплечья торчал нож, но это его, кажется, не беспокоило. Его праща все так же вращалась. Боров истратил собственные ножи

и подбирали падающие. Вокруг лежали результаты его деятельности, футах в двадцати от них стоял на коленях еще один результат. Он истекал кровью от раны в бедре.

Когда человек оперся одной рукой о переборку, а другой потянулся к опустевшему поясу, Хью узнал его.

Билл Эртц.

Он провел часть преследователей по другой лестнице, чтобы обойти спереди — на свою беду.

Бобо уже приготовил пращу, когда Хью придержал его.

— Полегче, Бобо, — велел он. — В живот и вполсили.

Карлик, казалось, удивился, но сделал так, как было велено. Эртц сложился пополам и свалился на палубу.

— Хороший выстрел, — похвалил Джим.

— Хватай его, Бобо, — приказал Хью, — и тащи за нами.

Он обвел глазами команду, сгрудившуюся на вершине лестничного пролета.

— Порядок, парни, идем дальше. Будьте внимательны.

Долгорукий и Боров поднялись на следующий уровень, остальные следовали за ними в том же порядке. Джо выглядел раздраженным. Каким-то образом — пока совершенно непонятно каким — он перестал быть командиром отряда (*его* отряда!), а Хью начал отдавать приказы. Впрочем, теперь не время выяснять отношения. Их жизнь висела на волоске.

Джиму, похоже, все это не приходило в голову. Он развлекался.

Они оставили позади еще десять уровней, погони не было. Хойланд велел не убивать крестьян попусту. Трое громил послушались; а Бобо был слишком тяжело нагружен телом Эртца, чтобы создавать проблемы с дисциплиной. Хью отсчитал еще тридцать уровней. Только на безлюдных территориях он позволил себе расслабиться. Наконец он скомандовал остановиться, и они осмотрели свои раны.

Единственные серьезные ранения получили Долгорукий — в руку, и Бобо — в лицо. Джо-Джим осмотрел их и наложил повязки, которыми запасся еще перед походом. Хью отказался от повязки.

— Кровь уже остановилась — а дел еще много.

— Все, что остается сделать, — это добраться до дома, — сказал Джо, — и тогда конец этим глупостям.

— Не совсем, — не согласился Хью. — Вы можете идти домой, а я, Алан и Бобо пойдем в невесомость — на Капитанский мостик.

— Что за ерунда! — сказал Джо. — Зачем?

— Приходи и посмотри сам, если хочешь. Ладно, парни, пошли.

Джо начал что-то говорить, но остановился, когда заметил, что Джим молчит. Так что Джо-Джим двинулся вслед за всеми.

Они тихо вплыли в дверь мостика: Хью, Алан, Бобо со своей все еще бесчувственной ношей — и Джо-Джим.

— Вот оно, — обратился Хью к Алану, указывая на звездное великолепие. — Вот об этом я тебе говорил.

Алан посмотрел и схватился за руку Хью.

— Джордан! — простонал он. — Мы же упадем! — Он крепко зажмурился.

Хью встряхнул его.

— Все в порядке, — сказал он. — Взгляни на эту красоту! Да открой ты глаза!

Джо-Джим дотронулся до руки Хью.

— Что происходит? — требовательно спросил он. — Зачем ты притащил сюда его? — Он указал на Эртца.

— А, его... Когда он очнется, я покажу ему звезды, чтобы он убедился, что Корабль движется.

— Ну и зачем?

— Отправлю его обратно, чтобы он убедил остальных.

— Хм... А если с ним повторится твоя история?

— Тогда... — Хью пожал плечами, — тогда, наверное, придется повторить все сначала. Пока мы не убедим их.

Мы обязаны это сделать. Понимаете?

КОММЕНТАРИЙ

В биографическом письме Сэмюэлю Дж. Мошковицу (25 января 1961 года) Хайнлайн рассказывает, что темы повестей «Взрыв всегда возможен» и «Вселенная» предложил ему Джон В. Кэмпбелл. Действительно, в письме к Хайнлайну от 20 сентября 1940 года (то есть сразу после того, как Хайнлайны вернулись в Лос-Анджелес из долгого путешествия на Восток и в Чикаго, на общенациональный съезд Демократической партии и Конгресс по общей семан-

тике), Кэмпбелл изложил принципиальную идею сюжета: «Идея меня укусила. Я подумал, что ты мог бы осмотреть укус и проверить, не заразен ли он для тебя».

Идея Кэмпбелла заключалась в том, что примерно в 3763 году будет запущена экспедиция к Альфе Центавра, но корабль промахнется мимо цели и атомные конвертерные двигатели отключатся и перейдут в автономный режим. Спустя тысячу четыреста лет (или около того) потомки экипажа превратятся в дикарей а какая-то часть, несмотря на ортодоксальные инспекции, в монстров-мутантов. Ситуация на корабле будет поддерживаться в состоянии перманентной классовой борьбы, а то малое, что требуется для его технического обслуживания, станет религиозным ритуалом.

Естественно, тут появится религиозная секта, порождение новой ублюдочной науки-религии, которая будет основываться на странном и противоестественном смешении основных законов науки и основных фактов их собственного опыта, — «в этом мире ночи с его странными, дикими целями, в мире, который считает само собой разумеющимися вещи, абсолютно безумные с любой точки зрения, какую только мы можем себе представить, но совершенно естественные для его странной науки».

Идея интересная, ответил Хайнлайн, но может пройти какое-то время, прежде чем он ею займется. Прекрасно, ответил Кэмпбелл, а если это не выльется в какую-нибудь историю, он может опробовать идею на ван Вогте...

Но к ноябрю 1940 года это вылилось в историю — довольно большую. Хайнлайн вынужден был поделить ее пополам, так как в то время «Astounding» нуждался в повестях. Первая половина создавала фон и предысторию, ее действие проходило в клаустрофобной карманной вселенной корабля — пять миль в самом большем его измерении, — поэтому Хайнлайн назвал ее «Вселенная». А вторую половину он мог дописать, когда Кэмпбеллу понадобится еще одна повесть.

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Часть 2 ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, обратился к Хью Хойланду:

— Ладно, умник, ты убедил Главного Инженера... — Он махнул ножом в сторону Билла Эртца, потом продолжал ковырять им в зубах Джима. — И что? Чего ты добился?

— Я уже объяснил, — раздраженно ответил Хью Хойланд. — Будем продолжать, пока каждый ученый на Корабле, от Капитана до самого зеленого ученика, не будет *знать*, что Корабль движется, и не поверит, что мы можем заставить его двигаться, куда нам нужно. Тогда мы завершим Путешествие, как завещал Джордан. Сколько бойцов ты можешь дать?

— Ох, во имя Джордана! Послушай, уж не вбил ли ты себе в голову дурацкую идею, что мы будем *помогать* тебе в твоих дурацких замыслах?

— Естественно. Без вас никак.

— Тогда придумай что-нибудь получше. Баста! Бобо, доставай и тащи шашки.

— Да, хозяин. — Карлик-микроцефал вскочил с пола и потрусил через каюту Джо-Джима.

— Стой, Бобо, — заговорил Джим, левая голова. Карлик остановился, нахмутив узкий лоб. Тот факт, что две головы его хозяина не всегда давали единый приказ, был единственным источником беспокойства в его безмятежном кровожадном существовании.

— Послушаем, что он скажет, — продолжал Джим. — Это может быть забавно.

— Забавно! Забавно получить нож под ребро! Позволю себе напомнить, что это и мои ребра тоже. Я не согласен.

— А я не просил тебя соглашаться; я прошу тебя послушать. Кроме того, что это забавно, это может оказаться единственным способом избежать ножа в ребрах.

— О чем это ты? — с подозрением спросил Джо.

— Ты слышал, что сказал Эртц. — Джо ткнул большим пальцем в сторону пленника. — Офицеры Корабля планируют очистить верхние уровни. Хочешь оказаться в Конвертере, Джо? Когда нас расщепят на атомы, будет не до шашек.

— Чушь! Экипаж не может истребить мутот — уже пытались.

Джим повернулся к Эртцу:

— Что скажешь?

Эртц отвечал осторожно, остро осознавая резкую перемену своего статуса от старшего офицера Корабля до военнопленного. Голова у него шла кругом; слишком многое свалилось на него в одночасье. Его схватили, вытолкнули на Капитанский мостик, показали звезды — *звезды*.

В его твердокаменно-рационалистическом сознании такое просто не укладывалось. Если бы земному астроному наглядно продемонстрировали, что земной шар вращается оттого, что кто-то крутит его за рукоятку, тот не был бы столь шокирован.

Более того, Эртц прекрасно понимал, что его жизнь висит на волоске. Джо-Джим оказался первым мутотом, перед которым он стоял безоружным. Стоит ему лишь мигнуть этому уродцу, растянувшемуся на полу...

Поэтому Билл тщательно выбирал слова:

— Думаю, на этот раз удача будет на стороне Экипажа. Мы... они хорошо подготовились. Если мы не ошиблись в вашем числе, если у вас нет сильной организации, то Экипаж одолеет. Видите ли... хм, готовил это я.

— Ты?

— Да. Многим в Совете не нравится политика сосуществования с мутотами. Здравая эта религиозная доктрина или нет, а дети и свиньи то и дело пропадают. Это раздражает.

— А чем, вы думаете, должны питаться мутоты? — враждебно спросил Джим. — Воздухом?

— Нет, конечно. В любом случае в новой политике не предусмотрено перебить всех. Любого сложившего оружие мутот, которого можно цивилизовать, мы собирались сдать в работы,

как некую часть Экипажа. Тех, у которых нет явных... а остальных... ммм... — Он замолчал, пряча глаза от стоящего перед ним двухголового монстра.

— Ты хочешь сказать — тех, кто не подвергся физической мутации, как мы, — неприязненно вставил Джо. — Так? А таких, как я, — в Конвертер, что ли? — Он раздраженно шлепнул ножом по ладони.

Эртц отпрянул, его рука метнулась к ножнам. Они были пусты, он ощутил себя голым и беспомощным.

— Минуточку, — сказал он, защищаясь. — Вы спросили — я описал ситуацию. От меня ничего не зависит. Я просто рассказываю.

— Оставь его, Джо. Он честно излагает факты. Я тебе то же самое говорил — либо план Хью, либо на нас начнется охота. И не вздумай его убивать — он нам еще пригодится.

С этими словами Джим попытался вложить нож обратно в ножны. Последовала короткая и молчаливая борьба между близнецами за контроль над иннервацией правой руки, незаметная для постороннего, короткая и бесшумная схватка двух сознаний. Джо сдался.

— Ладно, — сердито согласился он. — Но если я пойду в Конвертер, этот пойдет со мной.

— Уймись ты, — сказал Джим. — Для компании у тебя есть я.

— Слушай, почему ты ему веришь?

— Ему нет смысла врать. Спроси Алана.

Алан Махони, приятель Хью с детских лет, слушал спор молча, округлив глаза. Он тоже еще не пришел в себя от потрясающего зрелища звезд снаружи, но в его невежественный мозг крестьянина не были заложены отточенные формулировки, как у Главного Инженера Эртца. Эртц почти сразу смог понять, что само существование мира вне Корабля меняет все его планы и все, во что он верил; Алан был в состоянии только изумляться.

— Что скажешь насчет плана войны с мутами, Алан?

— Что? Ну, я об этом ничего не знаю. Поймите, я ведь не ученый. Постойте — а ведь недавно в деревне у Лейтенанта Нельсона появился помощник — младший офицер... — Он замолчал в недоумении.

— Так что же? Продолжай.

— Организовал всех кадетов, да и некоторых женатых тоже привлек. Тренировал их на ножах и пращах. Только он не говорил зачем.

Эртц развел руками:

— Вот видите?

Джо кивнул.

— Вижу, — мрачно сказал он.

Хью Хойланд испытующе посмотрел на него:

— Значит, вы со мной?

— Получается, так, — признал Джо.

— Само собой! — подтвердил Джим.

Хойланд снова взглянул на Эртца:

— А ты, Билл Эртц?

— А у меня есть выбор?

— Конечно. Я очень хочу, чтобы ты был со мной с чистым сердцем. Расклад таков: Экипаж не в счет; необходимо убедить офицеров. Все, кто не совсем пустоголовый и закостенелый, кто сможет понять, после того как увидит звезды и Рубку, — те будут с нами. Остальных... — он провел большим пальцем поперек горла, — в Конвертер.

Бобо счастливо ухмыльнулся и повторил жест.

Эртц кивнул:

— И что дальше?

— Муты вместе с Экипажем под руководством нового Капитана поведут Корабль к Далекому Центавру! Воля Джордана исполнится!

Эртц встал и посмотрел в лицо Хойланду. Величественные перспективы не сразу укладывались в голове, но сама идея нравилась ему, Хафф побери! Он протянул руку через стол:

— Я с тобой, Хью Хойланд!

На столе перед ним звякнул нож с пояса Джо-Джима. Джо, казалось, удивился, хотел было что-то сказать брату, но передумал. Эртц с благодарным видом засунул нож за пояс.

Близнецы пошептались, потом заговорил Джо:

— Что ж, деваться некуда.

Он вытащил оставшийся нож и, зажав лезвие так, что выступал лишь кончик, надрезал себе левое плечо.

— Нож за нож!

Брови Эртца взлетели вверх. Он вытер свой вновь обретенный нож и сделал разрез на том же месте своей руки. Кровь потекла к локтю.

— Спина к спине! — Он прижал кровоточащее плечо к ране Джо-Джима.

Алан Махони, Хью Хойланд, Бобо — все вынули ножи. Руки окрасились алым. Они плотно сдвинули кровоточащие плечи. Кровь, смешиваясь, капала на палубу.

— Нож за нож!

— Спина к спине!

— Кровь за кровь!

— *Кровные братья* — до конца Путешествия!

Ученый-еретик, ученый-пленник, невежественный крестьянин, двухголовый монстр, недоразвитый идиот — пять ножей, считая Джо-Джима за одного; пять голов, считая Бобо за безголового, — пять ножей и пять голов против целого мира.

— Но я не хочу возвращаться, Хью. — Алан мялся и смотрел побитой собакой. — Почему мне нельзя остаться с вами? Я хорошо владею ножом.

— Разумеется, старина. Но сейчас ты можешь принести больше пользы как шпион.

— Но для этого есть Билл Эртц.

— Да, но ты нам тоже нужен. Билл — публичная фигура и всегда на виду, он не сможет исчезать и пробираться на верхние уровни незамеченным. Тут нужен ты — будешь связным.

— Хафф знает, как я смогу объяснить, где пропал!

— Не объясняй больше самого необходимого. И держись подальше от Свидетеля. — Хью представил, как бы Алан попытался обмануть старого деревенского историка с его хитрыми речами и жадной подробностей. — Не разговаривай со Свидетелем. Старик тебя выпотрошит.

— Свидетель-то? А, ты о прежнем — так он давным-давно отправился в Путешествие. А новый ни на что не годен.

— Тем лучше. Если будешь осторожен, ты в безопасности. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов спустаться?

— Думаю, да. — Эртц поднялся и с неохотой отложил книгу из числа украденных Джо-Джимом — «Три мушкетера» с иллюстрациями. — Чудесная книга! Хью, неужели *Земля* действительно такая?

— Конечно. Так ведь в книге написано.

Эртц пожевал губу и поразмыслил:

— Что такое «дом»?

— Дом? Дом — это типа... что-то вроде каюты.

— Я и сам сначала так думал, но как можно ездить на каюте?

— В каком смысле?

— Да тут всю книгу они залазят на дома и уезжают.

— Дай посмотреть, — велел Джо. Эртц передал ему книгу. Джо-Джим быстро пролистал несколько страниц. — Понятно. Идиот! Они ездят на конях, а не на домах¹.

— А это что такое?

— Конь — животное такое, вроде большой свиньи или коровы. Залезаешь ему на спину, и оно тебя несет.

Эртц подумал над этим:

— Но это непрактично. Когда тебя несут в носилках, ты говоришь старшему носильщику, куда ехать. А как сообщить корове, куда тебе надо?

— Очень просто. Коня-то ведет слуга.

Эртц снова поразмыслил:

— Да и вообще, можно упасть. Непрактично. Я бы лучше пешком ходил.

— Да, это непросто. Нужна тренировка.

— А *вы* можете пронестись верхом?

Джим фыркнул, Джо рассердился:

— На Корабле нет коней.

— Ладно, ладно. А еще у этих ребят — Атоса, Портоса и Арамиса — были такие...

— Потом, потом, — перебил Хью. — Бобо уже подошел. Ты готов, Билл?

— Не торопись, Хью. Это важно. У этих парней были такие ножи...

— Ну были. И что?

— Так ведь они были гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и длиннее. Если дело дойдет до ближнего боя с Экипажем, это может оказаться большим преимуществом.

— Хм... — Хью вытащил свой нож и взвесил в руке. — Возможно. Но их неудобно метать.

— Метать будем метательные ножи.

— Да, пожалуй... Это неплохая мысль.

Близнецы молча прислушивались к разговору.

¹ В английском языке house (дом) созвучно horse (конь). — *Примеч.* С. В. Голд.

— Он прав, — вставил Джо. — Хью, займись ножами. А нам с Джимом нужно кое-что прочесть.

Обе головы Джо-Джима вспоминали другие книги, где в мельчайших кровавых подробностях описывались бесконечно разнообразныe методы сокращения жизни неприятеля. Джо-Джим превратился в Факультет Исторических Изысканий Военной Академии, хотя и не назвал бы, конечно, свой проект таким пышным термином.

— Хорошо, — согласился Хью, — только сначала замолви словечко перед своими.

— Сейчас. — Джо-Джим вышел из своей комнаты в коридор, где Бобо уже собрал пару десятков мутов — сторонников Джо-Джима. Кроме Долгорукого, Борова и Коренастого, которые принимали участие в спасении Хью, все они были незнакомы Хью, Алану и Биллу — и все они без колебаний убивали незнакомцев.

Джо-Джим махнул рукой, чтобы трое пришельцев с нижних уровней приблизились. Он показал их мутам, велел запомнить и обеспечить им свободное передвижение и безопасность на всей территории. Более того, в отсутствие Джо-Джима его люди должны были подчиняться приказам любого из этой троицы.

Муты переглянулись и зароптали. К приказам они привыкли, но только от Джо-Джима.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил, глядя на Джо-Джима, но обращаясь ко всем:

— Я Джек-Носач. У меня острый нож и верный глаз. Джо-Джим с его двумя мудрыми головами — мой хозяин, и я буду сражаться за него. Но мой хозяин — Джо-Джим, а не пришельцы с тяжелых палуб. Что скажете, ребята? Разве это по правилам?

Он выждал. Другие слушали его нервозно, бросая украдкой взгляды на Джо-Джима. Джо что-то тихонько сказал Бобо. Джек-Носач открыл рот, чтобы продолжать. Раздался слитный хруст выбитых зубов и сломанных позвонков. Снаряд Бобо заткнул ему рот.

Тело, в котором еще теплилась жизнь, медленно опустилось на палубу, а Бобо перезарядил пращу.

Джо-Джим махнул рукой.

— Доброй еды! — объявил Джо. — Он ваш.

Муты, словно сорвавшись с цепей, кинулись на труп. Выросла чавкающая куча-мала. Муты, обнажив ножи, грызлись за куски.

Джо-Джим терпеливо ждал, когда с едой будет покончено, и наконец, когда от Джека-Носача осталось только мокрое место на палубе, а все небольшие перепалки по поводу дележа завершились, Джо снова заговорил:

— Долгорукий, Сорок Первый и Топор — вы спускаетесь с Бобо, Аланом и Биллом. Остальные ждут здесь.

Бобо заскользил прочь длинными плавными прыжками — возле оси вращения Корабля искусственная гравитация была низкая. Трое мутотваров отделились от остальных и последовали за ним. Эртц и Алан Махони поспешили следом.

Достигнув первого лестничного пролета, Бобо шагнул в проем, и центробежная сила мягко опустила его на следующую палубу. Алан и муты сделали так же, а Эртц задержался у края и взглянул назад.

— Да хранит вас Джордан, братья! — крикнул он.

Джо-Джим помахал в ответ:

— И вас! — ответил Джо.

— Доброй еды! — добавил Джим.

— Доброй еды!

Бобо провел их через сорок палуб далеко вглубь пустой территории, не населенной ни мутами, ни членами Экипажа, и остановился. Он по очереди указал на Долгорукого, Сорок Первого и Топора.

— Две Мудрые Головы велели вам сторожить здесь. Сначала ты, — указал он на Сорок Первого.

— Сделаем так, — сказал Эртц. — Мы с Аланом идем туда, где большой вес. Вы трое должны сторожить здесь по очереди, чтобы я мог передавать сообщения Джо-Джиму. Понятно?

— Ну да. Ясное дело, — ответил Долгорукий.

— Джо-Джим же велел, — добавил Сорок Первый таким тоном, словно этим все сказано.

Топор промычал что-то утвердительное.

— Ладно, — сказал Бобо.

Сорок Первый уселся на лестнице, свесив ноги, и обратил все свое внимание на принесенную с собой еду.

Бобо похлопал Эртца и Алана по спинам.

— Доброй еды, — ухмыляясь, напутствовал он. Восстановив дыхание, Эртц вернул доброе пожелание и шагнул на следующую палубу. Алан не отставал. Путь до цивилизованных территорий был еще долог.

Командор Финеас Нарби, исполнительный помощник Капитана, роясь в столе Главного Инженера, с удивлением обнаружил, что Билл Эртц тайно хранит пару ненужных книг. Конечно, там были и обычные священные книги, включая бесценные «Уход и техническое обслуживание дополнительного четырехступенчатого конвертера» и «Руководство по системам жизнеобеспечения корабля „Авангард“». Это было каноническое Священное Писание, несущее знак самого Джордана. Держать его у себя по рангу имел право только Главный Инженер.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — это прекрасно — для Экипажа. И все же вид титульного листа со словами «Фонд Джордана» пробудил в нем следы религиозного благоговения, которого он не испытывал с тех пор, как был принят в касту ученых.

Он знал, что это чувство иррационально, — возможно, в прошлом и существовал человек или несколько людей под именем Джордан. Джордан мог быть одним из первых инженеров или капитаном, утвердившим правила жизни на Корабле, базировавшиеся на здравом смысле, почти на инстинктах. Либо, что кажется более вероятным, миф о Джордане намного старше, чем эта книга у него в руках, а ее автор просто воспользовался невежественным суеверием Экипажа, чтобы придать вес своим сочинениям. Нарби знал, как это делается, — он и сам собирался, когда придет время, осенить свой новый курс в отношении мутов благословением Джордана. Да, порядок, дисциплина и культ власти необходимы — для Экипажа. И столь же очевидно, что рациональный, хладнокровный здравый смысл необходим ученым, хранителям благополучия Корабля. Здравый смысл и преклонение только перед фактами.

Он полюбовался четкостью букв на страницах книги, которую держал в руках. Определенно древние писцы не чета нынешним. Эти недотепы и двух букв ровно не напишут.

Он положил себе задачу изучить эти бесценные пособия, прежде чем передать их преемнику Эртца. Когда он сам станет Капитаном, рассуждал он, очень полезно не зависеть от амби-

ций Главного Инженера. Нарби не очень-то уважал инженеров — в основном потому, что сам инженерных задатков не имел. Когда на него, как на ученого, легла ответственность за духовное и материальное благополучие Экипажа, когда он поклялся защищать учение Джордана, то скоро обнаружил, что общее руководство и кадровые вопросы ему больше по душе, чем обслуживание Конвертера или энергетических линий. Он был клерком, деревенским старостой, писцом в Совете, офицером по кадрам, а теперь выбился в главные Исполнительные Секретари самого Капитана — с тех пор, как несчастный и довольно таинственный случай пресек жизнь предшественника Нарби на этом посту.

Его решение вспомнить инженерное дело перед выборами нового Главного Инженера навело его на раздумья о новом шефе. Обычно Главным Инженером, когда тот отправлялся в Путешествие, становился Главный Вахтенный Конвертера. Но в данном случае Морт Тайлер, Главный Вахтенный, и сам отправился в Путешествие — его остывший труп нашли, когда муты отбили еретика Хью Хойланда. Поэтому пост оставался вакантным, и Нарби колебался, кого он должен предложить Капитану.

Одно несомненно — новым Главным нельзя ставить столь неумного человека, как Эртц. Нарби признавал, что Эртц сделал большое дело, подготовив грядущее искоренение мут, но оно вывело его в сильные кандидаты на капитанскую должность. Говоря без обиняков, следует признать, что жизнь нынешнего Капитана чрезмерно затянулась именно потому, что Нарби не был абсолютно уверен, прокатят ли Эртца на выборах.

А вот в чем он был уверен, так это в том, что теперь подошло самое подходящее время старому Капитану отдать душу Джордану. Жирный старый дурак давно пережил возраст, когда от него был еще толк. Нарби надоело подсказывать ему нужные решения. И если перед Советом встанет необходимость выбрать нового Капитана, то найдется только один приемлемый кандидат...

Нарби отложил книгу. Решение принято.

Решение убрать старого Капитана не вызвало у Нарби чувства стыда, греха или предательства. Он презирал старика, но ненависти к нему не питал, так что решение не было окрашено злобой. Расчеты Нарби диктовались благородными государственными интересами. Он искренне верил, что его целью было

улучшение благосостояния Экипажа — толковое руководство, порядок, дисциплина, добрая еда для всех. На эту роль он выбрал себя, потому что ему было очевидно, что он наилучшим образом подходит для достижения этих достойных целей. То, что кто-то из высших интересов должен отправиться в Путешествие, его не трогало. Зла он никому не желал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби поднял голову. Перед ним с недовольным видом стоял «покойный» Билл Эртц. Нарби протер глаза. Потом, спохватившись, закрыл рот. Он был так уверен, что исчезнувший после налета Билл освеженным и съеденным отправился в Путешествие. Он был настолько в этом уверен, что ему было трудно осознать, что Эртц стоит перед ним, живой и агрессивно настроенный. Все же он взял себя в руки.

— Билл! Благослови тебя Джордан, старик, — мы-то думали, что ты ушел в Путешествие! Садись, садись, рассказывай, что с тобой случилось.

— Я так и сделаю, когда ты слезешь с моего стула... — холодно произнес Эртц.

— Ох, прости! — Нарби поспешно освободил стул за столом Эртца и взял себе другой.

— А теперь, — продолжал Эртц, усевшись, — можешь объяснить мне, почему ты рылся в моих бумагах.

Нарби удалось принять оскорбленный вид.

— Разве непонятно? Мы думали, что ты умер. Кто-то же должен был принять дела и присматривать за твоим отделом, пока не назначили нового Главного Инженера. Я действовал от имени Капитана.

Эртц посмотрел ему в глаза:

— Не корми меня байками, Нарби. И ты, и я знаем, кто вкладывает речи в уста Капитана, — у обоих рыльце в пушку. Даже если ты думал, что я мертв, мне кажется, нужно было выждать подольше, чем два цикла сна, прежде чем кидаться потрошить мой стол.

— Ну послушай, старик, — если человек пропадает после налета мутлов, то здравый смысл подсказывает, что он отправился в Путешествие.

— Ладно, замнем. Почему Морт Тайлер не принял дела?

— Он в Конвертере.

— Что, убит? А кто отдал приказ отправить его в Конвертер? Такая масса приведет к пиковой загрузке.

— Приказал я, он — вместо Хью Хойланда. Ты сделал расчет по Хойланду, а массы у них примерно одинаковые.

— «Примерно одинаковые» — такая точность не для Конвертера. Мне придется все пересчитать. — Он начал подниматься из-за стола.

— Не волнуйся, — сказал Нарби. — Я ведь не совсем профан в инженерном деле. Я приказал, чтобы его массу разделили и использовали по тому же графику, который ты составил для Хойланда.

— Что ж, ладно. И все же я перепроверю. Мы не можем транжирить массу.

— Кстати, об использовании массы, — сладко пропел Нарби. — В твоём столе я нашел пару ненужных книг.

— Да?

— Они ведь считаются массой, подлежащей переработке в энергию.

— И что? Кто распоряжается массой, подлежащей переработке?

— Ты, конечно. Но зачем они лежат в твоём столе?

— Позволь напомнить тебе, мой дорогой капитанский любимчик, что это моя прерогатива и мое дело — где хранить массу, подлежащую использованию.

— Хм... Наверное, ты прав. Кстати, если в ближайшее время они не входят в план переработки, ты не дашь их мне почитать?

— Разумеется, если ты будешь благоразумен. Я запишу их на тебя — это необходимо, они уже взвешены. А ты помалкивай о них.

— Спасибо. У некоторых древних авторов изумительная фантазия. Бред, конечно, но как скрашивает досуг!

Эртц вытащил оба фолианта и протянул квитанцию Нарби — расписаться. Он проделывал это рассеянно, погруженный в раздумья, как подступиться к Нарби. Он знал, что Финеас — одна из главных фигур в деле, за которое взялись он и его побратимы, возможно, самая главная фигура. Если привлечь его на свою сторону...

— Фин, — сказал он, когда Нарби подписал квитанцию, — я все думаю, правильно ли мы обошлись с Хойландом.

Нарби, казалось, был удивлен, но ничего не сказал.

— Не подумай, что я изменил мнение о его выдумках, — поспешно добавил Эртц, — но я чувствую, что мы упустили какую-то возможность. Надо было поводить его за нос. Через него можно было выйти на мутов. Мы хотим подчинить территории мутов Совету, но главная трудность в том, что мы очень мало о них знаем. Мы не знаем, сколько их, насколько они сильны и как организованы. Кроме того, нам придется воевать на их территории, а для них это большое преимущество. Мы ведь почти не ориентируемся на верхних палубах. Если бы мы подыграли его рассказам, то могли бы узнать много интересного.

— Нельзя же полагаться на эти рассказы, — возразил Нарби.

— Этого не требовалось. Он ведь предлагал нам прогуляться в невесомость и все посмотреть.

Нарби был потрясен:

— Ты серьезно? Член Экипажа, поверивший слову мута! Да он не в невесомость отправится, а в Путешествие — и очень скоро!

— Я в этом не уверен, — возразил Эртц. — Хойланд сам верил в то, что говорил, — это точно. И...

— Что? Вся эта чушь насчет того, что Корабль *движется!* Сущий-то Корабль! — Он постучал по переборке. — Кто в это поверит?

— Но он в это верил. Он религиозный фанатик — несомненно. Но он что-то видел там, наверху, и интерпретировал это по-своему. Мы могли бы подняться и посмотреть, о чем он толкует, а заодно разведать насчет мутов.

— Полное безрассудство!

— Я так не думаю. Он, должно быть, пользуется большим авторитетом среди мутот; они ведь пошли на риск, чтобы спасти его. Если он говорит, что может обеспечить безопасный проход наверх, — думаю, это правда.

— Почему ты так резко переменял мнение?

— Меня переубедил этот налет. Если бы раньше мне сказали, что целая банда мутот спустится вниз и, рискуя собственными шкурами, спасет человека, я бы ни за что не поверил. Но это случилось. Я вынужден пересмотреть свою точку зрения. Неза-

висимо от того, что он рассказывал, стало очевидно, что муты готовы сражаться за него, а возможно, и исполнять его приказы. Если это так, то имело бы смысл потакать его религиозным убеждениям, если это поможет нам добиться власти над мутами, не вступая с ними в войну.

Нарби пожал плечами:

— Теоретически в этом, может, что-то и есть. Но к чему тратить время на упущенные возможности? Сделанного не воротишь.

— А вдруг? Хойланд жив, он вернулся к мутам. Если найти способ переправить ему весточку, мы могли бы попробовать все это проверить.

— Но как?

— Еще не знаю. Может, возьму пару ребят и поднимусь немного наверх. Если бы мы захватили живьем мута, это могло бы сработать.

— Шансы ничтожны.

— Я бы рискнул.

Нарби обдумал сказанное. Он считал, что весь план строится на туманных предположениях и дурацких соображениях. Однако, если Эртц рискнет и план *сработает*, самые заветные планы Нарби намного приблизятся к реальности. Подавление мутов силой — дело долгое и кровавое, а возможно, и вовсе невыполнимое. Он прекрасно осознавал все трудности на этом пути.

Если же план не удастся, ничего не потеряно — кроме Эртца. А потеря Эртца — вовсе не потеря в этой игре. Хм.

— Давай, — сказал Нарби — Риск оправдан, парень ты смелый.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он, собрал книги и удалился. Только много позже он сообразил, что Эртц так и не сказал ему, где пропадал столько времени.

Эртц тоже осознавал, что Нарби не был с ним до конца откровенен, но, зная Нарби, он не удивился. Он был доволен уже и тем, что его импровизированная подготовка к будущим действиям была воспринята так хорошо. Ему и в голову не пришло, что, возможно, было бы проще и эффективнее просто сказать правду.

Некоторое время Эртц занимался рутинной проверкой Конвертера, а также назначил действующего Старшего Вахтенного офицера. Довольный тем, что его отдел может теперь работать в его отсутствие, он велел слуге привести к нему Алана Махони из деревни. Поначалу он собирался вызвать портшез и встретить Махони на полпути, но потом посчитал, что это будет выглядеть подозрительно.

Алан с радостью приветствовал его. Сверстники Алана давно остепенились, а он, все еще не женатый кадет, до сих пор батрачил на более преуспевающих односельчан. Так что важнейшим жизненным достижением оказалось для него кровное братство со Старшим Ученым. Это затмило даже недавние приключения, значения которых, впрочем, его крестьянский ум все равно не мог полностью осознать.

Эртц оборвал его и торопливо закрыл дверь в приемную.

— У стен есть уши, — тихо сказал он, — а у клерков также и языки. Хочешь, чтобы мы оба отправились в Путешествие?

— Ох черт, Билл... я не хотел...

— Ничего. Встретимся на той же лестнице, по которой мы спускались, десятью палубами выше. Считать можешь?

— Конечно, до десяти могу. Даже до двадцати могу. Один да один — будет два, да еще один — будет три, да еще один — будет четыре, да еще один — будет пять, да...

— Достаточно. Вижу, что можешь. Но я больше надеюсь на твою верность и твой нож, чем на математические способности. Приходи туда как можно скорее. Поднимись где-нибудь, где тебя не заметят.

Сорок Первый был еще на посту, когда состоялось рандеву. Эртц окликнул его по имени, стоя за пределами досягаемости пращи или метательных ножей, — разумная предосторожность, когда имеешь дело с тем, кто дожил до своих лет только благодаря быстроте собственного оружия. После того как его опознали, Билл отправил стража найти Хью Хойланда. Сам же с Аланом уселся ждать.

Сорок Первый не нашел Хью Хойланда в квартире у Джо-Джима. Самого Джо-Джима тоже не было. Бобо спал на своем месте, но от него было мало толку. Хью, сказал Бобо, пошел туда-где-все-летают. Сорок Первому это мало что говорило; сам он был на территории невесомости один раз в жизни. Посколь-

ку палуба с невесомостью простиралась на всю длину Корабля, будучи фактически последним концентрическим цилиндром вокруг оси Корабля — хотя Сорок Первый и не мог бы выразить это в таких терминах, — то информация о том, что Хью отправился в невесомость, была бесполезной.

Сорок Первый озадачился. Приказ Джо-Джима нельзя оставить без внимания, и он крепко вбил в свои дремучие мозги, что приказ Эртца имеет такую же силу. Он снова растолкал Бобо:

— Где Две Мудрые Головы?

— Ушел к мастерице ножей. — Бобо опять закрыл глаза.

Уже лучше. Сорок Первый знал, где живет мастерица ножей. Каждому муту приходилось иметь с ней дело; она была незаменимым мастером и торговцем в их краях. Поэтому сама она была неприкосновенна; ее мастерская и вся прилегающая территория были нейтральной зоной. Он вскарабкался на две палубы и поспешил к ее дому.

Дверь с надписью «ТЕРМОДИНАМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ — ВХОД ВОСПРЕЩЕН» была открыта настежь. Сорок Первый не умел читать; ни название, ни запрет ничего для него не значили. Но он услышал голоса и определил, что один голос исходит от близнецов, а другой — от мастерицы ножей. Он вошел.

— Хозяин... — начал он.

— Заткнись, — сказал Джо. Джим не обернулся, продолжая спор с Матерью Клинков. — Ты сделаешь эти ножи, — говорил он, — и без разговоров.

Она стояла перед ним, уперев все четыре огрубевшие руки в широкие бедра. Глаза ее покраснели — ей приходилось смотреть на плавящийся в горне металл; по морщинистому лицу на редкие усы, уродующие ее верхнюю губу, стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Вот именно, — отрезала она, — я делаю ножи. Нормальные ножи. А не вертела для свиней, которых тебе хочется. Ножи длиной в руку — тыфу! — Она плюнула в вишнево-красное нутро горна.

— Послушай, старая экипажная кляча, — ровно произнес Джим, — или сделаешь как тебе говорят, или я поджарю тебе пятки в твоем собственном горне. Ясно?

Сорок Первый потерял дар речи от изумления. Никто *никогда* не говорил так с Матерью Клинков; действительно, босс — большая шишка!

Мастерица ножей вдруг сдалась.

— Но так *нельзя* делать ножи, — визгливо пожаловалась она. — Баланс будет неправильный. Вот, смотри...

Она схватила четыре заготовки ножей со своего верстака и метнула их в крестообразную мишень на другом конце комнаты — всеми четырьмя руками одновременно. Ножи взвились в воздух и через долю секунды впились в лучи креста.

— Видишь? А длинными ножами так не сделаешь. Они не лететь, а вихляться будут!

— Хозяин... — снова попытался вклиниться Сорок Первый. Джо-Джим, не оборачиваясь, дал ему зуботычину.

— Я тебя понимаю, — сказал Джим мастерице ножей, — но нам не нужно, чтобы эти ножи летали. Мы будем ими резать и колоть вблизи. Работай — я хочу увидеть первый до того, как ты поешь.

Старуха пожевала губу.

— Плата как обычно? — резко спросила она.

— Конечно как обычно, — заверил он. — Десятая часть с каждого добытого твоим ножом, пока не будет выплачена вся стоимость. Плюс добрая еда все время работы.

Она пожала уродливыми плечами:

— Ладно.

Мастерица повернулась, щипцами в двух левых руках подхватила длинную тонкую полоску стали и засунула ее в горн. Джо-Джим повернулся к Сорок Первому.

— Ну что? — спросил Джо.

— Босс, Эртц послал меня разыскать Хью.

— Ну и почему ты этого не сделал?

— Я не знаю, где его искать. Бобо сказал, что он ушел туда, где невесомость.

— Так найди его. Впрочем, нет — ты его не найдешь. Придется мне самому идти. Возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы он подождал.

Сорок Первый поспешил прочь. Босс очень хороший, но мешкать при нем нельзя.

— Ну вот мы уже и на побегушках, — желчно заметил Джим. — Как тебе нравится быть кровным братом, Джо?

— Это ты втянул нас.

— Ну и что? Клясться на крови было твоей идеей.

— Хафф побери, ты ведь знаешь, зачем этот балаган. *Для них* это серьезно. А нам нужна любая подмога, какую мы можем обеспечить, если не хотим закончить с дырявой шкурой.

— Ага. Так для *тебя*, значит, это балаган?

— А для тебя?

Джим цинично улыбнулся:

— Как и для тебя, мой лукавый братец. В нынешней ситуации для нас намного лучше вести эту игру до конца. «Один за всех, и все за одного».

— Снова начитался Дюма.

— Почему бы и нет?

— Да так. Только не оплошай.

— Обижает. Я знаю, которая сторона у ножа заточена.

Джо-Джим обнаружил Коренастого и Борова спящими под дверью в Рубку. Из этого он заключил, что Хью должен быть внутри, ведь он сам назначил этих двоих его телохранителями. Да и вообще — если Хью пошел в область невесомости, значит он либо у Главного Двигателя, либо в Рубке. Скорее в Рубке. Рубка манила Хью с тех пор, как Джо-Джим буквально втащил его туда и заставил своими глазами убедиться, что Корабль — это не весь мир, а лишь скорлупка, влекомая по бескрайним просторам, — с тех самых пор и до сегодняшнего дня он был одержим идеей управлять Кораблем, заставить его двигаться по воле человека!

Для него это означало гораздо больше, чем могло значить для пилота с Земли. С момента, когда первая ракета совершила робкий прыжок с Земли на Луну, космический пилот был романтическим героем, которому хотел подражать каждый мальчишка. Но замысел Хью был не чета такой мелочи. Он собирался привести в движение *весь свой мир*. Заставить Солнце по воле человека стронуться с места и пересечь Галактику — даже такой план оказался бы куда менее дерзновенным.

Юный Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился у двери огромного серебристого звездного глобуса внутри Рубки и заглянул туда. Хью он не видел, но знал, что тот должен быть в кресле главного астронавигатора, потому что огни то загорались, то гасли. Горели изображения звезд, разбросанные по внутренней поверхности сферы, составляя образ неба снаружи Корабля. С того места, где стоял

Джо-Джим, иллюзия была не очень впечатляющей; из центра сферы она была полной.

Хью гасил сектор за сектором, пока не остался единственный сектор напротив него. В нем выделялось большое и сверкающее светило, во много раз ярче всех остальных. Джо-Джим перестал смотреть и взобрался по решетке к креслам пилотов.

— Хью! — позвал он.

— Кто здесь? — спросил Хью, высовываясь из глубокого кресла. — А, это ты. Привет.

— Эртц хочет тебя видеть. Пошли.

— Ладно. Только сначала посмотри сюда. Хочу тебе кое-что показать.

— Хафф с ним, — сказал Джо брату.

Но Джим ответил:

— Давай посмотрим. Много времени это не займет.

Близнецы вскарабкались в кресло рядом с креслом Хью.

— Ну что?

— Вон та звезда, — сказал Хью, указывая на яркую точку. — Она стала больше с тех пор, как я последний раз был здесь.

— Хм. Точно. Она уже давно становится ярче. Когда мы пришли сюда в первый раз, ее вообще не было видно.

— Значит, мы теперь ближе к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Я это и так знал. Это еще раз доказывает, что Корабль движется.

— Но почему же вы мне не сказали?

— О чем?

— Об этой звезде. О том, что она растет.

— А какая разница?

— Какая разница! Джордан мой, да ведь... это она! Мы движемся туда. Это *конец Путешествия!*

Джо-Джим — обе головы — был потрясен. Поскольку сам он был озабочен только своим комфортом и безопасностью, то не сразу уразумел, что Хью, а возможно, и Эртц загорелся целью восстановить утерянные достижения предков и завершить забытое, полумифическое Путешествие к Далекому Центавру.

Джим пришел в себя.

— Хм... возможно. Но с чего ты взял, что эта звезда — Далекий Центавр?

— Возможно, и нет. Мне все равно. Но мы ближе всего к этой звезде и движемся прямо к ней. Когда не умеешь разли-

чать звезды, одна стоит другой. Джо-Джим, а у древних был *какой-то* способ различать звезды?

— Был, конечно, — подтвердил Джо. — Но что с того? Ты-то выбрал себе звезду. Ну и валяй. А я иду вниз.

— Хорошо, — неохотно согласился Хью. Они начали долгий спуск.

Эртц кратко пересказал Джо-Джиму и Хью свой разговор с Нарби.

— Теперь я думаю сделать следующее, — продолжал он, — пошлю Алана обратно вниз с посланием для Нарби. В нем будет сказано, что мне удалось войти в контакт с тобой, Хью, и я прошу его встретиться с нами где-нибудь выше территории Экипажа и выслушать, что мы узнали.

— Почему бы тебе просто не вернуться и не привести его самому? — возразил Хью.

Эртц слегка смутился:

— Потому что ты уже пробовал — не получилось. Ты вернулся из страны мутов и поведал мне о чудесах, которые там видел. Я тебе не поверил и отдал тебя под суд за ересь. Если бы Джо-Джим не спас тебя, ты бы отправился в Конвертер. Если бы ты не притащил меня в область невесомости и не заставил увидеть все собственными глазами, я бы тебе никогда не поверил. Могу тебя уверить, что Нарби не проще убедить, чем меня. Я хочу привести его сюда, наверх, показать ему звезды. Получится — миром; не выйдет — силой.

— Я не понимаю, — сказал Джим. — Разве не проще было бы перерезать ему глотку?

— Это было бы приятно, но неразумно. Нарби может оказать нам неоценимую помощь. Джим, если бы ты знал структуру Корабля так, как я ее знаю, ты бы понимал. Нарби имеет больше веса в Совете, чем любой из офицеров. Кроме того, он объявляет волю Капитана. Если мы завоюем его, нам, возможно, вообще не понадобится драться. А если нет — что ж, я не знаю, что будет, если все же придется воевать.

— Я не думаю, что он придет. Он заподозрит ловушку.

— Именно поэтому должен пойти Алан, а не я. Мне он задаст множество вопросов и будет сомневаться в ответах. Алана он не будет выпрашивать. — Эртц повернулся к Алану у про-

должал: — Если он тебя спросит, ты не знаешь ничего, кроме того, что я тебе сейчас скажу. Понял?

— Конечно. Я ничего не знаю, ничего не видал и не слышал. — С откровенным простодушием он добавил: — Я и раньше ничего не знал.

— Хорошо. Ты никогда не видел Джо-Джима, не слышал о звездах. Ты просто мой посланник, я взял тебя с собой на случай нападения. А вот что тебе нужно будет сказать... — Он передал Алану послание для Нарби, которое было простым, но провокационным. Потом убедился, что Алан все запомнил. — Что ж — в путь! Доброй еды.

Алан покрепче ухватил свой нож, ответил: «Доброй еды!» — и поспешил прочь.

Простому крестьянину взять да и войти к Исполнительному Секретарю Капитана — немислимое дело, понял Алан. Часовой у дверей Нарби немного поиздевался над ним и направил к бездушному клерку. Тот записал его имя и приказал вернуться в деревню — дожидаться вызова. Алан твердо стоял на своем, повторяя, что принес послание чрезвычайной важности от Главного Инженера к Командору Нарби. Клерк снова взглянул на него.

— Давай бумагу.

— Нет никакой бумаги.

— Что за срунда? Должна быть бумага. Таков порядок.

— Ему некогда было писать. Он передал на словах.

— Что он передал?

Алан покачал головой:

— Лично Командору Нарби. У меня приказ.

Клерк посмотрел на него с раздражением.

Однако, будучи еще новичком, он отказался от соблазна проучить упрямую деревенщину в пользу более безопасного решения передать обузу повыше.

Главный клерк был краток:

— Давай сюда свое сообщение.

Алан собрал все силы и заговорил так, как ни с кем не говорил в своей жизни:

— Сэр, все, о чем я прошу, — это передать Командору Нарби, что у меня есть для него сообщение от Главного Инженера Эрт-

ца. Если это сообщение не будет передано, не я один отправлюсь в Конвертер! Но никому другому я не смею передать его.

Чиновник поразмыслил, потеревил губу и рискнул побеспокоить начальника.

Алан передал сообщение Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга за дверью. Нарби вытаращил глаза:

— Эртц хочет, чтобы я пошел с *тобой* в страну мутов?

— Не до самой страны мутов, сэр. На середине пути нас встретит Хью Хойланд.

Нарби шумно выдохнул:

— Это нелепо. Я пошлю отряд ножей, и они приведут его сюда.

И Алан произнес решающую фразу — но теперь повысив голос так, чтобы слуга, а возможно, и другие услышали его слова:

— Эртц сказал, что если вы *испугаетесь*, то просто выбросьте из головы. Он сам решит вопрос в Совете.

После этих слов Алан остался жив только потому, что Нарби был из тех, кто ставит разум выше грубой силы. У Нарби был нож; Алан же был вынужден оставить свой у стражника.

Нарби сдержал свои чувства. Он был слишком умен, чтобы приписать вину за оскорбление стоящей перед ним деревенщине, хотя и пообещал себе при случае присмотреться к нему. Задетое самолюбие, любопытство, да и опасность потерять лицо привели его к решению.

— Я иду с тобой, — со злобой сказал он. — Я узнаю у Эртца, правильно ли ты передал его сообщение.

Нарби подумал было взять с собой Главного Стражника, но отказался от этой мысли. Не только потому, что это привлекло бы излишнее внимание до того, как он смог бы оценить политические последствия, но и потому, что это означало бы почти такую же потерю лица, как и отказ идти. Но все же, когда Алан брал у стражника свой нож, Нарби нервно спросил:

— Ты хороший боец?

— Лучше не бывает, — бодро ответил Алан.

Нарби очень надеялся, что крестьянин не хвастает. Муты... Он пожалел, что сам пренебрегал боевой подготовкой.

Самообладание постепенно возвращалось к Нарби, когда он вслед за Аланом поднимался к областям низкого веса. Во-первых, вокруг было тихо. Во-вторых, оказалось, что Алан — проводник толковый и осторожный. Он двигался бесшумно и ни-

когда не поднимался выше, предварительно не выглянув из люка. Нарби не был бы так спокоен, если бы слышал то, что слышал Алан, — шорохи из сумрачных глубин длинных проходов, слабый шум, подсказывавший ему, что их продвижение контролируется с флангов. Подсознательно это беспокоило Алана, хотя он ожидал чего-то подобного, — он знал, что и Хью, и Джо-Джим способны тщательно продумать операцию и подстраховаться. Сам Алан бы нервничал больше, если бы *не* слышал звуков, которые должны были быть.

Дойдя до места встречи через двадцать палуб после самой высокой населенной палубы, он остановился и свистнул. Услышав ответный свист, он крикнул:

— Это Алан.

— Подойди и покажись.

Алан выполнил приказ, не забывая о своих обычных мерах предосторожности. Не увидев никого, кроме друзей — Эртца, Хью, Джо-Джима и Бобо, он махнул рукой Нарби.

При виде Джо-Джима и Бобо недавно обретенное спокойствие Нарби рухнуло и сменилось ощущением пойманного зверя. Он выхватил нож и неловко отступил к лестнице. Еще быстрее нож выхватил Бобо. На долю секунды исход встречи висел на волоске. Потом Джо-Джим ударил Бобо по лицу и забрал у него нож и прашу.

Нарби припустил назад, напрасно Хью и Эртц звали его вернуться.

— Притащи его, Бобо! — скомандовал Джим. — И поосторожнее.

Бобо побежал следом.

Вернулся он очень скоро.

— Быстро бегают, — прокомментировал он, сваливая Нарби на палубу. Тот лежал тихо, пытаясь восстановить дыхание. Бобо взял нож у него с пояса и стал пробовать остроту лезвия на жестких черных волосах, покрывавших его левое предплечье.

— Хороший клинок, — одобрил он.

— Отдай ему нож, — приказал Джим. Бобо крайне озадачился, но с неохотой подчинился. Джо-Джим отобрал у него оружие и вернул Нарби.

Нарби был не меньше Бобо поражен тем, что ему вернули нож, но лучше скрывал свои чувства. Ему даже удалось принять оружие с достоинством.

— Послушай, Фин, — озабоченно начал Эртц, — извини, что пришлось с тобой так обойтись. Бобо не виноват. Надо же было тебя вернуть.

Нарби кое-как восстановил ледяное самообладание, с которым всегда встречал превратности судьбы. «Проклятье! — подумал он. — До чего нелепая ситуация. Ладно...»

— Забудем об этом, — отрезал он. — Я ожидал встретить здесь тебя, а не толпу вооруженных мутов. Странные у тебя друзья, Эртц.

— Извини, — повторил Билл Эртц, — наверное, мне следовало предупредить тебя... — Он приврал во имя дипломатии. — Все они вполне свойские ребята. С Бобо ты уже знаком. Это Джо-Джим. Он среди мутот... что-то вроде офицера Корабля.

— Доброй еды, — вежливо приветствовал Джо.

— Доброй еды, — машинально проговорил в ответ Нарби.

— С Хью ты, наверное, знаком.

Нарби согласился. Повисла неловкая пауза. Молчание нарушил Нарби:

— У вас была какая-то причина вызвать меня сюда? Надеюсь, мы тут не в игрушки играем?

— Была, — согласился Эртц. — Я... Тыфу ты — не знаю, с чего начать. Послушай, Нарби, ты не поверишь, но я *видел*. Все, о чем говорил Хью, — правда. Я был в Рубке. Я видел звезды. Я *знаю*.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — медленно проговорил он, — ты сошел с ума.

Хью Хойланд взволнованно вмешался:

— Ты так говоришь потому, что *не видел*. Говорят тебе — *движется*! Корабль *движется*, как...

— Я все улажу, — оборвал Эртц. — Послушай меня, Нарби. Решать тебе, а я расскажу о том, что видел сам. Они водили меня в невесомость и на Капитанский мостик. Это помещение со стеклянной стеной. И за стеной огромное черное пустое пространство, громадное, больше всего на свете. Больше Корабля. И там — огни. Те звезды, о которых говорят предания.

На лице Нарби отразилось безразличное изумление.

— Где твоя логика? И ты еще зовешься ученым! Что значит «больше Корабля»? Это терминологическая бессмыслица. Корабль есть Корабль по определению. Все прочее — его составные части.

Эртц беспомощно пожал плечами:

— Я понимаю, как это звучит. Я не могу объяснить; вся логика летит в тартарары. Это... Хафф побери! Поймешь, когда сам увидишь.

— Образумься, — посоветовал Нарби. — Не говори ерунды. Либо логика есть, либо ее нет. Если нечто существует, оно занимает какое-то место. Ты видел — или думаешь, что видел, — нечто невероятное, но, чем бы оно ни было, оно не может быть больше места, в котором находится. Ты не сможешь показать мне ничего опровергающего этот очевиднейший закон природы.

— Я уже сказал, что не могу объяснить.

— Разумеется, не можешь.

Близнецы недовольно пошептались, и Джо рявкнул:

— Хватит болтать! Пошли.

— Действительно, — охотно согласился Эртц. — Нарби, доспорим, когда посмотришь сам. Теряем время — лезть далеко.

— Что-что? — возмутился Нарби. — О чем речь? Куда пошли?

— Наверх, на Капитанский мостик и в Рубку.

— Я? Не смеши меня. Я немедленно иду вниз.

— Нет, Нарби, — возразил Эртц. — Я тебя вызвал только для этого. Ты должен посмотреть.

— Чушь! Я не собираюсь никуда смотреть; мне хватает здравого смысла... Тем не менее я хочу поздравить тебя с установлением дружественных отношений с мутами. Мы могли бы обсудить перспективы сотрудничества. Я думаю...

Джо-Джим выступил вперед.

— Теряем время, — ровным голосом произнес он. — Мы идем наверх. Ты тоже. Я сказал.

Нарби покачал головой:

— Об этом не может быть и речи. Может быть, позже, когда мы всесторонне обсудим аспекты нашего сотрудничества...

С другого бока к нему шагнул Хью:

— Вы, кажется, не понимаете. Вы пойдете туда *прямо сейчас*.

Нарби взглянул на Эртца. Тот кивнул:

— Именно так, Нарби.

Нарби молча проклял себя. Великий Джордан! О чем же он, во имя Корабля, думал? Как позволил втянуть себя в такое дело? Он чувствовал, что двухголовый монстр только и ждет лю-

бого неверного шага. Вот влип! Он вынужден был сдаться, но уступил им так грациозно, как только мог:

— Ну хорошо! Чтобы избежать лишних прений... Куда идти?

— Держись рядом, — посоветовал Эртц. Джо-Джим оглушительно свистнул. Сейчас же из-под пола, из-за переборок, с потолка высыпало шесть или восемь мутов. Нарби стало плохо — до него в полной мере дошло, какую он проявил неосмотрительность. Отряд двинулся вверх.

До невесомости они добирались долго — Нарби не умел карабкаться. Постоянное, от палубы к палубе, уменьшение веса отчасти облегчало его усилия, но облегчение тут же компенсировалось приступами тошноты. Вообще-то, как и все рожденные в Корабле, муты и Экипаж, он был худо-бедно приспособлен к низкой силе тяжести и не страдал космической болезнью, но по лестницам и переходам он не лазал с далекого беззаботного детства. К тому моменту, когда они добрались до самой последней палубы Корабля, он окончательно выдохся и едва мог пошевелиться.

Джо-Джим вернул свою команду назад и приказал Бобо позаботиться о Нарби. Тот отмахнулся:

— Я сам.

Стиснув зубы, он заставил тело слушаться. Джо-Джим глянул на него и отменил приказ. Через несколько скользящих прыжков Нарби добрался до последней переборки перед Рубкой. Ему чуть полегчало.

Они не стали задерживаться у Рубки, а, как и планировал Хью, дошли до Капитанского мостика. Путанные объяснения Эртца и восторженная болтовня Хью уже отчасти подготовили Нарби к предстоящему. По дороге Хью успел проникнуться к Нарби почти нежностью: как хорошо, когда кто-то тебя слушает!

Хью вплыл первым, перевернулся в воздухе, ухватился за спинку Капитанского кресла и указал на роскошные звездные россыпи.

— Вот! — выпалил он. — Вот! Посмотри — разве не чудесно?

С бесстрастным лицом Нарби долго и напряженно вглядывался в сверкающий небосвод.

— Замечательно, — признал он наконец, — замечательно. Никогда не видел ничего подобного.

— «Замечательно» — это не то слово, — возразил Хью. — Это восхитительно!

— Ну хорошо — восхитительно, — снизошел Нарби. — Эти маленькие яркие огоньки — это и есть звезды, о которых рассказывали древние?

— Ну да, — ответил Хью, испытывая безотчетное смущение, — только они не маленькие. Они очень большие, огромные, как Корабль. Они просто кажутся маленькими, потому что очень далеко. Видишь вон ту яркую, крупную звезду слева? Она выглядит больше, потому что она ближе. Я *думаю*, что это и есть Дальняя Центавра... Правда, я не вполне уверен, — признался он в приступе откровенности.

Нарби мельком взглянул на него, потом перевел взгляд на большую звезду.

— Насколько она далеко?

— Пока не знаю. Но я узнаю. В Рубке есть приборы для таких измерений, но я в них еще не совсем разобрался. Но это не важно. Мы доберемся туда!

— Хм?

— Конечно! Завершим Путешествие!

Нарби бесстрастно молчал. У него был осторожный, упорядоченный и в высшей степени логический ум. Он был толковым руководителем, способным принимать мгновенные решения, но по натуре своей предпочитал держать свои мысли по возможности при себе — до тех пор, пока на досуге не обмозгует информацию со всех сторон.

В Рубке он окончательно замкнулся. Он смотрел, слушал, но почти не задавал вопросов. Хью не расстраивался. Рубка была его игрушкой, его радостью, ребенком. Все, что он хотел, — поделиться всем, что его переполняет, с новым слушателем.

По предложению Эртца на обратном пути остановились у Джо-Джима. Чтобы разработанный план принес свои плоды, необходимо было вовлечь в него Нарби и договориться о дальнейших шагах. Нарби охотно согласился. Он уверился, что договор, ставший причиной его беспрецедентной вылазки в страну мутот, — не пустые слова. Но когда Эртц излагал свои сообщения, он слушал молча. Выслушав, не проронил ни слова.

— Ну? — не выдержал Эртц, когда молчание начало действовать ему на нервы.

— Ты ждешь от меня какого-то комментария?

— Конечно. Ты теперь тоже участник.

Нарби это понимал — и понимал также, какого ответа от него ждут; он просто тянул время.

— Что ж... — Нарби выпятил губу и сложил перед собой руки. — Мне представляется, что эта проблема распадается на две. Хью Хойланд! Как я понимаю, ты собираешься завершить древний План Джордана. Эта цель не может быть достигнута без единства всего Корабля. Тебе нужен порядок и дисциплина на всем пространстве от палуб Экипажа до Рубки.

— Разумеется. Требуется управлять Главным Двигателем, а это означает...

— Постой. Честно говоря, у меня нет достаточной квалификации, чтобы разобраться в увиденном, а учиться мне некогда. Что касается ваших шансов на успех в этом проекте, я бы предпочел полагаться на мнение Главного Инженера. Ваша проблема — это второй этап задачи, поэтому вы заинтересованы в решении первого этапа.

— Конечно.

— Тогда давайте говорить только о нем. Это административные вопросы, касающиеся общественного мнения и руководства, в этом я лучше разбираюсь; возможно, мой совет окажется полезным. Джо-Джим, кажется, ищет возможности достичь согласия между мутами и Экипажем — обеспечить мир и добрую еду? Верно?

— Правильно, — подтвердил Джим.

— Хорошо. С давних пор это и моя цель — как и многих офицеров Корабля. Честно говоря, не думал, что ее можно достичь иначе чем силой. Мы готовились к долгой, трудной и кровавой войне. Древнейшие летописи, передающиеся Свидетелями из поколения в поколение со времен мифической смуты, не описывают ничего, кроме войн между мутами и Экипажем. Но я счастлив, что мы ступили на иной, лучший путь.

— Так ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно — еще многое неясно. Эртц, мы с тобой понимаем, думаю, как и Хойланд, что не все офицеры Корабля примут этот путь. Как поступить с ними?

— Проще простого, — сказал Хью Хойланд. — Привести их разок в невесомость, показать звезды — и они все поймут.

Нарби покачал головой:

— У тебя носилки несут носильщика. Я ведь говорил, что проблема состоит из двух частей. Не обязательно убеждать чело-

века в том, во что он не верит, если тебе нужно, чтобы он сделал что-то, ему доступное. А вот *после* того, как Корабль будет объединен, можно будет без лишних сложностей показать офицерам Рубку и звезды.

— Но...

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит раздувать теологические прения, если наш первый этап чисто практический. Мы привлечем на свою сторону множество офицеров, поставив задачу мирного объединения Корабля, но, если мы начнем с ниспровержения догм, заявим, что Корабль *движется*, дело кончится бунтом.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Это говорит здравый смысл. Так вот, Нарби, обсудим положение с офицерами, которых не удастся переубедить. Вот что я думаю. Во-первых, наша с тобой задача — перетянуть на свою сторону как можно больше офицеров. Ну а упрямыцы — что ж, в конце концов, Конвертер всегда нуждается в массе.

Нарби кивнул. Политика массовых репрессий его явно не смущала.

— Пожалуй, это наилучший подход. Но дело довольно трудное.

— Здесь нам поможет Джо-Джим. Нас поддержат лучшие бойцы Корабля.

— Понятно. Джо-Джим, как я понимаю, правит всеми мутами?

— С чего ты взял? — проворчал Джо с непонятной ему самому обидой.

— Ну, я просто предположил... Я так понял...

Нарби осекся. Никто не *говорил* ему, что Джо-Джим главенствует на верхних палубах; он предположил это по его манерам. Он вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. А если все это пустой разговор? Что толку в переговорах с двухголовым монстром, если тот не владеет полномочиями?

— Мне следовало это сразу прояснить, — поспешно сказал Эртц. — Джо-Джим поможет нам привести к власти новую администрацию, а мы поможем ему подчинить остальных муттов. Пусть Джо-Джим не хозяин всех муттов, но у него самая большая и самая сильная команда. Позже — с нашей помощью — он будет править всеми.

Нарби быстро учел новые сведения и проиграл в уме ситуацию. Распря среди мутов, небольшая помощь Экипажа — хороший способ вести войну. Если поразмыслить, это выгоднее, чем затевать мирные переговоры. Когда все утрясется, мутов сильно поубавится, а значит — уменьшится риск мятежа.

— Понимаю, — сказал он. — Итак... Как вы представляете дальнейшее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хойланд.

— Как вы думаете, нынешний Капитан согласится вас подержать?

Эртц ясно видел, к чему он клонит, Хойланд — очень смутно.

— Продолжай, — сказал Эртц.

— Кто станет новым Капитаном?

Нарби в упор взглянул на Эртца.

Такая постановка вопроса не приходила Эртцу в голову. Но теперь он понял, что это важнейший вопрос, если они не хотят, чтобы переворот выродился в кровавую драку за власть. Бывало, и он позволял себе мечтать о капитанском кресле. Однако на него метил и Нарби. Эртц об этом знал.

Эртца, как и Хойланда, пленила романтическая идея двинуть Корабль. Теперь он осознал, что старые мечты несовместимы с новыми, и с легкой ноткой сожаления расстался с прежними ради нынешних.

— Капитаном придется стать тебе, Фин. Ты не возражаешь?

Финеас Нарби милостиво согласился:

— Если ты настаиваешь — я не возражаю. Но из тебя самого получился бы прекрасный Капитан, Билл.

Эртц покачал головой, понимая, что отныне Нарби полностью на их стороне:

— Я остаюсь Главным Инженером. Мое дело во время Путешествия — Главный Двигатель.

— Стоп! — перебил Джо. — Я не согласен. С какой стати *ему* быть Капитаном?

Нарби повернулся к нему:

— Капитаном хотите быть вы?

Он постарался, чтобы в голосе не проскользнул оттенок сарказма. Мут-Капитан!

— Хафф поberi, нет! Но почему именно ты? Почему не Эртц или Хью?

— Только не я, — ответил Хью. — Мне будет некогда. Я астронавигатор.

— В самом деле, Джо-Джим, — объяснил Эртц. — Нарби — единственный из нас, кто может договориться с офицерами Корабля.

— Да если они хоть пикнут, мы им глотки перережем.

— С Капитаном Нарби не понадобится резать глотки.

— Мне это не по нутру, — проворчал Джо.

Брат шикнул на него:

— Что ты психуешь, Джо? Да упаси нас Джордан от такой ответственности!

— Я вполне понимаю ваши опасения, — учтиво произнес Нарби, — но, думаю, вам не стоит беспокоиться. По части муттов я буду вынужден зависеть от вас. Я буду управлять нижними палубами, в этом я разбираюсь. Вы же, если хотите, станете Вице-капитаном муттов. Для меня было бы глупо командовать там, где я не знаю местных обычаев. Если вы не соглашаетесь мне помочь, я не могу принять пост Капитана. Беретесь?

— Я в этом не участвую, — отрезал Джо.

— Извините. Тогда я вынужден отказаться от поста Капитана. Я действительно не смогу осилить это бремя без вашей помощи.

— Ну давай, Джо, — настаивал Джим. — Давай возьмемся, хотя бы временно. Надо же довести дело до конца.

— Ладно, — сдался Джо, — но все равно мне это не нравится.

Нарби не стал заострять внимание на том, что Джо-Джим фактически не признал его Капитаном. Больше они к этому не возвращались.

Обсуждение деталей оказалось долгим и утомительным делом. Было решено, что, пока решающий удар не подготовлен, Эртц, Алан и Нарби вернутся к своим обязанностям.

Хью послал охрану проводить их вниз.

— Когда будете готовы, пошлешь Алана? — спросил он Нарби перед расставанием.

— Да, — согласился Нарби, — но не жди его слишком скоро. Нам с Эртцем понадобится время, чтобы подобрать верных людей. К тому же надо решить со старым Капитаном. Придется как-то уломать его созвать собрание всех офицеров Корабля. Стариком не так-то легко управлять.

— Ну, это твоя работа. Доброй еды!

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда ученые жрецы, управлявшие Кораблем, собирались в полном составе, они сходились в большом зале на последнем обитаемом уровне. Много забытых поколений назад, еще до смуты, возглавлявшейся техником Корабля Роем Хаффом, это был спортивный зал, предназначенный для развлечения и укрепления здоровья, — но нынешние обитатели не имели об этом ни малейшего понятия.

Нарби наблюдал, как дежурный отмечает прибытие офицеров Корабля. Он волновался, но не подавал виду. Оставалось всего несколько человек, скоро придется объявить Капитану, что все в сборе, а от Джо-Джима и Хойланда не было никаких известий. Неужели этот кретин Алан дал себя убить по дороге? Или упал и сломал свою никчемную шею? Или получил от мута ножом в живот?

Вошел Эртц и, прежде чем занять свое место среди начальников отделов, подошел к Нарби и тихонько спросил:

— Ну как?

— Все в порядке, — ответил тот, — но никаких известий.

— Хм... — Эртц повернулся и нашел глазами своих сторонников в толпе. Нарби сделал то же. Не большинство, не абсолютное большинство, ведь дело такое необычное. Ну что ж — ведь не голосованием будет решаться этот вопрос.

Дежурный прикоснулся к его руке:

— Все в сборе, сэр, кроме отсутствующих по болезни и одного вахтенного у Конвертера.

С неприятным чувством, что что-то идет не так, Нарби послал оповестить Капитана. Капитан, как обычно не принимая во внимание удобство остальных, опоздал. Нарби был рад поддержке, но с трудом выдержал ее. Когда старик наконец появился с ординарцами по сторонам и тяжело уселся в свое кресло, то, опять же как обычно, немедленно стал проявлять нетерпеливое желание поскорее закончить собрание. Он сделал знак всем сесть и обратился к Нарби:

— Очень хорошо, Командор Нарби, огласите повестку дня — надеюсь, у вас есть повестка дня?

— Да, Капитан, она имеется.

— Так читайте же, читайте! Чего вы тянете?

— Да, сэр.

Нарби повернулся к клерку, зачитывавшему документы, и передал ему стопку бумаг. Клерк взглянул с удивлением, но,

получив сигнал Нарби, начал читать: «Петиция Совету и Капитану: Лейтенант Браун, управляющий деревней в Секторе-9, будучи слабого здоровья и в преклонных летах, просит освободить его от обязанностей и...» Клерк продолжал зачитывать рекомендации офицеров и отделений.

Капитан нетерпеливо ерзал в своем кресле и наконец прервал чтение:

— В чем дело, Нарби? Почему вы не можете решить рутинные вопросы без этой суматохи?

— Я понял так, Капитан, что вы были недовольны тем, как я лично недавно разрешил аналогичный вопрос. Мне бы не хотелось превышать свои полномочия.

— Что за чушь! Не читай мне устав. Пусть Совет работает, потом я проверю и завизирую.

— Да, сэр. — Нарби забрал записи у клерка и дал ему другие бумаги. Клерк прочел.

Дело было такое же пустяковое. Деревня Сектора-3 просила уменьшить налоги по причине необъяснимой болезни, поразившей их гидропонные фермы. Капитан прервал чтение этого прошения еще раньше. Нарби было бы чрезвычайно трудно найти предлог для продолжения собрания, если бы не прибыло известие, которого он ждал. Оно оказалось клочком пергамента, переданного снаружи с верным человеком. На нем стояло только одно слово: «Готовы». Нарби взглянул, кивнул Эртцу, потом обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку у вас нет желания выслушивать прошения вашего Экипажа, я перейду к основному вопросу сегодняшнего собрания.

Завуалированное оскорбление, содержащееся в этом высказывании, заставило Капитана подозрительно уставиться на него, но Нарби продолжал:

— В течение многих поколений, на памяти долгой череды Свидетелей, Экипаж страдал от постоянных набегов мутов. Наше имущество, наши дети, даже мы сами постоянно находились под угрозой. Законы Джордана не признаются на верхних уровнях. Даже сам Капитан, преемник Джордана, не может свободно ходить там. Считалось, что Джордан установил так, что дети платят кровью за грехи предков. Такова, нам говорили, была воля Джордана. Сам я никогда не мог смириться с этой постоянной утечкой массы Корабля.

Старый Капитан, кажется, не верил своим ушам. Обретя наконец голос и ткнув пальцем в Нарби, он взвизгнул:

— Ты оспариваешь учение?

— Нет. Я утверждаю, что учение не заставляет нас оставлять мутов за рамками правил. Я требую, чтобы они подчинялись закону!

— Вы... Вы... вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Нет, — издевательски ответил Нарби, — пока не скажу всего, что должен.

— Арестуйте его!

Однако телохранители Капитана не тронулись с места, хотя и переминались с несчастным видом, — Нарби сам подобрал их.

Нарби повернулся к пораженному Совету, поймал взгляд Эртца.

— Все в порядке, — произнес он. — Давай!

Эртц поднялся и поспешил к двери. Нарби продолжал:

— Многие из вас разделяют мои чаяния. Доселе мы считали, что за наши помыслы придется сражаться. Но с помощью Джордана я сумел установить контакт с мутами и подготовить заключение договора. Их лидеры сейчас прибудут сюда для переговоров. Вот они! — Он театрально указал в сторону двери.

Эртц снова вошел; за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд повернул направо и стал обходить зал по периметру. За ним следовала цепочка мутов — лучшие бойцы Джо-Джима. Еще одна колонна, во главе с Джо-Джимом и Бобо, прошла налево.

Джо-Джим, Хью и по полудюжине бойцов с каждого фланга были одеты в тяжелую броню, спускавшуюся ниже талии. На головах у них были неуклюжие шлемы из металлической сетки, которые защищали лица, не мешая обзору.

Все они держали неслыханные ножи — длиной в руку человека!

Пораженные офицеры могли бы остановить вторжение в узких дверях, если бы кто-то взял на себя руководство. Но они были неорганизованны, беспомощны, а сильнейшие лидеры были на стороне захватчиков. Офицеры ерзали в креслах, тянулись за ножами и переглядывались. Но никто не решился сделать первый шаг, за которым последовало бы кровопролитие.

Нарби повернулся к Капитану:

— Ну так что? Вы принимаете эту мирную делегацию?

Казалось бы, что долгие годы, прожитые в сытости, могли научить Капитана благоразумно промолчать, когда нужно. Но он прохрипел:

— Уберите их! Прочь! А ты... ты за это отправишься в Путешествие!

Нарби повернулся к Джо-Джиму и сделал знак большим пальцем. Джим сказал что-то Бобо — и в толстое брюхо Капитана вонзился нож. Тот издал скорее хрип, чем визг, а на его лице появилось выражение полнейшего недоумения. Он ощупал рукоятку ножа, будто желая убедиться, что он действительно там.

— Смута... — произнес он. — Смута...

Он согнулся в кресле и тяжело рухнул на стол лицом.

Нарби пнул тело и приказал охране:

— Вытащите это наружу.

Те выполнили приказ, казалось радуясь про себя, что их миновали безначалие и безработица. Нарби снова повернулся к притихшему залу:

— Кто-нибудь еще возражает против мира с мутами?

Пожилой офицер, проспавший всю жизнь в роли судьи и духовного наставника в отдаленной деревне, встал и направил костлявый палец на Нарби, возмущенно трясая белой бородой:

— Джордан накажет тебя за это! Смута и грех — дух Хаффа!

Нарби кивнул Джо-Джиму; слова застряли у старика в горле, из которого торчал нож. Бобо выглядел очень довольным собой.

— Довольно болтовни, — объявил Нарби. — Лучше пролить немного крови сейчас, чем намного больше потом. Пусть те, кто поддерживает меня в этом вопросе, встанут и подойдут сюда.

Эртц показал пример, выйдя вперед и сделав знак своим самым верным сторонникам присоединиться к нему. Оказавшись перед залом, он вынул нож и поднял его вверх:

— Да здравствует Финеас Нарби, преемник Джордана!

Серьезные молодые люди, верные Нарби, — костяк диссидентского рационалистского блока среди ученых — выступили все вместе, поднятыми ножами салютуя новому Капитану. Коллеблющиеся и оппортунисты поспешили присоединиться, увидев, какая сторона ножа заточена. Когда закончилось разделение, на месте осталась лишь горстка офицеров, почти все они были либо стариками, либо религиозными фанатиками.

Эртц заметил, как Капитан Нарби оглядел их, потом посмотрел на Джо-Джима. Эртц дотронулся до его руки:

— Их очень мало, и они практически беспомощны, — сказал он. — Почему бы не разоружить их и не отпустить восвояси?

Нарби неприветливо взглянул на него:

— Оставишь их в живых — пожнешь смуту. Я вполне способен сам принимать решения, Эртц.

Эртц прикусил губу:

— Очень хорошо, Капитан.

— Так-то лучше. — Он сделал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи сделали свою короткую работу.

Хью отвернулся от места творившейся резни. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, деревенский ученый, который разглядел его способности и выбрал его для научной карьеры, оказался в этой группе. Этого фактора он не предвидел.

Завоевание мира — и его объединение. Вера или меч. Бойцы Джо-Джима, усиленные группой горячих молодых кадетов Капитана Нарби, захватили средние и верхние палубы. Муты, индивидуалисты по самой природе своего существования, не испытывающие почтения ни к кому, кроме главарей своих банд, не могли противостоять странным длинным ножам Джо-Джима, которые убивали, не давая опомниться.

По стране мутов прошел слух, что лучше мирно подчиниться банде Двух Мудрых Голов: подчинившихся ждет добрая еда, сопротивляющихся — неминуемая смерть.

И все же это был долгий и медленный процесс — слишком много палуб, много миль темных коридоров, несчетное количество комнат, где могли скрываться непокорные муты. Кроме того, наступление замедлялось еще и тем, что Джо-Джим на очищенных ударными группами территориях организовывал внутренние караулы, патрулирование каждого сектора, палубы и лестничного пролета.

К разочарованию Нарби, двухголовый монстр в ходе кампании остался цел и невредим. Из книг Джо-Джим узнал, что генералу не обязательно лично принимать участие в схватках.

Хью пропадал в Рубке. Не только потому, что его больше интересовали тонкие материи управления Кораблем и звездной баллистики, но и потому, что все это кровопролитие вызывало в нем отвращение — из-за Лейтенанта Нельсона. К насилию и смерти он привык; это было обычное дело даже на нижних

уровнях — однако тот случай вызвал в нем смутное разочарование, хотя его собственные рассуждения убеждали его, что сам он лично не виновен в смерти старика.

Просто ему хотелось, чтобы этого не случилось.

Но пульт управления... Вот чему стоило посвятить жизнь! Он пытался решить задачу, которую землянин посчитал бы невыполнимой, ведь землянин знал бы, что пилотирование межзвездного корабля — задача настолько сложная, что даже наилучшее техническое образование вкупе с обширным опытом полетов на более мелких космических судах вряд ли послужат базой для такой сугубо специальной миссии.

Хью Хойланд не знал этого. Так что он двигался вперед и обучался.

В каждой попытке ему помогал гений создателей Корабля. Управление любой техникой обычно сводится к элементарным развилкам: идти/стоять, на себя/от себя, вверх/вниз, внутрь/наружу, включить/выключить, вправо/влево, а также их комбинаций. Настоящие трудности возникают при необходимости что-то настраивать или ремонтировать, приспособлять или менять.

Однако управление приборами и двигателем космического корабля «Авангард» не требовало ни настройки, ни ремонта. Конструкции находились на субмолекулярном уровне. В них не было движущихся частей, трение не играло роли, и они не были подвержены износу. Если бы Хью понадобилось разобраться в действии приборов или починить их, он потерпел бы поражение. Четырнадцатилетнему подростку можно доверить вертолет, и он полетит в одиночку за тысячу миль; он скорее обьестся по дороге, чем каким-то образом повредит машину. Но если вертолет выйдет из строя, необходима ремонтная бригада — ребенок не сможет его починить.

«Авангарду» не требовалась ремонтная бригада. Разве что несущественным дополнительным устройствам — таким как конвейеры, лифты, автомассажеры. Но все, что двигалось, вышло из строя еще до появления первого Свидетеля. Оставшаяся ненужная масса либо была отправлена в Конвертер, либо приспособлена для вещей попроще. Хью даже представления не имел, что такое оборудование существовало; ободранные стены во многих помещениях были для него просто явлением природы, а не поводом для размышлений.

Хью помогали два фактора.

Во-первых, баллистика звездных кораблей очень проста, поскольку использует в основном второй закон Ньютона применительно к четырехмерному пространству. Обычно все думают по-другому, однако это так. Чтобы испечь пирог, требуется гораздо больше знаний, правда интуитивных. Чтобы связать свитер, нужно понимать гораздо более сложную математику. Топология вязаного орнамента... попробуйте на зуб!

Настоящие дебри — это неврология или катализаторы, но только не баллистика.

Во-вторых, создатели «Авангарда» считались с тем, что корабль достигнет места назначения не раньше чем через два поколения; они хотели облегчить жизнь еще не родившимся пилотам, которым суждено будет завершить миссию. Хотя они и не предвидели такого забвения технических знаний, какое произошло на самом деле, они все же постарались сделать панель управления простой, понятной интуитивно и защищенной от дурака. Вышеупомянутый умный подросток, хоть чуточку интересующийся космическими полетами, без сомнения, разобрался бы за несколько часов. Хью, воспитанный в культуре, где верили, что Корабль суть весь мир, продвигался не так быстро.

Его озадачили два незнакомых понятия — глубокий космос и метрическое время. Ему пришлось освоить приборы, специально разработанные для «Авангарда», снять показания с пары десятков звезд, прежде чем он понял, что получаемые им результаты имеют смысл. Все показания были в парсеках, и это ему ни о чем не говорило. Он попытался перевести их в понятные ему линейные единицы с помощью священных книг, но результаты он считал поначалу ошибкой, абсурдом. Он проверял и перепроверял, часами размышляя, пока не начал смутно осознавать необъятность просторов космоса.

Это испугало и ошарашило его. Несколько циклов сна он не подходил к Рубке, предаваясь смятению. Это время он потратил на то, чтобы выбрать себе женщин. Впервые после того, как Джо-Джим взял его в плен, у него появились и желание, и возможность заняться этой проблемой. Кандидаток было множество: в дополнение к деревенским девушкам военные операции Джо-Джима добавили вдов. Хью, по праву своего высокого положения, взял себе двух жен. Первая была вдовой. Сильная, толковая женщина, умеющая создать мужчине домашний уют. Он

поселил ее в своих новых апартаментах на одной из верхних палуб, дал ей свободу действий и разрешил оставить старое имя — Хлоя.

Вторая была молодой девушкой, невоспитанной и дикой, как мут. Хью и сам не мог бы объяснить, зачем он ее взял. У нее, конечно, не было никаких достоинств, но с ней ему было весело. Она укусила его, когда он ее осматривал; разумеется, он шлепнул ее, и тем дело должно было закончиться. И все же он приказал отцу прислать ее.

Дать ей имя он еще не удосужился.

С метрическим временем он запутался так же, как и с астрономическими расстояниями, но это хотя бы не подавляло. Проблема опять заключалась в отсутствии сходных понятий на Корабле. Экипаж оперировал топологическим временем; они понимали, что такое «сейчас», «раньше», «потом», «уже», «еще» и даже такими понятиями, как длинные и короткие промежутки времени, но концепция измеряемого времени выпала из их культуры. Самая примитивная из земных культур имеет представление об измерении времени, хотя бы в пределах дней и времен года. Но ведь любая земная концепция измеряемого времени берет начало в астрономических явлениях, а Экипаж был оторван от астрономических явлений на многие поколения.

На контрольной панели перед Хью находились единственные на Корабле действующие часы — но лишь очень не скоро он понял, для чего они и как связаны с остальными приборами. До тех пор пока он не понял этого, он не мог управлять Кораблем. Скорость и ее производные, ускорение и кривизна базируются на измеряемом времени.

Но когда две эти новые концепции были поняты, обдуманы, а древние книги перечитаны в свете нового знания, он, пусть и в очень ограниченном теоретическом понимании, стал астронавигатором.

Хью разыскивал Джо-Джима, чтобы задать ему вопрос. Головы Джо-Джима обладали очень пронизательным умом, когда они давали себе труд задуматься; поскольку это случалось нечасто, братья оставались поверхностными дилетантами.

Нарби уже уходил. Для поддержания мира среди мутов Нарби и Джо-Джим должны были регулярно совещаться; к их обоюдному удивлению, они вполне поладили друг с другом. Нарби был умелым администратором, способным делегировать

полномочия и не стоять попусту над душой; Джо-Джим удивил и порадовал Нарби тем, что оказался самым талантливым из всех, кто когда-либо был у него в подчинении. Они не испытывали друг к другу нежных чувств, но признавали ум и заинтересованность, не уступавшие их собственным. В сумме — уважение и ревнивая высокомерная приязнь.

— Доброй еды, Капитан, — формально приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил тот, потом снова повернулся к Джо-Джиму. — Тогда я буду ожидать отчета.

— Вы его получите, — согласился Джо-Джим. — Скрылось не больше нескольких десятков. Мы их либо выловим, либо уморим голодом.

— Я не помешал? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как продвигается великий труд, друг мой? — Нарби раздражающе улыбнулся.

— Хорошо, хотя и медленно. Тебе нужен отчет?

— Можешь не спешить. Да, кстати, я поставил запрет на вход в Рубку и к Главному Двигателю, фактически на весь уровень невесомости — запрет для всех, и для мутов, и для Экипажа.

— Вот как? Кажется, я понимаю. Не стоит туда ходить никому, кроме офицеров.

— Ты не понял. Это запрет для всех, включая офицеров. Кроме нас, конечно.

— Но... но... Так не пойдет. Единственный способ убедить остальных — это провести их наверх и показать звезды!

— Именно так я и думаю. Я не могу позволить смущать моих офицеров разными непривычными идеями, когда мне приходится укреплять правление. Это может породить религиозные разногласия и подорвать дисциплину.

Хью был так поражен и расстроен, что не сразу нашелся с ответом.

— Но, — сказал он наконец, — в этом-то и был смысл. Поэтому тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитан я должен принимать окончательные политические решения. Вопрос закрыт. Вам не разрешено водить кого бы то ни было в Рубку или в другую область невесомости, пока я не посчитаю это целесообразным. Придется вам подождать.

— Это правильно, Хью, — заметил Джим. — Не стоит вносить путаницу, пока идет война.

— Объясните мне еще раз, — настаивал Хью. — Это временная политика?

— Можно сказать и так.

— Ну... хорошо, — сдался Хью. — Но постойте, нам с Эртцем нужно начинать готовить помощников.

— Очень хорошо. Перечислите мне их, и я выдам им пропуска. Кто у вас на примете?

Хью поразмыслил. На самом деле ему не нужны были помощники; хотя в Рубке было полдесятка противоперегрузочных кресел, управлять Кораблем мог один человек, сидящий в кресле главного астронавигатора. То же относилось и к Эртцу с его Главным Двигателем, за исключением одного аспекта.

— А как же Эртц? Ему нужны носильщики, чтобы доставлять топливо к Главному Двигателю.

— Прекрасно. Я подпишу приказ. Проследи, чтобы носильщиков набрали из бывших мутлов. Чтобы никто не проник в Рубку, кроме тех, кто там уже был.

Нарби повернулся и вышел с недовольным видом.

Хью посмотрел ему вслед, потом проговорил:

— Не нравится мне это, Джо-Джим.

— Почему? — спросил Джим. — Это разумно.

— Возможно. Но... черт побери! Мне почему-то кажется, что правда должна быть открыта для всех и в любое время! — Он в раздражении взмахнул руками.

Джо-Джим странно посмотрел на него.

— Какая невероятная идея, — сказал Джо.

— Да, я знаю. Это неразумно, но мне кажется, что так должно быть. А, ладно, забудьте! Я не за этим пришел.

— Что ты еще придумал, парень?

— Смотрите, мы завершаем Путешествие, так? Наш Корабль сядет на планету, вот так... — Он свел кулаки вместе.

— Так. Продолжай.

— И вот, когда это произойдет, как мы выйдем из Корабля?

Вопрос смутил близнецов, и они занялись пересудами. Наконец Джо перебил брата:

— погоди, Джим. Будем логичными. Предполагается, что мы должны выйти — значит должна быть дверь, так?

— Конечно.

— Здесь двери нет. Значит, она в области высокого веса.

— Но ее там нет, — возразил Хью. — Эта область хорошо известна. Там нет никакой двери. Она должна быть в стране мутлов.

— Тогда, — продолжал Джо, — она либо в том конце коридора, либо в другом. В том конце ее не может быть, потому что за отсеком Главного Двигателя только прочные переборки. Значит, она с другой стороны.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Рубка и Капитанский мостик. И все.

— Да? А как насчет запертых кают?

— Это не дверь — там не может быть выхода наружу. За Рубкой мощная переборка.

— Нет, но что, если через них можно пройти к двери?

— Даже если так, как ты их откроешь, а, умник?

— Что такое запертые каюты? — потребовал ответа Хью.

— Ты разве не знаешь? В той же стене, где вход в Главную Рубку, есть семь дверей. Мы не смогли открыть их.

— Возможно, это то, что мы ищем. Пойдемте посмотрим!

— Пустая трата времени, — ответил Джим.

Но они все же пошли.

Они взяли с собой Бобо, чтобы попробовать его чудовищную силу на этих дверях.

Но даже его узловатые мышцы не сдвинули с места рычаги, которые явно предназначались для открывания дверей.

— Ну? — фыркнул Джим. — Видите?

Джо пожал плечами:

— Ладно, ты победил. Пошли вниз.

— Подождите, — взмолился Хью. — Кажется, у второй двери ручка чуть повернулась. Попробуем еще раз.

— Боюсь, что все напрасно, — откликнулся Джим. Но Джо возразил:

— Ну ладно, раз уж мы здесь.

Бобо снова попытался открыть, подставив плечо под рычаг и толкая вверх. Рычаг вдруг подался, но дверь не открылась.

— Сломал, — объявил Джо.

— Ага, — признал Хью. — Видимо, так. — И он положил руку на дверь.

Дверь легко распахнулась.

К счастью для троих друзей, она вела не в открытый космос — ведь ничто не предостерегало их против опасностей внешнего вакуума. Вместо этого короткий и узкий коридорчик привел их к другой, чуть приоткрытой двери. Петли заело, но Бобо легко ее высадил. Возможно, тот, кто последним выходил

через эту дверь, оставил ее приоткрытой, чтобы металлические части не спаялись вместе за много лет.

Следующая дверь находилась в шести футах от предыдущей.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, когда Бобо уперся в третью дверь. — Какой смысл в этой бесконечной последовательности?

— Подождем и посмотрим, — посоветовал ему брат.

Однако за третьей дверью находилось несколько кают, очень странных, необычных форм, маленьких, лепившихся друг к другу. Бобо рванулся вперед и обследовал все помещения, держа нож наготове. Хью и Джо-Джим медленно последовали за ним, зачарованные необычностью этого места.

Бобо вернулся, умело замедлив свой полет у переборки, и доложил:

— Двери нет. Больше двери нигде нет. Бобо смотреть.

— Должна быть, — настаивал Хью, злясь, что карлик уничтожил его надежды.

— Бобо смотреть, — карлик пожал плечами.

— Теперь мы посмотрим. — Хью и близнецы разошлись по помещению.

Хью не нашел двери, но то, что он обнаружил, своей невероятностью заинтересовало его еще больше. Он уже хотел было позвать Джо-Джима, когда услышал собственное имя:

— Хью! Иди сюда!

Он неохотно оставил свое открытие и разыскал братьев.

— Пойдемте посмотрим, что я нашел, — начал он.

— Не важно, — перебил его Джо. — Посмотри лучше сюда.

Хью посмотрел. Это был Конвертер. Довольно маленький, но, без сомнения, Конвертер.

— Бессмыслица, — возмутился Джим. — В помещении такого размера не нужен Конвертер. Эта штука могла бы снабдить энергией половину Корабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

Хью осмотрел Конвертер.

— Я не знаю, — признал он. — Но если вы считаете странной штукой это, пойдемте посмотрим, что нашел я.

Последовав за Хью, близнецы увидели небольшое помещение, одна стена которого была, видимо, сделана из черного стекла, так как за ней ничего не было видно. Напротив этой стены рядом стояли два противоперегрузочных кресла. Подлокотники кресел и панели перед ними были покрыты узором из малень-

ких светящихся лампочек, похожих на то, что они видели на креслах в Главной Рубке.

Джо промолчал, Джим только присвистнул. Они уселись в одно из кресел и стали осторожно экспериментировать с лампочками. Хью сел рядом. Джо-Джим накрыл группу белых огоньков на правом подлокотнике; все лампы в помещении погасли. Когда он поднял руку, крошечные огоньки были голубыми, а не белыми, как раньше. Ни Джо-Джим, ни Хью не удивились происходящему; ведь эта панель управления была подобна такой же панели в Рубке.

Джо-Джим попытался вызвать изображение звездного неба на пустое стекло перед собой. Это ему не удалось. Он не понял, что стекло было не экраном, а настоящим окном, затемненным собственно оболочкой Корабля.

Однако что-то включилось; это что-то оказалось надписью «Запуск». Джо-Джим не обратил внимание на надпись, потому что не понял ее. Никакого особого результата не последовало, только быстро замигал красный огонек, и появилась новая надпись: «Шлюз открыт».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло. Если бы они закрыли за собой двери и если бы в малом Конвертере было хоть несколько граммов массы, их бы выбросило прямо в космос на этой шлюпке, неприспособленной для долгого путешествия, знаки на панели управления которой они все еще очень смутно понимали. Возможно, им бы и удалось завести шлюпку обратно в гнездо, но более вероятно, что они бы разбились при попытке сделать это.

Но Хью и Джо-Джим все еще не знали, что «помещение», где они оказались, было космическим судном; такая мысль еще не могла прийти им в голову.

— Включи свет, — попросил Хью. Джо-Джим включил. — Ну? Что вы думаете об этом?

— Совершенно очевидно, что это другая Рубка, — ответил Джим. — Мы не догадывались, что она здесь есть, потому что не могли открыть дверь.

— Бессмысленно, — снова произнес Джо. — Зачем на одном Корабле две Рубки?

— Зачем одному человеку две головы? — возразил его брат. — С моей точки зрения, ты явно лишний.

— Это не одно и то же; мы так родились. А это не случайность — Корабль ведь строили.

— Ну и что? — возразил Джим. — У нас ведь два ножа, так? А мы с ними не родились. Просто хорошо иметь что-нибудь про запас.

— Но отсюда нельзя управлять Кораблем, — заметил Джо. — Отсюда ничего не видно. Если бы нужен был второй набор панелей управления, его бы поместили на Капитанском мостике. Откуда видно звезды.

— А это что? — спросил Джим, указывая на стеклянную стену.

— Подумай головой, — посоветовал брат. — Она смотрит не в ту сторону. Она повернута внутрь Корабля, а не наружу. И устроено все не так, как в Рубке; нечем отражать звезды на эту поверхность.

— Может быть, мы просто еще не во всем разобрались?

— Даже если так, ты кое о чем забыл. Как насчет маленького Конвертера?

— А что насчет него?

— Он должен иметь какое-то предназначение. Он здесь не случайно. Могу поспорить, что вот эти огоньки как-то с ним связаны.

— Почему?

— А почему бы и нет? Зачем они здесь?

Хью нарушил озадаченное молчание. Все, что говорили близнецы, кажется, имело какой-то смысл, даже их возражения. Что-то смущало его. Этот Конвертер, маленький Конвертер...

— Слушайте! — выпалил он.

— Что?

— А что, если... Вдруг эта часть Корабля движется?

— Ну да. Весь Корабль движется.

— Нет-нет, я совсем не то имею в виду. Вдруг она движется сама по себе? Тут есть панели управления и маленький Конвертер, — возможно, она может двигаться отдельно от Корабля.

— Совершенно невероятно.

— Вполне вероятно... Если это так, то это и есть выход.

— Что? — сказал Джо. — Ерунда. Здесь тоже нет двери наружу.

— Но она появится, если эта часть отделится от Корабля, — мы вошли сюда через нее!

Две головы разом повернулись к нему, будто их дернули за одну и ту же веревочку. Потом они взглянули друг на друга и на-

чали спорить. Джо-Джим повторил свой эксперимент с панелью управления.

— Видишь? — говорил Джо. — «Запуск». Это означает «начать что-то», «заставить двигаться».

— Тогда почему же ничего не движется?

— «Шлюз открыт». Это, видимо, та дверь, через которую мы вошли. Все остальное закрыто.

— Давай попробуем закрыть.

— Сначала придется запустить Конвертер.

— Хорошо.

— Не так быстро. Вдруг мы выйдем и не сможем зайти обратно. Умрем от голода.

— Хм... лучше подождать.

Хью слушал их спор, обследуя панели управления и пытаюсь в них разобраться. Под крышкой стола обнаружился ящичек; он пошарил в нем и что-то нашел.

— Посмотрите!

— Что такое? — спросил Джо. — А, книга. Там, в комнате рядом с Конвертером, их полно.

— Давай посмотрим, — предложил Джим.

Но Хью уже открыл ее и начал читать:

— «Вахтенный журнал космического корабля „Авангард“.
2 июня 2172 г. Полет нормальный...»

— Что? — завопил Джо. — Дай-ка сюда!

«3 июня. Полет нормальный.

4 июня. Полет нормальный. Совещание у капитана по вопросу награждений и взысканий в 13:00, см. Бортовой журнал.

5 июня. Полет нормальный...»

— Дай сюда!

— Подожди!

«6 июня. В 04:31 начался бунт. Вахта узнала об этом по видеофону. Унтер-офицер Хафф вышел на связь с рубкой и приказал вахте сдаться, называя себя „капитаном“. Вахтенный офицер приказал ему считать себя арестованным и сообщил в каюту капитана. Ответа не было.

04:35. Связь прервана. Вахтенный офицер выслал наряд из трех человек, чтобы известить капитана и помочь в аресте Хаффа.

04:41. Конвертер не дает энергии; свободный полет.

06:02. Унтер-офицер Лейси, посланный в составе группы из трех человек вниз, вернулся один. Устно доложил, что двое других, Малькольм Янг и Артур Сирс, мертвы, а ему разрешили вернуться, чтобы предложить вахте сдаться. Бунтовщики назначили крайний срок — 05:15».

Следующая запись была сделана другой рукой:

«05:45. Я приложил все усилия к тому, чтобы установить связь с другими службами и офицерами корабля, но безуспешно. В данных обстоятельствах считаю своим долгом оставить пульт управления без приказа и попытаться восстановить внизу порядок. Возможно, это ошибочное решение, ведь мы не вооружены, но я не знаю, что еще предпринять. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет, — ответил Хью.

«1 октября (примерно) 2172 г. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой службы снабжения, был сегодня выбран капитаном „Авангарда“. Со времени последней записи в этом журнале произошли огромные изменения. Бунт был подавлен, однако трагической ценой. Погибли или считаются погибшими все пилоты и инженеры. Меня не выбрали бы капитаном, если бы остался хоть один специалист.

Примерно девяносто процентов персонала мертвы. Не все они погибли в первой стычке; после бунта не был выращен урожай; запасы продовольствия подходят к концу. Среди несдавшихся смутьянов, похоже, начинается людоедство.

Сейчас моя первейшая задача — восстановить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Нужно посадить злаки. Необходимо наладить постоянную вахту у дополнительного конвертера, который поставляет нам все тепло, свет и энергию».

Следующие записи были без даты.

«Я слишком занят, чтобы аккуратно вести этот журнал. Честно говоря, я не знаю даже приблизительной даты. Часы на корабле больше не работают. Возможно, причина этого в неправильных действиях с дополнительным конвертером; возможно, в излучении из космоса. Антирадиационной защиты вокруг корабля больше нет, потому что не работает главный конвертер. Главный инженер утверждает, что его можно запустить, но у нас

нет астронавигатора. Я попытался разобраться в книгах, но математика слишком сложна.

Примерно один из двадцати новорожденных имеет отклонения в развитии. Я ввел спартанский кодекс — таким детям не дают права на жизнь. Это сурово, но необходимо».

«Я уже совсем стар и слаб и должен подумал о преемнике. Я последний член команды, рожденный на Земле, но и я мало что помню — мне было пять лет, когда родители взошли на борт. Я не знаю своего возраста, но некоторые признаки говорят, что недалеко то время, когда и я отправлюсь в свое путешествие в конвертер.

С моими людьми происходит странная перемена. Поскольку они никогда не жили на планете, с течением времени им все труднее понять что-либо, не связанное с кораблем. Я перестал говорить с ними об этом — в любом случае это не милосердно, ведь я не могу надеяться вывести их из тьмы. Их жизнь и так трудна; они выращивают урожай, а его разворовывают преступники, все еще процветающие на верхних палубах. Зачем же возбуждать бесплодные мечты?

Вместо того чтобы передать журнал своему преемнику, я думаю, будет лучше попытаться спрятать его в единственной шлюпке, оставленной сбежавшими смутьянами. Там он спокойно пролежит долгое время — иначе какой-нибудь безголовый крестин может использовать его как топливо для конвертера. Я поймал вахтенного, скармливающего конвертеру последний том из серии „Энциклопедия Земли“ — бесценные книги. Этого идиота никогда не учили читать! Надо издать какой-нибудь закон о книгах».

«Это моя последняя запись. Я откладывал попытку спрятать этот журнал, потому что подниматься выше самых низких уровней очень опасно. Но теперь моя жизнь не имеет ценности; я хочу умереть, зная, что останется правдивая запись.

Теодор Маусон, капитан».

Даже близнецы долго молчали, когда Хью закончил чтение. Наконец Джо тяжело вздохнул и сказал:

— Так вот как это случилось.

— Бедняга, — вздохнул Хью.

— Кто? Капитан Маусон? Почему?

— Нет, не капитан Маусон. Другой, пилот Болдуин. Только представь, он выходил в дверь, зная, что за ней Хафф. — Хью

содрогнулся. Несмотря на свою относительную просвещенность, он все еще подсознательно представлял себе Хаффа, «проклятого Хаффа, первого из согрешивших», как существо вдвое выше Джо-Джима, вдвое сильнее Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью взял у Эртца пару носильщиков из тех, которых тот использовал для переноски тел погибших в боевых стычках к конвертеру. Хью же использовал их, чтобы экипировать шлюпку. Туда доставили воду, хлеб, мясные консервы, массу для конвертера. Об этом он не стал докладывать Нарби, как и о находке шлюпки вообще. Этому решению не было разумного объяснения — просто Нарби ему не нравился.

Их звезда становилась все больше и больше. Наконец стал виден диск, и на нее уже невозможно было долго смотреть из-за ее яркости. Ее пеленг быстро (для звезды) менялся; она ползла по нижней части небесного свода. Без управления Корабль облетел бы вокруг нее по широкой дуге и снова скрылся в глубинах тьмы. Хью много недель вычислял элементы траектории; еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его результаты и призывали к тому, что эти нелепые цифры верны. Еще больше времени потребовалось на то, чтобы убедить Эртца, что для перемены своего положения в космосе нужно приложить усилие, которое оттолкнет тебя в другую сторону от того места, куда хочешь попасть, — как будто упираешься каблуками, нажимаешь на тормоза, гасишь инерцию.

Только целая серия экспериментов в невесомости позволила убедить Эртца — иначе он завершил бы путешествие, на полной скорости врезавшись в звезду. Затем Хью и Джо-Джим рассчитывали, как приложить ускорение, чтобы погасить скорость «Авангарда» и направить его по эксцентрическому эллипсу вокруг звезды. После этого они должны будут заняться поиском планет.

Эртцу не сразу удалось понять разницу между звездой и планетой. Алану это вовсе не удалось.

— Если мои расчеты верны, — сообщил Хью Эртцу, — мы теперь должны начать ускорение.

— Хорошо, — ответил Эртц, — Главный Двигатель готов — больше двухсот тел и еще куча неиспользованной массы. Чего же мы ждем?

— Надо встретиться с Нарби и получить разрешение начать.

— Зачем его спрашивать?

Хью пожал плечами:

— Он Капитан. Ему нужно знать.

— Ладно. Давай захватим Джо-Джима и сходим.

Они отправились в каюту Джо-Джима. Того не было, зато они увидели Алана, тоже разыскивающего его.

— Коренастый сказал, что он ушел к Капитану, — сообщил Алан.

— Вот как? Тем лучше — встретим его там. Алан, старик, знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Время пришло. Мы сделаем это! Мы сдвинем Корабль!

Алан округлил глаза:

— Ну?! Прямо сейчас?

— Как только сообщим Капитану. Пойдем с нами, если хочешь.

— Еще бы! Только скажу жене. — Он побежал к себе домой.

— Балует свою старуху, — заметил Эртц.

— Иногда это получается само собой, — сказал Хью с отсутствующим видом.

Алан скоро вернулся, хотя было видно, что он надел чистые штаны.

— Хорошо, — радостно сказал он. — Пошли!

Алан подходил к кабинету Капитана гордой походкой. Сейчас он был важной персоной. Он представлял себе, как прошагает со своими друзьями мимо стражника, отдающего им честь, и больше никто не будет толкать и унижать его.

Однако стражник не отодвинулся, хотя честь и отдал. Он загородил дверь.

— В сторону, парень! — мрачно сказал Эртц.

— Да, сэр, — ответил страж, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Что? Ты что, не узнал меня, дурак? Я Главный Инженер.

— Да, сэр. Оставьте оружие здесь, пожалуйста. Правила.

Эртц толкнул стражника в плечо. Тот устоял.

— Извините, сэр. Никто не должен приближаться к Капитану с оружием. Никто.

— Черт побери!

— Он не забыл судьбы прежнего Капитана, — тихо произнес Хью. — Он умен.

Он вытащил свой нож и бросил его стражнику. Тот аккуратно поймал нож за рукоятку. Эртц взглянул, пожал плечами и отдал свой нож. Алан, совершенно упавший духом, передал свой нож, наградив стражника таким взглядом, который вполне мог сократить тому жизнь.

Нарби что-то говорил; Джо-Джим хмурился обоими своими лицами; Бобо выглядел очень озадаченным и каким-то обнаженным, незаконченным без своих многочисленных ножей и пращи.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим. Таково мое решение. Я согласился объяснить тебе свои соображения, но мне безразлично, нравятся они тебе или нет.

— В чем дело? — спросил Хью.

Нарби взглянул на них:

— О, я рад, что вы зашли. Ваш друг мут, кажется, сомневается, кто здесь Капитан.

— А что случилось?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в сторону Нарби, — кажется, считает, что сможет разоружить мутов.

— Ну, война ведь окончена, не так ли?

— Такой договоренности не было. Муты должны были стать частью Экипажа. Заберите у них ножи — и Экипаж убьет их всех в мгновение ока. Это несправедливо. У Экипажа ведь есть ножи.

— Придет день, когда не станет, — предсказал Нарби, — но я сделаю это, когда посчитаю нужным и как посчитаю нужным. Это первый шаг. С чем ты пришел, Эртц?

— Спросите Хью.

Нарби повернулся к Хью.

— Я пришел сообщить вам, Капитан, — официально заявил тот, — что мы собираемся запустить главный Конвертер и начать движение Корабля.

Нарби был, казалось, удивлен, но не обеспокоен.

— Боюсь, что с этим придется повременить. Я еще не готов разрешить офицерам подняться на уровень невесомости.

— В этом нет необходимости, — объяснил Хью. — Мы с Эртцем можем провести первые маневры самостоятельно. Но ждать нельзя. Если не начать двигать Корабль сейчас, Путешествие не завершится в течение нашей с вами жизни.

— В таком случае, — ровно произнес Нарби, — это подождет.

— Что? — вскричал Хью. — Нарби, неужели ты не хочешь завершить Путешествие?

— Я никуда не тороплюсь.

— Что за чертова ерунда? — требовательно спросил Эртц. — Что на тебя нашло, Фин? Разумеется, мы должны начать двигать Корабль.

Прежде чем ответить, Нарби побарабанил по столу. Потом он произнес:

— Поскольку здесь, кажется, назревает легкое непонимание того, кто именно отдает приказы на Корабле, я могу сказать вам об этом прямо. Хойланд, до тех пор пока твоё времяпрепровождение не мешало управлять Кораблем, я разрешал тебе развлекаться. Я делал это с радостью, потому что ты по-своему был полезен. Но если твои сумасшедшие идеи становятся возможным источником падения нравов и угрозой миру и безопасности Корабля, то я вынужден положить этому конец.

Во время этой речи Хью несколько раз открывал и закрывал рот. Наконец ему удалось произнести:

— Сумасшедшие? Ты сказал «сумасшедшие»?

— Да. Если человек верит, что неподвижный Корабль способен двигаться, то либо он сумасшедший, либо невежественный религиозный фанатик. Поскольку вы оба все-таки получили подготовку как ученые, то я считаю, что вы потеряли разум.

— Джордан правый! — сказал Хью. — Человек своими собственными глазами видел бессмертные звезды — и может сидеть здесь и говорить, что мы сумасшедшие!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — К чему этот шум? Ты никого не обманешь — ты был в Рубке, был на Капитанском мостике, ты знаешь, что Корабль движется.

— Очень интересно, Эртц, — произнес Нарби, оглядывая его. — Я все размышлял, подыгрываешь ты заблуждениям Хойланда или сам заблуждаешься. Теперь я вижу, что ты тоже сумасшедший.

Эртц помолчал, а потом сказал:

— Объяснись. Ты видел Рубку; как ты можешь утверждать, что Корабль неподвижен?

Нарби улыбнулся:

— Я думал, ты более знающий инженер, Эртц. Рубка — это большая мистификация. Ты сам знаешь, что эти огоньки можно включать и выключать, — очень интересное изобретение. Я считаю, что оно использовалось, чтобы вселить священный ужас в невежд и заставить их поверить в древние мифы. Но нам это

больше не нужно, вера Экипажа и без того сильна. Теперь это источник разногласий — и я собираюсь разрушить Рубку и запечатать дверь.

Хью от всего этого совершенно потерял голову, начал бессвязно угрожать и схватился бы с Нарби, если бы Эртц не удержал его. Джо-Джим взял Хью за руку, оба лица его были похожи на каменные маски.

Эртц спокойно сказал:

— Предположим, ты прав. Предположим, что и Главный Конвертер, и Главный Двигатель — не что иное, как подделки, и мы никогда не сможем запустить их. Но как же Капитанский мостик? Там ты видел настоящие звезды, а не изображения.

Нарби пожал плечами:

— Эртц, ты еще глупее, чем я думал. Признаюсь, представление на мостике и меня сначала поразило, хотя я и не поверил в эти звезды. Но Рубка подсказала: это иллюзия, сложная инженерная игрушка. За стеклом находится еще одно помещение, примерно такого же размера, но не освещенное. На фоне темноты эти крошечные движущиеся огоньки производят впечатление бездонного пространства. Тот же самый трюк, что и в Рубке.

Это же само собой разумеется, — продолжал он. — Я удивлен, что вы этого не поняли. Когда явный факт противоречит логике и здравому смыслу, понятно, что вы просто не смогли правильно интерпретировать этот факт. Очевиднейший факт природы — это реальность самого Корабля, прочного, недвижимого, совершенного. Любой так называемый факт, который вроде бы противоречит этому, есть иллюзия. Зная это, я стал искать подвох и нашел его.

— Подожди, — сказал Эртц. — Ты хочешь сказать, что побывал за стеклом Капитанского мостика и увидел эти фальшивые огоньки, о которых ты толкуешь?

— Нет, — признал Нарби, — в этом нет необходимости. Без сомнения, сделать это будет достаточно просто, но это не нужно. Не надо резать себя, чтобы понять, что нож острый.

— Вот как... — Эртц остановился на минутку, размышляя. — Я хочу заключить с тобой сделку. Если мы с Хью сошли с ума с нашей верой, от этого не будет никакого вреда, пока мы держим рты на замке. Мы попробуем сдвинуть Корабль. Если это не удастся, значит ты прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется, — указал Нарби. — Тем не менее — я подумаю. Это все. Можете идти.

Эртц повернулся к выходу, но заметил выражение лиц Джо-Джима и остановился.

— Еще одно, — сказал он. — Что тут насчет мутов? Почему ты давишь на Джо-Джима? Он и его ребята сделали тебя Капитаном — ты должен проявить справедливость.

Нарби на миг сбросил свою улыбчивую снисходительность.

— Не вмешивайся, Эртц! Нельзя терпеть банды вооруженных дикарей. Это окончательное решение.

— С пленными можешь делать что хочешь, — заявил Джо-Джим, — но мои ребята должны сохранить ножи. Им обещали добрую еду, если они сражаются за тебя. Они сохраняют ножи. Это окончательное решение!

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — заметил он. — Я долго верил, что хороший мут — это мертвый мут. Ты сильно укрепляешь меня в этом мнении. Тебе будет интересно узнать, что сейчас твоя банда уже разоружена и перебита. Поэтому я и послал за тобой!

Вошли стражники, по сигналу или так было условлено заранее — неизвестно. Застигнутые врасплох, пятеро безоружных друзей обнаружили за спиной по вооруженному громиле.

— Уведите их, — приказал Нарби.

Бобо взвыл и взглянул на Джо-Джима, ожидая приказаний.

— Давай, Бобо, — сказал Джо.

Карлик, не думая о ноже, упирившемся в его спину, прыгнул прямо на стражника, стоявшего за спиной Джо-Джима. Тот потерял драгоценные полсекунды. Джо-Джим ударил его ногой в живот и завладел ножом. Хью придавил к полу стражника и выкручивал нож. Джо-Джим сделал последний выпад. Двухголовый монстр огляделся и увидел кучу из четырех тел — Эртца, Алана и двух стражников. Джо-Джим вдумчиво работал ножом, следя за тем, чтобы не перепутать тела. Наконец все было кончено.

— Заберите их ножи, — велел Джо-Джим.

Его слова потонули в нечеловеческом вое. Бобо, у которого все еще не было ножа, воспользовался своим естественным оружием. Лицо стражника, наполовину откушенное, превратилось в кровавое месиво.

— Забери его нож, — приказал Джо.

— Не могу достать, — виновато признался Бобо. Причина этого была очевидна — рукоятка ножа торчала у него между ребер, прямо из-под правой ключицы.

Джо-Джим осмотрел место ранения, осторожно дотронулся до ножа. Он сидел прочно.

— Идти можешь?

— Ну да, — проворчал Бобо и поморщился.

— Оставим нож там, где он есть. Алан! Со мной. Хью и Билл — прикрывайте тыл. Бобо в середине.

— А где же Нарби? — спохватился Эртц, ощупывая царапину у себя на скуле.

Нарби исчез — улизнул через потайную дверь позади стола, заперев ее за собой.

Клерки разбегались от них по приемной. Джо-Джим заколол стражника у внешней двери, когда тот еще поднимал свисток. Друзья быстро разобрали свое оружие, присоединив его к захваченному, и побежали наверх.

Через две палубы после последней жилой Бобо споткнулся и упал. Джо-Джим поднял его.

— Сможешь продержаться?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Они полезли дальше. Еще через двадцать палуб стало очевидно, что Бобо не сможет больше идти, хотя они по очереди поддерживали его. Однако вес уже сильно уменьшился. Алан поднял Бобо, как ребенка, и они двинулись дальше.

Джо-Джим сменил Алана.

Эртц сменил Джо-Джима. Хью сменил Эртца.

Они достигли уровня, где жили раньше, и Хью повернул в направлении их комнаты.

— Положи его, — скомандовал Джо. — Куда ты направился? Хью устроил раненого на полу.

— Домой. Куда же еще?

— Дурак! Здесь нас в первую очередь будут искать.

— А куда же нам идти?

— Никуда — на Корабле. Выйдем из корабля!

— Что?

— На шлюпке.

— Он прав, — согласился Эртц. — Теперь весь Корабль против нас.

— Но... но... — Хью подчинился. — Шансы ничтожны — но стоит рискнуть.

Он снова двинулся в направлении дома.

— Эй! — крикнул Джим. — Не туда.

— Нужно забрать женщин.

— К Хаффу женщин! Вас поймают. Нет времени.

Но Эртц и Алан последовали за Хью.

— Ну и ладно! — фыркнул Джим. — Но поторопитесь! Я останусь с Бобо.

Джо-Джим уселся, положил голову Бобо себе на колени и тщательно осмотрел его. Кожа была влажной и серой; длинная алая дорожка бежала с правого плеча. Бобо прерывисто вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима:

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим погладил его по голове.

— Потерпи, — сказал Джим. — Будет больно.

Чуть приподняв раненого, он осторожно взялся за нож и выдернул его. Хлынула кровь.

Джо-Джим осмотрел нож, отметил смертельную длину лезвия и прикинул его размер по отношению к глубине раны.

— Он не вытянет, — прошептал Джо.

Джим взглянул на него:

— Тогда?..

Джо медленно кивнул. Джо-Джим потрогал лезвие вынутого из раны ножа и взял один из своих, острый как бритва. Он взял карлика за подбородок левой рукой, и Джо скомандовал:

— Посмотри на меня, Бобо!

Бобо посмотрел, беззвучно прошептав что-то. Джо смотрел ему прямо в глаза:

— Хороший Бобо! Сильный Бобо!

Карлик ухмыльнулся, будто услышал и понял, но не попытался ответить. Хозяин чуть повернул его голову; лезвие вонзилось глубоко, взрезав сонную артерию, но не задев гортань.

— Хороший Бобо! — повторил Джо. Бобо снова ухмыльнулся.

Когда глаза его остекленели, а дыхание совершенно прекратилось, Джо-Джим положил тело к стене и взглянул в направлении, куда ушли остальные. Им уже пора было вернуться.

Он засунул лезвие в ножны. Убедился, что оружие в порядке. Остальные вернулись бегом.

— Небольшая заминка, — объяснил Хью, задыхаясь. — Коренастый мертв. Никого из твоих не видно. Возможно, их перерезали, — похоже, Нарби не соврал. Вот...

Он протянул Джо-Джиму длинный нож и доспех, сделанный специально для него — с широкой стальной клеткой вместо шлема, покрывающей обе головы.

Эртц и Алан были в доспехах, Хью тоже. Для женщин доспехов не делали. Джо-Джим отметил, что у младшей жены Хью только что разбита губа, — видимо, аргумент попался весомый. Ее глаза метали молнии, хотя внешне она сохраняла покорность. Старшая, Хлоя, кажется, считала происходящее вполне естественным. Жена Эртца тихонько плакала; женщина Алана была в такой же растерянности, что и он сам.

— Как Бобо? — спросил Хью, прилаживая доспех Джо-Джима.

— Отправился в Путешествие, — сообщил Джо.

— Вот как? Ну что ж — пора идти.

Они быстро дошли до уровня невесомости. Тут пришлось замедлиться — женщины не умели двигаться в таких условиях. Они добрались до переборки, отделяющей Рубку со шлюпками от Корабля, и принялись подниматься. Они не встретили никакой засады, хотя Джо показалось, что он заметил чью-то мелькнувшую голову на одной из палуб. Он шепнул об этом брату. Остальным они ничего не сказали.

Дверь в шлюпочный отсек заклинило, а Бобо уже не было с ними. Все приложились по очереди, обливаясь потом от напряжения. Снова взялся Джо-Джим, причем Джо расслабился, чтобы не мешать Джиму напрягать мышцы. Дверь подалась.

— Все внутрь! — рявкнул Джим.

— Быстро! — скомандовал Джо. — Они приближаются. — Пока его брат трудился, он оглядывался по сторонам. Крик снизу подтвердил его опасения.

Близнецы обернулись, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Мужчины пихали своих женщин в открытые двери. Бестолковая подруга Алана вдруг потеряла выдержку, завизжала и попыталась убежать, но ее подвела невесомость. Хью схватил ее, втолкнул внутрь и от души приложил ногой. Джо-Джим метнул нож, чтобы задержать преследователей. Он достиг цели — полдесятка наступающих приостановились. Потом, явно по сигналу, в воздух взвилось сразу пять ножей.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что доспех уберег его.

— Промазали, Джо, — порадовался он.

Ответа не было. Джим повернул голову, чтобы взглянуть на брата. В нескольких дюймах от его лица сквозь прутья решетки торчал нож. Лезвие глубоко засело в левом глазу Джо.

Брат был мертв.

Выглянул Хью.

— Давай, Джо-Джим! — заорал он. — Все внутри.

— Зайди внутрь, — велел Джим. — Закрой дверь.

— Но...

— Заходи! — Джим повернулся и втокнул Хью внутрь, закрыв за ним дверь. Хью успел заметить нож, торчащий из безжизненно склоненной головы. Потом дверь перед ним затворилась, и он услышал лязг рычага.

Джим повернулся к атакующим. Оттолкнувшись от переборки уже непослушными ногами, он полетел навстречу врагам, обеими руками сжимая свой чудовищный клинок. В его сторону летели ножи, ударялись в стальную броню на груди, впились в ноги. Он размахнулся и развалил почти пополам первого противника.

— Это за Джо!

Удар отбросил его. Он перевернулся в воздухе, нашел равновесие и снова ударил.

— Это за Бобо!

Его окружили; он яростно дрался, не обращая внимания, куда бьет его клинок, лишь бы находил цель.

— А это за меня!

Нож воткнулся ему в бедро. Он не замедлил движения; ноги не имели значения в невесомости.

— Один за всех!

На плечах повис человек — он чувствовал его. Не важно — перед ним тоже был враг, который ждал удара. Замахиваясь, Джим прокричал:

— Все за одно... — Он не успел закончить, но успел ударить...

Хью попытался открыть дверь, захлопнувшуюся перед его лицом. Ему это не удалось, — если он и мог ее открыть, то не знал как. Он прижал ухо к стали и прислушался, но шлюзовая дверь не пропускала ни звука.

Эртц дотронулся до его плеча.

— Пойдем, — сказал он. — Где Джо-Джим?

— Он остался там.

— Что? Открой дверь!

— Не открывается. Он сам решил остаться, он захлопнул дверь у меня перед носом.

— Надо спасти его — мы ведь кровные братья.

— Я думаю, — сказал Хью, внезапно озаренный догадкой, — я знаю, почему он остался. — И он рассказал Эртцу, что видел. — В любом случае, — завершил он, — для него это конец Путешествия. Иди назад и загрузи массу в Конвертер. Мне нужна энергия. — Они вошли в шлюпку; Хью закрыл за собой воздушный шлюз.

— Алан! — позвал он. — Мы стартуем. Пусть женщины не путаются под ногами.

Он уселся в кресло пилота и выключил свет.

В темноте он накрыл ладонью узор из зеленых лампочек. На подлокотнике высветилась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело. «Вот оно!» — подумал Хью и активизировал комбинацию запуска. Короткая пауза, потом быстрый, вызывающий тошноту крен — и поворот. Это напугало его, ведь он не знал, что траектория запуска была построена так, чтобы погасить обычное вращение Корабля.

Стекло перед его глазами было теперь испещрено точками звезд; и они двигались — они были свободны!

Но не все пространство было равномерно заполнено звездами, как это всегда виделось с Капитанского мостика или из Рубки. Теперь огромная, гигантская, неуклюжая масса мягко блестела под светом звезды, в чью систему они уже вступили. Сначала он не мог понять, что это. Потом с суеверным ужасом вдруг осознал, что смотрит на сам Корабль, настоящий Корабль, снаружи. Несмотря на то что долгое время он умом знал, что такое Корабль, он никогда и представить себе не мог, что будет смотреть на него. Можно видеть звезды, внешнюю поверхность планет — эту концепцию он воспринял с трудом, — но не внешнюю поверхность Корабля.

Зрелище привело его в шок.

Алан дотронулся до его руки:

— Хью, что это?

Хью попытался объяснить. Алан затряс головой и заморгал:

— Я не понимаю.

— Ничего. Позови сюда Эртца. И приведи женщин — пусть посмотрят.

— Хорошо. Но, — добавил Алан со здоровой интуицией, — не надо показывать это бабам. Они только испугаются — они ведь и звезд никогда не видели.

Удачей было то, что корабль оказался вблизи звезды с планетной системой, что Корабль приблизился к ней с такой небольшой скоростью и Хью смог противостоять ей на своем крошечном судне, что он научился управлять этим судном раньше, чем они умерли от голода или затерялись в открытом космосе.

Благодаря гениальным инженерным решениям маленькое суденышко обладало огромным запасом энергии и скорости. Создатели предполагали, что первопроходцам может понадобиться исследовать отдаленные планеты звездных систем. Они заложили такую возможность в шлюпки корабля, обеспечив их значительным резервом безопасности. Хью почти исчерпал этот резерв.

Им повезло, что они оказались вблизи плоскости планетной орбиты, что, когда Хью удалось направить крошечный кораблик вокруг солнца, он двинулся по орбите в ту же сторону, что и планеты.

Повезло, что эксцентрическая орбита, на которой они оказались, постепенно вынесла их ближе к гигантской планете, которую он смог визуально отличить от звезд.

Большинство землян в силу геоцентристских и антропоцентристских представлений совершает одну ошибку. Они воображают планетарную систему стереоскопически. Они рисуют мысленным взором Солнце в отдалении от россыпи звезд, окруженное вращающимися шариками-планетами. Выйдите на балкон и посмотрите. Можете ли вы отличить звезду от планеты? Венеру найти легко, но отличите ли вы ее от Канопуса, если не знали его раньше? Та маленькая красная точка — это Марс или Антарес? Как узнать, если вы невежественны, как Хью Хойланд? Рванете к Антаресу, думая, что это планета, — и внуков у вас не будет.

Они медленно подползали к планете. Наконец она превратилась в видимый невооруженным глазом диск. Огромная, как Юпитер, она величественно кружила вокруг своего светила. Несколько суток Хью тормозил шлюпку. Наконец он достаточно приблизился к планете и заметил ее спутники.

Удача снова оказалась на его стороне. Он собирался, за неимением лучшего, сесть на гигантскую планету. Осуществи он свой план — они дожили бы только до открытия люка.

Но ему не хватало массы, ведь они выполнили титаническую задачу, сходя с гиперболической траектории, ведущей мимо

звезды, и выходя на внутреннюю орбиту сначала вокруг звезды, затем вокруг огромной планеты. Хью корпел над древними книгами, бесконечно решая уравнения, освещающие законы движения небесных тел. Он вычислял и перепроверял — и наконец вывел из терпения даже спокойную Хлою.

Вторая его жена, безымянная, после потери зуба держалась от него в стороне.

По всем уравнениям выходило, что, даже разденысь они до гола и выбрось ножи, ему придется потратить на топливо по крайней мере несколько драгоценных, незаменимых древних книг.

Он предпочел бы расстаться с одной из своих жен.

И он решил сесть на одну из лун.

И снова удача. Совпадение настолько маловероятное, что можете в него не верить, — но спутник оказался пригодным для жизни людей. Не хотите — не верьте; возникновение нашей собственной планеты настолько же маловероятно. Это просто редкостная случайность.

Удача Хью оказалась такой же редкостной случайностью.

На следующем этапе вновь помог гений создателей корабля. Хотя Хью и научился управлять своим суденышком в космосе, где есть место для маневра, посадка — совсем другое и очень непростое дело. Он неминуемо разбил бы любое судно, созданное до «Авангарда». Но создатели корабля знали, что шлюпкой будет управлять по крайней мере второе поколение астронавтов. Неумелым пилотам придется летать без посторонней помощи. Древние инженеры учли это.

Хью ввел шлюпку в стратосферу и победоносно направил ее по гибельному курсу.

Автопилот перехватил управление.

Хью бушевал и ругался такими словами, которые переключили на себя восторженное внимание Алана, до того созерцавшего звездное небо за иллюминатором. Но что бы он ни делал, судно не реагировало. Оно двигалось своим курсом, выровнялось на высоте в тысячу футов и не меняло ее, несмотря на усилия Хью.

— Звезды пропали!

— Я знаю.

— Но Джордан! Хью, что с ними случилось?

Хью взглянул на Алана:

— Я — не — знаю — и — не — хочу — знать! Сиди с женщинами и не задавай глупых вопросов.

Алан неохотно ретировался, бросив взгляд на поверхность планеты и яркое небо. Зрелище заинтересовало его, но не слишком — его способность удивляться уже почти перегорела.

Только спустя несколько часов Хью обнаружил, что имеется еще одна группа лампочек, манипуляции с которой запустили механизм посадки. Он действовал методом проб и ошибок и не выбирал места высадки. Однако недремлющее око автопилота передало информацию в «мозг»; субмолекулярный механизм начал сравнивать и корректировать. Корабль мягко приземлился посреди холмистой прерии рядом с небольшой рощицей.

Появился Эртц.

— Что случилось, Хью?

Хью указал на иллюминатор:

— Мы на месте.

На большее его не хватило — сказывались усталость и эмоциональное истощение. Несколько недель он боролся с кораблем, плохо понимая, что именно нужно делать, боролся с голодом, а в последние дни и с жаждой. Много лет он жил одной страстной надеждой — и теперь у него почти не осталось сил радоваться.

И все же они приземлились, они завершили Путешествие Джордана. Он был счастлив, и он очень устал.

— Джордан! — Эртц не мог сдержать восклицания. — Давай выйдем!

— Давай.

В воздушном шлюзе стоял Алан, за ним сгрудились женщины.

— Прилетели, капитан?

— Заткнись, — сказал Хью.

Женщины столпились возле иллюминатора; Алан с важным видом порол чушь, объясняя им, что они видят снаружи. Эртц открыл последнюю дверь.

Внутри хлынул свежий воздух.

— Холодно, — произнес Эртц. На самом деле температура была всего лишь на каких-нибудь пять градусов ниже, чем постоянная температура на корабле, но Эртц еще не знал, что такое «погода».

— Ерунда! — фыркнул Хью, раздраженный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Тебе просто кажется.

— Возможно, — отступил Эртц. После неловкой паузы он предложил: — Выходим?

— Конечно. — Преодолев собственную робость, Хью оттолкнул его и прыгнул с пятифудовой высоты на землю. — Давайте — здесь здорово.

Эртц прыгнул следом и встал рядом. Больше они не решились сделать ни шага.

— Просторно, да? — хрипло произнес Эртц.

— Ну, так и должно было быть, — отрезал Хью, злясь на себя за то же чувство потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул из люка. — Можно спускаться? Как там?

— Давай.

Алан бесстрашно перевалился через край, оглянулся и присвистнул: «Боже мой!»

Свою первую вылазку они совершили за пятьдесят футов от корабля.

Они держались кучкой и старались не спотыкаться на странной неровной палубе. Ничего необычного не произошло, пока Алан не оторвал взгляда от земли и не обнаружил, впервые в своей жизни, что ни стен, ни потолка нет. Голова его закружилась, накатил острый приступ агорафобии; он застонал, закрыл глаза и повалился на траву.

— Какого Хаффа... — начал Эртц, озираясь, — и повалился рядом.

Хью держался из последних сил. Он упал на колени, но не позволил себе лечь на землю, лишь оперся на руку. У него все же было преимущество — он подолгу смотрел в иллюминатор, а ведь и Алан с Эртцем не были трусами.

— Алан! — пронзительно закричала его жена от двери шлюпки. — Алан! Вернись!

Алан приоткрыл один глаз, сфокусировал зрение на корабле и снова припал к земле.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Садись.

Тот сел с видом человека, которому нечего больше терять.

— Открой глаза!

Алан осторожно подчинился, но снова поспешно закрыл их.

— Посиди спокойно, и все пройдет, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

В подтверждение своих слов он поднялся на ноги. Голова еще кружилась, но он справился. Эртц тоже сел.

Солнце пересекло уже немалую часть неба, времени прошло столько, что и упитанный человек успел бы проголодаться, — а они уже давно не ели досыта. Даже женщины вышли наружу, — точнее, их вытолкали. Они не решались отойти от корабля и сидели тесной кучкой. Однако мужская половина уже освоилась ходить поодиночке даже в открытых местах. Алану было теперь нипочем отойти и на пятьдесят ярдов от корабля, что он с гордостью проделал несколько раз на виду у женщин.

В одну из таких вылазок он заметил маленького зверька, чье любопытство пересилило осторожность. Нож Алана остановил его. Алан подобрался к нему, схватил добычу за ногу и гордо принес Хью.

— Посмотри, Хью! Добрая еда!

Хью посмотрел одобрительно. Его первый непонятный страх прошел. Теперь его переполняло теплое глубокое чувство обретенного дома. Это было хорошим предзнаменованием.

— Да, — согласился он. — Добрая еда. Отныне и навсегда, Алан, добрая еда.

КОММЕНТАРИЙ

Поскольку Хайнлайн написал «Вселенную» в виде повести, вторая часть истории должна была содержать тему всего короткого романа, состоящего из двух повестей: конфликт приобретенного опыта и ортодоксальности общепринятой мудрости. Он назвал ее «Здравый смысл», поскольку именно этими словами ограниченные и закосневшие мозги требовали называть свою ортодоксальность. «Здравый смысл» вечно ошибается.

Первоначально Хайнлайн хотел завершить историю тем, что Хью Хойланд окончательно возвращается к здравомыслящей мудрости своего племени и с радостью отправляет в конвертер своего наставника, двуглавого мутанта Джо-Джима¹. Но затем сюжетное чутье в нем возобладало. Даже если истина болезненна, в конечном итоге именно она превалирует над царствующей ортодоксией. Мутант Джо-Джим, «презираемый и отвергнутый людьми», открыл Хью Хойланду истину, которая должна была сделать его сво-

¹ В радиопостановке по «Здравому смыслу», вышедшей в 1940-х годах, концовка еще более реалистична: здравомыслящие соплеменники Хью отправляют в конвертер его самого. — *Примеч. С. В. Голд.*

бодным, и свободный Хью Хойланд привел отряд Гедео¹, отобранный среди экипажа корабля, к посадке на неизведанную планету.

Группа Хью Хойланда еще раз появляется в продолжении «Истории будущего», когда Лазарус Лонг в романе «Достаточно времени для любви» вспоминает, как он пытается вступить в контакт с группой высокоинтеллектуальных дикарей, потомков Хойланда. А здравомысляще-невежественные ортодоксы в своей карманной вселенной погрузились в вечную ночь, потерянные даже для истории будущего.

Тридцать лет, до тех пор, пока Хайнлайн не продолжил «Историю будущего» романом «Достаточно времени для любви», «Вселенная» и «Здравый смысл» оставались последними в «Истории будущего». И в этом качестве они должны были объединиться в одну книгу в финальном, пятом томе «Истории», которую намеревалась выпустить «Shasta». Когда проект «Shasta» пошел ко дну, эти перспективы потонули вместе с ним. Лишь в 1963 году Голландц собрал две новеллы под одной обложкой (для чего Хайнлайн слегка переработал несколько предложений) и опубликовал под названием «Гражданин Галактики». На этом «История будущего» была окончательно завершена и выпущена в твердом переплете (как раз вовремя, чтобы начать задумываться над тем, чтобы собрать весь цикл в один том). Новый издатель Хайнлайна, «GP Putnam's Sons», выпустил американское издание «Гражданина Галактики» как раз в тот момент, когда в «Putnam's» начались переговоры о «гигантском» omnibus «Истории будущего». Но права на «Детей Мафусаила» (1958) все еще оставались у «Gnome Press», и потому проект был отложен. Когда права истекли, «Дети Мафусаила» были включены в omnibus «The Past Through Tomorrow» («Прошлое через завтра») (1967), однако при этом «Putnam's» по-прежнему продавал «Гражданина Галактики» отдельным изданием, и эти повести не вошли в omnibus.

Впервые «История будущего» была напечатана целиком в одной издательской серии только в многотомнике от «Virginia Edition».

¹ Гедео^н — библейский персонаж, победивший малыми силами огромное войско противника. — *Примеч. С. В. Голд.*

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ БУДУЩЕГО

Я никогда не «создавал» и не «изобретал» историю будущего. В первый день апреля 1939 года (подходящая дата?) я начал писать на коммерческой основе; к середине августа я написал восемь коротких рассказов и один длинный. Поскольку пять из них происходили на более или менее одном и том же вымышленном фоне, я обнаружил, что мне постоянно приходится сверяться между ними, чтобы не споткнуться о свои собственные ноги.

Поэтому я взял старую навигационную карту размером три на четыре примерно фута, перевернул ее тыльной стороной, отметил вертикальную шкалу времени, затем добавил пять столбцов: произведения, персонажи, технические данные, социологические сведения и комментарии. Затем я проверил свои первые пять рассказов, занес данные в соответствующие столбцы на нужной высоте для вымышленных дат — а позднее проделывал то же самое с новыми рассказами. Диаграмма всегда была у меня под рукой, справа от меня на стене, и вид имела весьма непрезентабельный, потому что, когда нужно было что-то в нее добавить, я не снимал ее со стены, а просто протягивал руку и царапал на ней как попало.

В 1940 году, выплатив ипотеку, ради которой я и начал писать фантастику, я отправился на восток, встретился с ДВК¹ и в ходе знакомства и бесконечной болтовни рассказал ему об этом приеме, который помогал мне писать рассказы с общим псевдоисторическим фоном и не запутываться.

ДВК сказал: «Я должен увидеть эту таблицу!» Я отказался, указывая на то, что это просто подспорье для *меня*, а не для чи-

¹ ДВК — Джон Вуд Кэмпбелл. — *Примеч. С. В. Голд.*

тателей. Потом я вернулся домой, но он продолжал теребить меня. В конце концов, чтобы его заткнуть, я взял чертежную доску, инструменты и нарисовал уменьшенную копию схемы, а данные впечатал на машинке — сделал что-то вроде аппликации. Я отослал ему диаграмму, художественный отдел «Street & Smith» ее перерисовал, просто сделал поаккуратнее, ничего не меняя. А потом Джон ее опубликовал.

Я до сих пор не знаю, была ли та публикация разумной идеей или глупой ошибкой. Возможно, она помогла мне позднее продать несколько рассказов — но очевидно, что из-за нее я получал и продолжаю получать много неприятных писем от всяких зануд. Ведь я никогда не чувствовал себя связанным этой диаграммой; это она должна была служить *мне*, а не наоборот. Если мне приходил в голову хороший сюжет, который достаточно гладко вписывался в таблицу, не идеально, но гладко, — я не лил понапрасну слез, а двигался дальше, не обращая внимания на нестыковки.

Я, конечно, хотел бы, чтобы каждая история была внутренне последовательной... но я не позволю загнать себя в угол в попытке идеально вписаться в эту схему. Завтра я могу начать новую вещь для «Истории будущего»... и вдруг окажется, что ради хорошего сюжета мне нужно нарушить какой-то пункт на этой диаграмме. Я лучше дам повод для криков занудам, чем испорчу хороший сюжет ради «логики», — логика тут вообще ни при чем, потому что эта схема — *выдумка*, а не священное писание.

Насколько же хороша идея придумать возможную «историю» будущего, а затем в соответствии с ней писать рассказы? Для меня это — смирительная рубашка... но у вас это может красиво сработать. Из разговоров среди профессионалов я уяснил, что *в мире не найдется двух писателей, работающих одинаково*.

Как Марион [Зиммер Брэдли] справляется с историями Дарковера? Я не знаю. Похоже ли это на то, как Горди [Гордон Р. Диксон] обращается с подобной же сагой? Я понятия не имею. Разложил ли Док Смит весь сериал о Босконе по полочкам до того, как написал «Трипланетие»? Возможно, это известно Верне [Трестрайл — дочь Дока Смита] — ей не было десяти, когда Док начал этот цикл. Я знаю, что Док заранее подготовил по крайней мере две книги. Работает ли Жаклин [Лихтенберг] с историями о Зеоре таким же образом, каким Э. Э. Смит работал над вещами о Босконе? Полагаю — да, у нее даже есть свой

аналог «Галактических странников»¹. Но, учитывая, что все они родились даже не полвека назад, а куда раньше, ответа на этот вопрос мы, возможно, уже не получим.

Возможно, кому-то будет интересно (но не обязательно полезно) узнать, как пишут его коллеги. Если мой неуклюжий способ с настенной диаграммой вам пригодится — что ж, вперед и удачи! Но я сомневаюсь, что он сильно помог Ларри Нивену, потому что произведения из «Известного космоса» в его собственной истории будущего выглядят куда более запутанными.

Есть шестьдесят и девять способов сложить балладу,
И каждый из них хорош!²

Р. Киплинг

Зрелище — петля!³

У. Шекспир

Не беспокойся о Морской Богемии — просто рассказывай свою историю.

КОММЕНТАРИЙ

К моменту написания этого письма-эссе, через шесть лет после публикации «Достаточно времени для любви», Хайнлайн завершил все, что планировал по «Истории будущего», и она потеряла для него актуальность. За десятилетия его коллеги освоили и приняли на вооружение методику взаимосвязанного построения будущего; она была органична для литературы о будущем — на самом деле настолько органична, что коллеги Хайнлайна считали не лишним напоминать самим себе, что это было именно открытие, сделанное в определенное время в определенном месте вполне определенным, если не единственным в своем роде, человеком.

Хайнлайн советовал своим коллегам относиться к этой методике лишь как к средству облегчить работу с текстами; он отказывался признать, что эта концепция обрела собственную жизнь

¹ «Галактические странники» («Galactic Roamers») — группа фэнов, которые выполняли работу бета-тестеров и принимали участие в обсуждении сюжетов Дока Смита. — *Примеч. С. В. Голд.*

² «В неолитическом веке». — *Примеч. С. В. Голд.*

³ Гамлет. Акт 2, сцена 2. Перевод Лозинского. — *Примеч. С. В. Голд.*

в качестве своеобразного произведения искусства. Хайнлайн нечасто бывал таким зашоренным, но такое отношение к диаграмме было следствием одного важного решения, которое он принял: он более не желал обращать внимание на критику и брюзжание фэндома. Это решение давало ему массу преимуществ. Он мог спокойно испытывать новые концепции, новые приемы письма и получать максимум удовольствия от богоугодного занятия: приводить в бешенство наиболее ограниченных читателей из числа своих старых поклонников и оттаптывать им на ногах пальцы.

Тем не менее «История будущего» обрела собственную жизнь, и, вполне возможно, последний роман Хайнлайна «Уплыть за закат» подтверждает именно этот момент, рассматривая большую часть XX века в истории будущего со слегка отличающейся точки зрения. Успешная научная фантастика (когда она выходит за рамки удовлетворения подростковых импульсов самовыражения) моделирует некие важные аспекты нашего мира, актуальные проблемы, которые должны быть решены. В конце концов, именно для этого и был изначально задуман цикл «История будущего» — показать, «как мы попали из депрессии в утопию социального кредита в XXI веке», справляясь с историческими непредвиденными обстоятельствами и извлекая из материалов истории то лучшее, что можно было найти в нас. Это то, чем занимается искусство, независимо от того, куда обращен его взгляд — в прошлое или в будущее. В конечном счете «История будущего» Роберта Хайнлайна была создана как метод научной фантастики, с помощью которого создавались произведения искусства, а затем политики и ученые использовали эти произведения искусства для того, чтобы творить историю.

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

ДАТЫ	ИСТОРИИ	ПЕРСОНАЖИ	ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ
н. э.			
	Линия жизни	Пинеро	
	Дороги должны катиться Взрыв всегда возможен	Мартин Дуглас Гейнс Блекинсеп Харпер Эрикссон Кинг Ленц	
	Человек, который продал Луну	Гарриман Макинтайр Каммингс	
2000	Далила и космический монтажник Космический извозчик Реквием Долгая вахта «Присаживайтесь, джентльмены!» Темные ямы Луны «Как здорово вернуться!» «...А еще мы выгуливаем собак» Проектор	Уингейт Сэм Джонс Кошелек Райслинг Скаддер Неемия Лазарус Лонг	Солнечные панели Дуглас—Мартин Механизированные дороги Коммерческие ракетные рейсы Вертолеты Возобновление полетов
	Испытание космосом Зеленые холмы Земли		
	Логика империи Угроза с Земли	Новак Джон Лайл Зед Джонс Мастер Питер Магдалина Маккиннот «Глиняный» Рэнделл Персефона «Доктор» Либби Маккой Родс Дойл	Преграждение полетов Преграждение психодинамики Уран-235, искусственные радиоактивные элементы
	«Если это будет продолжаться...»		
	Ковентри		
2100	Неудачник	Форд	
	Вселенная (только пролог)		
	Дети Мафусаила		
	Вселенная: Здравый смысл		
			Мехпланетные перелеты Ограниченное использование телелатии Развитие субмолекулярной механики

Пересмотренный вариант (1950); опубликован в конце каждого из трех томов, изданных «Shasta Press»: «The Man Who Sold the Moon and Other Stories» (1950); «The Green Hills of Earth and Other Stories» (1951) and «Revolt in 2100» (1953).

ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ		СОЦИОЛОГИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
	Трансатлантические ракетные перелеты Ракетный транспорт между Северным и Южным полушариями	БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ Забастовка 1976 года «ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ» Первая ракета на Луну	Значительный технический прогресс в этот период сопровождается постепенным упадком нравов, целей и общественных институтов, завершаясь массовым психозом шестого десятилетия и Междувластием За Междувластием последовал период реконструкции. Финансовые предложения Вурхиса привели к временной экономической стабильности и возможности переориентации. Это закончилось открытием новых рубежей и возвращением к экономике XIX века
	Бактериофаг Транспортные и боевые модули	Основание Луна-Сити Акт о космической предосторожности Лунные корпорации Гарримана ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ Революция в Литтл-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-австралийский аншлюс	Краткий период межпланетного империализма завершился тремя революциями: в Антарктике, США и на Венере. Космические путешествия прекратились к 2072 году
Статическая субмолекулярная техника (парастатика)	Коммерческая стереоптика	Рост религиозного фанатизма «Новый крестовый поход» Восстание и независимость венецианских колоний Религиозная диктатура в США	Период малого технического прогресса и ограничения исследований. Крайний пуританизм. Класс священников разрабатывает определенные моменты психодинамики и психометрии, психологии масс и контроля над обществом
	Бустерные орудия Синтетическая пища Управление погодой Волновая механика	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	Восстановление гражданских свобод. Возрождение научных исследований. Возобновление космических полетов. Повторная закладка Луна-Сити. Наука социальных отношений, основанная на отрицании базовых утверждений семантики. Застой в эпистемологии. Ковенант
	Барьер		Начало консолидации Солнечной системы.
	Управление атомами Элементы 93-416 Парастатическая техника		Первая попытка межзвездных исследований.
	Стабилизация коллоидов Исследования симбиоза Долголетие		Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и начало первой зрелой культуры

Для этой «пересмотренной версии» плана «Истории будущего» Хайнлайн сдвинул вперед на десять лет датировку большей части рассказов и событий, чтобы начать с текущего «сейчас» в 1950 году.

СОДЕРЖАНИЕ

«ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...»	
<i>Перевод И. Можейко</i>	9
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	164
ПОВЕСТЬ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ	
<i>Перевод А. Тюрина</i>	167
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	172
НЕУДАЧНИК. <i>Перевод А. Тюрина</i>	174
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	197
КОВЕНТРИ. <i>Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	199
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	254
ДЕТИ МАФУСАИЛА. <i>Перевод К. Плешкова</i>	256
Комментарий. <i>Перевод К. Плешкова</i>	449
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ. Часть 1. ВСЕЛЕННАЯ	
<i>Перевод Е. Беляевой, А. Митюшкина</i>	453
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	501
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ. Часть 2. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ	
<i>Перевод Е. Беляевой, А. Митюшкина</i>	503
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	566
ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ БУДУЩЕГО	
<i>Перевод С. В. Голд</i>	568
Комментарий. <i>Перевод С. В. Голд</i>	570

Хайнлайн Р.

Х 15 Пасынки Вселенной : История будущего. Книга 2 : повести, рассказы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. И. Можейко, С. В. Голд, А. Тюрина и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 576 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-16880-0

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место. Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, — много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек — ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, человечный.

В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО
КНИГА 2

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.07.2020. Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ № 3876/20.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01 E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А»
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru, info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60 E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01 E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-25356-01-R

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место.

Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, — много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек — ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, *человечный*.

В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

